СИДНЕЙ ФЕЙ

ВВ226
Ф226

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ТОМ
I

ОГИЗ

Государственное
Социально-Экономическое Издательство
Москва — Ленинград
1934

СИДНЕЙ ФЕЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Том I

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО С. СОКОЛОВА И А. СПЕРАНСКОГО

С ПРЕДИСЛОВИЕМ А. ПОПОВА

2экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2809

ВВ226
Ф226

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

140/4 282796
У

Сидней Фей
Происхождение мировой войны

Редактор Н. Л. Рубинштейн. Техредактор Л. Кошутина

Сдано в набор 23/VIII-33 г. Подписано к печати 25/XII-33 г.
Формат 62×94/16 Тираж 10.000 экз. 24¼ п. л. 56.000 зн. в п. л.
Уполномоченный Главлита Б—35065. Зак. 120.

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательство ЦК ВКП(б)
Партиздат, Москва, Краснопролетарская, 26.
Отпечатано с матриц в (39) Интернациональной типографии Мособлполиграфа, пр. Скворцова-Степанова, 3.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Фей—буржуазный историк, пацифист с явно выраженным германофильским уклоном, характерным для определенных кругов американской империалистической буржуазии в связи с обострением после войны англо-американских противоречий и соперничества.

Особенности эклектично-идеалистической методологии Фея показаны в предпосланном нашему изданию предисловии А. Попова.

Издание двухтомной работы Фея оправдывается только тем огромным сводом фактического материала и дипломатических документов, который он дает в своей работе, хотя само собой разумеется, он лишь односторонне и поверхностно отражает глубокие и острые противоречия империализма, вызвавшие мировую бойню 1914—1918 гг. Как обширный тематически и хронологически сведенный подбор важнейших дипломатических публикаций книга Фея может служить пособием для советского читателя, вооруженного большевистским подлинно-научным пониманием истории возникновения империалистической войны. Без этой книги не обходится сейчас ни один историк внешней политики, так как она облегчает знакомство с огромной массой дипломатических публикаций, появившихся в результате послевоенной дискуссии империалистов о «виновниках» войны. Совсем особое место в этой литературе занимают ставшие возможными лишь в результате Октябрьской революции публикации СССР [1], разоблачающие грабительскую сущность внешней политики всех империалистических держав. Эти материалы в книге Фея почти не использованы.

Для советского читателя книга Фея может послужить пособием не только для изучения предвоенной внешней политики империализма, но и для понимания подоплеки современной дипломатической игры империалистических держав, лицемерно маскирующих «Лигой наций» и конференциями по разоружению бешеную гонку вооружений, подготовку к военной развязке мирового кризиса, зловещим предвестником которой является военная авантюра на Дальнем Востоке, и подготовку вооруженного нападения империализма на СССР.

Перевод сделан со второго издания работы Фея, вышедшего в 1931 г. Дополнения, по сравнению с первым изданием, напечатаны нами как и в английском оригинале в виде приложения в конце книги.

---

[1] «Международные отношения в эпоху империализма», 1878—1917. Издание комиссии при ЦИК СССР под председательством М. Н. Покровского.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мемуарная и документальная литература по дипломатической предистории мировой войны достигла внушительных размеров. Однако на русском языке мы не имеем еще ни одной обобщающей работы по этому вопросу, не говоря уже об исчерпывающем марксистско-ленинском анализе его.

Работу Фея нужно рассматривать не как научную разработку дипломатической предистории войны, а как сводку накопившейся обширной литературы на эту тему.

Литература эта, как известно, двоякого рода: во-первых, мемуары политических деятелей с ярко выраженной ориентацией на ту или иную из империалистических коалиций; во-вторых, издававшиеся правительствами капиталистических стран в период войны и после ее окончания документации, представляющие своеобразную форму «войны документами».

В противовес этому империалистическому наследию мы имеем советскую документацию, предпринятую той страной, которая первая нашла революционный выход из империалистической войны и организацией диктатуры пролетариата противопоставила себя всему империалистическому миру. Когда Фей писал свою работу, большая советская публикация дипломатических документов еще не была известна ему. Он использовал отчасти лишь более ранние советские публикации.

Фею можно бросить также упрек в том, что он упустил ряд мемуаров, напр., Швейница (Schweinitz, Denkwürdigkeiten), Луциуса фон Бальхаузена (Lucius v. Ballhausen, Bismarcks Erinnerungen), Ламздорфа (Дневник 1886—1890 гг.) и др.

Тем не менее работа Фея представляет для нас интерес, поскольку автор использовал для нее большое количество материалов.

Привлекая громадный арсенал дипломатических источников, и охватывая широкий исторический период (1871—1914 гг.), Фей вооружает читателя большим конкретным историческим материалом.

Особенный интерес в этом смысле представляет вторая половина книги, более насыщенная фактическим материалом и имеющая поэтому несомненные преимущества перед первой. Здесь, в четвертой главе, автор развертывает перед нами картину дипломатической консолидации Антанты и обострения ее отношений с Тройственным союзом, повлекшего за собой perpetuum mobile вооружений. Вместе с тем эта глава, так же как и следующая, дает характеристику противоречий внутри обеих враждебных империалистических коалиций, вызвавших отпадение Италии от Тройственного союза и отход от него Румынии. Автор характеризует политику итальянской дипломатии, которая, ведя пере-

говоры с Австрией об отказе от заключения сепаратного соглашения по балканским делам с какой-либо третьей державой, сама тайно от Австрии подписывает в Раккониджи такое соглашение с Россией, а через несколько дней тайно от России подписывает аналогичное соглашение с Австрией. Анализируя дипломатические переговоры, связанные с ликвидацией балканских войн, автор вскрывает противоречия, существующие между Австрией, ориентировавшейся на Болгарию, и Германией, продолжавшей свою борьбу за Румынию. Он показывает, как аналогичные противоречия между грекофильской позицией Франции и болгарофильской позицией России привели в период кавальского инцидента к кратковременной комбинации—Франции и Германии против России и Австрии.

Таков в общих чертах материал, который Фей преподносит читателю. Как он его дает?

Фей—американский пацифист. Отсюда и все «качества» его концепции и методологии. Известно, что положение американской буржуазии в военный и предвоенный период было положением «четвертого радующегося», который может «положить в карман всех троих»[1]. «Американские миллиардеры—говорит Ленин—были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они наживались больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые страны»[2]. На этой почве вырос особый тип пацифистской фразеологии, классическим выразителем которой был Вильсон.

Буржуазно-пацифистские теории, подобные тем, какие проводит в своей книге Фей, разумеется, не новы. Так еще 20 лет назад английский либеральный пацифист Морель, ставший позже членом английской рабочей партии, выступил в печати с разоблачением англо-французской политики в марокканском вопросе. Рассматривая марокканский вопрос, как предмет дипломатической борьбы, которая велась между англо-французской и германской дипломатией, он свел в конечном счете все дело к тому, какая из двух борющихся сторон вела эту борьбу более «честными», «открытыми» методами, кто из империалистических разбойников был более прав в своих притязаниях на общий объект грабежа. Тяжесть обвинений Мореля падала на англо-французскую коалицию, как действующую путем «интриг» и методов «тайной дипломатии»[3]. Основной вывод работы Мореля сводился к тому, что источником зла, «отравляющим международную атмосферу», являются методы «тайной дипломатии».

Идя следом за Морелем, Фей основную причину войны видит в существующей в Европе «системе тайных союзов». «Война,—говорит он,—была вызвана системой международной анархии, выражавшейся в союзах, вооружениях и тайной дипломатии». Однако Фей, не в пример своему предшественнику на исторической арене англичанину Гучу[4], откровенному антантофилу и англофилу, пытается обнаружить максимум «беспристрастия» и «объективизма». Это выражается у него

---

[1] М. Покровский, Как русский империализм готовился к войне, журн. «Большевик» № 9, 1924.
[2] Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 179.
[3] Э. Морель, Десять лет секретной дипломатии, Москва. Гиз, 1924.
[4] Г. П. Гуч, История современной Европы, изд. Гиз, 1925.

в отрицательном отношении к «недемократическим» странам—прежде всего к Австрии и еще больше к России. Учет настроений, которые, в связи с огромными финансовыми вложениями в хозяйство послевоенной Германии, господствовали в послеверсальский период в известных слоях американской буржуазии, поможет нам объяснить происхождение политической ориентации автора, которого в ряде вопросов можно квалифицировать как германофила. Большое влияние на автора оказали материалы «Grosse Politik». Надо отметить также, что у автора, в основном германофила, звучат иногда, несмотря на обострение англо-американских отношений, и англофильские нотки.

Морализируя об «ответственности за войну» тех или иных руководящих политических деятелей, Фей недалеко ушел от авторов империалистических трафаретов о «виновниках войны». Будучи убежден, что война была вызвана «системой тайных союзов, которые создавались и проводились отдельными людьми, Фей сосредоточивает все свое внимание на вопросе об ответственности тех или иных государственных деятелей в подготовке катастрофы. Благодаря этому социологический анализ причин войны, подменивается у Фея психологическим анализом. Это предопределяет весь план работы Фея и влияет на произведенный им подбор фактов. Стоя на своей морализирующей, психологической точке зрения, Фей недооценивает ведущей роли англо-германского антагонизма в деле подготовки войны. Эта же концепция мешает ему понять истинную сущность империалистической политики Америки, по поводу которой М. Н. Покровский в свое время заметил, что приходится спрашивать не о том, почему она «вмешалась» в войну в 1917 г., а о том, «почему она не вмешалась тремя годами раньше».

Игнорирование автором исторической роли САСШ в развитии империалистических противоречий предвоенного периода, несомненно, является одним из самых серьезных недостатков его книги. САСШ еще к концу прошлого века заняли одно из первых мест на мировом рынке, связали свое имя не только с судьбами островов Карибского моря и островов Великого океана, но и с «подвигами» европейских соединенных отрядов в Китае в эпоху боксерского восстания, принимали деятельное участие в подготовке русско-японской войны и не менее деятельное участие в ее ликвидации, в 1909—1911 гг. проявили инициативу и играли руководящую роль в деле финансового и политического закабаления Китая и вызвали острое недовольство английских империалистов своей концессионной политикой на ближнем Востоке.

Даже борясь за проведение своей панамериканской монополистической программы в пределах только американского материка, САСШ тем самым уже не могли не входить в столкновение с империалистическими интересами Англии и Германии: история стран Южной Америки, история борьбы вокруг мексиканской нефти служат тому доказательством. Накануне надвигающейся мировой войны САСШ готовятся стать главным интендантом империалистических хищников. Во всяком случае несомненно, что игнорировать в истории происхождения войны эту сторону дела, значит позабыть о материальной и финансовой базе военных операций Антанты, значит не понять последующих событий.

Идя от факта к факту, от документа к документу, опираясь исклю-

чительно на дипломатические источники, которые дают преимущественно лишь внешнюю сторону деятельности международной дипломатии, Фей, как типичный представитель ползучего эмпиризма, не идет далее поверхности описываемых им событий дипломатической жизни.

Так, трактуя проблему англо-французского сближения, Фей рассказывает, как Делькассе удалось в 1900 г. привлечь членов британской торговой палаты в Париж, как успех устроенного для них банкета создал почву для сближения, после чего начались дипломатические переговоры, связанные с договором об арбитраже, который «должен был устранить возможные причины трений и сделать будущее обеих стран независимым от опасных проявлений народных настроений».

Далее, у него на сцену выступает Эдуард VII со всеми свойствами своего «обаятельного, общительного характера» и со своими «симпатиями к французской культуре»...

Плотина оказывается прорванной—французы забывают о Фашоде.

Таким образом, большую проблему образования одной из империалистических коалиций Фей пытается объяснить, исходя из чисто психологических моментов.

В этом же духе автор трактует происхождение англо-русского соглашения 1900 г. После свидания с Эдуардом VII во время русско-японской войны Извольский становится защитником идеи англо-русского «согласия», которая была встречена сочувственно «и некоторыми русскими либералами». «Полный честолюбивых расчетов» и польщенный выпавшей ему ролью, Извольский с бешеной энергией, подобной той, которую проявил в этом деле и Делькассэ, принимается за проведение разрабатываемой им программы, и, поддерживаемый английскою дипломатией, добивается подписания соглашения 31/VIII 1907 г. Между прочим Фей дает совершенно неожиданную характеристику этого дипломатического акта, как определенно невыгодного для Англии. Он считает, что в результате этого соглашения Англия «утратила независимость своих действий в Персии», превратилась в сообщника в деле разрушения «финансовой и политической независимости империи шаха», и скоро оказалась «втянутой в орбиту русской агрессии и интриг».

Находясь в плену у дипломатических документов, не умея научно разобраться в них, Фей в данном случае, как и во многих других, извращает историческую действительность и в полном соответствии со своими политическими симпатиями дает выход своему «руссофобству». На этих же страницах Фей впервые вводит в свой лексикон термин «империализм», применяя его к политике русской дипломатии.

Целиком доверяя германским источникам, Фей принимает за чистую монету все «великодушные» обязательства, данные царю по вопросу о проливах в 70-х годах прошлого века Бисмарком, создавшим одновременно направленную против России средиземно-морскую Антанту. Точно так же автор целиком принимает германскую официальную версию по вопросу о франко-германских отношениях 70-х годов.

Главные действующие лица Фея—дипломаты. Они живут у него в сфере глубоких «эмоций», они действуют часто, как это обычно изображается в мемуарах эксдипломатов, под влиянием ярко выраженных аффектов. Здесь мы встречаем порывы «великодушия» и острое «чувство озлобления», и приступы «раздражения» и «длительное состоя-

ние недоверия», и, просто акты врожденной «нечестности». Всякий раз, когда автор пытается объяснить какой-нибудь факт, когда он хочет быть историком, а не только референтом дипломатической переписки, он искажает исторический процесс, объясняя события в конечном счете эмоциональными и волевыми импульсами дипломатических чиновников различных рангов. Так например, Сольсбери «приходит к выводу», что поддерживать неприкосновенность дряхлой турецкой империи нет смысла, и это решение определяет английскую политику в восточном вопросе. Прямо противоположная в этом вопросе политика Германии определяется позицией живущего в мире интриг Гольштейна. Когда в 1898 г. Чемберлен предлагает Германии заключить союз, расчетливый Бюлов приходит к решению об отклонении предложения, и это в сочетании с «подозрительностью кайзера в отношении британской честности» решает судьбу английского предложения. «Пуанкаре являлся не только воплощением идеи национального пробуждения», но «своей решительностью, твердостью и одаренностью он сделал больше, чем кто-либо другой, для укрепления и стимулирования этого национального духа».

Подоплеку франкофильской политики ген. Обручева Фей видит в том, что жена Обручева была француженкой. Характерно для Фея также объяснение «неустойчивости», проявляемой в течение последних 4 лет перед войной русским дипломатическим ведомством: вступивший в 1910 г. в управление министерством Сазонов питал к Германии «личные симпатии», его бабкою была немка и среди немцев он имел много друзей; в то же время, «робкий по натуре и не слишком уверенный в твердости своего положения, он жил в вечном страхе перед общественным мнением».

Безусловно самой неудачной во всей книге Фея является та глава, которая посвящена наиболее отдаленному периоду 1871—1890 гг. В этой главе Фею пришлось между прочим дать картину зарождения франко-русского союза. В ряде смежных глав автор привлекает материал о заключавшихся в тот период русских займах во Франции и о русско-германской таможенной войне, даже не пытаясь подойти глубже к объяснению причин начавшегося сближения.

Переходя к конкретному описанию событий, предшествовавших заключению франко-русского союза, Фей возвращается к методам «психологического анализа» и говорит о «раздражении», которое охватило Александра III под влиянием избрания Фердинанда на болгарский престол; о тяжелых «подозрениях», овладевших царем в связи с германской политикой на Ближнем Востоке; далее, он описывает, как после неоднократных свиданий приехавшего в Петербург ген. Буадефра с женатым на француженке Обручевым под торжественные звуки марсельезы был заключен союз, который, по мнению автора, «создал здоровый противовес Тройственному союзу».

Обзор событий, связанных с ближневосточным кризисом 1878—1879 гг., Фей сопровождает таким заключением: «Взаимное личное раздражение между обоими министрами иностранных дел (русским и германским.—*А. П.*), и ожесточенные нападки прессы одной стороны на прессу другой положили на время конец тому состоянию гармонии и сотрудничества, которые были целью соглашения трех импе-

раторов». Говоря о росте милитаризма в Европе в 80-х годах, Фей объясняет это явление «секретностью» бисмарковской системы союзов... Когда, после посещения кайзером Танжера, Англия увидела, что ее новая союзница Франция находится под угрозой, «здоровый спортивный дух англичан» не мог, по замечанию Фея, вынести такого зрелища. «Англичан раздражал также,—добавляет при этом Фей,—быстрый рост германского флота, глухое политическое и экономическое соперничество, существовавшее уже несколько лет в Африке, Турции и повсюду на земном шаре...»

Далее автор переходит к подробному изложению всех перипетий переговоров о морском соглашении.

Но уже приведенные цитаты вскрывают перед нами «методологию» Фея. Англо-германский антагонизм, одно из острейших предвоенных империалистических противоречий, безнадежно расплылся у него в элементах «спортивной» психологии англичан...

Характерным для Фея, как для типичного эклектика, является неумение отделить существенное и главное в данной проблеме от второстепенного и случайного, имеющего чисто внешнее к ней отношение.

Не приходится доказывать, что предистория мировой войны, потрясшей основы буржуазного мира и положившей начало общему кризису капитализма, не могла найти правильного отражения в работе буржуазного историка Фея. Как истый представитель современной буржуазной науки, Фей неспособен к подлинно научному, т. е. диалектическому, подходу к историческим фактам, он страшится сколько-нибудь широких обобщений и выводов из данных своего анализа.

Политически отнюдь не случайна гипертрофия у него «психологического». Не случайны постоянные ссылки Фея на «роковые» ошибки европейской дипломатии, будь то «ошибка» представителей нового курса германской политики, в 1890 г., не шедших на соглашение с Англией, будь то «ошибка» руководителей английской политики, вступивших в 1905 г. в переговоры по военно-морским делам с Францией, или «ошибка» германского руководства, отвергнувшего во время второй Гаагской «мирной» конференции английские предложения об ограничении вооружений. Не случайна та снисходительность, какую проявляет Фей по отношению к руководителям английской и даже французской дипломатии, и та суровость, с какою автор относится к русской и австрийской дипломатии: «Сазонов и Извольский—говорит он—меньше других заботились о сохранении «европейского концерта», и граф Берхтольд меньше всех других». Не случайно также и то, что Фей придает такое значение Потсдамскому соглашению 1911 г., и та сентенция, какая вырывается у него по поводу мирного разрешения русско-германского конфликта, создавшегося в конце 1913 г. в связи с прибытием миссии Лимана фон Сандерса в Константинополь: «История с фон Сандерсом,—пишет Фей,—дает нам яркий пример того, каким образом, при добром желании обеих сторон, может быть найден выход даже из критического положения; его удовлетворительное разрешение есть доказательство того, что война не «неизбежна». «Возможно,—говорит Фей по поводу Лондонской конференции послов, заседавшей в 1912 г. в период балканского кризиса и принимавшей тогда меры к локализации возникшего пожара,—что, если бы подоб-

ная конференция была устроена в июле 1914 г., она могла бы предотвратить катастрофу».

Историк не может не быть политиком, и политическая концепция Фея выступает при ближайшем рассмотрении его работы совершенно отчетливо.

Война, по мнению Фея, явилась результатом «системы тайных союзов», той системы, которая проводилась находившимися у власти политическими деятелями. Война, по его мнению, обнаружила всю неудовлетворительность политических комбинаций, создавшихся в результате ряда ошибок ответственных политических деятелей. Вывод напрашивается сам собой: при соответствующем изменении этой системы, если бы руководящим политическим деятелям Европы удалось притти к иным политическим комбинациям, которые остановили бы рост милитаризма, если бы, ясно сознавая всю важность сохранения европейского концерта, они действовали бы с большой решительностью и твердостью, парализуя нежелательную агитацию прессы и крайних воинственных партий, если бы среди них не было явно дефективных субъектов, в роде Делькассе, Извольского и Вильгельма, если бы в делах международной политики удалось парализовать влияние таких недемократических стран, как Россия и Австрия,—при этих условиях капиталистическому миру удалось бы избегнуть войны 1914—1917 гг. Так рассуждает Фей.

Концепция, как видим, полностью выдержана в духе буржуазного пацифизма. С устранением с международной арены таких недемократических и империалистических держав, как царская Россия и Австрия, с отстранением от ответственной политической работы дефективных субъектов типа Извольского, с учетом всех тех «роковых» ошибок, какие были допущены старой дипломатией, склонной к тайному методу разрешения вопросов,—международные перспективы должным образом организованного капитализма оказываются отнюдь не безнадежными.

Эта «пацифистская» концепция Фея весьма последовательно приводит к тем же выводам, к которым еще до войны и в первый период ее возникновения приходил испуганный мещанин от социал-демократии, нынешний теоретик социал-фашизма К. Каутский. Игнорируя коренные противоречия капитализма на его империалистической стадии, утверждая, что империализм не является «экономическою необходимостью», что агрессивная политика, милитаризм и империалистические войны не свойственны неизбежно новейшей стадии капитализма, Каутский, как известно, пришел в дальнейшем к проповеди теории ультраимпериализма, утверждавшей возможность установления вечного мира при капитализме, осуществляемого и охраняемого Лигой наций [1].

Отрицание Каутским неизбежности войн в эпоху империализма определило оценку им войны 1914—1918 гг., как случайного эпизода, как печального недоразумения в политике империалистических государств [2].

---

[1] К. Каутский, Материалистическое понимание истории, стр. 609—610, а также его новая книга «Война и демократия».

[2] Его же, Национальное государство стр. 73, 74.

Теоретик социал-фашизма, осуществляя миссию социал-демократии, как главной опоры буржуазии, скатывается к тем же выводам, к которым приходит откровенно буржуазный теоретик Фей.

Не приходится доказывать, что эти буржуазно-пацифистские теории, созданные со специальной целью—одурачить массы и притупить их революционное сознание, находятся в полном противоречии с нашим пониманием исторического процесса, приведшего к мировой войне. Не менее ясно, в каком коренном противоречии находится «метод» Фея с теми требованиями, которые предъявлял Ленин к исследованию вопроса о происхождении войны.

«Доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны,—писал Ленин [1],—содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе объективного положения командующих классов во всех воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни, можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно совокупность данных об основах хозяйственной жизни всех воюющих держав и всего мира».

«Война,—говорит Ленин [2],—есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение той же политики с записью тех изменений между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь ускоряет это развитие».

Конечно, этого не в состоянии даже понять буржуазный пацифист Фей, остающийся лишь на поверхности истории дипломатических отношений.

В чем же суть того направления политики, которое свойственно эпохе монополистического капитала? «Империализм,—пишет Ленин,—есть последняя ступень в развитии капитализма, когда он дошел до того, что поделил весь мир между собой, и в мертвой схватке схватились две гигантские группы» [3]. «Капитализм,—писал Ленин в 1920 г.,—перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой добычи происходит между двумя—тремя всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю» [4].

В той документации, которую привлекает Фей, можно найти и материал, связанный с разделом мира и грабежом его капиталистическими хищниками. Только материал этот в интерпретации Фея выступает не как основной, определяющий в конечном счете всю политическую линию европейских держав и действующих от их лица дипломатов, а как случайный, второстепенный момент в их переписке.

---

1 Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 73—74.
2 Там же, стр. 50.
3 Там же, стр. 492.
4 Там же, стр. 74.

Не приходится поэтому удивляться тому объяснению, какое Фей дает агрессии французского капитала в Марокко, повторяя официальную версию о необходимости защиты алжирской границы от набегов разбойничьих марокканских племен.

Неудивительно также при таком подходе, если целый ряд дипломатических и военных конфликтов из-за колоний в конце 1890-х и начале 1900-х гг.—японо-китайская война 1894 г., итало-абессинская 1896 г., греко-турецкая 1897 г., испано-американская, англо-тибетская 1904 г.,—совершенно или почти совершенно выпадают из поля зрения автора; что об англо-бурской войне автор упоминает лишь мимоходом в связи с телеграммой Вильгельма к Крюгеру; что германская агрессия в Африке (война против герреро), а также поход всех европейских держав при участии САСШ против Китая в 1900 г., предпринятый под флагом усмирения восстания боксеров, оказываются совсем позабытыми, так же как и англо-русские переговоры конца 90-х гг. о разделе Китая на сферы влияния, так же как японо-американские «трения» в связи с проектом интернационализации КВЖД, так же как англо-русская борьба за влияние в Персии, или, наконец, как та борьба, которая разгорелась в предвоенный период в связи с проектами постройки балканских железных дорог.

А ведь все эти факты характеризуют развитие международных отношений в такую эпоху, когда их основным двигателем становится борьба за «передел уже поделенного мира».

В конце XIX в. старые капиталистически развитые державы, Англия и Франция, поделили между собой мир, и новые империалистические державы—Германия, САСШ, Италия, Япония оказались в этом смысле к началу империалистической эпохи «обделенными».

Именно этим определялось возникновение борьбы за передел мира, в частности, борьбы за полуколонии—Турцию, Китай и Персию. Закон неравномерного развития, этот безусловный закон развития капитализма, с особенной силой и остротой действующий в эпоху империализма, неизбежно вызывает конфликты и войны между капиталистическими державами за новый «передел уже поделенного мира».

Этой основы всяких дипломатических столкновений не может понять Фей, который обострение империалистических противоречий объясняет неудачно построенной системой тайных союзов. Неизбежно приходя к выводу о возможности борьбы за мир в рамках капитализма, Фей не способен понять этого основного положения, что войны коренятся в самой сущности капитализма; что они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй.

«Если милитаризм—дитя капитализма,—писал Ленин,—то и войны не могут быть уничтожены интригами правителей и дипломатов, и задача социалистов не будить иллюзий на этот счет, а, наоборот, постоянно разоблачать лицемерие и бессилие дипломатических «мирных шагов»[1].

Вместе с дипломатами, деятельность которых исследует Фей, он разделяет их лицемерие и бессилие. Фей бессилен понять свойственное эпохе империализма обострение противоречий капитализма, неизбежно

---

1 Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 318.

ведущее к войнам и создающее условия для революции. Поэтому он не смог понять крупнейших сдвигов в международных отношениях эпохи империализма, он не смог понять роли царской России как «узлового пункта всех... противоречий империализма», как «величайшего резерва западного империализма», «как вернейшего союзника западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д., интересы которого сплетались с интересами западного империализма в единый клубок». Он сознательно умалчивает о том, как финансово-капиталистическая «демократия» САСШ, так же, как парижская, лондонская и др., совсем не гнушаясь, пользовались царизмом для выколачивания с населения сотен миллионов процентов по займам. На эту особенность американской «демократии» Фей сознательно закрывает глаза, ибо он сам—идеолог этой империалистической буржуазии, маскирующейся «демократией» и пацифизмом.

Не понимая качественных отличий империалистических войн от войн эпохи промышленного капитализма, Фей не способен также понять нового направления международных отношений, вытекающих из новых особенностей внутренней политики империалистических стран. Он не в состоянии понять, что русская революция 1905 г., шедшая в авангарде мирового революционного движения, потрясшего всю империалистическую систему, дала мировым событиям новое направление.

«В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 г. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах—вот цепь мировых событий *нашей* эпохи, нашего «Востока»,—писал Ленин в 1912 г.[1].

Вопрос о международном значении русско-японской войны, когда «прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе»[2], вопрос о международном значении революции 1905 г., повлекшей за собой консолидацию контрреволюционных сил буржуазной Европы и пробуждение угнетенных народов Востока, вопрос о международном значении революций турецкой и персидской, вызвавших «контрреволюционную коалицию европейских держав *против* растущего демократизма в Азии»[3], вопрос о международном значении китайской революции 1911 г., давшей повод капиталистическим державам для заключения займа «*против* китайской демократии»[4], вопрос о «социальном значении сербо-болгарских побед», означавших «подрыв господства феодализма в Македонии»[5], разрушение «остатков средневековья во всей восточной Европе», «громадный шаг вперед» к решению национального вопроса[6],—все эти вопросы, связанные с «пробуждением Азии», связанные вместе с тем с «началом борьбы за власть передовым пролетариатом Европы» и «знаменующие открывшуюся в начале XX в. новую полосу всемирной истории»[7], остаются вне поля зрения буржуазного историка международных отношений.

---

1 *Ленин*, Собр. соч., т. XVII, стр. 436.
2 *Там же*, т. VII, стр. 45.
3 *Там же*, т. XII, стр. 358.
4 *Там же*, т. XVI, стр. 393.
5 *Там же*, стр. 186.
6 *Там же*, стр. 175.
7 *Там же*, стр. 384.

Имеют ли все эти вопросы непосредственное отношение к проблеме происхождения мировой войны?

С точки зрения концепции, рассматривающей войну, как своего рода «скандал в благородном семействе», как печальное недоразумение, происшедшее в рассчитанном на вечное существование капиталистическом обществе в результате неудовлетворительной системы дипломатических комбинаций, с точки зрения концепции, создаваемой классовыми интересами буржуазии,—вопросы эти не имеют, разумеется, никакого значения. Наоборот, мимо всех этих вопросов не может пройти та теория, которая исходит из «точного учета исторически конкретной и прежде всего экономической обстановки»[1], которая стремится определить «истинный классовый характер войны», которая ясно видит, что «весь мир разделяется на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих»[2], та теория, которая империализм рассматривает как «канун социальной революции пролетариата»[3] и которая к каждому историческому факту подходит с точки зрения революционной борьбы международного пролетариата и основною своей целью ставит «выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества»[4].

Известно, что развивая и углубляя точку зрения Маркса на роль и значение проблемы международных отношений, Ленин учил отводить этой проблеме должное место.

М. Н. Покровский не мало потрудился над тем, чтобы поставить вопросы изучения истории внешней политики на должную высоту, ведя борьбу за ленинизм в исторической науке, требуя конкретно-исторического анализа каждой проблемы внешней политики. С таким конкретным историческим анализом не имеет ничего общего «анализ» Фея, хотя и использовавшего для своей работы большой конкретно исторический материал.

Работа Фея, отразившая кризис буржуазной исторической науки и идеологическое загнивание буржуазии, является типичным образцом буржуазной методологии.

С этой стороны работа Фея является для нас предупреждением против того ползучего эмпиризма в работах по внешней политике, против того увлечения чисто «дипломатической» историей, против того отрыва внешней политики от классовой борьбы, от «политики вообще», которое проникает нередко и в нашу литературу.

Указывая на роль и значение факторов международной жизни в истории, Ленин вместе с тем был жесточайшим врагом их трактовки под углом зрения самодовлеющего развития, как делает в своей работе Фей. «С точки зрения марксизма, т. е. современного научного социализма»,—говорил Ленин,—«основной вопрос при обсуждении того, как следует оценивать войну и как следует относиться к войне, основной вопрос состоит в том, из-за чего эта война ведется, какими классами она подготовлялась»[5].

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 286.
[2] Там же, стр. 351.
[3] Там же, т. XIX, стр. 77.
[4] Там же, т. XVI, стр. 331.
[5] «Правда», № 93, 1929 г. Ленин, «Война и революция».

Когда, в феврале 1906 г., на трибуне Гос. Думы впервые появился царский министр иностранных дел и впервые ознакомил страну с программой царской внешней политики, и когда лидер октябристов Гучков, выступив вслед за министром и поговорив об экономии средств и о свободе печати, поддержал его в международных вопросах, Ленин, посмеявшись над «большим парламентским днем», отметил [1]: «зато о связи внутренней и внешней политики г. Гучков сказал правду, т. е. выболтал истинную подкладку того комедийного действия, в котором занималась дума... И Гучков и Извольский хотели «показать Европе и всему миру, что перед «внешним врагом» стоит «единая Россия», «умиротворяющая горстку бунтовщиков», заслуживающая... «получения займа, без которого грозит банкротство и крах всей столыпинской политике царизма...».

«Выделять «внешнюю политику» из политики вообще,—формулировал Ленин свое положение во время спора с Киевским [2],—или тем более противополагать внешнюю политику внутренней—есть в корне неправильная, не марксистская, не научная мысль» [3].

Анализ всякой внешне-политической конъюнктуры может быть правильным лишь при условии, если он опирается на классовый анализ тех политических сил, какие действуют на международной арене.

Фей дал нам яркий пример того, как можно обесценить разработку ценнейшего конкретно исторического материала, отрывая ее от классового анализа, и уже, конечно, полностью игнорируя тот основной принцип, который Маркс клал в основу своего отношения к проблемам международной политики.

«В Европе,—писал Маркс,—существует еще шестая держава, которая в известные моменты утверждает свое господство над всеми пятью, так называемыми «великими державами» и «каждую из них» приводит в трепет. Эта держава—революция» [4].

Когда эта шестая держава в виде диктатуры пролетариата укрепилась на территории бывшей тюрьмы народов—царской России, Ленин охарактеризовал новую историческую обстановку так: «Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской российской республики» [5]...

Намечая основные проблемы, стоящие перед VI Конгрессом Коминтерна, т. Сталин указывал на три группы ведущих противоречий, характерных для нашей эпохи: на противоречия, существующие в лагере капитализма, на противоречия между империализмом и колониями и на противоречия между капиталистическим миром и СССР. То противоречие между «двумя мирами», между «двумя антиподами», которое «не ослабевает, а усиливается», которое «не может не быть чревато опасностью интервенции» [6].

---

1 Ленин, Собр. соч., т XII, стр. 153 — 155.
2 Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 207.
3 М. Н. Покровский, Внешняя политика России в XX в., стр. 7.
4 Маркс и Энгельс, Европейская война, Собр. соч., т. IX.
5 Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр., 286, 287.
6 И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 430, изд. 4-е дополн.

Два года спустя на XVI съезде партии т. Сталин констатировал обнажение и обострение противоречий между важнейшими империалистическими странами, между странами победительницами и странами побежденными, между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами, между буржуазией и пролетариатом в капиталистических странах. Он особо подчеркивал наиболее характерное для нашей эпохи противоречие—«между капитализмом в целом и между страной строящегося социализма», противоречие, «разлагающее и расшатывающее самые основы капитализма», «вскрывающее до корней все противоречия капитализма и собирающее их в один узел».

В свете той новой эпохи, в какую вступила история, с особенной яркостью вырисовывается вся ограниченность буржуазной историографии, дающей в лице Фея картину международных отношений с точки зрения интересов той «горстки» эксплоататоров, которые держат в своих руках $^5/_6$ земного шара.

Тем не менее в условиях подготовки новой империалистической войны и интервенции, в условиях, требующих от пролетариата умения ориентироваться в международной политической обстановке, книга Фея по дипломатической предистории войны заслуживает внимания советского читателя, как собрание большого фактического материала по истории внешних отношений.

И хотя этот фактический материал извращен Феем и собран им под специальным углом зрения пацифизма, книга Фея даст возможность советскому читателю близко познакомиться с дипломатической оболочкой, прикрывающей борьбу за передел мира.

В главе, посвященной англо-германским переговорам о сокращении вооружений, читатель найдет типичный пример дипломатической завесы, которой буржуазия прикрывает безудержный рост вооруженний и подготовку к войне.

Страницы, посвященные довоенным разоружительным кампаниям вооружавшегося империализма, наглядно показывают, как эти кампании инсценировались именно в моменты обострения империалистических противоречий, являясь политическим прикрытием подготовки к войне. Как ни старался Фей извратить материалы, они, помимо желания автора, показывают, что особенности «пацифистских» тенденций, существовавших у различных империалистических держав, обусловливались всецело военно-стратегическими планами и расчетами каждой из них, их борьбой за утверждение своего господства. С этой стороны материалы, приводимые Феем, помимо его воли, помогают нам вскрыть исторические корни той разоружительной комедии, которая инсценируется в наши дни империалистической буржуазией в Женеве.

Если здесь паритета по всем видам вооружений требуют такие империалистические державы, которые не имеют шансов угнаться за своими более сильными соперниками (Италия, Германия), то пацифистские программы крупнейших империалистических стран (Англия, Франция, САСШ) сводятся к требованию уменьшения размеров тех категорий вооружений, которые создают могущество их империалистических соперников. При помощи своего «пацифизма» каждая империалистическая держава ведет борьбу за укрепление своих военных позиций и за снижение могущества своих антагонистов.

Возникшая в условиях обостряющихся противоречий капиталистического мира и ведущая к их дальнейшему обострению, Женевская разоружительная конференция по своим объективным результатам целиком разделяет участь своих предшественниц. Она повторяет вместе с тем всю ту систему приемов и методов, которые были свойственны довоенным конференциям, объективный смысл которых сводится к отвлечению внимания масс от политики лихорадочных вооружений, от политики подготовки войны.

Лига наций служит только ширмой, за которой происходит передел мира, за которой проводится всеобщее вооружение.

Вытекающее из принципиально неверной теоретической установки Фея выпячиванье им дипломатического момента, приводящее к исключительной насыщенности всей его книги дипломатическим бытом недавнего прошлого, может быть использовано нашим партийным и советским активом, владеющим марксистско-ленинским методом, для лучшего понимания всех приемов современной империалистической дипломатии, для лучшего понимания и разоблачения пацифистской оболочки, прикрывающей подготовку войны международной империалистической буржуазией против страны победоносного социалистического строительства.

А. Попов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Греческий историк Фукидид, описывая крушение древней цивилизации, обусловленное победой спартанского милитаризма над афинской демократией, проводит различие между более отдаленными, или глубокими, и ближайшими причинами войны. Это различие есть различие между постепенным накапливанием воспламеняющегося материала, который нагромождается в течение длинного ряда лет, и той последней искрой, которая вызывает пожар. Такое различие надо признать правильным. Оно применимо также и к мировой войне. Игнорирование его приводило часто к путанице по вопросу об ответственности за войну, так как ответственность за отдаленные причины не всегда совпадает с ответственностью за ближайшие причины. Возможно, что какое-нибудь государство повинно во многих действиях, создавших общее положение, опасное для мира, но именно это государство могло сравнительно мало способствовать окончательному взрыву войны, и наоборот.

Можно сказать, что вопрос о причинах мировой войны в течение истекших двенадцати лет прошел три стадии, причем каждая из них определяется до известной степени тем, какой материал клался в основу суждения по этому вопросу.

В течение первых двух стадий спор сосредоточивался главным образом вокруг вопроса о ближайших причинах войны, иными словами, вокруг быстрого развития событий, начиная от убийства австрийского эрцгерцога в Сараеве 28 июня и до 4 августа—начала войны между Германией и Англией. В третьей стадии однако исследователи стали изучать более полно и основательно отдаленные причины войны. На каждой из этих стадий точка зрения, с которой подходили к изучению данного вопроса, была иной, чем в предыдущей стадии. Сначала, во время войны, ученые думали возложить «вину» за совершение беспримерного «преступления» на нескольких отдельных лиц—главным образом на кайзера, пангерманцев и австрийских и германских милитаристов. Затем, после опубликования в 1919 г. более полных собраний документов, увидели, что уже нельзя поддерживать тезис Антанты об исключительной ответственности Германии и ее союзников, и те авторы, которые настаивали на «пересмотре» Версальского договора, готовы были впасть в другую крайность и возложить «вину» на руководителей Антанты—гг. Извольского, Пуанкаре, Сазонова и даже на сэра Эдуарда Грея. Наконец, по мере того как укреплялось представление о том, что все государства в большей или меньшей степени ответственны за войну, по мере того как росло внимание к изучению отдаленных причин войны, более объективно и исторически мыслящие умы не так

охотно стали принимать простое решение проблемы в форме ссылки для объяснения причин войны на какого-нибудь «козла отпущения» или на теорию «демонической личности», т .е. на «вину» того или иного отдельного человека[1]. Они обратились к более правильному объяснению, а именно к тому, что война вызвана в конечном счете системой международной анархии, выражавшейся в союзах, вооружениях и тайной дипломатии [2]. Но эта «система» проводилась отдельными людьми; их действия создали ее и привели к тому, что она дала взрыв в 1914 г. Задача будущих историков выяснить политические, экономические и психологические мотивы, побуждающие этих лиц действовать так, как они действовали. Историки перестанут говорить о «виновнике войны», поскольку ни один из государственных людей не был повинен в сознательных действиях, направленных к тому, чтобы вызвать европейскую войну. Спор историков будет итти вокруг вопроса о той «ответственности», которую каждый государственный деятель должен нести за действия, способствовавшие в конечном счете наступлению катастрофы [3]. Ввиду этого автор настоящей книги всегда предпочитает пользоваться термином «вина» вместо термина «ответственность за войну». Немецкое выражение «Kriegsschuldfrage» можно толковать в том и другом смысле.

Рассмотрим же вкратце те различные стадии, через которые прошла эта дискуссия, определявшаяся до известной степени теми материалами, на которых она основывалась.

СПОРЫ ОБ «ОТВЕТСТВЕННОСТИ» 1914—1919 г.

Поскольку дискуссия, касающаяся ответственности за ближайшие причины войны, опиралась не только на национальные предрассудки, рожденную войной ненависть и сознательное искажение истины в целях пропаганды,—она в течение войны и Версальской мирной конференции основывалась на публичных заявлениях руководящих государственных деятелей и на собраниях дипломатических документов, опубликованных всеми правительствами вскоре после июля 1914 г. Первой из таких публикаций была известная германская Белая книга [4]. Эта книга, составленная, по словам германского канцлера, «под гнетом подавляющих событий», была представлена рейхстагу 3 августа с целью доказать германскому народу, что Германия ведет оборонительную войну против нападающей России. Этот тезис казался правдоподобным; он подтверждался искусно подобранными 27 телеграммами и письмами, которые однако не были даны в их хронологической последователь-

[1] M. H. Cochran, New Phase of War Guilt Controversy, в «Current History» XXVIII, стр. 71—76, April 1927.

[2] G. Lowes Dickinson дает научное, дельное и увлекательное изложение этой точки зрения. The International Anarchy, 1904 – 1914, London 1926

[3] G. P. Gooch, Recent Relations of European Diplomacy, London 1926. Книга эта которую сам автор называет «фельетоном, а не библиографией», представляет собой прекрасный и надежный краткий обзор около 300 наиболее важных документов и других первоклассных материалов, появившихся с начала войны и относящихся к периоду 1890—1919 гг.

[4] Имеется русский перевод: Германская Белая книга о возникновении германо-русско-французской войны. Петроград 1915 г. (Прим. ред.).

ности. Для германского народа, к которому в первую очередь была обращена эта книга, аргументы ее звучали убедительно, и он воевал, искренно веря, что ведет оборонительную войну, навязанную ему Россией. Однако за пределами Германии эта Белая книга произвела самое отрицательное впечатление. Сразу же было отмечено, что среди имеющихся в ней 27 телеграмм не было ни одной из тех, которыми обменивались Берлин и Вена, тогда как каждому было ясно, что в течение июльского кризиса должен был происходить весьма оживленный обмен телеграммами между обеими центральными державами. Германия утверждала, что она пыталась оказать давление на Австрию для того, чтобы побудить эту последнюю вступить в переговоры в целях сохранения мира, но в Белой книге не было ни одного документа, который подтверждал бы это. Совершенно естественно поэтому все пришли к выводу, что Германия не осмелилась открыть истину. Нельзя было довериться той аргументации, при помощи которой германский канцлер убеждал рейхстаг вотировать военные кредиты. В результате Белая книга, вместо того, чтобы убедить общественное мнение за пределами Германии в невинности этой последней, произвела диаметрально противоположный эффект. Однако, как нам теперь известно, германская Белая книга содержала в себе большую долю истины, но не полную истину. Одним из оправданий, почему в эту книгу попало лишь весьма незначительное количество документов, была физическая невозможность напечатать втечение немногих часов всю ту огромную массу телеграмм, которыми обменивались между собой правительства в последние недели, предшествовавшие войне. Но если бы даже все они были опубликованы во-время, чтобы быть представленными рейхстагу, то по краткости времени было бы совершенно невозможно прочитать и усвоить их содержание. Канцлер, очевидно, должен был сделать выборку, он отобрал те немногие письма и телеграммы, которые имели особенно большое значение и которые подтверждали его аргументацию. Поскольку это было возможно, он не включил также в Белую книгу материалы, способные задеть Англию и Францию, с которыми Германия в то время, когда составлялась Белая книга, находилась еще в состоянии мира. На это обстоятельство впоследствии часто не обращали внимания [1].

От германской Белой книги значительно отличается британская Синяя книга, представленная парламенту 6 августа 1914 г. [2]. Она содержала 159 документов [3]. Документы эти были помещены в строго хронологическом порядке и должны были говорить сами за себя. Если эту книгу сравнить с материалами, опубликованными в Германии, то она представляется более полной, правдивой и убедительной. На первый взгляд казалось, что в нее включены все документы, которые имели какое-нибудь значение. Создавалось впечатление, что сэр Эдуард Грей честно

---

[1] A. Bach, Das erste deutsche Weissbuch, в журнале «Die Kriegsschuldfrage» III, 768—776 Nov. 1925.

[2] Имеется русский перевод: Синяя книга, Европейский кризис. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне. Петроград 1914. (Прим. ред.).

[3] Два новых документа под №№ 160 и 161 были помещены в последующем издании. Ср. «B. D.», VI—XIII. Дальнейшие библиографические указания по этому вопросу и по другим упомянутым выше публикациям см. в списке сокращений.

стремился к сохранению мира, но что его попытки натолкнулись на отказ Германии от всех мирных предложений и на стремительно предпринятые действия Австрии против Сербии. Поэтому за пределами Германии многие авторы поспешно пришли к заключению, что Германия и Австрия сознательно подготовляли войну и что они одни являются за нее ответственными. Такое заключение подтверждалось документальными материалами, опубликованными другими правительствами в течение ближайших месяцев.

Опубликованная 7 августа русская Оранжевая книга[1] содержала 79 документов и подчеркивала стремление России к миру. Путем искажения и изъятия (как это теперь известно) некоторых документов книга эта скрыла правду относительно мобилизации России и возлагала ответственность за войну на центральные державы. В октябре появилась бельгийская Серая книга[2], которая в 89 документах сообщала подробности о гнусном преступлении в Германии против международного права, выразившемся в нарушении нейтралитета Бельгии.

В пятидесяти двух документах сербской Синей книги[3], изданной 18 ноября 1914 г., говорилось о том, что перенесла эта маленькая страна от угнетавшей ее Австрии. В этой книге не было ни малейшего намека на ответственность Сербии за сараевское убийство. Наоборот, она должна была свидетельствовать о невиновности Сербии и ее сожалениях по поводу этого события. Она указывала на преступный обман, при помощи которого австрийское правительство сначала убедило Европу в умеренности своих требований, а затем вдруг предъявило неприемлемый ультиматум, и наконец путем объявления войны Сербии сделало неизбежным всеобщий пожар. Совсем недавно вопрос о виновности Сербии в сараевском убийстве получил иное освещение.

Наконец 1 декабря 1914 г. французское правительство, употребив много времени для подбора большого количества документов, опубликовало свою Желтую книгу[4]. Эта книга отличалась от опубликованных до того времени документов тем, что она содержала в себе известное количество телеграмм, относящихся к периоду за несколько месяцев до убийства эрцгерцога. Эти телеграммы свидетельствовали о воинственных тенденциях и военных приготовлениях Германии и легко убеждали читателя, который наслушался уже преувеличенных рассказов о германских жестокостях в Бельгии и Франции, в том, что Вильгельм II «пришел к мысли о неизбежности войны с Францией», «веря во всесокрушающее могущество германской армии и ее верный успех». В остальном французская Желтая книга, наравне с английской Синей книгой, представлялась полным, правдивым и убедительным собранием документов, размещенных в хронологическом порядке: в них высказы-

---

[1] Оранжевая книга. Сборник дипломатических документов. Петроград 1914. (Прим. ред.).

[2] Имеется русский перевод: Серая книга. Сборник бельгийских дипломатических документов, Петроград 1914. (Прим. ред.).

[3] Имеется русский перевод: Синяя книга. Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. Петроград 1915. (Прим. ред.).

[4] Имеется русский перевод: Желтая книга. Документы, относящиеся к великой европейской войне 1914 г. Со вступительной статьей Габриеля Ганото. Петроград 1915 г. (Прим. ред.).

вались по адресу Германии и Австрии обвинения в двуличии и воинственных намерений; и наоборот, доказывались стремления Франции к миру, подтверждавшиеся например приказом об отводе французских войск на 10 км от границы. Только несколько лет спустя стало очевидным, что французская Желтая книга не вполне правдива, так как в ней пропущено несколько важных телеграмм, а некоторые телеграммы искажены [1].

Австрийская Красная книга [2], опубликованная 3 февраля 1915 г., явилась ответом на сербскую Синюю книгу; она содержала 69 документов, но наиболее важные из них к тому времени уже появились на страницах повседневной печати, а остальные проливали весьма мало света на тайные переговоры между Берлином и Веной, происходившие в связи с австрийским ультиматумом Сербии, и на неудачу всех мирных предложений. Было совершенно очевидно, что в австрийскую Красную книгу не включено много существенных документов; поэтому за пределами Австрии и Германии эту книгу, как и германскую Белую книгу, считали источником ненадежным и по существу говорящим против себя.

По мере того как из месяца в месяц борьба народов не на жизнь, а на смерть, затягивалась и становилась все более ожесточенной, росли порожденные войной ненависть, национальная вражда и развращающая пропаганда. Все это приводило к тому гибельному результату, что лишь немногие стремились или были способны к внимательному и критическому изучению даже этого документального материала, который был в то время в их распоряжении. Государственные деятели, занимавшие руководящие посты во всех странах, произносили воинственные речи, в которых доказывали невинный характер своих собственных мероприятий и возлагали всю ответственность на врага. Результатом этого было то, что в конце войны «Комиссия по вопросу об ответственности виновников войны» под председательством г. Лансинга торжественно доложила мирной конференции:

«Война была заранее задумана центральными державами совместно с их союзниками, Турцией и Болгарией, и явилась результатом действий, намеренно совершенных для того, чтобы сделать ее неизбежной. Германия в согласии с Австро-Венгрией намеренно вела дело так, чтобы обречь на неудачу все многочисленные мирные предложения, исходившие от государств Антанты».

Как признался с некоторым опозданием, 5 лет спустя, один из членов этой комиссии г. Дж. Б. Скотт, в работах этой комиссии, «к несчастью, никому из немцев не позволили принять участие». Правда, германской делегации формально было разрешено представить германскую Белую книгу об ответственности виновников войны [3], составлен-

---

[1] Наиболее полная и суровая критика этой книги принадлежит. G. Demartial-L'Evangile du Quai D'Orsay, Paris 1926. Германское издание «Das Französische Gelbbuch von 1914» (Berlin 1926) дает французские документы, которые были опубликованы с 1914 г. и содержит ценные примечания в отношении остальных документов.

[2] Имеется русский перевод: Красная книга, Австро-венгерская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. Петроград 1915. (Прим. ред.).

[3] Ist Deutschland schuldig? Deutsches Weissbuch über die Verantwortlichkeit der Urheber des Krieges, Berlin 1919.

ную известным историком профессором Гансом Дельбрюком, профессором Мендельсоном-Бартольди, графом Монжела и профессором Максом Вебером. «Книга эта является официальным документом, значение которого нельзя не признать и не следует преуменьшать», как правильно замечает г. Скотт в английском переводе этой книги, изданной в 1924 г. фондом Карнеджи в пользу международного мира. Книга эта содержала новые ценные данные, имевшие своей задачей доказать, что обвинения, сформулированные комиссией, исторически неправильны и морально несправедливы. Однако комиссия не обратила на это никакого внимания, и Германия была принуждена принять формулу победителей, изложенную в ст. 231 Версальского договора.

«Союзные и ассоциированные правительства объявляют, и Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за все причиненные ими потери и весь ущерб, понесенные правительствами Антанты и присоединившихся к ним государств и их подданными, вследствие войны, навязанной им нападением Германии и ее союзников.

СПОРЫ ОБ «ОТВЕТСТВЕННОСТИ» ПОСЛЕ 1919 г.

а) НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ БЛИЖАЙШИХ ПРИЧИН ВОЙНЫ

Вторая стадия вопроса о ближайших причинах войны началась с момента опубликования документов Каутского. Эти документы и другие новые документы и мемуары, о которых упоминается ниже, показали, что Германия не замышляла и не хотела европейской войны. Мало по малу ученые всех стран признали, что хотя Германия и ответственна за то, что безрассудно ободряла Австрию в ее выступлениях против Сербии, но она предполагала (ошибочно, как это оказалось впоследствии), что конфликт может быть «ликвидирован», когда же начало становиться очевидным, что «локализация» сомнительна и что может вмешаться Россия, то Германия пыталась удержать Австрию и прилагала искренние усилия к тому, чтобы помешать австро-сербскому конфликту превратиться в мировую войну. Каковы же новые документы и мемуары, на которых основывается эта новая точка зрения?

Документы Каутского[1], опубликованные в декабре 1919 г., были результатом германской революции, совершившейся в конце войны. Новая германская республика поставила старого вождя социалистов, Карла Каутского, на пост помощника государственного секретаря по иностранным делам. Ему было поручено издать все документы германского министерства иностранных дел, которые могли бы пролить свет на вопрос о причинах мировой войны. Он и его помощники заботливо переписали, разместили и разметили в 18 томах огромную массу архивных бумаг, содержащую дипломатическую переписку за время июльского кризиса 1914 г. В противоположность тощей германской Белой книге с ее 27 документами издание Каутского насчи-

[1] Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, von Karl Kautsky, Graf Max Montgelas und Prof. Walter Schücking, 4 B-de, Charlottenburg, 1919. Новое дополн. изд. 1927 г.

тывает 1123 документа, из которых 937 даны полностью, а остальные в достаточно полных выдержках. Письма и телеграммы размещены в строго хронологическом порядке и должны говорить сами за себя. Издатели только прибавили нужные примечания, указатели и точно отметили дни, часы и минуты, когда каждый документ был отправлен и получен. Эта необычайно тщательно и с небывалой полнотой составленная коллекция, содержащая подробную информацию, которой к сожалению нехватало в документах, опубликованных в начале войны, позволяет теперь довольно точно определить, что именно было известно германским государственным деятелям в тот момент, когда ими предпринималось то или иное действие. Эти документы впервые позволили беспристрастно и со знанием дела судить о побуждениях, добросовестности и способностях людей, руководивших германским государством в 1914 г. Они впервые дали основу для научного изучения вопроса о непосредственной ответственности за войну. Они показали ученым, что в решающие последние дни на пороге войны Германия действительно делала серьезные усилия, чтобы предупредить ее, что она была виновна в непродуманных и ошибочных суждениях, способствовавших воспламенению горючего материала, который накапливался в течение целого ряда лет. Они показали далее, что представление о том, будто Германия сознательно замышляла мировую войну, было чистым вымыслом.

В Вене Р. Госс (D-r R. Goss) проделал в австрийском министерстве иностранных дел ту же работу, какую Каутский сделал в германском. В противоположность 69 документам первоначальной австрийской Красной книги трехтомная австрийская Красная книга 1919 г. д-ра Госса содержит 352 документа[1]. Эти документы доказали все безрассудство дипломатии, позволившей Австрии втянуть Германию в мировую войну, которой сама Австрия не желала, но на которую она в то же время сознательно шла, решившись положить предел опасности, грозившей ей со стороны Сербии.

В Москве большевики воспользовались своим приходом к власти и опубликовали в газете «Правда» в течение зимы 1917/18 г. ряд тайных договоров и других документов, которые раскрыли империалистические и милитаристические стремления павшего царского режима в период 1881—1917 гг.[2]. В 1922 г. эти документы были дополнены советским правительством объемистым и представляющим огромную ценность собранием «Материалов по истории франко-русских отношений 1910—1914 гг.». Это собрание между прочим содержит полный обмен телеграммами между русским министерством иностранных дел и русским посольством в Париже в промежуток времени от 24 июля до 2 августа 1914 г.[3]. Барон фон Ромберг напечатал эту серию телеграмм, сопоставив ее с телеграммами, напечатанными в русской Оранжевой книге 1914 г. Для первой группы телеграмм он воспользовался

---

[1] Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Kriege 1914: Ergänzungen und Nachträge zum Österreichisch—Ungarischen Rotbuch, B. III, Wien, 1919.

[2] См. перевод в «Dokumente aus den russischen Geheimarchiven soweit sie bis zum Juli 1918 eingegangen sind», Berlin 1918.

[3] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.». Москва 1922, стр. 513—526.

красным шрифтом, а для второй—черным,—в результате чего эта книга [1] дает разительные доказательства лжи и обмана, при помощи которых русское правительство пыталось в 1914 г. отвести от себя ответственность за войну. Царское правительство не только не опубликовало половины телеграфной корреспонденции между Парижем и Петербургом, в том числе несколько телеграмм большой важности, но даже в опубликованных телеграммах были опущены важные места и в некоторых случаях намеренно добавлены вымышленные слова. Эти советские разоблачения поколебали доверие ученых к полноте и надежности остальной антантовской документации, принимавшейся за пределами центральных держав в качестве веского доказательства невиновности Антанты и виновности Германии.

Неполнота и ненадежность царской русской Оранжевой книги была кроме того доказана в 1922 г. опубликованием в большевистском историческом журнале «Красный архив» [2] всей корреспонденции между Петербургом и русским посольством в Берлине в течение июля месяца 1914 г. Вместе с этими документами там же опубликована обширная записка, написанная русским поверенным в делах в Берлине Броневским немедленно по его возвращении в Россию в начале войны, в которой он подробно рассказывал о событиях, имевших место в Берлине во время последних дней его пребывания в этом городе.

В 1923 г. была найдена и опубликована большевиками «Поденная запись министерства иностранных дел», составленная бароном Шиллингом [3]. Этот дневник дал новую и живую картину действий и разговоров русского министра иностранных дел Сазонова в промежуток времени между 16 июля и 1 августа 1914 г. Дневник представляет собой совершенно исключительную ценность потому, что Шиллинг был доверенным помощником Сазонова (Chef de Cabinet) в министерстве иностранных дел и немедленно записывал беседы, о которых он слышал от своего начальника и о которых не упоминают другие русские источники. Барон Шиллинг помещал также в этом дневнике подлинный текст или сокращенное изложение важных телеграмм, которые поступали в министерство или отправлялись министерством, но которые не были напечатаны в русской Оранжевой книге и оставались до последнего времени неизвестными. В предисловии к английскому изданию этого дневника (в переводе майора Бриджа) барон Шиллинг находившийся тогда в Лондоне, подтверждает его подлинность и огромную историческую важность и дает интересные подробности того, каким образом он составлялся [4].

Благодаря этим большевистским изданиям мы теперь имеем достаточно полное собрание документов русской дипломатической переписки,

---

[1] G. von Romberg, Die Fälschungen des russischen Orangebuches. Der wahre Telegrammwechsel Paris — Petersburg bei, Kriegsausbruch. Berlin — Leipzig 1922.

[2] «Красный архив» I, стр. 163 и сл.

[3] «Начало войны 1914 г.», поденная запись б. министерства иностранных дел в «Красном архиве». IV, стр. 1—62.

[4] Major W. Cyprian Bridge, How the War began in 1914. Being the Diary of the Russian Foreign Office, London 19 5, стр. 11—17. В дальнейшем я называю эту запись «дневником Шиллинга», но не всегда следую тексту английского перевода который иногда не совсем точен: напр. телеграммы под №№ 1504—1509 (стр. 36) относятся к 26, а не к 25 июля.

относящейся к июльскому кризису. Она состоит более чем из 200 телеграмм вместо сбивчивых и частью искаженных 79 документов Оранжевой книги 1914 г.[1]

Некоторые авторы, стоящие на стороне Антанты, как например Грелинг, Ромье и бывший президент французской республики Пуанкаре, пытались поставить под сомнение честность и надежность новейших публикаций германских, австрийских и русских архивов[2], ибо эти новые документы заставили ученых признать, что Германия была гораздо менее виновна и что по адресу России и Франции можно направить гораздо больше упреков, чем это казалось раньше, но никто из них не мог сколько-нибудь удовлетворительно доказать, что указанные выше документы в какой бы то ни было степени вымышлены или подделаны. Напротив того, все новые материалы представляют нечто органически целое, и одна часть их подтверждает другую. Кроме того одним из лучших доказательств того, что эти документы являются подлинными и что издатели социалисты вовсе не старались снять вину с Германии, Австрии и России, является тот факт, что каждый из них пытался возложить ответственность за войну на свое собственное прежнее правительство. Любопытно видеть, как в своих работах они, основываясь на документах своих национальных архивов, стараются показать, что привлекать к ответственности за мировую войну следует прежде всего их прежних империалистических правителей[3].

Каутский говорит, что Германия сознательно и преднамеренно толкала колеблющуюся Австрию к активным действиям против Сербии и таким образом к мировой войне. Госс утверждает, что доверчивый император Вильгельм был жертвой, принесенной на алтарь безрассудного вероломства и упрямства Берхтольда. А по словам Покров-

---

[1] Недурное германское издание этих документов было опубликовано A. von Wegerer'ом (Das Russische Orangebuch von 1914, Berlin 1925). Повидимому там все же нехватает некоторых телеграмм, которыми обменялся русский министр иностранных дел с представителями России в Лондоне, Вене и в балканских государствах; о переписке министерства с представителями России и Турции, Болгарии, Румынии и Италии с июля 1914 г. и до вступления этих государств в войну см. F. Stieve, «Das Russische Orangebuch über den Kriegsausbruch mit der Türkei» (Berlin 1926) и M. Pokrowsky, Das Zaristische Russland im Weltkriege (Berlin 1927.).

(«Das Zaristische Russland im Weltkriege» представляет перевод, под редакцией A. V. Wegerer'a, изданного Центроархивом с предисловием М. Н. Покровского сборника документов «Царская Россия в мировой войне», т. I. (Прим. ред.).

[2] R. Grelling, La Campagne «innocentiste» en Allemagne et le Traité de Versailles, Paris 1922; J. Romieu, The Bolshevist Publikations and French Policy, Paris 1922; R. Poincare, The Responsibility for the War, в «Foreign Affairs» (N.—Y.) October 1925, стр. 10—11; Au service de la France, I, 186 и сл., 308, 360, 374; 11,336 111, 92 и сл.

[3] K. Kautsky, Wie der Weltkrieg entstand, Berlin 1919*, R. Gooss, Das Wiener Kabinett und die Entstehung des Weltkrieges, Wien 1919; M. N. Pokrowski, Drei Konferenzen. Hamburg 1920, и статьи Покровского в различных русских периодических изданиях; содержание этих статей дано A. von Wegerer'ом Aus Russischen Quellen, «Kriegsschuldfrage», III. 159—177, март 1925.

(См. М. Н. Покровский, Империалистская война, Сборник статей, 2-е изд., Москва 1930. Прим. ред.).

* Имеется русский перевод: Карл Каутский, Как возникла мировая война, с предисловием и вступит. статьей М. Покровского. Москва 1924. (Прим. ред.).

ского, который гораздо ближе к истине,—причины войны следует искать в вековых русских империалистических стремлениях к обладанию Константинополем, во влиянии великих князей и милитаристов, в стремлении Извольского отомстить Австрии и в том, что царский режим был вправе ожидать от капиталистических правительств Франции и Англии поддержки этих своих коварных планов.

Историк может относиться к таким партийным концепциям критически, но он может быть уверен, что никто из этих авторов не утаил преднамеренно документов, которые могли бы послужить к обвинению их прежних правителей, или подобрал материал, который мог бы их оправдать.

Основываясь на этих новых документальных данных, никто из серьезных историков не может более принимать продиктованный союзниками-победителями в 1919 г. тезис о том, что ответственными за войну являются исключительно Германия и ее союзники. Все историки признают, что ответственность должна быть поделена между различными государствами; расхождения между ними существуют только по вопросу о доле ответственности каждой из великих держав. При этом некоторые авторы—и не только в Германии,—но и в других странах, в особенности во Франции—были склонны удариться в другую крайность[1]. В силу различных соображений они пытались освободить Германию и Австрию от большей части ответственности, переложив ее на Россию, Сербию, Францию и даже Англию. Одним из оснований для этого является то, что Сербия и Франция[2] не опубликовали полностью и добросовестно своих архивных материалов, как это сделали Германия, Австрия и Россия; Англия также не сделала этого до 1 декабря 1926 г.

Однако британское правительство, поняв нежелательность дальнейшего молчания и уступая просьбам целого ряда историков, в конце концов, спустя 12 лет после начала войны, опубликовало замечательное собрание всех дипломатических документов, относящихся к июльскому кризису 1914 г.[3]. В нем содержится около 500 новых доку-

---

[1] Напр., Певе (Pevet), Демарсиаль (Demartial), Дюпен (Dupin), Морхарт (Morchardt), В. Маргерит (Victor Marguerite), Лазар (Lazare), и др. В Америке судья Баусман (Bausman), Юарт (J. S. Ewart), и Барнс (H. E. Barnes).

[2] В 1929 г. французское правительство приступило к изданию документов своих архивов. Издание это предпринято специальной «Комиссией по публикации документов о происхождении войны 1914 г.» и носит название: «Documents Diplomatiques Francais (1871—1914). (Прим. ред.).

[3] «Foreign Office Documents». June 28-th, August 4-th 1914, собранные и обработанные, со вступлением и примечаниями J,W, Headlam-Morley (они составляют XI т. «Британских документов о происхождении войны 1898—1914» изд. Гучем (G. P. Gooch) и Темперли (Harold Temperley). Из числа многочисленных критических статей и рецензий о «Британских документах» заслуживают быть особо упомянутыми следующие: H. Lutz, Lord Grey und der Weltkrieg (Berlin 1927), 171—261, 346—408 (англ. перевод 1928); Graf Montgelas в «Kriegsschuldfrage», 97—140, 443—448, (февр.—март 1927); Graf Montgelas, Britisch Foreign Policy under Sir Edward Grey (N.-Y. 1928); H. Delbrück, в «Zeitschrift f. Politik, XVI, 561—570 (май 1927); H. F. Barnes, в «Nation», (N.-Y.) CXXV, 161—163 (17 августа 1927); B. E. Schmitt в «Current History». XXV. 844—851 (март 1927); другие американские авторы в «The Saturday Review of Literature». 111. 729 и сл. 781 и сл. (апрель 16—30, 1927). Тт. I—VI этих «Британских документов», охватывающие период времени с 1898 по 1912 г., а также новые «Documents Diplomatiques Fran-

ментов и многие из тех важных частей переписки, которые не были помещены в британской Синей книге 1914 г. Эти пропущенные места документации касаются главным образом отношений Англии с Францией и Россией, ставших вскоре союзниками Англии, и указывают на полную солидарность держав Тройственного согласия. Помещенные в качестве добавления частные письма Эдуарда Грея, Артура Никольсона и Эйри Крю (из британского министерства иностранных дел) и их пометки на полях документов позволяют с той же точностью проследить развитие событий в Лондоне, с какой для Германии это стало возможным сделать при помощи «Документов Каутского».

б) МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА И ПР.

В дополнение к этим документам дипломатического характера появился целый поток мемуаров и памфлетов, написанных в свою защиту людьми, игравшими ответственную роль в 1914 г. Некоторые из этих мемуаров посвящены исключительно дипломатическому кризису, который непосредственно предшествовал войне; большая часть их затрагивает также более ранний период, касаясь и отдаленных основных причин войны. Как и следовало ожидать, почин в этом деле был положен побежденной стороной. После катастрофы Германии в 1918 г., подобно тому, как это было после разгрома Франции в 1871 г., лица, занимавшие при кайзере руководящие посты, захотели возложить ответственность на своего бывшего врага или на своих коллег.

Руководящие деятели Австрии вскоре последовали примеру своих германских коллег. А позже этот поток мемуаров пополнился мемуарами русских эмигрантов, пишущих в свою защиту, французов, неразбирающихся в положении сербов и даже сохранявших до сих пор молчание англичан. Полный перечень этих автобиографических материалов дан в книге G. P. Gooch'a «Recent Revelations of European Diplomacy», опубликованной в 1927 г. с «Дополнениями» 1928—29 гг. Мы упоминаем здесь нескольких наиболее значительных авторов.

«Betrachtungen zum Weltkriege»[1], написанные последним германским канцлером фон Бетман-Гольвегом, заслуживают более серьезного внимания, чем то, которое им было уделено; они были составлены до подписания мира, в условиях невероятного напряжения войны, человеком, уже надломленным духовно и физически. Не имея в своем распоряжении нового документального материала, Бетман продолжал придерживаться ошибочного представления, которое овладело им еще с начала войны, а именно: он полагал, что главные обвинения следует направить по адресу Англии. Книга «Причины и начало мировой войны»[2], принадлежащая перу германского государственного секретаря по иностранным делам фон Ягова, не производит впечатления

---

cais» (3 vol., Paris. 1929—30) будут представлять, когда они будут закончены, вместе с новыми австрийскими документами (9 томов, 1930) неоценимое собрание документов, которое можно сравнить только с «Die Grosse Politik», о котором речь идет ниже.

[1] Th. v. Bethmann-Hollweg. Betrachtungen zum Weltkriege (2 тома) Berlin 1919—1920. (Имеется сокращенный русский перевод: Бетман-Гольвег, Мысли о войне, перев. с предисловием В. Гурко-Кряжина, М.—Л. 1925. (Прим. ред.)

[2] G. v. Jagow, Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges, Berlin 1919.

искренности, но поясняет многое, поскольку дело идет о позиции германского министерства иностранных дел. Граф Пурталес, германский посол в Петербурге, дает вполне искренний и заслуживающий доверия отчет о последних днях, проведенных им в столице России и об его добросовестных усилиях выполнить директивы своего правительства—удержать Россию от выступления и тем сохранить европейский мир. Его книга «На распутьи между войной и миром»[1] выгодно отличается тем, что она написана на основании заметок, которые автор делал во время своего возвращения в Германию в августе 1914 г., когда все факты были еще свежи, и на основании телеграмм посольства, которые он повидимому взял с собой. Барон фон Шен, германский статс-секретарь с 1907 г. по 1910 г. и посол в Париже с 1910 по 1914 г., написал мемуары[2], отличающиеся откровенностью изложения и широтой взглядов; барон Шен является одним из немногих германских дипломатов, о которых Пуанкаре отзывается сердечно и с похвалой. Все эти авторы защищают и оправдывают политику германского министерства иностранных дел.

В отличие от этих авторов есть другие германские авторы, которые оказались крепки задним умом. Адмирал фон Тирпиц[3] в своих воспоминаниях и в более свежей и ценной книге—«Политические документы»—жестоко порицает Бетмана за его оптимизм в оценке возможности мирно договориться с Англией в годы предшествовавшие войне и за его неловкую дипломатию во время заключительного кризиса 1914 г. Злой памфлет князя Лихновского «Моя лондонская миссия»[4], написанный во время войны под влиянием предчувствия катастрофы и той критики, которой он подвергался в Германии, не всегда справедлив в оценке деятельности германского правительства и недостаточно осведомлен. За пределами Германии памфлет этот пользовался гораздо большим доверием, чем он этого заслуживает. Мемуары[5] бывшего кайзера, в которых делается неблагородная по-

---

[1] Grat Pourtales, Am Scheidewege zwischen Krieg und Frieden, Berlin 1922. Эти события изложены более полным образом в его позднейшей книге: «Meine letzten Verhandlungen in St. Petersburg, Ende Juli 1914, Berlin 1927.

[2] Freiherr von Schoen, Erlebtes; Beiträge zur politischen Geschichte der neusten Zeit. Berlin 1921.

[3] A. v. Tirpitz, Erinnerungen, Leipzig 1919. (Англ. перев. 1921). Имеется сокращенный русский перевод: А. Тирпиц. Из воспоминаний, с предисловием В. Гурко Крыжана. М.—Л. 1925 (Прим. ред.). Его же: «Politische Documenten: Der Aufbau der deutschen Weltmacht; Deutsche Ohnmachtspolitik im Woltkriege (2 тома) Hamburg — Berlin, 1924—1926.

[4] Fürst K. M. Lichnowsky, Meine londoner Mission 1912—1914. Для критики Лихновского см. G. von Jagow, Remarks, ibid. стр. 352—357. Кроме того, M. Ritter, Der Ausbruch des Weltkrieges nach den Behauptungen Lichnowskys und nach dem Zeugnis der Akten, München—Berlin, 1918. Гораздо большую ценность представляет собой обширный более поздний труд Лихновского «Auf dem Wege zum Abgrund (2 тома. Dresden 1927), охватывающий весь период его лондонской миссии и содержащий неопубликованные документы.

[5] Wilhelm II, Ereignisse und Gestalten 1878—1918, Berlin 1922. (Имеется русский перевод: Вильгельм II, Мемуары. События и люди, 1878—1918, с предисл. А. Луначарского, 1923. Прим. ред.). Равным образом не заслуживает доверия его «Comparative Tables», которые искусно были разобраны Ch. Appuhn и P. Renouvin, Introduction aux Tableaux d'Histoire de Guillaume II. Paris 1923. Гораздо, более достоверной и содержательной является его более поздняя книга «My Early Years», London 1926.

пытка свалить вину на кого угодно, только не взять ее на себя самого, изобилуют неточностями и ошибками. Историческая ценность их незначительна, если не считать того, что они выясняют психологический образ их автора и пытаются скорее затушевать, чем выяснить истину, поскольку речь идет о причинах войны. Посмертное издание «Воспоминаний»[1] генерала Мольтке в большей части состоит из его писем к жене, занимающих период в 30 лет перед войной. Июльскому кризису посвящена небольшая глава, написанная после боев на Марне, и после его отстранения от оперативного командования. В этой главе мы видим его изумление по поводу вступления Англии в войну и отчаяние, вызванное колебаниями кайзера решиться на войну, которую германские милитаристы считали «неизбежной», но которую Бетман и кайзер надеялись предотвратить.

Австрийцы с полным основанием сделали сравнительно мало усилий для того, чтобы освободиться от лежащей на них ответственности. Граф Берхтольд, более чем кто-либо другой ответственный за мировую войну, долгое время хранил молчание, если не считать немногих коротеньких и запоздалых статей, в которых он оправдывался; однако в настоящее время стало известно, что его мемуары скоро будут опубликованы. Граф Чернин, австрийский посланник в Румынии в 1914 г. и австрийский министр иностранных дел в течение войны написал интересную книгу «Im Welkriege»[2]. Хотя он в ней по преимуществу говорит о работе дипломатов во время войны, но он дал все же прекрасное описание характера и взглядов эрцгерцога Франца Фердинанда и высказал мнение, что германский посол в Вене, Чиршки, использовал свое личное влияние для того, чтобы поддержать Австрию в ее выступлении против Сербии. Д-р Фраknои[3] поведал нам кое-что об отрицательном первоначально отношении графа Тиссы к войне Австрии против Сербии, не объяснив однако удовлетворительно, почему всемогущий венгерский премьер изменил свою позицию в средине июля 1914 г. Если бы граф Тисса был жив, он мог бы рассказать без боязни правду, но он лежит в могиле, убитый на исходе войны у дверей своего дома, его уста замолкли навсегда, и недавнее издание (Венгерской академией) его архива ничего не содержит по вопросу о ближайших причинах войны. Барон Музулин, составитель австрийского ультиматума Сербии, написал прекрасную книгу, посвященную своей дипломатической карьере и своей работе в австрийском министерстве иностранных дел[4]; его книга звучит очень убедительно во всех своих частях, за исключением тех глав, в которых речь идет о его собственном участии в событиях, ускоривших наступление мировой войны. Здесь он преуменьшает падающую на его долю ответственность, и его рассказ—быть может вследствие ошибок памяти у автора—часто опровергается мемуарами его современников.

---

[1] Helmuth v. Moltke, Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1887—1916. Stuttgart 1922.

[2] Ottocar Czernin, Im Weltkriege, Berlin—Wien 1919. Имеется русский перевод: О. Чернин. В дни мировой войны, с предисловием М. Павловича. 1923.

[3] W. Fraknoi, Die Ungarische Regierung und die Entstehung des Weltkrieges, Wien 1919.

[4] Freiherr v. Musulin, Das Haus am Ballplatz, München 1924.

Граф Билинский, в обязанности которого как министра финансов Австро-Венгрии с 1912 по 1914 г. входило управление (по гражданской части) Боснией и Герцеговиной, в своих, изданных на польском языке, «Воспоминаниях и документах»[1] много говорит о своих стараниях улучшить положение в этих беспокойных провинциях. Но о приготовлениях к путешествию туда эрцгерцога, о недостаточности полицейских предосторожностей в Сараеве, об известном «предупреждении» из Сербии и о приготовлениях к ультиматуму—обо всем этом сказано гораздо меньше, чем можно было ожидать. Эти события были трагическими событиями, в связи с которыми он подвергся жестокой критике и в отношении которых он предпочел хранить молчание в последующие годы. Будучи галицийским поляком по рождению, он во время войны стал на сторону защитников независимой Польши, в связи с чем на него часто смотрели как на изменника своей прежней родине, которую—ретроспективно—он считает в сильной степени ответственной за войну. Более привлекательной по тону и более приятной для чтения по форме является книга, написанная его предшественником на посту австро-венгерского министра финансов, графом Бурианом[2]. Граф Бурян, занявший во время войны пост австрийского министра иностранных дел, не стараясь взвалить на других ответственность за войну, дает нам прекрасное представление о том отчаянном положении, в котором находилась сама Австро-Венгрия в результате растущих волнений среди населявших ее национальностей.

Кроме графа Чернина из австрийских дипломатических представителей за границей в 1914 г. оставили мемуары, представляющие известное значение, только барон Силасси, бывший посланником в Афинах, и барон Гизль, занимавший тот же пост в Белграде. Умный и с широким духовным кругозором, мадьяр, питавший симпатии к Франции и Англии, расширивший свой горизонт в дальнейшем, когда он занимал второстепенные посты в Токио, Петербурге, Константинополе и других странах, Силасси своей книгой «Падение Дунайской монархии»[3] создает впечатление, что назначение графа Берхтольда на пост австрийского министра иностранных дел было колоссальной ошибкой: это дало возможность второстепенным чиновникам в министерстве иностранных дел и милитаристам в генеральном штабе ухватиться за убийство эрцгерцога как за предлог для «неизбежной» войны с Сербией. Барон Гизль, австрийский посланник в Белграде в 1914 г., а до того в Цетинье, хорошо знал турецкий и славянский языки; его мемуары содержат весьма интересные сведения об обстановке на Балканах перед войной и сообщают некоторые подробности относительно дипломатического разрыва между Австрией и Сербией[4].

Из всех австро-венгерских мемуаров наиболее ценным для историка является объемистый труд начальника австрийского главного штаба

---

[1] Leon Bilinsky. Wspomnienia Dokumenty, 1846—1922 (2 тома). Warszava 1924—1925.

[2] Stephan Graf Burian, Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege Berlin 1923.

[3] Baron von Szilassy, Der Untergang der Donaumonarchie: Diplomatische Erinnerungen, Berlin 1921.

[4] Baron Wlad. Giesl. Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient, Berlin 1927.

барона Конрада фон Гецендорфа[1]. Труд этот в значительной своей части состоит из необработанной массы всякого рода важных документов, копии которых автор очевидно взял из официальных источников и опубликовал их в хронологическом порядке со своими собственными комментариями. Он содержит также изложенные в форме диалога разговоры, которые повидимому заимствованы из каждодневных записей в дневнике. С необыкновенной откровенностью автор рассказывает о неоднократных стараниях, которые он прилагал для того, чтобы Австрия вступила в войну с Италией и Сербией; в промежуток времени между 1906 и 1914 гг. он видел для этого много благоприятных случаев. По всей вероятности именно он, более чем кто-либо другой, в июле 1914 г. превратил неспособного и колебавшегося Берхтольда в активного сторонника войны против Сербии. Конрад является самым ярким, худшим образчиком милитариста, верящего в «неизбежность» войны, человека, всегда готового пойти на риск «превентивной» войны и употребить все свое влияние во время дипломатического кризиса в пользу быстрой мобилизации. Взгляды Конрада подверглись суровой критике со стороны двух близко стоявших к нему генералов[2].

Другим австрийским писателем, который не занимал официального положения, но который все же заслуживает упоминания благодаря своей едкой критике гражданских и военных властей Австро-Венгрии, чью деятельность он близко наблюдал, является Генрих Каннер[3], бывший редактор венской социалистической газеты «Die Zeit».

Русские автобиографические материалы почти целиком написаны лицами, руки которых больше привыкли владеть мечом, чем дипломатическим пером. Мемуары Сазонова, написанные им в изгнании, больше чем 10 лет спустя после описываемых им событий, без заметок и документов под рукой, были признаны критикой совершенно не заслуживающими доверия[4]. Кроме барона Розена[5] очень немногие русские дипломатические представители за границей оставили после себя вспоминания, касающиеся вопроса о ближайших причинах войны. Но многие из русских военачальников оставили мемуары, представляющие значительный интерес. Генерал Добропольский начальник мобилизационного отдела русского генерального штаба в 1914 г. в очень откровенной и заслуживающей доверия брошюре[6] рассказывает о том, как русские милитаристы, узнав об австрийском ультиматуме, сразу

---

[1] «Aus meiner Dienstzeit» (5 томов). Wien 1921—1925. (Критический разбор на русском языке в издании «Военный Вестник» 1927 г., в книге В. Шапошникова. Мозг армии. Прим ред.).

[2] A. Krauss. Die Ursachen unserer Niederlage, Wien 1920; Auffenberg-Komarow, Aus Oesterreichs Höhe und Niedergang, München 1924.

[3] Heinrich Kanner, Kaiserliche Katastrophenpolitik. Wien, 1922; также Der Schlüssel zur Kriegsschuldfrage, München, 1926.

[4] S. D. Sazonov. Fateful Years (N. Y. 1928) (Издано также на французском, немецком и русском языках. Прим. ред.). Весьма многие места этой книги опровергнуты F. Stieve и M. Montgelas «Russland und der Weltkonflikt», Berlin 1927, и другими авторами в «Rings um Sazonoff», Berlin 1928.

[5] Baron Rosen; Forty Years of Diplomacy (2 тома) N.—Y. 1922. Его мемуары относятся главным образом к периоду до июля 1914 г. То же можно сказать и о A. Nekludoff, Diplomatic Reminiscences (1920) и A. Savinsky, Recollections of a Russian Diplomat (1927).

[6] S. Dobropolsky, Die Mobilmachung der russischen Armee 1914. Berlin 1921.

решили, что война «неизбежна», приступили к тайным военным приготовлениям и настаивали на «всеобщей мобилизации» в самый короткий срок. Далее из книги Добропольского становится ясным, что частичная мобилизация против Австрии была простым «дипломатическим блефом», угрозой, которой Сазонов надеялся заставить Австрию отказаться от своих требований к Сербии; но русские военные власти не делали никаких технических приготовлений для такой «частичной мобилизации» и поэтому противились ей, упорно настаивая на «всеобщей мобилизации». Добропольский дает возможность установить истину по вопросу об окончательном приказе о начале русской мобилизации и вносит благодаря этому корректив в ложные показания, так смело дававшиеся генералом Сухомлиновым (бывшим в 1914 г. русским военным министром) и другими лицами во время сухомлиновского процесса в 1917 г. «Воспоминания» Сухомлинова[1], опубликованные в Германии в 1924 г., рисуют его человеком, преисполненным преданности царю, но плохо понимающим свою собственную роль, поскольку дело идет о его личном участии в роковых событиях июля 1914 г. Однако эта книга, так же, как «Дневник» Поливанова[2] и первая часть книги Данилова[3] «Россия в мировой войне», дает авторитетное и весьма удовлетворительное описание тех огромных усилий, которые делали эти лица для реорганизации и усиления русской армии, имея в виду «неизбежную» войну с Германией и Австрией. Возможно, что наиболее достоверным и точным источником для ознакомления с военными приготовлениями России в июне 1914 г. являются русские военные телеграммы, отправлявшиеся русским генеральным штабом. Более сотни этих телеграмм были позднее захвачены немцами во время войны и опубликованы в 1919 г. в книге Роберта Хенигера[4]. Пять лет спустя эти телеграммы были изданы в более полном виде с соответствующими комментариями Г. Францем[5]. Эта прекрасная книга являющаяся главным образом техническим исследованием тайных военных мероприятий, совершенно рассеивает все легенды и неправильные утверждения, которые долго держались в результате замалчивания истины французами и русскими в 1914 г. и ложных показаний на сухомлиновском процессе 1917 г.

На первом месте среди французских «апологий» стоит книга экспрезидента Пуанкаре, содержащая 6 лекций, читанных им в Сорбонне в 1921 г.[6]. Эта книга представляет собой сочинение ловкого адвоката, защищающего Францию и свою собственную политику. Фиксируя внимание главным образом на Австрии и Германии и умалчивая

[1] W. A. Suchomlinof, Erinnerungen, Berlin 1924.

[2] Günther Frantz, Russland auf dem Wege zur Katastrophe: Tagebücher des Grossfürsten Andrey und Kriegsministers Poliwanow; Briefe der Grossfürsten an den Zaren, Berlin 1926. (Сборник переводов советских изданий: 1) Дневник б. великого князя Андрея Владимировича, под. ред. В. Семенникова. Гиз. 1925; 2) А. А. Поливанов, Мемуары, под ред. А. Зайончковского. Высший военный редакц. совет. Москва 1924; 3) Николай II и великие князья, родственные письма к последнему царю, пред. В. Невского, ред. В. Семенникова, гиз. 1925. (Прим. ред.)

[3] Daniloff, Russland im Weltkriege 1914—1915, lena 1925.

[4] R. Hoeniger, Russlands Vorbereitung zum Weltkrieg, Berlin 1919.

[5] G. Frantz, Russlands Eintritt in den Weltkrieg, Berlin 1924.

[6] R. Poincaré, Les Origines de la Guerre, Paris 1921. (Имеется русский перевод: Раймонд Пуанкаре. Происхождение мировой войны, со вступит. статьей М. Н. Покровского, Москва 1924. Прим. ред.)

о многом из действий Франции и России, Пуанкаре делает правдоподобной официальную версию Антанты о виновности Германии, как она была закреплена Версальским мирным договором. Однако в замечательной статье «Об ответственности за войну», появившейся 4 года спустя в «Foreign Affairs» (Нью-Йорк, октябрь, 1925 г.), он отрекается от некоторых легенд насчет виновности Германии, неосновательность которых была полностью доказана. Но несмотря на эту уступку здравому историческому смыслу, эту статью можно подвергнуть той же критике, что и его лекции в Сорбонне. Сомнительно, чтобы его ловкая аргументация убедила кого-нибудь кроме тех, кого ни в чем не нужно было убеждать [1].

Гораздо более ценны его мемуары, первые четыре тома которых уже вышли и представляют собой блестящую защиту внешней и внутренней политики [2]. В них очень подробно, день за днем, описана деятельность Пуанкаре, начиная с 1912 г. до 3 августа 1914 г. Эти мемуары проливают свет как на отдаленные, так и на ближайшие причины войны. Пуанкаре пишет, как талантливый адвокат, полный веры в мудрость и правоту всех своих поступков. Он цитирует отдельные места из своих бесчисленных речей, произнесенных им в защиту могущества и достоинства Франции, ее любви к миру и ее лойяльности по отношению к России и Англии. Он пользуется многими неопубликованными материалами французских архивов, благодаря чему его труд приобретает огромную ценность для историка. Но часто он отвлекается в сторону, пытаясь с сарказмом и поразительной точностью в деталях опровергнуть утверждения своих критиков. Благодаря этому обстоятельству его труд часто приобретает скорее остро полемический характер, чем характер спокойного исторического исследования.

Наиболее жестокими критиками Пуанкаре были его соотечественники—Пеше, Жюде, Фабр-Люс, Конверсе, Морхардт, Виктор Маргерит, Лазар и другие менее значительные авторы. Они обвиняли его в том, что желая расчистить дорогу для таких шовинистов, как Делькассе, или марионеток, вроде Палеолога или Дюмена, он отделывался от осторожных послов вроде Жоржа Луи в Петербурге и Крозье в Вене с целью получить большую свободу в совместной работе с Извольским, направленной к тому, чтобы вызвать войну, которая должна была вернуть Эльзас-Лотарингию Франции и обеспечить России Константинополь и проливы. Многие из возражений Пуанкаре его критикам неубедительны. Ему удается разъяснить некоторые, инкриминируемые ему Извольским, заявления. Но во многих случаях он отделывается тем, что, отвлекая внимание от главных вопросов к вопросам второстепенным, просто пытается сбить с толку читателя.

По общему вопросу об ответственности за войну Пуанкаре пытается доказать, что как премьер и экс-президент он ни в чем не отклонялся от мирной политики своих предшественников. Он старается показать, что он и Жорж Луи были совершенно согласны по вопросу

[1] Ср. статью автора настоящей книги R. Poincaré and War Responsibility в The New Republik, oct. 14, 1925.

[2] R. Poincaré, Au Service de la France (4 тома), Paris 1926—1927. (К настоящему времени (апрель 1933) изданы еще пять томов. Прим. ред.)

о природе и толковании Франко-русского союза. Для всякого, кто прочел все относящиеся к этому документы, его доводы не всегда убедительны. В 1912 г., когда он был премьером и министром иностранных дел, произошла значительная перемена в смысле укрепления союза и распространения французской поддержки на те вожделения, которые Россия питала на Балканах. Однако это делалось не с целью, как утверждают многие критики, вызвать войну, в результате которой Франция могла бы вернуть себе Эльзас-Лотарингию, а с целью создать большую солидарность внутри Тройственного согласия. Поступая таким образом, Пуанкаре углубляет деление держав на два вооруженных и враждующих лагеря с тем, чтобы Тройственное согласие могло диктовать свою волю Тройственному союзу; если бы возник дипломатический кризис, Антанта могла бы спокойно итти на конфликт с Тройственным союзом и, будучи сильнее, предпочесть риск войны дипломатическому поражению. Все это в точности и произошло в 1914 г. Пуанкаре считал европейскую войну «неизбежной»; укрепляя Антанту и давая обещания России, он действительно делал ее неизбежной. И именно за это он является ответственным.

После того как Делькассе занимал пост французского посла в Петербурге в течение немногих недель в 1913 г., на это место был назначен Морис Палеолог, один из старых школьных друзей и самых преданных приверженцев президента Пуанкаре.

На первых же страницах своих мемуаров[1] Палеолог в очень живой форме описывает торжественные события и шовинистический энтузиазм, сопровождавшие визит президента Пуанкаре к царю, а также положение России накануне войны. Хотя факты, приводимые французским послом, не всегда отличаются точностью и определенностью, которых можно было бы ожидать, если бы его увлекательно написанная книга действительно основывалась на ежедневных записях в дневнике,— она тем не менее представляет собой значительную ценность для историка. Она верно передает воинственное воодушевление, вызванное в русских правящих кругах присутствием и выступлениями президента Пуанкаре. Она описывает например в драматической форме парадный банкет 22 июля, на котором две черногорские княгини (одна из них была женой великого князя Николая) радостно рассказывали Палеологу, как их отец написал им о том, что война должна начаться через месяц. Он изображает их восторг при мысли о разгроме Австрии, о получении французами обратно Эльзас-Лотарингии и о поражении и разгроме Германии. Три дня спустя, прежде чем стало известно, что Австрия отвергла ответ Сербии, как неудовлетворительный, Палеолог отправился на вокзал проводить Извольского, возвращавшегося во Францию. «На платформе было очень оживленно, поезда были набиты офицерами и солдатами. Это создавало впечатление, что мобилизация уже происходит. Мы быстро обменялись впечатлениями и пришли к одному и тому же заключению: «Да, на этот раз—это война»[2].

---

[1] M. Paleologue, La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre (3 тома) Paris 1922. (Имеется русский перевод: Морис Палеолог. Царская Россия во время мировой войны, с предисловием М. Павловича, М.— Л. 1923. Прим. ред.)

[2] M. Paleologue, La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, 1, 27.

Впечатление о том, что он симпатизировал воинственным настроениям России, поощряя их постоянными заверениями, что Франция твердо выступит на поддержку своей союзницы, подтверждается некоторыми местами документов, непопавшими в британскую Синюю книгу в 1914 г., но теперь опубликованными в новом издании британских документов.

Неинтересным по сравнению с живыми картинами изложения Палеолога, представляется бесцветное изображение событий его коллегой г. Дюменом, французским послом в Вене[1].

Для посла Дюмен обладал крайне недостаточной осведомленностью и влиянием. От трех наиболее способных французских послов: Поля Камбона в Лондоне, его брата Жюля Камбона в Берлине и Барера в Риме, мы, к несчастью, не получили полных мемуаров. Но одному предприимчивому французскому журналисту, г. Раймонду Рекули, пришла в голову счастливая мысль получить у этих лиц интервью тогда, когда их воспоминания были еще относительно свежи, и собрать все эти интервью в форме прекрасной книги[2].

Сербское правительство всегда отрицало, что оно в какой-либо мере непосредственно ответственно за убийство австрийского эрцгерцога. Но десятая годовщина этого убийства и начала войны, приведшей к созданию единой нации, о которой мечтали сербские националисты, дала повод к интересным воспоминаниям, которые вызывают некоторое сомнение в отношении официальной позиции Сербии. Люба Иованович, бывший министр просвещения в кабинете Пашича в 1914 г., не сознавая возможно вполне всего значения своих слов, сделал в 1924 г. весьма важное сообщение. В «Крови славянства»[3] он живо и просто рассказывает, что некоторые лица из состава кабинета Пашича имели сведения о заговоре в Сараеве примерно за месяц до убийства и что, несмотря на это, они не предприняли нужных шагов к тому, чтобы арестовать заговорщиков или предупредить австрийские власти о грозящей опасности. Это поразительное сообщение, исходящее от одного из членов сербского правительства, послужило толчком для появления других разоблачений или отрицаний со стороны Сербии, касающихся участия в сараевском заговоре тайной сербской военной организации, известной под названием «Черная рука» и в особенности полковника Драгутина Димитриевича. Этот отважный, самоотверженный, ребячливый герой, который кажется принадлежал по духу своему скорее к XVI, чем к XX в., стоял во главе отдела разведки сербского генерального штаба. Как основатель и руководитель сербской «Черной руки» он был самым влиятельным военным деятелем Сербии. Эти сербские разоблачения дают новое освещение австро-сербскому конфликту, и если они правильны, то они в значительной степени увеличивают ту долю ответственности, которая падает на Сербию. Эти разоблачения подтверждают то, что подозревали, но чего не могли доказать в 1914 г. австрийские чиновники. Они помогают объяснить, хотя и не оправдать, решимость Австрии энергично выступить против того,

---

[1] Alfred Dimaine, La Dernière Ambassade de France en Autriche, Paris 1921.
[2] Raymond Recouly, Les Heures Tragiques d'Avant-Guerre, Paris 1923.
[3] Статья «После дня св. Витта 1914 г.» (день убийства Франца-Фердинанда) в сборнике «Кровь славянства» (Crv Slovenstva). Белград 1924.

что считалось угрозой со стороны Сербии самому существованию Габсбургской монархии[1].

Следуя тому, что м-р Асквит называет британской тенденцией «крайней сдержанности в распространении сведений о том, что происходит внутри кабинета», британские государственные деятели долгое время сравнительно мало сообщали о той роли, какую они играли. Однако лорд Холден в книге «Before the War» (1920) с достоинством и авторитетно описывает неудачу своих попыток добиться лучших отношений с Германией в 1912 г. и свою деятельность в области подготовки английской армии для ведения войны на континенте. Лорд Лорберн, в книге How the War Came (1920), возлагает на сэра Эдуарда Грея тяжелую ответственность за войну, в виду тех тайных обязательств, которые он принял по отношению к Франции и которые действительно обязывали Англию поддерживать Францию и Россию в европейской войне. Лорд Лорберн полагает, что именно эти обстоятельства, поощрявшие агрессивные честолюбивые замыслы Франции и России, долгое время держались в тайне от английского кабинета вопреки английской конституционной практике. «Genesis of the War» Асквита (1924) дает нам очень мало материалов по вопросу об истинных причинах войны. Бывший премьер в 1924 г. писал все еще так, как будто мы не знаем ничего нового о причинах войны по прошествии 10 лет после 1914 г. Для него Германия все еще является единственно ответственной за войну. Он пишет как политический деятель, защищающий свое дело, но не как государственный деятель, стремящийся открыть истину. Тем не менее в некоторых главах своей книги он дает рассказ, разъясняющий многое о военных приготовлениях Комитета имперской обороны. Он приводит знаменательные слова, сказанные сэром Эдуардом Греем в закрытом заседании премьерам доминионов в мае 1914 г.: «Внешняя политика нашей страны в действительности определяется вопросом о господстве на море». Этот тезис был полностью подтвержден в «The World Crisis 1911—1914» Уинстоном Черчиллем, который занимал в это время должность первого лорда адмиралтейства. Черчилль дает нам много новых ценных сведений о своих мероприятиях по укреплению и увеличению британского флота, после того как Германия безрассудно отвергла британское предложение об ограничении морских вооружений.

Мемуары сэра Джорджа Бьюкенена, британского посла в России, дают мало нового о ближайших причинах войны по сравнению с тем, что мы уже знаем из британской Синей книги. Но когда автор говорит, что за одним исключением эта Синяя книга «содержит всю переписку между мной и британским министерством иностранных дел в течение тех критических дней»[2], ему можно поставить серьезно в упрек отклонение от истины: новые Британские «документы» содержат более двух десятков документов, неопубликованных в 1914 г., не считая важных абзацев, пропущенных в некоторых телеграммах и письмах. «Дневник» лорда Берти, касающийся главным образом событий после на-

[1] Некоторые из этих сербских разоблачений рассматривались автором настоящей книги в Current History, октябрь — ноябрь 1925.

[2] Sir George Buchanan, My Mission to Russia and other Diplomatic Memories (2 тома), London 1923, 1, 211. (Имеется сокр. русский перевод: Дж. Бьюкенен, Мемуары дипломата, с пред. Гурко-Княжина, изд. 2-е, Москва. Прим. ред.)

чала войны, содержит несколько важных мест, рисующих мирное настроение французского народа до тех пор, пока он не был возбужден прессой и царским послом Извольским. Касаясь этого последнего, лорд Берти помечает 27 июля: «Возвращения Извольского ждут здесь сегодня или завтра: этот человек не будет способствовать миру», и 28 июля: «Извольский сказал Грэнвилю, что война неизбежна... Он принесет много зла, разжигая здесь воинственное настроение». И позднее, 10 ноября: «Что за безумец этот Извольский... В начале войны он заявил на нее авторское право: «C'est ma guerre» («это моя война»)[1]. С этой характеристикой совпадает многое из впервые теперь опубликованного в новых «Британских документах». Из них мы узнаем, что Берти говорил французам, что «общественное мнение Англии не одобрит войну для поддержки России, если эта последняя как защитница славян затеет ссору с Австрией из-за австро-сербских затруднений». Он равным образом первый объявляет «абсурдной и нелепой позицию России, выступающей защитницей всех славянских государств независимо от их поведения»[2].

Наиболее ценными из всех последних мемуаров является книга виконта Грея «Twenty Five Years. 1892—1916» (1925). Благодаря красоте стиля, отсутствию озлобления, несомненной честности намерений и благородному тону изложения, спокойной рассудительности автора в отношении событий прошлых лет, апология Грея является единственной в этом роде. В этом труде автор обнаруживает перед нами свою исключительную ясную память, хотя книга эта была им написана десять лет спустя или даже более после описываемых им событий. Кроме того его друг м-р Спендер разыскал для него в министерстве иностранных дел некоторые материалы, помогшие ему восстановить те моменты, в отношении которых он мог опасаться, что память могла ему изменить. Поэтому его книга является в известном смысле историческим трудом, написанным на основе архивных материалов, причем однако ясное изложение не загромождено цитатами и примечаниями. Допуская абсолютную искренность сэра Эдуарда Грея в деле сохранения европейского мира и несомненную чистоту намерений в его мемуарах, все же можно подвергнуть серьезной критике его руководство британской внешней политикой—и к этому мы вернемся несколько ниже. В этом отношении можно пока только сказать, что большой ошибкой Грея было как раз то, что обычно считают большим достоинством руководящих британских конституционных деятелей,—предпочтение практического компромисса настоящей принципиальной борьбе за лучшее будущее. Он не заглядывал далеко вперед, не вел последовательной политики, не старался предвидеть всех возможных последствий. В своей внешней политике он довольствовался тем, чем англичане всегда довольствовались, борясь за конституционное развитие своего государства, а именно: не отставать от событий, не предупреждая их, а поступать так, как это представляется наиболее практическим

[1] The Diary of Lord Bertie of Thame 1914—1918 (2 тома), London 1924, (Имеется сокр. русск. перевод: Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник дипломата (Прим. ред.)
[2] B. D., 129, 192.

и целесообразным в данный момент. Сам Грей, когда он указывает на то, что Великобритания никогда не преследовала политики «равновесия держав», говорит: «Я думаю, что и в этом случае, как и в большинстве исследований о британской внешней политике, истину следует искать не в каких-то заглядываниях далеко в будущее и в широких концепциях или грандиозных планах... Если бы все тайны стали известными, то вероятно оказалось бы, что британское министерство иностранных дел руководилось тем, что по его мнению представляло непосредственный интерес для Великобритании, не вдаваясь в глубокие расчеты относительно будущего»[1]. Результатом такой оппортунистической политики, рассчитанной на ближайший момент, было то, что Грей все более и более запутывался в своих тайных соглашениях с Францией, пока наконец они морально не связали его в 1914 г. Хотя он никогда не забывал повторять французам, что он оставляет за собой свободу решения и что от парламента будет зависеть, поддержит ли Англия Францию в европейской войне, однако он постепенно пришел к тому,—как он сам дважды признавался,—что считал бы себя обязанным отказаться от своего поста, если бы оказался неспособным убедить кабинет и парламент начать войну против Германии[2].

В своих размышлениях о прошлом виконт Грей много и верно говорит о вредном влиянии подозрительности как о причине войны, но сам вместе с тем в нескольких местах своей книги обнаруживает глубочайшую подозрительность в отношении Германии. «В то время казалось (1914)—и так я продолжаю думать и теперь—что руководящие военные круги Германии выбрали время для начала войны и ускорили ее наступление»[3]. Повидимому он думал, что германские милитаристы выбрали как год, так и месяц для начала войны, остановившись на июле 1914 г. так же, как они выбрали июль в 1870 г. и были готовы остановиться на этом же месяце в 1905 и 1911 гг., если бы Франция не уступила во время первого марокканского кризиса, а Англия не взяла бы решительного тона после Агадира[4]. Хотя поведение Германии и давало много оснований для подозрительности, как мы это увидим ниже, однако эта догадка сэра Эдуарда Грея является совершенно ошибочной. Но тот факт, что Грей питал такие подозрения, должен быть принят как одна из ближайших причин войны, так как эта подозрительность способствовала неудаче попыток Германии предупредить общий европейский пожар в последнюю минуту перед катастрофой. Правда, Грей великодушно снимает с германских гражданских властей обвинение в подготовке или желании войны в 1914 г., но он думает, что Бетман и Ягов были бессильны перед напором милитаристов.

Опираясь на недавно появившиеся многочисленные новые материалы,

---

[1] Viscount Grey of Fallodon, Twentyfive years, 1892—1916. (2 тома). N.-Y. 1925; 1, 6.
[2] Grey, 1. 303, 316.
[3] Grey, 1, 90.
[4] «Если бы кризис (Агадирский) привел к войне, то война наступила бы как раз в то время, которое, как мы знаем, казалось благоприятным для этого германским воспачальникам в 1870 г., которое было избрано для угрозы Франции в 1905 г. и которое, как мы думаем, было избрано военными властями для войны в 1914 г.». (Grey, 1, 231). О подозрениях Грея относительно решения германских милитаристов начать войну в 1914 г. см. другие места в т. I, 313—314; II, 23—31, 56, 144, 278.

проливающие свет на вопрос о роковых последствиях системы тайных союзов в 1914 г., мы сделаем в следующих трех главах этой книги попытку набросать контуры развития этих союзов. Как было сказано выше, многие из документов и мемуаров, трактующих о ближайших причинах войны, содержат равным образом материалы, относящиеся и к более раннему периоду.

Но важнейшим и особым источником для полного знакомства с развитием системы тайных союзов является обширное издание германских дипломатических документов, охватывающих промежуток времени между 1871—1914 гг.[1]. Это собрание документов состоит из наиболее секретных инструкций, исходивших от Бисмарка и его преемников, германским послам за границей, из донесений этих послов в германское министерство иностранных дел и из секретной переписки между германским императором и его руководителями министерства иностранных дел. В нем имеются чрезвычайно интересные пометки на полях документов, сделанные рукой Бисмарка и позднее—Вильгельма II. Пометки Бисмарка показывают нам самые сокровенные мысли железного канцлера в области внешней политики. Они являлись основой для инструкций, посылавшихся германским министерством иностранных дел германским послам за границу. Пометки Вильгельма II более многочисленны, менее продуманы и часто указывают лишь на его настроение в данный момент; они представляют интерес скорее в смысле ознакомления с психологией кайзера, но имели меньше влияния, по сравнению с мастерскими пометками Бисмарка, на политику германского министерства иностранных дел. Это собрание документов показывает, что германское министерство иностранных дел не всегда полностью информировало Вильгельма II обо всех делах и часто поступало по своему усмотрению, вопреки мнению Вильгельма поскольку можно судить, «Die Grosse Politik» является полным собранием документов в тех пределах, которые поставили себе издатели, и имеет своей целью дать основы для создания истинной и обстоятельной картины внешней политики Германии, начиная с франко-прусской и до мировой войны[2]. Но нам все же еще нехватает подробного всеобъемлющего издания документов архивов Франции[3], России[4] и других стран, которые мы могли бы противопоставить этим гер-

[1] Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes, herausgegeben. Von Johannes Lepsius, Albrecht Mendelssohn Bartholdy und Friedrich Thimme (40 томов), Berlin 1922—1927; в дальнейших ссылках обозначается G. P.

[2] Подробнее о Die Grosse Politik смотри у автора этой книги в Amer. Hist. Rev. XXVIII, 543—548; XXX, 136—141; XXXI, 130—133; XXXIII, 126—134. См. также оценку этого труда различными учеными в KSF, IV, 900—946, декабрь 1926 г., рецензии Lheritier в Revue d'Hist. de la Guerre Mondiale, IV, 97—116, апрель 1926, и Bourgeois, в Revue Historique, CLV, 39—56, май — июнь 1927: ответы Albrecht Mendelssohn-Bartholdy и Thimme этим критикам см. в Europäische, Gespräche IV; 377—390, июль 1926 и V. 461—479, сентябрь 1927. В настоящее время опубликован французский перевод Die Grosse Politik под ред. А. Олара, в котором документы помещены в хронологическом порядке вместо тематического порядка изложения и в котором спутаны примечания германского издателя. Разбор этого издания дан Thimme в KSF, V, 897—907, сентябрь 1927.

[3] См. прим. ред. на стр. 11.

[4] Как известно, комиссия при ЦИК СССР под председательством М. Н. Покровского предприняла большое издание документов.— Международные отношения в эпоху империализма 1878—1917 гг. Прим. ред.

манским документам и сопоставить с ними. Впрочем совсем недавно вышли или стали выходить подобные же превосходные собрания документов:

Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik 1908—1914; British Documents on the Origins of the War 1898—1914, а также Documents Diplomatiques français 1871—1914.

Чрезвычайно ценное издание профессора Прибрама[1] впервые сделало возможным удовлетворительное изучение договоров Тройственного союза и превращения их из чисто оборонительной системы в систему, которая была использована для агрессивных целей Италией и Австрией.

Упомянутые нами выше большевистские «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.» содержат в себе большую часть переписки между русским министерством иностранных дел и посольством в Париже в течение 4 лет, предшествовавших войне. Эти документы показывают, как Извольский и Пуанкаре превращали франко-русский союз из системы первоначально оборонительной в потенциально-агрессивную комбинацию для поддержки русских честолюбивых замыслов на Балканах. Многие из этих материалов стали легко доступны западному читателю после напечатания их в «Livre Noir» Рене Маршана[2]. В дальнейшем они были пополнены опубликованными в германском переводе Фридриха Штиве приблизительно 500 дополнительными письмами и телеграммами из переписки Извольского[3]. Наряду с этой корреспонденцией между Парижем и Петербургом имеется дополняющая и подтверждающая ее переписка графа Бенкендорфа между Лондоном и Петербургом, относящаяся к 1908—1914 гг. Его письма и другие секретные бумаги тайным образом были скопированы фон-Зибертом, советником русского посольства в Лондоне. Очевидно, документы эти были проданы или переданы германским властям и были опубликованы Зибертом в немецком издании в 1921 г.[4]. Эти документы, умело подобранные, были опубликованы в английском переводе Шрейнером, «Entente Diplomacy and the World» (1921). Они показывают усилия России и Франции, направленные к тому, чтобы укрепить дружбу с Англией, а узы Тройственного согласия превратить в комбинацию, достаточно крепкую и мощную для того, чтобы в случае необходимости бросить вызов Тройственному союзу.

Что касается французских архивов, то профессорами Буржуа и Паже были опубликованы лишь немногие документы в форме доклада французскому сенату «О причинах великой войны и ответственности за нее»[5]. По сравнению с материалами, опубликованными Германией, Австрией

---

[1] A. P. Pribram, Die politischen Geheimverträge Oesterreich-Ungarns 1879—1914, Wien — Leipzig 1920.

[2] Un Livre Noire, Diplomatie d'Avant-Guerre d'apres les Documents des Archives Russes, éd. R. Marchand (2 тома), Paris 1922—1923.

[3] F. Stieve, Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolski'a, 1911—1914 (4 тома) Berlin 1924.

[4] B. von Siebert, Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre. Berlin — Leipzig 1921. (Имеется новое издание: v. Siebert, Benkendorf's Diplomatischer Schriftwechsel, d. I—III. Прим. ред.)

[5] Опубликованы в Journal Officiel, 9 января 1921; переизданы в форме книги с добавлением некоторых материалов из документов Каутского. Париж, 1921.

и Россией, эти французские документы крайне скудны и подобраны скорее с целью доказать известное положение, чем дать историкам нужный материал для исследования. Более ценны французские Желтые книги, содержащие документацию по таким специальным вопросам, как франко-русский союз и балканские дела 1912—1914 гг., хотя эта документация разумеется далеко не полна.

Таким образом в настоящее время к услугам историка, стремящегося установить ближайшие причины войны, существует огромная масса документальных и мемуарных материалов, не имеющая прецедентов ни по количеству, ни по качеству. Первый раз в истории так быстро и охотно были открыты архивы такого большого числа государств. Прежде никогда не случалось, чтобы столько государственных деятелей спешило рассказать с такими подробностями о той роли, которую они играли. И в этом отношении, как и во многих других отношениях, мировая война побила все рекорды и превзошла все ожидания. Прежде одно или даже два поколения должны были ждать, пока появятся удовлетворительные объяснения войны. В наши дни, всего только 14 лет после начала войны[1], можно с уверенностью сказать, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают нам абсолютно точное представление о развитии событий за время между убийством эрцгерцога в Сараеве 28 июня и началом войны между Англией и Германией, последовавшим 4 августа. Это является главной темой второго тома настоящего труда.

---

[1] Книга писалась в 1928 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИСТЕМА ТАЙНЫХ СОЮЗОВ 1871—1890 гг. ПРЕОБЛАДАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ИМПЕРИЙ

ПОСЛЕДСТВИЯ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

Франко-прусская война сильно изменила то положение, которое существовало в течение 200 лет. В XVII в. из 30-летней войны Германия вышла слабой. Экономически она была истощена ужасной борьбой когда народы всей Европы топтали ее территорию. Политически она была слабой, потому что была разделена на множество отдельных государств, различных и по характеру своему и по размерам, а также в связи с все возраставшим соперничеством за преобладание между уже ослабевавшим могуществом Габсбургов и нараставшей силой Гогенцоллернов. Ввиду этого Германия постоянно являлась страдательным объектом французской политики (Ришелье и Мазарини), стремившейся к тому, чтобы Германия осталась слабой и расчлененной. По временам кроме того она подвергалась прямым нападениям и расчленению со стороны французских войск, как это было во времена Людовика XIV и Наполеона. Можно сказать, что только в начале XIX в., в эпоху великой опасности и унижения, Пруссия и Австрия временно оставили взаимное соперничество. С помощью Англии и России они объединились в освободительной войне для изгнания и низвержения Наполеона. Но Ватерлоо еще не было концом внутренней слабости Германии; непрочный союз государств 1815 г. и все продолжавшееся соперничество между Австрией и Пруссией сделали Германию сравнительно бессильной и играющей лишь незначительную роль в качестве международного фактора. Наконец в 1850 г., во время франкфуртского сейма, Бисмарк пришел к убеждению, что слабость Германии может быть преодолена только путем братоубийственной войны, которая приведет к насильственному вытеснению Австрии из политического организма Германии. В Париже и Биаррице он изучил слабости и честолюбие Наполеона III, которые могли послужить на пользу Германии. В результате Бисмарк аннексировал Шлезвиг-Голштейн, вытеснил Австрию после прусской победы при Садовой и создал северогерманский союз под главенством Пруссии. Наконец в 1870—1871 г., в результате Седана и Версаля, он преобразовал Германию в сильную объединенную империю. Теперь положение Франции и Германии резко изменилось: уже не Германия, а Франция оказалась слабой и ей угрожала опасность нападения.

В то время произведенное Бисмарком объединение Германии приветствовалось как желательное и даже славное осуществление, нацио-

нальных стремлений. Но это объединение сопровождалось присоединением Эльзас-Лотарингии. Французы всегда считали этот акт преступлением—«бесчеловечным расчленением нации», отнятием у матери ее детей. История показала, что этот акт был «больше, чем преступлением,—был ошибкой».

В защиту Бисмарка говорили, что он только «освободил» территорию, которая была отнята у Германии Людовиком XIV в то время, когда Германия была слаба и не представляла собой единого целого. Победители всегда захватывали территорию у побежденного государства, если они могли это сделать и если это соответствовало их цели. Мольтке и прусские военные круги настаивали на том, что провинции, лежащие между Вогезами и Рейном, должны находиться в руках Германии, для того чтобы обеспечить от возможного нападения со стороны мстительной Франции южные германские государства, которые без большого восторга с их стороны были включены в состав новой Германской империи и на лойяльность которых не слишком можно было рассчитывать. Утверждали, что Бисмарк не мог вернуться в Берлин и предстать перед рейхстагом и германским народом, требовавшим французскую территорию, без того чтобы не подвергнуться обвинениям в том, что он проявил слабость и великодушие по отношению к преемникам Людовика XIV и Наполеона. Кроме того большинство населения присоединенных областей говорило по-немецки. В этих рассуждениях есть известная доля истины.

С другой стороны значительно правильнее другая точка зрения. Существовала огромная разница между аннексиями Франции в XVII в. и аннексией Бисмарка в 1871 г. Между обоими этими периодами случились такие события, как французская революция, и появились те силы, которые выросли в связи с ней. Людовик XIV, захватив Эльзас, не расчленил этим Германии, потому что в то время не существовало еще Германии в смысле единого политического организма, она была простым конгломератом охваченных взаимной завистью германских государств. Так называемая Священная римская империя не была ни священной, ни римской, а представляла собой какой-то «неестественный организм, похожий на чудовище»[1], неспособный чувствовать нанесенные ему раны. Между тем французская революция уничтожила границы между отдельными французскими провинциями и привела к созданию новой нации, сознающей свою цельность, нации «единой и неделимой». Франция, включив в себя присоединенную область Эльзас-Лотарингию, превратилась в организм, вполне сознающий свое единство и национальность. Если страдал один из членов этого организма, то страдал весь организм. Бисмарк изуродовал это живое тело, и рана так и не была залечена. Осталась ужасная, открытая язва, угрожавшая в течение 40 лет европейскому миру. Кроме того Эльзас-Лотарингия не была необходима для безопасности Германии и с военной точки зрения. Рейн представлял собой такую же надежную естественную границу, как и Вогезы. И хотя большинство полутора-

1 «Irregulare aliquod corpus et monstro simile», писал Severin de Monzambano (Puffendorf) в своем известном трактате «De statu Imperii Germanici» (1667), гл. VI отд. IX.

миллионного населения Эльзас-Лотарингии говорило по-немецки,—это не значило, что оно причисляло себя к немцам. Наоборот, большинство населения было настроено против отделения от Франции и резко протестовало против этого, но безрезультатно. Если бы Бисмарк заглянул в будущее и увидел, до какой степени гордость Франции и ее озлобление из-за потери Эльзас-Лотарингии помешают всякой попытке на пути к постепенному улучшению отношений между Германией и Францией; если бы он мог предвидеть, до какой степени аннексия Эльзас-Лотарингии сама по себе и вытекающие из нее последствия превратятся в одну из главных, основных причин мировой войны,—он быть может действовал бы иначе в 1871 г. Но хотя он и обладал необыкновенным даром политического предвидения, он едва ли ожидал, что Франция никогда не примирится с утратой Эльзас-Лотарингии и что напротив того, идея реванша, быть может невысказанная, но запечатленная в сердцах, будет существовать и даже укрепляться в течение дальнейших лет. Действительно политика Бисмарка в течение десятилетия, между 1875 и 1885 гг., показывает нам, что он надеялся расположить Францию к установлению искренних дружеских отношений и побудить ее примириться с совершившимся фактом [1].

Как бы то ни было, если он даже мог надеяться на это в будущем, то в настоящем он не имел никаких иллюзий на этот счет. Он знал, что в годы, непосредственно следовавшие за войной, злоба Франции возрастет. Поэтому он должен был защищать новую германскую империю, свое детище, сделав ее сильной. Для этого ему нужно было держать Францию в состоянии слабости и изолированности и установить тесные взаимоотношения с двумя другими великими державами, граничащими с Германией,—с Россией и с Австрией.

СОГЛАШЕНИЕ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ. 1872—1878 гг.

«Между Россией и Пруссией существовали традиционные узы дружбы после того, как их армии сражались бок о бок для свержения Наполеона. Эти узы дружбы еще более укрепились во время Крымской войны и польского восстания 1863 г. Оба государства были одинаково заинтересованы в предотвращении восстановления польской независимости, которая лишила бы их добычи, полученной ими от раздела польской территории. Во время франко-прусской войны Россия оказала Бисмарку огромную услугу, соблюдая благожелательный нейтралитет и удерживая Австрию от союза с Францией и от стремления к реваншу за поражение при Садовой. В течение долгих месяцев осады Парижа Бисмарк находился в критическом и трудном положении, и Россия могла бы, если бы она этого захотела, причинить ему весьма серьезные затруднения. Поэтому Бисмарк сразу и открыто признал услугу, которую Россия оказала ему в 1870—1871 гг. и согласился на фактическую отмену русским царем унизительных постановлений, касающихся Черного моря, навязанных России после Крымской войны. Еще более тесные узы дружбы между обоими государствами проявлялись в форме

[1] «Я хочу добиться, чтобы вы простили Седан так же, как вы простили Ватерлоо», сказал Бисмарк французскому послу в декабре 1884 г. Bourgeois et Pagès, Les Origines et les Responsabilités de la Grande Guerre, Paris 1921, стр. 307.

личной взаимной привязанности между старым императором Вильгельмом и его племянником Александром II, узы, которые были скреплены посещением Берлина царем сейчас же после подписания мирного договора между Германией и Францией. Что касается Австрии, то Бисмарк особенно старался установить с нею прочные и дружественные отношения. Достигнув своей цели объединением Германии под главенством Пруссии, он полагал, что между обоими государствами, значительная часть населения которых состояла из немецких элементов и которые в течение столетий входили в священную Римскую империю, должны естественно существовать дружественные отношения. После Садовой он намеренно воздержался от дальнейшего унижения Австрии, отказался от присоединения австрийских территорий и не позволил победоносной германской армии войти в столицу Австрии. Равным образом он поддерживал тесные отношения с влиятельными мадьярскими кругами Венгрии, которые воспользовались прусской победой для того, чтобы добиться от Франца Иосифа выгодного конституционного компромисса 1867 г. Австрия со своей стороны была готова признать свой разгром совершившимся фактом и отказаться от всяких надежд изменить установленное Бисмарком положение вещей. Ввиду этого Бисмарк сумел осуществить дружескую встречу между императором Вильгельмом и Францем Иосифом на территории Австрии летом 1871 г. В ноябре 1871 г. добрые отношения между обоими государствами сильно укрепились благодаря перемене, происшедшей в министерстве иностранных дел в Вене: вместо графа Бейста, саксонца, никогда не любившего Бисмарка и склонного держать сторону Франции, был назначен граф Юлий Андраши, мадьяр и старый друг Бисмарка. В апреле 1872 г. граф Андраши внушил императору Францу Иосифу мысль отдать визит императору Вильгельму в Берлине. Когда царь Александр II услышал об этом предполагаемом посещении, он спросил германского посла в Петербурге: «не говорили ли вам о том, что они хотели бы, чтобы я тоже был в Берлине одновременно с австрийским императором?» [1].

Александр не хотел остаться в стороне в то время, когда два его собрата будут совещаться между собой. Он дал понять, что такая встреча трех восточных монархов была бы наилучшей гарантией мира в Европе и нанесла бы большой удар французской идее реванша, оставшейся постоянной угрозой для мира. Но желание Александра поставило Бисмарка в несколько затруднительное положение. Он не был вполне уверен в том, как Франц Иосиф примет предложение Александра. Когда же согласие австрийского императора было обеспечено, то было окончательно решено, что три монарха в сопровождении своих министров иностранных дел встретятся в Берлине в течение второй недели сентября 1872 г. Эта встреча трех императоров, сопровождавшаяся необыкновенно торжественными празднествами, которые должны были поразить весь мир, имела своим результатом еще более тесное сотрудничество между тремя восточными государствами. Хотя во время этого свидания и не было подписано никакого соглашения, хотя министры иностранных дел совещались по-двое, а не все вместе, все же было установлено тесное «согласие», или «Entente á trois»,

[1] G. P., I, 197.

основа для соглашения трех императоров, состоявшегося через несколько месяцев. В известном смысле это «согласие» было возобновлением старого Священного союза 1815 г. Как во время Александра I и Меттерниха, три восточных государства стояли на страже консервативных интересов и Status quo, так и теперь они защищали монархическую солидарность против возраставшей опасности международного социализма и охраняли мир и Status quo Европы от возможных попыток нарушить их со стороны Франции или других государств. В общем эта встреча была триумфом для Бисмарка, хотя он был недоволен русским министром Горчаковым, тщеславие и предполагаемые интриги которого всегда раздражали его. Так, например, Горчаков поставил императора Вильгельма в весьма затруднительное положение, сказав ему в присутствии французского посла: «Я только что был у князя Бисмарка для того, чтобы обсудить с ним те пункты, о которых мы договорились, но мы ничего не стали излагать в письменной форме; между монархами и министрами достаточно одних обещаний»[1]. Это замечание могло легко вызвать у французского посла подозрения, для которых не было абсолютно никаких оснований. Александр совершенно не думал участвовать в какой-либо агрессивной политике, направленной против Франции.

Согласие трех императоров было закреплено в следующем году, когда император Вильгельм в сопровождении Бисмарка и Мольтке посетил Петербург. Вскоре было подписано тайное военное соглашение, которым Россия и Германия обязались оказать друг другу помощь в размере 200 тыс. чел., в случае если кто-нибудь из них подвергся бы нападению со стороны какого-нибудь европейского государства[2]. Несколько недель спустя, когда царь Александр предпринял путешествие в Австрию с целью присутствовать на венской выставке 1873 г., им и Францем Иосифом было подписано соглашение о том, что каждый из них обязуется советоваться с другим по всем тем вопросам, в которых их интересы могут разойтись. В случае нападения со стороны какого-либо третьего государства, угрожающего европейскому миру, они приняли на себя обязательство притти к взаимному соглашению для достижения общей линии поведения не пытаясь искать или заключать новые союзы; а если бы в результате их соглашения военные действия все же стали бы необходимыми, они должны быть определены путем специальной военной конвенции. Это соглашение было сообщено императору Вильгельму, который присоединился к нему 22 октября 1873 г. Таким путем создалось так называемое «Соглашение трех императоров»[3].

Германия после ее недавних побед и благодаря мощи ее армии была самой сильной из трех держав. Из трех министров—Горчакова, Андраши и Бисмарка—последний несравненно больше чем другие, был способен охватить всю европейскую ситуацию в целом, видеть, в чем заключались политические интересы его соседей, охотно признавал их и вел переговоры на базе этих интересов. Естественным результатом этого было

---

1 G. P., I, 202 (см. Красный архив, т. I, 1922. Прим. ред.)
2 Ibid. 203 (см. Красный архив, т. I, 1922. Прим ред.)
3 Ibid. 206—209 (см. Красный архив, т. I, 1922. Прим. ред.)

то, что идейное руководство в этом союзе принадлежало германскому канцлеру. Он употреблял все свое влияние на то, чтобы сохранить в Европе мир и помешать Франции образовать коалицию или попытаться отомстить Германии. Вначале это было нетрудно. Италия шла за союзом трех императоров. Англия все еще придерживалась своей традиционной политики блестящего одиночества. Франция была слишком истощена и слишком занята своими внутренними политическими проблемами, чтобы думать о нарушении мира в Европе. Однако в 1875 г. царившая в союзе гармония была серьезно нарушена. Тщеславие Горчакова не позволяло ему играть при Бисмарке вторые роли. При своих личных симпатиях к Франции, симпатиях, которых царь не разделял,—он прислушивался к антигерманским донесениям своих представителей в Берлине, Белграде, и Константинополе. У него возник конфликт с Бисмарком по поводу одного черногорского дела и по вопросу о ранге Розена, германского генерального консула в Белграде. Бисмарк не без основания боялся, что Горчаков мог влиять на царя не в пользу Германии, а это могло привести к ослаблению соглашения трех императоров. Поэтому он послал Радовица в Петербург вести переговоры вместо германского посла, который был уволен в бессрочный отпуск по болезни. Радовиц должен был энергично изложить Горчакову точку зрения Бисмарка, и он выполнил с успехом свою задачу. Горчаков тогда пустил слух, превратившийся во Франции в легенду, будто Радовиц был послан с задачей подкупить Россию, чтобы предоставить Германии свободу действий в отношении Франции; Германия взамен этого должна была предоставить России свободу действий на Востоке. Все это встревожило Францию и Англию и способствовало появлению так называемого «призрака войны 1875 г.». Бисмарка несправедливо подозревали в том, что он затевал «превентивную войну» против Франции. Не вполне ясно, играл ли Бисмарк какую-нибудь роль в инспирировании тех статей германской прессы, в которых распространялись эти тревожные сведения, или такие статьи были вызваны безответственными сообщениями газетных корреспондентов в Вене, как это теперь представляется вероятным. Во всяком случае вполне возможно, что он хотел воспользоваться этим, как средством устрашить Францию и помешать ей привести в исполнение предполагавшуюся ею реорганизацию армии. Нет никакого сомнения в том, что Франция почувствовала перед собой угрозу. Французский министр иностранных дел обратился к царю Александру и королеве Виктории с просьбой употребить их влияние для того, чтобы удержать Германию от каких либо агрессивных действий. Горчаков легко убедил царя, чтобы тот во время своего пребывания в Берлине ясно дал понять, что Россия не может допустить разгрома Франции[1].

Помпезная телеграмма Горчакова из Берлина «Теперь мир обеспечен»

1 Ср. J. V. Fuller, The War Scare of 1875 в «Amer. Hist. Rev.» XXIV, 196—226 (январь 1919). В свете новых публикаций ходячая французская версия об угрозе войны в 1875 г. нуждается в коррективах, см. «Die grosse Politik» I, 245—300. Radowitz, Aufzeichnungen und Errinnerungen, Stuttgart 1925, I, 302 и сл. Hajo Holborn Bismarck's Europäische Politik zu Begin der siebziger Jahre und die Mission Radowitz, Berlin, 1925; K. Klingenfuss, Beust und Andrassy und die Kriegsgefahr von 1875 в «Archiv f. Pol. u. Gesch. IV, 616—643, 1926.

льстила самолюбию самого Горчакова; что касается Бисмарка, то он был очень раздражен ею, так как создавалось впечатление, что Германия действительно намеревалась вести превентивную войну и что Россия эту войну предотвратила,—утверждение, правильность которого Бисмарк всегда энергично отрицал и которого он никогда не мог простить русскому министру иностранных дел[1]. Этот инцидент привел к охлаждению отношений между Берлином и Петербургом, однако нельзя сказать, что он расстроил соглашение трех императоров, поскольку Александр II и Вильгельм продолжали все еще оставаться большими друзьями.

БЛИЖНЕ-ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 1875—1878 гг.

Другим событием 1875 г., грозившим прочности соглашения трех императоров, был новый и продолжительный кризис, разразившийся на Балканах. Прогрессирующее ухудшение состояния «больного человека Европы» заставило Россию снова подумать о возможности его кончины. В Герцеговине жестокости земельных аристократов, большинство которых было сербского происхождения, но приняло магометанство для того, чтобы легче ладить с турецкими правителями, вызвали в июле 1875 г. восстание несчастного христианского крестьянства. Восстание быстро распространилось и на Боснию. Оно вызвало взрыв братских симпатий у сербов в Австро-Венгрии и в соседнем княжестве Сербии. Турки, вследствие горного характера местности и неспособности правительства султана, казалось, были не в состоянии подавить восстание. Россия и Австрия очутились тогда перед вопросом их давнишнего соперничества в области балканских интересов. Отныне перед Бисмарком втечение ближайших 15 лет стояла трудная задача сделать так, чтобы это соперничество не привело к разрыву между обоими государствами, с которыми он хотел жить в дружественных отношениях, и тяготению которых к Франции он хотел помешать.

Россия уже давно имела честолюбивые замыслы на Балканах. По мере замечательного роста и укрепления российского государства вокруг Москвы, славянская империя упорно начала распространять свое влияние к югу по направлению к Черному морю и Дарданеллам. Петр Великий взятием Азова у турок добился на короткое время «окна» в Черное море, о котором он мечтал, и дал толчек русскому продвижению вперед к югу, которое его преемники стали считать исторической миссией России. Екатерина Великая, начав с Турцией новую войну, приобрела для России Крым и все северное побережье Черного моря. Дух национализма, пробужденный французской революцией, породил у греков и славянских народностей на Балканах желание освободиться от турецкого ига, что вполне соответствовало че-

---

1 Ср. Bismarck, Gedanken und Erinnerungen, гл. XXVI: «Я резко отчитал князя Горчакова. Я сказал ему, что это не дружеский поступок — неожиданно напасть сзади на доверчивого и ничего не подозревающего друга и устроить за его счет целое представление; если мы, руководящие политикой министры, будем так поступать в отношении друг друга, то такой образ действий может только повредить обеим монархиям и государствам. Если он уже так хотел добиться похвалы из Парижа, то для этого вовсе не нужно было портить наших отношений с Россией; я весьма охотно помог бы ему в этом деле и приказал бы отчеканить в Берлине пятифранковики с надписью: «Gortchakov protège la France» («Горчаков покровительствует Франции»).

столюбивым замыслам России, которая была готова поддержать это желание с тем, чтобы извлечь из него кое-какую выгоду и для себя. Она уже выдержала восемь войн с Турцией, побуждаемая к этому как своим собственным стремлением к территориальной экспансии, так якобы и желанием оказать помощь угнетенным народностям славянской крови и православного вероисповедания. Во время последней, т. е. Крымской войны, осуществлению ее намерений помешали Франция и Англия и та враждебная позиция, которую в то время заняла Австрия. Эта позиция Австрии во время войны и на парижском конгрессе стоила России части Бессарабии и вызвала в России сильное озлобление. Поведение Австрии было воспринято как непростительный акт неблагодарности Габсбургов после того, как Николай I послал русскую армию помочь Габсбургам подавить венгерское восстание в 1849 г. Озлобление России утихло после соглашения трех императоров, но теперь снова появилась опасность его рецидива. Россия стремилась получить обратно потерянную ею в 1856 г. часть Бессарабии и была непрочь поддержать новое восстание, подобное восстанию в Боснии и Герцеговине, которое в дальнейшем помогло бы покончить с турецкой империей. Хотя Горчаков сначала и был противником аннексии Австрией Боснии и Герцеговины[1], но мало-по-малу он перестал возражать против этого, лишь бы Россия, в свою очередь, получила для себя соответствующие компенсации.

С другой стороны, Австрия ни по крови, ни по религии не была связана с угнетенными народностями на Балканах, и не имела особого желания допустить, чтобы они получили независимость из рук России. Австро-Венгрия, в особенности Венгрия, уже поглотила больше славянских народностей, чем она могла легко ассимилировать. По мере роста национальных стремлений становилось все труднее и труднее управлять этими подданными славянами. Поэтому австрийский министр иностранных дел Андраши, по национальности мадьяр, вначале был противником присоединения Боснии и Герцеговины, так как боялся, что это осложнит внутреннее положение двуединой монархии, которой в таком случае пришлось бы управлять большим количеством славянских народностей[2]. Он предпочитал, чтобы великие державы действовали совместно посредством созыва конференции и добились у Турции проведения реформ для крестьянского населения Боснии и Герцеговины, но он вовсе не желал начинать раздел Оттоманской империи. Его желания нашли себе выражение в так наз. «ноте Андраши» от 30 декабря 1875 г., в которой он предлагал перемирие, ряд реформ и создание специальной христианско-мусульманской комиссии для наблюдения за проведением в жизнь этих реформ. Турки, как всегда, сделали вид, что принимают высказанные пожелания; но восставшее население Боснии, воспламененное успехами и надеждой на поддержку братского населения в Сербии и Черногории, отказалось дожидаться выполнения условий, изложенных в ноте Андраши. Кризис таким образом приобретал более серьезный характер.

Что касается Бисмарка, то в восточном вопросе его главная забота

[1] Wertheimer, Graf Julius Andrassy, II, 118.
[2] Там же, стр. 259 и сл.

состояла в том, чтобы предупредить возможность нарушения европейского мира и сохранить удовлетворительные отношения между Австрией и Россией, установленные соглашением трех императоров. Он уже заявил об этом во время одного из разговоров с Горчаковым в Берлине в декабре 1875 г.[1]. Сама Германия, как он неоднократно повторял, не имела каких-либо корыстных интересов на Балканах: «Весь восточный вопрос не стоит костей одного померанского гренадера»[2]. Но для Бисмарка весьма серьезным вопросом была опасность образования европейской коалиции в связи с боснийским кризисом. Он не очень одобрительно относился к мысли Андраши о созыве конференции, так как он боялся, что Австрия, вполне естественно, пойдет вместе с Англией и что ввиду этого Россия может сблизиться с Францией. Он подозревал, что Горчаков был непрочь «пофлиртовать» с Францией. Но такое разделение Европы на англо-австрийскую и франко-русскую группировки поставило бы Германию в весьма щекотливое положение: Германия должна была бы тогда принять на себя неблагодарную задачу арбитра между обеими группами или склониться на сторону англо-австрийской группировки и оставить таким образом свои границы открытыми с двух фронтов для враждебно настроенных государств. Такое положение вещей создавало опасность для соглашения трех императоров и для сохранения мира в Европе[3].

Тем временем царь Александр и император Франц Иосиф, в сопровождении министров иностранных дел, встретились в Рейхштадте, и 8 июля 1876 г. без ведома Бисмарка пришли к тайному, но не совсем ясному «соглашению». Они договорились о том, чтобы воздержаться в данный момент от интервенции в Турции. Что же касается будущего, то было условлено: в случае если Турция одержит верх над повстанцами, то Россия и Австрия выступят на защиту сербов от чрезмерных жестокостей и будут настаивать на осуществлении серьезных реформ. Если же, напротив, повстанцы попрежнему будут оказывать успешное сопротивление и если Оттоманская империя в Европе распадется, Австрия должна будет получить часть Боснии, а Россия—вернуть себе потерянную ею в 1856 г. часть Бессарабии и территории на восточном побережьи Черного моря (в которых Австрия не была заинтересована). Болгария и Румыния должны были стать автономными; некоторые территориальные приобретения должны были получить Сербия, Черногория и Греция; Константинополь должен был стать вольным городом[4].

---

1 «G. P.», I, 207.

2 Речь Бисмарка в рейхстаге 7 декабря 1876 г.

3 «G. P.», II, 31 и сл.

4 Рейхштадтское «соглашение» ошибочно называется соглашением, ибо здесь в самой основе лежит недоразумение. В Рейхштадте не был составлен или подписан какой-либо определенный документ, в котором было бы зафиксировано «соглашение» сторон. Австрийский и русский министры иностранных дел, после состоявшейся встречи, сообщили каждый то, что он помнил о происшедшем между ними обмене мнений. Это обстоятельство объясняет многочисленные пункты расхождения между австрийской и русской версией «Соглашения», как они напечатаны у Вертгеймера («Graf Julius Andrassy», II, 322 и сл.) и в «Красном архиве» (Москва, 1922, I, 36). Согласно русской версии Черногория, например, должна была получить Герцеговину, а Австрия — только турецкую Хорватию и небольшую часть Боснии, прилегающую к австрийской границе. Согласно версии Андраши Австрия должна была присоединить всю Боснию и Герцеговину за исключением некоторых «кусков», предназначенных

С помощью рейхштадтского соглашения Горчаков добился принципиального согласия Австрии на раздел Турции.

Условия соглашения, как их понимал Андраши, были чрезвычайно благоприятны для Австрии. Соглашение предусматривало создание известного числа небольших слабых государств на Балканах и определенно исключало возможность создания сильного сербского или болгарского, славянского государства, которое вполне естественно, в силу религиозных и расовых причин, было бы связано с Россией и явилось бы угрозой для Австрии. Кроме того, благодаря пункту о том, что она может присоединить к себе Боснию и Герцеговину, Австрия обеспечила бы безопасность своих отдаленных владений в Далмации, уменьшила бы опасность, связанную с ростом националистических стремлений сербов, и приобрела бы территорию, которая явилась бы компенсацией за потерю Венеции в 1866 г. Андраши, бывший вначале противником распада Оттоманской империи, теперь был очень доволен таким соглашением. Неудача, постигшая его попытки добиться за истекшие месяцы от Турции осуществления реформ, убедила его в бесплодности сохранения status quo и в невозможности какого-либо длительного и удовлетворительного разрешения вопроса для христианского крестьянства до тех пор, пока оно остается под турецким владычеством. И если Австрия должна была присоединить Боснию и Герцеговину, то лучше было это сделать в дружеском согласии с Россией, чем против ее воли.

Однако развитие военных действий на Балканах в течение последующих недель не оправдало ожиданий Горчакова и Андраши, полагавших, что Турция находится на пороге катастрофы. Напротив того, турки обнаружили необыкновенный прилив энергии. В целом ряде сражений они последовательно разбили повстанцев, пока наконец 29 августа сербский князь Милан не стал просить помощи. Горчаков и русские панслависты не остались глухими к этой просьбе; они поняли, что должны вмешаться в пользу угнетенного православно-славянского крестьянства, вопреки принципу о «невмешательстве в настоящее время», являвшемуся первым пунктом рейхштадтского соглашения. Это обстоятельство сразу возродило давнишнюю вражду между Россией и Австрией в балканских делах и привело к созданию весьма напряженных отношений между обеими великими державами, которые поэтому обратились к Бисмарку.

13 сентября 1876 г. Андраши довел до сведения германского посла в Вене о существовании рейхштадтского соглашения, которое до тех пор, по просьбе Горчакова, было скрыто от Бисмарка[1]. Горчаков, со своей стороны, пустился на хитрость, которая возбудила негодование Бисмарка. Он, как заподозрил Бисмарк, вместо того, чтобы сноситься с германским правительством нормальным официальным путем, через посредство русского посла в Берлине,—уговорил царя воспользоваться для этой цели услугами барона Вердера, личного представителя императора Вильгельма при русском дворе. Вердеру, который в то время находился с Александром в Ливадии в Крыму, был неожиданно поставлен

для Сербии и Черногории «в целях их округления». Ср. G. H. Rupp, The Reichstadt Agreement, в «Amer. Hist. Rev.», XXX, 503—510 (апрель 1925) и «G. P.», II, 34—37.

[1] G. P., II, 45—47.

прямой вопрос будет ли Германия в случае войны между Россией и Австрией соблюдать благожелательный нейтралитет подобно тому, как это сделала Россия в 1870 г. Вердер передал этот нескромный и затруднительный вопрос по телеграфу в Берлин. Но Бисмарк уклонился от того, чтобы дать на него какой-либо ответ и если не отозвал Вердера, то исключительно потому, что император Вильгельм боялся испортить этим отношения с царем. Однако, несколько дней спустя, нормальным путем через инструкцию германскому послу в Петербурге, Бисмарк вновь подчеркнул, что его целью является сохранение европейского мира и гармонии в соглашении трех императоров. Если Россия решится вмешаться и объявить войну Турции, то Бисмарк употребит все свое влияние для того, чтобы помешать Австрии напасть на Россию, и он полагает, что добьется этого. Если же, вопреки всем его усилиям, между Россией и Австрией возникнет война, то нет необходимости, чтобы Германия нарушила нейтралитет. Он не может заранее давать какие-либо обещания, но он хочет только сказать, что интересы Германии не допускают создания общеевропейской коалиции, имеющей целью ослабить положение России как великой державы; с другой стороны, интересы Германии не позволяют, чтобы Австрии, ее положению европейской державы, ее независимости грозила какая-либо опасность, и чтобы таким образом Австрия перестала быть одним из тех факторов, на которые Германия могла бы рассчитывать в деле сохранения равновесия европейских государств[1]. «Мы можем пойти на то, чтобы наши друзья проигрывали или выигрывали сражения друг у друга, но мы не можем допустить, чтобы кто-нибудь из них потерпел настолько серьезное поражение, что это отразилось бы на его положении как независимой великой державы, принимающей участие в европейских делах»[2].

Отказ Бисмарка предоставить России свободу действий против Австрии вынудил Горчакова к умеренности. Было решено, что представители христианских государств соберутся на конференцию в Константинополе и убедят Абдул-Гамида в необходимости действительно провести реформы; но убедить турок было приблизительно так же легко, как заставить осла скакать галопом. Абдул-Гамид сорвал конференцию под предлогом провозглашения турецкой конституции, причем обещал реформы, идущие гораздо дальше того, что требовали сами державы. Однако Горчаков с полным основанием не верил в честность обещаний султана. Поэтому, имея в виду войну, которую Россия готовилась начать против Турции, он убедил Австрию подписать новое секретное соглашение в Будапеште 15 января 1877 г. Австрия обязалась не угрожать России с фланга по мере ее продвижения к югу от Дуная, а Россия, в свою очередь, дала согласие на присоединение Австрией Боснии и Герцеговины и подтвердила условия, которые заключались в рейхштадтском соглашении в версии Андраши[3].

В апреле 1877 г., как только позволила погода, Россия начала с Турцией войну, к которой она давно стремилась. Хотя она и терпела

---

1 G. P., II, 72—79; ср. также II, 108 и VI, 356 и сл.
2 Bismarck, Gedanken und Erinnerungen, II, 234.
3 G. P., II, 111—115.

неудачи в течение месяцев под Плевной, но все же выиграла ряд сражений, в результате которых ее армии достигли окрестностей Константинополя, и заставила Турцию подписать 3 марта 1878 г. Сан-Стефанский договор. Этот договор предусматривал создание сильного болгарского государства, охватывающего преимущественно болгарские части Турции и включающего обширные пространства побережья Эгейского моря. Договор этот встретил возражения со всех сторон: со стороны Греции, Сербии и Румынии, так как такая «великая Болгария» была бы во много раз могущественней, чем каждое из этих государств; со стороны Австрии и Англии, которые опасались, что значительно увеличившаяся Болгария фактически будет вассальным государством под протекторатом России: Австрия не склонна была пассивно наблюдать такой рост могущества России вблизи своих границ, а Англия боялась за безопасность Суэцкого канала. Оба эти государства настаивали поэтому на созыве конгресса для пересмотра Сан-Стефанского договора. Бисмарк сначала не проявлял особой склонности принять такое предложение, но в конце концов согласился «на роль честного маклера» и пригласил заинтересованные государства на конгресс в Берлин.

Почти все существенные вопросы были урегулированы до открытия конгресса, во время различных предварительных переговоров; таким образом конгрессу оставалось только зарегистрировать решения, которых уже добился Бисмарк, чрезвычайно старавшийся удовлетворить интересы как Австрии, так и России. В конце концов берлинским трактатом Австрии снова было предоставлено право на занятие Боснии и Герцеговины и на управление ею; а так же, если этого потребует военная необходимость, на занятие узкой полосы территории между Сербией и Черногорией, известной под названием Новобазарского санджака. Россия получила потерянную ею в 1856 г. часть Бессарабии и ценные территории между Черным и Каспийским морями. Эти территории представляли весьма важные выгоды для России, но Горчакову они казались лишь слабым вознаграждением за все военные усилия и успехи России. Он покинул конгресс крайне озлобленный против Бисмарка. Он полагал, что Бисмарк предал интересы России и считал его виновным в непростительной неблагодарности по отношению к России, соблюдавшей благожелательный нейтралитет во время франко-прусской войны. В России Берлинский договор вызвал жестокий взрыв негодования в панславистской прессе против Германии, что Бисмарк считал совершенно несправедливым. Хотя во многих отношениях он поддержал Австрию и Англию, но он также оказал и России реальные услуги, получив для нее гораздо больше, чем она получила бы без его помощи. Бисмарк считал, что Россия должна быть удовлетворена теми реальными выгодами, которые она получила, вместо того чтобы сравнивать Берлинский договор с тем, что она получила бы по Сан-Стефанскому договору. Взаимное личное раздражение между обоими министрами иностранных дел и ожесточенные нападки прессы одной стороны на прессу другой положили на время конец тому состоянию гармонии и сотрудничества, которые были целью соглашения трех императоров.

АВСТРО-ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ 1879 г.

Враждебные отношения между Россией и Германией не ограничивались только личной неприязнью между министрами иностранных дел или взаимными обвинениями на страницах газет. В комиссиях, созданных для выполнения условий Берлинского договора, германские делегаты постоянно были на стороне Австрии против России. В ответ на это Россия приступила к энергичному увеличению вооружений и двинула свои войска к западу, в Польшу, по направлению к германским границам. «Россия должна готовиться к войне»,—заявил ген. Милютин, и это его заявление повторяли панслависты. Наконец летом 1879 г. даже сам Александр, неспособный более скрывать свои чувства, высказал свое недовольство германскому послу в Петербурге и написал императору Вильгельму письмо, в котором жаловался на политику Бисмарка и предупреждал Вильгельма об «ужасных последствиях, которые могут произойти»[1].

Приблизительно в это же самое время Бисмарк узнал, что его друг Андраши должен скоро покинуть свой пост и что он, повидимому, будет замещен бароном Гаймерле, на дружеские отношения которого он не считал возможным безусловно рассчитывать, ввиду той опасности, которая грозила со стороны России. Бисмарк решил немедленно заключить с Австрией оборонительный союз, пока Андраши был еще у власти. Поэтому он заключил с ним договор 7 октября 1879 г., положивший начало австро-германскому союзу. Бисмарк хотел иметь такой договор, в котором Австрия и Германия приняли бы на себя взаимное обязательство оказывать друг другу поддержку в случае нападения какой-либо третьей державы, будь то Россия, Франция, или Англия. Но Австрия не была склонна подвергать свои восточные границы нападению России, обязуясь безусловно помогать Германии на западе, в случае если Франция начала бы войну во имя реванша. Австрию главным образом интересовал вопрос о той опасности, которую она чувствовала со стороны России. Поэтому договор устанавливал, что если бы Австрия или Германия подверглись нападению со стороны России, то обе договаривающиеся стороны были обязаны притти на помощь друг другу всеми своими военными силами; если же одна из договаривающихся сторон подвергалась бы нападению какой-либо иной державы, а не России (например, Франции или Италии), то другая договаривающаяся сторона была бы обязана соблюдать благожелательный нейтралитет; если бы, однако, нападающая держава получила поддержку со стороны России, то тогда другая договаривающаяся сторона должна была оказать помощь своему союзнику всеми своими военными силами. Договор был заключен на 5 лет и предусматривал возможность его продления. Он был секретным, причем было постановлено, что если вооружения России примут угрожающий характер, то договаривающиеся государства сочтут своим долгом чести сообщить царю, хотя бы конфиденциально, что они будут рассматривать и нападение на одно из них как нападение на обоих[2].

---

[1] G. P., III, 16.

[2] Pribram, I, 6—9. Более подробные сведения о ходе переговоров, которые вел Бисмарк, заключая этот договор, и при которых он должен был преодолеть серьезные возражения со стороны своего государя, см. в G. P. III, 1—126.

Австро-германский союз укрепил центральные державы и отныне стал—до их крушения в ноябре 1918 г.—главной осью германской политики. Он направлял политический курс Германии, от которого не отклонялись сколько-нибудь серьезно ни Бисмарк, ни его преемники. По своей первоначальной сущности и в течение всего времени, пока Бисмарк оставался у власти, союз этот был по существу оборонительным и по целям и фактически. Германия и Австрия взаимно защищали друг друга против все возраставшей волны панславизма; кроме того Германия, если бы она подверглась нападению в связи с мечтами Франции о реванше, могла рассчитывать на нейтралитет Австрии, так же как и эта последняя могла рассчитывать на нейтралитет Германии в случае осложнений, связанных с итальянским ирредентизмом.

Современники рассматривали создание этого союза как ловкий политический маневр Бисмарка. Французский посол в Берлине характеризовал его следующим образом: «С точки зрения своего престижа в Европе и своей популярности в Германии Бисмарк никогда не сделал ничего более крупного, чем этот союз с Австрией. Без войны, без дорого стоящих завоеваний, без обременительных или ослабляющих государство аннексий Бисмарк осуществил политическую мечту Германии о союзе всех государств, в которых преобладает германская раса, в одну общую политическую систему и одно могущественное целое»[1]. Это мнение, распространенное среди современников Бисмарка, разделялось большинством и в позднейшее время.[2]. И только отдельные лица относились к нему критически до мировой войны. Но после 1914 г., когда поддержка Германией Австрии стала одной из причин, которые вовлекли в войну всю Европу, весьма многие даже в Германии усомнились в мудрости Бисмарка. Они указывали на то, что Бисмарк, оттолкнув от себя Россию союзом с Австрией, сделал неизбежным франко-русский союз и что, приняв сторону Австрии против России в балканских делах, он подготовил тем самым почву для кризиса 1914 г.

Однако эти критики ошибались, думая что Россия постоянно держалась отчужденно от Германии после 1879 г.; они не знали о совершенно секретном договоре, который Бисмарк заключил с Россией через два года (18 июня 1881 г.), который был возобновлен (с некоторыми изменениями) и оставался в силе до тех пор, пока Бисмарк оставался у власти. Они ошибались, думая, что австро-германский союз сделал неизбежным франко-русское сближение. Франко-русский союз, возможно, был «неизбежным» в связи с ростом панславизма в России и неотвязными воспоминаниями французов об Эльзасе. Критики были неправы, думая, что союз Бисмарка с Австрией в 1879 г. неизбежно привел к австро-русскому столкновению на Балканах. Бисмарк, верный оборонительным целям созданного им австро-германского союза, постоянно в течение последующих лет предупреждал Австрию о том, что Германия не будет воевать для того, чтобы поддержать австрийские стремления к экспансии или ее агрессивную политику на Балканах. Он неоднократно повторял Австрии, что союз был оборонитель-

[1] Сан-Вальер к Фрейсине, 22 марта 1880 г.; Bourgeois et Pages, стр. 370.
[2] Ср. C. Grant Robertson, Bismarck, стр. 363 и сл.

ным, а не наступательным[1]. Так, например, в 1885 г. он пророчески предупреждал Австрию, что если она слишком сильно будет поддерживать Сербию, то это может привести к росту сербских честолюбивых стремлений, так что Сербия когда-нибудь «повернется против Австрии и заговорит о сербском ирредente в венгерском Банате»[2]. И только через много лет после того, как Бисмарк покинул свой пост, Австрия стала вести более агрессивную и независимую политику, имевшую тенденцию, превратить австро-германский союз из оборонительного по форме фактически в наступательный союз. Поэтому критика этого союза должна быть направлена не против Бисмарка, но против его позднейших преемников, в особенности против Бюлова и Бетмана, которые недостаточно твердо следовали его политике сдерживать Австрию.

Равным образом было бы ошибкой думать, как это делают многие авторы, что предпочтение, которое Бисмарк отдал Австрии перед Россией в 1879 г., было окончательным, и что нить, связывавшая Берлин с Петербургом, была навсегда порвана. Этого не было. Бисмарк ждал только удобного случая, чтобы поправить отношения с Россией. Он вовсе не отвернулся навсегда от России. Заключая союз с Австрией, он только совершил шаг, которого требовало в данный момент благоразумие, но это не исключало возможности другого шага позднее, по направлению к России. И случай для этого скоро представился.

СОЮЗ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ. 1881—1887 гг.

Среди русских дипломатов были двое, которых не ослепило негодование против Бисмарка за исход Берлинского конгресса. Одним из них был Гирс, которому вскоре было поручено фактическое управление русским министерством иностранных дел вместо Горчакова. Другим был Петр Сабуров, предвидевший возможность австро-германского союза еще до того, как был подписан договор об этом союзе[3]. В январе 1880 г. Сабуров в качестве посла приехал в Берлин, где он имел несколько интимных бесед с Бисмарком в целях восстановления тесных личных сношений между царем Александром II и императором Вильгельмом I, что должно было привести к возрождению союза трех императоров[4].

Сабуров, подобно всем русским дипломатам, всегда добивался утверждения русского господства или влияния в Константинополе. В 1878 г. он убедился, как легко было английскому флоту угрожать столице Турции, и он опасался повторения этого в будущем. Поэтому он изложил Бисмарку свою точку зрения на грозившую России опасность в меморандуме, в котором говорилось следующее: в 1833 г. Россия помогла Турции в ее борьбе с победоносной армией Магомета Али и была вознаграждена за эту услугу договором в Ункияр-Скелеси, согласно

---

1 «G.P.», IV, 338; V, 8, 26 и сл., 35 и сл., 136 и сл., 149 и сл., 194 и сл.

2 Ibid, V, 11 и сл.

3 Ср. его интересный и дружеский разговор с Бисмарком в Киссингене в июле 1879 г. «Красный архив», I, 68—84.

4 «G.P.», III, 139—179. J. Y. Simpson, Russo-German relations and the Sabouroff Memoirs в «The Nineteenth Century», LXXXII, 1111—1123; LXXXIII, 60—75 (декабрь 1917; январь 1918).

которому Турция обязывалась закрыть Дарданеллы для флота всякого враждебного государства, который пытался бы проникнуть в Черное море. Это постановление, защищавшее исключительно интересы России, обеспечивало ее южное побережье от нападения врага; но это постановление было ко вреду России изменено Лондонским договором 1840 г. и конвенцией о проливах 1841 г., в которой принцип закрытия проливов, до того времени применявшийся ко входу в Черное море, был распространен и на выход из него. Россия таким образом оказалась лишенной возможности послать свой флот в Средиземное море. Эти принципы были подтверждены Парижским договором 1856 г., который кроме того запрещал России и Турции иметь в Черном море военные суда; этот договор оставался в силе до Лондонского договора 1871 г. Лондонское соглашение, состоявшееся в результате попытки России отменить постановление о Черном море, в то время, когда Франция и Германия были заняты франко-прусской войной, уничтожило постановление Парижского договора, запрещавшее России или Турции иметь военные суда в Черном море, но впервые установило, что иностранные суда могли войти в проливы, если султан счел бы это необходимым для охраны других постановлений Парижского договора. Такое постановление делало совершенно невыгодным для России принцип закрытия проливов, установленный первоначально для того, чтобы дать России замок и цепь к Дарданеллам для защиты своих берегов и для возможности воздействия на Турцию. На Берлинском конгрессе Англия заявила, что «ее обязательства, касающиеся закрытия проливов, ограничивались обязательством в отношении султана уважать в этом вопросе только независимое решение султана». Иными словами, Англия не была обязана считаться с решением султана, если бы этот последний попытался закрыть проливы по просьбе России, так как такое решение не было бы «независимым». Таким образом Англия, заключал Сабуров, сохраняла за собой право входа в проливы и угрозы интересам России тогда, когда ей будет угодно. Замок и цепь к Дарданеллам в этих условиях не имели для России значения, если бы она не получила поддержку Германии и Австрии[1]. Это было целью Сабурова и на это был согласен Бисмарк, желая в обмен получить восстановление дружеских отношений с Россией. Дружеское соглашение с Россией означало бы восстановление соглашения трех императоров и содействовало бы упрочению мира в Европе. Сабуров находился под сильным впечатлением австро-германского союза и начинал понимать, что Россия становится дипломатически изолированной. Россия снова стремилась к получению поддержки со стороны Германии и Австрии.

[1] Русский меморандум от 5 февраля 1880 г., врученный Сабуровым Бисмарку «G. P.», III, 144 и сл. Прекрасный исторический обзор вопроса о проливах к 1878 г. см. у J. T. Shotwell, A. Short History of the Question of Constantinople and the Straits в International Conciliation № 180, ноябрь 1922 г., стр. 463—527; см. также S. M. Goriainov, Le Bosphore et les Dardanelles, Paris, 1910; P. N. Mischev, La mer noire et les détroits de Constantinople, Paris 1899; E. Driault, La question d'Orient, Paris 1905; M. Dascovici, La Question du Bosphore et des Dardanelles, Genève 1915; N. E. Buxton and C. Phillipson, The Question of the Bosphore and the Dardanelles, London 1917 и ниже гл. V. (Горянинов, Босфор и Дарданеллы, имеется и на русском языке, СПБ 1907 г. Прим. ред.)

Бисмарк, со своей стороны, несмотря на его сравнительно дружественные в это время отношения с Францией, никак не мог отделаться от призрака создания франко-русской коалиции против него. Чтобы уменьшить вероятность этого события, он считал в высшей степени желательным восстановление былой гармонии между тремя восточными императорами, существовавшей до Берлинского конгресса. Австрия тоже получила бы известные выгоды от восстановления добрых отношений со своими обоими соседями, так как это гарантировало бы ее новое положение в Боснии и Герцеговине и обеспечивало бы до некоторой степени, что в будущем каждое изменение status quo на Балканах—где положение все еще было мало устойчивым—не произойдет единственно по воле России исключительно в пользу славян и во вред австрийским интересам; изменения status quo на Балканах должны были бы иметь место на основе взаимной договоренности между тремя восточными империями.

Ввиду выгодности договора для каждой из трех держав, оказалось нетрудным достигнуть совершенно секретного соглашения, которое было подписано Бисмарком, Сабуровым и Сечени 18 июня 1881 г. Бисмарк считал это соглашение настолько секретным, что не доверил составление документа секретарям своей канцелярии, но написал его собственной рукой; дипломатическая переписка по этому вопросу была помечена специальными номерами и была предназначена только для совсем узкого круга посвященных лиц. Этот договор настолько хорошо сохранялся в тайне, что о нем ничего никому не было известно до тех пор, пока часть договора не была опубликована в 1918 г. Горяиновым[1]. Договор этот среди других постановлений гласил (ст. 1), что «в случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с четвертой великой державой, две другие будут соблюдать в отношении ее благожелательный нейтралитет и приложат старания для локализации конфликта». Другими словами, если бы Германия находилась в состоянии войны с Францией, или Австрия в состоянии войны с Италией, или Россия в состоянии войны с Турцией, воюющее государство могло бы не опасаться нападения с тыла со стороны одной из двух других восточных империй. Интересы Австрии на Балканах были защищены постановлением, согласно которому этот первый пункт ст. 1 применялся к войне между Россией и Турцией, «но только в том случае, если предварительно между тремя дворами будет достигнуто соглашение по вопросу о результатах такой войны».

В ст. 2 державы, подписавшие соглашение, условились уважать права, приобретенные Австрией в Боснии и Герцеговине в силу Берлинского договора, и не изменять территориального status quo Европейской Турции иначе, как с общего согласия. Подразумевалось, что это означало возможность для России продолжать свою агрессивную политику на Кавказе, где Австрия и Германия не имели особых интересов.

---

[1] S. Goriainov, The End of the Alliance of the Emperors, «Amer. Hist. Rev.» XXIII, 325 (январь 1913 г.). Полный текст напечатан у Прибрама, стр. 11, и с описанием переговоров, которые привели к заключению этого соглашения, в «G. P.», III 139—179.

Опасения Сабурова относительно появления английского флота в проливах были предусмотрены в ст. 3 договора.

«Все три двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл... Они совместно позаботятся о том, чтобы Турция не делала никаких исключений из этого правила в интересах какого-либо правительства путем предоставления для военных операций воюющей державы части своей территории, в которой расположены проливы. В случае нарушения этого принципа или для предупреждения нарушения, если бы такого нарушения можно было ждать, все три двора предупредят Турцию, но они в этом случае будут считать, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей в силу Берлинского договора».

Дополнительный протокол устанавливал дружеское сотрудничество между консульскими и иными агентами договаривавшихся держав на Балканах и возможное воссоединение Болгарии и Восточной Румелии. Уступки, сделанные Россией Австрии в силу рейхштадского соглашения и будапештской конвенции, были подтверждены постановлением о том, что

«Австрия сохраняет право присоединить провинции Боснию и Герцеговину (уже оккупированные в 1878 г.) в тот момент, который она найдет для этого подходящим».

Этот, договор 1881 г., возродивший соглашение трех императоров и превративший его в союз, служил главной цели Бисмарка—сохранению мира в Европе и в особенности предупреждению конфликта между Россией и Австрией на Ближнем Востоке. Путем молчаливого согласия он устанавливал на Ближнем Востоке нечто вроде линии разграничения интересов обоих государств. Россия получала преобладающее и беспрепятственное влияние в Болгарии и в восточной части Балканского полуострова, в то время как Австрия получала преобладающее влияние в Сербии и в западной части этого полуострова. Установление границы между Болгарией и Сербией в качестве демаркационной линии, разделяющей сферы русских и австрийских интересов, по мнению Бисмарка, было наиболее верным и лучшим способом избежать опасного соперничества на Балканах. Бисмарк был готов воспользоваться решающим влиянием Германии для того, чтобы принудить каждого из своих союзников держаться в пределах демаркационной линии сферы его интересов. В противоположность политике своих преемников, он готов был удерживать Австрию, посредством давления на нее и своевременных предупреждений, от таких агрессивных действий на Балканах, которые способны были вызвать опасное противодействие со стороны России. Ему было безразлично кто правил Болгарией и что там происходило. Болгария была сферой интересов России и эта последняя могла делать там все, что ей было угодно. Россия первоначально посадила князем Болгарии Александра Баттенбергского; но если бы Россия пожелала сместить его, когда он перестанет быть достаточно послушным орудием, как этого ожидали панслависты, то это было делом России, и Австрия не должна была возражать против этого. Бисмарк предупреждал Ав-

стрию о том, что она совершенно не должна касаться Болгарии и что он не позволит никому в этом деле вести себя на поводу, так как это может поссорить Германию с Россией. Его мудрый совет Австрии гласил: «Восточный вопрос есть дело терпения: выигрывает тот, кто будет выжидать»[1].

Политика Бисмарка, направленная к установлению демаркационной линии между австрийскими и русскими интересами, и то давление, которое он оказывал на каждую из этих стран, помогли сохранить мир в Европе даже в течение жестокого балканского кризиса, возникшего вследствие объединения обеих частей Болгарии в сентябре 1885 г. Но так как Австрия не переставала поддерживать сербов против болгар, то Александр III отказался возобновить союз трех императоров, когда в 1887 г. срок действия договора об этом союзе истек.

Царь питал неискоренимое недоверие к Австрии. Он унаследовал его от своего деда со времен «чудовищной неблагодарности» Австрии, проявленной ею во время Крымской войны. Такое отношение царя поддерживалось в нем его воспитателями и советниками, принадлежавшими к панславистским кругам, представленным Милютиным и Катковым, и оно особенно овладело царем во время длительного боснийского кризиса, так неудачно закончившегося для России на Берлинском конгрессе. Бисмарк усиленно старался возобновить трехстороннее соглашение 1881 г.[2]. Но когда он увидел, что царь был непоколебим в своем недоверии к Австрии, он не захотел лишиться дружбы России только из-за того, что Австрия без всякой надобности агрессивно поддерживала сербов против болгар. Кроме того, его отношения с Францией значительно ухудшились за последние месяцы, с усилением буланжизма, а в сентябре 1886 и весной 1887 г. до него начали доходить слухи относительно тайных переговоров о создании франко-русской коалиции[3].

РУССКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О ПЕРЕСТРАХОВКЕ. 1887—1890 гг.

В связи с этим Бисмарк поспешно принял предложение России о том, чтобы вместо трехстороннего соглашения, Россия и Германия заключили оборонительный договор вдвоем без участья Австрии. Со свойственной ему прямотой действия Бисмарк вынул из своего портфеля текст договора о союзе 1879 г. и прочел его Шувалову, выразив при этом свое искреннее сожаление о том, что позиция России в то время побудила Германию защищать свои интересы с помощью этого договора.

Тем не менее этот договор существовал: Германия должна остаться и останется верной своим договорным обязательствам по отношению к Австрии, и это обстоятельство следует принять во внимание при заключении какого бы то ни было договора между Россией и Германией. После обсуждения вопроса о существовавших для этого возможностях, затруднение было преодолено путем следующей формулировки, при-

[1] «G. P.», V, 195.
[2] Инструкция от 21 декабря 1886 г.
[3] G. P., VI, 89 и сл.

нятой в ст. 1: «В случае если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет сохранять в отношении первой благожелательный нейтралитет и употребит все усилия для локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции в случае, если бы таковая возникла вследствие нападения на одну из последних держав одной из договаривающихся сторон»[1].

Такое оборонительное соглашение вполне удовлетворяло Бисмарка, так как он вовсе не имел намерения нападать на Францию. В случае же, если бы Франция напала на Германию, он по договору 1879 г. был обеспечен от опасности на южных границах Германии, благодаря обязательству Австрии сохранить доброжелательный нейтралитет. Теперь же, в результате нового договора с Россией, он был также обеспечен от опасности на восточных границах Германии. Более того, если бы Россия напала на Австрию, новый «договор о перестраховке» ни в какой степени не противоречил вытекающим для Бисмарка из австро-германского союза обязательствам защищать Австрию.

Со свойственной для него готовностью обсудить цели и стремления всякого другого государства и договариваться на базе этих стремлений, Бисмарк и в дальнейшем признал российские интересы на Балканах и желание Сабурова обеспечить России «замок и цепь» против возможного появления английского флота в проливах. В соответствии с этим «договор о перестраховке» признавал (ст. 2) «исторически приобретенные Россией права на Балканском полуострове и в особенности законность преобладающего и решающего влияния в Болгарии и Восточной Румелии»; ст. 3 снова подтверждала уже установленный в 1881 г. принцип, что Россия и Германия принимают на себя обязательства поддерживать друг друга при давлении на султана в вопросе о закрытии Босфора и Дарданелл для военных судов иностранных держав. Оба государства также торжественно обещали друг другу не допускать изменений status quo на Балканском полуострове иначе как по предварительному взаимному соглашению. В дополнительном протоколе Бисмарк пошел еще дальше в признании русской точки зрения, согласившись на то, что «в случае если Россия сочтет необходимым принять меры для защиты входа в Черное море в целях ограждения своих интересов, Германия обязуется соблюдать благожелательный нейтралитет и оказать моральную и дипломатическую поддержку тем мероприятиям, к которым Россия сочтет необходимым прибегнуть для получения гарантии в отношении ключа к своей империи». Это постановление означало, поскольку это касалось Германии, что Россия могла завладеть территорией проливов и, возможно, даже Константинополем. Обладание этим «ключом», который Россия фактически уже приобрела было в силу Сан-Стефанского договора в 1878 г.[2] и который теперь, в 1887 г., Бисмарк снова обещал ей, обозначало нечто гораздо большее, чем те «замок и цепь» против английского флота, которые имелись в виду в Сабуровском соглашении 1881 г. Бисмарк был готов отдать даже и этот «ключ» для

[1] G. P., V. 253; Pribram, 305.

[2] Сан-Стефанский договор не передавал ни проливов, ни Константинополя России. Прим. ред.

того, чтобы ослабить возможность коалиции между Россией и Францией. Кроме того он несомненно рассчитывал на то обстоятельство, что Англия не будет молчать, если Россия попытается выкинуть султана из его столицы. Этот так называемый «договор о перестраховке» от 18 июня 1887 г. был заключен на три года[1]. Договор этот пережил канцлерство Бисмарка, но не был возобновлен преемником Бисмарка, Каприви. Договор этот не смог предотвратить начало франко-русского сближения, вылившегося окончательно в форму союза, но нет никакого сомнения в том, что он отдалил создание коалиции, являвшейся для Бисмарка самым страшным кошмаром.

Таков был результат ряда союзных соглашений, устанавливавших преобладание восточных империй, при помощи которых Бисмарк в течение почти 20 лет предотвращал открытое столкновение между Россией и Австрией на Балканах, сохранял почти ненарушенными добрые отношения Германии с ее могущественными соседями на юге и Востоке, ослабляя этим самым опасность с Запада. Самое существование союза 1881 г. с Россией и Австрией сохранялось в такой абсолютной тайне, что оно не возбудило никаких подозрений и тревог ни у Франции, ни у других держав.

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ 1882 г.

Образование тройственного союза обычно приписывается Бисмарку. Указывают, что он толкал Францию на захват Туниса с расчетом на то, что этот факт «возбудит такое ожесточение в Италии, что Бисмарк сможет быть вполне уверен в согласии итальянского правительства на союз с Австрией и Германией»[2]. Действительно он побуждал Францию «сорвать спелый тунисский плод» и пуститься в другие колониальные предприятия. Но он делал это главным образом в надежде завоевать дружеское расположение Франции путем поддержки ее честолюбивых стремлений и колониальных затей, что должно было помочь ей позабыть поражение 1870 г. Он надеялся, что французы растратят всю свою энергию в Северной Африке и Китае, вместо того чтобы готовиться к возвращению силой Эльзас-Лотарингии. Он приветствовал антагонизм между Францией и Италией, но он вовсе не имел в виду устроить союз Германии с Италией. И Тройственный союз обязан своим возникновением не Бисмарку, а Италии.

В начале 1882 г. Италия подняла вопрос о заключении союзного договора с Германией и Австрией. Италия желала усилить свое поло-

---

[1] Текст договора и «предшествовавших ему переговоров» см. G. P., V, 211—268; затем Горяинов «Amer. Hist. Rev.». XXIII, 330—349 (январь 1918). Красный архив т. I, или «Русско-германские отношения», изд. Центрархива. Прим. ред.

[2] Seymour, The Diplomatic Background of the War 1870—1914. стр. 35. Ср. также Matter, Bismarck et son temps, III. 445, 512 и сл., Hanotaux, Histoire de la France contemporaire, IV, 740; Coolidge, The Origins of the Triple Alliance, 197 и сл. О тройственном союзе на основании новых материалов см. в «Die Grosse Politik» и у Pribram'a, а также Becker, Bismarck's Bündnispolitik (Berlin 1923); Rachfahl, Deutschland und die Weltpolitik, 1871—1914, I, Die Bismarck'sche Aera (Stuttgart 1923), стр. 374—398; Granfelt, Das Dreibundsystem. 1879—1916 (Stockholm 1924); Lenz, Deutschland im Kreis der Grossmächte, 1871—1914 (Berlin 1925). Лучшее изложение тунисского вопроса у W. L. Langer, The European Powers and the French Occupation of Tunis, 1878—1881, в «Amer. Hist. Rev.» XXXI, 55—78, 251—225 (октябрь 1925, январь 1926).

жение и получить поддержку для осуществления своих дальнейших устремлений. Италия вернулась с Берлинского конгресса с «чистыми», т. е. «с пустыми руками», хотя Бисмарк заявил ей, что, поскольку это зависит от Германии, Италия может во всякое время захватить Триполи. Италия считала, что она получила унизительную пощечину от Франции, занявшей Тунис, т. е. ту самую территорию, которой не без оснований добивалась Италия. Кроме того Италия опасалась, что «ватиканский узник» может попытаться возвратить себе свои светские владения. В союзе с Германией и Австрией Италия только выигрывала и очень немногим рисковала. Бисмарк это прекрасно понимал и поэтому не очень полагался на ее надежность в качестве союзника. Еще раньше, в 1880 г., когда с ним впервые заговорили о договоре с Италией, он сказал: «не следует слишком бегать за Италией если что-нибудь хочешь от нее получить; кроме того, ее обещания не имеют никакой цены, если она не заинтересована в их выполнении»[1]. О ценности же итальянцев как союзников он был невысокого мнения; в недавно опубликованных частных заметках Бисмарка мы находим, что он говорит об «их непостоянном характере», «их детском эгоизме» и «беспокойном, высокомерном характере итальянской политики, которая легко может вовлечь в затруднения друзей Италии»[2]. Он подчеркивал непрочность союзов с парламентскими монархиями вроде Италии и Англии:

«Не все страны способны дать одинаковые гарантии в том, что их обязательства будут строго выполняться; в особенности это верно для тех стран, в которых законодательные органы имеют больше влияния, чем правящая династия. Например с Англией не может быть постоянного союза, так как в Англии внутренняя политика преобладает над иностранными делами. Политические партии, чередующиеся в правительстве страны, не всегда признают обязательства своих предшественниц, а монарх недостаточно силен сам по себе для того, чтобы вести свою внешнюю политику вопреки воле той партии, которая в данное время находится у власти... У нас так же как и в Австрии, дело обстоит иначе. В этих обеих странах, хотя они также имеют парламентские учреждения, существует достаточно сильная монархия, способная выполнять свои договорные обязательства при всяких обстоятельствах»[3].

Однако Бисмарк, в связи с некоторыми выгодами, которые он рассчитывал получить для Германии, постепенно начал благосклонно относиться к стремлениям Италии заключить с Германией союз. Но поскольку Германия не граничила с итальянской территорией и не была так непосредственно, как Австрия, заинтересована в целом ряде щекотливых вопросов, которые надо было урегулировать, Бисмарк дал понять, что Австрия должна взять на себя инициативу в переговорах с Италией об условиях соглашения. Итальянскому послу в Берлине было сказано, что «ключ к двери, ведущей к нам, надо искать в Вене»[4].

---

[1] G. P., III, 185.
[2] G. P., III, 185—198; ср. также Pribram, I, 128 и сл.
[3] G. P., III, 207.
[4] Pribram, 24—26. G. P. 245—247.

В соответствии с этим последовали австро-итальянские переговоры, в которых Бисмарк принимал участие отдельными указаниями и которые в конце концов привели к договору о Тройственном союзе, подписанному в Вене 20 мая 1882 г. Кальноки, Робилантом и Рейссом [1].

Согласно вступительной статье этого договора, общей целью Австрии, Италии и Германии было «увеличить гарантии всеобщего мира, укрепить монархический принцип и обеспечить тем самым сохранение в неприкосновенности социального и политического порядка в их государствах путем заключения договора, который благодаря своей консервативной и оборонительной по существу природе имел целью только защитить их от угрозы, которая могла бы создаться для безопасности их государств и спокойствия Европы». Хотя этот договор не давал специальных гарантий Германии от притязаний Франции на Эльзас-Лотарингию, или Италии—от возможных притязаний на Рим со стороны папы, каждая из этих держав рассчитывала, что он будет содействовать именно этой цели.

В ст. 1 «высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу мир и дружбу; они не вступят ни в какой союз и не примут обязательств, направленных против одной из них. Они обязуются приступить к обмену мнений по могущим возникнуть политическим и экономическим вопросам общего характера и кроме того обещают друг другу взаимную поддержку в пределах своих собственных интересов».

Во время переговоров об австро-германском союзе в 1879 г. Андраши упорно отказывался обещать вооруженную помощь Австрии в случае нападения Франции на Германию, если бы Франция не была поддержана Россией; его преемник настаивал на этом отказе в 1882 г., и вследствие этого в ст. 2, посвященной возможности нападения Франции, было установлено, что обязательства Австрии применяются только к Италии, в то время как обязательства Германии и Италии были обоюдными: «В случае, если бы Италия без прямого вызова с ее стороны подверглась по какому бы то ни было поводу нападению со стороны Франции, обе другие договаривающиеся стороны будут обязаны оказать ей помощь и содействие всеми своими силами. То же обязательство ляжет на Италию в случае невызванного прямо нападения Франции на Германию».

Ст. 3 предусматривала опасность франко-русской коалиции: «Если бы одна или две из высоких договаривающихся сторон без прямого с их стороны вызова подверглись нападению или были вовлечены в войну с двумя или несколькими великими державами, не подписавшими настоящего договора, то casus foederis представится одновременно для всех высоких договаривающихся сторон». Это фактически распространяло на Италию принцип, принятый в 1879 г. в договоре между Австрией и Германией. Но там отсутствовали дополнительные слова: «без прямого с их стороны вызова», которые придавали обязательству теперь более ограниченный и чисто оборонительный характер.

Согласно ст. 4, «в случае, если бы какая-либо великая держава, не подписавшая настоящего договора, стала угрожать безопасности владений одной из высоких договаривающихся сторон и если бы угро-

[1] G. P., III, 208.

жаемая сторона была вынуждена вследствие этого начать войну против такой державы, обе другие договаривающиеся стороны обязуются соблюдать в отношении своей союзницы благожелательный нейтралитет. В этом случае каждая из них сохраняет за собой право вступить в войну, если найдет соответствующим своим интересам принять участие в общем деле со своей союзницей».

Ст. 5 имела в виду обеспечить солидарность действий: «Если бы для мирного состояния одной из высоких договаривающихся сторон создалась угроза при обстоятельствах, предусмотренных предшествующими статьями, то высокие договаривающиеся стороны своевременно договариваются по вопросу о военных мероприятиях на соответствующий предмет. Они отныне обязуются во всех случаях совместного участия в войне не заключать мира, перемирия или договора иначе, как по общему между собой согласию».

Договор о союзе был заключен на 5 лет и содержание его и самый факт его существования должны были держаться в секрете.

Участники Тройственного союза ожидали, что договор этот принесет значительные выгоды его членам. Италия выигрывала в том смысле, что в результате союза с могущественной Германской империей увеличивались ее престиж и мощь, благодаря чему она могла отныне считаться одной из великих держав. Ее королевское правительство, проявившее признаки слабости перед революционной агитацией, было сильно укреплено этим договором и могло меньше опасаться нападений со стороны папы и Франции. Кроме того Италия могла теперь меньше опасаться осложнений с Австрией, превратившейся из врага в ее союзницу—по крайней мере, поскольку речь шла не о народах, а о правительствах обеих стран. Принятые на себя взамен этого Италией обязательства не были тяжелыми. Она не должна была помогать Австрии в случае войны между Австрией и одной Россией. В случае нападения Франции на Германию или на самое Италию, последняя имела бы могущественную поддержку Германии и могла бы ожидать победоносного исхода войны, который мог дать ей кое-какое увеличение территории со стороны Ниццы, Савойи или же Северной Африки.

Главной выгодой, которую извлекала из этого договора Австрия, была надежда на то, что в случае нападения России в связи с балканским вопросом, она не должна была более оставлять часть своей армии для охраны южных границ от итальянской прренденты. Она могла бросить все свои силы против России или на Балканы.

Германия надеялась, что договор будет удерживать Италию от союза с Францией, который усилил бы партию реванша в Париже. В случае же, если бы Франция начала войну, силы, которые французы могли бы перебросить через Рейн, были бы ослаблены за счет тех сил, которые Франция должна была бы направить к альпийским границам против Италии. Если бы Франция была поддержана Россией, то для Германии было весьма важно, что Австрия, не опасаясь больше за свои итальянские границы, была бы в состоянии бросить все силы двуединой монархии против России и тем самым ослабить давление на восточном фронте Германии. Даже если бы Италия была неспособна выставить значительную боевую силу—Кальноки и Бисмарк оба

были весьма низкого мнения об итальянской военной мощи в то время,— для Германии и Австрии было чрезвычайно выгодно то обстоятельство, что итальянские силы появятся на западе против Франции, вместо того чтобы двинуться на север в тыл Австрии. «Скорее экономия австрийских сил, чем выигрыш итальянских сил—вот наша цель»,—таково было мнение Бисмарка[1].

Договор Тройственного союза по своему тексту и своему происхождению был преимущественно договором оборонительного характера и был подписан прежде всего для того, чтобы сохранить европейский мир. В настоящее время это ясно по тем подробным переговорам о заключении его, которые были найдены Прибрамом в австрийских архивах, и из многочисленных германских документов в «Die Grosse Politik». Оборонительный характер его допускается даже французскими историками, которые далеко не дружески расположены к Бисмарку[2]. Сам Бисмарк в своей частной переписке, на опубликование которой он никогда не рассчитывал, отзывается о договоре как «о нашей лиге мира»[3]. Миролюбивые и оборонительные намерения были проявлены главным образом Германией, в меньшей степени это можно сказать об Италии и Австрии, которые позднее пожелали воспользоваться этим договором для поддержки своих агрессивных намерений. Действительно, Италия довольно скоро захотела воспользоваться этим союзом для осуществления своих притязаний в Северной Африке и других странах. Обращенная Италией к Германии просьба о защите итальянских интересов против французов в Марокко вызвала со стороны Бисмарка следующий резкий ответ:

«Я не могу удержаться от понятного негодования по поводу этой просьбы Манчини и вижу в ней диллетантское—между нами я сказал бы: пошлое—незнание того, что вообще возможно и желательно в крупных дипломатических вопросах. В этом инциденте, выражаясь мягко, вновь проявляется тот недостаток бескорыстия, который уже так часто проявляли итальянцы, заставляя других бороться за итальянские интересы, не рискуя при этом со своей стороны решительно ничем... Мы готовы встать на защиту Италии, если она подвергнется нападению со стороны Франции или если будет налицо серьезная угроза такого нападения, но мы не можем безразлично относиться к желанию Италии, чтобы мы стали ссориться с Францией, или ставить Европу перед возможностью войны в широком масштабе только ради туманных опасений за итальянские интересы, которые даже не являются непосредственными, а представляют лишь ее надежды на будущее в отношении Марокко, Красного моря, Туниса, Египта или какой-нибудь другой части света»[4].

В 1885 г. Италия вновь вызвала раздражение своих новых союзников, захватив Массову на Красном море и не поставив своих союзников заранее в известность о своих намерениях. Когда наступило время для возобновления договора Тройственного союза, Италия начала жа-

---

1 G. P., III, 224—225.
2 Ср. Bourgeois et Pagès, стр. 197.
3 «Unsere Friedensliga», G. P., III, 263.
4 G. P., III, 410.

ловаться на то, что она ничего не выиграла в результате этого договора. На это Бисмарк резко, но правильно ответил, что союз был создан для того, чтобы обеспечить мир в Европе, а не для того, чтобы дать членам этого союза возможность новых завоеваний. Когда Италия намекнула, что она хотела бы иметь обещания о более широкой поддержке ее стремлений, выставляя это условием возобновления ею договора о союзе, Бисмарк сначала наотрез отказал, заявив, что она вольна возобновить договор о союзе в той форме, в какой он был, без изменений, или отказаться от него. Но затем, в 1887 г., когда франко-германские отношения стали натянутыми, а Италия намекнула, что она перейдет на сторону Франции, если на ее желания не обратят внимания, Бисмарк изменил свою точку зрения. Он согласился признать итальянские притязания в Северной Африке и даже оказать давление на Австрию в том смысле, чтобы эта последняя в принципе признала право Италии наравне с Австрией участвовать в решениях будущей судьбы Балкан, Оттоманского побережья и островов Адриатического и Эгейского моря[1].

Австрийская политика на Балканах после 1906 г. равным образом сводилась к тому, чтобы постараться использовать Тройственный союз скорее для агрессивных, чем для мирных целей. Но мы здесь не можем входить в обсуждение деталей позднейшего перерождения этого союза, имевшего первоначально оборонительный характер. Эти детали ни в чем не меняют того положения, что Бисмарк никоим образом не намеревался использовать Тройственный союз для агрессивных действий Германии против Франции. Для Бисмарка союз этот оставался, как и был с момента его создания, оборонительным союзом. К несчастью французов убедить в этом было нелегко. Поскольку постановления договора были секретными, французы, естественно, подозревали, что в этих постановлениях заключена угроза по их адресу. Эта подозрительность Франции усилилась в связи с быстрым ростом вооружений Германии и Италии в 80-х годах и благодаря вызывающему тону Бисмарка в период буланжизма. Секретный характер постановлений договора о Тройственном союзе и вызванная этим преувеличенная подозрительность к этому договору весьма содействовали ухудшению франко-германских отношений и образованию франко-русского союза в начале 90-х годов.

СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР С РУМЫНИЕЙ 1883 г.

Но Тройственным союзом не исчерпывалась серия договоров, посредством которых Бисмарк стремился обеспечить европейский мир. Летом 1883 г. король Карл, правитель Румынии из дома Гогенцоллернов, посетил Германию. Бисмарк воспользовался этим случаем для того, чтобы узнать у Австрии, «не является ли желательным или возможным распространить на восток нашу лигу мира (Friedensliga) с Ита-

[1] Ст. 1—4 отдельного итало-германского возобновленного договора от 20 февраля 1887 г., затем ст. 1 австро-итальянского возобновленного договора от того же числа, которая была включена в качестве знаменитой ст. 7 текста этого договора при его последнем возобновлении 5 декабря 1912 г. Ср. Pribram, I, 44 и сл., 103 и G. P., V, 179—260.

лией, и таким образом дать твердое направление политике Румынии и возможно политике Сербии и Порты. За исключением России и Франции во всей Европе сейчас нет такого государства, которое не было бы заинтересовано в поддержании мира. Крепким стержнем для кристаллизации всех действий в этом направлении всегда будет наш постоянный Двойственный союз»[1]. Получив положительный ответ Австрии, Бисмарк имел две продолжительных беседы с румынским премьером, которого он нашел «более склонным к декламации, чем к деловому разговору». Г. Братиану весьма стремился к славе, которую принес бы Румынии союз с великими державами. Он громко порицал интриги России в Австрии, Румынии и Болгарии. При мысли об австро-германской поддержке его шовинистически настроенное воображение начало строить воздушные замки, в которых завоевания Италией Ниццы, Савойи и Корсики являлось прелюдией к занятию Румынией Дунайской дельты и Бессарабии.

Братиану был возвращен к реальной действительности энергичным напоминанием со стороны Бисмарка и Кальноки о том, что обсуждаемое предложение имеет целью обеспечить мир, а не завоевания; договаривающиеся державы должны взаимно обещать друг другу, что они будут воздерживаться от актов, могущих нарушить мир; но если вопреки их усилиям все же возникнет война, то в их распоряжении будет достаточно времени для обсуждения вопроса о дележе добычи.

После этого Братиану перестал фантазировать и 30 октября 1883 г. подписал договор о союзе чисто оборонительного характера, т. е. именно такой, какой имел в виду Бисмарк. Австро-румынский договор, являвшийся базой для присоединения Румынии к «договору мира» Тройственного союза, устанавливал, что если Румыния или Австрия подвергнутся не вызванному ими нападению (со стороны России), то обе договаривающиеся державы взаимно окажут друг другу помощь против нападающей стороны. Россия не называлась в тексте договора по желанию императора Вильгельма и из опасения разжечь панславистскую агитацию в случае, если бы договор в результате чьей-либо неосторожности был предан гласности. Но переговоры показывают ясно, что Россия была как раз тем государством, которое договаривающиеся государства имели в виду, заключая этот договор. Германия в соглашении, подписанном в тот же день, приняла на себя те же обязательства в отношении Австрии и Румынии, какие они взяли на себя в отношении друг друга. Договор должен был сохраняться в тайне и оставаться действительным в течение 5 лет с автоматическим продлением еще на три года, если бы он не был денонсирован одной из сторон. В 1889 г. Италия, подобно Германии, присоединилась к австро-румынскому договору и четверное соглашение время от времени возобновлялось (с незначительными изменениями). Последнее возобновление имело место 5 февраля 1913 г., когда действие его было продлено до 8 июля 1920 г.[2].

---

[1] Письмо Бисмарка князю Рейсу в Вене 19 августа 1883 г., G. P., III, 263.

[2] G. P., III, 269—282, Pribram, I, 29—34, 69—77, 85—90, 107—111, 209—245 и сл. В связи с этим следует упомянуть, что Австрия подписала тайный договор с Сербией 28 июня 1881 г., который фактически поставил Сербию под протекторат и господство Австрии на время царствования австрофила Милана Обреновича, т. е. до

РАЗРЫВ СВЯЗИ С РОССИЕЙ. 1890 г.

Таким образом в период 1871—1890 гг. европейский мир был обеспечен благодаря преобладанию восточных империй и системе созданных Бисмарком действительно оборонительных союзов, хотя в течение последних трех лет система эта несколько поколебалась. Ни одно государство не могло решиться на риск войны с подавляющей военной мощью Германии, обеспеченной и поддержанной секретными союзами, которые привели в той или иной степени Австрию, Россию, Италию, Румынию и даже Англию к сотрудничеству с Германией. Франция, в своей тяжелой изоляции, не могла и подумать о войне в целях реванша, Англия, готовая сотрудничать с Тройственным союзом в бассейне Средиземного моря, не собиралась отступить от своей традиционной политики незаключения союзов [1]. Она все еще предпочитала равновесие сил между всевозможными европейскими коалициями. Пока еще никто не угрожал ее господству на море, столь жизненно необходимому для ее торговли и для ее сношений с колониями.

Но отставка Бисмарка, последовавшая в марте 1890 г., изменила положение вещей и открыла путь к созданию союза между Россией и Францией. Уже в течение предшествовавших трех лет, несмотря на существование «договора о перестраховке», между Германией и Россией усилились трения—в связи с осложнениями в Болгарии и благодаря газетной кампании в Германии, направленной против России. Но до отставки Бисмарка лойяльность русского министра иностранных дел Гирса по отношению к союзу с Германией и антипатия царя Александра к Франции препятствовали образованию франко-русской коалиции, которая была для Бисмарка всегда ужаснейшим кошмаром [2].

В декабре 1889 г., задолго до истечения срока договора, Гирс поставил вопрос о том, должен ли договор о перестраховке 1887 г. быть возобновлен Россией, и, в положительном случае, в какой форме. В общем этот договор казался более полезным для ограждения российских интересов на Балканах и для сохранения мира, чем союз с Францией. Последний создал бы опасность для мира, так как разжег бы надежды французских шовинистов и привел бы к ухудшению отношений между Францией и Германией. В соответствии с этим граф Шувалов имел с Бисмарком доверительный разговор 10 февраля 1890 г.,

---

1889 г., благодаря чему это государство временно попало в орбиту политики держав Тройственного союза (Pribram, I, 18 и сл.).

[1] По поводу отказа Англии пойти навстречу попыткам Бисмарка нащупать почву относительно заключения англо-германского соглашения или союза в 1887 и 1889 гг. см. G. P., IV, 376 и сл. Значение этих попыток было преувеличено, см. Hammann, Der Missverstandne Bismarck, S. 20 и сл., 59, и Eckardstein, Lebenserinnerungen, II, 282; III, 1 и сл.

[2] В декабре 1886 г. Гирс сказал германскому поверенному в делах в Петербурге: «С этими людьми (во Франции) нельзя вести разумной политики», — неделю спустя: «Как могут французы быть настолько наивны, чтобы вообразить себе, будто император Александр выступит вместе с Клемансо и его сторонниками против своего дяди! Такой союз возбуждает чувство отвращения у императора, который вовсе не хочет помогать делу коммунизма», и 20 октября 1887 г.: «Французы самый гнусный народ, правительство их скверно и глупо; в Париже полная неразбериха». «G. P.», VI, 107, 108, 118.

причем оба собеседника высказались в пользу возобновления этого договора. Бисмарк сказал: «Этот договор является документом, ясно определяющим всю политику, которой мы следовали и которая по моему убеждению не должна быть изменена» [1].

Но назревавший между германским канцлером и его молодым коронованным повелителем конфликт, определявшийся различием темперамента и политических взглядов, приближался и разразился 17 марта. С уходом Бисмарка с поста министра иностранных дел Шувалов не знал, что ему делать. Он доносил, что то, что произошло в Берлине, было более чем странно, и что каждый должен был задать себе вопрос, вполне ли здоров молодой император. В ночь на 21 марта посол был разбужен посланцем от императора Вильгельма, который просил его прибыть к его величеству на другой день в 8 часов утра. Едва Шувалов прибыл во дворец, как император принял его с величайшей любезностью и ласковыми словами. «Сядьте и выслушайте меня. Вы знаете, как я люблю и уважаю вашего императора. Он был слишком хорош ко мне, чтобы я мог поступить как-нибудь иначе, чем лично информировать его о том положении, которое создалось вследствие имевших место событий... Я прошу вас передать его величеству, что я со своей стороны всецело расположен возобновить наше соглашение, что внешняя политика Германии осталась и будет оставаться такой же, какою она была во время царствования моего деда» [2].

Царь, прочитав донесение Шувалова по этому поводу, написал: «Нельзя ожидать ничего более удовлетворительного. Посмотрим, насколько дела будут соответствовать словам» [3].

Но тут вдруг сказалось роковое влияние барона Гольштейна. Он и другой советник в германском министерстве иностранных дел составили длинный меморандум с очень тонкой аргументацией, направленной против возобновления сношений с Россией; они убедили кайзера и нового канцлера Каприви.

27 марта в Берлине было решено прекратить переговоры о возобновлении соглашения, так как условия «договора о перестраховке» были признаны противоречащими если не букве, то духу договора о Тройственном союзе, и так как «если бы договор этот стал известен в результате намеренной или случайной нескромности, то он создал бы опасность для Тройственного союза и привел бы к тому, что Англия отвернулась бы от нас». Швейниц, германский посол в Петербурге, был в спешном порядке вызван в Берлин для совещания. Он не думал, что Россия может умышленно предать гласности соглашение, но он признавал «возможность нескромности идущей из других источников» [4], под которыми он, вероятно, разумел не кого другого, как самого Бисмарка. Когда в ближайшие дни Швейниц вернулся в Петербург и сообщил об отрицательном решении Германии, царь был доволен, но министр иностранных дел Гирс пришел в «удрученное состояние». Гирс, уже старый и дряхлый, боялся, что при его преемниках русские милитаристы и панслависты могут получить преоблада-

---

1 Goriainov, стр. 341; G. P., VII, 1 и сл.
2 Ibid., стр. 343; ср. G. P.,
3 Ibid., стр. 344.
4 G. P., VII, 11.

ние и создать угрозу мирным отношениям между Германией и Россией. Он надеялся договором связать руки своим преемникам. Полтора месяца спустя он снова поднял тот же вопрос и настаивал на возобновлении договора. Он был готов внести в него те изменения, которых желала Германия, или даже ограничиться простым обменом нот или, в крайнем случае, каким-нибудь писанным соглашением между обоими государствами. Так как дальнейший отказ Германии мог бы бросить Россию в объятия Франции, Швейниц советовал принять «некоторую форму письменного соглашения, которое, если бы даже оно и стало известным, не могло бы быть обращено против нас». Вскоре после того, как этот совет был получен в Берлине, Бисмарк дал интервью одному русскому журналисту, которое вызвало тревогу в германском министерстве иностранных дел[1], боявшемся, что если даже царь будет молчать, то раздраженный экс-канцлер может разоблачить опасную тайну. Руководящие чиновники министерства иностранных дел— Маршаль, Гольштейн, Кидерлен и Рашдау—поспешили составить записку против возобновления «договора о перестраховке» или какого-либо подобного ему соглашения; кайзер и Каприви согласились с их точкой зрения. Швейницу было вполне определенно предписано прекратить переговоры по этому делу. Так рухнул один из главных устоев бисмарковской политики балансирования между Россией и Австрией. Россия осталась изолированной и обнаружила большую склонность прислушиваться к речам республиканских радикалов с берегов Сены.

Историки обычно преувеличивают роль невозобновления «договора о перестраховке» как фактора, приведшего к образованию франко-русского союза. Это преувеличение отчасти можно вменить в вину самому Бисмарку. Одинокий и мрачный старик в Фридрихсруэ, которого германский народ считал полубогом, но который не пользовался симпатиями молодого императора и нового двора, наполнял столбцы «Hamburger Nachrichten» резкими статьями, в которых он оправдывал свою собственную политику и жестоко критиковал политику своих преемников: «Самым последним делом для Германии является поддержка австрийских замыслов на Балканах»[2]. «Если следовать тому пути, по которому Германия пошла, то ей грозит опасность постепенно сделаться зависимой от Австрии и в конце концов ей придется заплатить своей кровью и своим благосостоянием за балканскую политику Вены»[3].

Это было нетактично со стороны Бисмарка и поставило в затруднительное положение Вильгельма II и Каприви. Раздраженные его критикой, они ответили на его мстительные выступления мелочной и бессмысленной выходкой. Когда Бисмарк с триумфом отправился в 1892 г. в Вену для того, чтобы присутствовать при бракосочетании своего сына, графа Герберта, с графиней Гойос, Каприви приказал германскому послу в Вене не присутствовать на бракосочетании и, если возможно, воспрепятствовать тому, чтобы Бисмарк был принят импе-

[1] G. P., 23, 35.

[2] «HamburgerNachrichten», 26 апреля 1890; Hofmann, Fürst Bismarck, 1890—1898, I, 256.

[3] «Hamburger Nachrichten», 24 января 1892; Hofmann, Fürst Bismarck, 1890—1898, II, 5.

ратором Францем Иосифом. Бисмарк в отместку за это упрекал Каприви на страницах «Neue Freie Presse» в том, что он лишил Германию дружеского расположения России. «Нить, которая соединяла нас с Россией, порвана». Он утверждал, что царь именно поэтому пошел на сближение с Францией и что Каприви был ответственен за ту опасную для Германии новую коалицию, которую сам Бисмарк всегда ловко предотвращал. Это обвинение было подтверждено самообличительным выступлением Каприви в рейхстаге 6 месяцев спустя (23 ноября 1892 г.): «Мы употребили все наши старания для того, чтобы сохранить эту нить, но мы не хотели, чтобы она заставила нас порвать те узы, которыми мы связаны с Австро-Венгрией и Италией». В том, что утверждение Бисмарка соответствует действительности, окончательно убедились, когда Бисмарк на страницах «Hamburger Nachrichten» (4 года спустя) фактически открыл существование «договора о перестраховке» 1887 г., закончив статью резким выводом: «Так мы дошли до Кронштадта с марсельезой и до первого сближения абсолютистской царской России с французской республикой, которое осуществилось, по нашему мнению, исключительно благодаря ошибкам политики Каприви» [1].

Правильность обвинения Бисмарка казалось окончательно была подтверждена коротенькой официальной заметкой, появившейся через несколько дней [2] и объявлявшей его разоблачения «нарушением особо важных государственных тайн, которое нанесло удар серьезным интересам империи».

Таким образом мир пришел к убеждению, что франко-русский союз явился результатом того, что Каприви по своей глупости не продолжал бисмарковского «одновременного жонглирования пятью шарами».

Но если внимательно изучить находящиеся в настоящее время в нашем распоряжении документы, то можно увидеть, что историки были введены в заблуждение кажущейся связью событий 1890—1891 г. с пропагандой Бисмарка. Франко-русское согласие явилось не только в результате отказа Каприви возобновить «договор о перестраховке». Оно было обусловлено и другими факторами. Одним из этих факторов был рост германской промышленности и торговли, ее морских стремлений и колониальной экспансии, что означало для Германии «новый курс» на Константинополь и Багдад, курс, противоречивший интересам России. Желание императора Вильгельма получить морскую базу привело к заключению в июле 1890 г. так называемого Гельголандского договора, который у России вызвал неосновательное подозрение в том, будто Германия хочет сблизиться с Англией. Вторым фактором был рост панславизма и укрепление намерений России господствовать на Балканах. В этом интересы России противоречили интересам Австрии и делали для Берлина невозможным продолжать бисмарковскую политику поддержания равновесия между Веной и Петербургом. В конце концов Вильгельм II должен был сделать выбор между Россией и Австрией, и он выбрал Австрию. Был ли этот выбор правильным — это особый вопрос. Но поскольку выбор был сделан, Россия неизбежно становилась врагом центральных держав. Поэтому, по мнению одного

[1] Hofmann, Fürst Bismarck, 1890—1898, II, 373.
[2] «Reichsanzeiger.», 27 октября 1896.

хорошо осведомленного германского писателя, ошибка преемников Бисмарка заключалась не в том, что они выпустили из своих рук провод, соединявший Берлин с Петербургом,—это, может быть, при всех обстоятельствах было неизбежно,—а в том, что они не сумели объединиться с Англией против ее естественных соперников, России и Франции, что они не сумели привлечь Англию на свою сторону, притти с ней к разумному соглашению по морским и колониальным вопросам [1].

Третьим фактором, содействовавшим образованию франко-русского союза, было укрепление идеи реванша и то неуклонное укрепление мощи французской республики, которое наступило после падения Буланже. Во Франции, наконец, все устроилось настолько прочно, что царь мог побороть свое отвращение к союзу с революционным правительством, которое никогда не могло простить Германии нанесенных ему в 1871 г. жестоких ран.

ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1871—1890 гг.

В течение тяжелых лет, последовавших за франко-прусской войной, Франция пребывала в одиночестве среди европейских держав и наблюдала игру, которую Германия вела одновременно со многими партнерами. Франция была осуждена на изоляцию и благодаря своей военной слабости после поражения, и благодаря тем методам, которыми пользовался Бисмарк, чтобы держать ее в изолированном состоянии, и благодаря неустойчивости республиканской формы правления, на которую старые монархии Европы смотрели весьма косо. Она должна была перенести много унижений и неизбежных трений с германскими армиями на своей территории, пока не выплатила миллиардной контрибуции. И только после «военной тревоги» 1875 г. Франция впервые увидала около себя добрых соседей, которые если и не вступали с нею в союз, то по крайней мере не были склонны сложивши руки наблюдать, как она подвергается угрозам или опасности разгрома. Русский царь Александр II любезно сообщил генералу Ле Фло, французскому послу в Петербурге, что «интересы обеих стран совпадают. Вы узнаете это очень скоро и узнаете от нас, если вы—хотя я и отказываюсь верить в это—подвергнетесь когда-либо серьезной угрозе». Королева Виктория со своей стороны дала понять, что в этом вопросе она разделяет мнение царя. Но ни одна из этих двух великих держав не была еще готова вступить с французской республикой в более тесные отношения. Александр II, в силу естественной антипатии к республиканским установлениям, предпочитал монархическую солидарность, представленную соглашением трех императоров, и его внимание было сосредоточено на восточном вопросе, где для него дружба Германии имела гораздо больше значения, чем поддержка со стороны Франции. Равным образом приобретение англичанами Суэцкого канала и последовавшая за этим оккупация Египта создали положение, которое фактически сделало на четверть века вперед невозможными близкие англо-французские отношения.

Однако Бисмарк в течение 10 лет, 1875—1885 гг., употребил много

[1] Hammann, Der Misverstandne Bismarck, Pasism.
[2] Bourgeois et Pagès, стр. 168.

стараний, чтобы добиться расположения Франции и заставить Францию безоговорочно принять создавшееся в 1871 г. положение вещей. Он хотел заставить ее простить и забыть потерю Эльзас-Лотарингии так, чтобы Германия могла не опасаться больше войны ради реванша. Для улучшения отношений между обеими странами он хотел, чтобы Гамбетта, являвшийся до самой своей смерти в 1882 г. главным выразителем идеи реванша во Франции, посетил Берлин [1]. Когда в начале 1878 г. Сен-Вальe заместил Гонто-Вирона на посту французского посла в Берлине, Бисмарк осыпал его знаками внимания и любезностями, и отсюда начались разговоры о наступлении «новой эры» в отношениях между Германией и Францией. На Берлинском конгрессе и в дальнейшем, когда представлялся случай, Бисмарк уверял Францию в своей готовности оказать дипломатическую поддержку, если бы Франция пожелала защитить свои алжирские границы занятием Туниса. Так, он однажды сказал Сен-Вальe:

«Тунисская груша созрела, и наступило для вас время ее сорвать. Дерзость бея оказала действие, подобное действию августовского солнца на этот африканский плод: если вы оставите еще этот плод висеть на дереве, он испортится или его легко сорвет кто-нибудь другой. Я не знаю, насколько этот плод вас прельщает и что вы собираетесь делать, но я хочу только повторить то, что я сказал уже в июле г. Вадингтону: «Я хочу дать вам доказательства моего расположения в тех вопросах, которые вас интересуют и в которых Германия не имеет интересов, конкурирующих с вашими». И это естественно, ибо я ценю те усилия, которые вы и он употребляете для того, чтобы успокоить настроение умов и восстановить безопасность и доверие между нашими обеими странами... Я понимаю, что французский народ, доказавший теперь свой здравый смысл, нуждается в некотором удовлетворении своего честолюбия, и я искренно хочу, чтобы он получил это удовлетворение в бассейне Средиземного моря, являющемся естественной сферой французской экспансии. Чем больше успеха будет иметь Франция в этом направлении, тем менее она будет склонна упорствовать в тех претензиях и жалобах на нас, законность которых я не стану обсуждать, но устранить которые не в нашей власти» [2].

Впоследствии Бисмарк таким же образом поощрял Францию к распространению ее колониального могущества на другие части Африки и на Китай. Недавно опубликованные личные заметки Бисмарка не оставляют никакого сомнения в том, что Бисмарк надеялся, что если Франция сосредоточит все свое внимание на колониальной деятельности вне Европы, то она вероятно забудет Эльзас-Лотарингию. На мадридской конференции по марокканскому вопросу он дал инструкцию делегату Германии «действовать совместно с Францией, которая благодаря своим соседним владениям в Алжире по праву имеет интересы в Марокко», и за эту позицию он получил выражение искренней благодарности от французского посла [3]. В своих инструкциях германскому послу в Париже Бисмарк 16 июля 1881 г. писал:

[1] G. P., III, 387.
[2] Сен-Вальe Вадингтону 5 января 1879 г.; Bourgeois et Pagès, стр. 365 и сл.
[3] G. P., III, 396 и сл.

«Бассейн Средиземного моря есть то огромное поле деятельности, которое мы можем всецело предоставить в распоряжение Франции. Можно надеяться, что французские политики в конце концов поймут, что для Франции гораздо более желательным является иметь в своем активе дружески расположенную к ней германскую импер[illegible] с 45 млн. населения, чем миллион эльзас-лотарингцев. Франция может быть уверена в том, что мы никогда не будем препятствовать ее законной политике экспансии в бассейне Средиземного моря, и надо думать, что Россия займет ту же позицию, как и Германия»[1].

Эта инструкция указывает на искренность попыток Бисмарка добиться действительного примирения с Францией, попыток, которые он делал в течение 6 лет, последовавших за Берлинским конгрессом. Он кроме того отказал в какой-либо помощи семье Абд-Эль-Кадера, героического предводителя алжирских племен, ведшего такую трудную войну против французов, стремившихся к завоеванию и колонизации Северной Африки[2]. Он считал ненужным обращать внимание на чрезмерные проявления французского шовинизма. Некоторые французские газеты, Лига патриотов и шарлатаны, вроде Поля Деруледа, все еще поддерживали жестокую агитацию против Германии. Но Бисмарк приказал своим послам и германской прессе, поскольку это возможно, не обращать на них внимания. «В делах такого рода лучшее средство—молчание»[3].

Раздраженный двусмысленными действиями Англии в отношении юго-западной Африки и стремясь к искреннему сближению с Францией, он был готов сотрудничать с французами на конференции по вопросу о Египте и по другим африканским колониальным вопросам. В конце 1884 г. стали говорить даже о франко-германском морском сотрудничестве, которое могло бы превратиться в союз. Но французы подозревали Бисмарка в «маккиавелистских замыслах». Они подозревали, что он хочет поссорить их с англичанами[4]. Окончательное и бесповоротное признание потери Эльзас-Лотарингии было как раз тем, от чего французский посол всегда категорически отказывался:

«Нация, перенесшая территориальную ампутацию, если только она не приемлет с покорностью участь Польши, не должна никогда ничего прощать и ничего забывать (ne doit jamais rien pardonner, jamais rien oublier). Я никогда не говорил германскому канцлеру чего-нибудь такого, что могло бы создать у него подобные иллюзии в отношении нас... Насаждать мир в настоящем и сохранять свободу действий в будущем (pacifier le présent, réserver l'avenir)—вот программа, которой я всегда придерживался до сих пор... В начале наших переговоров я указал графу Гацфельду и самому канцлеру, что ни Эльзас, ни Лотарингия не могут никогда стать предметом обсуждения между нами, что эти вопросы являются той заповедной областью, которой мы не должны касаться, так как мы никогда

[1] G. P., III, 401.
[2] Ibid., 406.
[3] Инструкция от 16 сентября 1882 г., G. P., III, 404.
[4] G. P., III, 421 и сл. Bourgeois et Pagès, 190—211.

по этому вопросу не сумеем достигнуть доброго согласия. Я сказал, что я никогда не буду говорить об Эльзасе; со своей стороны, если они искренно желают соглашения с нами по разным вопросам,— они не должны бередить нашу рану, иначе французский народ не совладает со своими чувствами»[1].

Эта позиция гордой непримиримости, занятая французским послом в 1884 г., прекрасно выявляет одну из основных причин неудачи примирительных попыток Бисмарка. Другой причиной была всегдашняя подозрительность и недоверие, с которыми каждая сторона принимала предложения, исходящие от другой стороны. В результате период сравнительно дружеских отношений, которыми отличались франко-германские отношения в десятилетие 1875—1885 гг., пришел к концу, и его сменили натянутые отношения эпохи Буланже.

Генерал Буланже, занявший в январе 1886 г. пост военного министра в кабинете Фрейсине, быстро стал для широких народных масс символом военного возрождения и реванша. В течение долгих и тяжелых 15 лет французский народ пребывал в состоянии изоляции и унижения. Теперь народ жадно прислушивался к словам человека, который заявлял в шовинистических речах и на страницах своего органа «La France Militaire»: «Мы помним, что в Эльзасе и Лотарингии нас ждут»[2]. В течение последующих 15 месяцев произошла не одна смена кабинета, но общественное мнение всегда требовало, чтобы Буланже значился в числе министров. В течение этого времени он стремился увеличить и усилить всеми средствами французскую армию; строились новые казармы, большие количества пикриновой кислоты ввозились из Германии для производства взрывчатых веществ, и французские регулярные войска мало-по-малу отзывались из Китая и Африки. Кабинет министров, хотя в нем и царили различные мнения, в конце концов был убежден доводами Буланже и одобрил пробную мобилизацию части армии в конце 1887 г. Когда более спокойные и ответственные государственные деятели, вроде Рувье, рискнули создать в мае 1887 г. кабинет без Буланже, то это еще более увеличило популярность генерала и вместе с тем опасность для внутреннего спокойствия страны и для внешнего мира. Буланже появлялся перед возбужденной толпой на парижских бульварах. Выставляя постоянно свою кандидатуру в палату депутатов от различных провинций, он постепенно начал создавать возможность национального плебисцита в свою пользу. Очень многие стремились к свержению республиканского строя, который проявил себя слишком уступчивым и примирительным в отношении Германии, и мечтали о сильной диктатуре, возглавляемой «бравым генералом». Французский шовинизм подогревался зажигательными речами Поля Деруледа, активностью Лиги патриотов и несдержанностью руководящих статей большей части французской прессы. Германский военный атташе в Париже подробно доносил Бисмарку обо всех этих проявлениях французского национализма[3].

---

[1] Барон Курсель Жюлю Ферри 3 декабря 1884 г., Bourgeois et Pagès, стр. 387. также стр. 205 и сл.

[2] Доклад германского атташе в Париже; G. P., VI, 133.

[3] G. P., VI, 127 и сл.

Граф Мюнстер, германский посол, посылал в Берлин более умеренные и успокоительные доклады по вопросу о положении во Франции, хотя и он указывал на небывалую вспышку идеи реванша у французского народа. Однако он думал, что эта вспышка вызвана искусственно и что сам народ в сущности не хочет «священной войны», как бы много об этом ни говорилось в газетах и на публичных собраниях. «В провинции республиканцы, в противоположность тому, что наблюдалось в Париже, настроены—писал Мюнстер—самым мирным образом, и Буланже не так опасен, как это думают. Он вряд ли может провозгласить диктатуру в виду зависти других генералов и ввиду прочности республиканских чувств. И что бы ни думали массы, французское правительство в действительности желает мира, так как оно боится Германии. Кроме того в финансовом отношении Франция слишком бедна, чтобы отважиться на войну, а военная служба не пользуется во Франции популярностью». Посол был настолько убежден в том, что предполагавшийся coup d'état буланжистов не представлял сколько-нибудь реальной опасности и что Германии не грозило нападение, что он прибегнул к необычному пути и изложил свою точку зрения в личном письме на имя императора Вильгельма.

Бисмарк, однако, не был вполне убежден в безошибочности диагноза Мюнстера насчет положения во Франции. Он испещрил доклад Мюнстера различными замечаниями и вопросительными знаками и сделал выговор Мюнстеру за то, что тот направил письмо непосредственно императору, после чего Мюнстер не возражал против того, что письмо это не было передано по назначению. Недоверие, которое Бисмарк питал по отношению к Франции, покоилось отчасти на его знакомстве с историей Франции и событиями, имевшими место во время Второй империи, когда Наполеон III говорил о мире и все же вел одну войну за другой. Оно порождено было также бесплодностью его усилий добиться лучших отношений с Францией в течение 6 лет, предшествовавших успехам буланжизма. Были также и иные причины к недоверчивому отношению к Франции, а именно, распространившиеся в сентябре 1886 г. слухи о том, что русские агенты в Париже зондируют почву насчет возможности заключения франко-русского союза[1]. Бисмарк немедленно принял нужные меры к тому, чтобы узнать в Петербурге, насколько основательны были эти слухи. Немного позже во время переговоров с Россией относительно «договора о перестраховке» он сделал чрезвычайно большие уступки стремлениям России в вопросе о Константинополе в надежде, что это удержит царя Александра III от сближения с Францией и послужит к укреплению дружбы с Германией[2].

Другой причиной, почему Бисмарк не был склонен согласиться с оптимистическими взглядами Мюнстера, было то обстоятельство, что Бисмарк собирался представить рейхстагу в 1887 г. законопроект, который должен был значительно увеличить численность германской армии. Ссылка на французский шовинизм являлась наилучшим аргументом, при помощи которого этот законопроект мог собрать нужное

[1] G. P., VI, 93 и сл.
[2] Ibid., 211 и сл.

число голосов. Если бы оценка положения, данная Мюнстером, была признана правильной, то отпала бы половина доводов в пользу увеличения германской армии. Поэтому Бисмарк, вместо того чтобы стать на сторону своего посла в Париже, присоединился к точке зрения военного атташе посольства.

Законопроект об увеличении германских вооружений прошел в рейхстаге и еще усилил подозрительность и недоверие во Франции и России, как это бывало всегда вслед за ростом германских вооружений. Во Франции и в России были ассигнованы крупные суммы на военные нужды, а Германия собиралась в следующем году приступить к дальнейшему увеличению своих вооружений. Беспокойство с обеих сторон было настолько велико и разговоров о войне было так много по обеим сторонам Рейна, что весною 1888 г. опять носился призрак войны, подобно тому, как это было в 1875 г.

11 января 1888 г. Бисмарк произнес в рейхстаге свою знаменитую речь, в которой, несмотря на увеличение Германией вооружений, он все же настаивал на том, что Германия не имеет намерения вызывать войну ни с Францией, ни с Россией.

Несмотря на некоторые «инциденты», вроде ареста немцами Шнебеле[1], которые вызывали озлобление в обеих странах, в Париже одержали верх более спокойные настроения. Акции Буланже падали гораздо скорее, чем они поднялись, и франко-германские отношения стали менее напряженными.

Но именно в этот период были сделаны первые шаги, знаменовавшие собою начало франко-русского сближения, которое затем распространилось и на Англию и в конце концов вылилось в форму Тройственного согласия. Господству восточных империй наступил конец.

---

1 Шнебеле, французский полицейский офицер в местности, примыкающей к границе Эльзаса, был обвинен в участии в шпионаже в Страсбурге. 20 апреля 1887 г. он был арестован в Германии во время разговора с германским полицейским чиновником о пограничных делах. Французская пресса подняла большой шум вокруг этого и утверждала, что его заманили через границу для того, чтобы арестовать. Однако обвинение это было бездоказательно. Когда Бисмарк наконец убедился, что Шнебеле перешел границу для официальных разговоров, по приглашению германского таможенного чиновника, он сразу же распорядился освободить его (G. P., VI, 182—192). C. Grant Robertson (Bismarck, стр. 460) неправ, говоря, что инцидент Шнебеле был намеренно инсценирован для того, чтобы вызвать со стороны французов неосмотрительные поступки, которые помогли бы Бисмарку провести в рейхстаге военный законопроект. Точные даты убеждают в этом. Военный законопроект был принят 11 марта. Бисмарк ничего не знал об обвинении Шнебеле в шпионаже до 12 марта. Шнебеле был арестован только 20 апреля и был освобожден 8 дней спустя. О французской точке зрения см. Bourgeois et Pagès, стр. 225—229.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СИСТЕМА ТАЙНЫХ СОЮЗОВ 1890—1907 гг. ОБРАЗОВАНИЕ ТРОЙСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

ФРАНКО-РУССКОЕ СБЛИЖЕНИЕ 1887—1891 гг.

Франко-русское соглашение 1891 г., принявшее форму союза в 1894 г., явилось естественным результатом тех подозрений и чувства изолированности и раздражения против Германии, которые существовали в обеих странах. Сближение между этими обоими государствами, несмотря на коренное различие между республиканской и абсолютистской формой правления в Париже и в Петербурге, представляло собою явный противовес Тройственному союзу.

Несмотря на великодушные обещания, данные Бисмарком России при заключении «союза трех императоров» и «договора о перестраховке», Александр III был весьма раздражен избранием Фердинанда Кобургского болгарским королем. Фердинанд колебался принять болгарский трон или по крайней мере делал вид, что колеблется. Однако его тайно убедили все же принять это предложение, причем царь это приписывал вероломной интриге со стороны Бисмарка. Хотя Бисмарк открыто заявил, что Германия не имеет интересов в Болгарии и что Россия может совершенно свободно делать там, что ей заблагорассудится, все же русские заподозрили германского посла в Вене в том, что он написал секретное письмо Фердинанду, обещая ему поддержку Германии против России в случае, если Фердинанд вступит на болгарский престол. Такое письмо оказалось в руках французов и этим путем дошло до царя. Хотя Бисмарк затем убедил царя, что это письмо было подложным, все же Александр III несомненно в течение некоторого времени разделял с французами чувство озлобления против Бисмарка[1]. Он не мог примирить между собою заверения Бисмарка о незаинтересованности Германии в Константинополе и на Балканах с отправкою германских офицеров в качестве инструкторов турецкой армии и с восторженным приемом, устроенным во время германских маневров турецкому генералу Мухтар-паше. Подобно французам, он был раздражен открыто провозглашенным возобновлением договора о Тройственном союзе 1887 г. и подозрительно относился к этому акту. Условия этого договора оставались секретными, и он не без основания подозревал, что в них могут заключаться наступа-

[1] О так наз. «болгарских документах» и об их предполагаемой подложности см. G. P., V, 338—350; J. V. Fuller, Bismarck's Diplomacy at its Zenith, стр. 205 и сл., 292 и сл.

(Документы эти известны под наименованием «фландрских».—Прим. ред.)

тельные планы со стороны Австрии и Италии в ущерб стремлениям России в восточной части Средиземного моря. Вскоре после возобновления Тройственного союза Криспи, занявший пост итальянского премьера в июне 1887 г., демонстративно сделал визит в Вену, а затем имел совещание с Бисмарком в Фридрихсруэ. Возвращаясь в Италию, он поместил во «Frankfurter Zeitung» сообщение, что Италия относится благожелательно к Болгарии, но что «нет сомнения в том, что Италия, как и всякое другое европейское государство, имеет основания опасаться продвижения России к Константинополю. Мы не можем позволить, чтобы Средиземное море стало российским озером»[1].

Ко всем этим осложнениям присоединились осложнения иного порядка. Летом 1887 г. в России вдруг заметили, что русский рубль стал падать, и что повидимому в Берлине велась систематическая кампания против русских ценных бумаг. Отчасти это объяснялось майским указом, запрещавшим приобретение или наследование иностранцами недвижимого имущества в Западном крае или занятие иностранцами должностей управляющих имениями. Указ этот естественно поколебал доверие Германии к кредиту России. Германские подданные владели в России большим количеством поместий, немцы очень часто были управляющими имений; поэтому указ этот рассматривался как несправедливая экспроприация собственности. Это обстоятельство естественно привело к тому, что германская пресса открыла кампанию против русского кредита. Хотя Бисмарк, может быть, и не инспирировал нападок печати, но он во всяком случае одобрительно относился к ним, поскольку этим путем русские должны были понять, до какой степени они зависели от доброжелательства Германии[2].

Русские, однако, подозревали, что Бисмарк инспирировал эту газетную кампанию, и поэтому были готовы уступить желанию панславистов, чтобы Россия заключила заем в Париже. Франция в это время искала возможностей для помещения капиталов, так как торговый конфликт с Италией закрыл для французских капиталов итальянский рынок[3]. В Париже образовалась группа французских банкиров, начавшая переговоры о целом ряде русских займов, которые должны были быть размещены во Франции. Первый заем, в сумме 500 млн. фр., был наконец одобрен правительствами обеих стран, и облигации его были выпущены на парижской бирже в декабре 1888 г. Естественно, Германия косо смотрела на эти события, которые в конечном счете могли иметь политическое значение. Германская пресса со своей стороны делала все от нее зависящее для того, чтобы отпугнуть покупателей облигаций; но заем имел огромный успех. Хотя по тем временам сумма займа была относительно велика, но 4%-ный заем, выпущенный по курсу 86,45, был очень соблазнителен, и подписка на него была сразу покрыта с избытком. Россия, ободренная этим успехом, заключила в следующем году еще два займа, один на 700 млн. фр. и другой на 1 млрд. 200 млн. фр. Оба займа прошли с тем же

1 Цитировано у Robertson, Bismarck, 460.
2 G. P., V, 330—337; Fuller, 202.
3 Ср. Debidour, Histoire diplomatique de l'Europe 1878—1916 (2-e ed. Paris 1917—1918), I, 130 и сл.

успехом. Таким образом Франция стала на путь финансовых операций, которые завели ее гораздо дальше, чем она думала в тот момент, и которые неизбежно привели к тому, что многие тысячи французских граждан оказались в финансовом и политическом отношении заинтересованными в осуществлении Россией ее стремлений. Правда, по временам более здравые умы во Франции били тревогу, и займы проходили не так хорошо, как в первые разы, но большинство французов были, видимо, готовы без ограничения помещать свои сбережения на выгодных условиях в стране, которая могла стать союзником против общего врага и которая в один прекрасный день могла помочь осуществлению идеи реванша, лелеемой многими французами[1].

Следующим шагом за подготовленной таким образом финансовой базой было снабжение Францией России оружием. Брат Александра III, великий князь Владимир, во время своего визита в Париж был посвящен в проводившуюся тогда Фрэйсине реорганизацию французской армии. Новый тип винтовок Лебеля произвел на него большое впечатление. По его просьбе он получил модель такой винтовки. Последовали переговоры, и затем был подписан договор, в силу которого Франция должна была изготовить для России 500 тыс. ружей типа винтовки Лебеля[2].

Ни Вильгельм II, ни его советники из министерства иностранных дел не предполагали, что «отставка Бисмарка» и отказ от «договора о перестраховке» приведут к франко-русскому союзу. Желая ослабить возможность этого, кайзер, будучи преувеличенного мнения о своем личном влиянии на дипломатические дела, вернулся к примирительной политике по отношению к Франции, которую Бисмарк вел во время и после Берлинского конгресса. Он пытался завоевать расположение французов бесчисленными нарочитыми проявлениями вежливости, поздравительными телеграммами и телеграммами с выражением соболезнования по тому или иному поводу, признанием французского протектората над Мадагаскаром и дипломатической поддержкой Франции во всех колониальных вопросах, в которых не были замешаны германские интересы. Особые знаки внимания он выказывал Жюлю Симону, главе французской делегации на конференции по рабочему вопросу в Берлине. Он пригласил французских художников принять участие в выставке германского искусства—приглашение, которое сначала было принято,

[1] Debidour (I, 137) определяет общую сумму займов российского правительства во Франции до 1906 г. в размере 7903 млн. фр. Эти займы российского правительства не включали весьма значительных сумм, которые отдельные французские капиталисты вложили в русские хлопчатобумажные фабрики, лесопилки, заводы и другие предприятия всякого рода.

[2] Livre Jaune, L'Alliance Franco-Russe, стр. 49. Эта французская Желтая книга, изданная в 1918 г., представляет собой авторитетный источник для ранней истории франко-русского союза, по сравнению с которым сообщения таких авторов, как Cyon, Hansen, Albin, Debidour, Tardieu, Daudet, Welschinger, оказываются устаревшими. Лучшие из новейших исследований принадлежат L. B. Packard'y, Russia and the Dual Alliance, в «Amer. Hist. Rev.», XXV, 391—410, апрель 1920; W. L. Langer, The Franco-Russian Alliance в «Slavonic Review», III, 554—575; IV, 83—100, март—июнь 1925. См. также G. P., VI, 91—124, VII, 191—458; бельгийскую документацию, изданную под руководством B. Schwertfeger'a W. Kohler'ом, Revanche-Idee und Panslavismus, Berlin 1919; о позднейшей истории союза см. George Michon, L'Alliance Franco-Russe 1891—1917, Paris 1927.

затем отвергнуто в связи с шумом, поднятым по этому поводу французской прессой. Наконец, он устроил посещение Парижа своей матерью, императрицей Фредерикой. Но это посещение привело к таким враждебным демонстрациям, что серьезного скандала удалось избежать только благодаря энергии французского правительства и благодаря отъезду императрицы из Парижа с более ранним поездом, чем это было предположено[1]. Это способствовало новому взрыву шовинизма во Франции и снова вызвало желание установить более тесные отношения с Россией[2]. Кайзер старался также попрежнему поддерживать дружеские отношения с Россией. Он не уставал рассыпаться в уверениях, что отставка Бисмарка не повлечет за собой перемен в германской политике. В августе 1890 г. он посетил царя в Нарве, и отношения между обоими монархами казались столь же сердечными, как и между Каприви и Гирсом, хотя последний и потерпел неудачу в своих дальнейших попытках добиться какого-нибудь письменного соглашения, могущего заменить «договор о перестраховке».

Но в действительности Россия стала подозревать, что Германия сближается с Англией. Договор 14 июня 1890 г., в результате которого Германия отказалась от своих притязаний на значительную часть африканской территории вблизи Занзибара в обмен на Гельголанд, казалось, подтверждал эти предположения[3]. Если лорд Сольсбери—как саркастически определил эту сделку Генри М.-Стенлей—«променял костюм на пуговицу от подтяжек», то, по мнению русских, у него должны были быть на то серьезные основания. Лондонская «Morning Post» заявляла, что «период изоляции Англии миновал». Визит кайзера в Англию летом 1890 г. представлял собою дальнейший показатель того, куда дует ветер. Ссылки на Тройственный союз в речи, произнесенной им на открытии рейхстага 1890 г. (хотя он и говорил об этом союзе только как о гарантии всеобщего мира), и новый военный закон, увеличивавший германские военные силы на 18 тыс. чел., вызывали одинаковое беспокойство как в России, так и во Франции[4].

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ 1894 г.

Таково было положение, которое в конце концов побудило Россию внимательно прислушаться к попыткам Франции установить более тесные отношения. Что касается формы, в которую окончательно вылился Франко-русский союз и впоследствии англо-французские военные и морские соглашения, то здесь интересно отметить, что первоначальные переговоры велись представителями французских и русских военных кругов, а не дипломатами. Генерал Буадефр, при-

[1] G. P., VII, 263 и сл.; Debidour, I, 165—168.

[2] Русские вначале были встревожены попытками кайзера примириться с Францией и были в восторге от происшедшего с императрицей Фредерикой инцидента, в причастности к которому их подозревал германский посол в Париже. Царь воспользовался благоприятным случаем польстить французам и пожаловал орден Андрея Первозванного президенту Карно, который в свою очередь наградил большим крестом Почетного легиона российского посла в Париже (G. P., VIII, 196—201).

[3] G. P., VIII, 3—25.

[4] Ср. Горянинов, 348—349.

сутствовавший на русских маневрах в течение двух недель в 1890 г., почти ежедневно совещался с русским военным министерством и с Обручевым, который тогда был начальником русского штаба. Обручев был женат на француженке и давно уже был горячим сторонником Франко-русского союза. Буадефр и русские генералы быстро пришли в принципе к соглашению, что «обе армии должны действовать одновременно в случае нападения, последствий которого обе стороны должны опасаться»[1]. Это было первым шагом к «сердечному согласию», которое, хотя в то время не было подписано никаких документов, было по словам русского посла в Париже «твердо, как гранит»[2]. Этот первый шаг был в дальнейшем укреплен инцидентом с императрицей Фредерикой и усиливавшимися франко-русскими подозрениями, что Англия примкнула к Тройственному союзу, желая помешать осуществлению российских стремлений в восточной части Средиземного моря. Как раз в это время был возобновлен договор о Тройственном союзе, несмотря на все усилия французов оторвать итальянцев от этого союза и вопреки надеждам Франции и России, что отставка Бисмарка может ослабить этот союз и сделать его менее прочным. Однако возобновление встретило затруднения вследствие настояний Италии, желавшей получить обещания большой помощи в поддержании status quo в Северной Африке. Австрия и Германия должны были в некоторой части уступить желаниям Италии и даже обещать постараться добиться согласия Англии на эти новые пункты договора[3].

Возобновление Тройственного союза было оглашено итальянским премьером Рудини в его речи, произнесенной 29 июня 1891 г. Рудини тогда же воспользовался случаем, чтобы сослаться на существующие между Италией и Англией соглашения, чем усилил франко-русские подозрения, что Англия в какой-то форме присоединилась к Тройственному союзу. Хотя эта четвертая коалиция и преследовала внешним образом лишь цели сохранения status quo, но она была очень непонятна для России, которая стремилась к открытию Дарданелл, и для Франции, которая не завершила еще организации своей африканской колониальной империи в западной части Средиземного моря.

Через несколько недель французский флот под командой адмирала Жерве принял приглашение царя посетить Кронштадт. Помимо своих подозрений в отношении Тройственного союза Александр III и Гирс были обеспокоены несговорчивостью Франции в споре между римско-католическим и православным духовенством относительно очередности доступа к дверям храма Рождества Христова в Вифлееме[4].

Оба они сознавали также всю важность обеспечения дружбы Франции, для того чтобы достигнуть больших успехов при проведении займов в Париже[5]. Кронштадтский визит был использован, в особенности Францией, для чрезвычайной демонстрации франко-русской солидарности.

---

[1] Лабуле, французский посланник в России, к Рибо, 24 августа 1890 г. «L'Alliance Franco-Russe», стр. 1.

[2] Рибо к Лабуле 9 марта 1891 г.; «L'Alliance Franco-Russe», стр. 3.

[3] Ст. IX договора о Тройственном союзе 6 мая 1891 г. Ср. Pribram, стр. 6, 208—229 и G. P., VII, 53—106; VIII, 41—72.

[4] «L'Alliance Franco-Russe», стр. 3.

[5] Ср. Langer, стр. 14—17.

Для всего мира это должно было прозвучать как контрудар против возобновления Тройственного союза. Царь и царица вошли на борт французского флагманского судна, беседовали с моряками, выказали чрезвычайную любезность в отношении адмирала Жерве и его офицеров и пригласили их в Петергоф. До этих пор в России было строжайше запрещено играть марсельезу не только в общественных местах, но даже дома на пианино. Теперь это запрещение было отменено (после отплытия французского флота его снова восстановили), и за границей много говорили о том, что самодержец всероссийский стоял с непокрытою головой в то время, как оркестры играли походный марш санкюлотов 1793 г.[1]. Это был эффектный момент.

«Те из нас, которые были взрослыми в 1890 г.,—писал 20 лет спустя президент Пуанкаре,—не могут даже теперь без волнения вспомнить потрясающий эффект, произведенный в то время во Франции выражениями дружбы императора Александра III. Для республиканцев это означало не только признание республики правительством, традиции и форма правления которого так сильно отличались от наших и нашего строя: это означало конец длительного периода изоляции для Франции и внешнее выражение ее воскресения»[2].

Кронштадтская демонстрация была принята во Франции с невероятной радостью и энтузиазмом. Народ думал, что союз был уже обеспечен, что долгий период изоляции миновал и что Франция может теперь взять более твердый тон в отношении Германии. Это создало настроение, так сказать, нового буланжизма без Буланже. Но во французском министерстве знали, что энтузиазм населения Парижа был преждевременным. Там знали, что для того, чтобы заключить союз или даже согласие, требуется желание двух сторон, и что от обмена любезностями в Кронштадте еще очень далеко до подписания соглашения, связывающего обе стороны. Поэтому французское правительство поспешило предложить союз: оба правительства должны согласиться совещаться друг с другом в случае опасности и одновременно приступить к мобилизации, если в одной из стран Тройственного союза начнется мобилизация; условия этой одновременной мобилизации должны быть выработаны русским и французским генеральными штабами[3].

Но Гирс, боявшийся агрессивных планов французов, направленных к возвращению Эльзас-Лотарингии, хотел придать соглашению неясный характер и распространить применение его за пределы Европы на такие местности Африки и Китая, где могло создаться положение, угрожавшее делу мира. И только спустя несколько недель французы добились соглашения в письменной форме, сформулированного следующим образом:

«1. Для того чтобы определить и закрепить связующее их сердечное согласие (Entente cordiale) и желая по обоюдному соглашению содействовать поддержанию мира—что является предметом их самых искренних желаний,—оба правительства объявляют, что они будут

---

1 Ср. саркастические комментарии бельгийского посланника в Петербурге Schwertfeger'a, V, 295—300.

2 «Les Origines de la Guerre», стр. 55; ср. также Tardieu, France and the Alliances, стр. 11—14.

3 Рибо к Лабуле, 24 июля 1891 г.; «L'Alliance Franco-Russe», стр. 4.

совещаться между собою по каждому вопросу, способному угрожать сохранению общего мира.

2. В случае, если бы мир этот оказался действительно в опасности и специально в том случае, если бы одной из двух сторон угрожало нападение, обе стороны уславливаются притти к соглашению относительно мер, которые в таком случае оба правительства должны будут предпринять немедленно и одновременно»[1].

Несколько неясный и чрезвычайно ограниченный характер этого соглашения, сводящийся только к обязательству обоих правительств совещаться друг с другом в случае опасности, выражает различие в точках зрения, которые все еще разделяли Париж и Петербург. Франция, испытывая постоянно страх перед нападением из-за Рейна и питая тайные надежды когда-нибудь вернуть утраченные провинции, думала главным образом о войне с Германией. В то время она не особенно добивалась русской поддержки в Северной Африке или Китае, ибо, как показали позднейшие события, в этих странах она всегда могла притти к компромиссному соглашению с Италией и Англией. Равным образом Франция не хотела, чтобы Дарданеллы были открыты для России и чтобы она получила контроль над Константинополем. С другой стороны, Гирс не чувствовал большой враждебности по отношению к Германии. Он и Александр III все еще стремились поддерживать традиционную дружбу между обеими странами; оба они не желали союза, направленного в первую голову против Гогенцоллернов, и боялись оказаться вовлеченными в войну против Германии для поддержки французской идеи реванша. Для России главным врагом была Англия, которая стояла на пути российского гиганта как в проливах, так и на Среднем Востоке. Но Франция естественно не хотела рисковать только для того, чтобы доставить удовольствие своим новым русским друзьям.

Вследствие такого расхождения интересов и вследствие болезни Гирса и упорного недоверия, которое царь питал к Франции, прошло много месяцев, прежде чем Франция могла дать согласие на более связывающую и практическую формулу. Во время визита Гирса в Париж в ноябре 1891 г. Рибо обратил его внимание на опасность, грозившую им в случае неожиданного нападения Германии, которое могло бы застать Россию и Францию врасплох. Они не имели бы времени принять нужные меры обороны, прежде чем на них обрушится неотвратимое несчастье, раз они только договорились о том, чтобы притти к известному соглашению. Было бы гораздо лучше и практичнее притти к такому соглашению заранее, еще во время мира, и договориться о всех тех военных мероприятиях, которые надлежало осуществить немедленно в случае внезапной войны. Соглашение надо было дополнить военной конвенцией, в которой было бы установлено, что, в случае внезапного нападения со стороны Германии, Россия и Франция немедленно мобилизуют все свои силы и используют их для того, чтобы обеспечить максимум взаимных выгод в соответствии с уже выработанными ими по обоюдному соглашению планами. Гирс не был в восторге от этой идеи, но все же согласился представить ее на усмотрение царя[2]. В соответствии с этим

[1] Российская формулировка, принятая Рибо, 27 августа 1891 г.; «L'Alliance Franco-Russe», стр. 16.

[2] «L'Alliance Franco-Russe», стр. 39.

генерал Мирибель выработал основные положения такой военной конвенции. Он определял общую численность военных сил Тройственного союза (включая даже и румынскую армию) только в 2 810 тыс. чел., которым он противопоставлял 3 150 тыс. чел. со стороны франко-русской коалиции. Франция должна была бросить 5/6 своих сил против Германии. Россия равным образом должна была сосредоточить свое наступление в направлении Германии, а не Австрии:

> «Главной целью является сокрушение основного врага. Разгром других за этим неизбежно последует. Словом, когда Германия будет побеждена, франко-русские войска продиктуют свою волю Италии и Австрии»[1].

Проект генерала Мирибеля после некоторых изменений, сделанных с целью пойти навстречу желаниям России, и после долгих проволочек, вызванных болезнью Гирса и путешествием царя, принял наконец форму «проекта военной конвенции». Он был подписан начальниками французского и русского генеральных штабов—Буадефром и Обручевым—и в принципе был одобрен царем 17 августа 1892 г. Но этот проект не был подписан послами или министрами иностранных дел каждой из сторон, и поэтому его нельзя было считать имеющим обязательную силу. На пути к этому лежали два серьезных препятствия политического характера. Царь очень хотел, чтобы этот документ оставался в абсолютной тайне и чтобы документ был известен только президенту и премьер-министру Франции. «Я боюсь,—сказал он,—что, если они будут обсуждать его в кабинете, это роковым образом приведет к его оглашению, а тогда я буду считать договор аннулированным»[2]. Второе затруднение заключалось в том, что французская конституция не разрешала президенту республики заключать тайные договоры. В самом начале переговоров был установлен «дефект нашей (французской) конституции, которая из боязни сделать слишком сильной исполнительную власть лишала главу государства существенной прерогативы заключения договоров и вследствие этого не давала нашей внешней политике выгод, связанных с возможностью заключения тайных соглашений»[3]. Оба эти обстоятельства, а также отмеченное выше серьезное расхождение интересов, вызвали отсрочку заключения договора еще на полтора года.

Тем временем произошли некоторые события, которые ослабили щепетильность царя и его недоверие к Франции и усилили его готовность принять, наконец, соглашение, связывающее обе стороны.

Новый германский военный закон 1892 г. увеличил германскую армию на 60 тыс. чел., но уменьшил срок военной службы в пехоте с 3 до 2 лет. Не было достигнуто никакого соглашения по вопросу о русско-германском торговом договоре, и между обеими странами начиналась таможенная война[4]. Сиамский кризис в июле 1893 г., приведший Францию и Англию гораздо ближе к войне, чем это думали в то время, показал, что Франция была готова даже в Азии заговорить с Англией твердым языком, что нравилось России, особенно поскольку казалось, что Англия идет на сближение с Тройственным союзом. В результате всех этих

[1] «L'Alliance Franco-Russe», стр. 39.
[2] Ibid. 94, ср. также 66, 72, 87, 91 и сл., 103 и сл., 112 и сл.
[3] Ibid., стр. 2; ср. также 50, 54, 69, 90 и сл., 99 и сл., 114.
[4] G. P., VII, 389,—458.

соображений Александр III решил отправить русский флот в Тулон в октябре 1893 г. с ответным визитом на посещение Кронштадта. В Тулоне и в Париже французы чествовали русских офицеров и солдат с чрезвычайным энтузиазмом. Но парижская пресса, следуя указаниям, полученным от французского правительства, воздерживалась от шовинистических выступлений на тему о том, что союз с Россией мог бы помочь Франции вернуть Эльзас-Лотарингию. Умеренность и сила, проявленные французским правительством, произвели на царя благоприятное впечатление. Поэтому он дал свое согласие на обмен официальными дипломатическими нотами, который состоялся 4 января 1894 г., и придал обязательную силу военной конвенции, подписанной 17 августа 1892 г.[1].

Поскольку ни обмен нот, ни военная конвенция, подписанная только представителями военного ведомства, не были формальным договором, ни один из этих актов не подлежал представлению французскому парламенту. Текст военной конвенции, известный только высшим военным властям, не сообщался даже кабинетам, столь часто сменяющимся во Франции. Военная конвенция хранилась в конверте с собственноручной надписью на нем президента Фора: «Военная конвенция принята на основании письма Гирса, сообщившего ей силу договора». Вивиани принес ее в палату депутатов, когда 4 августа 1914 г. он поднялся на трибуну, чтобы потребовать у парламента военных кредитов. Он собирался огласить ее, если бы этого потребовали. Но так как никто не потребовал этого, то он благоразумно спрятал ее обратно в свой портфель[2]. Она ни разу не была оглашена до опубликования ее во французской Желтой книге в 1918 г. Так были обойдены обе трудности — по отношению к тайне договора и к требованиям французской конституции.

Военная конвенция, которой была придана сила договора 4 января 1894 г. и которая таким образом стала основой совершенно секретного Франко-русского союза, настолько коротка, проста и ясна, что может быть приведена полностью:

«Франция и Россия, одушевленные одинаковым желанием сохранить мир и не имея иной цели, кроме как подготовиться к нуждам оборонительной войны, вызванной нападением сил Тройственного союза на ту или другую из них, условились относительно следующих пунктов:

1. Если на Францию нападет Германия или Италия, поддержанная Германией, то Россия употребит все имеющиеся в ее распоряжении силы для того, чтобы напасть на Германию.

Если на Россию нападет Германия или Австрия, поддержанная Германией, то Франция употребит все свои наличные силы для войны с Германией.

---

[1] Монтебелло Гирсу, 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.); ibid., стр. 128: «Я получил ваше письмо... в котором вы сообщаете мне, что проект военной конвенции... теперь может считаться окончательно принятым... Французское правительство равным образом рассматривает вышеуказанную военную конвенцию, текст которой был одобрен обеими сторонами, как подлежащую отныне исполнению. В соответствии с этим соглашением оба штаба будут иметь возможность совещаться друг с другом и взаимно сообщать друг другу все сведения, которые могли бы быть для них полезными».

[2] Poincaré, Les Origines de la Guerre, стр. 60.

2. В случае если силы Тройственного союза или одной из держав, входящих в его состав, были бы мобилизованы, то Франция и Россия при первом известии об этом событии и без того чтобы было необходимо предварительное соглашение мобилизуют немедленно и одновременно всю наличность своих сил и двинут их возможно ближе к своим границам.

3. Наличные силы, которые должны быть употреблены против Германии, составят со стороны Франции 1 300 тыс. чел., со стороны России—от 700 тыс. до 800 тыс. чел. Эти силы полностью и со всею поспешностью вступят в дело так, чтобы Германии пришлось сражаться сразу на востоке и на западе.

4. Главные штабы армий обеих сторон будут постоянно совещаться для того, чтобы подготовить и облегчить выполнение вышеизложенных мер. Они будут сообщать друг другу еще в мирное время все сведения, касающиеся армий Тройственного союза, которые им уже известны или которые дойдут до их сведения. Пути и способы сообщений во время войны будут изучены и предусмотрены заранее.

5. Франция и Россия не заключат сепаратного мира.

6. Настоящая конвенция будет иметь ту же длительность, как и Тройственный союз.

7. Все статьи, перечисленные выше, будут храниться в строгой тайне»[1].

Франко-русский союз 1894 г. подобно Австро-германскому союзу 1879 г. и Тройственному союзу 1882 г. первоначально преследовал исключительно оборонительные цели.

Это вытекает из вступления к самому договору и исчерпывающих сведений о переговорах, приведших к его заключению, которые теперь имеются в нашем распоряжении[2]. Первоначально у руководящих лиц обеих сторон не было намерения использовать союз для нападения на Германию или на какое-либо другое государство или воспользоваться им для поддержки опасной и честолюбивой политики, могущей вызвать конфликт с одной из держав Тройственного союза или с Англией. Каковы бы ни были надежды, возбужденные союзом в сердцах панславистов на реализацию «исторической миссии» России на Балканах и на Дальнем Востоке или у французских шовинистов в связи с их стремлениями вернуть Эльзас-Лотарингию и расширить колониальное могущество Франции, но ответственные министры России и Франции знали, о чем говорило соглашение.

Французский кабинет не рассчитывал на вооруженную поддержку России в Фашоде или в Марокко, как и русские не рассчитывали на поддержку Франции на Дальнем Востоке или на Балканах. И только много позднее, во времена Делькассе, Извольского и Пуанкаре, Франко-русский союз изменился по своему духу и из союза оборонительного превратился в потенциально-наступательную комбинацию.

---

[1] «L'Alliance Franco-Russe», p. 92. (Пер. Ключников и Сабанин, Международная политика, I, стр. 270—271. Прим. ред.).

[2] «L'Alliance Franco-Russe». Во время переговоров Александр III хотел сделать в одной из статей оговорку, что договор должен считаться аннулированным, если война будет вызвана Францией; но он отказался от этой мысли, когда генерал Буадефр заявил, что «конвенция заключается для оборонительной войны». Ibid., стр. 91.

Союз этот конечно являлся с самого начала воплощением милитаристической доктрины, играющей преобладающую роль со времен наполеоновских войн и гласящей, что лучшим средством военной обороны является наступательная война. За мобилизацией Германией своей армии должна была последовать немедленно мобилизация французской и русской армий. Было совершенно ясно установлено, что мобилизация понимается как нечто равнозначащее войне, т. е. действительному открытию враждебных действий. Во время переговоров о заключении военной конвенции в июле 1892 г.,

«генерал Обручев наконец подчеркнул необходимость немедленной и одновременной мобилизации русской и французской армий при первых сообщениях, полученных одною из двух договаривающихся сторон о мобилизации сил Тройственного союза. В дальнейшем он отметил, что эта мобилизация Франции и России должна немедленно сопровождаться положительными результатами, военными действиями, одним словом, должна быть неотделимой от «нападений»[1].

Равным образом генерал Буадефр в беседе с царем на другой день после утверждения конвенции заметил:

«Мобилизация есть объявление войны. Отдать приказ о мобилизации—это значит принудить своего соседа сделать то же самое. Мобилизация означает выполнение стратегических перевозок и концентрации войск. Другими словами, выставить миллион людей к границам какого-либо государства, не делая одновременно остального, значит лишить самого себя возможности дальнейших передвижений. Это значит поставить себя в положение человека, который, имея револьвер в кармане, без выстрела со своей стороны позволяет своему соседу всадить ему пулю в лоб» [На что Александр III ответил: «Я с этим вполне согласен»[2]].

Этот «наступательно-оборонительный» характер союза обнаруживается кроме того в технических соглашениях, которые в дальнейшем ежегодно весьма детальным образом вырабатывались французским и русским генеральными штабами[3].

Следуя общепризнанному принципу, что лучшей формой оборонительной войны является наступление на основные вражеские силы, французский и русский генеральные штабы были «совершенно согласны друг с другом по вопросу о том, что поражение германской армии остается, независимо от обстоятельств, первой и основной задачей союзных армий. Именно теперь (1913 г.) это является гораздо более правильным, чем раньше, в связи с значительным ростом относительной военной мощи Германии в Тройственном союзе»[4].

---

[1] «L'Alliance Franco-Russe», стр. 56.

[2] Jbid., 95 и сл.

[3] О некоторых французских военных совещаниях и протоколах за период 1900—1907 гг. см. Зайончковский, Relations Franco-Russes avant la Guerre de 1914 в «Les Alliés contre la Russie», Paris 1926, 8—43; за годы 1911 и 1913, «Материалы по истории франко-русских отношений», 697—718; и «Livre Noir», II, 419—437 (Работа Зайончковского, упомянутая здесь, имеется в русск. изд. в сб. «Кто должник» Прим. ред.)

[4] Ст. 1 девятой ежегодной конференции представителей французского и русского генеральных штабов. Август 1913 г., «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 712; L. N., II, 432.

Хотя Франко-русский союз в основном преследовал цель сокрушения Германии в случае, если эта последняя решится на нападение, он вначале не возбудил серьезных подозрений или опасений по ту сторону Рейна. Отчасти причиною этого было то, что существование этого союза держалось в настолько строгой тайне, что даже спустя много месяцев после его заключения германский посол в Париже отказывался верить, что союз заключен[1]. Даже после открытых ссылок на «альянс» в речах, произнесенных во французской палате в 1895 г., во время посещения Николаем II Парижа в 1896 г. и во время пребывания президента Фора в России в 1897 г., Германия не проявляла признаков беспокойства, так как она сознавала, что Тройственный союз был по силам равен вновь созданной комбинации. Германия кроме того была уверена, что Англия, поддерживающая систему равновесия держав, никогда не присоединится к таким своим постоянным противникам, как Франция или Россия. Существование Франко-русского союза, однако, усилило в Германии уважение к обоим ее соседям и побудило ее старательнее искать возможностей сотрудничества с ними по бесчисленным международным вопросам. В этом смысле Франко-русский союз сначала способствовал обеспечению европейского мира и оправдал пословицу: «сабля саблю держит в ножнах».

Новый союз вывел Францию и Россию из того состояния изоляции, в котором находились оба этих государства. Он дал Франции возможность взять более твердый тон по отношению к Англии, но он все еще не представлял комбинации, достаточно сильной и желающей померяться оружием с Тройственным союзом. Такое положение продолжалось около 10 лет. Со времени вступления в силу договора о союзе в 1894 г. и до установления Англо-французского «согласия» в 1904 г. равновесие между Тройственным союзом и Франко-русским союзом было столь действительным, что ни одна из этих группировок не осмеливалась нарушить его силой.

Такое положение сравнительного равновесия на континенте привело даже к ряду временных дипломатических комбинаций, в которых Германия сотрудничала с Россией и Францией. В 1894 г. Германия и Франция выступили совместно против занятия Англией части территории Конго под железную дорогу, которая соединила бы Капштадт с Каиром. В 1895 г. Германия выступила вместе с Францией и Россией против Японии, побуждая эту последнюю вернуть часть территории, завоеванную ею у Китая[2].

В 1900 г. Россия предложила, чтобы эти же три державы приняли на себя посредничество между Англией и бурами. Германия не хотела вызывать неудовольствия Англии, но согласилась обсудить этот вопрос.

---

[1] Ср. G. P., VII, 261—343; IX, 345—425; даже еще в декабре 1895 г. граф Мюнстер был все еще убежден, что «любовь России к Франции является только платонической», G. P. IX, 423. В декабре 1898 г., после фашодского дела, граф Эйленбург, германский посол в Вене и близкий друг кайзера, «твердо был уверен, что не было формального союза», и был убежден, что Франция не могла рассчитывать на поддержку России в каком-нибудь споре, касающемся Египта или вообще Африки; Румбольд к Сольсбери 5 декабря 1898 г. «British Documents of the Origins of the War», 1914—1918, I, стр. 102.

[2] Bourgeois et Pagès, стр. 248—253; G. P., 241—333.

Вполне возможно, что три державы попытались бы выступить совместно перед Англией, если бы Франция не отказалась вступить в соглашение с Германией, которое должно было повлечь за собой заявления о взаимных территориальных гарантиях и вследствие этого вторичный отказ от Эльзас-Лотарингии[1]. В том же самом году германские, французские, русские и английские войска сражались бок о бок при подавлении боксерского движения. Когда царь выступил с неожиданным для Европы предложением о созыве первой Гаагской конференции—похвальная, но наивная для того времени мысль,—Германия, Франция и даже некоторые из русских дипломатов старались совместными усилиями ограничить программу этой конференции настолько, насколько это было возможно не навлекая на себя обвинения в саботаже предложения царя. О переписке по этому поводу лучше всего дает представление то конфиденциальное сообщение, которое Делькассе сделал германскому послу в Париже:

«Наши (французские) интересы по отношению к этой конференции в точности совпадают с вашими. Вы не хотите в данное время ограничить ваши оборонительные возможности или приступить к обсуждению предложений о разоружении; мы находимся в том же самом положении. Как и вы, мы хотим пощадить самолюбие царя и найти формулу для выхода из положения без того, чтобы быть вовлеченными в начинания, которые могли бы ослабить наши оборонительные силы. Для того чтобы избегнуть полного фиаско, мы можем сделать кое-какие уступки в вопросах об арбитраже, но эти уступки никоим образом не должны ограничивать полной независимости великих держав. Кроме царя мы должны также считаться с общественным мнением Европы, которое остается возбужденным этим нелепым шагом русских»[2].

Наконец, как об этом сказано ниже, кайзер часто выдвигал предложение слить Тройственный союз и Франко-русский союз в одну большую «континентальную лигу». Такая комбинация из всех пяти великих держав, по его мнению, не только обеспечила бы европейский мир, но

---

[1] G. P., XV, 406, примечание; 499—550; XVII, 105, 222 и сл.: XXIV, 173: Bourgeois et Pagés, 286—289: Sidney Lee, King Edward, VII, I, 761—773.

Согласно распространенной англо-французской версии кайзер был инициатором предложений о посредничестве, а затем попытался свалить вину за него на Францию и Россию; согласно же документации в «G. P.» фактическое положение было обратным. Предложение исходило от России, и Франция и Россия думали свалить вину на Германию. И действительно формальные предложения были впервые сделаны Германии Россией. Муравьев ли или кайзер являлся первоначальным творцом этого плана, вряд ли можно сказать с уверенностью, пока не будет опубликована целиком и полностью, соответственно полноте G. P. русская переписка, относящаяся к этому вопросу, цитированная Ли. Недавно опубликованные «British Documents» (I, 235 и сл., 247 и сл). повидимому подтверждают германские утверждения, что инициатором о посредничестве был Муравьев.

[2] Ibid., 186. Об этой конференции, на которой прямолинейность Германии привела к тому, что ее незаслуженно упрекали в отклонении предложений царя о сокращении вооружений, см. ibid., XV, 141—164: Andrew D. White, Autobiography, II, chs. 45—49; F. W. Holls, The Peace Conference at the Hague, N.-Y., 1900; W. J. Hull, The Two Hague Conferences, Boston 1908; P. Zorn, Die beiden Haager Friedenskonferenzen, Stuttgart 1915; Ch. Meurer, Die Haager Friedenskonferenz, 2 v., München, 1905—1907; J. B. Scott, The Hague Peace Conferences, 2 v., Baltimore, 1909; E. J. Dillon, The Eclipse of Russia, ch. 14.

могла положить предел подавляющему господству Англии во всех колониальных вопросах.

Таким образом первые годы существования Франко-русского союза скорее вели к укреплению всеобщего мира в Европе, чем подвергали его каким-либо опасностям. Союз этот создал здоровый противовес Тройственному союзу.

Ни одна из групп не превосходила другую настолько, чтобы могла без риска напасть на нее или попытаться утвердить свое господство путем угроз. Но в течение 10-летия, между 1894—1904 гг., произошли перемены, которые окончательно разрушили это равновесие. Факты величайшей важности в развитии системы тайных союзов — переход Англии от состояния полного одиночества к сердечному согласию с Францией и сомнительная лойяльность Италии по отношению к ее союзникам.

АНГЛИЯ НА РАСПУТЬИ. 1890—1898 гг.

Традиционной политикой Англии в течение столетий была политика «блестящего одиночества». Сохраняя всегда свободу действий, она могла пользоваться равновесием сил между континентальными группировками в Европе и обеспечивать в любой момент английскому влиянию решающее значение. И только в тех случаях, когда какая-либо держава становилась чрезмерно сильной и угрожала британскому контролю над Ламаншем или ее морскому превосходству, Англия активно и решительно вмешивалась в европейскую политику. После франко-прусской войны Англия в течение многих лет продолжала вести свою традиционную политику. Бисмарк трижды зондировал почву для заключения союза между Англией и Германией—в сентябре 1879 г., в ноябре 1887 г. и в январе 1889 г., но эти попытки Бисмарка не дали результатов, отчасти из-за того, что лорд Сольсбери боялся не получить одобрения парламента для такой политики [1].

Англия отступила от своей политики незаключения союзов только в 1887 г., когда заключила соглашение с Италией и Австрией, в котором три государства выразили свое общее желание поддержать мир и status quo в восточной части Средиземного моря и в Турции [2]. Это соглашение не возлагало на Англию каких-либо обязательств военного характера, но вместе с тем оно укрепило ее дружеские отношения с Тройственным союзом. После падения Бисмарка эти дружеские отношения продолжались и, казалось вначале, укрепились благодаря Гельголандзанзибарскому договору, личным связям молодого кайзера и его визитам в Англию.

Но приблизительно к тому времени, когда происходило образование Франко-русского союза, Англия как бы очутилась на распутьи. Одиночество, хотя бы и блестящее, не всегда безопасно или выгодно. Являясь соперницей на море для любой из союзных группировок на континенте,

[1] G. P., IV, 1—14, 376—419; Lady Cecil, Life of Robert, Marquis of Salisbury, II, 364—369; ср. также M. Ritter, Bismarcks Verhältnis zu England und die Politik, des neuen Kurses, Berlin 1924; H. Rothfels, Bismarcks Englische Bündnispolitik, Berlin 1924; F. Frahm, England und Russland in Bismarcks Bündnispolitik в «Archiv f. Pol. u. Gesch». V. Heft 4, 365—431 (1927).

[2] Ibid., 261—376; Pribram, 36—42.

Англия подвергалась опасности неприятных дипломатических поражений, если бы Германия и Франция или Германия и Россия объединились против нее. Лорд Розбери, который вел энергичную, но необдуманную политику, несколько раз имел случай убедиться в этом на практике к большому неудовольствию для себя. Не посоветовавшись с державами, подписавшими договор 1884 г. о границах государства Конго, он подписал договор, в результате которого к государству Конго отходила территория бассейна Верхнего Нила в обмен на кусок территории Конго в районе Танганайки, через который предполагалось провести британскую железную дорогу от Капа до Каира.

Франция и Германия протестовали, причем последняя на том основании, что такие действия Англии вели к окружению германской Восточной Африки и противоречили заключенному прежде договору. Розбери должен был отказаться от этого соглашения, объяснив в свое оправдание, что он действовал на основании меморандума, оставленного лордом Сольсбери, и не знал о могущих возникнуть затруднениях[1]. Равным образом во время недоразумений, возникших в связи с волнениями в Сиаме в 1893 г., Розбери натолкнулся на очень твердую позицию французов. Розбери был сильно раздражен и, не спросив согласия у кабинета, послал английскому командующему в Банкоке телеграмму, которая сильно напугала королеву Викторию. Сам Розбери признавал, что из-за этой телеграммы англичане на другой день после отправки ее могли очутиться в состоянии войны с Францией[2].

Вследствие опасной слабости своей позиции в Египте Англия постоянно находилась под угрозой более или менее объединенного выступления против нее всех континентальных держав. Египет был как бы петлей на шее Британии, которую каждая держава могла затянуть, когда хотела получить какие-нибудь дипломатические уступки от британского морского министерства. Так грозила поступить Франция в связи с сиамскими осложнениями, так собиралась поступить Германия в связи с железнодорожной концессией в Турции[3]. Такие инциденты показывали всю бессодержательность формулы «блестящего одиночества». Как верно отметил лорд Грей, говоря о своих первых шагах в министерстве иностранных дел в 1892—1895 гг., налицо имелись «постоянные трения, возникавшие в результате малейших поводов к ссоре или враждебным действиям между Великобританией, Францией и Россией. Атмосфера взаимного недоброжелательства не прекращалась. Британские интересы сталкивались с интересами Франции и России во многих местах. А там, где интересы сталкиваются, атмосфера недоброжелательства всегда бывает опасной. В этой атмосфере возникают самые черные подозрения подобно тому, как без солнца в глуши произрастают ядовитые травы»[4].

Все это постепенно привело британских государственных деятелей

---

[1] G. P., VIII, 428—475; о несколько иной версии см. Viscount Grey, Twenty-five Years, 1892—1916, I, 21 и сл.

[2] Ibid., 103—112; Grey, I, 12—15.

[3] Grey, I, 9—11, G. P., VIII, 143—235, в особенности 185 и сл.; затем XIV, 451—464; E. M. Earle, Turkey, the Great Powers and the Bagdad Railway (N.-Y. 1923), III.

[4] Ibid., II, 11.

к мысли о том, что состояние «блестящего одиночества» более не может продолжаться. В 1895 г. лорд Сольсбери, намекнул Германии, что наступило время для раздела Турции и дал понять, что Англия меняет свою позицию. Англия прежде вела политику, направленную к поддержке дряхлой турецкой империи, но теперь Сольсбери, наконец, пришел к выводу, что это было безнадежной задачей—ставкой на проигрывающую лошадь. Турцию нужно просто разобрать по кускам или по крайней мере наметить доли для раздела ее на случай окончательного развала оттоманской империи.

Темные стороны султанского режима все более ослабляли Турцию. Христианское население под турецким гнетом становилось все более и более беспокойным. Ужасная армянская резня, совершившаяся с более или менее молчаливого одобрения и при попустительстве Абдул-Гамида, возмутила Европу. Предложение лорда Сольсбери сводилось к тому, чтобы при разделе Турции Египет отошел к Англии, Триполи—к Италии, Салоники—к Австрии, а Константинополь или контроль над проливами—к России. Такой раздел Турции, основанный на заблаговременном дружеском соглашении и обеспечивающий хорошую долю для каждой из названных великих держав, мог бы надолго способствовать разрешению ближневосточного вопроса, если бы можно было преодолеть большие затруднения, связанные с предложением лорда Сольсбери.

Но к несчастью Берлин не пошел навстречу предложениям Сольсбери. Маршаль и Гольштейн, которые в то время в значительной степени определяли направление германской политики, оказались чрезвычайно подозрительными в отношении англичан. Они предвидели, что Францию и Италию удовлетворить будет чрезвычайно трудно. А затем, что приходилось при таком дележе на долю Германии? Они опасались, что политика раздела Турции породит гораздо больше новых проблем, чем разрешит старых, и что дележ этот может даже вовлечь все державы в войну. Они подозревали, что предложение Сольсбери имело целью посеять раздор между Россией и Тройственным союзом, с тем чтобы Англия получила возможность извлечь для себя пользу из этого раздора. Поэтому, когда Сольсбери снова возбудил этот вопрос непосредственно перед кайзером месяц спустя в Коусе, где Вильгельм присутствовал на морских гонках, кайзер дал весьма холодный ответ: он сказал, что по его мнению лучше всего было бы попытаться поддержать Турцию и заставить провести реформы, нужные для защиты христианских подданных султана. После этого лорд Сольсбери отказался от своей затеи[1].

Политическое положение, создавшееся в 1898 г., сделало для британского кабинета еще более очевидной целесообразность отказа от политики одиночества. В Центральной Африке трения с Францией из-за

[1] G. P., X, 1—41, 76 и сл.; 111—114. Германские документы указывают на неправильность утверждения сэра Валентина Чироля («London Times», Sept. 11, 13, 1920), что впервые предложение о разделе Турции исходило от Германии, а не от Англии. Эти документы опровергают также многие легендарные утверждения Эккардштейна в его «Воспоминаниях» (I, 207 и сл.; II, 284; III, 12 и сл.), касающиеся переговоров в Коусе в 1895 г. Ср. также R. I. Sontag, The Cowes Interview and Kruger Telegram в «Political Science Quarterly», XL, 217 и сл. (июнь 1925 г.); также E. N. Johnson и J. D. Bickford, The Contemplated Anglo-German Alliance 1890—1901 в «Political Science Quarterly», XLII, 10 и сл. (март 1927).

Нильской области приобрели острый характер; кроме того Франция расширила свои владения к востоку, по направлению к Верхнему Нилу. Майор Маршан, руководивший экспедицией в Судан, еще не был остановлен Китченером у Фашоды. На юге Африки трения англичан с бурами постоянно возрастали и привели к тому, что несколько месяцев спустя там разразилась самая унизительная и дорогостоящая война, какую когда-либо вела Англия. Телеграмма Вильгельма Крюгеру свидетельствовала о живом интересе кайзера и его подданных к бурам и ввиду этого указывала на желательность устранить всякую поддержку, тайную или явную, которую Германия была бы склонна оказать южноафриканским республикам. Наконец, на Дальнем Востоке Германия добилась для себя аренды морской базы в Киао-Чжоу; Россия, продолжив Великий сибирский путь, экономически завладела Манчжурией, а благодаря аренде Порт-Артура приобрела базу, которая могла угрожать Пекину и представлять серьезную опасность для морского и торгового преобладания Британии на Дальнем Востоке. Английская пресса, весьма сбеспокоенная всеми этими событиями, хотела знать, каким образом кабинет собирается приостановить эту активность России.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧЕМБЕРЛЕНА ГЕРМАНИИ О ЗАКЛЮЧЕНИИ СОЮЗА. 1898—1901 гг.

При этих обстоятельствах Великобритания сначала обратилась к России. 19 января 1898 г. англичане предложили царю заключить соглашение, которое должно было положить конец всем давнишним источникам трений, существовавших между обоими государствами. Основная мысль заключалась в том, чтобы добиться известной гармонии вместо постоянных противоречий в политике Великобритании и России в двух распадающихся империях, т. е. Китае и Турции.

В отношении Китая и Турции лорд Сольсбери тайно убеждал Россию, что надо говорить не о разделе территории, а о разделе сфер преобладающего политического влияния[1]. Но царь и его хитрые честолюбивые министры приняли это дело не так, чтобы их образ действий мог внушить доверие англичанам или побудить их перейти к действию. Россия взяла в аренду Порт-Артур, на что Великобритания ответила контрударом, сделав то же самое Вей-Хай-Вее. После этого Джозефу Чемберлену, британскому министру колоний, было поручено попытаться заключить союз с Германией.

29 марта 1898 г., в то время, когда лорд Сольсбери находился во Франции, куда он отправился для лечения, граф Гацфельд, германский посол в Лондоне, был приглашен на обед к Альфреду Ротшильду вместе с Чемберленом. Чемберлен совершенно откровенно заявил послу, что Англия решила изменить своей традиционной политике одночества. Он допускал, что у Англии и Германии в колониальных вопросах много мелких пунктов расхождения, но считал, что у них нет диаметрально

[1] Сольсбери О'Конору, 25 января 1898 г.; «British Documents on the origin of the War 1914—1918» (London 1927), I, стр. 8. Об истории этого британского предложения России впервые подробно рассказано там же, стр. 5—41, впрочем царь намекнул об этом кайзеру (см. ниже прим. 1 на стр. 100).

противоположных интересов. В связи с этим он высказал мысль об Англо-германском оборонительном союзе[1].

Чтобы рассеять опасения Германии насчет того, что последующие британские кабинеты не сумеют выполнить это соглашение, он был готов заключить открытый договор с одобрения парламента; однако это обстоятельство «не помешало бы включению в договор одной или нескольких секретных статей», как он конфиденциально заметил несколько дней спустя[2]. Наконец он намекнул, что если Англия не будет иметь успеха в своих попытках заключить союз с Германией, которая является для нее наиболее естественным союзником, то она обратится к Франции или России. Это было сказано в форме предупреждения, а не угрозы.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что Чемберлен вполне искренно старался начать переговоры, которые должны были привести к заключению союза. Для него лично было бы большой заслугой добиться успеха в этом вопросе. Но другие члены кабинета, как лорд Сольсбери и Бальфур, не говоря уже о принце Уэльском, питавшие скорее франкофильские симпатии, были настроены иначе. Они ничего не имели против неудачи попыток Чемберлена.

Предложение Чемберлена было принято в Берлине с такой же подозрительностью, с какой 3 годами раньше было встречено предложение о разделе Турции. Граф Бюлов, заменивший Маршаля на посту министра иностранных дел, опасался, что открытый союз с Англией может создать для Германии угрозу нападения с двух фронтов, со стороны России и со стороны Франции, там, где британский флот не мог оказать значительной поддержки Германии. Кроме того в связи с негодованием общественного мнения в Англии после телеграммы Вильгельма Крюгеру он сомневался, ратифицирует ли британский парламент договор об англо-германском союзе. Германское общественное мнение также было бы против такого союза. Поэтому Бюлов дал Гацфельду директиву не принимать, но и не отвергать предложение Чемберлена, а стараться затянуть это дело.

Он думал, что этим путем Германия и Англия, не заключая формального союза, сумеют притти к соглашению по некоторым важнейшим для них колониальным проблемам[3].

В связи с этим кайзер сделал шаг, показывающий то отсутствие

---

[1] G. P., XIV, 193—199, 212—216; Экардштейн, I, 292 и сл. В январе 1898 г. на охоте кайзер уже говорил британскому военному атташе о желательности заключения такого союза, которого он добивался уже в течение 8 лет, не встречая однако никакого ответа. На завтраке во Фридрихсгофе в августе он повторил ту же мысль британскому послу. Но в декабре он присоединился к мнению германского посла, что «конечно, нет необходимости в формальном союзе», ибо если бы им потребовались совместные действия, то соглашение можно было бы выработать в течение 24 часов, «British Documents», I, стр. 69, 100—105. Издатели «British Documents» указывает (стр. 101), что это единственные ссылки на предложения об Англо-германском союзе в 1898 г., которые они были в состоянии разыскать в архивах министерства иностранных дел. Тот странный факт, что в британских архивах нет никаких следов этих предложений Чемберлена, указывает на то, что в данном случае имела место скорее его личная попытка, чем официальное выступление от имени британского кабинета.

[2] Ibid., 202.

[3] Ibid., 199—249; см. также стр. 337—344.

честности, которое он иногда проявлял в своих попытках руководить внешней политикой Германии. Не посоветовавшись со своими министрами и несмотря на то, что предложение Чемберлена носило строго конфиденциальный характер, он 30 мая 1898 г. написал царю и сообщил ему, что Англия трижды в течение последних недель просила его о заключении союза, причем делала великолепные предложения, которые открывали блестящее будущее для Германии, и настаивала на быстром ответе. При этом кайзер прибавлял, что прежде чем отвечать англичанам, он хотел сказать об этом «Никки», так как этот вопрос был вопросом жизни для Германии. Этот союз, очевидно, был бы направлен против России. «Я прошу тебя, мой старый верный друг, сказать, что ты можешь мне предложить и что ты сделаешь для меня, если я отвергну британские предложения»[1].

Письмо это представляло собой грубое преувеличение, ибо Англия не сделала никаких «великолепных предложений». Кайзер сознательно пытался этим преувеличением восстановить Россию и Англию друг против друга и использовать предложение Чемберлена, для того чтобы поссорить их между собой.

От «Никки» он добивался сотрудничества России в деле вовлечения Франции в континентальную лигу, которая должна была слить воедино Тройственный и Двойственный союз и создать таким образом мощную группу из пяти европейских держав. Эта мысль о создании континентальной лиги постоянно в течение ряда лет жила в его воображении. Этим путем он надеялся обеспечить европейский мир. Если бы Россия могла привлечь Францию к этой комбинации, то можно было бы ожидать, что Франция откажется от идеи реванша и от надежды вернуть себе Эльзас-Лотарингию. А это уничтожило бы один из основных источников опасности нарушения европейского мира. Более того, такая континентальная лига могла бы быть использована для того, чтобы сдержать чрезвычайные колониальные аппетиты Англии в Африке и Азии и в дальнейшем, когда флот Германии стал бы достаточно силен, пожалуй даже положить предел господству Англии на море[2]. Однако царь не дал кайзеру себя обойти и не принял никаких обязательств. 3 июня 1898 г. он ответил следующим письмом:

«Дорогой Вилли... 3 месяца тому назад, во время наших переговоров с Китаем, Англия вручила нам меморандум, содержавший много соблазнительных предложений, пытаясь побудить нас притти к полному соглашению по поводу всех вопросов, в которых наши интересы столкнулись с ее интересами. Эти предложения носили столь необычайный характер, что, признаюсь, мы были просто поражены, и самый характер этих предложений показался нам подозрительным; никогда еще Англия не делала таких предложений России. Это убедило нас в том, что в то время Англия нуждалась в нашей дружбе для того, чтобы скрытым путем помешать нашему

[1] M. Semenoff, Correspondance entre Guillaume II et Nicolas II, 1894—1914 (Paris 1924), 38—42; Briefe Wilhelm II an den Zaren 1894—1914 (Berlin 1920), 309 и сл. (Переписка Вильгельма II с Николаем II, изд. Центроархива, М. 1923 — *Прим. ред.*).

[2] G. P., XI, 67—92; XIII, 63, 89; XIV, XIX—XXI passim; также переписка Вильгельма II с Николаем II, passim.

распространению на Дальнем Востоке. Не раздумывая долго, мы отвергли эти предложения...

...Для меня весьма затруднительно—чтобы не сказать невозможно—ответить на этот вопрос: полезно ли или не полезно для Германии принять эти часто повторяемые предложения Англии, так как я не имею ни малейшего представления об их ценности. Ты должен конечно сам решить, что является наилучшим и наиболее необходимым для твоей страны.

Германия и Россия с давних времен жили в мире, как добрые соседи, и дай бог, чтобы они продолжали жить в тесной и лойяльной дружбе.

Благодарю тебя еще раз за то, что ты написал мне в такую серьезную для тебя минуту. Да благословит тебя бог, мой дорогой Вилли. Твой любящий кузен и верный друг Никки»[1].

Эти сведения о поразительных британских предложениях, сделанных России непосредственно перед предложениями Чемберлена, естественно, заставили кайзера подозревать, что «вероломный Альбион» пытался восстановить Германию и Россию друг против друга и поссорить их между собой.

Они укрепили в кайзере недоверие к британской честности. Поэтому предложения, сделанные Чемберленом в марте 1898 г., не встретили поддержки со стороны Германии и остались безрезультатными.

Самое большее, что могло быть достигнуто, была англо-германская конвенция от 30 августа 1898 г. о предположительном разделе португальских колоний. Так как Португалия испытывала финансовые затруднения и, повидимому, хотела получить заем, то Германия и Англия договорились о том, что будут совещаться друг с другом об условиях предоставления Португалии займа и о разделе португальских колониальных земель, таможенные доходы с которых должны были служить залогом в обеспечение этого займа. В случае, если бы Португалия оказалась неисправным плательщиком, Германия и Англия получили бы управление таможенными доходами в тех португальских колониях, которые были бы заложены у них. Они договорились о том, что совместно будут препятствовать займам Португалии у всякой третьей державы, связанным с закладом доходов от португальских колоний, в качестве обеспечения[2].

Эта конвенция имеет важное значение потому, что она имела целью устранить один из источников соперничества и постоянных трений между Англией и Германией и легла в основу дальнейших переговоров в течение 1912—1914 гг. о заключении справедливого соглашения о возможном в будущем перераспределении колониальных владений. Но вместе

---

[1] G. P., XIV, 250 и сл.; Semenoff (на стр. 42, примечание), подтверждая правильность заявления царя, говорит, что британская нота России от 12 февраля 1898 г. сообщала намерения британского кабинета по вопросу о разграничении между Россией и Англией сфер влияния в Турции и Китае. Россия должна была получить свободу действий в Северном Китае, а Англия в Южном; о ноте О'Конора от 12 февраля Муравьеву см. B. D. I, стр. 12. [Последний несущественный абзац отсутствует в тексте этого письма, напечатанном в русском переводе в «Переписке Вильгельма II с Николаем II», изд. Центроархива, стр. 26—27 — *Прим. ред.*].

[2] Ibid., 347—355, «О переговорах» см. стр. 259—367; Eckardstein, II, 205 и сл. B. D., I, 44—73.

с тем конвенция эта для Германии превратилась в источник раздражения и подозрительности. Кайзер и Бюлов переоценили финансовые затруднения Португалии. Они напрасно ожидали того займа, который должен был привести к ожидаемым от договора результатам. Лорд Сольсбери отказался мешать Португалии заключать другие займы, которые не были связаны с предусмотренным в договоре закладом таможенных доходов. Действуя так, он был вполне прав с точки зрения буквы договора, но кайзер и его советники считали, что такое поведение Сольсбери противоречит духу заключенного договора. Они ожидали, что Англия использует свое влияние для того, чтобы помешать Португалии найти другие источники кредита, ускоряя тем самым наступление момента дележа.

Вместо этого Германия вскоре заметила, что после визита португальского короля Карлоса в Виндзор весной 1899 г. отношения между Лиссабоном и Лондоном стали более дружескими. И в самом деле, после того как началась бурская война, лорд Сольсбери секретной Англо-португальской декларацией от 14 октября 1899 г. (которую часто неточно называют Виндзорским договором) возобновил старый договор с Португалией 1661 г., в котором Англия обещала защищать и охранять все португальские колонии. Со своей стороны Португалия принимала на себя обязательства не допускать провоза военного снаряжения для буров в Трансваль и не делать формального заявления о нейтралитете, поскольку это могло помешать снабжению углем британских военных судов в заливе Делагоа. Видя такую тесную дружбу между Англией и Португалией и неудачу англо-германского договора, на который возлагалось столько надежд, германское министерство иностранных дел, естественно, потеряло веру в искренность предложенной англичанами дружбы [1].

Равным образом неудачной по своим последствиям для англо-германских отношений была конвенция о Ян-тцзе от 16 октября 1900 г. Конвенция эта имела своей целью содействовать общим интересам обеих стран на Дальнем Востоке посредством сохранения территориальной неприкосновенности Китая и держания его портов открытыми для торговли всех стран без различия; но недоразумения, возникшие вокруг вопроса о том, применяется ли эта конвенция к Манчжурии, где Германия не хотела нарушать интересы России, в конце концов привели к различным трениям и к недоверию с обеих сторон [2].

Разочарование, вызванное соглашениями о Португалии, Ян-тцзе и Самоа, задержание англичанами и обыск нескольких германских пароходов, отправлявшихся в Южную Африку, и другие трения, возникшие в связи с бурской войной, были также причинами холодного отношения Германии к дальнейшим предложениям союза, исходившим от Чемберлена.

Хотя отказ Германии от предложений Чемберлена и был одним из самых существенных факторов, определивших роковое течение событий

---

[1] B. D., I, 74—99 стр.; G. P., XV, 429; XXII, 17 и сл., 34 и сл., 85. Brandenburg (стр. 133) неправ, утверждая, что так называемый Виндзорский договор был подписан во время посещения королем Карлосом Виндзора весной 1899 г.

[2] Ibid., II, 1—31; G. P., XVI, 197—491; XVII, 85; 103; Eckardstein, II, 201—203, 210—223; O. Franke, Die Grossmächte in Ostasien, Hamburg 1923, 149—177.

в последующие годы, но здесь мы скажем о нем только несколько слов [1].

В ноябре 1899 г., несколько недель спустя после начала бурской войны и вызванной ею вспышки антианглийских настроений на всем континенте, кайзер и Бюлов посетили Англию. Чемберлен воспользовался этим случаем для того, чтобы иметь с ними обоими обстоятельную беседу. Он подал мысль об установлении более тесных отношений между Англией, Германией и Соединенными штатами.

Подробные заметки, которые вел Бюлов об этих переговорах [2], не указывают на то, что он дал во время этих переговоров Чемберлену серьезные основания думать, что Германия откажется от той сравнительно благоприятной позиции, которую она занимала в то время, и пойдет на риск, связанный с заключением союза с Англией. Однако несколько дней спустя в своей знаменитой речи, произнесенной в Лейстере, британский министр колоний с большим подъемом говорил об общности германских и британских интересов и открыто предлагал заключение союза: «в основе своей характер тевтонской расы отличается весьма незначительно от характера расы англо-саксонской. Если союз между Англией и Америкой является могущественным фактором, способствующим делу мира, новый тройственный союз между тевтонской расой и между двумя основными ветвями англо-саксонской расы будет оказывать еще более могущественное влияние на будущее всего мира» [3].

Но пагубные следствия бурской войны уже начали сказываться. Германские, французские и русские газеты начали жестоко нападать на Англию. Немцы, как заметил Бюлов, были взволнованы бурской войной гораздо больше, чем сама Англия; антианглийские настроения в Германии были сильнее, чем антигерманские настроения в Англии. Именно вследствие таких антианглийских настроений Бюлов не имел достаточно смелости, выступая в рейхстаге 11 декабря в защиту германского морского закона, выразить свое положительное отношение к лейстерским предложениям Чемберлена. Напротив, он очень холодно отнесся к ним, поскольку, по его словам, они были совсем ненужны для Германии. Это было жестоким разочарованием для Англии. Более того, если правда то, что говорил Чемберлен Экардштейну [4], т. е. что

---

[1] Подробное изложение этого можно легко найти в G. P., XV, 410—426; XVII, 1—118; Eckardstein, Lebenserinnerungen, passim; Brandenburg, S. 114—155; G. P., Gooch, History of Modern Europe, 1898—1919, p. 310—332; кроме того E. Fischer, Holsteins grosses Nein, Berlin 1925. Однако у Фитера нет правильной оценки мотивов, побудивших Германию не доверять Англии и под влиянием более поздних событий он незаслуженно осуждает Германию за то, что она не пришла к с глашению с Англией. Тот же самый упрек может быть сделан E. N. Johnson'y и J. D. Bickford'y, The Contemplated Anglo-German Alliance 1890—1901, в «Political Science Quarterly», XLII, 1—57 (март 1927). То обстоятельство, что новые «British Documents» фактически не содержат никаких материалов, касающихся предложений Чемберлена в 1899 г., указывает еще раз, что, как и в 1898 г., исходящие от него предложения носили личный характер и не представляли собой официальной политики британского кабинета; это обстоятельство оправдывает германский скептицизм в отношении реальной возможности англо-германского союза. См. также F. Meinecke, Geschichte des Deutsch-Englischen Bündnisproblems, 1890—1901, Berlin 1927.

[2] G. P., XV, 413—420.

[3] Цитировано по Gooch, p. 311.

[4] Eckardstein, Lebenserinnerungen, II, 107—111, 124. Ходячей, но источной и неверной английской версией этого несчастного эпизода Чемберлен — Бюлов является рассказ Асквита в «The Genesis of the War» (N.-Y., 1923), стр. 43—49.

он произнес речь в Лейстере по желанию самого Бюлова и в ожидании, что эта речь должна была найти благоприятный отзвук за Северным морем,—речь Бюлова в рейхстаге была предательским актом, вызвавшим большое негодование Чемберлена. Во всяком случае британское министерство иностранных дел стало относиться более подозрительно ко всему, что исходило из Вильгельмштрассе. Подозрительность эта начала еще более укрепляться в связи с планами Тирпица о создании германского флота.

Тем не менее в 1901 г., после произведшего самое благоприятное впечатление визита кайзера в Осборн в связи с известием о тяжелой болезни королевы Виктории, Чемберлен снова вступил в переговоры о заключении оборонительного союза между Англией и Германией или даже между Англией, Германией и Японией. У Англии все еще были связаны руки в Южной Африке, где буры оказывали бешеное сопротивление. На Дальнем Востоке в связи с подавлением боксерского восстания трения между Англией и Россией приняли весьма острую форму, так как русская армия не хотела эвакуировать китайскую территорию. При таких обстоятельствах союз с Германией был бы весьма ценной поддержкой для Великобритании. Но именно по этим причинам Германия совершенно не желала связывать себя какими-либо обязательствами. Переговоры, продолжавшиеся лордом Ленсдоуном, тянулись в течение целого года. Наконец, они были прерваны в декабре 1901 г., так как британский кабинет отказался пойти навстречу германским требованиям, чтобы в договор было включено указание на Тройственный союз и чтобы он был одобрен британским парламентом. И действительно, весьма сомнительно, чтобы такое одобрение парламента могло быть получено, так как бурская война вызвала в обеих странах взаимное ожесточение, сопровождавшееся с обеих сторон газетными кампаниями. Кроме того британский кабинет не был достаточно единодушен в вопросе о союзе с Германией. Лорд Сольсбери всегда скептически относился к этой мысли и в конце концов составил направленный против нее резкий меморандум. Ленсдоун и Бальфур также не горели энтузиазмом к ней. Чемберлен—если не считать поддержки его герцогом Девонширским—оставался довольно одиноким в своей попытке, и даже он, после того, как Бюлов отверг его лейстерские предложения, не желал больше возвращаться к этому вопросу [1].

Когда теперь обозреваешь все эти переговоры, то приходишь к выводу, что, пожалуй, какой-нибудь англо-германский оборонительный союз мог быть достигнут, если бы Германия с самого начала более внимательно отнеслась к предложениям Чемберлена. Это создало бы базис для лучшего взаимного понимания и сделало бы менее болезненным возбужденный бурской войной антагонизм между обоими народами, в котором позиция германского правительства, в отличие от позиции германского народа и германской прессы, была сравнительно корректной [2]. Это могло

[1] G. P., XVII, 16—19, 53, 67, 115, 221—224, 297, 316 и сл.; Eckardstein, II, 337 и сл., 397 и сл. Согласно германской версии, инициатива возобновления этих переговоров в марте 1901 г. исходила от англичан. Согласно же «British Documents», II, 60—88, она исходила от Германии. О меморандуме лорда Сольсбери против вступления Англии в Тройственный союз см. ibid., II, 68 и сл.

[2] Германское правительство с самого начала сознавало, что положение буров было безнадежно и что Германия не могла им ничем помочь вследствие того, что не имела

бы воспрепятствовать той взаимной подозрительности, которая все росла в связи с увеличением морских вооружений на обоих берегах Северного моря. Это по всей вероятности успокоило бы как опасения Германии в 1904 г. о том, что Англия готовится «копенгагировать» германский флот[1], так и паническое опасения в Англии в 1908—1909 гг., что возможно германское нападение на Англию[2].

Это могло бы создать базис для взаимного понимания, которое обеспечило бы успех многочисленных позднейших попыток заключить какое-либо соглашение в целях ограничения безумного соперничества морских вооружений Англии и Германии и, несомненно, это предотвратило бы создание Тройственного согласия.

Но Гольштейн, Бюлов и кайзер неправильно оценили положение дел и упустили блестящий случай. Они были раздражены тем, что Англия, казалось, не проявляла готовности помочь Германии приобрести колонии в Самоа и в португальских владениях. Они не в состоянии были или не хотели бросить вызов германскому общественному мнению, заключив союз со страною, порабощавшей буров. Они сомневались и в том, ратифицирует ли британский парламент такой союз. Их основной ошибкой было упорное убеждение, что Англия никогда не может сблизиться со своим традиционным врагом—Францией и уже недавно со своей злейшей соперницей—Россией. Англо-русский антагонизм представлялся на Вильгельмштрассе такой аксиомой, и Гольштейн и Бюлов были убеждены в том, что если бы даже Англия добилась сближения с Францией, то это не было бы опасно для Германии, так как это безусловно привело бы к разрыву франко-русского союза, ибо англо-франко-русская комбинация казалась им невозможной. При положении вещей, создавшемся в течение бурской войны и во время дальневосточных осложнений на пороге нового столетия, Германия, игравшая доминирующую роль в Тройственном союзе, казалось, располагала свободой выбора между Англией, с одной стороны, и франко-русским союзом—с другой. В Берлине верили, что Германия имеет то преимущество, что от нее зависит сохранить равновесие между этими державами. Это делало Германию, как однажды с гордостью сказал Бюлов, arbiter mundi,—распорядительницей судеб мира. Он не видел оснований для того, чтобы с легкостью отказаться от этого преимущества и вместо этого принять на себя риск защиты британских владений по всему свету.

достаточных для этого морских сил. Германское правительство поэтому попыталось отговорить Крюгера вызывать Англию на войну. Позднее кайзер отказался принять Крюгера, когда тот приехал в Европу, а также отказался присоединиться к проектам России и Франции о посредничестве. G. P., XV, 367—437.

[1] G. P., XIX, 353—380: Das Erste Deutsch-Englische «War-Scare» (Nov. — Dec 1904 г. «с выдержками», стр. 354) из Vanity Fair от 17 ноября 1904 г. о «Копенгагенском прецеденте 1807 г.». Это было как раз после того, как Джон Фишер «очистил флот от устаревших кораблей» и произвел радикальные реформы для того, чтобы сделать английский флот более сильным; см. его Memories and Records, II, 128—153; он сам допускает (ibid., I, 22), что в 1908 г. он советовал королю Эдуарду «копенгагировать» германский флот тогда, когда Англия имела 7 дредноутов, а Германия ни одного. Ср. B. E. Schmitt, England and Germany, 1740—1914, p. 178—182, 205—207. Прекрасный обзор англо-германских отношений после Бисмарка см. Friedrich Meinecke, Geschichte des Deutsch-Englischen Bündnisproblems, 1890—1901, Berlin 1927.

[2] Ср. пьесу «An Englishman's Home».

Англия нуждалась в Германии,—по его мнению, очень нуждалась в ней—и в будущем она должна нуждаться в ней скорее больше, чем меньше; поэтому Германия могла позволить себе отсрочить тот момент, когда она решится взять на себя риск, связанный с англо-германским союзом, до тех пор, когда английские министры начнут уделять больше внимания германским пожеланиям в колониальных делах и в целом ряде других дел[1]. Ради чего было Германии работать на пользу британских интересов? Почему она должна была позволять Британии толкать себя на конфликт с Россией? Какую помощь мог оказать британский флот при защите восточнопрусской границы от нападения казаков?[2]

Все эти соображения постоянно повторялись Бюловым и Гольштейном и получили одобрение кайзера. Хотя по временам кайзер, казалось, искренно склонялся в пользу союза с Англией, тем не менее, если судить по его письмам и пометкам на деловых бумагах, он относился крайне недоброжелательно ко многим английским политическим деятелям включая «дядю Берти»[3], и недоброжелательство это доходило почти до степени англофобии. Психоаналитик быть может сказал бы, что он находился, так сказать, во власти «антианглийского комплекса», основанного частью на реакции против влияния его матери в раннем детстве и частью «комплекса приниженности»—остром сознании слабости Германии на море и в качестве колониальной державы. «Наше будущее на море», «трезубец в наших руках», создание германского флота и страстное желание колониальных владений, все это может быть было своего рода «компенсацией за ту затаенную зависть, с которой он наблюдал гордое положение Англии во всем мире»[4].

Таким образом под влиянием целого ряда причин Гольштейн, Бюлов

---

[1] Ср. слова Бюлова, обращенные к кайзеру во время посещения последним Осборна (21 января 1901 г.): «Ваше величество вполне правы, думая, что Англия должна притти к нам. Ее здорово потрепали в Африке; на Америку она не может положиться; Япония от нее не зависит; Франция преисполнена ненависти; Россия вероломна; общественное мнение во всех странах против нее. И вот теперь англичанам постепенно приходит в голову мысль, что они будут не в состоянии своими собственными силами удержать свою мировую империю против стольких противников.

В данную минуту самым важным является не отбивать охоту у англичан, но и не допустить, чтобы мы преждевременно связали себя с ними. В ближайшие месяцы английские затруднения еще возрастут и вместе с ними возрастет и та цена, которую мы сумеем получить. Мы не должны слишком явно показывать Англии своих желаний, ибо это только увеличит английские требования и уменьшит наши шансы на успех, но в то же самое время мы должны поддерживать у Англии ее убеждение в том, что мы желаем сохранения могущественной Англии, что мы верим в солидарность англо-германских политических, культурных и также коммерческих интересов и что поэтому мы в свое время пойдем на заключение того или иного соглашения с Англией, если мы встретим с ее стороны должное обращение с нами. Угрозы Англии, что она вступит в соглашение с Двойственным союзом,—только призрак, которым Англия нас пугает, это тот способ, которым Англия пользуется с давних пор», G. P., XVII, 20 и сл.

[2] G. P., XVII, 1—129, passim; XVIII. 510; XX, 15.

[3] [Эдуард VII,—*Прим. ред.*]

[4] Любопытный психологический очерк о «величайшем в истории неудачнике», как Эдуард VII называет своего племянника, см. отнюдь не благожелательную по отношению к Вильгельму книгу Эмиля Людвига, Wilhelm der Zweite (Berlin 1925), в особенности стр. 174—193, 218—265 о губительном влиянии кайзера на англо-германские отношения; F. C. Endres, Die Tragödie Deutschlands, Leipzig 1922, 3-e Aufl. Stuttgart 1924, S. 121—146 (с обширной библиографией).

и кайзер решили не воспользоваться английскими предложениями. Они медлили, надеясь получить лучшие условия,—и не получили ничего. Они пропустили блестящий момент, который никогда уже более не повторился. Англичане, потеряв в конце концов всякую надежду договориться о союзе с Германией, обратились в другую сторону. В 1902 г. они заключили известный союз с Японией, который был направлен к охране их взаимных интересов на Дальнем Востоке. В 1904 г. они подписали с Францией договоры, которые были первым шагом на пути к созданию Тройственного согласия.

СОМНИТЕЛЬНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ ИТАЛИИ В ОТНОШЕНИИ ЕЕ СОЮЗНИКОВ

Италия, подобно Германии, так долго была занята созданием своего внутреннего национального единства, что она поздно сумела принять участие в борьбе за колониальные владения. Италия знала, что если она хочет играть в Европе роль великой державы и найти выход для быстро возрастающего населения, то она должна пойти по пути приобретения колоний. Естественно, она обратила свои взоры на Тунис. Но Франция проникла туда раньше ее. Тогда она стала искать союза с Германией и Австрией в надежде получить поддержку этих государств. Бисмарк, однако, не был склонен вначале позволить, чтобы Италия эксплоатировала Тройственный союз. Но в 1887 г., когда в связи с кризисом Буланже во Франции и болгарскими осложнениями на Балканах над Европой нависли тяжелые тучи, Италия сумела в награду за свое участие в возобновлении Тройственного союза вырвать для себя условия, предусматривающие ее будущие приобретения в Северной Африке, на Балканах и восточной части Средиземного моря. Поскольку интересы Германии не совпадали с интересами Австрии на Балканах и поскольку Австрия не была склонна принимать на себя обязательства в связи с итальянскими стремлениями в Северной Африке, было решено, что все эти вопросы будут урегулированы путем заключения отдельных договоров между Австрией и Италией и Германией и Италией; эти договоры были подписаны 20 февраля 1887 г. одновременно с подписанием договора о возобновлении Тройственного союза 1882 г.

В соответствии с этими договорами «Австрия и Италия, имея единственной целью сохранение насколько возможно территориального status quo на Востоке, обязуются использовать свое влияние с целью предупредить всякое территориальное изменение, способное причинить ущерб той или иной из обеих держав... Однако, если в результате событий сохранение status quo в балканских местностях или на оттоманском побережье и островах в Адриатике и Эгейском море оказалось бы невозможным и если в результате выступления какой-либо третьей державы или как-нибудь иначе Австро-Венгрия или Италия оказались вынужденными заменить этот status quo временной или постоянной с их стороны оккупацией,—то оккупация эта последует лишь после предварительного соглашения между обеими вышеуказанными державами, основанного на принципе взаимной компенсации...»[1].

[1] Ст. I Австро-итальянского договора 1887 г., включенная, как ст. VII в договор о Тройственном союзе 1891 г. и в последующие соглашения о его возобновлении;

Германия со своей стороны приняла на себя обязательство «использовать свое влияние, чтобы предупредить на оттоманском побережьи и островах в Адриатике и Эгейском море какое-либо территориальное изменение, которое могло бы причинить ущерб Италии». Что касается Северной Африки, то—«если бы случилось, что Франция сделала попытку распространить свою оккупацию, или свой протекторат, или свой суверенитет в какой бы то ни было форме на североафриканские территории, будь то Триполийский вилайет или Марокканская империя, и если бы в результате этого Италия сочла необходимым сама выступить» в целях обеспечения своего положения в Средиземном море,—Германия обещала ей в случае наступления войны вооруженную поддержку [1].

В 1891 г., при третьем продлении договора о Тройственном союзе, Италия заявила целый ряд новых пожеланий, но только одно из них было окончательно удовлетворено, а именно: она добилась расширения обязательства Германии поддерживать Италию в Северной Африке. Германия и Италия обязались помогать друг другу в поддержании территориального status quo в Киренаике, Триполи и Тунисе, но «если бы к несчастью после зрелого рассмотрения положения вещей Германия и Италия вместе признали, что сохранение status quo становится невозможным, то Германия обязуется, по заключении предварительного формального соглашения, поддержать Италию во всяком выступлении, которое Италия предприняла бы в виде оккупации или получения иной гарантии в тех же областях, в интересах равновесия и законной компенсации». При наступлении таких обстоятельств обе державы постараются кроме того также войти в соглашение с Англией [2].

Италия надеялась, что все это открывает для нее возможность присоединения североафриканских территорий. Но Германия все еще продолжала надеяться, что она сумеет удержать Италию от ее африканских авантюр, которые могли возбудить недовольство со стороны Англии, Франции или Турции. Поэтому по настоянию Германии в договор были включены фразы: «после зрелого рассмотрения» и «по заключении предварительного формального соглашения». Германия также настояла на исключении упоминания о Марокко, которое существовало в договоре 1887 г. и в первом итальянском проекте новой статьи; это было сделано для того, чтобы не дать возможности Италии прийти в столкновение с возможными стремлениями Франции, Англии и Испании в этой области.

Однако итальянцы были жестоко разочарованы в своих надеждах на то, что заключенные ими соглашения помогут им быстро получить

Pribram, 44, 66. 94, 99 и сл. 103 и 175—304, passim; G. P., IV, 179—260; VII, 51—123; XI, 267—300; XVIII, 499—647. 681—759; XXI, 351—419; XXX, 493—579 и Crispi, Memoirs, III, 301—349. [Ключников и Сабанин, Международная политика нового времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1, стр. 254.—*Прим. ред.*].

[1] Ст. I и III Итало-германского договора 1887 г., включенные как ст. VI и X в договор о Тройственном союзе 1891 г. и в последующие соглашения о его возобновлении. [Ключников и Сабанин, Международная политика, ч. 1, стр. 143.—*Прим. ред.*].

[2] Ст. IX договора о Тройственном союзе 1891 г. и последующих соглашений о его возобновлении. [Ключников и Сабанин, ibid., 1, с. 267. — *Прим. ред.*].

Триполи. В течение ближайших лет после заключения договоров они постоянно обращались с просьбами и упреками по адресу своих союзников, и эти просьбы и упреки становились все громче по мере того, как все хуже шли дела итальянцев в Абиссинии. Криспи жаловался, что Франция настроена к нему неблагожелательно, что ему грозили интриги России на Ближнем Востоке и в Абиссинии, что Англия пренебрегла им и что во всем этом были виноваты Германия и Тройственный союз. Французы, по его словам, были поглощены мыслью о возвращении Эльзас-Лотарингии, и... предупредили его, чтобы он не ждал каких-либо уступок от них до тех пор, пока Италия остается в Тройственном союзе; напротив того, они «прилагают все усилия к тому, чтобы как только возможно отравить существование итальянцам»[1].

Однако после падения кабинета Криспи, в связи с абиссинской катастрофой, его преемник Рудини начал работать в пользу сближения с Францией. Франко-итальянской конвенцией 1896 г., относительно Туниса, Италия наконец фактически признала французский протекторат в Тунисе и за это получила некоторые привилегии политического и торгового характера. В ближайшем же году итальянский наследник престола Виктор Эммануил и его невеста черногорка посетили Париж, и празднования, устроенные в их честь, были направлены к тому, чтобы сблизить эти две латинские нации. Через два года франко-итальянский торговый договор положил конец длительной тарифной войне, которая причиняла большой вред торговле между этими обоими государствами и вызывала большое ожесточение.

Сближению между Парижем и Римом помог тот новый оборот, который Делькассе придал англо-французским отношениям. После унизительного инцидента с Фашодой Делькассе решил покончить с традиционной враждой между Францией и Англией. Конвенция, заключенная 21 марта 1899 г., установила между Францией и Англией соглашение о разграничении сфер влияния в местностях, расположенных между Конго и верхним Нилом, и в то же самое время успокоила опасения итальянцев, показав, что французы не распространяли своих стремлений на восток от Туниса в область Триполи, на которую так жадно смотрела Италия. Это расчистило путь для тайного франко-итальянского соглашения, заключенного в декабре 1900 г. В обмене нот, имевшем место между Висконти-Веностой и Баррером, энергичным французским послом в Риме, Италия признала французские притязания на Марокко, а Франция признала итальянские притязания на Триполи[2].

Все растущая близость между Францией и Италией внешне подчеркивалась теперь всякими возможными способами. Президент Лубе пожаловал Виктору Эммануилу большой крест французского ордена Почетного легиона. Итальянский флот посетил Тулон и был принят с такими проявлениями дружбы, которые напоминали посещение русского флота во время образования франко-русского союза. 14 декабря 1901 г. Принетти, бывший определенным франкофилом, сообщил

[1] Сообщение Криспи об официальном французском заявлении, 9 февраля 1896. G. P., XI, 288.

[2] Livre Jaune, Les Accords Franco-Italiens (1900—1902. Paris 1920), p. 1—4; Pribram, The Secret Treaties of Austria-Hungary 879—1914, II, 227; 240—245.

в итальянской Палате депутатов о существовании тайного франко-итальянского соглашения, заключенного 12 месяцев тому назад Висконти-Веностой и Баррером. Одновременно с этим он усердно уверял германского и австрийского послов, что Италия вполне лояльна по отношению к Тройственному союзу, и признавал нелойяльность своего предшественника, который не уведомил союзников Италии сразу же о состоявшемся между Италией и Францией обмене нот. Он пытался найти оправдание этому поступку, указывая на свое предположение, что Висконти-Веноста уже осведомил об этом Германию и Австрию [1].

Бюлов был рассержен такой изменой итальянской дипломатии. Он боялся, что Италия может предпринять аннексию Триполи, что вызовет противодействие со стороны Турции и создаст опасность для германских интересов на Ближнем Востоке. Однако внешне он старался казаться беззаботным, заявив в своей известной речи в рейхстаге 8 января 1902 г., что «Тройственный союз находится в прекрасном состоянии и будет, надеюсь, и дальше пребывать в таком же состоянии, подобно тому как это бывает с человеком, которого по ошибке сочли умершим, но который живет потом долгий век в добром здравии». При этом он довольно игриво прибавил: «В счастливом браке мужу не следует особенно огорчаться, если его жена протанцует лишний тур вальса с кем-нибудь другим. Главное, чтобы она не сбежала с ним. Но она не сбежит, если сознает, что с мужем ей живется лучше». Это предостережение по адресу Италии он еще подчеркнул в дальнейшем, заметив, что Тройственный союз является не «коммерческим обществом, преследующим цели наживы, а скорее страховой компанией».

Однако Италия не считалась с этим предупреждением. Ведя переговоры о возобновлении договора Тройственного союза, она в то же время прислушивалась к предложениям Баррера, который решил добиться от Италии обещания, что она не нападет на Францию и откажется от какого бы то ни было военного соглашения или договорного обязательства, могущего побудить ее присоединиться к германскому нападению на Францию [2]. И действительно, 4 июня 1902 г., за несколько недель до возобновления договора о Тройственном союзе, Принетти секретно дал Делькассе заверения в том, что договор этот не заключает ничего такого, что прямо или косвенно было бы направлено против Франции. Хотя Принетти и оговорил, что «это сообщение должно остаться секретным», Делькассе вскоре же сообщил об этом во французской Палате депутатов.

Но Делькассе не был все же этим удовлетворен. Он хотел получить от Принетти документ, который связал бы Италию и принудил ее соблюдать строгий нейтралитет в случае, если бы Франция начала по своей инициативе войну, на которую она была бы вызвана [3]. Поэтому обменом нот между Принетти и Баррером 1 ноября 1902 г. стороны по взаимному согласию установили:

«В случае, если Франция [Италия] прямо или косвенно сделается

---

1 G. P., XVIII, 730 и сл.
2 Баррер — Делькассе, 8 мая 1902, «Les Accords Franco-Italiens», 5.
3 Делькассе — Барреру, 18 июня 1902; «Les Accords Franco-Italiens», 6.

объектом нападения со стороны одной или нескольких держав, Италия [Франция] сохранит строгий нейтралитет.

То же самое будет в случае, если Франция [Италия] вследствие прямого вызова окажется вынужденной для защиты своей чести и безопасности принять на себя инициативу объявления войны. В этом случае правительство республики [королевское правительство] должно будет предварительно сообщить свое намерение королевскому правительству [правительству республики], которое таким образом будет в состоянии констатировать, имеется ли действительно налицо прямой вызов»[1].

Практически это означало, что Италию нельзя было более считать лойяльным членом Тройственного союза. Несомненно Принетти успокаивал свою совесть, утверждая, что обещания, данные им Франции, «только уточняли характер» обязательств Италии, вытекающих из Тройственного союза, и прямо им не противоречили[2]. Действительно, его обещания не противоречили б у к в е обязательств, принятых на себя Италией по отношению к Германии, так как, согласно ст. 3 договора о Тройственном союзе, Италия была обязана помогать Германии только в том случае, если Германия подвергнется нападению со стороны Франции «без прямого вызова». Италия оставляла таким образом за собой право решать, что именно является «прямым вызовом». Но эту фразу можно было толковать как угодно. Когда Баррер спросил Принетти, как надо понимать эту фразу, то Принетти в качестве примера «прямого вызова» привел инцидент Шнебеле, Эмскую телеграмму и отказ Вильгельма в 1870 г. принять Бенедетти[3]. Это значило, что в будущем в любое время при возникновении подобных инцидентов, которые Франция сочла бы за вызов и которые заставили бы ее «для защиты своей чести или безопасности» объявить войну Германии, Италия осталась бы нейтральной. Таким образом благодаря тому, что была включена фраза о «прямом вызове», франко-итальянское соглашение 1902 г., строго говоря, не противоречило букве обязательств Италии, вытекавших из Тройственного союза, но оно, конечно, противоречило духу этих обязательств и той цели, ради которой они были установлены[4].

Италия теперь уже не помогла бы Германии в случае нападения на нее Франции, а это было как раз одной из основных и существенных целей Тройственного союза. Все зависело от того, как Италии заблагорассудится толковать крайне неопределенное и растяжимое понятие «прямого вызова». Поскольку было совершенно невозможно дать этому понятию вполне точное юридическое определение, толкование этого понятия зависело—как это показали дальнейшие события—от того,

---

[1] Баррер — Делькассе, 1 ноября 1902; «Les Accords Franco-Italiens», 7—9. [К л ю ч н и к о в и С а б а н и н, I, 305—406. — *Прим. ред.*]

[2] Именно в таком свете Баррер представил это дело Пуанкаре в 1912 г., «Les Accords Franco-Italiens», 11—14. По словам Баррера, это соглашение не было «контрдоговором» в отношении договора о Тройственном союзе, но лишь дополняло его.

[3] «Les Accords Franco-Italiens», 7.

[4] Даже такой горячий сторонник Франции и жестокий критик Германии, как Pagès, говорит, что новые обещания, данные Италией Франции, были «с трудом примиримы» с ее основными обязательствами по отношению к Германии, B o u r g e o i s et P a g è s, 301, примечание 1.

как понимала свои интересы Италия в каждый данный момент. Пуанкаре крайне резко определил создавшееся положение вещей в разговоре с Извольским в декабре 1912 г.; он сказал, что «ни тройственное согласие, ни Тройственный союз не могут рассчитывать на лойяльность Италии; итальянское правительство употребит все усилия, для того чтобы сохранить мир; а в случае войны оно сначала займет выжидательную позицию и в конце концов присоединится к той стране, победа которой будет казаться более вероятной»[1]. С этих пор Италия одной ногой стояла в одном лагере, а другой—в другом и могла пойти в любом из этих двух направлений, хотя ни ее прежний союзник, ни новый не доверяли ей вполне.

В конце 1903 г., незадолго до того, как Германия с удивлением узнала о заключении англо-французского соглашения, грозившего еще больше привлечь Италию на сторону этих двух средиземноморских держав, Германия начала серьезно опасаться, что этот «сверхпрограммный тур вальса» Италии может все-таки закончиться бегством от законного супруга. Виктор Эммануил заявил императору Вильгельму, что дружба Франции была важна для торговых отношений Италии и возможности заключения ею займов. Хотя утверждали, что о Баррере он отозвался: «Я не люблю его, он лживый и нечестный человек»[2], однако несколько месяцев спустя он посетил Париж, что послужило поводом для дальнейшего демонстрирования франко-итальянской дружбы. Приблизительно в то же самое время произошел новый взрыв итальянского ирредентизма против Австрии, подавленный впрочем итальянским правительством без больших усилий[3]. В апреле 1904 г. президент Лубе сделал Виктору Эммануилу ответный визит, прибывши в Неаполь вместе с французским флотом, и даже посетил его в Риме, хотя до тех пор никто из французских президентов не оказывал такое внимание королю и в то же время неуважение к папе. В тостах, произносившихся в Неаполе в честь Лубе, итальянцы особенно подчеркивали франко-итальянскую дружбу, но совершенно не упоминали о положении Италии в Тройственном союзе. Немцы возражали против этого и настаивали, чтобы в дальнейших тостах был упомянут Тройственный союз и его мирный характер, для того чтобы никто не мог думать, что Италия перешла на сторону Франции. Итальянский министр обещал выполнить желание Германии, но не сдержал своего обещания. Последовало два дальнейших франко-итальянских тоста, но вопрос о Тройственном союзе был обойден гробовым молчанием[4].

Германский посол в Риме Монтс настаивал, что единственный способ заставить Италию быть более лойяльной в отношении Германии—это связь. Но Бюлов считал, что в данное время сердечный тон лучше себя обходительно и дружественно с Италией и будем ей помогать, то с итальянцами не будет никакого сладу. Мне кажется, что единственное действительное средство в данном случае—это возбудить

---

[1] L. N., 1, 365.
[2] G. P., XVIII, 615.
[3] Ibid., XVIII, 616—636.
[4] Ibid., XX, 37—64.

у них чувство страха и уважения»[1]. Этот совет вполне совпадал с прежними предупреждениями Бюлова по адресу Италии о том, как бы временный флирт Италии с Францией не превратился в постоянную связь. Но Бюлов считал, что в данное время сердечный тон лучше перебранки. Он пытался привлечь Италию уверениями, что Германия не возражает против захвата Италией Триполи. Он, кроме того, считал, что будет гораздо лучше, если Италия будет осуществлять свои колониальные стремления за счет Северной Африки, чем за счет Албании или Адриатики, где ее интересы наверное столкнутся с интересами Австрии. Спустя несколько месяцев, когда Титтони выразил раскаяние и обещал «больше не поступать таким образом»[2] и когда на горизонте стали собираться тучи марокканского вопроса, Бюлов в особенности не хотел обижать итальянцев или занимать такую решительную позицию, которая могла бы еще сильнее толкнуть их в объятия Франции и Англии. «Внешний вид Тройственного союза должен остаться по возможности неизменным,—писал он кайзеру,—в особенности потому, что пока итальянцы находятся в Тройственном союзе, враги к ним будут относиться с недоверием. В случае каких-либо осложнений и мы не должны питать иллюзий насчет активного итальянского сотрудничества. Однако, если Италия останется нейтральной, вместо того чтобы выступить на стороне Франции, это безусловно будет большим выигрышем, который следует весьма ценить»[3].

В своих публичных выступлениях и в своей книге, написанной в защиту собственной политики и опубликованной непосредственно перед войной, Бюлов, естественно, старался поддержать, насколько это было возможно, фикцию об итальянской лойяльности, т. е. представить дело с внешней стороны как можно лучше. «Ни в Алжезирасе, ни во время Триполитанской экспедиции, равно как и незадолго до нее, во время свидания в Раккониджи, Италия никогда не имела в виду разорвать свою связь с нами»[4]. Это многих ввело в заблуждение и заставило думать, что Бюлов гораздо более доверял Италии после франко-итальянского соглашения 1900—1902 гг., чем это было на самом деле. Даже столь знающий ученый, как профессор Прибрам, говорит: «В конце 1905 г. Бюлов думал, что опасность отхода Италии от Тройственного союза не существует». Он цитирует заявление Бюлова в 1905 г.:

> «Италия связала свою судьбу с Тройственным союзом не из-за каких-нибудь сентиментальных соображений, но просто потому, что она находит это для себя выгодным. Те причины, которые первоначально заставили три великие державы войти в союз, продолжают оставаться в силе; не произошло ничего такого, что могло бы вызвать какое-либо изменение»[5].

Но такого рода декларации довоенного времени представляют собой просто образцы обычной оптимистической политики канцлера «faire bonne mine au mauvais jeu» (делать веселый вид при плохих обстоя-

---

[1] Монтс — Бюлову, 6 мая 1904; G. P., XX, 69.
[2] G. P., XX, 81—95.
[3] Письмо Бюлова к кайзеру 5 марта 1905 г.; G. P., XX, 95.
[4] Bülow, Deutsche Politik, Berlin 1913; англ. перевод «Imperial Germany», N.-Y. 1914, 59.
[5] Pribram, 263—264; Pribram — Coolidge, II, 135—136.

тельствах). По существу же Бюлов был крайне недоволен той двойственной политикой, которую вела Италия.

На Алжезирасской конференции, голосуя на стороне Франции и Англии против Германии, Италия нанесла второй тяжелый удар единству Тройственного союза и еще раз доказала, что Бюлов имел все основания быть недовольным. Соннино, выступая 8 марта 1906 г. в палате депутатов, пытался объяснить двойственную политику Италии следующим образом: «Оставаясь вполне лояльными по отношению к Тройственному союзу, мы будем поддерживать традиционную дружбу с Англией и честные дружеские отношения с Францией». По этому поводу германский император высказался так:

«В Библии сказано, что нельзя служить двум господам; тем более нельзя служить одновременно трем господам! Франция, Англия и Тройственный союз—это совсем несовместимо! Дело идет к присоединению Италии к англо-французской группировке. Мы должны считаться с этим и поставить крест на таком союзнике»[1].

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАСИЕ 1904 г.

Говорят, что Делькассе, занявший пост французского министра иностранных дел в июне 1898 г., заявил, что первой задачей его внешней политики явится сближение с Англией. Для того чтобы Франция могла расширить свою колониальную империю и со временем вернуть Эльзас-Лотарингию, надо было положить конец ее вековой вражде с Англией.

Поэтому Делькассе предпринял шаги к примирению «с коварным Альбионом». Он согласился на договор, разрешающий спор по вопросу о границах английских и французских владений в долине р. Нигера. Через несколько месяцев перед войсками Китченера, вопреки традиционным чувствам французов, он уступил британцам у Фашоды. 21 марта 1899 г. он достиг с Англией соглашения, разграничивающего сферы влияния между верхним Нилом и Конго. Он сделал все возможное, чтобы расчистить дорогу для улучшения англо-французских отношений.

Но общественное мнение в обеих странах продолжало оставаться враждебным. Бурская война еще усилила это взаимное раздражение. Преодолеть это было отчасти делом сэра Томаса Барклея. Подойдя к вопросу скорее с коммерческой, чем с дипломатической точки зрения, он добился согласия Сольсбери и Делькассе на посещение в 1900 г. Парижа британскими торговыми палатами. Под его председательством состоялся банкет на 800 чел., имевший большой успех. Это был год парижской выставки, и тысячи англичан наводнили в это время французскую столицу. Вслед за этими посещениями последовало посещение Англии депутацией французских торговых палат и обмен визитами между членами парламента. Когда почва таким образом была подготовлена, сэр Томас Барклей начал агитацию в пользу заключения англо-французского договора об арбитраже, который должен был устранить возможные причины трений и сделать в будущем отношения обеих стран независимыми от опасного влияния народных настроений. Такой договор, передававший на рассмотрение Гаагского трибунала все споры

[1] G. P., XXI, 353.

между обоими государствами (за исключением вопросов, касающихся жизненных интересов, чести или независимости), был подписан 14 октября 1903 г.[1].

Тем временем смерть королевы Виктории в 1901 г. и отставка лорда Сольсбери в 1902 г. открыли дорогу для деятельности двух людей, более горячо, чем их предшественники, стремившихся к установлению тесных отношений с Францией,—Эдуарда VII и лорда Ленсдоуна.

Новый король Эдуард VII, еще будучи принцем Уэльским, проводил много времени в Париже и на Ривьере. Он прекрасно говорил по-французски, завязал во Франции много дружеских отношений и питал большие симпатии к французскому народу. Весной 1903 г. по своей собственной инициативе он впервые в качестве короля официально посетил Париж и был польщен оказанным ему приемом. Хотя прием вначале не отличался восторженностью, однако, он был полон почтительности, а затем и проявлений решительных симпатий. В одной из тех своих речей, в которых Эдуард VII со свойственным ему тактом умело соединял лестную оценку окружающих с выражением сердечности и доброжелательства, благодаря чему он имел так много друзей, он заявил:

«Вряд ли я должен говорить вам, с какой огромной радостью я снова прибыл в Париже, который, как вы знаете, я и раньше часто посещал со все возрастающим чувством удовольствия и к которому я так привязан многими счастливыми и незабладимыми воспоминаниями. Я уверен, что времена враждебных отношений между обеими странами, к счастью, миновали. Я не знаю двух других стран, процветание которых больше зависело бы друг от друга, чем Франции и Англии. Возможно, в прошлом были недоразумения и причины для известных разногласий, но все это, к счастью, прошло и позабыто. Моей постоянной заботой является укрепление дружбы между обеими странами, и я рассчитываю, что все вы, пользующиеся французским гостеприимством в этом великолепном городе, поможете мне в достижении этой цели»[2].

Теплый тон этой речи, приподнятое радостное настроение Эдуарда VII на банкете на Елисейских полях, на военном смотру в Венсенне, на скачках в Лонгшане—все содействовало тому, чтобы изгладить из памяти французов горькие воспоминания о Фашоде и бурской войне. Спустя 2 месяца (6—9 июля 1903 г.) президент Лубе отдал визит королю Эдуарду. Последний был отмечен с обеих сторон величайшей сердечностью. «Франция,—сказал французский президент своему коронованному хозяину,—сохраняет светлое воспоминание о вашем посещении Парижа. Я убежден, что это посещение будет иметь самые счастливые последствия и что оно максимально послужит к поддержанию и укреплению содружества, существующего между нашими обеими странами, в интересах их общего благоденствия и обеспечения всеобщего мира».

В ответ на это Эдуард VII выразил надежду, что «тот прием, кото-

---

1 Ср. Sir Thomas Barclay, Thirty Years of Anglo-French Reminiscences 1876—1906, London 1914, p. 175—229, 340—354, B. D., II, 261, 289 и сл. 318 и сл.

2 Цитировано по Gooch, History of Moderne Europe, 1878—1919, 338—339; Ср. также Sidney Lee, King Edward, VII, II, 221 и сл.

рый вы встретили сегодня, убедил вас в искренней дружбе, я даже скажу, в любви, с которой моя страна относится к Франции». После отъезда президента Лубе король послал ему приветственную телеграмму с пожеланием счастливого пути, которая встретила самый теплый отклик по обе стороны Ламанша: «Моим величайшим желанием является, чтобы сближение между обеими странами сохранилось».

Делькассе сопровождал президента Лубе во время посещения им Лондона и начал переговоры с лордом Ленсдоуном, которые принесли плоды через 8 месяцев в форме англо-французского «сердечного согласия». Оно было закреплено 8 апреля 1904 г. рядом конвенций, которые дружеским образом разрешали стародавние споры, касавшиеся рыбной ловли у Ньюфаундленда, Сенегамбии, Сиама, Мадагаскара, Ново-Гебридских островов и других вопросов. Наиболее важной конвенцией была, наконец, та, в которой Франция предоставила англичанам свободу действий в Египте, получив взамен свободу действий в Марокко.

Египет в течение более чем 25 лет был предметом наиболее острых трений между английской и французской дипломатией. Он был самым уязвимым местом внешней политики Великобритании. Все великие державы имели в Египте известные политические и финансовые права, которые постоянно стесняли свободу действий Англии и постоянно затрудняли управление Египтом. Египетские финансы были теперь в блестящем состоянии, но международные обязательства, установленные в условиях, которые отныне не существовали, не позволяли хедиву, т. е. его английским советникам, извлекать какую-либо реальную выгоду из бюджетных излишков. «Такое положение вещей,—говорит лорд Кромер,—стало нетерпимым»[1]. Поэтому для Англии имел огромное значение заявленный отказ от этих финансовых ограничений и получение гарантии, что «правительство французской республики не будет препятствовать действиям Великобритании в Египте требованием установления конечной даты британской оккупации или каким-либо иным путем»[2]. Полученная Англией свобода действия была закреплена декретом хедива, который Англия поспешила формально довести до сведения держав, обеспечив их согласие на него[3]. Таким образом Египет перестал быть уязвимым местом английской внешней политики.

«Через шесть месяцев Кюльман мог писать из Танжера, что египетский вопрос скончался, но вопрос о Марокко жив попрежнему»[4].

Марокко, с другой стороны, было чревато беспокойствами для Франции и в скором времени превратилось в кошмар всей европейской дипломатии. В конце XIX в. Марокко было независимой страной, насчитывав-

---

[1] Cromer, Modern Egypt, гл. 48. О влиянии лорда Кромера на англо-французские переговоры, см. B. D., II, 298 и сл., 323, 332 и сл., 339 и сл., 354 и сл. 364, 400.

[2] Ст. I конвенции об Египте и Марокко. Для текста англо-французской конвенции см. британскую Blue Book 1904 и французскую Livre Jaune 1904, Accords conclus le 8 avril 1904 au sujet du Maroc, de l'Égypte, de Terre Neuve etc.; для секретных статей, впервые опубликованных в 1911 г. «Temps», см. английской Blue Book., Treaty Series 1911; E. D. Morel, Morocco in Diplomacy, London 1912, стр. 234 и сл. American Journal of International Law, VI (1912), приложение, стр. 26 и сл., B. D., II, 374—407.

[3] О переговорах с целью получения согласия Германии см. G. P., XX, 121—165.

[4] G. P., XX, 33.

шей около четырех или пяти миллионов арабов, берберов, евреев, негров и др., находившихся под номинальным управлением султана в Феце. Но это правление не было устойчивым, постоянно вспыхивали восстания враждебных племен или же возникала борьба за «зонт», являвшийся символом суверенной власти в этой солнечной стране. Нападения арабов создавали постоянную опасность для жизни и собственности европейских купцов и путешественников. Правительство султана могло оказать только слабую защиту. В результате всех этих обстоятельств 13 государств, в том числе и Соединенные штаты, которые уже однажды принимали участие в операциях против берберских пиратов, подписали в 1880 г. с марокканским султаном мадридскую конвенцию. Эта конвенция содержала ряд постановлений, направленных к защите иностранцев в Марокко, и давала всем подписавшим ее государствам права наибольшего благоприятствования[1]. Из всех европейских государств наиболее непосредственно заинтересованными в Марокко, в силу географической близости и исторических отношений, были два государства—Испания и Франция.

Испания в течение XVI в. унаследовала или завоевала некоторое количество поселений на северном побережье Африки между Гибралтарским проливом на западе и французской территорией Алжира на востоке. Эти куски испанской территории были, однако, отделены от марокканских владений линией Рифских гор, так что Испания не собиралась приобретать какую-либо часть марокканского «хинтерланда». В случае раздела Марокко Испания желала только обеспечить для себя прибрежную полосу Средиземного моря и некоторые порты на побережье Атлантического океана против Канарских островов для защиты этих последних.

Франция, хотя географически и более отдалена от Марокко, фактически имела более жизненные интересы в этой стране. Начиная с 1830 г., она постепенно создала в Алжире обширную колонию или, выражаясь более правильно, включила Алжир во Францию, так как Алжир не был колонией в полном смысле этого слова. Подобно самой Франции, он был разделен на департаменты, имел представительство во французской палате депутатов, и лица, рожденные в Алжире, пользовались всеми правами французских граждан. Поскольку Франция распространяла свое владычество к югу, по направлению к Сахаре, она не встречала там естественных границ, которые отделяли бы ее территорию от территории марокканского султана. В связи с этим Алжир подвергался постоянным набегам и грабежам со стороны марокканских племен[2].

Пока в Марокко была такая беспокойная обстановка, Франция не могла обеспечить мир на западной границе Алжира. Поэтому французы скоро поняли, что безопасность и судьба Алжира и их будущей великой североафриканской колониальной империи заставляют их распространить свое владычество на Марокко, будь то в форме полицейского надзора, или в форме протектората, или в форме прямой аннексии.

---

[1] Amer. Journal International Law, VI (1912), приложение, стр. 18—24.

[2] Печальное повествование об этом можно найти в депешах, помещенных во французской Livre Jaune, Affaires du Maroc (Paris 1905), passim.

Но Италия, Англия и Германия тоже имели в Марокко свои политические и торговые интересы[1].

Италия, не имевшая колоний, бросала на Марокко жадные взоры, в особенности после того, как Франция опередила ее в Тунисе. Но в 1900 г. Франция откупилась от притязаний Италии, дав секретное обещание не возражать против осуществления итальянцами своих притязаний на Триполи.

Англия, владевшая одним из геркулесовых столбов у Гибралтара, решила, что другой из этих столбов, у Сеуты, никогда не должен попасть в руки такой сильной европейской державы, как Франция: в противном случае английский флот и английская торговля потеряли бы тот жизненно необходимый контроль над входом в Средиземное море, который Гибралтар давал Англии в течение двух столетий. Сеута принадлежала Испании, но Испания настолько ослабела, в особенности после испано-американской войны, что Англия ничего не имела против того, чтобы Испания держала Сеуту в своих руках: она не опасалась, что Испания когда-нибудь сможет оспаривать у нее контроль над проливом. Англия стремилась также к Танжеру отчасти в связи с тем, что ее торговля там была широко развита. Если она не могла захватить Танжер для себя, то она решила, по крайней мере, не позволить, чтобы Танжер попал в руки какой-либо другой державы. Кроме того Англия хотела помешать всякой другой европейской державе создать себе угольную или морскую базу на Атлантическом побережье Марокко.

Германия главным образом была заинтересована в сохранении и развитии ее быстро растущих торговых интересов в Марокко. Отдельные лица, в том числе и некоторые деятели из министерства иностранных дел, хотели превратить западное Марокко в германскую колонию, благодаря чему Германия получила бы новые рынки для своих товаров, новый источник железной руды, в котором она очень нуждалась, и удобную угольную станцию и морскую базу для германского флота в Атлантическом океане. Но кайзер был против того, чтобы форсиро-

[1] Сэр Томас Барклей, прекрасно информированный о торговых интересах различных наций, говорит следующее: «Так как до сих пор и в Англии и во Франции распространено мнение, будто неожиданное появление на сцену Германии ничем не вызывалось, и что Германия выступила только в предвидении будущих интересов, я могу указать в качестве объяснения поведения Германии, что Германия имела в Марокко значительные интересы, в некоторых отношениях даже больше, чем, Франция. В 1901 г. тоннаж судов, заходивших в марокканские порты, равнялся для Великобритании — 434 тыс. *m*, для Германии — 260 тыс., *m*, для Франции — 239 тыс. *m* и для Испании — 198 тыс. *m*. Во всех портах, кроме Сафи, Англия на первом месте, но что касается Франции и Германии, то Германия идет впереди в Казабланке, сильно впереди в Мазагане, а в Сафи она далеко оставляет за собой Францию. В Могадоре германский тоннаж — 44 тыс. против 24 тыс. тоннажа Франции. Что касается импорта в Марокко, то в 1901 г. на первом месте стояла Великобритания с 24 млн. фр., затем Франция — с 10 млн. фр. и Германия и Бельгия — с 3 млн. фр. каждая. Испания ввезла только на 600 тыс. фр. В экспорте из Марокко на Великобританию приходилось 12 млн. фр., на Францию — 6 млн. фр., на Испанию — 5 млн. фр. и на Германию — 4 млн. фр. Отсюда видно, что германские интересы были немаловажными, и из марокканских портов Мозаган и Могадор были теми портами, в которых Германия развивала значительную торговлю с Марокко»; Barclay, Thirty Years Anglo-French Reminiscences, стр. 276.

вать события, так как он опасался вооружить этим против Германии Англию и Францию.

В начале XX в. стало совершенно очевидным, что султан вопреки Мадридской конвенции не в состоянии поддержать порядок и должным образом защищать интересы иностранцев. Поскольку борьба за колониальные владения между державами принимала все более и более острый характер, возникла опасность, что какая-либо из держав, по всей вероятности Франция, сочтет нужным вмешаться и лишить султана или его независимости, или его территории, или же того и другого вместе. Таким образом будущая судьба Марокко стала объектом самого оживленного секретного обсуждения между дипломатами Европы.

Джозеф Чемберден совершенно частным образом начал об этом разговор с германским послом 3 ноября 1899 г., предложив заключить секретную конвенцию, по которой Германия отказывалась бы от всяких притязаний на побережье Средиземного моря в районе Марокко, включая Танжер; со своей стороны «Англия сделала бы чрезвычайно важные уступки Германии на Атлантическом побережье»[1]. Чемберлен, однако, хотел, чтобы дело это пока оставалось в секрете от английского премьер-министра лорда Сольсбери. Бюлов был посвящен в это, и вопрос обсуждался за спиной лорда Сольсбери кайзером во время его визита в Англию, имевшего место несколько недель спустя. Но кайзер, кладя начало той политике, которую он усвоил для последующих лет, не имел слишком большого желания настаивать на территориальных приобретениях Германии на западном побережье или вообще где бы то ни было в Марокко. «Он никогда не проявлял большого интереса к этому вопросу,—как говорил он Экардштейну,—и никогда не мог понять, почему немцы считали себя до такой степени заинтересованными в нем»[2]. Несмотря на новые опасения, возникшие в связи с оккупацией Францией марокканской территории в Туате весною 1900 г., попытки Чемберлена не привели ни к каким результатам, отчасти благодаря сдержанной и отрицательной позиции лорда Сольсбери[3].

Бюлов не собирался вмешиваться в инцидент с Туатой, «так как сейчас такое вмешательство означало бы возможность войны с Францией»[4]. Он усвоил обычную для него благоразумную, но вместе с тем загадочную политику, сводившуюся к формуле «выждем и посмотрим». Он сохранял эту позицию примерно три года, невзирая на слухи о возможных англо-французском и франко-испанском соглашениях, предусматривающих раздел Марокко[5]. Но 16 марта 1904 г. он получил от кайзера телеграмму, в которой тот рассказывал ему о своем посещении короля Альфонса в Виго. Вильгельм II поздравил испанского короля с франко-испанским соглашением о разделе Марокко, о котором тогда прошел слух, и заявил, что Германия не стремится к территориальным приобретениям. Германия желает только обеспечить свои

---

1 G. P., XVII, 297.
2 Eckardstein, II, 93.
3 G. P., XVII, 299—323.
4 Ibid., 331.
5 Май 1901 г. — март 1904 г.; G. P., XVII, 332—363.

торговые интересы: «открытые порты, железнодорожные концессии и импорт предметов своего производства, и, быть может, в порядке компенсации, испанский остров Фернандо в Гвинейском заливе близ германского побережья Камеруна, за который Германия щедро заплатила бы»[1].

Такая декларация о незаинтересованности Германии в марокканской территории несколько огорчила Бюлова и его коллег по министерству иностранных дел, ибо они были склонны думать, что Германия должна обеспечить для себя какую-то долю в распадающейся шерифской империи. Но декларация кайзера связала им руки. Невзирая на поднятый пангерманцами шум, с одной стороны, и англо-французские подозрения—с другой, декларация кайзера определила один из тех руководящих принципов, которых Германия придерживалась в течение следующих лет в своей политике в отношении Марокко.

Через несколько дней после декларации в Виго один из чиновников султана посадил в тюрьму марокканца, находившегося на германской службе, не объяснив согласно установленному порядку[2] германскому консулу причины этого ареста. Германский консул заявил протест, но не добился удовлетворения и освобождения арестованного. Руководители германской политики подозревали, что такое вызывающее поведение султана объясняется интригами англичан или французов. Они особенно негодовали еще потому, что за несколько месяцев до этого события один германский гражданин (Генте) был ограблен и убит в Марокко, а султан, к которому была обращена просьба об уплате вознаграждения семье убитого, дал уклончивый ответ. Бюлов и его сотрудники из германского министерства иностранных дел опасались, что если сейчас же не будут приняты энергичные меры, то германский престиж и, следовательно, германская торговля и влияние Германии в Марокко потерпят значительный ущерб. Бюлов просил кайзера согласиться на посылку германского военного корабля в Танжер, для того чтобы показать султану необходимость дать быстрое удовлетворение Германии по этим обоим делам. Но кайзер не хотел санкционировать такую демонстрацию[3]. Он знал, что англо-французские переговоры по вопросу о Марокко приходили к благополучному концу, и мудро решил, что посылка военного судна в Танжер как раз в этот момент может возбудить сомнение в искренности его декларации в Виго касательно незаинтересованности Германии в территориальных приобретениях. Он считал, что

> «думать о сильном давлении Германии на Марокко можно будет только тогда, когда наши жалобы на Марокко, со всем фактическим материалом, лежащим в их основании, будут доведены до сведения трех наиболее заинтересованных в Марокко держав (Англии, Франции и Испании). При этом надо будет отметить, что принятие мер, которые могли бы заставить марокканское правительство изменить свою позицию, было бы в интересах не только одной Германии, но

---

1 G. P., XVII, 363—365; XX, 268.

2 В силу основанной на капитуляциях консульской юрисдикции в Марокко. — *Прим. ред.*

3 Бюлов — кайзеру, 30 марта 1904; G. P., XX, 197—199.

и всех европейских государств, и что Германия с радостью приняла бы поддержку и сотрудничество трех вышеуказанных держав в деле восстановления нарушенного престижа европейцев в Марокко путем соответствующих мер»[1].

Вопреки аргументации Бюлова, Лихновского и германских агентов в Марокко, решение кайзера одержало верх, и германская морская демонстрация не состоялась. Но надежды кайзера на то, что беспорядки в Марокко можно ликвидировать путем дружественного сотрудничества непосредственно со всеми державами, оказались тщетными.

В это самое время лорд Ленсдоун и Поль Камбон, французский посол в Лондоне, подписали знаменитую Англо-французскую конвенцию 8 апреля 1904 г., касающуюся Египта и Марокко, о которой мы упоминали выше.

В «опубликованных статьях» этой конвенции, конечно, отрицалось какое бы то ни было намерение изменять политический статус Марокко, но вместе с тем «признавалось, что Франции принадлежит преимущественное право наблюдать за порядком в Марокко».

Ст. I [Франция предоставляет Англии свободу действий в Египте].

Ст. II. Правительство французской республики объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Марокко. Со своей стороны правительство его британского величества признает, что Франция как государство, владения которого соприкасаются на большом протяжении с владениями Марокко, призвана следить за спокойствием в этой стране и оказывать ей помощь во всех потребных ей административных, экономических, финансовых и военных реформах. Оно объявляет, что не будет препятствовать действиям Франции, направленным к этой цели, при условии, что эти действия не будут затрагивать тех прав, которыми Великобритания пользуется в Марокко в силу договоров, конвенций или обычая...

Ст. VIII. Оба правительства, руководствуясь своими искренними и дружескими чувствами к Испании, особо принимают во внимание интересы, вытекающие для Испании из ее географического положения и ее территориальных владений на марокканском побережье...

Ст. IX. Оба правительства условливаются оказывать друг другу дипломатическую поддержку для осуществления условий настоящей декларации относительно Египта и Марокко.

Однако более важные «секретные статьи» предусматривали раздел Марокко между Францией и Испанией:

Ст. II. [Англия не имеет в настоящее время намерения предлагать державам изменения в Египте, но в случае, если бы она сочла желательным ввести в Египте реформы, то Франция] не откажется обсудить эти предложения, при условии, что правительство его британского величества согласится рассмотреть предложения, которые французское правительство могло бы сообщить ему по вопросу о введении в Марокко реформ такого же характера.

Ст. III. Оба правительства соглашаются, что некоторая часть марокканской территории, прилегающей к Мелилье, Сеуте и другим

---

1 3 апреля 1904 г.; G. P., XX, 200.

«президам»[1], если когда-либо прекратится власть султана над нею, войдет в сферу испанского влияния, и управление побережьем от Мелильи и до высот, на правом берегу Себу, но исключая таковые, будет вверено Испании.

Однако Испания... должна будет обязаться... не отчуждать целиком или частью территорий, находящихся под ее властью или в сфере ее влияния[2].

Интересно отметить, что виконт Грей и Пуанкаре лишь мимоходом говорят об этих секретных статьях, предусматривающих раздел Марокко, и стараются умалить их значение. Грей говорит, что соглашение с Францией «было целиком гласным, исключая один или два незначительных пункта»[3].

Для психологии Грея характерно, что когда ему приходится иметь дело с чем-нибудь неприятным или неудобным, что не гармонирует с его системой изложения фактов, он старается восстановить нарушенную гармонию, называя такое явление «не представляющим значения»[4]. Равным образом Пуанкаре говорит, что секретное соглашение о Марокко должно было лишь «временно остаться секретным»[5].

После опубликования гласных статей Испания выразила возмущение: с ней никто не посоветовался, с ней обращались как с quantité négligeable; такое унижение создавало опасность для испанской династии; со сжатыми кулаками (которые он благоразумно держал в карманах) испанский посланник заявил Делькассе, что «Англо-французская конвенция будет иметь серьезные последствия и вызовет осложнения, которые трудно будет предвидеть»[6]. Но Делькассе быстро парализовал возражения Испании, согласившись на то, что Испания тоже будет иметь свою долю добычи при дележе Марокко. Секретными статьями Франко-испанской конвенции о Марокко от 3 октября 1904 г. Испания одобрила Англо-французское соглашение от 8 апреля 1904 г., и Франция и Испания торжественно заявили, что они останутся решительными сторонниками целости Марокканской империи под суверенитетом султана. Но секретные статьи, которые, конечно, были сообщены лорду Ленсдоуну, откровенно предусматривали совсем обратное.

При разграничении сфер влияния Испания получала северную полосу побережья Средиземного моря и Атлантики, а Франция—обширный хинтерланд. Границы фактически совпадали с границами, установлен-

---

[1] Слово «президы» означает испанские ссыльные поселения на африканском побережье и прилегающих островах. — *Прим. ред.*

[2] См. примечание 2 на стр. 103.

[3] Twenty-Five Years, I, 49.

[4] Так, например, объясняя пропуск в стенограмме его речи в парламенте от 3 августа 1914 г. последней фразы из его ноты Полю в Камбону 1912 г., Грей говорит: «Возможно, я считал эту фразу не имеющей значения», ibid., II, 17. Равным образом он постоянно старается уменьшить политическое значение морских и военных «разговоров», которые велись между Англией и Францией в течение следующих лет.

[5] Au Service de la France, I, 107.

[6] Донесение князя Радолина, германского посла в Париже, 29 апреля 1904 г., O. P. XX, 169, ср. стр. 170—194 об осторожной позиции Германии в течение последующих франко-испанских переговоров.

ными для французского и испанского протекторатов Пуанкаре в 1912 г.[1].

Один из германских историков[2] бездоказательно утверждал, что германское правительство каким-то неофициальным путем было весьма быстро информировано об этих секретных статьях и усмотрело в них доказательство враждебного отношения, которое Франция питала к ней всегда, начиная с 1870 г. Это мнение было поддержано Гучем[3] и другими лицами, но доказательств в пользу его, повидимому, нет. «Die Grosse Politik» также не дает реальных доказательств того, что Германия в то время в точности знала о той двуличной сделке, которая состоялась между Ленсдоуном и Делькассе и в которой Испания принимала участие. Если бы Германия в точности знала об этом, то несомненно имелись бы указания на это в новейших германских документах, как на явное свидетельство вероломства «Альбиона» и хитрости Делькассе. Однако Германия вовсе не должна была в точности знать о том, что произошло. Зная о французских стремлениях и интересах в Марокко, она легко могла подозревать истину. Германия правильно догадывалась, что соглашением между Англией и Францией достигнуто нечто большее, чем то, о чем говорилось в опубликованных статьях. Подозревая кое-что о судьбе, ожидавшей Марокко, Бюлов и Гольштейн, повидимому, предполагали, прежде всего, что Франция и Англия заключили какой-то секретный договор, предусматривающий раздел Китая[4], или вступили друг с другом в союз, направленный против Германии[5].

Кто был инициатором сердечного согласия и каковы были мотивы для его образования? Близко стоявший к Делькассе и хорошо осведомленный Тардье говорит, что «английский король был инициатором сближения, он был тем человеком, который начал это сближение и облегчал его в то время, когда многие все еще думали, что момент для сближения еще не наступил»[6]. Лорд Кромер говорил об этом как «о работе весьма выдающегося дипломата его величества короля, а также лорда Ленсдоуна»[7]. Как в Англии, так и на континенте общим мнением было то, что главный импульс для сближения шел со стороны Англии, а не со стороны Франции, и действительно в Англии идея сближения была встречена с бо́льшим энтузиазмом, чем во Франции[8]. Однако Тардье в своей книге слишком преувеличивает роль Англии и те выгоды, которые Англия получила от марокканского соглашения. Нет сомнения в том, что Делькассе с того момента, как он принял на себя в

---

[1] Poincaré, I, 106—118. [Текст соглашения см. Ключников и Сабанин, I, стр. 318—319 — *Прим. ред.*].

[2] Veit Valentin, Deutschlands Aussenpolitik, Berlin 1921, стр. 54.

[3] Cambridge History of British Foreign Policy, III, стр. 340, ср. также Lowes Dickinson, The International Anarchy, стр. 124.

[4] G. P., XIX, 548.

[5] Ibid., XX, 16, 27—30, 599—698.

[6] Tardieu, France and the Alliances, p. 60.

[7] Речь его, произнесенная в Лондоне 28 октября 1907 г., Annual Register, 1907, p. 242.

[8] J. A. Farrer, England under Edward, VII, 89—94, см. однако Lee, King Edward VII, II, 216—257 и новейшие British Documents, II, 253—407, которые говорят, что, в общем, влияние короля Эдуарда было преувеличено и что инициатива главным образом исходила от Делькассе и Франции.

1898 г. руководство французским министерством иностранных дел, ревностно работал в пользу распространения влияния Франции в Марокко. Именно в этих целях он в 1900 г. заключил договор с Испанией, но договору было суждено остаться бесплодным, пока величайшая морская держава, имевшая в Марокко обширные интересы, не дала своего согласия на этот договор. Отсюда для Делькассе вытекало одно из оснований для сближения с Англией. Французский министр колоний Этьенн и французский посол в Лондоне Поль Камбон энергично поддержали его и встретили очень теплое отношение со стороны лорда Ленсдоуна и лорда Кромера.

Что касается мотивов, то у англичан они были первоначально следующие. Решившись оставить прежнюю политику блестящей изоляции и потерпев неудачу при попытке добиться благоприятного ответа от Германии на предложения Чемберлена о заключении союза, Англия, естественно, обратилась в сторону Франции. Принимая во внимание все растущие трения между Россией и Японией, окончившиеся войной между этими обоими государствами в феврале 1904 г. и то, что Англия состояла в союзе с Японией, а Франция—в союзе с Россией, для Англии было чрезвычайно важно установить дружеские отношения с Францией для того, чтобы помешать русско-японской войне вовлечь Англию и Францию в войну между собою. Англия хотела избежать того, чтобы война, начинавшаяся на Дальнем Востоке, распространилась на всю Европу. Быть может, она вместе с тем хотела предупредить возможность возобновления тройственной комбинации 1895 г. (России, Германии, Франции) для совместного давления на Японию на Дальнем Востоке[1]. Англия искренне желала уничтожить столь многочисленные поводы для трений, которые в прошлом так часто приводили ее отношения с Францией к состоянию, граничащему с войной[2]. Наконец,—и быть может это было одною из важнейших причин, как думал лорд Кромер,—Англия желала получить свободу действий в Египте. Едва ли есть серьезные основания думать, что Англия с самого начала имела в виду изолировать Германию или дать Франции надежду на получение со стороны Англии более чем дипломатическую поддержку, тем более что поддержка эта была ограничена только Марокко. С другой стороны, есть много оснований думать, что в течение немногих месяцев англо-французское согласие превратилось в нечто, представляющее гораздо большую опасность для европейского мира—отчасти благодаря неуклюжим и алармистским выходкам германской дипломатии.

Что касается французов, то их побуждения были приблизительно те же, что и у англичан. Франция не хотела оказаться вовлеченной в войну из-за честолюбивых стремлений на Дальнем Востоке ее союзницы—России. Она стремилась положить конец давнишним трениям с Англией. Она хотела свободы действий в Марокко. И она надеялась обеспечить дружеские отношения с Англией или, если возможно, иметь Англию союзницей для того, чтобы создать комбинацию держав, равную или даже более сильную, чем Тройственный союз. Франция, к своему

[1] По мнению Бернсторфа, германского поверенного в делах в Лондоне, которое сначала разделялось Бюловым и кайзером, это был важный мотив со стороны Англии для сближения с Францией. G. P., XX, 14—21 и далее 23, 31, 173.

[2] Grey (I, 48 и сл.) подчеркивает это обстоятельство.

огорчению, должна была признать, что ее союз с Россией оказался для нее менее ценным, чем она думала во время создания этого союза. При Фашоде так же, как и в другие критические моменты, Россия оказала ей весьма незначительную помощь или, вернее, вовсе не оказала помощи, а теперь она оказалась настолько поглощенной своими делами на Дальнем Востоке, что в случае франко-германской войны ее помощь Франции была бы весьма незначительной. Делькассе вовсе не имел в виду порвать союз с Россией, но он думал, что установление тесных отношений с Англией поможет Франции компенсировать уменьшившуюся для нее ценность франко-русского союза.

В 1904 г. Делькассе откупился от притязаний на Марокко со стороны Италии и Англии, обещав этим странам свободу действий соответственно в Триполи и Египте и удовлетворил Испанию, предоставив ей сферу влияния в северном Марокко. Он полагал, что теперь он мог приступить не спеша к делу «мирного проникновения» в оставшуюся часть территории шерифской империи, не обращая внимания на естественные притязания Германии. Он думал, что Франция, имеющая Россию в качестве союзника и располагающая дружбой Англии, заняла настолько прочное дипломатическое положение, что он мог рискнуть игнорировать ту страну, которая отняла у Франции Эльзас-Лотарингию и так долго господствовала над Европой[1]. В этом он ошибся, и весьма жестоко ошибся. Как удачно выразился один французский критик, «правительство с невероятной слепотою принимало меры предосторожности в отношении решительно всех, исключая как раз того из своих соседей, опасаться которого оно имело серьезные основания»[2]. И как справедливо отметил Гуч, «следует пожалеть, что британский кабинет не понял—или по крайней мере не помог Франции понять—всю важность обеспечения германского согласия посредством материальной компенсации. Хотя секретные соглашения 1904 г. не предусматривали участия Великобритании в случае раздела Марокко, и хотя указывалось, что договаривающиеся стороны могли заключать любые соглашения, в случае если в Марокко наступит катастрофа по причине его внутренней слабости, наше (английское) участие в этой сделке, основанной на двойной игре, возлагает на британское правительство частичную ответственность за кризисы 1905 и 1911 гг.»[3].

МАРОККАНСКИЙ КРИЗИС 1905 г.

Во Франции и Англии распространено мнение, что театральный визит кайзера в Танжер 31 марта 1905 г. и последовавшее за этим падение Делькассе 6 июня были результатом стремления Германии посредством военной угрозы испытать крепость вновь созданного сердечного согласия или даже разрушить его и оторвать Англию от Франции[4], в тот момент, когда союзница Франции была раздавлена на Дальнем Востоке. Но это

---

[1] Tardieu, France and the Alliances, 178—182.

[2] R. Milet, Notre politique extérieure, 224.

[3] Gooch, Cambridge History of British Foreign Policy, III, 340.

[4] Ср. Tardieu, p. 170 и сл.; Bourgeois et Pagès, стр. 307 и сл. Виконт Грей повторяет это мнение по меньшей мере в четырех местах своей книги; Twenty-Five Years, I, 51, 69, 75, 99; ср. также 108 и сл. Так, например, стр. 519. «В сознании

мнение, как в том убеждают недавно опубликованные германские документы, является не вполне правильным. Такое неправильное представление возникло отчасти в результате предубеждения и незнания фактов, а отчасти от того, что сторонники этой точки зрения предполагали, что действия кайзера в Бьорке и действия Бюлова в Марокко составляли части одной и той же последовательной общей политики Германии.

Поставленный внезапно лицом к лицу перед совершившимся фактом англо-французского соглашения, без того чтобы мнение Германии было спрошено, хотя ее интересы и затрогивались этим соглашением, которое давало все основания подозревать, что кроме опубликованных статей существуют еще секретные постановления, и Бюлов и кайзер чувствовали, что следует что-то предпринять, но они расходились по вопросу о том, что же именно следует сделать.

Бюлов предпочитал сохранять загадочное молчание, ожидая, когда Делькассе формально сообщит Германии о марокканском соглашении и предложит гарантии для ее торговых интересов и какие-либо равноценные компенсации. Но так как Делькассе продолжал приблизительно в течение года игнорировать Германию, то Бюлов попытался напомнить ему об этой стороне дела, заставив кайзера сделать в марте 1905 г. театральный дипломатический жест в Танжере. Все это было чрезвычайно неприятно кайзеру. Отношение к этому лучше всего можно видеть из следующей фразы одного из его писем к Бюлову:

«Не забывайте, что вы лично убедили меня, против моей воли, отправиться в Танжер ради успеха вашей марокканской политики. Прочтите мои телеграммы, которые я вам посылал до моего посещения Танжера... В угоду вам и во имя блага родины я отправился в Танжер. Мне пришлось там ездить верхом на чужой лошади, хотя я вообще плохой наездник из-за своей больной левой руки, я там рисковал жизнью в угоду вам. Я находился среди испанских анархистов, потому что это нужно было вам для вашей политики»[1].

Это расхождение во взглядах в дальнейшем подтверждается тем, что Бюлов не посвящал своего повелителя полностью во все детали марокканских дел, которые он вел совместно с Гольштейном. Большая часть документов, изданных в «Die Grosse Politik», касающихся марокканского кризиса, не имеют пометок кайзера, и, повидимому, не все документы по этому вопросу показывались и даже докладывались кайзеру вопреки тому, как это обычно имело место. Кроме того можно думать, что одним из оснований угрозы Бюлова уйти в отставку была его надежда на то, что кайзер будет просить его остаться и что он

англичан, как и в моем собственном сознании англо-французскому соглашению не придавалось большего значения, чем то, какое указано мною выше. Лишь в результате последовательных попыток Германии поколебать его, оно превратилось в Антанту. Эти попытки не замедлили начаться. Германский император сделал свой демонстративный визит в Танжер, а в 1905 г. германское правительство заставило Францию заявлениями, представлявшими практически требование уволить Делькассе (французского министра иностранных дел, заключившего франко-британское соглашение) и согласиться на созыв международной конференции для обсуждения вопроса о Марокко».

[1] Письмо кайзера к Бюлову, в котором кайзер упрашивает Бюлова не подавать в отставку, 11 августа 1905; G. P., XIX, 497 и сл.

тогда снова будет руководить министерством, имея больше самостоятельности и свободы действий.

Кайзер, с другой стороны, не хотел вызывать враждебности со стороны Франции. При его «антианглийском комплексе» и при традиционной дружбе между Гогенцоллернами и Романовыми, он хотел предотвратить опасность, таившуюся в англо-французском соглашении, путем осуществления своей мечты о «континентальной лиге». Эта мысль часто занимала его воображение в течение всего его царствования [1].

Это было средством возрождения союза трех императоров, насколько это было возможно после того, как русский царь заключил союз с Францией. Кайзер надеялся путем своего личного влияния на слабовольного царя втянуть Россию в оборонительный договор с Германией. В этом случае Россия побудила бы свою союзницу Францию присоединиться к этому договору. Соединив воедино Тройственный и Двойственный союзы, кайзер создал бы лигу из пяти великих континентальных держав. Такая лига положила бы конец той опасности для европейского мира, которая вызывалась антагонизмом между этими обеими группировками. Она также могла бы составить противовес подавляющей морской и колониальной мощи Англии. Вместе с тем эта лига увеличила бы его собственный престиж и влияние, так как Германия играла бы в ней преобладающую роль. Быть может, эти мечты были фантастическими и трудно осуществимыми, но они являются главным содержанием интересной переписки между «Вилли» и «Ники» в течение русско-японской войны [2]. И вот, в июле 1905 г. наступил ненадолго тот счастливый момент, когда казалось, что эти мечты близки к осуществлению.

а) Политика кайзера в Бьорке

Во время морской прогулки на севере кайзер неожиданно предложил царю встречу на яхтах в Бьорке. То обстоятельство, что Франция, как мы увидим ниже, только что рассталась с Делькассе и была склонна принять предложение Германии о марокканской конференции, как будто указывало на то, что Франция отказалась от надежды на реванш и готова была, наконец, установить более удовлетворительные отношения с Германией при посредстве царя. Поэтому кайзер решил воспользоваться свиданием в Бьорке и затруднениями, которые возникли для России в связи с японской войной, и снова возобновить переговоры,

---

[1] Ср. G. P., XI, 67—92; XIV, 559 и сл., пометка 2, XIX, 303—350; 435—528 и XX, passim. Согласно утверждениям Куропаткина в его дневнике, 17 ноября 1902 г. («Красный архив», II, 10), кайзер во время маневров в 1896 или 1897 г. обсуждал с ген. Обручевым вопрос о том, насколько была бы желательной франко-русско-германская коалиция как средство давления на Англию. Обручев сказал об этом президенту Фору, который считал эту мысль «заслуживающей изучения».

[2] Ср. мою статью The Kaiser's Secret Negotiatons with the Tsar, 1904—1905, в «Amer. Hist. Rev.», XXIV, 48—72 (октябрь 1918 г.). Ее теперь можно дополнить данными из G. P., XIX, passim (в особенности 435—528; Извольский, Мемуары, гл. II; E. J. Dillon, The Eclipse of Russia, гл. XVI—XVIII; H. von Moltke, Erinnerungen, стр. 325 и сл.; Witte, Memoirs, стр. 415—430; A. Savinsky, Guillaume II et la Russi в «Rev. des deux mondes», декабрь 1922 г., стр. 765—802; Русские документы в статье Русско-германский договор 1905 г., заключенный в Бьорке»; «Красный архив», V, стр. 5—49 (1924) и A. Savinsky, Recollections of a Russian Diplomat, London 1927.

начатые с царем прошлой осенью, и добиться от него подписания договора о союзе. Они уже обсуждали проект такого договора несколько месяцев тому назад и проект этот был отставлен только из опасения России оскорбить Францию. Но теперь наступило время для того, чтобы добиться подписания этого договора.

Яхта «Гогенцоллерн» вошла в гавань Бьорке и бросила якорь рядом с яхтой «Полярная звезда». «Вилли» и «Ники» обменялись визитами. Обстановка соответствовала характеру кайзера, склонного к театральным жестам. О возбужденном состоянии кайзера в эти дни можно судить по выдержкам из его личного письма к Бюлову, занимающего шесть печатных страниц и содержащего в себе рассказ о том, что именно произошло в каюте «Полярной звезды»:

«Висби, 25 июля 1905 г.

Дорогой Бюлов, из моей телеграммы вы уже знаете, что дело сближения увенчалось успехом и что игра выиграна...

И теперь, когда все уже закончено, можно с удивлением спросить: как оказалось возможным осуществить такое дело? Для меня ответ ясен. Господь захотел этого, и это совершилось; вопреки всем желаниям людей, несмотря на все людские интриги, он соединил вместе то, что должно быть соединено! То, что гордо было отвергнуто Россией прошлой зимой, то, что она пыталась, при своей склонности к интригам, повернуть против нас,—все это теперь она с радостью приняла, как великодушный дар, после того как страшная и карающая рука господа смирила ее. Я напрягал все силы моего ума в эти дни, постоянно проверяя себя, правильно ли я поступаю, и стараясь не упускать из виду ни на один момент интересы моей страны, равно как и интересы монархической идеи.

Наконец я воздел руки к господу, я вверил себя ему и просил его вести меня и руководить мною так, как ему будет угодно; я был только послушным орудием в его руках, я сделал бы все, что он мне повелел, как бы ни была трудна возложенная им на меня задача. В конце концов я последовал примеру старика Дессауского[1] при Кессельдорфе и просил господа, если он не хочет мне помочь, чтобы по крайней мере он не помогал и противной стороне. После этого я почувствовал необыкновенный прилив сил, и мои цели и желания принимали все более и более ясную форму в моем сознании: «Ты осуществишь это, чего бы это тебе ни стоило!» Я ожидал свидания с полной верой в его благополучный исход.

Что же я встретил? Теплый, дружеский, восторженный прием, такой, который можно встретить только у искренно и глубоко любящего тебя друга. Царь обнял меня, прижал меня к себе, как если бы я был его родным братом, снова и снова смотрел на меня глазами, в которых светилась благодарность и радость. [Здесь кайзер упоминает об отсутствии в этот момент Ламсдорфа, по адресу которого он употребляет непечатный эпитет[2].]

[1] Герцог Дессауский, Леопольд, начальствовавший над пруссаками в сражении против саксонцев и австрийцев при Кессельдорфе в 1745 г. — *Прим. ред.*

[2] В. G. P. эпитет этот заменен многоточием с примечанием: «Употребленное кайзером по адресу Ламсдорфа выражение не поддается воспроизведению». — *Прим. ред.*

Царь сказал, что он жаждет договориться до конца. Мы закурили и скоро приступили к сути дела. Он был чрезвычайно обрадован нашим соглашением относительно Марокко [о созыве алжезирасской конференции], которое должно открыть дорогу для длительных добрых отношений с Францией. Он очень сердечно подтвердил мою надежду, что отсюда может развиться постоянное взаимное понимание и, быть может, даже «соглашение» с Францией.

Когда я указал ему, что вопреки подстрекательствам англичан, Франция наотрез отказалась принять наш вызов[1] [согласившись на отставку Делькассе] и, значит, более не желает сражаться за Эльзас-Лотарингию, он живо заметил: «Да, я так и думал: совершенно ясно, что вопрос об Эльзас-Лотарингии, слава богу, навсегда покончен!» Затем мы начали говорить об Англии, и я очень скоро почувствовал, что царь питает глубокое личное озлобление против Англии и короля. Он назвал Эдуарда VII величайшим «злодеем» и самым опасным и лживым интриганом в мире. Я мог только согласиться с ним, прибавив к его словам, что мне самому особенно пришлось пострадать от его интриг в последние годы... Эдуард имеет страсть устраивать заговоры против каждого государства, заключая «небольшие соглашеньица». Царь прервал меня, ударив кулаком по столу: «Я могу сказать, что никогда, пока я жив, он у меня не вырвет такого соглашения против Германии или тебя, даю в этом мое честное слово».

[После обеда на «Гогенцоллерне» кайзер на следующий день, имея в кармане проект вожделенного договора, отправился на «Полярную звезду». Разговор снова коснулся вопроса об интригах Англии по отношению к России в связи с японской войной.]

Я скоро имел возможность заметить, как глубоко царь был оскорблен позицией Франции в инциденте у Доггер-Банка[2] и тем, что по настояниям Англии, Рождественский был принужден уйти из Кохинхины, чтобы прямо попасть в лапы японцев: «французы вели себя как негодяи в отношении меня; по приказу Англии моя союзница отказала мне в помощи; а теперь взгляни на Брест, как они братаются там с англичанами!.. Что я должен делать в этих тяжелых условиях?» Тут я почувствовал, что момент наступил... «А что, если бы мы, в свою очередь, заключили «маленькое соглашеньице»,— прошлую зиму мы говорили о нем»... «О, да, конечно, я помню, но я забыл, в чем состояло это соглашение. Как жаль, что его нет со мной». «У меня есть копия его, я случайно взял ее с собой».

Тогда царь взял меня за руку, увлек меня из столовой в каюту своего отца и немедленно закрыл за собою все двери. «Покажи мне ее, прошу тебя». Его обычно тусклые глаза блестели.

Я вынул из кармана пакет и развернул документ на письменном

---

1 У Фэя, в переводе с немецкого текста в G. P. сказано: «refused to take up our challenge» (принять наш вызов), а в нем. тексте — «mit uns auf die Mensur zu gehen», т. е. «отказалась от дуэли с нами». — *Прим. ред.*

2 Обстрел судами эскадры адм. Рождественского в темноте и тумане мифических японских миноносцев в Северном море; в результате этой стрельбы пострадали английские рыболовные суда, вследствие чего возник дипломатический инцидент (очень легко улаженный) между Англией и Россией. — *Прим. ред.*

столе Александра III перед портретом царицы-матери. Царь прочел документ раз, прочел два, прочел три раза под ряд тот текст, который я вам уже послал. А я в эту минуту молил господа о том, чтобы он помог нам и склонил на нашу сторону молодого императора. Кругом стояла гробовая тишина. Только был слышен шум моря. Солнце ярко и весело играло в уютной каюте. Прямо передо мною виднелся ослепительно белый корпус «Гогенцоллерна», и императорский флаг легко развевался в утреннем воздухе. Я прочел написанные на черном кресте этого флага слова: «С н а м и б о г» и в эту минуту услышал рядом с собою голос царя: «Это превосходно. Я вполне согласен!»

Сердце мое билось так, что я слышал его биение, но я сдержался и сказал, как бы мимоходом: «Не хочешь ли ты подписать договор— это было бы прекрасным воспоминанием о нашей встрече». Он внимательно посмотрел документ еще раз и сказал: «Хорошо, я подпишу». Я открыл чернильницу, дал ему перо, и он твердою рукою написал «Николай», затем передал перо мне, и я также подписал договор. Когда я поднялся со своего места, он, глубоко взволнованный, обнял меня и сказал: «Я благодарю господа и благодарю тебя; это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и для твоей; ты являешься единственным настоящим другом России во всем мире. Я чувствовал это в течение всей войны, я знаю это». Слезы радости выступили на моих глазах—по правде говоря, влага выступила и на лбу моем и на спине,—и я подумал о Фридрихе Вильгельме III, королеве Луизе, о моем деде и Николае I. Разве они не присутствовали здесь в эту минуту? Без сомнения, они с небес смотрели на нас и также были преисполнены радости.

Так утро 24 июля 1905 г. в Бьорке, благодаря милости господа, стало поворотным пунктом в истории Европы и огромным утешением для моего отечества, которое, наконец, будет свободно от ужасных тисков Галлии и России[1].

Но Бюлов вылил ушат холодной воды на молитвенный оптимизм и восторги кайзера. Канцлер грозил подать в отставку; предлог для этого был тот, что кайзер позволил себе по своему усмотрению незначительно изменить проект, присланный ему из министерства иностранных дел. Кайзер прибавил два слова—«в Европе», так что ст. 2 читалась следующим образом: «В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны какой-либо из европейских держав, ее союзник окажет ей поддержку в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами». Прибавленные кайзером слова создавали для Германии бесспорное преимущество, так как они не возлагали на нее обязательства помогать царю на индийской границе или на Дальнем Востоке, т. е. там, где Россия скорей всего могла вступить в конфликт с Англией. Угроза Бюлова подать в отставку была для кайзера неожиданным и ошеломляющим ударом. Кайзер не мог расстаться с ним. Он предложил получить у царя договор обратно для того, чтобы придать ему перво-

[1] G. P., XIX, 458—465. Приведенные отрывки из разговора в оригинале написаны по-английски, так как кайзер старался очевидно передать возможно точно слова царя. «Вилли» и «Ники» в разговоре между собой пользовались обыкновенно английским языком.

начальную форму, и так просил Бюлова, что этот последний не мог отказать:

«Вы значите для меня и для родины в сто тысяч раз больше, чем все договоры в мире... Нет, мой друг, оставайтесь руководить министерством, оставайтесь вместе со мной, и мы в дальнейшем будем совместно работать для вящшей славы Германии... После получения моего письма телеграфируйте мне одно слово «хорошо», и я буду знать, что вы остаетесь. Знайте, что на утро после того, как я получу ваше письмо с вашим решением об отставке, вы больше не увидите живым вашего императора. Подумайте о моей бедной жене и детях!»[1].

Но кайзер скоро получил еще более ошеломляющий удар, который сразу развеял все его мечты. Когда царь показал договор своему министру иностранных дел, граф Ламсдорф «не мог поверить своим глазам и ушам». Обсудив вопрос в течение целой ночи, он объяснил царю всю серьезность документа, подписанного им в каюте «Полярной звезды». Он объяснил своему государю, до какой степени договор в Бьорке противоречит Франко-русскому союзу и насколько невероятно, что Франция будет принуждена volens nolens войти в эту комбинацию с Германией и Россией. Поэтому «Ники» пришлось написать «Вилли» письмо с соблюдением возможной тактичности.

«Этот документ, имеющий огромную ценность, должен быть усилен или несколько уточнен, с тем чтобы дать возможность всем заинтересованным сторонам честно и откровенно исполнять свои обязанности...

Во время твоего пребывания в Бьорке я не имел при себе документов, подписанных моим отцом, в которых ясно излагаются принципы Франко-русского союза.

Первые шаги, предпринятые для того, чтобы выяснить, возможно ли убедить французское правительство присоединиться к нашему новому договору, показали нам, что это является чрезвычайно трудной задачей и что потребуется много времени для того, чтобы подготовить французов к добровольному присоединению к нам...

Поэтому я думаю, что вступление договора в Бьорке в силу следует отложить до того времени, когда мы увидим, как смотрит на это дело Франция»[2].

Кайзер был чрезвычайно огорчен, получив это письмо, которым вступление в силу договора в Бьорке откладывалось на неопределенное время. Он настойчиво призывал «Ники» выполнить подписанное им соглашение, утверждая, что договор этот не находится в противоречии с Франко-русским союзом и что во всяком случае:

«Твоя союзница явно оставляла тебя без поддержки в продолжение всей войны [русско-японской], тогда как Германия помогала тебе всячески, насколько это было возможно без нарушения законов о нейтралитете. Это налагает на Россию нравственные обязательства по отношению к нам; do ut des. Между тем нескромность Делькассе обнаружила перед всем миром, что хотя Франция и состоит с тобой

---

[1] G. P., XIX, 497 и сл.
[2] Письмо «Ники» к «Вилли» 7 окт. 1905 г., G. P., XIX, 512.

в союзе, но она вошла, однако, в соглашение с Англией и была готова, несмотря на мир, захватить Германию врасплох с помощью Англии, в то время как я делал все, что мог, для тебя и твоей страны—ее союзницы! Наши марокканские дела разрешены к общему удовлетворению так, что обстановка благоприятствует лучшему взаимному пониманию. Наш договор является очень хорошим фундаментом для дальнейшей постройки. Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед богом, который слышал наши обеты! Поэтому я думаю, что договор этот вполне возможно осуществить... Что подписано, то подписано! И бог был нам свидетелем!»[1].

Его призыв остался неуслышанным. Надежды кайзера на создание континентальной лиги постоянно разбивались вдребезги»[2].

Б) МАРОККАНСКАЯ ПОЛИТИКА БЮЛОВА

От попытки кайзера создать оборонительный союз с Россией мы возвращаемся к действиям его канцлера в Марокко. Политика последнего в этом вопросе является тем более важной, что она способствовала назреванию марокканского кризиса 1905 г. и привела к секретным морским и военным «собеседованиям» между Францией и Англией, имевшим огромнейшее значение в развитии системы тайных союзов. Во время обеда, данного в его честь в германском посольстве, и вторично через несколько дней, 23 марта 1904 г., Делькассе неофициально сообщил князю Радолину, что англо-французское соглашение будет подписано примерно 8 апреля. При этом Делькассе указал те области, которых это соглашение будет касаться,—Ньюфаундленд, Египет, Марокко, Сокото и Сиам. По поводу Марокко он повторил, что «он прежде всего желает поддерживать в этой стране status quo так долго, как только это окажется возможным», но он прибавил, что слабость правительства султана угрожает торговле в Марокко и что Франция считает желательным укрепить положение султана и положить конец анархии. «Франция не желает занять в Марокко какое-либо особое положение,—сказал он,—но ее долгом в интересах всех наций, ведущих там торговлю, является, поскольку это возможно, положить конец анархии в этом соседнем с нею государстве»[3].

Эти слова Делькассе были первым определенным сообщением, которое Бюлов получил о предстоящем англо-французском соглашении. Кроме этой неформальной нотификации и кроме того, что гласные статьи соглашения скоро появились в газетах, Германии не было сделано официального сообщения о тексте этого соглашения, и формально Франция не посоветовалась с ней о соглашении, которое грозило нанести серьезный ущерб германским торговым правам и политическим интересам в Марокко. Бюлов счел, что с Германией обошлись пренебрежительно и что ее престиж и ее материальные интересы потерпели

[1] Письмо «Вилли» к «Ники» 12 окт. 1905 г., G. P. XIX, 513—514.
[2] Подробно о судьбе, постигшей этот договор, см. G. P., XIX, 515—528.
[3] Радолин — Бюлову 23 марта 1904 г., G. P., XX, 5—7; ср. также 266 и сл., 329 и сл., 396. Письмо Делькассе к Бигуру, французскому послу в Берлине, 27 марта 1904 г.; Livre Jaune, Affaires du Maroc, I, 122; ср. 167 и сл., 196 и сл., 202 и сл.

известный ущерб. Он, однако, тотчас же предписал германским газетам принять это новое сообщение без раздражения и отнестись к нему как к новому показателю господствующих мирных настроений[1]. В своей речи, произнесенной 12 апреля в рейхстаге, на которую часто ссылаются, он пытался, как всегда, с веселым видом встретить эту неприятность, приветствуя всякое соглашение между Францией и Англией, устранявшее причины трений между этими обоими государствами. В ответ на интерпелляцию по этому вопросу, он осторожно заявил, что он не может много сказать по этому поводу, так как английский и французский министры иностранных дел не выступили еще по этому вопросу с публичными объяснениями. Об этом вопросе, требующем осторожности в деле внешней политики, прибавил он,—

«Я могу только сказать, что мы не имеем оснований предполагать что это соглашение направлено против какого-либо государства. По-видимому, это соглашение является попыткой устранить путем дружественного взаимного понимания спорные вопросы между Францией и Великобританией. С точки зрения германских интересов нам не на что пожаловаться: мы не желаем видеть Великобританию и Францию в натянутых отношениях, так как такое положение создавало бы лишь угрозу делу мира, поддержания которого мы искренне желаем. Что касается Марокко, которое составляет основной пункт этого соглашения, то мы заинтересованы в этой стране—как и вообще во всем Средиземном море—преимущественно с экономической точки зрения... Мы должны защищать наши торговые интересы в Марокко и мы будем их защищать[2].

Хотя Бюлов вначале, конечно, недооценивал политического значения вновь созданного англо-французского согласия, он был далек от мысли относиться к нему так легкомысленно, как об этом можно было бы думать, если судить по его речи в рейхстаге, имевшей целью успокоить встревоженное общественное мнение Германии. В действительности это соглашение заставило самого Бюлова и его сотрудников в министерстве иностранных дел серьезно потрудиться в течение ближайших недель. Бюлов и Гольштейн мало-по-малу приняли решение охранять германские права в согласии с международным договором о Марокко 1880 г., игнорируя существование англо-французской конвенции о Марокко до тех пор, пока Делькассе не вызовет Германию на обсуждение этого вопроса и не даст Германии возможность изложить свою точку зрения и, быть может, получить некоторые равноценные компенсации. Они считали, что Англия и Франция не могут путем сепаратного соглашения лишить третье государство его прав в Марокко. Франция, которой Англия теперь предоставит свободу действий в Марокко, будет пытаться установить в Марокко экономическую монополию, подобно тому как она действовала в этом направлении в своих других колониях. Она начнет «тунисифицировать» Марокко посредством «мирного проникновения». Это создало бы угрозу для торговых прав и интересов Германии, поскольку Франция могла бы добиться исключительных для себя торговых и финансовых привилегий и монополий на железно

---

1 G. P., XX, 12 (9 апреля).
2 Affaires du Maroc, I, 27.

дорожном строительстве и горные концессии. Сверх того, германскому престижу был бы нанесен ущерб в том случае, если бы Германия позволила Франции и Англии распоряжаться в Марокко так, как если бы Германия вовсе не существовала. Гольштейн резюмировал положение вещей следующим образом: «если мы позволим, не сказав ни слова, наступить нам на ногу в Марокко, то этим самым мы поощрим других поступать с нами повсюду таким же образом»[1].

Свои пожелания Германия могла выразить двумя путями: первый путь заключался в том, чтобы в ясной и дружеской форме заявить Делькассе, что опубликованная англо-французская конвенция вызвала в Германии большую озабоченность в связи с торговыми интересами Германии и просить Францию сказать, какие гарантии она может предложить для защиты этих германских интересов. Этот путь являлся бы способом урегулировать возникшее затруднение добрососедски. Но он не получил одобрения. Второй путь состоял в том, чтобы сохранить бесстрастное и загадочное молчание, не признавая англо-французского соглашения, но и не протестуя против него и действуя так, как будто бы оно не существовало для Германии,—так как Германия формально не была поставлена в известность о тексте этого соглашения. Этот второй план заключался в том, чтобы Германия шаг за шагом действовала одновременно с Францией в Марокко в вопросе о применении тех или иных полицейских мероприятий для прекращения анархии. Если бы Франция послала в Танжер военные суда, то Германия должна была бы сделать то же самое. В этом случае Германия, не нарушая ничьих прав, могла бы заставить Делькассе первым заговорить и постараться узнать о германских намерениях. Чем меньше Германия объясняла бы в прессе свои шаги, тем более неудобным и неуверенным становилось бы положение французов. Наконец, когда Делькассе увидит, что Германия не шутит, Германия пойдет на уступки и откажется от мысли укрепиться в Марокко. Такая политика была более авантюристической и опасной для европейского мира. Но именно эту политику избрали Бюлов и Гольштейн[2].

Эта политика «загадочного выжидания» не принесла, однако, плодов так скоро, как этого ожидали. Нервность Делькассе явно возрастала, но он избегал ставить на обсуждение этот вопрос. Для того чтобы заставить его заговорить, Германия начала поощрять султана сопротивляться тем полицейским мероприятиям, которые французы, наконец, зимой 1904—1905 гг. решили провести в жизнь. Германский поверенный в делах в Танжере, Кюльман, уже доносил, что, повидимому, возникли трения между Францией и Англией и, что, вероятно, Делькассе мог рассчитывать только на платоническую поддержку Великобритании.

Инцидент у Доггер-Банка, случившийся как раз в это время, возбудил в Англии крайнее негодование по адресу России[3]. Кюльман

[1] Записка Гольштейна от 3 июня 1904 г., G. P., XX, 207—209; ср. также Бюлов Радолину 21 июля; G. P., XX, 210—214.

[2] G. P., XX, 7—33, 195—234 и в особенности 215 и сл.

[3] В действительности в Англии к инциденту этому правительство, а вслед за ним и пресса, отнеслись совсем не так, как ожидали германские дипломаты.—*Прим. ред.*

твердо рассчитывал, что Франция не будет в состоянии решить судьбу Марокко без санкции на то Германии. Он думал, что Делькассе, опираясь, с одной стороны, на Россию, а с другой—на Англию, очутился в незавидном положении и подвергался опасности сесть между двух стульев при ухудшении отношений между этими враждебно настроенными друг к другу государствами. Ему было, сверх того, известно, что американский вицеконсул сказал одному марокканскому деятелю, что «Германия еще не сказала своего слова, и пока это так, мы не можем считать, что принято какое-либо окончательное решение»[1].

В течение лета 1904 г. султан продолжал давать уклончивые ответы на запросы Бюлова в связи с делом Генте—германского гражданина, убитого в Марокко. Германский посланник в Танжере считал поэтому необходимым, чтобы Германия поддержала свой престиж путем предъявления султану ультиматума, за которым в случае необходимости должна была последовать в качестве дипломатической демонстрации посылка военного судна в марокканские воды. Бюлов одобрил этот план, но кайзер запретил его осуществление, и он не был проведен в жизнь[2]. Вскоре после этого Германия отложила в сторону свои претензии в связи с убийством Генте и заняла в отношении султана дружескую позицию. Эта позиция состояла в том, чтобы побуждать султана сопротивляться той программе «тунисификации», которую Делькассе собирался, как предполагалось, навязать султану.

По сведениям, полученным в Танжере от Рене Тайандье, главы французской миссии, эта программа должна была состоять из трех основных пунктов: реорганизации армии султана при помощи французских инструкторов, подписания султаном договора с Францией, исключающего политическое влияние других государств, и контроля Франции над финансами султана. Для Кюльмана эта программа являлась нем-то весьма похожим на установление фактического протектората[3]. Поэтому Германия тайно побуждала султана сопротивляться проведению в жизнь французской программы. Когда султан созвал патриотическое собрание знатных лиц со всего Марокко для рассмотрения французских требований, Кюльман одобрил такое мероприятие как «ловкий антифранцузский ход»[4]. В дальнейшем, когда французская пресса начала кампанию за то, чтобы это собрание было распущено, Бюлов тайно посоветовал султану сделать обратное, предполагая, что гордые вожди марокканских племен выскажутся против французской программы. Бюлов не считал вероятным, что Франция решится запугать султана угрозой войны, так как новый кабинет Рувье не хотел рисковать ни людьми, ни деньгами для кампании в Марокко и ослаблять позицию Франции в отношении Германии, посылая свои войска в Африку.

Однако Бюлов был достаточно благоразумен, и поручил Кюльману сказать султану, чтобы тот не ожидал, что Германия будет поддерживать его и вступить из-за него в войну с Францией[5].

---

1 Кюльман—Бюлову, 9 ноября 1904 г.; G. P., XX, 232.
2 G. P., XX, 222—230.
3 Кюльман—Бюлову, 28 ноября 1904 г.; G. P., XX, 237 и сл. Подробно о целях миссии Тайандье см. Affaires du Maroc, I, 178—184.
4 G. P., XX, 246 и сл.
5 Ibid., 243.

в) ПОСЕЩЕНИЕ ТАНЖЕРА КАЙЗЕРОМ

Как раз в то время, когда Кюльман и Тайандье соперничали между собой в Марокко, стремясь наперегонки завоевать доверие султана, Бюлов внезапно решил заставить кайзера прервать свое путешествие из Гамбурга в Корфу, отправиться в Танжер и приветствовать там султана. Этот визит совершенно не входил в первоначальный план путешествия кайзера, но Бюлов поместил в «Kölnische Zeitung» телеграмму из Танжера, объявляющую о том, что кайзер прибудет туда 31 марта. Вслед за этим он послал кайзеру соответствующую вырезку, прибавив, что «этот визит вашего величества будет очень неприятен г-ну Делькассе, расстроит его планы и благоприятно отразится на наших экономических интересах в Марокко»[1].

Кайзер сначала согласился, но когда в дальнейшем он узнал из газет, что население Танжера, включая англичан, собирается использовать его визит против французов, то написал Бюлову: «Телеграфируйте немедленно в Танжер, что моя высадка в Танжере находится под б о л ь ш и м сомнением и что я путешествую только инкогнито, в качестве туриста; поэтому не должно быть никаких аудиенций, никаких приемов».

Однако Бюлов в своем ответе решительно указал, что заметка о визите кайзера уже появилась в печати и что если кайзер откажется от этого визита, Делькассе распространит слух о том, что визит был отложен в связи с представлениями, сделанными французами в Берлине. Делькассе мог бы это обстоятельство превратить в свой дипломатический триумф. Кайзер снова согласился с Бюловым, хотя в Лиссабоне и даже в последний момент при входе в гавань Танжера он снова заколебался. Но, в конце концов, он уступил совету окружающих и выполнил заранее приготовленную для него программу[2].

Несмотря на трудности высадки на берег из-за волнения на море и несмотря на то, что лошадь кайзера была крайне напугана грохотом, резкими криками арабов, музыкой и оглушительными ружейными залпами,—визит кайзера прошел гладко и был выдержан в ярких восточных тонах. В здании германской миссии он принял членов германской колонии и дипломатический корпус. Французскому представителю он сказал, что его визит означает стремление Германии к свободе торговли и равенству с другими государствами; что он желает иметь дело непосредственно с султаном как свободным и равным суверенным властителем независимой страны, и что он ожидает со стороны Франции уважения к его желаниям. В разговоре с родственником и полномочным представителем султана он высказал, ту же самую мысль и прибавил, что проводимые реформы должны находиться в согласии с кораном и с традициями магометанства, что европейские обычаи не следует принимать с закрытыми глазами и что султан хорошо поступит, если по этим вопросам спросит мнение совета нотаблей[3].

---

[1] Бюлов—кайзеру, 20 марта 1905 г.; G. P., XX, 262.

[2] G. P., XX, 263 и сл. Сопровождавший кайзера барон Шен в своих Memoirs of an Ambassador (стр. 19—26) дает интересный рассказ об этом путешествии.

[3] Так как речи произносились вне установленной формы и среди многочисленного и довольно шумного собрания, то отчет о том, что кайзер сказал, не совпадает

Бюлов предложил затем созыв международной конференции всех держав, которые подписали Мадридский договор 1880 г. Он думал, что это будет наилучшим средством урегулировать марокканский вопрос и обеспечить торговые интересы как Германии, так и других наций против опасности «тунисификации» этой страны Делькассе. В этом отношении Бюлов справедливо считал, что он стоит на твердой почве. Он возобновил декларацию Германии о ее территориальной незаинтересованности и ясно заявил, что Германия не стремится получить для себя какие-либо специальные выгоды, но что она действует лишь в интересах всех государств, имевших торговые интересы в Марокко.

Бюлов знал, что в вопросе о созыве такой конференции он будет иметь поддержку большинства государств. Президент Рузвельт, к выяснению мнения которого были предприняты шаги, высказался в пользу такой конференции, поскольку он всегда стоял за политику «открытых дверей» во всем мире[1]. Бюлов надеялся, что позиция, занятая Рузвельтом, окажет желательное действие на Англию и укрепит влияние танжерского корреспондента «Times»[2], который поддерживал германскую точку зрения. Бюлов полагал, что на Австрию и Италию можно рассчитывать как на союзников. Россия была слишком занята в результате поражений, понесенных в Манчжурии, для того чтобы выдвигать какие-либо возражения. Сам марокканский султан жадно ухватился за мысль о созыве конференции, когда ему объяснили, что эта конференция была простейшим способом избежать установления фактического протектората Франции. Таким образом Франция осталась бы в меньшинстве и должна была бы согласиться на замену ее секретного соглашения с Англией и Испанией международным соглашением. Поскольку вся марокканская политика Франции была исключительно делом рук Делькассе, крушение ее на международной конференции, по всей вероятности, сделало бы непрочным положение Делькассе во Франции, в особенности, если бы Германия решительно настаивала на созыве конференции. Вместе с тем Бюлов продолжал по отношению к Франции занимать прежнюю позицию загадочного и бесстрастного молчания, все еще игнорируя англо-французское соглашение 1904 г. о Марокко[3].

Как Бюлов правильно рассчитал, французы вообще, и Делькассе в частности, попали теперь в неудобное положение. Французы чувствовали, что Германия угрожает им, но не могли точно понять, чего она хочет. Некоторые из них подозревали, что Германия ищет предлога для войны; об этом, конечно, не было и речи, что неопровержимо доказывается недавно опубликованными германскими документами. Внутри Франции была сильная и все увеличивавшаяся партия, придерживавшаяся того мнения, что Делькассе вел авантюристическую и опасную империалистическую политику, что он создал опасность войны с марокканским султаном и даже с Германией в то время, когда Франция в военном отношении была неподготовлена и была ослаблена в связи

у Шена (G. P., XX, 286), Кюльмана (Schulthess, Europäischer Geschichtskalender, 1905, стр. 304) и Chirsey, представителя Франции (Affaires du Maroc, I, 205).

1 G. P., XX, 256 и сл.; J. B. Bishop, Roosevelt, I, 467 и сл.

2 W. B. Harris, G. P., XX, 261 и сл.; см. также мемуары самого Гарриса.

3 G. P., XX, 293 и сл.

с поражением ее союзницы—России. Это течение, к которому примыкал французский посол в Берлине[1], считало нужным принять предложения Германии о созыве конференции даже в том случае, если бы это означало унижение и уход Делькассе с поста министра иностранных дел. Таково же было мнение премьер-министра Рувье и большинства кабинета.

26 апреля на обеде у князя Радолина, германского посла, Рувье с заметным волнением сказал ему, что он ни при каких обстоятельствах не хотел бы видеть какие-либо трения в отношениях между Францией и Германией, что французы питают гораздо более симпатий к Германии, чем к Англии, хотя, конечно, есть среди них сумасшедшие и безответственные патриоты, которые проповедуют идею реванша. Франция и Германия должны поддерживать друг друга и сохранять мир. До тех пор, пока он, Рувье, находится во главе правительства, именно это будет его целью. Поскольку дело идет о Марокко, он гарантирует, что не будет произведено каких-либо изменений в status quo и что торговля других государств не будет подвергнута каким-либо ограничениям. «Совершенно невозможно и было бы преступным,—заключил он с большим возбуждением,—если бы два государства, которые призваны притти к взаимному пониманию и сблизиться друг с другом, начали ссориться между собой, да еще из-за Марокко!».

Эти слова Рувье имели тем большее значение, что за несколько минут до обеда князь Радолин узнал от одного лица, пользовавшегося доверием Рувье, «что премьер-министр никоим образом не солидаризируется с Делькассе, ибо ему известно, что английский флот не имеет колес и потому не может защищать Париж с суши». В результате всего этого у князя Радолина сложилось впечатление, что Рувье не проявит большого неудовольствия при мысли о необходимости расстаться с Делькассе[2].

г) Падение Делькассе и последствия этого события

Намека Рувье было достаточно, чтобы заставить Бюлова решиться действовать так, чтобы сбросить со своего пути человека, которого он считал опасным как для Германии, так и для мира всей Европы. Бюлов считал Делькассе не только воплощением агрессивного французского империализма и идеи реванша, но он думал, что пока Дель-

---

[1] Ср. донесение Бигура Affaires, du Maroc, I, 202 и сл., 215 и сл., 240.

[2] Телеграмма Радолина к Бюлову 27 апреля 1905 г., G. P., XX, 344. Эта телеграмма, как об этом сообщил Палеолог в «Temps» 15 марта 1922 г., была расшифрована французами во время войны. Опубликование ее Палеологом дало повод к оживленной дискуссии в 1922 г. по вопросу о том, требовало ли германское правительство отставки Делькассе или же французы сами предложили немцам эту меру. O. S. Hale из Пенсильванского университета в одном своем неопубликованном труде указывает, что основанная на статье «Le Gaulois» от 17/VI 1905 г. весьма распространенная легенда о том, будто князь Хенкель фон Донерсмарк был послан германским правительством со специальным поручением требовать отставки Делькассе, не соответствует истине. Основываясь на разного рода соображениях, Хелль думает, что заметка, помещенная по этому поводу в «Le Gaulois», является недостоверной. Все вышеизложенное подтверждает мнение автора настоящей книги о том, что «миссия Донерсмарка» была продуктом воображения французских журналистов.

кассе будет оставаться во главе французского министерства иностранных дел, будет заводить интриги и искажать действительное положение вещей, отношения между обоими государствами по обеим сторонам Рейна не могут быть сколько-нибудь удовлетворительными [1].

Однако другое течение во Франции, представленное значительной группой газет и шовинистов, громко протестовало против германских угроз. Делькассе рассчитывал на поддержку именно этой группы и энергично боролся за свое политическое существование. С любопытной историей этого внутреннего французского конфликта можно в настоящее время детально ознакомиться по новым германским документам, на основе свидетельства об этом конфликте германского представителя в Париже [2].

Делькассе настаивал на том, что Франция должна сопротивляться предложениям Германии о созыве международной конференции. Он говорил, что созыв такой конференции поставит султана под международную опеку, но на самом деле он опасался, что созыв такой конференции может повредить осуществлению намеченной им программы. Кроме того уступить под непосредственным давлением Германии было бы невыносимым унижением как для Франции, так и для самого Делькассе. Он заявил своим коллегам по министерству, что требования Германии—«блефф», и что он считает нужным не обращать внимания на этот «блефф», даже если бы пришлось пойти на риск войны. Он лично был готов скорее покинуть свой пост, чем уступить.

Тем временем его позиции были поколеблены как в Фесе, так и в Париже. В конце мая султан окончательно отверг французские требования и принял германское предложение о приглашении держав на международную конференцию. В Париже германский посол занимал твердую, непримиримую позицию, создавая впечатление, что Германия в случае необходимости поддержит султана всеми находившимися в ее распоряжении силами.

Рувье, таким образом, попал в очень затруднительное положение. Он боялся, что Делькассе ведет Францию прямо к войне. С помощью своего доверенного лица еще раз он нащупал почву в Германии и узнал, что если бы он согласился на удаление Делькассе из состава кабинета и принял бы мысль о созыве конференции, то кризис был бы благополучно разрешен, и Германия на самой конференции не

---

[1] Ср. G. P., XX, 393 и сл., где помещен список с перечнем нескольких случаев, в которых Бюлов считал Делькассе виновным в разного рода искажениях фактов и в нарушении данных обещаний.

[2] Ibid., 344—409. Ср. R. Pinon, France et Allemagne (Париж 1913), который в общем настроен благоприятно в отношении Германии и критически относится к Делькассе; A. Mevil, De la Paix de Francfort à la Conférence d'Algésiras (Париж 1909), который придерживается обратной точки зрения; Tardieu, La Conférence d'Algésiras, как всегда защищает ярко националистический тезис. Французская желтая книга (Affaires du Maroc) отличается особой скудостью в отношении этой важнейшей стороны марокканских дел; в ней нет совершенно сведений, касающихся критической недели, предшествовавшей падению Делькассе. Материалы из последних германских документов о Бьорке, Делькассе и о марокканском кризисе 1905 г. собраны E. Laloy, Mercure de France, CLXXXVI, 594 и сл., CLXXXVII, 564 и сл., CLXXXIX, 293 и сл., CXC, 568 и сл., CXCII, 72 и сл., март — ноябрь 1928 (также R. J. Sontag в «Amer. Hist. Rev.», XXXIII 278—301, январь 1928).

чинила бы слишком больших затруднений. Поэтому он в конце концов, взяв с собой Делькассе, отправился к президенту Лубе и сказал ему, что он в корне не согласен с политикой Делькассе. Рувье прибавил, что в течение ближайших дней он соберет заседание кабинета и откажется от своего поста, если большинство его коллег по кабинету не согласится с его точкой зрения. Таким образом 6 июля кабинет был принужден сделать выбор между Рувье и Делькассе. Согласно информации, сообщенной Радолину, все министры стали на сторону премьер-министра, Делькассе подал в отставку, и Рувье получил портфель министра иностранных дел.

Однако падение Делькассе не ослабило напряженности положения в такой степени, как на это надеялся Рувье. Последовали весьма трудные переговоры, длившиеся много недель, прежде чем оба государства могли договориться о формуле, устанавливающей базис для созыва международной конференции. В то же самое время Англия так энергично поддерживала каждый французский довод, а английская пресса начала такую кампанию против Германии, что марокканский вопрос стал скорее англо-германским конфликтом, чем франко-германским. Президент Рузвельт пользовавшийся доверием и Жюссерана и барона Шпека-фон Штернбурга в Вашингтоне, сумел — отчасти благодаря этому—тактично и умно сначала обеспечить принятие Францией мысли о созыве конференции и затем договориться о базисе ее работ.

Основные противоречия между англо-французской позицией, с одной стороны, и германской позицией—с другой, продолжали оставаться в силе даже тогда, когда конференция эта, наконец, открылась в Алжезирасе в январе 1906 г. Франция и Англия старались использовать всевозможные политические связи для того, чтобы добиться решений, при помощи которых они могли бы провести в жизнь англо-французское соглашение 1904 г. и предоставить Франции контроль в Марокко. Германия действовала с одинаковой энергией, но с меньшим успехом, и старалась обеспечить для всех наций одинаковые права и установить в Марокко контроль, который был бы доподлинно международным, а не чисто французским. Здесь, где мы лишь в общих чертах изображаем развитие системы тайных союзов, можно не входить в изложение этих интриг на конференции в Алжезирасе. Достаточно сказать, что с принципиальной точки зрения Германия выиграла, но Франция выиграла в смысле практических результатов. Главное значение первого марокканского кризиса заключается в том, что с самого начала он укрепил узы, связывающие Францию и Англию, и привел к установлению новых тайных соглашений между обеими сторонами.

Марокканская политика Бюлова, казалось, завершилась блестящей дипломатической победой. Кайзер, персонально не принимавший большого участия в осуществлении замыслов Бюлова и даже не всегда находившийся в курсе того, что делалось Бюловым в этом направлении, с удовольствием принял эту победу Бюлова. Он выразил это не очень тактично,—что французы, конечно, почувствовали,—наградив Бюлова титулом «князя» на следующий день после отставки Делькассе и пожаловав орден Бетцольду, служившему тайным посредником в неофициальных переговорах, имевших место между Рувье и Радолиным. Бюлов просил, чтобы Бетцольду дали орден «Красного орла» 3-го класса, но

кайзер распорядился наградить его орденом 2-го класса—«за то, что он спас нас от войны»[1].

Кайзер в своем упоении закрывал глаза на то психологическое действие, которое должно было произвести на такой самолюбивый народ, как французы, дипломатическое унижение отставки Делькассе, не говоря уже о неуместности вмешательства во внутренние дела великой державы. Вильгельм II искренно рассматривал отставку Делькассе как факт, не только открывающий дорогу для улучшения отношений с Францией, но открывающий новую эру в системе союзов. Франция, казалось ему, доказала, что она больше не собирается следовать политике реванша, воплощением которой являлся Делькассе. «Франция,—писал кайзер Бюлову из Бьорке,—отказалась принять наш вызов, и царь согласился с тем, что «совершенно ясно: вопрос об Эльзас-Лотарингии покончен, слава богу, раз навсегда»[2]. Он надеялся, что отставка Делькассе открывает благоприятные перспективы для начатых им в Бьорке попыток заключения оборонительного союза с Россией, в который вошла бы и Франция по окончании русско-японской войны. Кайзер и президент Рузвельт предприняли энергичные меры к тому, чтобы были открыты мирные переговоры, которые в скором времени начались в Портсмуте[3]. Поэтому кайзер поспешил сообщить Рузвельту о встрече в Бьорке и направил ему следующую телеграмму:

«Император и я заключили соглашение, согласно которому мы обязались оказывать друг другу взаимную поддержку в случае, если какая-либо из европейских держав напала бы на одного из нас. Франция должна также подписать это соглашение. Фактически Германия таким образом вступает в качестве третьей стороны в Двойственный союз, первоначально направленный против нее. Поскольку она является руководящей державой в Тройственном союзе, этот союз и Двойственный союз вместо того, чтобы бесцельно угрожать друг другу, подают друг другу руки и таким образом мир в Европе обеспечен. Это является результатом нашего соглашения с Францией по поводу Марокко, соглашения, в связи с которым вы меня так любезно поздравили. Я уверен, что эта группировка держав, ведущая ко всеобщему успокоению, весьма облегчит выполнение великой миссии мира, которую провидение возложило на вас на благо всего человечества»[4].

---

[1] G. P., XX, 409.

[2] Ibid. XIX, 460. Несколько недель спустя кайзер высказал ту же самую мысль Извольскому в Копенгагене; см. Memoirs of A. Izwolski, стр. 78; ср. также письмо Извольского в «Temps» 15 сентября 1917 г., цитированное в моей статье, о свидании в Бьорке, помещенной в «Amer. Hist. Rev.».

[3] Об инициативе кайзера и о посредничестве Рузвельта между Россией и Японией см. G. P., XIX, 529—630; J. B. Bishop, Theodore Roosevelt and His Time (N. J. 1920), I, 374—424; H. Lodge, Correspondence of Theodore Roosevelt und Henri Cabot Lodge, II, 130—192, также A. Hasenclever, Theodore Roosevelt und Marokkocrisis 1904—1906 в «Archiv f. Politik und Geschichte» VI, Heft 3, 184—245 (1928).

[4] Ibid., 466. Телеграмма не была отправлена, так как Бюлов считал, что соглашение с царем было строго секретным и могло бы путем этой телеграммы преждевременно стать известным в Вашингтоне; но она представляет огромный интерес, поскольку указывает на толкование кайзером договора в Бьорке и на его тесные взаимоотношения с Рузвельтом в это время.

В действительности, однако, марокканская политика Бюлова в 1905 г. была одной из тех побед, которые хуже, чем поражение. Стараясь охранить независимость султана и сохранить принцип открытых дверей в Марокко при помощи политики «загадочного молчания», создававшей впечатление угрозы, притом угрозы, возбуждавшей тревогу именно в силу своей таинственности, Бюлов боролся за правое дело неправильным путем. Стараясь же принудить Рувье уволить министра иностранных дел, он был глубочайшим образом повинен в том, что неправильным путем шел к неправильной же цели. Этот инцидент произвел на французов чрезвычайно тяжелое впечатление. Он в немалой степени способствовал окончательному возрождению у некоторых руководящих деятелей новой решимости скорее рискнуть войной, чем вторично принять такое унижение. Так, например, Пуанкаре в произносимых им публично речах и в своих печатных работах неустанно заявлял о «грубости» и «одиозной насильственности» методов германской дипломатии. Еще более роковым оказалось для Германии то, что этот инцидент побудил британское правительство вступить в те морские и военные «собеседования» с французским правительством, которые привели Англию к участию в мировой войне и которые для Германии явились основной причиной ее конечного катастрофического поражения.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЕННЫЕ И МОРСКИЕ «РАЗГОВОРЫ». 1905—1912 гг.

Подобно тому как за франко-русским согласием в 1891 г. последовало заключение тайной военной конвенции, так и англо-французское согласие 1904 г. вскоре было дополнено важными, но чрезвычайно секретными морскими и военными соглашениями или, как мягко называет их сэр Эдуард Грей, «собеседованиями» («conversation»).

На первых порах эти соглашения не имели того строгого и обязывающего характера, какой был свойственен Франко-русскому союзу. Но постепенно они, если не по форме своей, то практически, превратились в наиболее жизненное звено всей системы тайных союзов. Несмотря на ту старательную пунктуальность, с которой сэр Эдуард Грей постоянно повторял, что «Англия свободна в своих действиях» и что «решение остается за парламентом», он дал возможность Франции уверенно рассчитывать, что в случае, если Германия вызовет европейскую войну, Англия будет воевать на стороне Франции. Он разрешил английскому и французскому морским и военным штабам выработать технические соглашения для совместных военных действий, соглашения, ставшие базой стратегических планов обоих государств. Это породило взаимные обязательства, которые фактически в такой же мере связывали, как и формальный союз. В совместной разработке военными властями двух государств стратегических планов, зависящих друг от друга, всегда кроется известная опасность. Военные круги приходят к соглашениям, которые по самой своей природе необходимо рождают обязательства, фактически связывающие политическую власть. Именно с этого момента начинается большая ответственность и ошибка сэра Эдуарда Грея. Поэтому представляется важным отметить некоторые подробности, касающиеся происхождения, характера и последствий этих морских и воен-

ных «собеседований». Они восходят отчасти ко времени предшественника Грея по английскому министерству иностранных дел—лорда Ленсдоуна[1].

В силу ст. IX англо-французской конвенции 1904 г. Англия обещала Франции в Марокко только дипломатическую поддержку. Но после посещения кайзером Танжера, английская пресса и английское правительство находились во власти той мысли, что Германия хочет взорвать согласие путем запугивания Франции. Здоровое, спортивное чувство англичан не могло допустить, чтобы Франция вследствие заключения ею нового союза с Англией находилась под угрозой, как раз в тот момент, когда союзник Франции потерпел такое решительное поражение на Дальнем Востоке[2]. Англичан раздражал также быстрый рост германского флота, глухое политическое и экономическое соперничество, существовавшее уже несколько лет в Африке, Турции и повсюду на земном шаре. Люди уравновешенного склада, принадлежавшие к составу германского посольства в Лондоне, вроде графа Меттерниха и барона фон Экардштейна, не ослепленные англофобией, сообщали, что антигерманские настроения в прессе и обществе приняли угрожающие размеры[3].

Они находили, что британская пресса, поскольку дело касалось Марокко, показала себя «более французской, чем сами французы»; они преду-

---

[1] Тайна и неясность дипломатического языка, которым велись эти переговоры, дали повод к возникновению обширной литературы как в защиту, так и против политики Грея. Из английских авторов наиболее авторитетными защитниками являются: Grey, Twenty-Five Years, I, 48 и сл., 59—118; II, 1 и сл., 39 и сл., 310 и сл.; H. H. Asqith, The Genesis of the War., 92—110, 142—216; Lord Haldane, Before the War, passim; J. A. Spender, Life of Sir Henry Campbell-Bannermann. II. 245—268; C. Repington, The First World War, гл. I; W. S. Churchill, The World Crisis, I, 1—191. Из критиков политики Грея следует отметить: Lord, Loreburn, How the War Came, passim; E. D. Morel, Ten Years of Secret Diplomacy; G. P. Gooch, Cambr. Hist. of Brit. Foreign Policy, III, 338 и сл., 438 и сл.; J. A. Farrer, England under Edward VII, passim; G. L. Dickinson, The International Anarchy, 1904—1914, 127 и сл., 375 и сл., а также форменный обвинительный акт, составленный хорошим юристом, J. S. Ewart'ом, The Roots and Causes of the Wars, гл. V, XXII.

Из французских авторов кроме сочинений Пинона, Мевиля, Тардье, упомянутых выше в примечании 2 на стр. 138, см. R. Poincaré, Les origines de la guerre, 72 и сл. Au Service de la France, I, 146—235 и критику его политики в произведениях Фабр-Люса, Жюде, Певе, В. Маргерита, Морхардта и Демарсиаля.

Из германских авторов мы имеем обширный материал в G. P., XX—XXV. XXVIII—XXXI, passim; ср. также H. Herzfeld, Der deutsche Flotenbau und die Englische Politik, в «Archiv. f. Politik und Geschichte», IV, 117 и сл., 1926); H. Lutz, Lord Grey und der Weltkrieg (Berlin 1927); A. von Tirpitz, Politische Documente, I, Der Aufbau der deutschen Weltmacht.

Критику американских авторов, крайне суровую по отношению к Грею и Пуанкаре, можно найти у Барнса и Гендерсона: H. E. Barnes; The Genesis of the World War, гл. VIII и у E. F. Henderson, The Verdict of History: the Case of Sir Edward Grey (1924).

[2] Полгода спустя германский посол в Лондоне, оглядываясь на минувшие события, следующим образом обрисовал создавшееся положение вещей: «здесь было такое впечатление, что Германия действовала, как буян, и что, поскольку мы чувствовали себя сильнее, мы хотели навязать свои требования Франции» (письмо Меттерниха Бюлову 20 декабря 1905 г.).

[3] G. P., XX, 689, ср. также XXI, 464 и сл.; XX, 601 и сл.; 618 и сл.; 627 и сл.; 647 и сл., 669 и сл.; 685 и сл.

преждали германское правительство, что в случае, если из-за марокканского вопроса возникнет война, «Англия безусловно активно выступит на стороне Франции и даже с энтузиазмом пойдет против Германии» [1].

В соответствии с такими общественными настроениями лорд Ленсдоун и Поль Камбон приступили к обсуждению вопроса об обмене нотами, посредством которого Англия должна была бы «сделать следующий шаг», и предложить французам нечто более существенное, чем простую дипломатическую поддержку. Гуч, основываясь на сведениях, полученных им из британского министерства иностранных дел, утверждает, что инициатива в этом вопросе исходила от Франции [2], в то время как Пуанкаре, основываясь на докладе Поля Камбона, заявляет, что инициатива принадлежала лорду Ленсдоуну [3].

Из этого обсуждения для французов выяснилось, что лорд Ленсдоун был готов предложить соглашение, скрытое от парламента и от общественного мнения, в форме обмена нотами,—соглашение о совместном обсуждении, которое могло бы привести к настоящему союзу [4]. Позднее в апреле и сентябре 1912 г. Камбон писал:

«Я знаю, что британское правительство не имеет права принимать на себя обязательства без санкции парламента; но нет надобности в формальном соглашении или в парафированном и подписанном договоре; мы можем удовлетвориться обменом деклараций. Это как раз то, что мы хотели сделать в 1905 г. с лордом Ленсдоуном, если бы отставка Делькассе не прервала наших переговоров... [5]. Разве не представляется возможным,—говорил Камбон Грею,—хотя бы ча-

---

[1] Письмо Меттерниха к Бюлову 1 мая 1905 г.; G. P., XX, 607, 618.

[2] «В середине мая французский посол жаловался лорду Ленсдоуну на общую позицию, занятую германским правительством, которое во всех частях света искало возможности посеять раздор между Францией и Великобританией... Лорд Ленсдоун ответил, что, казалось бы, из этого надлежит сделать тот вывод, что французское и британское правительства должны продолжать относиться друг к другу с абсолютным доверием, полностью информировать друг друга обо всем, что они сами узнают, и, поскольку возможно, заранее обсудить все случайности, перед которыми они могут очутиться и которые могут привести к столкновению между этими странами»; Gooch, Camb. Hist. of British For. Policy, III, 342.

[3] «В апреле месяце 1905 г. лорд Ленсдоун, казалось, был расположен сделать дальнейший шаг и предложил г. Камбону общую формулу Антанты». — Poincaré, Les origines de la guerre (Paris 1921), p. 79. Справедливость утверждения Пуанкаре, повидимому, подтверждается Spender'ом, который говорит, что 25 апреля 1905 г. сэр Франсис Берти сообщил Делькассе на основании инструкции, полученной им от лорда Ленсдоуна, что британское правительство присоединится к французскому правительству, чтобы воспрепятствовать Германии приобрести порт на марокканском побережье, и считает, что было бы очень целесообразно договориться с французским правительством о тех мероприятиях, которые можно было бы предпринять для предупреждения этого события. Францию это обрадовало. Месяц спустя лорд Ленсдоун после дальнейших переговоров сообщил 25 мая, что «оба правительства будут относиться друг к другу с доверием и обсуждать все вероятные возможности». J. A. Spender, Life of Sir Henry Campbell-Bannermann, II, 248.

[4] Пуанкаре говорит в своих последних мемуарах (Au Service de la France, I, 187—221): «Консервативное правительство было готово принять союз в 1905 г.». «Поль Камбон писал мне, что в то время (1905) соглашение такого рода («о выработке сообща планов») было только началом дела для лорда Ленсдоуна... Вынужденная отставка Делькассе, пожалуй, лишила нас благоприятной возможности действительного союза с Англией в 1905 г.».

[5] Поль Камбон — Пуанкаре, 18 апреля 1912 г. Au Service de la France, I, 174.

стично вернуться к предложениям лорда Ленсдоуна, связать себя, например, взаимным обязательством совместного обсуждения в случае, если создастся угрожающее положение дел, и установить, что в таком случае мы вместе будем изыскивать наиболее подходящие способы для нашей взаимной защиты от опасности войны. Одним словом, если поставленные лицом к лицу с опасностью, мы решим, что лучшим методом для этого будет союз или военная конвенция, то мы пойдем на это»[1].

Весьма интересно отметить, как, с одной стороны, предложения лорда Ленсдоуна поощряли надежды Делькассе и истолковывались этим последним совершенно своеобразным образом, и как, с другой стороны, существование этих предложений сообщалось немцам или подозревалось немцами и затем решительно отвергалось англичанами.

Переговоры Ленсдоун—Камбон, повидимому, дошли до того момента, когда проект нот, которыми должны были обменяться Англия и Франция, был уже составлен и передан Делькассе для окончательного одобрения[2]. Это произошло как раз в тот момент, когда марокканский кризис достиг высшей точки своего напряжения и когда Делькассе боролся за то, чтобы убедить своих коллег отвергнуть предложение Германии о созыве международной конференции. Делькассе истолковал предложение Ленсдоуна, как обещание союза и вооруженной поддержки со стороны Великобритании. Он воспользовался предупреждением Ленсдоуна в качестве аргумента для того, чтобы убедить президента Лубе и кабинет поддержать его и отказать Германии в ее просьбе. Но, как мы видели, кабинет Рувье и президент Лубе не согласились итти на риск войны с Германией, и Делькассе должен был подать в отставку[3].

В октябре 1905 г. «Matin» опубликовало целый ряд разоблачений, касавшихся событий, сопровождавших падение Делькассе. Среди прочих было одно сенсационное утверждение, приписывавшееся Делькассе, а именно: будто этому последнему британским правительством было обе-

---

1 Поль Камбон — Пуанкаре 21 сентября 1912 г. Au Service de la France, I, 218 и сл.

2 Ни у Делькассе, ни у Шомье, который в то время был министром юстиции, не было сомнений по этому поводу. Делькассе в письме, опубликованном в «Figaro» 24 марта 1922 г., говорит: «6 июня в моих руках находилось предложение англичан о помощи, которое я получил только за 48 часов до того». Г. Шомье в своих заметках о решающем заседании кабинета 6 июня, сделанных им в то время и опубликованных позднее его коллегой по министерству юстиции г. Бьенвеню-Мартен в «Temps» 19 марта 1922 г., ясно говорит: «Все это не ограничилось простыми переговорами; состоялся обмен письменными нотами».

3 7 июня Флотов, германский поверенный в делах в Париже (G. P., XX, 623—625), сообщил сведения, исходившие от издателя «Matin», что «здесь было сделано формальное предложение наступательного и оборонительного союза, направленного против Германии», но предложение это еще не принято отчасти в связи с сомнениями в том, как это подействует на Россию, а отчасти потому, что большинство кабинета все еще надеялось достигнуть удовлетворительного разрешения конфликта с Германией. В тот же самый день Флотов старался проверить эти сведения у Рувье через своего осведомителя, и французский премьер прямо заявил, что об англо-французском союзе не могло быть и речи. Вполне возможно, что Делькассе после своего падения мог намекнуть парижским газетам об английском предложении, для того чтобы одновременно оправдать свою собственную политику и в расчете на то, что эти сведения будут переданы немцам и вызовут дальнейшие трения в англо-германских отношениях; ср. G. P., XX, 623, примечание; 631, примечание.

щано, что в случае если Германия нападет на Францию, то английский флот будет мобилизован для захвата Кильского канала и высадит 100 тыс. чел. в Шлезвиг-Голштейне. Эти разоблачения в то время произвели сенсацию и остались в дальнейшем как бы загадкой для историков, так как англичане всегда отрицали, что они делали Франции какое-либо предложение союза или вооруженной поддержки. По мнению Гуча ошибочное и слишком широкое истолкование британской позиции в этом вопросе, которое дал Делькассе, может быть объяснено тем, что, король Эдуард VII во время своего пребывания в Париже дал, вероятно, понять французскому министру, что в случае необходимости Англия выступит на стороне Франции [1]. Один из редакторов «Grosse Politik» считает, что предложение исходило не от лорда Ленсдоуна, но от сэра Фрэнсиса Берти [2]. Правда, Берти, британский посол в Париже, был убежденным франкофилом, но вряд ли можно думать, что он предпринял бы настолько серьезный шаг без надлежащего разрешения и кроме того нет достаточных доказательств в пользу того, что он его сделал. Возможно, что мысль о высадке 100 тыс. чел. в Голштинии исходила от сэра Джона Фишера. Это был как раз тот стратегический метод, на котором Фишер настаивал, который он часто рекомендовал и который вполне совпадает с советом, данным им в 1908 г. королю Эдуарду. «Мы должны «копенгагировать» германский флот в Киле à la Нельсон» [3]. Мысль адмирала Фишера могла быть сообщена французам через короля Эдуарда или могла дойти до них в результате непосредственных морских «собеседований», которые французский и английский генеральные штабы уже вели в 1905 г. [4]. Сэр Джон Фишер был очень милым старым морским волком, сохранившим всю свежесть и остроту любимой им морской стихии, но он имел неосторожную привычку выражаться без должной осмотрительности [5]. За обедом, в декабре 1905 г., он сказал полковнику Репингтону, что «он был готов на свою собственную ответственность отдать приказ британскому флоту отправиться туда, где его присутствие может оказаться необходимым. Он сказал мне, что сам видел заверения, данные лордом Ленсдоуном в пись-

---

[1] Gooch, loc. cit., стр. 343, Eckardstein, III, 105.

[2] A. Mendelssohn Bartholdy в «Wissen und Leben» 1 февраля 1925 г. цитировано по Диккинсону, The International Anarchy, стр. 129, примечание 1-е.

[3] Ср. Fisher, Memoires and Records, I, 22, 47 и сл.; 188, 207, 211, 233; II, 176, 208 и сл. 218 и сл.; 225 и сл.

[4] Grey, I, 74; II, 2. Сэр Альфред Бейт и кайзер в одном интересном разговоре вскоре после появившихся в «Matin» разоблачений высказали мнение, что эта мысль принадлежит Фишеру; G. P., XX, 694, Fisher (Memoires, стр. 49) в связи с этой беседой говорит: «Германский император сказал Бейту, что я опасный человек, что он знал мое мнение, что Балтийское море является для Германии уязвимым местом, и что он слышал о моем плане «копенгагировать» германский флот. Не в этом я очень сомневаюсь. Он сказал это просто потому, что знал, что это то, что мы должны были сделать».

Мы переводим английское «Copenhageen» и «Copenhagening» «копенгагировать». Происхождение этого термина связано с бомбардировкой датской столицы без объявления войны в 1801 г. Нельсоном и Паркером и в 1807 г. другими двумя английскими адмиралами; в обоих случаях находившийся в порту датский флот частью разрушался, частью забирался англичанами. — *Прим. ред.*

[5] Так например, узнав об отставке адмирала Тирпица, он обратился к нему с письмом, которое попало в лондонские газеты: «Добрый старый Tirps, не вешай носа, дружище... Твой до скончания века Фишер», «Memoires», стр. 45.

менной форме Камбону, и что обещания эти были совершенно недвусмысленного содержания. Он показал их сэру Эдуарду Грею и заявил, что они были частью обязательств, унаследованных от предыдущего правительства, и что они должны оставаться в силе, пока не будут денонсированы»[1]. Нет ничего невероятного в том, что именно он подал французам надежду на морскую поддержку и на британскую диверсию против Германии в Голштинии или Померании.

Во всяком случае представляется очевидным, что Делькассе, какие бы уверения он ни получал из других высоких английских источников, сильно преувеличивал характер предложения лорда Ленсдоуна. Возможно, поскольку «желание—отец мысли», он в самом деле думал, что лорд Ленсдоун предлагал французам союз Англии. Возможно, он сознательно преувеличивал характер этого предложения, для того чтобы убедить своих колеблющихся коллег решительно отвергнуть германские предложения, но и в том и в другом случае налицо был опасный пример того, как французы его типа могли сознательно или бессознательно неправильно толковать британские предложения, усматривая в них нечто большее, чем простую дипломатическую поддержку. Для сэра Эдуарда Грея это должно было бы служить предостережением о той опасности, которая заключалась в разрешении приступить к морским и военным «собеседованиям» и в позднейшем обмене нотами с г. Камбоном в 1912 г.; с этим шагом была связана опасность возникновения в Париже ожиданий и представлении об обязательствах для Англии выступить на стороне Франции в случае европейской войны.

В равной степени интересно отметить германские подозрения о существовании Англо-французского союза[2] и категорическое отрицание его англичанами. 16 июня 1905 г. лорд Ленсдоун сказал германскому послу, что «сведения о том, что Англия, якобы, предложила Франции наступательный и оборонительный союз, были чистым вымыслом». Поскольку лорд Ленсдоун с величайшей решительностью опровергал слухи о союзе и совершенно недвусмысленно заявлял, что слухи эти выдуманы, германский посол сказал, что он считает вопрос исчерпанным. Он не представлял себе, чтобы лорд Ленсдоун после такой категорической декларации был способен обманывать его[3].

Но несколько дней спустя граф Меттерних получил дальнейшие сведения, повидимому шедшие из конфиденциальных источников, от самого Рувье, что Англия обещала морскую помощь Франции. Поэтому он обратился с запросом по этому поводу к лорду Ленсдоуну, причем деликатно заметил, что обращается с этим вопросом к нему неофициально, без инструкции по этому поводу из Берлина.

«Лорд Ленсдоун ответил, что известно, что дипломатическая поддержка была обещана французскому правительству в рамках англо-французского соглашения. Естественным результатом этого было то, что оба правительства должны были дружественным образом обсу-

---

[1] Repington, First World War, p. 4.

[2] G. P., XX, 494, 615 и сл., 623 и сл., 634 и сл., 638 и сл., 622 и сл., и доклад Флотова от 7 июня.

[3] Меттерних—Бюлову, 16 июня 1905; G. P., XX, 630; ср. также Gooch, loc. cit., p. 342 и сл.

дить те вопросы, которые затрагивались этим соглашением, и договориться о наиболее подходящих способах и средствах для сохранения в силе различных пунктов этого соглашения. Вопрос о союзе с Францией однако никогда не обсуждался в Британском кабинете, и Англия ни раньше, ни за последнее время, не предлагала французскому правительству заключения союза. Однако Ленсдоун не скрыл от меня того обстоятельства, что в случае (который он, впрочем, считает совершенно невероятным), если Германия легкомысленно начнет войну против Франции, невозможно предвидеть, как далеко пойдет под давлением общественного мнения Англии британское правительство по пути оказания поддержки Франции»[1].

Равным образом в октябре 1905 г. заместитель лорда Ленсдоуна, сэр Томас Сандерсон, счел необходимым в связи с разоблачениями в «Matin» дать повторное опровержение.

«Английское правительство никогда не предлагало французскому правительству плана военной помощи. Возможность разрыва между Францией и Германией никогда не обсуждалась британским правительством и обещание высадить 100 тыс. в Шлезвиг-Голштинии относится к области фантазии... Быть может, в этом сыграло некоторую роль воображение самих французов. Можно себе легко представить, что Делькассе поделился со своими коллегами убеждением в том, что Англия выступит на стороне Франции в случае франко-германской войны. Если допустить, что Делькассе сделал это, то от этого его личного мнения весьма далеко до обещаний Великобритании или до предложения помощи. Этих предложений никогда не было сделано, и, как он уже сказал, возможность войны между Германией и Францией никогда не обсуждалась британским правительством»[2].

Если принять во внимание ту серьезность, с которой британское правительство следило в начале 1905 г. за развитием марокканского кризиса, то трудно поверить последнему утверждению Сандерсона о том, что «возможность войны между Германией и Францией никогда не обсуждалась британским правительством». Очевидно эти огульные отрицания были настолько же правильны по букве и неправильны по самой сущности, как и подобные опровержения, сделанные позднее в парламенте м-ром Асквитом и сэром Эдуардом Греем уже после обмена нотами между Греем и Камбоном в 1912 г.

11 декабря 1905 г. сэр Генри Кемпбелл-Баннерман сформировал кабинет, в котором сэр Эдуард Грей заменил лорда Ленсдоуна на посту министра иностранных дел[3].

Одной из первых задач, привлекших внимание Грея, было успокоить опасения французов. Алжезирасская конференция должна была собраться в ближайшее время. Предполагалось, что Германия будет продолжать придерживаться политики угроз, и Франция очень хотела знать, будет ли новое либеральное правительство поддерживать за-

[1] Меттерних—Бюлову 28 июня 1905 г.; G. P., XX, 636.
[2] Меттерних—Бюлову 9 октября 1905 г.; G. P., XX. 663.
[3] Spender, Life of Sir Henry Campbell-Bannermann, II, 188 и сл., 245 и сл.

верения лорда Ленсдоуна или даже пойдет еще дальше. 10 и 15 января 1906 г. Камбон поставил Грею основной вопрос: «готово ли британское правительство оказать Франции вооруженную поддержку» в случае нападения Германии на Францию и будет ли санкционировано дальнейшее ведение переговоров по морским и военным вопросам. Грей ответил, что в данный момент он не может дать каких-либо обещаний, так как все члены кабинета, участвуя в избирательной кампании, находятся в отъезде. В качестве своего личного мнения он, разделяя позицию лорда Ленсдоуна, может только сказать, что если бы Франция подверглась нападению со стороны Германии, в связи с марокканским соглашением, то общественное мнение Англии было бы настроено решительно в пользу Франции. Что же касается уже начатых «собеседований» по морским и военным вопросам, то первые происходят непосредственно между французским и английским морскими штабами и уже довольно хорошо налажены, причем с английской стороны их ведет сэр Джон Фишер. Менее удовлетворительно состояние планов военного сотрудничества, разработка которых ведется пока через неофициального посредника. Однако между 10 и 15 января сэр Эдуард Грей повидался с военным министром Холденом на избирательном собрании в Нортумберленде. Холден уполномочил Грея заявить, что обмен мнений по военным вопросам может теперь происходить непосредственно и официально между генералом Гирсоном и французским военным атташе, но следует иметь в виду, что этот обмен мнений никоим образом не связывает обоих правительств [1].

О новом обороте дела с военными «собеседованиями» интересные сведения сообщает служивший посредником в этом вопросе полковник Репингтон, военный корреспондент лондонского «Times» [2].

Хотя в это время напряженность в англо-германских отношениях немного ослабла и можно было надеяться на улучшение отношений между обеими странами [3], полковник Репингтон поместил в «Times» 27 сентября тревожную статью, в которой предостерегал против грозных намерений Германии. На следующий день в ответ на это к нему явился майор Хюге, французский военный атташе, который сказал ему, что французское посольство крайне обеспокоено общим положением вещей. Сэр Эдуард Грей, который только что принял на себя руководство министерством иностранных дел, не возобновил заверений, данных лордом Ленсдоуном, а г. Камбон в данную минуту выехал во Францию. Майор Хюге сказал, что он знает, что британский флот находится в состоянии боевой готовности, что он верит этому, но ему неизвестно, что этот флот в случае осложнений предпримет для совместных действий с французами. Французская армия также готова, но Хюге опасается, что немцы могут напасть внезапно, вероятно через Бельгию. Поэтому он хотел, чтобы в случае войны Англия поддержала бельгийцев. Полковник Репингтон немедленно же в письменной форме сообщил об этом разговоре сэру Эдуарду Грею. Через несколько дней он обсуждал все положение в целом за обедом с сэром Джоном

[1] Грей—Берти—британскому послу в Париже, 10, 15 января 1906 г.; Grey, I, 70—74.

[2] Repington, The First World War, гл. I.

[3] Меттерних—Бюлову, декабрь 4 и 20 1905 г.; G. P., XX, 681, 685.

Фишером, причем Фишер сказал, что он вполне полагается на флот и готов дать приказ этому флоту двинуться туда, где в нем окажется необходимость. 1 января Репингтон получил ответ от Грея.

«Мне было очень интересно узнать о вашем разговоре с французским военным атташе. Я могу только сказать, что я не отказываюсь ни от чего из того, что лорд Ленсдоун сказал французам и, не колебаясь, подтверждаю это»[1].

После этого полковник Репингтон обедал вместе с генералом Грирсоном, возглавлявшим оперативное бюро, который сказал ему, что в случае, если бы Германия нарушила нейтралитет Бельгии, Англия могла бы послать в Намюр две дивизии на 13-й день мобилизации и свою полевую армию в тогдашнем ее состоянии в Антверпен на 32-й день. Заручившись одобрением со стороны различных официальных лиц, в том числе сэра Джорджа Кларка, секретаря императорского комитета обороны, полковник Репингтон вновь встретился с майором Хюге и передал ему краткий перечень вопросов, которые должны были быть поставлены перед французским генеральным штабом. Майор Хюге поспешил отправиться во Францию и вскоре вернулся, привезя с собой ряд интересных и удовлетворительных ответов, которые он мог показать полковнику Репингтону 12 января[2]. С разрешения Холдена и Грея эти ответы явились базисом для непосредственных официальных переговоров между французскими и британскими военными властями в лице майора Хюге и генерала Грирсона.

Сэр Эдуард Грей, вернувшись в Лондон 26 января, нашел Камбона с тревогой ожидающим более определенного заявления Англии о том, может ли Франция рассчитывать на поддержку Великобритании. Переговорив с Хольденом и с премьером, он, не приняв предложения последнего о том, чтобы то, что он собирался сказать Камбону, было предварительно одобрено на пленарном заседании кабинета, Грей дал Камбону 31 января знаменательный ответ на интересующий этого последнего вопрос. Пространное резюме этого ответа, посланное им лорду Берти в Париж, ясно показывает двойственный его характер. В своем ответе Грей одной рукой давал то, что другой брал обратно. Он давал французам основание ожидать помощи от Великобритании, если бы в такой помощи оказалась нужда, но вместе с тем он не давал обещаний о военной поддержке и оставлял за собой свободу действий. В поощряющей форме он сказал г. Камбону, что со времени последнего разговора между ними 10 и 15 января

«дело значительно продвинулось вперед. Наши военные и морские власти снеслись с французскими властями, и я думаю, что сделаны все приготовления, так что в случае кризиса не пришлось бы терять времени из-за отсутствия формальных обязательств... Я воспользовался случаем, чтобы высказать графу Меттерниху мою личную точку зрения, которую, как я понимал, лорд Ленсдоун также высказал ему (Камбону), в качестве своего личного мнения, а именно, что в случае если Франция в связи с нашим марокканским соглашением подвергнется нападению со стороны Германии, то обществен-

[1] Repington, p. 4.
[2] Вопросы Репингтона и французские ответы, см. Repington, p. 6—10.

ное мнение Англии будет настолько возбуждено, что никакое британское правительство в этих условиях не сумеет остаться нейтральным»[1].

Сэр Эдуард Грей также заявил Камбону о тех возможных невыгодах для Франции, которые возникнут в случае более формального уточнения англо-французских отношений: в настоящее время, в силу соглашения 1904 г., Франция имеет полную свободу действий в Марокко при обещании дипломатической поддержки со стороны Англии; но если бы Англия пообещала нечто большее, чем дипломатическую поддержку, и заключила формальный союз, который мог бы вовлечь Англию в войну, то он, Грей, уверен, что Британский кабинет нашел бы, что Франция должна время от времени совещаться с Англией по вопросам своей марокканской политики, и Англия должна в случае надобности иметь возможность просить Францию изменить эту политику для того, чтобы избежать войны. Разве настоящее положение вещей не настолько удовлетворительно, что лучше было бы не изменять его путем установления новых, более формальных обязательств?

Но эти соображения не убедили Камбона. Он ответил, что если конференция не даст результатов, и Германия станет поддерживать султана, то «война может возникнуть так внезапно, что для перехода к действиям останутся не дни, а минуты, и что если в это время британскому правительству будет необходимо совещаться по этому вопросу и выжидать выявления общественного мнения Англии, то, пожалуй, воспользоваться результатами этого обсуждения уже не придется»[2].

На просьбу Камбона дать ему «что-нибудь вроде заверения, возможного в условиях собеседования», Грей ответил, что он не может дать такого формального заверения,

«не поставив предварительно этих заверений на обсуждение кабинета и не получив одобрения этого последнего и, что если бы я представил этот вопрос кабинету, то, пожалуй, кабинет высказался бы в том смысле, что вопрос сам по себе настолько серьезен, что не может служить предметом устного обязательства и должен быть облечен в письменную форму. Поскольку дело шло о благожелательном расположении кабинета к Франции, у меня не было бы колебаний представить этот вопрос настоящему кабинету. Некоторые из членов кабинета, являвшиеся наиболее горячими сторонниками мира, были как раз лучшими друзьями Франции; но хотя у меня не было никаких сомнений по вопросу о благожелательном расположении кабинета, я все же думал, что было бы крайне затруднительно облечь все это в письменную форму. Обязательство не могло быть дано в безусловной форме, а сформулировать условия было бы крайне затруднительно. Фактически все дело сводилось к тому, что если сделать какое-либо изменение, то надо было пре-

[1] Грей—Берти 31 января 1906 г.; Grey, I, 76. Об упоминаемом здесь разговоре Грея с Меттернихом см. Grey, I, 80 и G. P., XXI, 45—51. О заявлениях Лансдоуна Меттерниху, с которыми теперь Грей солидаризировался, см. выше сноску 3 на стр. 136.

[2] Ibid.; Grey, I, 77.

вратить «согласие» в оборонительный союз. Это было бы существенным и формальным изменением, и я вновь поставил перед Камбоном вопрос о том, не является ли общая совокупность обстоятельств, приведших Англию и Францию к мысли о необходимости совместных действий, сильнее, чем какие бы то ни было устные обязательства, которые могли бы быть даны в настоящий момент. Я сказал, что под давлением обстоятельств—например активности Германии—может быть придется превратить «согласие» в «оборонительный союз» между ними и Францией, но я не думаю, чтобы давление обстоятельств было настолько велико, чтобы оправдывать необходимость этого изменения в данную минуту. Я также сказал ему, что если бы был создан такой оборонительный союз, то это было бы слишком серьезным делом для того, чтобы хранить его в тайне от парламента. Правительство могло бы заключить его без согласия парламента, но должно было бы вслед за тем его опубликовать. Никакое британское правительство не может возложить на страну таких серьезных обязательств и держать их в секрете»[1].

Когда Камбон, подводя итог разговору, подчеркивал высказанное Греем личное мнение, что «в случае нападения Германии на Францию никакое британское правительство не сумеет остаться нейтральным», Грей не преминул указать, что «личное мнение не является чем-то таким, на чем могла бы быть основана политика в серьезных вопросах», и прибавил:

«Многое будет зависеть от тех обстоятельств, при которых возникнет война между Германией и Францией. Я не думаю, чтобы британский народ был готов сражаться во имя того, чтобы помочь Франции овладеть Марокко. Британский народ сказал бы, что Франция должна выждать удобного случая, что неразумно торопиться с этим делом до такой степени, чтобы решиться на войну. Но если бы, с другой стороны, оказалось, что война была навязана Франции Германией для того, чтобы разрушить англо-французское «согласие», то в этом случае, несомненно, общественное мнение Великобритании было бы всецело на стороне Франции... Если французское правительство пожелает, то во всякое время будет возможно возобновить собеседование. События могут меняться, но при теперешнем положении вещей мне не представляется необходимым форсировать вопрос о заключении оборонительного союза»[2].

Эта долгая и решающая беседа, которую мы постарались передать без существенных пропусков, представляет интерес в различных отношениях. Прежде всего она показывает нам чрезвычайно сильные симпатии сэра Эдуарда Грея к Франции, его очевидное желание пойти как можно дальше навстречу Франции, обещая ей дипломатическую поддержку, но в то же время его нежелание принять на себя в устной или письменной форме какое-либо формальное обязательство, которое могло бы заставить Англию вступить в войну. Такое обязательство должно было бы получить санкцию парламента, но представлялось невероятным, что парламент

[1] Грей—Берти, 31 января 1906 г.; Grey, I, 77—78.
[2] Ibid., 78—79.

даст такую санкцию. Кроме того это значительно усилило бы трения, уже имевшиеся между Англией и Германией. Грей сделал для Франции все, что он только мог, не переступая той грани, после которой он, по его мнению, должен был бы довести о переговорах до сведения кабинета и парламента. Внутренно Грей был удовлетворен тем, что он избежал превращения «согласия» в формальный союз. В письме, которое он написал на другой день своей жене и которого она уже не прочла из-за внезапной и трагической катастрофы, оборвавшей ее жизнь, он писал:

«Вчера я имел чрезвычайно серьезный разговор, чрезвычайно важное дело. Я не знаю, действовал ли я хорошо, но знаю, что я действовал честно»[1].

Затем сэр Эдуард Грей одобрил и подтвердил официальные военные и морские «собеседования», которые велись между британским и французским генеральными штабами. Он считал, как он сказал Камбону, что «все приготовления сделаны»; как дальше будет указано, Холден сразу принялся за энергичную работу по реорганизации британской армии и по подготовке ее для сотрудничества с французской армией. Эти приготовления продолжались вплоть до начала войны в 1914 г. и неизбежно возлагали на Англию все больше связывавшие ее обязательства чести поддержать Францию в случае европейской войны, по какому бы поводу она ни возникла,—не только в связи с марокканским вопросом,—если, конечно, Франция не являлась активно нападающей стороной. Весьма вероятно, что сэр Эдуард Грей в то время не видел всего значения и опасности, которые представляли эти «собеседования», но британский премьер-министр видел это. Действительно мы знаем, что сэр Генри Кемпбелл-Баннерман 2 февраля, несколько дней спустя после разговора Грея с Камбоном, писал лорду Рипону: «кажется Камбон удовлетворен. Но мне не нравится то рвение, которое проявляют в вопросе о совместных приготовлениях. Дело принимает весьма серьезный оборот, и об этом будет известно по обеим сторонам Рейна. Но будем надеяться, что все будет хорошо»[2]. Он проявил доподлинно пророческую прозорливость, но она потонула и отошла на второй план под влиянием тайной активности военных властей и странного молчания, или странной неосведомленности об этих действиях министерства иностранных дел в течение следующих пяти лет. Только в 1912 г. обстоятельства сложились так, что об этих военных и морских «собеседованиях» пришлось довести до сведения всего кабинета и только в речи Грея 3 августа 1914 г. парламент и британское общественное мнение впервые услышали о них.

В-третьих, надо отметить, что ни заявления сэра Эдуарда Грея Камбону, ни одобрение им морских и военных «собеседований» не были сделаны с ведома и санкции кабинета. Премьер-министр писал Грею 21 января: «Хотели бы вы, чтобы ваш ответ французам был предвари-

[1] Grey, I, 79.

[2] Spender, Life of Sir Henry Campbell-Bannermann, II, 257. Однако, вопреки своим справедливым опасениям премьер-министр, если верить заявлениям Холдена (Before the War, 162) и Репингтона (с. 13), повидимому согласился на ведение военных «разговоров», лишь бы «о них не болтали» и лишь бы они не обязывали правительство.

тельно подтвержден кабинетом?» Он предлагал это 30 или 31 января или 1 февраля.

Виконт Грей в своих мемуарах говорит, что он не помнит о каком-либо ответе на этот вопрос[1]. Его объяснения, почему кабинетом не было дано санкции на ответ французам, довольно слабы; он говорит о том, что министры были в отлучке, участвуя в выборах, что самой ранней датой, предложенной премьер-министром, было 30 января и что пришлось бы заставить «французов слишком долго ждать ответа»[2], но так как разговор Грея с Камбоном состоялся только 31 января, объяснения Грея едва ли убедительны. Кроме того заседание кабинета в действительности состоялось в этот самый день[3]. Поэтому для Грея было весьма просто прибегнуть к нормальному пути и посоветоваться с кабинетом до своей беседы с Камбоном, или по крайней мере информировать своих коллег сейчас же после нее о том, что он сказал французскому послу, а также о морских и военных собеседованиях, которые в то время уже велись. Но он поступил иначе. Почему? Можно только строить предположения относительно этого странного психологического факта. Возможно, он считал, что его разговоры с Кемпбеллом-Баннерманом и Холденом уже давали ему достаточную санкцию. Возможно, он считал, что является лишь продолжителем политики лорда Ленсдоуна и что такое продолжение в вопросах внешней политики, которая обычно не подвергается коренному изменению в зависимости от того, какая партия приходит к власти, не требует предварительного обсуждения новым кабинетом. Быть может, он опасался, что наиболее осторожные и мирно настроенные члены кабинета, вроде г-на Морлея и лорда Лорберна, и даже сам премьер-министр не были склонны итти так далеко в поощрении французов и в осуществлении совместных с Францией военных приготовлений, как зашел сам Грей. Из его мемуаров и из анализа его поступков в отношении немцев, поскольку это раскрывается в новых германских документах, можно видеть, что сэр Эдуард Грей имел чрезвычайно сильные внутренние симпатии к французам и, соответственно, сильную подозрительность по отношению к намерениям Германии. Возможно поэтому, что он предпочитал свободно изложить Камбону свою личную дружескую точку зрения, чего бы он не мог сделать, если бы кабинет обсудил этот вопрос и дал бы точное направление политике, которое связало бы ему руки.

Во всяком случае, он скрыл все это дело от большинства своих коллег. Поведение его в этом случае трудно примирить с кажущейся искренностью и честностью его мемуаров. Он вступил на скользкий путь, думая, что можно внушить французам надежды, идя на совместные с ними военные приготовления, и в то же время сохранять за собой «свободу действий»—роковая двойственная политика, которой Грей следовал в течение 8 лет. После войны, приобретя больше опыта и поняв всю серьезность критики со стороны таких людей, как лорд Лорберн, он в своих мемуарах с некоторым чувством сожаления и огорчения говорит:

---

[1] Grey, I, 84.
[2] Ibid.
[3] Loreburn, How the War Came, p. 80 и сл.

«мне кажется, что этот вопрос должен был решить кабинет»[1]. В этом он прав.

Лорд Холден оставил рассказ об этих секретных приготовлениях к военному сотрудничеству с Францией. Он сообщает, как в разгар всеобщих выборов, в январе 1906 года, он приехал в Лондон, собрал руководящих лиц британского генерального штаба и встретился с французским военным атташе, майором Хюге, человеком ловким и отличающимся большим умом.

«Я сразу понял, что речь шла о проблеме создания новой армии. Вопрос заключался в том, как мобилизовать и сконцентрировать на известном месте, против бельгийской границы, такие военные силы, которые считались бы (учитывая помощь России в форме давления ее на Германию с востока) достаточными, чтобы помочь слишком слабым французским армиям в их огромной задаче—защите границ всей французской республики от Дюнкирхена до Бельфора или даже еще южнее, если бы Италия присоединилась к Тройственному союзу в этом нападении на Францию»[2].

Поэтому он приступил сразу к организации британского экспедиционного корпуса, который должен был бы действовать совместно с французами для разрешения поставленной задачи. Отдавая себе отчет в том, что в современной войне большое значение имеет моральное состояние армии, он считал, что если присоединить к французским и русским войскам даже незначительные, но подвергшиеся тщательной и длительной подготовке, силы, то они смогут парализовать всякую германскую политику оккупировать и расчленить Францию. Внимательное изучение вопроса показало, что при существовавших обстоятельствах было возможно выставить в поле не более 80 тыс. чел. и то только через 2 месяца после начала войны[3].

Французы, естественно, указали, что такой медленный темп действий мог бы принести им чрезвычайно мало пользы; они могли бы быть разбиты, прежде чем подойдет помощь; поэтому в интересах французов Холден должен был «произвести полную революцию в организации британской армии».

К концу 1910 г. эта работа была им выполнена. Он сделал так, что оказалось возможным «быстро мобилизовать не только 100 тыс. чел., но даже 160 тыс. чел.; с помощью флота перевести их в тот пункт концентрации, который был установлен по соглашению между французским и британским генеральными штабами и иметь эти войска в назначенном для них месте через 12 дней»[4].

Если вспомнить сообщение лорда Холдена о его беседе с майором Хюге, лично уполномоченным вести непосредственные переговоры между французским и британским генеральными штабами (представленными соответственно Хюге и Грирсоном) и если принять во внимание реорга-

[1] Grey, I, 84 и далее, 96: «Я всегда сожалел, что эти «военные собеседования» сразу не были доведены до сведения парламента; этим путем были бы устранены все совершенно ненужные подозрения».

[2] Haldane, Before the War, стр. 30; см. также стр. 28—35 и 156—182.

[3] Ibid., стр. 32. Если Холден прав, то данные г. Григорсоном заверения Репингтону, о которых упоминается выше в примечании на стр. 139, представляются неосновательным оптимизмом.

[4] Ibid., стр. 32.

зацию британской армии, произведенную им для сотрудничества с французами, то все это—и тайные приготовления англичан и отрицание этих приготовлений самим же лордом Холденом в его беседе с германским послом в Лондоне, предстанет в крайне мрачном свете. Отрицание приготовлений имело место в результате запроса одного французского депутата, необдуманно задавшего Клемансо вопрос, существует ли англо-французская военная конвенция. Клемансо ответил уклончиво, как бы признаваясь в существовании морской, но не военной конвенции.

Естественно, это возбудило в Германии подозрения и опасения, особенно в связи с проводимой Джоном Фишером коренной реорганизацией британского флота, с началом постройки дредноутов[1] и в связи с угрожающими речами одного из гражданских лордов адмиралтейства, Артура Ли, который заявил, что британский флот сумеет нанести первый удар прежде, чем противник узнает о положении вещей из газет. Лорд Холден, спрошенный графом Меттернихом в связи с заявлениями Клемансо, занял позицию огульного отрицания, позицию, которую крайне трудно примирить с фактами. Если сопоставить англо-французские «собеседования» и те приготовления, которые делались в течение более года, то становится понятным впечатление, создавшееся в Берлине и нашедшее себе выражение в пометках кайзера на относящихся к этому делу бумагах. Из доклада графа Меттерниха вытекало, что:

«Г. Холден ответил в самой определенной форме, что между Францией и Англией не существует и не существовало военной конвенции; что равным образом не делалось никаких приготовлений для заключения такой конвенции. Ему было неизвестно, имели ли место необязывающие разговоры между английскими и французскими военными деятелями [пометка кайзера: «Какая наглость! Чтобы он—министр парламентарного государства, мог не знать этого! Он лжет!»]. Во всяком случае, никто из английских военных не был уполномочен британским правительством [пометка кайзера: «Ну, да, конечно! он сам занимался этим!»] подготовить какое-либо военное соглашение с французским военным представителем на случай возможности войны. Возможно, что кто-либо из лиц, принадлежащих к составу генерального штаба одного государства, выразил лицу, принадлежащему к генеральному штабу другого государства, свои предположения о возможностях войны. Но он, военный министр, об этом ничего не знает [пометка кайзера: «Изумительная ложь!»][2].

Во время этих англо-французских совместных военных приготовлений офицеры британского и французского генерального штабов тщательно изучали те места, на которых их армии должны были бы сражаться в Бельгии и во Франции. Так, сэр Генри Вильсон, директор военного оперативного отдела, проводил свой отпуск, осматривая эти места на велосипеде. Вся стена его рабочего кабинета в Лондоне была закрыта гигантской картой Бельгии, на которой были нанесены дороги, удобные

[1] Fisher, Memoires and Records, II, 65 и сл., 128—153.

[2] Меттерних—Бюлову, 31 января 1907 г.; G. P. XXI, 469. О германских опасениях и догадках о британских морских и военных намерениях в промежуток времени между 1904 и 1907 гг. см. G. P., XIX, 351—380; The First German-Englisch War Scare, XX, 599—698; XXI, 421—521; Tirpitz, Politische Dokumente: Der Aufbau der deutschen Weltmacht, 14 и сл.

для движения армий. «Он был посвящен во все тайны французского генерального штаба. В течение нескольких лет он работал только над одним, а именно над вопросом о том, как в случае наступления войны мы должны немедленно выступить на стороне Франции. Он был убежден, что война рано или поздно должна наступить»[1].

Не только французы, но и русские вскоре начали рассчитывать на экспедиционный корпус Холдена как на вполне определенную и существенную часть их стратегического плана в случае войны с Германией. Об этом, по крайней мере начиная с 1911 г., имеются знаменательные указания в опубликованном большевиками секретном докладе о ежегодных конференциях между начальниками французского и русского генеральных штабов. В августе 1911 г., в Красном селе, генерал Дюбаиль мог уверить своих русских коллег, что само собой разумеется, «французская армия может сконцентрироваться так же быстро, как и германская армия, и что на 12-й день она будет в состоянии начать наступление против Германии с помощью английской армии на своем левом фланге», т. е. на бельгийской границе[2].

АНГЛО-РУССКОЕ СОГЛАСИЕ 1907 г.

Англо-русское согласие, урегулировавшее давнишние источники трений между этими странами на Среднем Востоке, явилось вполне естественным дополнением к англо-французскому согласию. Вопрос о нем был предметом обсуждения между королем Эдуардом VII и Извольским во время русско-японской войны, причем мысль об этом «согласии» была сочувственно встречена Извольским и некоторыми русскими либералами, но не царем и не русскими реакционерами и милитаристами[3].

Хотя Извольский и занимал в то время сравнительно незначительный пост посланника в Копенгагене, однако он уже был полон честолюбивых расчетов на служебное продвижение и рассчитывал занять пост посла в одной из больших столиц Европы или же русского министра

---

1 Churchill, The World Crisis, стр. 53.

2 Протокол 7-й франко-русской военной конференции 31 августа 1911 г.; L. N. II. 421; Материалы по истории франко-русских отношений, стр. 698. Со времени конференции 1908 г. англо-французская связь стала настолько тесной, что французские офицеры убеждали русских пойти на мобилизацию военных сил, даже в случае германской мобилизации *против Англии*. Zaiontchkovski, Les Alliés contre la Russie (Paris 1926), стр. 20, 21.

3 The Memoirs of Alexander Isvolsky (Лондон 1920), стр. 20, 35, 81 и сл.; Ph. Crozier, L'Autriche et l'Avant Guerre в «Revue de France», 1 апреля 1921 г., стр. 275—277. По словам Витте (Georges Louis, Carnets, Paris 1926, II, 63 и сл.; Dillon, Eclipse of Russia, стр. 350—353; Witte, Memoirs, стр. 432—434), Эдуард VII послал Витте, в то время когда этот последний возвращался из Портсмута в сентябре 1905 г., проект англо-русского соглашения. Этот проект мог послужить основанием для письма «Ники» к «Вилли» 10/23 ноября 1905 г. (G. P., XIX, 523). «Англия усиленно старается обкрутить нас в вопросе о соглашении об азиатских границах и это непосредственно после возобновления англо-японского союза! Я не имею ни малейшего желания начинать с ней переговоры, и все это прекратится само собой». Sidney Lee, King Edward, VII, II, 308 и сл. упоминает только о приглашении королем Эдуардом VII Витте посетить Лондон, но ничего не говорит о проекте англо-русского соглашения. О том, как король Эдуард настойчиво убеждал Извольского в необходимости создания англо-русского согласия во время одной беседы в Копенгагене в апреле 1904 г., см. там же, II, 284 и сл.

иностранных дел. Он был, естественно, польщен тем, что именно через него король Эдуард сделал свое столь многообещающее предложение. Он видел, что Россия вышла крайне ослабленной из войны с Японией (которую, по его словам, он старался предотвратить), и что франко-русский союз по сравнению с Тройственным союзом потерял в своем удельном весе. И Россия и франко-русская комбинация нуждались в подкреплении, которое могло быть получено в результате установления более тесных отношений с величайшей в мире морской державой.

Извольский считал, что для России существовали две серьезных опасности: одной из них была возможность новых осложнений с Японией, которая выдвинула в Портсмуте унизительные для России требования и которую подозревали в подготовке новой войны на Дальнем Востоке[1]. Россия нуждалась в мире на долгий ряд лет для того, чтобы справиться от последствий войны, и единственным способом достичь этого было добиться уверенности в том, что Япония будет держать себя спокойно. Лучшим средством для достижения этой цели было соглашение с Японией, о фактическом разграничении сфер влияния в Манчжурии посредством тайного договора, хотя открыто оба государства и приняли на себя обязательство соблюдать там принцип «открытых дверей». Естественным мостом между Россией и Японией была Англия, являвшаяся союзницей Японии, начиная с 1902 г. Сближение с Англией облегчило бы искреннее примирение с Японией, усилило бы положение России как союзника Франции и создало бы новый и более прочный базис для все же ослабленного франко-русского союза.

Другой опасностью для России были те осложнения, которые могли возникнуть между Россией и Англией в результате давнишних столкновений интересов на Ближнем и Среднем Востоке. Крымская война, напряженное положение, существовавшее в то время, когда британский флот угрожал Дарданеллам в 1878 г., инцидент на афганской границе, который чуть не привел к войне между обоими государствами в 1885 г.,— были еще у всех в памяти. Недавний инцидент у Доггер-Банка и другие инциденты во время русско-японской войны возбудили общественное мнение в обеих странах. Но конфликт с Англией бросил бы Россию в объятия Германии, а это поставило бы под угрозу франко-русский союз, являвшийся краеугольным камнем русской политики, несмотря на все разочарования, которые испытали оба союзника. С другой стороны, если бы Россия могла избавиться от соперничества и ссор с Великобританией, это чрезвычайно укрепило бы ее международное положение. Это позволило бы ей вернуться к активной политике на Балканах, после того как она потерпела такую неудачу на Дальнем Востоке. Франция тоже приветствовала бы улучшение отношений между своим союзником и своим новым другом. Англо-русское согласие и примирение с Японией могло бы привести к образованию четверной комбинации, которая не уступала бы по силе Тройственному союзу и была бы в состоянии помешать замыслам Австрии на Балканах и Германии в Турции. Этим определилась та программа, которую решил проводить Извольский, после того как он занял пост российского министра иностранных дел в мае 1906 г.

---

[1] G. P., XXV, 25, 28, 53 и сл., 233.

Король Эдуард и сэр Эдуард Грей также были склонны к соглашению с Россией. Первый марокканский кризис и рост германского флота возбудили у них подозрение относительно намерений Германии и желание устранить опасность вражды с Россией в случае возможных осложнений с Германией. Сэр Чарльз Гардинг был также горячим сторонником сближения с Россией. Он был британским послом в Петербурге начиная с 1904 г., но был отозван в конце 1905 г. и назначен товарищем министра вместо сэра Томаса Сандерсона. Он постарался разъяснить в Петербурге и в Лондоне, что его назначение на эту должность предоставит ему возможность и в дальнейшем работать для установления более тесных отношений между Англией и Россией[1]. С этих пор он стал сильно влиять на сэра Эдуарда Грея в благоприятном для России направлении с целью создания группы государств, которая позднее стала известной под именем Тройственного согласия. В этой работе ему помогал сэр Артур Никольсон, сменивший его в Петербурге[2].

Через несколько месяцев после того как Извольский принял руководство министерством иностранных дел, англо-русские переговоры развивались уже вполне благоприятно. Проезжая через Берлин 29 октября 1906 г., Извольский заявил, что вследствие опасений агрессивных намерений со стороны Японии он был принужден стремиться к соглашению с Англией относительно Тибета, Афганистана и Персии[3]. Грей и Никольсон выработали проект предложений по этим вопросам[4]. Эти предложения предусматривали разделение Персии на сферы влияний. Сначала эта мысль не встретила одобрения в Петербурге. Русские империалисты требовали, чтобы Персия попала целиком в сферу русского влияния, чтобы Россия могла построить Трансперсидскую ж. д. и пробиться к Персидскому заливу. Но Извольский считал, что осуществить такую агрессивную политику невозможно, что она приведет к конфликту с Англией. Поэтому было одобрено предложение Англии о разделе Персии на английскую и русскую сферы влияния[5]. В марте 1907 г. состоялся визит русского флота в Портсмут, предвещавший англо-русское соглашение. По приглашению короля Эдуарда депутация русских офицеров и матросов посетила Лондон, где в качестве гостей она была принята в адмиралтействе и в честь ее был устроен торжественный спектакль. Вечером после банкета состоялось специально устроенное для делегации торжественное представление в Альгамбре, на котором присутствовали первый лорд адмиралтейства сэр Джон Фишер и сэр Эдуард Грей. «Безусловно никогда прежде не случалось,—писал по этому поводу германский посол,—чтобы министр иностранных дел явился в театр-варьете для того, чтобы приветствовать иностранных гостей»[6].

Но подобно тому, как во время франко-русских переговоров двумя десятилетиями раньше разница в политических идеалах на берегах Сены и Невы заставляла откладывать соглашение, так и теперь, различия,

---

[1] G. P. XXV, 3, 10.
[2] Grey, I, 155 и сл.
[3] G. P., XX, 39 и сл.; XXV, 333.
[4] Грей—Никольсону, 6 ноября 1906 г.; Grey, I, 156.
[5] Русский совет министров от 1—14 февраля 1907 г.; Siebert-Schreiner, стр. 474.
[6] Меттерних—Чиршки, 28 марта 1907 г.; G. P., XXV, 32.

существовавшие между английским либерализмом и русским самодержавием, препятствовали заключению соглашения. Русские реакционеры и милитаристы и сам царь сначала были противниками сближения с Англией.

Впоследствии Извольский сказал сэру Эдуарду Грею, что его проведение стоило ему больших трудов[1]. Равным образом в Англии критика либеральной прессой русских погромов, тиранического характера царского абсолютизма, роспуск думы и трения, возникшие в связи с фразой сэра Генри Кемпбелл-Баннермана: «дума умерла,—да здравствует дума!», не облегчали задачи Грея, Гардинга и Никольсона[2]. Тем не менее, скорее благодаря рвению и настойчивости британского министерства иностранных дел, чем русского, мост между Англией и Россией был в конце концов переброшен[3].

Другой причиной отсрочки было желание англичан, чтобы Россия на удовлетворительных условиях помирилась с Японией. Грей считал важным, чтобы русско-японские и англо-русские переговоры происходили параллельно и были бы закончены приблизительно одновременно[4].

Фактически вышло так, что соглашение России с Японией было в окончательной форме подписано 30 июля 1907 г., на месяц раньше соглашения с Англией. Оно включало в себя заявление о взаимном обязательстве уважать территориальное status quo и обоюдные права на Дальнем Востоке, признание независимости и территориальной неделимости Китая и принципа «открытых дверей»[5]. Эти постановления были сообщены Германии, но очевидно существовали дополнительные секретные статьи, так как тайный русско-японский договор 1910 г. говорит о разграничении интересов в Манчжурии, «как это было определено в дополнительной статье к секретному договору 1907 г.»[6]. И действительно к удивлению и разочарованию всех, рассчитывавших в результате русско-японского соперничества видеть в Манчжурии сохраненным принцип «свободных дверей», вскоре обнаружил, что два государства, которые так недавно ожесточенно боролись друг с другом, сочли возможным осуществлять совместно эксплоатацию Манчжурии, совершенно исключая участие всякого третьего государства. Различными тайными путями, фактическим пренебрежением провозглашенного ими в открытых выступлениях принципа равных экономических возможностей для всех, оба эти государства по существу разделили Манчжурию между собой[7]. Русско-японскому договору от 30 июля 1907 г. предшество-

---

[1] Grey, I, 177; ср. также Грей—Никольсону, 6 ноября 1906 г. (Grey, I, 156) «Конечно я знаю, что Извольский испытывает большие затруднения с военной партией»; и G. P., XXV, 40.

[2] Ibid.; G. P., XXV, 21.

[3] Таково во всяком случае было впечатление германских наблюдателей; ср. G. P., XXV, 5, 21, 27, 54, 67.

[4] Грей—Никольсону, 1 апреля 1907 г.; Grey, I, 158.

[5] См. текст в A. M. Pooley, The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi (London 1915), стр. 224—238, 227—228; ср. также G. P., XXII, 67 и XXV, 53—64.

[6] Siebert-Schreiner, стр. 17.

[7] Ibid., стр. 8—43; G. P., XXXII, passim; T. F. Millard, America and the Far Eastern Question (N. Y. 1910), XV—XX; S. K. Hornbeck, Contemporary Politics in the Far East (N. Y. 1916), XV; O. Franke, Die Grossmächte in Ostasien, Hamburg 1923, стр. 308—343; Tyler Dennett, Amiricans in Eastern Asia (N. Y. 1922).

вало соглашение[1], регулировавшее торговые вопросы и вопросы рыболовства, возникшие между обоими государствами в силу Портсмутского договора, и кроме того договор между Японией и Францией, гарантировавший взаимные интересы этих государств на Дальнем Востоке[2]. Эти договоры Японии с Россией и Францией и союз Японии с Англией, возобновленный в 1905 г., образовали базу для дружественного сотрудничества на Дальнем Востоке трех западных государств, сотрудничество, которое вскоре превратилось в так называемое Тройственное согласие. Германия в дипломатическом отношении чувствовала себя изолированной. Она делала кое-какие попытки склонить президента Рузвельта к образованию германо-американской Антанты для охраны Китая и их взаимных интересов на Дальнем Востоке. Но эти попытки не увенчались успехом[3].

Наконец 31 августа 1907 г. было подписано англо-русское соглашение, касающееся Среднего Востока—Тибета, Афганистана и Персии[4]. Обе договаривающиеся стороны признали территориальную независимость Тибета под суверенитетом Китая и согласились не вмешиваться во внутренние дела страны и не делать попыток к получению в ней специальных концессий. Страна лам должна была остаться барьером между русским медведем и британским львом в Индии.

Что касается Афганистана, то в обмен на обещание англичан не занимать или не аннексировать эту страну, поскольку эмир выполняет свои обязательства, Россия заявила, что эта страна не находится в сфере ее влияния; она отозвала своих дипломатических агентов из Герата и выразила согласие вести переговоры с эмиром только через посредство англичан. С этих пор Афганистан перестал быть полем для русских интриг против Индии, к удовольствию англичан, избавившихся от грозного призрака, который тревожил их в течение целого века.

Персия явилась наиболее важным объектом соглашения. Хотя во вступительной части соглашения торжественно заявлялось, что обе великие державы взаимно обязуются уважать «целостность» и «независимость» Персии, соглашение предусматривало разделение Персии на три полосы: северная и наиболее обширная часть, граничащая с Россией и обнимающая наиболее богатые и наиболее населенные части Персии, являлась сферой русского влияния, в которой Великобритания ни для себя, ни для третьего государства не должна была стараться получить какие-либо концессии политического или экономического характера.

Южная часть, представляющая собою, главным образом пустыню, но по которой проходят дороги, ведущие в Индию, соответственно была признана сферой британского влияния, в которой Россия не должна была стремиться получить концессии. Между этими обеими частями лежала центральная нейтральная область, включавшая северную часть Персидского залива, в которой каждая из договаривающихся сторон могла добиваться каких-либо концессий только по соглашению с другой стороной. По всем этим вопросам с шахом вовсе не посоветовались. В «Punch» была помещена карикатура, довольно удачно передающая

[1] 28 июля 1907 г.; ср. Pooley, loc. cit., p. 229 и сл.
[2] 10 июля 1907 г.; ibid., стр. 212—223, 325—326 и G. P., XXV, 53 и сл., 67 и сл.
[3] G. P., XXV, 67—99.
[4] Текст см. в «British Foreign and State Papers», v. 100, стр. 555 и сл.

сущность этого соглашения: британский лев и русский медведь изображены раздирающими между собой несчастную персидскую кошку; лев говорит медведю: «слушай-ка, ты можешь получить ее голову, а я хвост, а мы оба можем кое-что вырезать для себя и из спины», а бедная кошка в это время стонет: «я не помню, чтобы было спрошено мое мнение об этом деле»[1].

В своих мемуарах виконт Грей утверждает—впрочем не убедительно,—что Англия получила большую выгоду от этой сделки: «то, что мы получили, представляло собой действительную ценность,—то же, что получила Россия, было лишь кажущейся ценностью»[2]. Фактически дело обстояло как раз наоборот. Хотя Англия в результате этой сделки успокоилась за индийские границы, она все же много потеряла. Она утратила независимость своих действий в Персии. До тех пор она могла совершенно свободно протестовать и возражать против вторжения русского империализма, который полным ходом продвигался к югу через беззащитную Персию. Теперь Англия превратилась в сообщника в деле разрушения финансовой и политической независимости империи шаха. Сам Эдуард Грей скоро оказался втянутым в орбиту русской агрессии и интриг, причинивших ему чрезвычайные неприятности, как он признался в ответе на запрос в палате общин. Он часто протестовал против активности русских агентов в Персии. Он даже намекал, что подаст в отставку. Он говорит, что Персия подвергала его терпение большему испытанию, чем все другие вопросы[3]. Российская бессовестная и двурушническая политика на Среднем Востоке продолжала оставаться постоянным источником его огорчений почти до момента начала мировой войны. Одной из причин посещения Петербурга президентом Пуанкаре в июле 1914 г. было желание сгладить этот диссонанс во внутренней гармонии Тройственного согласия[4]. Но Грей не мог добиться того, чтобы его протесты привели к каким-либо результатам, так как его недоверие к Германии не позволяло ему занять твердую позицию по отношению к России. Он не мог также отказаться от соглашения 1907 г. из опасения поставить этим шагом под угрозу прочность Тройственного согласия. Русские это прекрасно учитывали и пользовались этим. Сазонов изложил это положение вещей в нескольких словах в одном своем знаменательном письме к русскому посланнику в Тегеране:

«Лондонский кабинет рассматривает англо-русскую конвенцию 1907 г. как чрезвычайно важную для защиты азиатских интересов Англии. Но эта конвенция имеет для Англии еще большее значение с точки зрения той политики, которую Англия ведет в Европе... Англия, преследующая в Европе политические цели, являющиеся для нее жизненно необходимыми, согласится в случае необходимости пожертвовать некоторыми из своих интересов в Азии, для того чтобы сохранить в силе конвенцию, имеющую для нее такое важное зна-

[1] «The Harmless Necessary Cat», «Punch», CXXXIII, 245, 2 октября 1907.
[2] Grey, I, 155.
[3] Ibid., 164; ср. Siebert-Schreiner, стр. 550 (раздражение Грея и разговоры об отставке имели своей причиной «Потсдамское соглашение» России 1911—1912 гг.) и стр. 615 (тут раздражение Грея было вызвано действиями России в Персии).
[4] Poincaré, Les origines de la guerre, 201-я сл.; ср. K. D. 52.

чение. Это обстоятельство мы, конечно, можем обратить в нашу пользу, например, в персидских делах»[1].

Хотя англо-русская конвенция была целиком опубликована, хотя она не заключала в себе каких-либо обязательств военной или дипломатической поддержки и не сразу привела к тесному дипломатическому сотрудничеству, но она все же замкнула круг более тесного политического сотрудничества между Россией, Францией и Англией. Пресса этих стран начала говорить о новом «Тройственном согласии».

[1] 8 октября 1910 г.; Siebert-Schreiner, p. 99. Печальную и позорную историю о том, как Россия это сделала, можно найти у Зиберт-Шрейнера, стр. 49—141 и в увлекательном рассказе финансового советника Америки, который пытался, но безуспешно, освободить «персидскую кошку» из мертвой хватки «русского медведя»: W. Morgan Shuster, The Strangling of Persia (N. Y. 1913).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СИСТЕМА ТАЙНЫХ СОЮЗОВ (1907—1914 гг.) ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ И ТРОЙСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ КАК ПРОТИВНИКИ

В промежуток времени между 1907 и 1914 гг. произошла значительная кристаллизация в противоположении тех двух групп, на которые в это время разделились 6 великих европейских держав. В течение первых четырех лет этот процесс шел медленно, но в связи с оккупацией Феца Францией, угрозой в Агадире, захватом Италией Триполи, в связи с англо-германским морским соперничеством, неудачей миссии Холдена и балканскими войнами, он стал развиваться более быстрым темпом. Результаты его сказались в Марокко, Месопотамии, на Балканах и на многих других делах, начиная с европейских вооружений и кончая китайскими займами.

На Балканах этот процесс был настолько глубоко и тесно связан с непосредственными причинами мировой войны, что отдельная глава о «балканских проблемах», следующая за настоящей главой, будет посвящена развитию этого процесса в этой беспокойной части Европы. В задачи автора не входит дать в пределах настоящей книги полный отчет об этой кристаллизации противоречий во всех ее сложных и спорных фазах. К счастью, эта работа прекрасно была проделана другими авторами [1]. Поэтому автор здесь не делает попыток дать детальный рассказ об этой эпохе. Его целью скорее является указать, в свете новых германских документов, мемуаров Пуанкаре и других недавно опубликованных материалов, на наиболее важные факторы, ускорившие кристаллизацию этих противоречий и придавшие им тот роковой оборот, который привел к 1914 г.

Эти противоречия между Тройственным союзом и Тройственным согласием сопровождались и усугублялись следующими четырьмя моментами:

1. Обе системы союзов постепенно теряли свой первоначальный оборонительный характер. Они развивали политику, ведущую за собою активные военные действия. Так, например, Германия считала нужным поддержать Австрию, если союзница вступит в войну с Россией в результате своих усилий предохранить себя от опасности «великой Сербии»,

[1] Bernadotte E. Schmitt, Triple Alliance and Triple Entente, 1902—1914, in «Amer. Hist. Rev.», XXIX, 449—473; G. P. Gooch, History of Modern Europe 1878—1918 (N. Y. 1923), XI—XXI; E. Brandenburg, Von Bismark, zum Weltkriege (Berlin 1924), XI—XVII; G. L. Dickinson, The international Anarchy, 1904—1914 (London 1926) и многие другие. Кроме того есть сведения, что проф. Бизли (C. R. Beazley) также работает над капитальным трудом по вопросу о дипломатическом положении перед войной.

что вряд ли допустил бы Бисмарк. Совершенно таким же образом Франция при Пуанкаре считала, что она должна поддержать Россию, если ее союзница вступит в войну с Австрией и Германией в результате своих усилий охранить свои интересы на Балканах, что вряд ли допустили бы предшественники Пуанкаре.

2. Германия пыталась укрепить Тройственный союз и равным образом Пуанкаре пытался укрепить и сплотить Тройственное согласие, но Пуанкаре добился гораздо большего успеха в этом отношении, чем Германия. Тройственный союз, несмотря на возобновление договора в 1907 и 1912 гг., сравнительно ослабел. Он был ослаблен в результате внутреннего брожения в Австрии и осложнений на Балканах, а также вследствие глубокого недоверия между Австрией и Италией и итальянского «святого эгоизма», который часто заставлял Италию выступать против своих союзников, особенно против Австрии, в дипломатических вопросах и заставлял союзников сомневаться, будет ли Италия лояльна в случае войны. Тройственное согласие, наоборот, сравнительно усилилось, так как члены его не имели друг с другом каких-либо острых столкновений интересов, как это было между Австрией и Италией, и так как Англия, Франция и Россия могли заключать все более и более тесные соглашения о военном и морском сотрудничестве.

3. Хотя Тройственный союз и Тройственное согласие—и в особенности это последнее—сплотились и усилились, тем не менее оставалось много причин для трений, недоверия и подозрения внутри каждой из этих дипломатических группировок. Этих трений было гораздо больше, чем это привыкли думать. Ближайшая глава о «балканских проблемах» покажет всю справедливость этого утверждения. Внутри Тройственного союза вовсе не было той гармонии и взаимного доверия, как это утверждали исследователи несколько лет тому назад,—не было такой гармонии и доверия и внутри Тройственного согласия, как это совсем недавно утверждали авторы—«ревизионисты»[1].

«Сверхпрограммный тур вальса», проделанный Италией с Францией после 1902 г. и с Россией после Ракониджи в 1909 г., являлся наиболее показательным примером внутренней ненадежности этих дипломатических группировок и продолжал оставаться источником неуверенности и тревоги у обеих сторон. Но случай с Италией был только примером того разлада, которого Тройственное согласие опасалось в своей собственной среде. Так, например, Франция была очень недовольна, когда Англия вступила в конфиденциальные переговоры с Германией в связи с миссией Холдена или с постройкой Багдадской ж. д. Франция была равным образом недовольна, когда Россия заключила с Германией Потсдамское соглашение 1910—1911 гг., или, казалось, готовилась предпринять дипломатические шаги на Балканах без предварительного уведомления об этом своей союзницы Франции, как это случалось неоднократно.

Эдуард Грей опасался, что «согласие» с Россией по средневосточным вопросам может рухнуть, если он не окажет дипломатической поддержки Сазонову, которой этот последний просил в критические

---

[1] Сторонники пересмотра Версальского договора. —*Прим. ред.*

моменты, как это было в деле Лимана фон Сандерса и в июле 1914 г. Когда Грей заключал дружественное соглашение с Германией по вопросу о Багдадской ж. д. и о португальских колониях, он думал, что будет благоразумно в противовес этим действиям удовлетворить желание его обоих друзей по Тройственному согласию вступлением в переговоры об англо-русской морской конвенции. Германия также часто попадала в затруднительное положение вследствие «неосмотрительности», которую Австрия проявляла на Балканах вопреки указаниям Германии или без одобрения этой последней.

Поэтому мы видим, что внутри каждой группы постоянно делались усилия для того, чтобы ослабить возникающие трения и подозрительность и увеличить гармонию, солидарность и нерушимость каждой данной группы.

Это достигалось путем определенных уступок эгоистическим целям или специальным интересам каждого члена группы или таким путем, что союзнику предоставлялась свобода действий и гарантировалось полное осуществление всех обязательств, вытекающих из договора, даже в таких делах, которые легко могли привести к европейской войне. Поощрения и уступчивость по отношению к России со стороны Пуанкаре, а со стороны Германии по отношению к Австрии следует объяснить скорее желанием сохранить единство группы, чем желанием войны ради получения обратно Эльзас-Лотарингии в первом случае или ради того, чтобы получить положение гегемона в Европе—во втором. Но результатом этого было поощрение России и Австрии на скользком пути их политики на Балканах, пути, который фактически привел их к краю зияющей бездны в 1914 г.

4. В обеих группировках государств наблюдался в это время быстрый рост военных и морских вооружений. Это обстоятельство увеличивало все растущую подозрительность, опасения и взаимные обвинения на страницах прессы в обоих враждующих лагерях. Это в свою очередь вело к еще большему увеличению вооружений; таким образом создавался заколдованный круг все растущих и растущих военных приготовлений, взаимных опасений и подозрений. В 1907 г., прежде чем эти противоречия окончательно сформировались, Тройственный союз и Тройственное согласие, по удачному выражению проф. Шмитта, «стояли рядом один возле другого; в 1914 г. они стояли друг против друга».

ГЕРМАНСКИЙ СТРАХ «ОКРУЖЕНИЯ» ПОСЛЕ 1907 г.

Вначале Германия делала вид, что она спокойно приняла англо-русскую конвенцию 1907 г. Еще до заключения этой конвенции граф Бюлов в речи, произнесенной им в рейхстаге 30 апреля 1907 г., ссылался на эти переговоры в тоне спокойного оптимизма. Позднее, когда англо-русская конвенция была опубликована, он дал указания германской прессе быть умеренной в ее комментариях, придерживаться делового тона и оценивать конвенцию как акт, за который она выдавалась,— т. е. как урегулирование англо-русских разногласий, но ни в коем случае не как комбинацию, враждебную германским интересам.

Но в действительности Германия чувствовала себя весьма неспокойной. Она опасалась, что постановления конвенции, касающиеся Тибета, Афга-

нистана и Персии, не были самоцелью, а были лишь средством для достижения другой цели—для создания Англией, Францией и Россией определенной дипломатической комбинации. Такое Тройственное согласие превосходило бы Тройственный союз по своей дипломатической мощности, так как Италия вследствие своей ненависти и зависти к Австрии на Балканах и вследствие своего желания поддерживать хорошие отношения с Францией и Англией скорее примкнула бы к этим последним, чем итти со своими союзниками, как она это и сделала в Алжезирасе.

Это Тройственное согласие превосходило бы Тройственный союз также в отношении экономических ресурсов и по военной и морской мощи. Оно могло бы поэтому помешать сооружению Германией Багдадской ж. д., препятствовать ее промышленности и торговле и вредить колониальным стремлениям Германии там, где они оказывались в противоречии с интересами держав согласия. Кроме того в тех вопросах, в которых больше всего накопилось горючего материала, как например в вопросах Эльзас-Лотарингии, Марокко, Среднего Востока а также о морском соперничестве, та или иная из держав, входивших в Тройственное согласие, находилась в прямом противоречии с германскими интересами. Балканы также представляли собой весьма легко воспламеняющийся материал. Если примирение России с Англией оказалось бы (как это и было на самом деле) первым шагом России на пути оживления ею своей прежней агрессивной политики на Балканах и восстановления на Ближнем Востоке престижа, утраченного ею на Дальнем Востоке, то союзница Франции почти неизбежно должна была бы столкнуться с Германией. Если бы кризис возник в связи с одним из этих вопросов, то Германия, поддержанная Австрией и, возможно, Италией, очутилась бы лицом к лицу с Тройственным согласием, превосходящим ее силами. Германия должна была бы подчиниться или вступить в борьбу. Ни то, ни другое в то время не представлялось для Германии сколько-нибудь привлекательным.

Таковы были соображения, которые владели умами в Германии и создавали нервную, нездоровую атмосферу, окончательно вылившуюся в убеждение, что Германию «окружают» враждебным кольцом. Хотя Россия и Англия горячо протестовали и доказывали, что англо-русская конвенция ни в какой степени не была направлена против Германии и не преследовала никаких скрытых целей, слова их не убеждали Берлин, а позиция, занятая этими двумя государствами по отношению к Багдадской ж. д., казалось, указывала на их общее решение препятствовать осуществлению одного из самых важных для Германии проектов.

В 1902 г. Германия добилась у Турции получения концессии на постройку Багдадской ж. д. Эта железная дорога должна была продлить ж.-д. линию от восточной оконечности Анатолийской ж. д. у Конии, находившейся уже в германских руках, далее, на Багдад, к Персидскому заливу. В следующем году германский банк заключил соглашение с оттоманским банком о финансировании постройки этой ж. д. Германия желала и добивалась участия иностранного капитала в этом дорого стоящем предприятии. Но вместо сотрудничества она вскоре же встретила оппозицию со стороны России, Франции и Англии[1].

[1] Ср. G. P., XVII, 371—517; XXV, 177—280 и прекрасное изложение вопроса у E. M. Earle, Turkey, the Great Powers and the Bagdad Railway (N. Y. 1923).

Россия в силу различных политических, экономических и стратегических причин с самого начала относилась отрицательно ко всему этому германскому проекту. Кроме того, так как в России не было свободных капиталов для помещения, для нее не возникал вопрос о финансовом участии в этом строительстве. Ее политика была направлена к тому, чтобы препятствовать осуществлению плана, против которого она могла выдвинуть много возражений и принять участие в котором она была не в состоянии.

Во Франции большинство банкиров отнеслось благоприятно к мысли об участии в постройке этой железной дороги как потому, что они уже вложили большие капиталы в Турции, так и потому, что они рассматривали это просто как хорошее деловое предложение. Правительство, вначале относившееся благосклонно к этой мысли, позднее начало колебаться и в конце концов заявило о своем отрицательном отношении к помещению французских капиталов в германское предприятие. Делькассе был даже готов не допустить акции Багдадской ж. д. к котировке на Парижской бирже [1]. Занятая французским правительством враждебная позиция отчасти объяснялась энергичными представлениями, сделанными французскими промышленниками, клерикалами и политическими деятелями, а отчасти, если верить г. Извольскому, желанием Франции поддержать политику своей союзницы России [2].

В Англии Бальфур и лорд Ленсдоун сначала, 7 апреля 1903 г., заявили, что британское правительство одобрило переговоры банкиров, направленные к участию британского капитала в сооружении Багдадской ж. д. Но тут сразу же против такой благосклонной позиции правительства поднялся большой шум и в британской прессе и в парламенте; говорилось, что постройка этой железной дороги нанесет ущерб британским интересам в Месопотамии и в Персидском заливе, что она увеличит влияние Германии в Турции за счет Великобритании и приведет немцев к самым границам Индии, что участие Великобритании в этом деле возбудит подозрения в России и что, во всяком случае, Великобритания может участвовать в этом деле только на равных основаниях и в равной доле с Германией. Вследствие этого Бальфур был принужден заявить в палате общин 23 апреля, что он берет обратно одобрение, данное им 7 апреля [3].

С этого времени англичане со своей стороны также стали препятствовать различными скрытыми путями постройке железной дороги. Они долгое время отказывались согласиться на повышение Турцией тарифа с 8 до 11%. Основанием для этого с их стороны было то соображение, что тяжесть этого повышения падает главным образом на них, так как в торговле с Турцией они имели наибольшую долю участия. Но практическим результатом этого было то, что для турецкого правительства создались большие затруднения в предоставлении километрической га-

IV—VIII с библиографическими примечаниями. Эти примечания в настоящее время несколько дополнены в B. D., II, 174—196.

[1] G. P., XXV, 195; Earle, 147 и сл.

[2] Ibid., 231. Предполагали также, что изменение Великобританией своей благоприятной позиции произошло под влиянием России: G. P., XVII, 443.

[3] Parliamentary Debates, House of Commons (1903), CXX, 1247—1248, 1358, 1361, 1354—1357, 1371—1374; CXXI, 271 и сл.; G. P., XVII, 431 и сл.; Earle, 176 и сл.

рантии и гарантии дохода, которых требовал договор о Багдадской ж. д. и которые были необходимы для ее постройки.

Вопреки этой политике противодействия и отказа от участия со стороны трех держав согласия, германцы быстро осуществили постройку первого участка от Конии до Эрегли, протяжением в 200 *км*. Немного больше чем через год, 25 октября 1904 г., в день рождения султана, они сумели открыть движение по этому первому участку с торжественными церемониями и вполне заслуженно могли поздравить себя с этим успехом. Но в дальнейшем постройка дороги внезапно остановилась и замерла посреди неоконченного участка.

Следующий участок в 200 *км*, направляющийся к Таврским горам, представлял большие трудности для прокладки дороги и требовал значительного повышения стоимости постройки. Турецкое правительство не могло выпустить дополнительного займа, чтобы гарантировать постройку этого участка, не прибегая к повышению таможенных пошлин. Но этого повышения Турция при всем своем желании не могла провести, так как в силу существующих договоров она не могла этого сделать без согласия великих держав; Россия, Франция и Англия долгое время отказывались дать на это свое согласие[1]. Своим отказом они фактически тормозили дальнейшую постройку в течение ближайших пяти лет.

В течение 1905 г. и в последующем году германцы возобновили попытки обеспечения финансового участия и политического сотрудничества Франции и Великобритании в постройке Багдадской дороги. После падения Делькассе стали поговаривать о сделке с Рувье, согласно которой Германия отказывалась от своих притязаний в Марокко в обмен на поддержку Франции в постройке Багдадской ж. д. Но разговоры об этом не дали никаких результатов[2]. Летом 1906 г. некоторые члены нового либерального кабинета в Англии, в том числе Грей и Холден, повидимому, желали достигнуть соглашения с Германией по багдадскому вопросу. Но сэр Эдуард Грей, действуя в духе англо-французской Антанты, настаивал, что в случае участия Англии Франция также должна принять участие[3]. Английская пресса требовала также, чтобы или вся Багдадская ж. д. была интернационализирована, или же, чтобы Англии, если Германия будет контролировать дорогу до Багдада, был предоставлен контроль над участком дороги от Багдада и далее до Персидского залива[4]. Но для удовлетворения этих требований Англии стороны не сумели найти каких-либо практических возможностей. Равным образом длительные переговоры Германии с Извольским, имевшие целью подтвердить то, что Германия воздержится от активности в Персии в случае, если Россия откажется от противодействия постройке Багдадской ж. д., не дали каких-либо конкретных результатов[5].

---

[1] G. P., XXII, 329—400; Earle, стр. 95 и сл. Наконец в сентябре 1906 г. они дали свое согласие; оно вступило в силу в июле 1907 г., но было связано с многочисленными условиями, делавшими крайне затруднительным использование повышенных таможенных ставок для оплаты гарантийных платежей по постройке. Одним из этих условий было то, что три четверти сумм, полученных от повышения тарифа, должны были итти на реформы в Македонии.

[2] Ibid., XX, 356, 395 и сл., 431; XXV, 180 и сл., 194 и сл.; Earle, I, 169 и сл.

[3] Ibid., XXV, 226.

[4] Ibid., 240 и сл.

[5] Ibid., 103 — 175.

Спустя три месяца после подписания англо-русской конвенции 1907 г. кайзер посетил Виндзор и встретил там сердечный прием. Он воспользовался этим случаем для того, чтобы вновь поговорить о постройке Багдадской ж. д. с лордом Холденом и сэром Эдуардом Греем.

Он убедился, что первый из них в качестве военного министра хотел, чтобы Великобритания могла контролировать участок дороги от Багдада до Персидского залива как «ворота» для защиты Индии от возможности прибытия войск по этой новой железной дороге. Тогда кайзер заявил: «Я отдам вам эти ворота», и в этом духе телеграфировал Бюлову [1]. После этого между Виндзором, Лондоном и Берлином в течение нескольких часов происходил оживленный обмен мнений. Англичане «признали, что экономическое развитие в Месопотамии было проблемой, разрешению которой не следует сопротивляться», но они желали «чтобы кратчайшая дорога между Западом и Востоком не находилась под исключительным контролем чисто иностранной компании, которая была бы в состоянии серьезно влиять на торговые отношения между Англией и Индией, или санкционировать использование этой дороги в стратегических целях и во вред британским интересам»; англичане «не могут, однако, обсуждать этот вопрос «вдвоем», они могут его обсуждать только «вчетвером», так как различные интересы—стратегические, политические и экономические—в такой же степени затрагивают Францию и Россию» [2].

Настояния сэра Эдуарда Грея, чтобы Франция и Россия были привлечены к обсуждению этого вопроса наравне с Англией, создавали непреодолимое препятствие, мешавшее достигнуть какого-либо удовлетворительного соглашения по вопросу о предложении кайзера. Лорд Холден считал виновником этого германское министерство иностранных дел, которое, как он думал, не одобрило действий кайзера. В этом утверждении есть известная доля правды [3]. Но столь же верно рассматривать и настояния сэра Эдуарда Грея вести переговоры «вчетвером» как главную причину того, что предложение кайзера отдать Великобритании «ворота» осталось неисполненным. Германия возражала, что, поскольку Франция не имеет специальных интересов в Месопотамии и Персидском заливе и поскольку интересы России относятся, главным образом, к Персии, она может сепаратно договориться с этими обоими государствами. Если бы весь вопрос о Багдадской ж. д. был поставлен на обсуждение со всеми этими государствами, т. е. «вчетвером», то Германия неизбежно во время этих переговоров оказалась бы в меньшинстве. Поэтому нельзя было ожидать, что Германия пойдет на такого рода переговоры, поскольку они для нее были невыгодны и поскольку она имела против себя единый фронт в лице трех других государств [4]. Настойчивость, которую сэр Эдуард Грей проявил в конце 1907 г. в деле о постройке Багдадской ж. д. относительно солидарных действий Англии, Франции и России, указывала на то, что в дальнейшем Тройственное согласие будет также выступать солидарно. Это положило

---

[1] G. P., XXV, 261 и сл.; Haldane, Before the War, 48 и сл.

[2] Запись беседы между Греем и Холденом 14 ноября 1907 г., сообщенная этим последним кайзеру; G. P., XXV, 263.

[3] Ср. Бюлов—Шену, 14 ноября 1907 г.; G. P., XXV, 261.

[4] G. P., XXIV, 77, 83; XXV, 264 и сл.

конец всяким сколько-нибудь серьезным разговорам о багдадском вопросе до тех пор, пока Россия не откололась от своих друзей, заключив Потсдамское соглашение 1910—1911 гг.

АНГЛО-ГЕРМАНСКОЕ МОРСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО (1904—1908 гг.)

Немецкие подозрения о том, что Англия имеет в виду ограничить свободу действий Германии, начались также в связи со второй Гаагской мирной конференцией и в связи с морскими переговорами, возникшими в начале периода постройки дредноутов и вызванного этим соперничества. Английский флот стараниями сэра Джона Фишера был уже реорганизован и усилен, в то время как германский флот только что начал укреплять свою мощь.

Сделанное Англией предложение обсудить вопрос об ограничении вооружения сильно смахивало на план прекращения роста морских сил Германии как раз в тот момент, когда Англия имела на своей стороне значительное морское превосходство. Германия, имея за собой Австрию, ослабленную внутренними затруднениями, и Италию, на которую с трудом можно было положиться, не могла пойти на сокращение сухопутной армии. Если бы Россия окрепла после войны с Японией и если бы ее активная политика на Балканах оживилась, то это поставило бы Германию лицом к лицу с опасностью войны на двух фронтах.

Поэтому Германия настаивала на том, чтобы вопрос об ограничении вооружений не был включен в программу Гаагской конференции. Впрочем, когда тем не менее этот вопрос был выдвинут во время конференции Англией и Соединенными штатами, то оппозиция Германии была молчаливо, но несомненно полностью поддержана Францией и Россией. Однако оба эти государства предоставили честь голосования против этой резолюции германским делегатам, переложив на них, таким образом, всю ответственность за провал предложений об ограничении вооружений.

Несомненно, Германия сделала тогда большую ошибку. Хотя вопрос об ограничении вооружений и является одной из труднейших проблем, как это с полной очевидностью показали бесплодные усилия Лиги наций и неудача конференции президента Кулиджа, однако не исключена возможность, что если бы Германия заняла в 1907 г. иную позицию, то и другие европейские державы последовали бы за ней, и таким образом мог бы быть приостановлен роковой рост соперничества в вооружениях на суше и на море. Во всяком случае на Германии тогда не лежало бы клеймо большей, чем у других стран, ответственности за то, что она отвергла усилия, имевшие целью ослабить все растущую опасность, явившуюся одной из главных причин мировой войны [1].

По иронии судьбы случилось так, что во время Гаагской мировой конференции англо-германское морское соперничество достигло небывалой степени взаимного недоверия и ожесточения. Морскими законами 1898 и 1900 гг. адмирал фон Тирпиц и кайзер заложили основу для

[1] О второй Гаагской конференции см. G. P., XXIII, 99—397 и труды A. P. Higgings, F. W. Holls, J. B. Scott, A. H. Fried, O. Nippold, P. Zorn, L. Renault и E. Lemonon. Исследовательская комиссия рейхстага собиралась выпустить в свет весьма важный труд о влиянии Германии на второй Гаагской конференции.

постройки могучего германского флота. Мотивы их были многочисленны и разнообразны. Они хотели выразить величие новой Германии, создавая для нее флот, который соответствовал бы ее растущей торговле и колониальным интересам и мог бы оказать им защиту. Они хотели оградить себя от опасности блокады в отношении пищевых продуктов и сырья в случае войны. Но прежде всего они нуждались в таких морских силах, которые позволили бы им поддержать дипломатические аргументы Германии в борьбе за колониальные и торговые преимущества. Заметки кайзера на полях документов преисполнены той мысли, что другие страны, и в особенности Англия, весьма мало или вовсе не обращали внимания на законные желания Германии только потому, что Германия не была достаточно мощной, чтобы в случае надобности поддержать силой свои домогательства. Если бы Германия располагала флотом даже меньшим, чем флот Англии, то англичане охотнее пошли бы на уступки во время дипломатических переговоров, чем на риск морского конфликта. Это было основной мыслью Тирпица, когда он говорил о новом германском флоте как о «флоте риска». Он не думал о нападении на Англию в ближайшем будущем. Думать об этом было бы безумием еще в течение многих лет, но сильный германский флот мог бы заставить Англию итти на уступки в колониальных вопросах, чтобы не «рисковать» морским поединком. Поэтому для Германии не было необходимости строить флот, равный английскому, пропорция 2 : 3 или 10 : 16 была бы достаточной [1].

Но в действительности адмирал Тирпиц совершенно не представлял себе того психологического эффекта, который произвело на англичан и на политику Англии создание Германией «флота риска». Хотя сооружение флота Германией и побуждало англичан делать различные предложения об ограничении морского соперничества и вступать в различные дипломатические переговоры, но оно не устрашило Англию и не заставило ее итти на сколько-нибудь значительные уступки. Напротив, оно послужило скорее причиной создания атмосферы подозрения и антагонизма, которая, в общем, не была благоприятной для дружеских дипломатических соглашений, касавшихся постройки Багдадской ж. д. и других вопросов. Всякое увеличение германского флота вместо того чтобы вызывать у англичан страх и заставлять их итти на уступки, на самом деле укрепляло лишь их упорство и их решимость поддерживать британский флот на том уровне превосходства, который им казался необходимым для защиты жизненных интересов страны, безопасности и самого существования Британской империи.

Так, например, в 1904 г., когда англичане увидели перед собой новорожденный германский флот, так сказать, еще в состоянии младенчества, но уже подающий признаки могучего роста, они приступили к полной реконструкции и реорганизации британского флота. Они начали создавать в Северном море большой флот и готовить его для внезапных действий против Германии. Сэр Джон Фишер с характерной для него энергичной политикой «Ruthless, Relentless and Remorseless» (безжалостности, непреклонности и жестокости) [2] «вернул в Англию

[1] Ср. Tirpitz, Der Aufbau der deutschen Weltmacht, Berlin 1926, passim.
[2] Fisher, Memoires and Records, II, 135.

из разных мест около 160 судов, которые не могли ни оражаться, ни спастись от нападения»[1] и осуществил во флоте другие изменения революционного характера, так что, как он сам сказал, «мы будем на 30% лучше готовы к бою, и тогда мы будем готовы к предстоящей войне»[2].

В следующем году он заложил первый дредноут. Дредноуты должны были превосходить по силе все суда того времени и придать, таким образом, британскому флоту мощь, равной которой не было бы у других стран. Но введение во флот этого типа судов должно было более чем вдвое увеличить расходы на судостроение. Кроме того постройка дредноутов уменьшала относительное значение устаревших и меньших по размерам типов судов, которые до того времени определяли, главным образом, превосходство Англии на море. Все это позволило Тирпицу последовать примеру Англии, причем Тирпиц только немного отставал от Англии в сооружении судов этого нового типа, которых до сих пор не имела ни одна страна. Что же касается судов старых типов, то Германия в этом отношении безнадежно отстала от Англии. Если это выразить в цифрах, то получится следующая картина: в 1908 г. Англия заложила 12 дредноутов, а Германия—9 дредноутов, в то же время пропорция между Англией и Германией для судов старых типов была 63 : 26. Тирпиц думал, что Германия, в которой экипаж судов состоял из лиц, идущих во флот по набору, а не из служащих по вольному найму, и где стоимость постройки была сравнительно низка, могла выдержать дольше и легче Англии крайне тяжелое бремя расходов. Имея это двойное, как он считал, преимущество на стороне Германии, Тирпиц всегда скептически относился к искренности британских предложений о сокращении морского строительства и к мотивировке этих предложений. Он всегда сопротивлялся всяким сколько-нибудь серьезным попыткам ограничения своей судостроительной программы, ибо думал, что германский флот постепенно сумеет по силе приблизиться к британскому флоту, хотя и никогда не будет ему равным. Он хотел поскорее пройти через эту «опасную стадию» слабости германского флота, когда Англия одна могла бы напасть на Германию и уничтожить ее флот, начав превентивную (предупредительную) войну. Но он не считал этой опасности реальной, в особенности, если германская дипломатия будет избегать раздражать Англию в других областях. Если Германия в течение периода в 12 лет благополучно пройдет через эту «опасную стадию», то она будет обладать весьма внушительным «флотом риска». Германия может выдержать финансовое напряжение; Англия же à la longue не сумеет сделать этого. Таким образом, единственное, что должна была делать Германия—это итти по пути ускорения строительства своего флота.

Поэтому в 1906 г. (3-м законом о флоте) Тирпиц добился разрешения на постройку 6 новых линейных судов, а законом 1908 г. о снижении срока службы судов с 25 до 20 лет разрешил более раннюю замену старых изношенных судов новыми, причем эти новые суда должны были быть судами типа дредноутов и по размерам превосходить прежние суда. Этот закон 1908 г. установил, что при сооружении новых судов и замене

[1] Fischer, Memoires and Records, 65 и сл., 139 и сл.
[2] Ibid., 134.

старых судами типа дредноута между 1908 и 1911 гг. будет строиться по 4 дредноута ежегодно, а с 1912 по 1917 г.—по 2 ежегодно.

В то же время германская морская лига подняла большой шум в пользу создания могучего германского флота. Пресса по обеим сторонам Северного моря разжигала национальные страсти, а слухи о необдуманном письме кайзера к лорду Твидмаусу еще подлили масла в огонь. Все это вместе взятое создало в Англии в 1908 г. настроение военной тревоги и привело к дальнейшим бесплодным переговорам о каком-либо соглашении по морским вопросам [1].

Сэр Генри Кемпбелл-Баннерман, излагая в своей речи от 21 декабря 1905 г. платформу нового либерального правительства, жаловался на большие расходы, которых требуют вооружения: «Политика гигантских вооружений поддерживает, стимулирует и укрепляет веру в то, что сила является наилучшим, если не единственным способом разрешения международных споров. Это политика, стремящаяся вновь разжечь старые споры и создать новые... Мы хотим отдохнуть от бремени чрезвычайных налогов и в то же самое время мы нуждаемся в деньгах для наших внутренних домашних нужд, на которые так долго не обращали внимания из-за того, что плательщики налогов должны были давать деньги для военных целей. Как можно достигнуть этих желательных результатов, если в мирное время наши вооружения поддерживаются на уровне, необходимом для войны» [2]. В течение ближайших трех лет Англия сделала несколько предложений для сокращения морских бюджетов и для ослабления таким путем все растущих трений с Германией. Она предложила, чтобы этот вопрос обсуждался на Гаагской мирной конференции [3], чтобы сэр Джон Фишер встретился для переговоров с адмиралом Тирпицем, или чтобы была установлена взаимная инспекция судостроительных верфей и взаимная информация о морских программах [4]. Германии неофициально было дано понять, что если она чувствует себя неспокойной вследствие политики «страховки», которую проводит Англия, устанавливая более тесные отношения с Францией и Россией, то лучшим способом рассеять это беспокойство и восстановить былую сердечность англо-германских отношений была бы приостановка выполнения Германией ее морской программы и заключение

---

[1] По англо-германским морским вопросам в сношениях 1904—1908 гг. см. Fisher, I, гл. XII; II, гл. IX, X; Churchill, p. 19—41; Hurd and Castle, German Sea Power (N. Y. 1931); Schmitt, England and Germany, 1740, 1914 (Princeton, 1916), 173—187 и более детально об отношениях со стороны Германии: G. P., XIX, 351—380; XXIII; 27—53; XXIV, 3—210; Tirpitz, Der Aufbau der deutschen Weltmacht, 1—162; Bülow, Imperial Germany (Berlin 1913); Haller, Die Aera Bülow (Berlin 1922); Brandenburg, ch XI; Herzfeld, Der deutsche Flottenbau und die englische Politik в Archiv. f. Politik u. Geschichte, IV, 1926, 115—146 и адмирал Karl Galster, England, Deutsche Flotte und Weltkrieg (Kiel 1925).

[2] Лондонский «Times» 22 декабря 1905 г., ср. также Spender, Life of Sir Henry Campbell-Bannermann, II, 208, 327—332.

[3] G. P., XXIII, 25—253, passim; ср. также статью Кемпбелл-Баннермана, написанную в дружеском и примирительном тоне The Hague Conference and the Limitation of armaments в 1-м номере лондонского «Nation» 2 марта 1907 г., однако взгляды Кемпбелл-Баннермана подверглись суровой критике в парижском «Temps», от 4 марта; французы в сущности имели не более симпатий, чем немцы, к предложениям о разоружении.

[4] Ibid., 39 и сл., 52.

определенного соглашения об установлении известной пропорции между английским и германским флотом[1].

Но Англия так и не могла добиться от Германии удовлетворительного ответа ни на одно из этих своих предложений. Следует отметить, что поскольку эти предложения были сделаны после того как сэр Джон Фишер чрезвычайно усилил британский флот в Северном море и приступил к постройке дредноутов, эти предложения могли рассматриваться немцами как желание господствующей морской державы прекратить морское соревнование как раз в момент наибольшего ее превосходства. Поэтому могло казаться, что здесь осуществляется общий план этих трех держав, направленный на то, чтобы оказать давление на Германию. Предложения эти совпали кроме того с организацией лордом Холденом британского экспедиционного корпуса и с установлением более тесных дипломатических отношений Англии с Францией и Россией. Какая-либо уступчивость по отношению к такому давлению была неприемлема для Германии как несовместимая с достоинством великой державы. Князь Бюлов 25 июня 1908 г., после визита президента Фальера в Лондон и после знаменитой встречи короля Эдуарда с русским царем в Ревеле, писал частным образом Баварскому правительству и некоторым другим германским правительствам: «Соглашение, имеющее целью ограничение нашей оборонительной мощи, не подлежит нашему обсуждению ни при каких условиях. Государство, которое будет требовать от нас заключения такого соглашения, должно ясно понять, что это требование будет означать войну[2]. Британские предложения были отвергнуты с особенным негодованием самим кайзером как необоснованная попытка вмешательства в его суверенные права и в осуществление им своего долга принять все необходимые меры для защиты существования и достоинства Германской империи. Комментируя доклад графа Меттерниха от 16 июля 1908 г. о неофициальной беседе за завтраком с Греем и Ллойд Джорджем, во время которой Меттерниху было сказано, что обсуждение морских вопросов могло бы способствовать улучшению дипломатических отношений, кайзер писал:

«Надлежит сообщить графу Меттерниху, что установление хороших отношений с Англией за счет постройки германского флота не является для меня желательным. Если Англия намеревается милостиво протянуть нам руку только для того, чтобы дать понять, что мы должны ограничить наш флот, то это наглость, которая наносит тяжелое оскорбление германскому народу и его императору, и такое предложение должно быть решительно отвергнуто нашим послом... Франция и Россия с одинаковым основанием могут в таком случае требовать ограничения наших сухопутных вооружений. Германский флот не построен *против кого-нибудь*, он не построен также *против* Англии, но он построен в соответствии *с нашими* нуждами. Это совершенно ясно указано в законе о флоте и в течение 11 лет оставалось неизменным. Этот закон будет выполнен до конца; нравится ли это англичанам или нет—нам это безразлично.

[1] G. P., XXIV, 99 и сл.

[2] Ibid., XXV, 478. О других намеках Германии на то, что всякая попытка оказать давление на Германию в смысле ограничения ее флота повлечет за собой ответ в форме объявления войны, см. G. P., XXIV, 53, 103 и 127.

Если они желают войны, они могут ее начинать; мы ее не боимся!»[1].

Опасения кайзера, что Англия пытается наложить руку на рост германского флота и «окружить» Германию различными путами, увеличились в связи с многочисленными встречами, которые Эдуард VII летом 1908 г. имел с руководящими лицами и министрами Франции и России. В мае президент Фальер был весьма сердечно принят в Лондоне и в честь его в министерстве иностранных дел был устроен обед, на котором единственным приглашенным кроме французов и англичан был русский посол—что, повидимому, даже смутило доброго графа Бенкендорфа[2]. Французская пресса изо всех сил раздувала значение этого визита, и Тардье в «Temps» выразил надежду, что англо-французские отношения еще более укрепились бы, если бы Англия коренным образом изменила систему военной службы,—намек на систему всеобщей воинской повинности, открытыми сторонниками которой в это время были лорд Робертс и некоторые другие лица. Состоявшееся в июне месяце свидание короля Эдуарда с русским царем в Ревеле представлялось чем-то бо́льшим, нежели простой акт вежливости, поскольку короля Эдуарда сопровождали адмирал Фишер, сэр Джон Френч и сэр Чарльз Гардинг, имевшие продолжительные беседы с Извольским и русским премьером Столыпиным. Гардинг сказал Извольскому, что Англия не имеет враждебных намерений в отношении Германии и стремится поддерживать с нею самые дружественные отношения, но, что «слишком большое и не вызванное необходимостью увеличение германской программы морского строительства возбудило в Англии глубокое недоверие относительно будущих намерений Германии». Это недоверие должно будет с течением времени еще усилиться по мере осуществления Германией своей морской программы и по мере усиления налогового бремени в связи со встречными мероприятиями Англии в области морских вооружений. Через 7 или 8 лет может создаться критическое положение, в котором Россия, если она будет сильна в Европе, сумеет стать арбитром мира и оказать гораздо большее влияние в деле обеспечения мира, чем всякая Гаагская конференция. В этих целях было абсолютно необходимо, чтобы Англия и Россия поддерживали друг с другом такие же сердечные и дружественные отношения, какие в настоящее время существуют между Англией и Францией[3]. У Изволь-

[1] G. P., XXIV, 104.

[2] Ibid., 63. О визите президента Фальера, о французской прессе, о разговорах Делькассе с Асквитом, Греем и сэром Чарльзом Гардингом во время «частного визита» Делькассе в Лондон месяц спустя см. G. P., XXIV, стр. 57—78 и Sidney Lee, King Edward VII, II, 584 и сл.

[3] Grey, I, 203. Виконт Грей приводит доклад Гардинга о разговорах в Ревеле (I, 202—209) и называет этот доклад (p. 196) «действительным, полным и аутентичным отчетом о том, что имело место». Но на стр. 209 имеется указание на то, что в докладе были опущены различные подробности, касающиеся македонских реформ, Персии и Крита. По вопросу о докладе Гардинга см. В. Д., V, 2—232—241. Ср. сообщение Извольского о встрече в Ревеле в его письме к Бенкендорфу в Лондон 18 июня 1908 г. (Siebert-Schreiner, 478), согласно которому Гардинг сказал: «Если Германия будет продолжать увеличивать свои морские вооружения тем же самым ускоренным темпом, то через 6 или 7 лет в Европе может создаться чрезвычайно тревожное и напряженное положение. Поэтому мы в интересах мира и в целях сохранения равновесия держав желаем, чтобы Россия была, елико возможно, сильной на суше и на море». Извольский добавил: «сэр Чарльз повторил несколько раз эту

ского создалось впечатление, что Англия хотела, чтобы Россия увеличила армию и флот для того, чтобы в будущем, насколько это возможно, стать для Германии серьезной угрозой.

Сэр Джон Фишер говорит, что он несколько раз беседовал со Столыпиным и Извольским и убеждал их увеличить русские военные силы на западной границе против Германии. Столыпин спросил его:

«В чем же, по вашему мнению, мы больше всего нуждаемся?» Он думал я ему отвечу: «столько-то броненосцев, столько-то крейсеров и т. д. и т. д.», но я вместо этого сказал: «на ваших западных границах не имеется войск и ваши склады пусты—наполните эти склады, а затем принимайтесь за флот». Посмотрите заключение секретного доклада Куропаткина: «основа безопасности России лежит на ее западных границах»[1].

Независимо от этого возобновления сердечных англо-русских отношений и данного Англией совета усилить вооружения, к чему Россия вскоре и приступила,—ревельское свиданье касалось, главным образом, вопросов о македонских реформах, о Персии, Крите, о проекте Санджакской ж. д. и о позиции, занимаемой русской печатью. Во время этого свидания вовсе не было попыток создать более тесную англо-русскую комбинацию, направленную против Германии, и Извольский рассыпался в уверениях, что это свидание никоим образом не являлось недружелюбным по отношению к Германии актом. Но кайзер не дал себя убедить в этом и с ревельского свидания отмечается охлаждение англо-германских отношений. Это свидание заставило также кайзера еще решительнее отказаться обсудить совместно с Англией вопрос об ограничении германской морской программы, когда Гардинг предложил это непосредственно кайзеру во время визита короля Эдуарда в Кронберг 11 августа 1908 г. Там возникла по этому поводу горячая дискуссия. Гардинг, как это передает сам кайзер в форме весьма оживленного диалога, жаловался на то, что Германия сооружает дредноуты настолько быстро, что в течение немногих лет она по мощности этого типа судов сравняется с Англией. Кайзер сказал, что это является «абсолютной чепухой», велел принести экземпляр «Nauticus», альманаха, в котором помещены подробные статистические данные о морских вооружениях всех стран и о котором, повидимому, Гардинг ничего не слышал, и показал ему ошибки его расчетов. Когда же Гардинг стал настаивать на том, что соревнование в области постройки судов должно быть прекращено, то кайзер прибег к своему обычному аргументу и сказал, что Германия, строя свой флот, вовсе не соревнуется с Англией, но строит его исключительно для своих надобностей, как это изложено в выработанном Тирпицем законе о флоте. А когда Гардинг, продолжая настаивать сказал: «Вы должны прекратить постройку судов или строить их медленнее», то кайзер сурово посмотрел на него и ответил: «Тогда мы будем воевать, так как это является вопросом национальной чести и достоинства». Гардинг покраснел и, увидев, что разговор принимает опасный оборот, попросил кайзера простить

мысль, чем он, очевидно, хотел дать понять, что он выражает не только свое личное мнение, но вместе с тем определенное политическое убеждение лондонского кабинета». О беспокойстве в Германии в связи со свиданием в Ревеле см. G. P., XXV, 441—494.

[1] Фишер — лорду Эшеру, 8 сентября 1908 г.; Fischer, Memoires, 186 и сл.

его и забыть его слова как сказанные в частном разговоре, а затем переменил тему беседы. В дальнейших разговорах, которые у него были позднее в тот же день с кайзером, Гардинг старался по возможности держаться любезного и дружеского тона, и был немало поражен, когда кайзер наградил его орденом Красного орла 1-го класса[1]. Английский кабинет, точку зрения которого выражал Гардинг, решил охранять морское превосходство Англии и быть впереди Германии в деле постройки дредноутов. Кабинет ясно представлял себе то озлобление, которое должно было возникнуть между обеими странами в результате дальнейшего морского соревнования, и то финансовое бремя, которое возлагало на Англию это морское строительство. Поэтому британский кабинет искренне желал и пытался притти к какому-либо соглашению с Германией по этому вопросу. Трагической ошибкой Тирпица и кайзера было то, что они так резко отвергли всякое обсуждение этого вопроса, и вследствие этого толкнули Англию в объятия Франции и России, укрепляя тем самым Тройственное согласие и помогая этому согласию еще более кристаллизироваться в его оппозиции к Тройственному союзу.

Занятая Англией отрицательная позиция в вопросе о Багдадской ж. д., ее усилия ограничить создание Германией своего флота, свидание в Ревеле и явная консолидация Тройственного согласия—Франции, России и Англии—привели Германию к убеждению, что она находится в состояние «окружения». Немцы думали, что это окружение является делом рук Эдуарда VII и что целью его является уничтожение германской торговой и колониальной экспансии и даже военный и политический разгром Германии. Нет достаточных доказательств того, что король Эдуард или британское правительство сознательно желали провести такое окружение и именно с такими целями. Надо думать, что эта мысль является продуктом германского воображения, страха и подозрительности. Но нечто вроде дипломатического окружения тем не менее имело место. В этот момент Германия была окружена тремя великими державами, комбинированные силы которых, как она полагала, были равны силам Тройственного союза или даже превосходили их.

Сотрудничество между этими державами в деле защиты общих интересов, будь то в Марокко, Месопотамии или на Балканах, все более и более усиливалось. Если Извольский надеялся, что Тройственное согласие предоставит ему полную свободу действий на Ближнем и Среднем Востоке, и если французы рассчитывали получить то же самое в Марокко, то, поскольку дело касалось Англии, эта последняя стремилась к сохранению мира посредством установления равновесия сил. Это было своего рода страховкой от опасности возможного нападения Германии, а не сделкой для нападения на те позиции, которые Германия занимала в Европе и в мировой торговле. Но немцам Тройственное согласие представлялось чем-то более грозным и вызывало их озлобление. Это отношение находит свое наиболее яркое выражение в пометках кайзера на документах, относящихся к ревельскому свиданию

[1] Кайзер—Бюлову, август 11—13, 1908 г.; G. P., XXIV, 124—129; ср. также доклад Гардинга Грею от 17 авг. 1908 г., опубликованный вместе с другими материалами, относящимися к визиту в Кронберг, в B. Д., VI, 173—200.

и к попыткам Англии добиться ослабления темпов сооружения Германией дредноутов. То же чувство звучало в его неосторожной речи, обращенной к германским офицерам в Деберице. Мысль кайзера была такова: «Сильный флот, сильная армия наготове!»[1].

С другой стороны, Бюлов, со свойственной ему манерой делать приятную мину тогда, когда положение было далеко не из приятных, считал, что Германия должна самым тщательным образом избегать обнаруживать какие-либо признаки нервозности и беспокойства. В противном случае Германия просто напросто играла бы в руку России и Франции. Пока Германия держала себя в положении государства, исключительно стремящегося к защите, она спокойно могла взирать на будущее. Он позволил себе выразить кайзеру порицание за несдержанность, проявленную им во время выступления в Деберице[2], и склонялся к мнению Меттерниха, германского посла в Лондоне, что Германия не должна закрывать дверей перед всеми английскими предложениями о тех или иных способах предупреждения вредных результатов англо-германского морского соперничества[3].

Бюлов думал, что упрочение Тройственного согласия заставляло Германию еще крепче держаться за свою союзницу Австрию. В одном очень обстоятельном и чрезвычайно конфиденциальном циркуляре, разосланном прусским представителям в Баварии и в других крупнейших государствах Германской империи, Бюлов настолько оптимистически, насколько это позволяла добросовестная оценка обстановки, изобразил общее положение вещей: ревельское свидание, которому предшествовал визит президента Фальера в Лондон, вызвало в Германии беспокойство. Грей и Извольский дали заверения, что против Германии не затевалось никаких планов. Тем не менее было бы роковой ошибкой, если бы, веря этим заверениям, мы не осознали, что все случившееся может ограничить свободу наших действий. Государства потому образовали согласие против нас, что они боятся, как бы Германия не употребила во зло свою экономическую мощь и политические возможности. «Эти согласия и союзы при своем зарождении имеют скорее оборонительный характер, но возможно, что они не задумаются перед тем, чтобы активно выступить против нас и сокрушить нас, когда, по их мнению, у них хватит на это сил». Наша союзница Австро-Венгрия, так же как и мы, находится под угрозой этой новой комбинации, в особенности потому, что страсти и интриги, направленные против самого существования двуединой монархии, возбудили в других нациях надежду на успешность разрушительного удара, если его нанести извне. Предполагаемое неминуемое распадение Австро-Венгрии является постоянной и излюбленной темой французской прессы и прессы других государств. Австро-Венгрия, именно вследствие того, что она имеет значительные интересы на Балканах, более нас подвержена опасности конфликтов с государствами согласия. Германия и Австрия, составляя вместе несокрушимую силу, будут в состоянии выдержать все невзгоды. «Лояльное сотрудничество с Австро-Венгрией остается и должно остаться в будущем основой гер-

---

[1] G. P., XXV, 454.
[2] Ibid., 460.
[3] Ibid., XXVIII, I, 199, passim.

манской иностранной политики». Германия не может вступить в переговоры с другими государствами об ограничении ее вооружений, но она будет, поскольку это возможно, избегать всего того, что может вызвать раздражение других государств и должна также обуздать шовинистические настроения германской прессы[1].

В этих заявлениях Бюлова была мудрая проницательность.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ (1908—1911 гг.)

В то время как между Германией и Англией продолжались трения, связанные с вопросами морского характера, а младотурецкая революция и боснийский кризис привели к новому обострению отношений с Россией, Германия, в период с 1908 до 1911 г., старалась улучшить свои взаимоотношения с Францией.

Алжезирасская конференция не создала достаточно удовлетворительных условий в Марокко. Брат султана, Мулай-Гафид, приобрел много сторонников среди предводителей племен, которые сопротивлялись усилиям французов и испанцев, направленным к поддержанию порядка. В конце концов Мулай-Гафид восстал против правления своего брата. Во время беспорядков был убит один французский доктор, что дало повод Франции весной 1907 г. оккупировать марокканскую территорию у Уджды, вблизи алжирской границы. Дальнейшие враждебные действия, направленные против европейцев, привели к тому, что в августе того же года французские войска высадились в Казабланке, а в других портах западного побережья появилась французская полиция. Султан, все более и более терявший свой авторитет, должен был бежать из столицы в расположенный на побережье Рабат и, наконец, сторонниками Мулай-Гафида был объявлен низложенным. Бюлов и кайзер, понимая, что в прошлом политика Германии в Марокко укрепила англо-французское согласие, воздержались от серьезного вмешательства в эти мероприятия французов, хотя Германия оказала известное влияние на возникновение вражды между султаном и его братом[2].

В то время как шли переговоры об условиях отречения Абдул-Азиса в пользу Мулай-Гафида, в Казабланке произошел инцидент, грозивший было вызвать новый взрыв вражды между Францией и Германией. 25 сентября 1908 г. германский консул в Казабланке попытался помочь бегству 6 дезертиров из французского иностранного легиона на борт одного германского судна. Но дезертиры были все же схвачены, и секретарь консульства и сопровождавший их солдат подверглись оскорблению со стороны французских солдат.

Франция была возмущена действиями германского консула, считая, что он превысил свои полномочия и совершил поступок, противный международным обычаям, оказывая защиту лицам, находившимся под военной юрисдикцией Франции. Германией же было выдвинуто против местных французских военных властей обвинение в нарушении ими консульской неприкосновенности. Несмотря на значительное возбуждение, охватившее французскую и германскую прессу, все же

[1] Циркуляр Бюлова от 25 июня 1908 г.; G. P., XXV. 474—479.

[2] О подробностях см. French Yellow Book, Affaires du Maroc, III—IV, 1906—1908; G. P., XXI, 601—689; XXIV, 115—326.

в министерствах иностранных дел в Париже и Берлине победа к счастью осталась на стороне здравого смысла. Обе стороны согласились вскоре передать этот вопрос на рассмотрение третейского суда, причем результатом было компромиссное решение, устанавливавшее, что каждая из сторон в известной степени была неправой. Оба государства были удовлетворены разрешением этого инцидента миролюбивым образом, благодаря чему не создалось новой опасности для европейского мира, которому в то время угрожало тревожное положение вещей, созданное турецкой революцией и боснийским кризисом. В частности кайзер проявил на этот раз много той мудрости и воли к примирению, которых ему нехватало тогда, когда ему приходилось иметь дело с английскими предложениями об ограничении соревнования в морском строительстве. Никогда не питая симпатии к прежней политике Бюлова—Гольштейна в Марокко, кайзер теперь резко ее порицал, придя к заключению, что абсолютно невозможно, не прибегая к силе, остановить дальнейший рост политического контроля Франции над Марокко. 4 октября он сообщил германскому министерству иностранных дел, что Германия, несмотря на инцидент в Казабланке, должна, насколько еще возможно, выйти с достоинством из создавшегося положения и возможно скорее притти к соглашению с Францией. Несколько дней спустя неприятно пораженный фактом аннексии Боснии Австрией, кайзер еще решительнее писал Бюлову: «При таких обстоятельствах это злополучное марокканское дело должно быть быстро и окончательно ликвидировано. Тут ничего не поделаешь; так или иначе, а Франция добьется своего, поэтому нам надо выйти из этой истории с достоинством, чтобы раз навсегда теперь, когда перед нами стали такие большие проблемы, покончить с этим вопросом, являющимся источником трений между нами и Францией». На это письмо кайзера Бюлов ответил—и это весьма характерно для него,—что он согласен, но не должен показывать этого слишком ясно французам, ибо иначе они не предоставят Германии никакой компенсации за эту уступку. «Наиболее желательным,—прибавил он,—было бы, если бы мы могли прийти к соглашению с Францией и Англией в отношении Марокко, так же как и по другим африканским и малоазиатским вопросам»[1].

Вскоре после этого Германия одобрила выработанные Францией и чрезвычайно благоприятные для этой последней условия, на которых Мулай-Гафид становился султаном. Одновременно с этим Шен, германский министр иностранных дел, сказал Жюлю Камбону, французскому послу в Берлине, что наступило время, когда в марокканском вопросе Германия и Франция должны пожать друг другу руки и что кайзер искренне желает этого[2]. Это привело к переговорам, закончившимся заключением 9 февраля 1909 г. франко-германского соглашения. «Для того чтобы облегчить выполнение алжезирасского акта», Франция, продолжавшая заявлять о своем уважении к независимости и целостности Марокко, обещала равный экономический режим германцам, а Германия, заявив, что она преследует только экономические цели, признала за Францией специальные политические интересы в

[1] G. P., XXIV, 440 и сл. Об инциденте в Казабланке, ibid., 329—374.
[2] 28 октября 1908 г.; G. P., XXIV, 454.

поддержании в Марокко мира и порядка и обещала не вмешиваться в мероприятия французов [1].

Окончательные переговоры последовали в весьма непродолжительном времени. К этому было много оснований. Боснийский кризис принимал опасную и обостренную форму, поскольку Австрия и Сербия вооружались друг против друга,—поэтому было желательно вовсе устранить еще более усложняющий положение марокканский вопрос. Кроме того вопреки абсолютно отрицательной в этом вопросе позиции кайзера минувшим летом, Бюлов присоединился к мысли германского посла в Англии согласиться на просьбу англичан в некоторой степени изменить судостроительную программу Германии, получив в качестве политического эквивалента или обмен колониальными территориями, или—что еще лучше—обещание Великобритании оставаться нейтральной в случае европейской войны [2]. Для того чтобы достигнуть успеха этих переговоров, было чрезвычайно важно урегулировать все франко-германские трения в Марокко, которые были одним из главных и наиболее постоянных мотивов, побуждавших Англию поддерживать Францию. Бюлову было сообщено, что английский посланник в Танжере имел инструкции разжигать недовольство между Францией и Германией, и он считал, что антигерманская пропаганда англичан в Париже будет, очевидно, продолжаться до тех пор, пока англичане будут иметь основание опасаться того быстрого темпа, которым Германия строила свои дредноуты [3]. Для того чтобы лишить почвы эту пропаганду и рассеять опасения англичан по поводу германских намерений в Марокко, было в высшей степени желательно примириться с Францией раз и навсегда по марокканскому вопросу. Наконец, последней причиной, объясняющей ту быстроту, с которой было заключено франко-германское соглашение, было ожидание визита короля Эдуарда в Берлин 9 февраля; Бюлов хотел иметь возможность опубликовать соглашение до приезда Эдуарда, с тем чтобы не получилось впечатления, будто Эдуард VII способствовал заключению этого соглашения [4].

Французская пресса тепло встретила это соглашение и указывала, что оно положит конец давнишнему источнику взаимных трений между Францией и Германией и обеспечит одной стране необходимые политические, а другой—экономические выгоды. Грей и Гардинг поздравили по этому поводу Бюлова, причем выразили удовольствие, что вопрос, являвшийся постоянным источником беспокойств Великобритании и в котором она в силу соглашения 1904 г. должна была оказать Франции дипломатическую поддержку, в настоящее время был разрешен таким благополучным образом [5]. Кайзер поспешил наградить французского посла в Берлине орденом Красного орла и подарил ему свой портрет с собственноручной надписью: «В память того, что путь, который я избрал в нашей марокканской политике, имея во всем мире такой блистательный успех и что мы в этом деле многим

[1] G. P., XXIV, 489.
[2] Ibid., XXXIII, 1—87, в особенности стр. 66, 74.
[3] Бюлов—кайзеру, 29 декабря 1908 г.; G. P., XXIV, 465.
[4] Ibid., 9 февраля 1908 г.; G. P., XXIV, 488.
[5] G. P., XXIV, 491—494.

обязаны как бескорыстной и преданной работе Камбона, так и проявленной им лойяльности»[1].

Шен дал инструкции германскому дипломатическому агенту в Марокко сотрудничать с французским, предупреждать всякого рода трения и лойяльно всяческим образом охранять дух и цели вновь заключенной конвенции. Хотя это марокканское соглашение 1909 г. и не имело всех тех прекрасных результатов, которых от него ожидали, оно все же установило гораздо более сердечные отношения между обеими странами, пока весной 1911 г. не возникли новые беспорядки в Марокко, приведшие к наступлению французов на Фец и к германской угрозе в Агадире.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ (1908—1911 гг.)

Хотя англо-русская конвенция 1907 г. и представлялась Германии показателем того, что Россия изменила старым дружеским отношениям, которые соединяли династию Гогенцоллернов с династией Романовых, все же вначале это соглашение не омрачило сколько-нибудь серьезно отношений между обеими странами. Извольский уверял, что конвенция имела своей целью только покончить с англо-русскими трениями на Среднем Востоке и никоим образом не была направлена против Германии и ее интересов. Поскольку интересы России казались прочно связанными с Персией, Германия тщательно старалась избегать конфликтов с Россией в этой области. Когда Персия в 1906 г. просила учредить в Тегеране германский банк, надеясь таким образом получить поддержку против проникновения в Персию России, Германия колебалась исполнить эту просьбу и сообщила Извольскому, что не имеет в Персии политических целей или интересов[2]. В свою очередь Извольский в начале 1907 г. предложил Германии соглашение, которым Россия отказывалась от своего противодействия в деле постройки Багдадской ж. д., взамен чего Германия признавала исключительные политические, стратегические и экономические интересы России в северной Персии[3]. Извольский вел переговоры об этом соглашении с Германией весной и в начале лета 1907 г. одновременно с переговорами по тому же вопросу с Англией, очевидно пользуясь каждой из них против другой[4]. Но когда он уже имел в своих руках подписанное соглашение с Великобританией, он прекратил переговоры с Берлином[5]. Возражения России против постройки Багдадской ж. д. сохранились в силе благодаря политике Грея, настаивавшего на том, что все переговоры по этому поводу должны вестись «à quatre», причем в этой комбинации взаимоотношение между странами согласия и Германией равнялось 3 : 1. Германия со своей стороны была уверена, что агрессивные планы России в Персии неизбежно приведут к серьезным трениям между Россией и Англией и помимо содействия Германии.

---

1 Заметки кайзера, 11 февраля 1909 г.; G. P., XXVIII, 87.

2 G. P., XXV, 103—121.

3 20 февраля 1907 г.; G. P., XXV, 122 и сл.

4 G. P., XXIV, 124—145.

5 Правда, между Гартвигом и Рихтгофеном, рьяными представителями России и Германии в Тегеране, в связи с этим произошли незначительные столкновения; G. P., XXV, 147—173.

Бюлов это выразил в грубоватой форме: «Пусть они варятся в своем собственном соку»[1].

Однако в 1908 г. отношения Германии с Россией начали становиться менее удовлетворительными. Извольский стремился приобрести на Ближнем Востоке тот престиж, который Россия утратила на Дальнем Востоке во время последней гибельной для нее войны. Он считал, что союз с Францией и «согласие» с Англией обеспечивают ему благожелательную позицию обоих этих государств, и что он может сделать попытку открыть проливы для русского флота. Германия часто заявляла, что она не возражает против этого, а Австрию можно было удовлетворить, предложив ей аннексировать Боснию и Герцеговину. Это составляло сущность его «сделки в Бухлау» с австрийским министром иностранных дел Эренталем, о которой более подробно речь будет итти ниже, в следующей главе, посвященной балканским проблемам. Однако Эренталь весьма быстро приступил к действиям и обеспечил для себя сразу все то, что причиталось на его долю по этой сделке. Извольский же увидел, что его план открытия проливов не встречает одобрения Франции и Англии, а данное им в Бухлау согласие подчинить православных боснийцев римско-католической власти Габсбургов встретило жестокий отпор у панславистов в России, так же как и у сербов, которые видели в Боснии часть будущей «Великой Сербии». Вследствие этого Извольский попытался аннулировать «сделку в Бухлау», настаивая на том, что изменение Берлинского договора 1878 г., вызванное аннексией Боснии Австрией, должно быть пересмотрено на конференции заинтересованных держав. Австрия ответила на это отказом. Сербия и Австрия начали мобилизацию друг против друга.

Хотя кайзер негодовал по поводу того, что Эренталь так внезапно аннексировал Боснию, но Бюлов убедил своего монарха, что Германия не должна отказывать в поддержке союзнице, после того как присоединение Боснии стало совершившимся фактом. Германия в это время была окружена державами согласия, и Австрия была единственным союзником, на которого Германия могла положиться. Поэтому Германия поддержала отказ Австрии принять предложение о конференции и поспешила помириться с Францией и Англией, заключив марокканское соглашение 1909 г. Между тем к марту 1909 г. Сербия и Австрия, казалось, находились на грани войны. Сербия рассчитывала на поддержку России, а Австрия—на поддержку Германии. К несчастью для Извольского истощение и военная дезорганизация России после войны с Японией делали для России невозможным поддержать силой выдвинутое ею требование созыва конференции; Франция еще не была согласна распространить франко-русский союз на поддержку российских стремлений на Балканах, а Англия оказала России лишь весьма незначительную помощь.

Для того чтобы предотвратить вооруженное столкновение между Австрией и Сербией, Германия предложила решение, выводившее Извольского из тупика, в который он попал, но потребовала у него прямого положительного или отрицательного ответа; если Россия отверг-

[1] G. P., XXVII, 735.

нет ее предложение, то Германия предоставит австро-сербскому столкновению итти своим чередом, и результат, при сложившихся в то время обстоятельствах, вряд ли был бы в пользу Сербии. Извольский в ответ на это принял решение Германии, и боснийский кризис был ликвидирован[1].

Исход боснийского кризиса был дипломатической победой Австрии и Германии и соответственно унижением для России и Сербии со всеми теми болезненными переживаниями, которые сопровождают такие унизительные положения. Извольский никогда не мог простить Эренталю проявленную этим последним поспешность в вопросе об аннексии Боснии без дальнейших переговоров по этому поводу и его отказ от созыва конференции. Извольский считал, что в том и другом случае Эренталь нарушил данное им слово и вел себя не по-джентльменски. Эренталь отрицал это и грозил опубликованием документов, в ответ на что Извольский просил Германию воспрепятствовать такому опубликованию; по совету Германии Эренталь воздержался от приведения в исполнение своей угрозы.

Эта личная вражда между Извольским и Эренталем была перенесена на страницы английского «Fortnightly Review», что только еще больше ожесточило обоих государственных деятелей. Граф Берхтольд, бывший в то время австрийским послом в Петербурге, также был вовлечен в это дело, так как д-р Диллон нашел в замке Берхтольда Бухлау кое-какой материал для одной из помещенных в «Fortnightly» статей. В результате всего этого создалось такое положение вещей, что Извольский и Берхтольд приблизительно в течение года не могли вести друг с другом дипломатических переговоров. В это время Извольскому удалось заключить в Ракониджи секретное соглашение с Италией[2], в котором, между прочим, Италия обещала благосклонно отнестись к интересам России в проливах, за что, со своей стороны, Россия дала аналогичное обещание по отношению к итальянским интересам в Триполи. Таким образом, Извольский получил согласие Италии на то, что ему не удалось обеспечить путем «сделки в Бухлау», а Италия сделала еще раз «сверхпрограммный тур вальса» с одним из танцоров, не принадлежавших к числу ее партнеров по Тройственному союзу.

«Нормальные дипломатические отношения» между Извольским и Эренталем возобновились только в 1910 г. Слухи о сближении между ними и даже о заключении между ними секретного соглашения вызвали страх в Белграде, где опасались, что Россия собиралась оставить Сербию на милость Австрии, и в Константинополе, где боялись, что готовятся планы раздела Турции[3]. Даже в Берлине возникли опасения, что Извольский пытается при содействии Франции и Англии заключить с Австрией тайное соглашение для того, чтобы забить новый клин в Тройственный союз и посеять раздор между Берлином и Веной[4]. В течение нескольких недель Извольский пытался принудить Эренталя подписать соглашение, которое обязало бы Австрию поддерживать status

---

[1] О подробностях см. ниже, гл. V.

[2] 24 октября 1909 г.; см. ниже, гл. V.

[3] Донесения русских представителей в Константинополе и Белграде 2 и 4 февраля 1910 г. (Siebert-Schreiner, 285).

[4] G. P., XXVII, 438 и сл.

quo на Балканах и которое могло бы быть еще усилено путем сообщения его всем великим державам. Извольский хотел открыто связать Австрии руки на Балканах до тех пор, пока Россия не реорганизует своей армии и флота и не сплотит Тройственное согласие так, чтобы можно было оказывать друг другу более активную поддержку, чем та, которую Франция и Англия оказали России во время Боснийского кризиса. Однако Эренталь хотя и был готов подписать с Россией сепаратное соглашение, не считал нужным доводить об этом до сведения держав. После ряда недоразумений и взаимных обвинений Извольский, наконец, опубликовал, без согласия на это Эренталя, некоторые материалы из относившейся к этому вопросу переписки, что было недружелюбным актом, еще более усилившим личную вражду между ними[1]. Одновременно с этим Извольский новыми маневрами шел к осуществлению замыслов России в отношении проливов и образования Балканской лиги под покровительством России[2].

Боснийский кризис имел менее гибельные последствия для отношений между Россией и Германией, чем для отношений между Россией и Австрией. Вмешательство Германии с целью окончить этот кризис, правда, было в дальнейшем преувеличено Извольским и сэром Артуром Никольсоном, которые придали ему форму «грубого ультиматума», и, кроме того, оно встретило осуждение со стороны панславистов[3]. Но хотя панславистская пресса и приберегла свои наиболее острые шпильки для Германии, а не для Австрии, русское министерство иностранных дел, которому хорошо была известна истина о вмешательстве Германии, обнаруживало меньше негодования по адресу Берлина, чем по адресу Вены. Это проявлялось различными путями. В то время как Извольский и Берхтольд в течение месяца не разговаривали друг с другом, жизнерадостный Пурталес оставался в самых сердечных отношениях с русским министром иностранных дел отчасти потому, что Извольский считал возможным делиться с германским послом всеми своими жалобами на поведение Эренталя[4]. Равным образом, когда царь в октябре 1909 г. отправился в Раконидж, он нарочито избегал австрийской территории, хотя его путь естественно лежал через Австрию[5]; но с германским императором царь имел дружественную встречу недалеко от побережья Финляндии[6] и в Киле[7].

В сентябре Извольский был проездом в Берлине. Хотя он путешествовал инкогнито, он все же встретился за обедом с Бетман-Гольвегом и познакомился с новым германским канцлером. Между ними произошел дружественный и откровенный обмен мнениями об общем политическом положении в прошлом, настоящем и будущем, во время которого Извольский, как и всегда, изливал свою горечь против Эренталя «в такой страстной и возбужденной форме, как будто бы он приехал в

---

[1] О всем этом эпизоде «австро-русского сближения» в целом см. Siebert-Schreiner, 282—300; G. P., XXVII, 435—555.
[2] См. ниже, гл. V.
[3] G. P., XXVI, 738 и сл., 783 и сл.
[4] Ibid., 810 и сл.
[5] Ibid., XXVII, 403 и сл., 425; Siebert-Schreiner, 148, 152.
[6] Ibid., XXVI, 817—836.
[7] Ibid., 849 и сл.

Берлин непосредственно после дуэли с Эренталем»[1]. Извольский надеялся, что Германия удержит Эренталя от дальнейших безрассудных агрессивных действий на Балканах, и заверял Бетмана, что Россия далека от мысли вести враждебную Германии политику. Оба государственные деятеля признали, что пресса обоих государств, в особенности русская пресса, причинила много вреда[2]. Дружественным отношениям обоих государств содействовало то, что Германия попрежнему продолжала тщательно воздерживаться от каких-либо политических выступлений в Персии[3], где революция и возникшие беспорядки привели к серьезному конфликту интересов между Россией и Англией[4],—положение, на которое Германия взирала с полным удовольствием. Невмешательство Германии в попытки России «задушить» Персию было в конечном счете вознаграждено уступками, сделанными Россией в вопросе о постройке Багдадской ж. д., нашедшими свое выражение в Потсдамских соглашениях. Но прежде чем перейти к этим соглашениям, надо сказать несколько слов об отставке Бюлова и о тех новых людях, которым были поручены германское и русское министерства иностранных дел в 1909 и 1910 гг., и в руках которых в июле 1914 г. оказались судьбы мира.

Когда фон Бетман-Гольвег заместил Бюлова на Вильгельмштрассе в июле 1909 г., а Кидерлен-Вехтер несколько позже стал государственным секретарем, международное положение Германии казалось значительно улучшившимся. Граф Бюлов в своей книге с характерным для него оптимизмом и чрезмерным самодовольством изобразил то благоприятное состояние, в котором он оставил Германию в момент своей отставки. Но новый канцлер, описывая в своих «Размышлениях о мировой войне» положение страны в 1909 г., показывает нам, что задачи, которые он унаследовал от Бюлова, были далеко не легкими.

Марокканский договор 9 февраля 1909 г., заключенный с Францией, и дипломатическая победа Австрии в боснийском кризисе позволили Берлину свободно вздохнуть. Тройственное согласие казалось всерьез ослабленным, и опасность «окружения» стала менее тревожной. 3 июня 1909 г. во время секретного совещания, на котором участвовали Тирпиц, Бетман, Мольтке и Меттерних, прибывший для этого из Лондона, Бюлов заявил, что никогда за истекшие 20 лет Германия не пользовалась таким уважением во всем мире и никогда ее так не боялись, как теперь. Единственным, что омрачало политический горизонт, были англо-германские отношения; эти отношения напоминали грозовую тучу, и он, Бюлов, собрал совещание для того, чтобы обсудить эту проблему[5].

В апреле кайзер жестоко разнес Меттерниха, причем в числе прочего он упрекал его в том, что он сказал англичанам, будто Германия не собирается в будущем предпринимать никаких новых морских программ; между тем Тирпиц и кайзер подготовляли в 1912 г. допол-

---

[1] G. P., XXVI, 854.
[2] Запись Бетмана от 15 сентября 1909 г.; G. P., XXVI, 852—855.
[3] G. P., XXVII, 721—824.
[4] Siebert-Schreiner, 49 и сл.; Grey, I, 147—165; W. M. Schuster, The Strangling of Persia (N. Y. 1912).
[5] Протокол заседания 3 июня 1909 г.; G. P., XXVIII, 168—176.

нительный закон о флоте. Меттерних возразил на это, что он получил от кайзера вполне определенные указания говорить именно то, что он сказал, и если Тирпиц собирался ставить вопрос в 1912 г. о дальнейшем увеличении флота, то он, Меттерних, весьма сожалеет, что ему об этом не сообщили раньше. Свое письмо он закончил словами, заключающими вместе со свидетельством о благородстве его характера осуждение кайзера и адмирала:

«Я прекрасно понимаю, что моя позиция в морских вопросах, когда я, выполняя мой долг, повторно доносил, что эти вопросы главным образом ухудшают наши отношения с Англией, не встречает одобрения со стороны его величества; я знаю также, что морской министр в своих разговорах с его величеством нападает на меня за ту позицию, которой я придерживаюсь. Вполне естественно, что лицу, стоящему во главе нашего флота, крайне неприятно слышать, что наша строительная программа и наши отношения с Англией зависят друг от друга. Но я извратил бы факты, если бы я в своих донесениях сообщал что-либо другое; я не могу отказываться от своих убеждений даже в угоду моему государю. Кроме того я весьма сомневаюсь, послужат ли к пользе его величества принятые донесения с моей стороны, если потом мы очутимся внезапно перед лицом войны с Англией [1].

На заседании 3 июня Бюлов защищал германского посла в Лондоне от незаслуженных нападок со стороны Тирпица и кайзера:

«Первой обязанностью представителя его величества за границей является доносить истину и изображать положение вещей таким, каким оно является в действительности. Он, Бюлов, всегда будет на стороне того посла, который поступает именно таким образом независимо от того, приятно или неприятно бывает выслушивать неприкрашенную истину. Вряд ли разумно бранить барометр за то, что он показывает дурную погоду» [2].

Во время происшедшего обмена мнениями Бетман, бывший тогда министром внутренних дел, указал, что соглашение с Англией могло бы быть достигнуто на основе согласия Германии на «снижение темпов» морского строительства с четырех судов до трех ежегодно, если бы Англия, со своей стороны, сделала конкретные политические предложения. Но Тирпиц на каждом шагу ставил препятствия, отказываясь даже от пропорции 4 : 3 для Великобритании и Германии в отношении линейных судов, пропорции, на которую он раньше был согласен, причем во время обсуждения этого вопроса он выявил следующий скрытый расчет: если Германия снизит темп строительства с 4 новых судов в год до 3 на время с 1909 по 1912 г., она может покрыть этот недобор, повысив строительство судов с 2 до 3 в течение последующих лет, так что и в том и в другом случае к 1915 г. Германия будет обладать одним и тем же количеством дредноутов. Тирпиц, принимая в принципе мысль Бетмана о снижении темпа строительства, не соглашался, однако, зафиксировать это или выработать какую-либо формулу для приведения в исполнение этого плана до тех пор, пока англичане

[1] Меттерних—Бюлову, 2 июня 1909 г.; G. P., XXVIII, 167.
[2] G. P., XXVIII, 168 и сл.

не сделают, со своей стороны, конкретных предложений. В общем же он высказался в пользу «спокойного выжидания». Это обстоятельство чрезвычайно огорчило Меттерниха и Бюлова и, вероятно, много способствовало тому, что 26 июня Бюлов подал прошение об отставке, которая была принята кайзером 14 июля.

Внешней причиной отставки Бюлова был отказ консервативно-клерикальной коалиции 24 июня принять новый финансовый законопроект, предусматривавший введение тяжелых налогов на наследство, связанных с необходимостью удовлетворить непомерные нужды новых вооружений. Это обстоятельство дало Бюлову прекрасный предлог покинуть свой пост. Такой мотив казался вполне понятным широкой публике и он обычно считался причиной, из-за которой Бюлов после десятилетней тяжелой работы в должности канцлера ушел в отставку. Но если ознакомиться со всеми этапами его длительной борьбы в защиту точки зрения Меттерниха об ограничении морского строительства против Тирпица, который упорно и ловко уклонялся от каких бы то ни было серьезных уступок, и в особенности если ознакомиться с протоколом секретного совещания 3 июня 1909 г. и с документами, относящимися к этому совещанию, то получается впечатление, что одною из основных причин, побудивших Бюлова подать прошение об отставке, было проявленное Тирпицом и кайзером сопротивление его усилиям в пользу разумного морского соглашения с Англией. Подобно Меттерниху, Бюлов не мог изменять своим убеждениям даже для того, чтобы угодить своему государю. Но, конечно, эта причина, связанная с трениями внутри самого правительства, с политическим влиянием кайзера и с отношениями с Англией, должна была быть тщательнейшим образом скрыта от широкой публики. Таким образом все думали, что Бюлов оставил кайзера, главным образом, по двум причинам: во-первых, потому, что его финансовый законопроект был отвергнут рейхстагом и, во-вторых, потому, что кайзер был недоволен недостаточной защитой его особы в инциденте с «Daily Telegraph», возникшем за несколько месяцев до того. Но если отставка Бюлова, как мы думаем, была вызвана вопросом о военном флоте, вся его работа в должности канцлера не делает ему столько чести, сколько уход его в отставку.

«Блистательная отставка» Бюлова была принята 14 июля. Бюлов получил орден Черного орла—самую высшую награду, которую мог дать кайзер. Бюлов заслужил ее, так как ни один германский канцлер не находился в таком тяжелом положении, с которым бы справлялся так блестяще.

Спокойный, добродушный, ровный и всегда остроумный, он умел держать в руках большинство рейхстага не хуже, чем самого императора. Подобно адмиралу Тирпицу, Бюлов проявлял огромное упорство в крайне трудных положениях; однако, ему нехватало других качеств, которыми обладал адмирал, а именно: решительности, ясности поставленной цели и абсолютной уверенности в самом себе. Он предпочитал достигать своих целей мягкими методами, с ловкостью прекрасного диалектика, не высказывая всей правды, а чаще, затемняя истину своим тонким остроумием. Бюлов умел также привести своего противника в споре в веселое и приятное настроение и обезоружить своего оппонента (врагов у него было мало или даже вовсе не было); его

донесения и речи, отличавшиеся прекрасной литературной формой, читались с большим удовольствием. Но свойственное ему обыкновение затемнять ясность мысли остроумными метафорами и его напускной оптимизм преобладали над здоровым критическим отношением к происходящим вокруг него событиям и в государственных делах привели к целому ряду опасных положений как раз в тот момент, когда он передавал власть Бетману. Он с Гольштейном являются, главным образом, ответственными за то, что сделанное Чемберленом на рубеже века предложение не было принято, и за ту политику, которая привела к образованию Тройственного согласия. Внутренняя пустота его достижений, которые он представил в розовом свете в своей «Германской империи», выявилась в момент катастрофы 1914 г. Его громкая репутация не соответствовала его внутреннему содержанию. Он войдет в историю как «канцлер упущенных возможностей».

За несколько месяцев до своей отставки Бюлов вызвал в Берлин из Бухареста человека, которого многие считают одним из самых значительных государственных деятелей в Германии со времен Бисмарка. Действительно, фон Кидерлен-Вехтер несколько походил на железного канцлера, так как обладал могучей и подчиняющей себе энергией и прямолинейностью поступков; но ему недоставало умения понять точку зрения противника и по возможности учесть ее, т. е. нехватало качества, которое было одною из тайных пружин дипломатических успехов Бисмарка. При свойственной швабам горячности темперамента и живости речи, Кидерлен не обладал той моральной силой, которая давала Бисмарку такую власть над старым императором и всем германским народом. Неделикатными, но не лишенными интереса являются те клички, которые он выдумывал для великих мира сего: «угорь» (Бюлов, так как он был очень изворотлив), «земляной червяк» (Бетман, которого кайзер всегда мог раздавить), «бедный красавчик» (каламбур по адресу Шена)[1], которого Кидерлен заместил в 1910 г. на посту государственного секретаря, «гиппопотам» (маршал фон Биберштейн), «внезапный» (кайзер) и «дядя motu proprio» (римский папа)[2].

Кидерлен был профессиональным дипломатом, отличавшимся прекрасной подготовкой и наблюдательностью. Поступив на службу в министерство иностранных дел в 1879 г. в качестве специалиста по вопросам внешней торговли, он работал в качестве секретаря посольства в Петербурге, Париже и Константинополе (1881—1888), и затем в течение 10 лет сопровождал кайзера в качестве докладчика от министерства иностранных дел во время путешествий. Но кое-что из его неосторожных острот дошло до сведения кайзера, вероятно, при содействии какого-то завистливого адмирала, и монаршая немилость выразилась в том, что Кидерлен был «сослан» в Бухарест[3]. Находясь там в должности германского посланника с 1900 по 1910 г., он много содействовал укреплению отношений между Румынией и Тройственным союзом. Несмотря на то, что кайзер не любил Кидерлена, способности

[1] Шен — Schön значит по-немецки «красивый». — *Прим. ред.*

[2] E. Jäckh, Kiderlen-Wächter, der Staatsmann und Mensch (два тома), Berlin 1925, passim. Эта биография главным образом составлена из выдержек писем Кидерлена к Ядвиге Кипке.

[3] E. Jäckh, I, 100 и сл.

последнего признавались всеми окружающими, и даже Бюлов часто обращался к нему за советами. Зимой 1908/09 г. во время болезни Шена Кидерлен был вызван в Берлин и временно исполнял обязанности государственного секретаря. Заключение марокканского соглашения в 1909 г. и окончательное урегулирование боснийского кризиса являются скорее делом рук Кидерлена, чем Бюлова. Год спустя после отставки Бюлова, когда Бетману понадобился в помощь сильный и ловкий дипломат, Кидерлен, наконец, был снова переведен в Берлин из Бухареста уже по-настоящему, и назначен государственным секретарем, когда этот пост освободился в связи с назначением Шена послом в Париж (июнь 1910 г.). В течение двух с половиной лет, до самой своей внезапной смерти, в конце 1912 г., Кидерлен был в министерстве иностранных дел sriritus rector (вдохновителем) Бетмана; он пользовался своим влиянием для того, чтобы сдерживать политику Австрии, сохранять добрые отношения с Россией, поддерживать морское соглашение с Англией и отказ от всяких притязаний в Марокко в обмен на компенсации во Французском Конго[1].

Фон Бетман-Гольвег, принявший тяжелое наследство Бюлова, был менее блестящим, чем его предшественник, но пользовался общим доверием за свое усердие, искренность и благородную прямоту характера, за что его уважали буквально все, кто его знал как в Германии, так и за границей. «Несколько идеалистичен и слаб, но подходящий человек», так отозвался о нем Кидерлен, когда услышал, что из числа различных кандидатов кайзер избрал этого старого друга молодости[2]. Получив юридическое образование, Бетман, благодаря своим способностям и упорной работе по гражданскому управлению, продвинулся до должности имперского статс-секретаря (министра) по внутренним делам, с которыми он был гораздо более знаком, чем с внешней политикой. Но став канцлером, Бетман немедленно приложил все старания, чтобы установить личные связи со всеми германскими дипломатами и иностранными посланниками и изучал переписку министерства иностранных дел настолько упорно, что люди, работавшие вместе с ним, боялись, что он потонет в деталях всех этих дел. Что касается кайзера, то с ним Бетман поддерживал близкие и дружеские отношения.

Когда оба они бывали в Берлине, то целыми днями катались верхом или гуляли, обсуждая разные политические вопросы. Кайзер обнаруживал в этих беседах много здравого смысла и не меньше предрассудков, Бетман же был в известном смысле идеалистом. Он страстно желал умиротворения Европы. Поэтому он совершенно искренне был противником усиленного роста вооружений. Он надеялся достигнуть соглашения с Англией по морским вопросам и считал, что такое соглашение может быть достигнуто, если Германия снизит размеры своего морского строительства, а Англия взамен этого сделает политические уступки в отношении постройки Багдадской ж. д. и, быть может, даже будет готова заключить какое-нибудь соглашение о своем нейтралитете в случае европейской войны. Англичане были убеждены в искренности целей Бетмана. В 1912 г., после миссии Холдена, Грей заявил, что

[1] Jäckh, II, 79—232.
[2] Ibid., 32.

все возможные противоречия между Германией и Англией никогда не примут опасных форм, «пока германская политика направляется канцлером»; на это кайзер с негодованием заметил: «из этого видно, что Грей не имеет вовсе представления о том, кто в действительности здесь хозяин, и о том, что правлю я. Грей указывает мне, кто должен быть моим министром, если я хочу заключить соглашение с Англией» [1].

Тот факт, что Бетман не был склонен отстаивать увеличение вооружений, и его желание пойти на уступки в морских вопросах вызвали конфликт между ним и кайзером; Бетман дважды подавал прошение об отставке, но кайзер не хотел ее принять, во-первых, потому, что он питал к Бетману огромное доверие и, во-вторых, потому, что он знал, как велико было уважение за границей к Бетману как к человеку, направляющему свое влияние на сохранение мира. Здесь можно сказать, что Бетман, исходя из своих убеждений и следуя собственной совести, должен был бы настаивать на том, чтобы отставка его была принята, поскольку он не мог убедить кайзера следовать его советам, а не советам Тирпица, и что свои убеждения и свою совесть он должен был бы ставить выше своей личной преданности кайзеру. Вот что писал Бетман к новому году (1912) Кидерлену: «В самом деле, вся эта политика (увеличение налогов для усиления вооружения) такова, что я не могу согласиться с ней. Вы это знаете. Но я не перестаю спрашивать себя, не ухудшу ли я положение, если я уйду в отставку теперь».

Мы видим отсюда, что именно подлинная преданность своей стране в гораздо большей степени, чем личная преданность кайзеру, заставляла его итти на компромисс с совестью и по долгу службы выступать в качестве защитника, по крайней мере, части тех мероприятий, которых требовало морское и военное командование и которые были одобрены кайзером [2].

К несчастью для Бетмана и для Германии Бетман никогда не имел свободы действий для того, чтобы вести такую внешнюю политику, какую хотел. Он постоянно должен был вести борьбу с влиянием представителей армии и флота, имевших доступ к императору в любое время, тогда как германские послы и министры иностранных дел могли, обычно, представлять свои взгляды лишь через посредство «гражданского канцлера».

В русском министерстве иностранных дел также произошли перемены. В сентябре 1910 г. Извольский окончательно добился для себя поста русского посла в Париже и хорошего содержания, присвоенного этой должности. После неудачных попыток, направленных к открытию проливов путем сделки в Бухлау, и после унижений, связанных с исходом боснийского кризиса, он стал в России постоянной мишенью для нападок панславистов. Равным образом, его критиковали также и такие уравновешенные государственные деятели, как Коковцов и Кривошеин, министры финансов и земледелия, которые считали, что он, Извольский, довел Россию до опасного положения, восстановив против нее Германию и Австрию в то время, когда русские армия и флот представляли еще

[1] Меттерних—Бетману, 17 марта 1912 г.; G. P., XXXI, 182 и сл.
[2] Jäckh, II, 174.

ничтожную величину. Извольский был рад отделаться от всей этой критики, переменив пост русского министра иностранных дел на пост российского посла в Париже. Но он не собирался уходить в отставку немедленно после ликвидации боснийского кризиса: это было бы слишком явным доказательством его падения или немилости царя. Царь, с другой стороны, не имел подходящей кандидатуры для замены Извольского. Таким образом, Извольский оставался на посту министра иностранных дел еще в течение полутора лет после боснийского кризиса, причем много месяцев за это время он провел за границей. Во время его отсутствия в апреле и мае 1909 г. Чарыкову было поручено руководство министерством иностранных дел. Когда же в июне того же года Чарыков отправился в качестве посла в Константинополь, место первого заместителя Извольского в министерстве иностранных дел занял Сазонов [1].

Сергей Дмитриевич Сазонов, ставший русским министром иностранных дел после перевода Извольского в Париж в сентябре 1910 г., был по природе человеком живого и впечатлительного темперамента. Говорят, что в дни юности он собирался итти в монастырь, но затем бросил эту мысль по слабости здоровья и избрал дипломатическую карьеру. Худой, невысокого роста, с нервными и резкими манерами, он всегда производил впечатление хрупкого физически и неустойчивого во взглядах человека. В июне 1904 г. он был назначен советником российского посольства в Лондоне, в каковой должности оставался в течение 3 лет, завязав за это время дружественные отношения с Англией. В 1907 г. он был переведен в Ватикан—приятный, но незначительный пост [2], который он занимал в течение 2 лет. В июне 1909 г. он возвратился в Петербург товарищем министра иностранных дел в то время, когда министром был Извольский. Таким образом то обстоятельство, что преемником Извольского явился Сазонов, не является случайным. Его назначение состоялось по рекомендации Извольского, который считал его наиболее подходящим кандидатом на пост руководителя министерством иностранных дел.

Что касается вопросов внутренней политики в России, то Сазонов был консерватором, крепко держался за старый русский строй и питал мало симпатий к конституционному движению, возникшему в связи с русско-японской войной. В вопросах внешней политики он был горячим патриотом. У него дрожали губы от волнения, когда он однажды говорил о том, что вторично не мог бы пережить такого поражения, какое Россия понесла во время несчастной войны с Японией [3]. Германский посол в Петербурге описывает его как человека, «преисполненного пламенным патриотизмом, граничащим с шовинизмом. Когда он говорит о прошлых событиях, в которых, по его мнению, Россия была обижена, на его лице появляется фанатическое выражение. Тем не менее спорить с ним гораздо легче и приятнее, чем с Извольским, так как он находит

---

1 Об Извольском и его русских критиках с марта 1909 г. по сентябрь 1910 г. см. донесения Гинце и Пурталеса в G. P., XXVI, 737 и сл., 777 и сл., 801 и сл., 855 и сл.; XXVII, 521 и сл.

2 Этот пост до него занимал Извольский, после него Чарыков; этому посту придавалось тогда серьезное значение. — *Прим. ред.*

3 Мюльберг, германский посол в Риме,—Бюлову, 11 июня 1909 г.; G. P., XXVI, 809.

для разговора нужную форму, всегда держит себя в руках и никогда не вносит в разговор личных моментов»[1].

Сазонов питал личную симпатию к Германии. Его бабка была немкой и в Германии у него было много личных связей. Во время своих бесед с Бетманом он предпочитал пользоваться немецким, а не французским языком. Он очень сочувствовал той влиятельной группе при царском дворе, которая мечтала восстановить прежние сердечные отношения между Германией и Россией, взоры которой были скорее устремлены на Берлин, чем на Париж или Лондон, и лозунгом которой была монархическая солидарность, а не конституционная демократия. К этой группе принадлежали барон Фредерикс, влиятельный министр двора, министр финансов Коковцев, министр земледелия Кривошеин, до некоторой степени Столыпин, премьер-министр, и Витте, не имевший уже портфеля, но все же сохранивший известное влияние. Кроме того к этой группе принадлежало значительное количество «балтийских немцев», которые занимали много должностей в гражданском и военном ведомствах в царской России. Сазонов, как и многие панслависты, полагал, что Бисмарк поступил несправедливо по отношению к России на Берлинском конгрессе, так же как и Бюлов во время боснийского кризиса. Тем не менее он хотел сотрудничать с Германией и восстановить взаимное доверие. Поэтому он приветствовал посещение царем кайзера в Потсдаме в ноябре 1910 г.

Сазонов, подобно Бетману, искренне хотел мира. Но, как это будет показано подробнее в следующей главе, он чрезвычайно нервно относился ко всякому росту австрийского и германского влияния на Балканах, который мог бы угрожать России в ее исторической миссии осуществления контроля над Босфором, Дарданеллами и даже Константинополем. Кроме того он был крайне чувствителен к критике, исходившей от панславистской прессы. Правда, едва ли десять процентов населения России было грамотным и еще меньше людей читало газеты, так что в России не было «общественного мнения» в том смысле, как это понимается на Западе. Однако русские газеты оказывали гораздо большее влияние на иностранную политику России, чем это было принято думать, причем влияние это проявлялось как в критике руководителей министерств внутри страны, так и в форме нападок на государственных деятелей других государств. С русской революцией 1905 г., с учреждением думы и с образованием согласия с двумя демократическими государствами на Западе, большая часть русской прессы стала «либеральной» в вопросах внутренней политики, а в вопросах внешней политики усвоила англофильскую или франкофильскую ориентацию. Пресса нападала на Германию как на оплот абсолютизма и реакции и как на государство, которое подстрекало Австрию вести агрессивную политику на Балканах и поддерживало эту политику. Русская пресса настаивала на том, чтобы русский министр иностранных дел взял под свою защиту балканских славян в их борьбе за освобождение от турецкого ига и владычества Габсбургов. Поэтому она жестоко осуждала сделку Извольского в Бухлау, в результате которой православные сербы очутились под австрийским управлением. Она нападала на Германию не меньше

[1] Пурталес — Бетману, 23 августа 1920 г.; G. P., 867.

чем на Австрию, как на врага славянского дела. Сазонов, будучи робким по натуре и не слишком уверенным в твердости своего положения, боялся этой панславистской прессы, и этот страх владел им в течение ближайших 4 лет. Он побуждал иногда Сазонова оказывать сильную поддержку Сербии и вступать тем самым в более обостренные противоречия с Австрией и Германией, чем он того хотел. Этим отчасти объясняется изменчивость и неустойчивость его политики, которая раздражала как Францию и Англию, так и Германию. Пурталес, германский посол в Петербурге, часто отмечал, как позиция Сазонова колебалась то в ту, то в другую сторону, в зависимости от нападок критики на страницах панславистской прессы и от милитаристических влияний великого князя Николая и его воинственно настроенного окружения. Действительно, в промежуток времени между 1908 и 1914 гг. не было вопроса, который так часто вызывал бы жалобы и споры между представителями Германии и России, как вопрос о вредном влиянии панславистской и пангерманской прессы на возникновение недоразумений между обеими странами. Например, после ликвидации боснийского кризиса «Вилли» писал «Ники»:

«Несколько недель тому назад, когда события грозили принять опасный оборот, твое мудрое и отважное решение обеспечило народам мир. Я был весьма доволен, что ты мог исполнить свой долг с моей помощью. Естественно, я ожидал, что весь мир будет нас обоих приветствовать, так как я мог думать, что мы заслужили благодарность всего благомыслящего человечества. Но к моему огорчению и изумлению я замечаю, что вместо благодарности весьма многие порицают нас обоих. В особенности пресса ведет себя невероятно низким образом в отношении меня. Некоторые газеты заявляют, что я являюсь инициатором аннексии и среди прочих глупостей и всякой ерунды меня обвиняют в том, что Россия попала в унизительное положение именно по моему предложению. Конечно тебе это лучше известно. Однако на это обстоятельство надо обратить внимание потому, что общественное мнение главным образом создается газетами. Некоторые из газет просто заблуждаются по невежеству и недостатку точной информации, эти газеты едва ли видят дальше собственного носа. Более опасной и в то же время отвратительной является продажная часть прессы. Делающим эту мерзкую работу нечего бояться умереть с голоду, они всегда будут возбуждать вражду одной нации против другой и когда, наконец, в результате их адских планов наступает желаемое ими столкновение, они отходят в сторону и смотрят на начавшуюся борьбу, будучи убежденными, что выгода будет на их стороне независимо от исхода борьбы. Таким образом в 99 случаях из 100 то, что обычно именуется «общественным мнением», является простым мошенничеством»[1]. На это царь ответил:

«Во всем, что ты пишешь относительно печати, я с тобой вполне согласен, как ты знаешь это из наших прежних разговоров. Это — одно из проклятий нашего времени»[2].

---

[1] 8 мая 1909 г.; G. P., XXVI, 786 и сл.
[2] G. P., XXVI, 788, примечание.

В своих разговорах с германским послом в Петербурге по вопросу о прессе Сазонов иногда заявлял, что мнение русской прессы не имеет большого значения, что германское правительство и германская пресса неправы, когда обращают на это слишком много внимания и что русская пресса представляет собою взгляды лишь небольшой группы не имеющих влияния русских фанатиков. Но иногда русский министр иностранных дел сам себе противоречил и выступал с аргументами, диаметрально противоположными; он заявлял иногда, что должен поступить так или иначе, или что он не может сделать того или другого, так как он должен считаться с общественным мнением и думать о том, что скажут о его шаге газеты. Если бы он сделал слишком большие уступки Германии в интересах европейского мира, или если бы он не сумел нужным образом защищать национальные стремления России и взять под свое покровительство балканских славян, то его противники могли бы заставить его уйти в отставку. И когда он говорил это, он был гораздо ближе к истине. Пурталес понимал это и часто настаивал на том, чтобы германское правительство не затрудняло положения Сазонова без крайней в том необходимости.

Но было бы ошибкой думать, что у Сазонова не было никаких связей с печатью, которой он так искренне боялся. Напротив того, российское министерство иностранных дел было тесно связано с «Новым временем» и другими шовинистическими газетами. Сазонов или его подчиненные часто давали в эти газеты различного рода информацию и указания, которые они использовали затем против Германии. Сазонов возбуждал эти газеты для той или другой националистической кампании и затем сам ссылался на эту кампанию как на оправдание своей политики, которую он должен был вести, «принужденный к тому общественным мнением».

Во время таких критических переговоров с Германией, как переговоры о «Потсдамском соглашении» и по делу Лимана фон Сандерса, министерством иностранных дел часто «разглашались» важные тайны представителям русской (и равным образом французской и английской) прессы в Петербурге; когда же сведения эти попадали в газеты, то последние поднимали вопрос о престиже, что делало для обоих правительств еще более затруднительным итти на дальнейшие уступки для разумного компромисса[1].

За пределами России были также журналисты, которые писали в защиту панславизма и которые оказывали известное влияние на Сазонова, получая в то же время субсидии из министерства иностранных дел. Наиболее значительным из таких лиц был некто Веселицкий, лондонский корреспондент «Нового времени». Он получал от министерства субсидию и имел дачу под Петербургом, в то время когда Извольский был министром иностранных дел. «Расходы на него не пропадут», писал Извольский в 1911 г., настаивая на том, чтобы его преемники по министерству иностранных дел продолжали субсидировать Весе-

[1] Из немногих отзывов Пурталеса о русской прессе и об отношении Сазонова к ней наиболее важные см. G. P., XXVII, 844 и сл., 851 и сл., 855, 890 и сл., 924 и сл.; XXVIII, 226, 253 и сл., 269, 293 и сл., 300 и сл.; XXXIX, 540—589 passim; ср. также «Journal Intime de Alexis Souvorine», Paris 1927.

лицкого[1]. Веселицкий в качестве руководителя ассоциации иностранных корреспондентов в Лондоне во время своих частых посещений иностранных столиц и в тех материалах, которые он посылал в «Новое время», пользовался всяким случаем для того, чтобы посеять вражду между Россией и Германией и укрепить узы между участниками Тройственного согласия. В недавно опубликованных германских документах[2] мы часто можем встретить жалобы на вредную деятельность этого человека и на его статьи, которые он писал под псевдонимом «Аргус».

После этого краткого отступления о Бетмане, Сазонове и о силах, влиявших на их политику, мы можем снова вернуться к нашему рассказу о переговорах, происходивших между ними в 1910—1911 гг.

Состоявшийся в сентябре 1910 г. отъезд Извольского в Париж позволил Сазонову и царю приступить на свободе к осуществлению их желания установить с Германией более сердечные отношения. Хотя кайзер все еще относился к России подозрительно и был раздражен позицией России после 1907 г., которую он считал недружественной и англофильской, Бетман и Кидерлен выразили готовность в значительной степени пойти навстречу русским в Потсдаме в ноябре 1910 г. Кидерлен надеялся, что можно будет выяснить все недоразумения и таким образом ослабить возраставшие противоречия между Тройственным согласием и Тройственным союзом. Конечно нельзя было ожидать, чтобы Германия или Россия в какой-либо степени изменили соответственно свою ориентацию. Но Кидерлен хотел заверить Россию, что Германия не чувствует себя ни обязанной, ни склонной поддерживать какие-либо новые австрийские стремления на Балканах. Кроме того Германия не преследует на Ближнем Востоке для себя никаких политических целей, она рассматривает постройку Багдадской ж. д. «прежде всего как предприятие экономического характера и только желает в интересах мира и сохранения территориального status quo, чтобы Турция сохранила свою целостность. Во многом интересы России и Германии совпадали, и поэтому было желательно обсудить эти вопросы конфиденциально, но откровенно, и тем самым положить конец взаимным обвинениям и восстановить дружественный контакт, прекратившийся с того момента, когда Извольский стал руководить внешней политикой России»[3].

Новый русский министр горячо приветствовал такую точку зрения. Сазонов заявил, что боснийский кризис—дело прошлого, и что он в дальнейшем не окажет никакого влияния на политику России. Россия не будет вести политику экспансии. Ее единственной задачей является

---

[1] Извольский—Нератову, 23 ноября 1911 г. Материалы по истории франко-русских отношений, стр. 138; Stieve, I, 181. Более подробные сведения о «рентильном фонде», розданном русским газетам в 1914 г., с указанием имен и размеров выдач, составляющих в общем около миллиона руб. см. Таболин, Рентильный фонд 1914—1916 гг. в «Красном архиве», X, 332—338 (1925).

[2] Ср. особенно G. P., XXV, 442 и сл., а также XXVII, 440, 447 и сл., 501 и сл.

[3] Меморандум Кидерлена 30 октября 1910 г., G. P., XXVII, 832—834. Кроме того частное письмо Бетмана к Эренталю от 14 ноября, в котором германский канцлер откровенно сообщал Эренталю о разговорах в Потсдаме, и особенно о том, что он счел возможным заверить Сазонова, что «Австро-Венгрия не помышляет ни о какой экспансии на Балканах» и что Германия никогда не принимала на себя обязательств поддерживать подобные планы Австрии, G. P., 850.

укрепление ее международного положения, и соглашение 1907 г. имело своей целью лишь положить конец трениям на Среднем Востоке. Если Англия будет вести антигерманскую политику, то Россия не станет на ее сторону. Россия и Германия являются соседями и поэтому они должны жить в дружбе[1].

Что касается Персии, то Германия вновь заявила, что она не имеет политических целей в этой стране, но что она желает иметь «открытые двери» для своей торговли, находящейся в тяжелых условиях вследствие тарифа, установленного Россией для транзитных товаров, и вследствие отсутствия хороших путей сообщения. Сазонов возразил на это, что существующая в северной Персии анархия не позволяет России вывести оттуда свои войска. Но если Германия откажется от всех железнодорожных и телеграфных проектов в сфере российского влияния в Персии, то Россия отменит все исключительные тарифы и другие препятствия, стоящие на пути германского импорта в Персию. Для того чтобы сделать страну доступной, Россия предлагала продолжить свою ж.-д. сеть от Кавказа через Тавриз и Тегеран к западным границам Персии, на Ханыкин. Германия же могла построить ж.-д. линию для соединения Ханыкина с Багдадской ж. д. Бетман понимал, что это означало, что «Россия не будет более чинить препятствий сооружению Багдадской ж. д. до Багдада». В своем докладе царю о встрече в Потсдаме Сазонов сказал, что «о Багдадской ж. д. вопрос не поднимался». Он упомянул все же, что он сказал Бетману: «Если бы другие заинтересованные государства приняли участие в этой ж.-д. линии, Россия не могла бы тогда остаться с пустыми руками и хотела бы получить участок Ханыкин—Багдад»[2].

Во время свидания с кайзером на Сазонова произвело большое впечатление то раздражение, которое кайзер питал к морской политике Англии, его опасения «превентивного нападения» и его надежды, что германский флот вскоре достигнет таких соотношений с английским флотом, что Англия побоится рисковать войной. Сазонов попытался также обратить внимание кайзера на ту опасность, которая грозит России с ее 20 млн. подданных магометан в связи с панисламистской пропагандой.

Потсдамские переговоры велись в откровенных и сердечных тонах с обеих сторон. Бетман и Сазонов произвели самое лучшее впечатление друг на друга. В Потсдаме было положено прекрасное начало к устранению всех подозрений и к возвращению обеих сторон на старый путь, с которого они сошли в результате активной антантовской политики Извольского и неудачи русских планов на Балканах. Так как переговоры не были зафиксированы на бумаге, то Бетман составил краткое изложение их и представил его на одобрение Сазонова. Бетман хотел воспользоваться этими тезисами для предстоящего выступления в рейхстаге. Они составили также проект 9 отдельных параграфов, которые, как он надеялся, Сазонов должен был подписать в качестве более точных формулировок сущности потсдамских переговоров, внеся

---

[1] Бетман—кайзеру, 1 ноября 1910 г., G. P., XXVII, 835—837.

[2] Бетман—Пурталесу, 8 ноября 1910 г., G. P., XXVII, 840 и сл.; доклад Сазонова царю 4/17 ноября 1910 г.; «Красный архив», III, 5 и 8; L. N., II, 331—334.

в них все необходимые, по его усмотрению, изменения[1]. Однако Сазонов упирался. По возвращении в Россию он опасался возможной критики со стороны панславистской прессы. Поэтому, не посовещавшись по этому поводу с Германией, он дал интервью в «Новое время». «Новое время» в своем сообщении значительно преувеличило уступки, сделанные Германии, и преуменьшило уступки, сделанные России; Сазонов, как бы извиняясь, объяснил Пурталесу, что он хотел только отстранить возможное негодование со стороны этой части русской прессы[2]. Вместе с тем он передал Пурталесу, что он вполне одобряет сделанную Бетманом запись переговоров, которая должна была послужить основанием для выступления Бетмана в рейхстаге. Одна фраза в этой записи затрагивала вопрос, которому Кидерлен придавал величайшее значение: «Я понимаю результаты последней встречи как новые заверения о том, что оба правительства не будут принимать участия в какой-либо комбинации, которая может иметь агрессивные тенденции против одного из этих государств»[3].

Но об этой общей политической договоренности, в результате которой Россия обещала не поддерживать какой бы то ни было враждебной политики Англии или Франции по отношению к Германии, Сазонов не сообщил ни слова ни царю, ни печати, ни, повидимому, французскому и английскому послам. Несомненно, он боялся, что такое сообщение может вызвать большое раздражение в Лондоне и в Париже. Поэтому на все попытки Пурталеса заставить его подписать какой-нибудь документ, вроде составленных Бетманом параграфов, в которых были точно формулированы пункты как относящиеся к общей политической линии, так и к специальным соглашениям, касающимся Персии и Багдадской ж. д., Сазонов давал или уклончивые ответы или вообще медлил с ответом. Сазонов указывал Пурталесу на то, что оба ряда вопросов должны рассматриваться в отдельных документах, и в конце концов заявил, что он вовсе не будет подписывать документа, касающегося общей политической линии, сославшись на то, что устные обещания министров и в особенности кайзера и царя гораздо более ценны, чем обмен какими бы то ни было нотами[4].

Тем временем 10 декабря 1910 г. Бетман выступил с речью о рейхстаге. В этой речи он подвел итог встречи в Потсдаме и сказал, что оба государства возобновили заверения о том, что они не будут принимать участия в какой-либо комбинации, враждебной одному из них. Это заявление Бетмана произвело в Париже и Лондоне впечатление разорвавшейся бомбы[5], так как в этих обеих столицах создалось впе-

---

[1] G. P., XXVII, 846 и сл.

[2] Ibid., XXVII, 844 и сл., 555 и сл.

[3] Ibid., XXVII, 849, 855. Следует отметить интересное различие между Бетманом, искренне стремившимся к деловому соглашению по экономическим вопросам, как, например, о торговле в Персии и о Багдадской ж. д., и Кидерленом, более тонким политиком, которого интересовала вся игра этой системы союзов. Для Бетмана «единственным существенным моментом в потсдамских переговорах являются персидский вопрос и вопрос о Багдадской ж. д.» (Ibid., 842). Для Кидерлена же «заверения России об ее отношениях с Англией являются альфой и омегой всего соглашения» (Ibid, 862).

[4] Ibid., XXVII, 879 и сл.

[5] Ibid., XXVII, 888 и сл.; XXIX, 61 и сл.

чатление, что персидский вопрос и вопрос о Багдадской ж. д. были единственно важными моментами потсдамских переговоров. Недавно назначенный английским послом в Петербурге сэр Джордж Бьюкенен поспешил вручить верительные грамоты царю. В своей речи он подчеркнул серьезнейшее желание Англии сохранить и упрочить англо-русское соглашение и выразил свое беспокойство по поводу переговоров Сазонова с Германией. В ответ на это царь, который всегда соглашался с тем, с кем в данный момент говорил, заверил Бьюкенена, что Россия «не заключит соглашения с Германией, без предварительного ознакомления с таковым правительства его величества» [1].

Пурталес, предполагая, что уклончивая позиция Сазонова объясняется давлением Англии, считал в дальнейшем бесполезным настаивать на том, чтобы Сазонов подписал тезисы об общей политической линии. Он поэтому принял с притворным доверием и мягкостью указания Сазонова на то, что по вопросу об общей политической линии можно удовлетвориться устными обещаниями и что детали соглашения о персидском вопросе должны быть изложены в письменном соглашении. Сазонов с своей стороны был очень рад этому обстоятельству [2].

В соответствии с этим, в течение ближайших шести месяцев понемногу было выработано русско-германское соглашение по средневосточным вопросам. Переговоры замедлялись постоянными усилиями Англии ограничить возможность германского влияния в Персии и обеспечить для Англии контроль или участие в постройке ж.-д. линии от Багдада далее, к Персидскому заливу. Тут снова возникли взаимные обвинения в связи с опубликованием в Лондонском «Evening Times» секретного проекта договора, по поводу которого велись переговоры, причем и русские и германцы подозревали друг друга в этой нескромности. Но агадирский кризис заставил Германию итти на уступки, и соглашение было окончательно подписано 19 августа 1911 г. Германия отказалась от экономических концессий (железные дороги, шоссе, мореплавание, телеграф) в части Персии, находившейся под русским влиянием; соглашение заключало в себе постановления о возможной в будущем постройке Россией железной дороги в Персии, от Тегерана к западной границе, на Ханыкин, и о соединении этой железной дороги германской линией с Багдадской ж. д.; самым важным для Германии было то, что Россия согласилась не чинить в дальнейшем препятствий сооружению Багдадской ж. д. или участию в этом предприятии иностранного капитала [3].

Переговоры в Потсдаме ни в какой степени не нарушили солидарности Тройственного союза, так как Германия постоянно держала Австрию в курсе предпринимаемых ею шагов, а Австрия не имела специальных интересов на Среднем Востоке. Что касается Тройственного согласия, то его чистота была существенным образом запятнана сепаратными переговорами Сазонова с Германией по тем вопросам, в кото-

---

[1] Buchanan, My Mission to Russia, I, 93. Ср. Sazonow, Fateful Years, гл. II.
[2] G. P., XXVII, 875—883.
[3] «Красный архив», III (1923), 10—13; G. P., XXVII, 957 и сл.; о переговорах Ibid., 905—908; Siebert-Schreiner, стр. 501—576; переписка Извольский—Сазонов, passim в Материалах по истории франко-русских отношений, L. N. u. Stieve; Earle, гл. X.

рых Англия и Франция были чрезвычайно заинтересованы. Г. Пишон, французский министр иностранных дел, подвергся жестокой критике в палате депутатов и в прессе за то, что не сумел охранить французских интересов и солидарность держав согласия. Видные деятели, как Ганото во Франции и Ллойд Джордж в Англии, ставили вопрос: не приведет ли поведение Сазонова к распаду Тройственного согласия. В Париже и в Лондоне также немалое раздражение вызвал независимый курс Сазонова и его отступление от англо-французской точки зрения, согласно которой все переговоры по вопросу о Багдадской ж. д. должны были вестись à quatre[1].

Однако, в конце концов отказ России от противодействия осуществлению Германией ее заветной мечты—постройки Багдадской ж. д. дал возможность Германии начать успешные переговоры с Турцией и с Англией о заключении дальнейших выгодных для обеих сторон соглашений по этому вопросу. Германия приобрела доки в Александрете и ветку к северу от последней, благодаря которой она гораздо легче могла транспортировать нужные материалы для дальнейшей постройки дороги к востоку от Таврских гор. Державы согласились на повышение турками таможенного тарифа с 11 до 15% для обеспечения возможности выплаты гарантий по постройке дороги. Англия получила два места директоров в правлении компании по постройке Багдадской ж. д., обеспечила за собою преобладающее положение в отношении прав на судоходство и на нефтяные богатства в Южной Месопотамии и в значительной мере освободилась от опасений, что Багдадская ж. д. создаст возможность германской угрозы безопасности Индии. Переговоры о заключении всех этих соглашений велись свыше трех лет и были успешно закончены 15 июня 1914 г., за две недели до сараевского убийства; этим соглашениям недоставало только окончательных подписей в момент, когда они были сметены ураганом начавшейся мировой войны [2].

Потсдамские переговоры и соглашение 1910—1911 гг. являются новым доказательством того факта, что правительствам легче успешно разрешать вопросы экономического порядка, чем вопросы, затрагивающие престиж, союзы или увеличение вооружений; в действительности экономические вопросы могут служить иногда удобным мостом к разрешению политических вопросов.

В то время как Германия таким образом летом 1911 г. была на пути к улучшению отношений с Россией, ее отношения с двумя другими членами Тройственного согласия внезапно ухудшились вследствие нового марокканского кризиса.

АГАДИРСКИЙ КРИЗИС 1911 г.

Франко-германское соглашение о Марокко 1909 г. вначале лойяльно соблюдалось обеими сторонами. Пишон и Бетман сделали оба публичные дружественные заявления по этому поводу в конце 1909 г. Но

[1] Ср. G. P., XXVII, 855, 887 и сл.; XXIX, 61 и сл.; Sieberi-Schreiner, p. 527 и сл.; Earle, p. 241 и сл.; Sazonow, p. 34 и сл.; Stieve u. Montgelas, Russland und der Weltkonflikt, 39 и сл.

[2] По поводу переговоров о Багдадской ж. д. 1911—1914 гг. см. G. P., XXXI, 71—377; XXXVII, 141—470; Earle, 244—274.

постепенно снова возникли трения. Братья Маннесман приобрели от Мулай-Гафида некоторые права на разработку недр, которые не признавались французами и противоречили задачам международного «Союза марокканских копей». Франко-германский консорциум для развития торговли в Камеруне и Конго распался, ввиду протестов французских националистов, будто немцы имели бо́льшие преимущества. Вследствие этого, немцы оказались в серьезном затруднении. Беспорядки в Марокко дали французам предлог для дальнейшего расширения своего политического и военного контроля, а Мулай-Гафид был принужден ультиматумом принять заем, ставивший его в более полную зависимость от французов. Постепенно становилось все яснее, что при таком расширении французского влияния экономическое равенство, предусмотренное в соглашении 1909 г., и идея независимости султана, стоящего во главе нормально функционирующего правительства, являются фикциями, противоречащими действительности. Однако, эти фикции служили основой для дружественных отношений между Францией и Германией в течение двух лет[1].

Военные и финансовые методы французов не вызывали расположения к ним со стороны вождей марокканских племен. Они остро чувствовали подчиненность Мулай-Гафида французам и постоянные посягательства на их собственную национальную независимость. Недовольство туземцев достигло апогея в марте 1911 г. после публичной казни, совершенной полковником Манженом над двумя марокканскими солдатами, уличенными в дезертирстве. В Феце вспыхнуло восстание.

Французами посылались тревожные донесения, что жизнь европейцев в Феце находится в опасности. 5 апреля Жюль Камбон, французский посол в Берлине, сообщил Германии, что убийство капитана Маршана и другие беспорядки в Марокко возможно принудят французов к оккупации Рабата и к посылке карательной экспедиции в округ Шавиа, точно так же как к посылке военного отряда для освобождения европейцев в Феце. Он добавил, что эти действия вызываются только крайней необходимостью, чтобы поддержать суверенитет султана, и будут произведены в согласии с духом алжезирасского договора. Кидерлен, бывший главным руководителем германской политики в агадирском деле, возразил, что он понимает беспокойство французского правительства за судьбу европейцев в Феце, но что оккупация французами второго порта—Рабата—в добавление к Казабланке послужила бы скорее к возбуждению, чем к умерению страстей туземцев; это должно также возбудить общественное мнение и в Германии и походит на дальнейший шаг к уничтожению алжезирасского соглашения. Он выразил надежду, что французы отложат, насколько только можно, военную оккупацию и что марокканские дела будут удовлетворительным образом урегулированы между Германией и Францией,—намек на компенсации для Германии, отлично понятый Камбоном[2]. Несколько позже Камбон вновь

[1] Относительно марокканских дел после 1909 г. см. французскую Желтую книгу «Affaires du Maroc», V, VI; германскую Белую книгу 1910 г., Denkschrift und Aktenstücke über deutsche Bergwerksinteressen in Marrokko; G. P., XXIX, 1—70; P. Albin, Le Coup d'Agadir (Paris, 1912); A. Tardieu, Le Mystère d'Agadir (Paris 1912); Y. Caillaux, Agadir, Ma Politique Extérieure (Paris 1919).

[1] «Affaires du Maroc», VI, 179, 185; 189 и сл.; Caillaux, Agadir, 257 и сл.; G. P., XXIX, 78 и сл.

подтвердил, что Франция будет уважать алжезирасский акт и уведет войска, как только в Феце будет восстановлен порядок.

Кидерлен не высказал одобрения и не выразил формального протеста, но предостерегающе заметил, что в случаях, подобных происшедшему в Феце, легче оккупировать город, чем вновь покинуть его; а если французские войска останутся в Феце, и таким образом султан будет царствовать только под прикрытием французских штыков, то Германия не сможет больше считать его независимым сувереном, что предусматривается алжезирасским договором; этот договор и соглашение 1909 г. будут в этом случае уничтожены, и Германия вновь приобретет полную свободу действия[1]. С другой стороны, кайзер, получив известия об убийствах в Феце и о бегстве Мулай-Гафида во французское консульство, сказал, что французы должны послать значительный отряд; Германия не имеет оснований мешать этому, так как это отвлекает французские войска и военные снаряжения от западной германской границы; пусть протестуют против нарушения французами алжезирасского соглашения другие державы, как, например, Испания; министерство иностранных дел должно прекратить крики о посылке военных судов в Марокко[2].

Трудно сказать, насколько французские донесения о беспорядках вызывались действительным опасением, что авторитет и жизнь европейцев находятся под угрозой, и насколько эти опасения были преувеличены, чтобы создать предлог для более прочного захвата страны. Не подлежит сомнению, что французы беспрестанно усиливали политический нажим на Марокко и намеревались подчинить его французскому протекторату. Кидерлен сравнил его с распространением масла на воде[3]. Когда русский посол в Париже спросил г. Крюппи, французского министра иностранных дел, как долго французы будут оставаться в Феце, министр ответил уклончиво[4]. А Кайо, который в июле 1911 г. стал премьер-министром, заявил: «Наша задача заключается не в чем другом, как в восстановлении всего утраченного нами с 1905 г. и в устранении последствий дипломатического поражения, которое мы тогда потерпели»[5].

Нужно вспомнить, что в 1905 г. Делькассе был вынужден выйти в отставку; но Делькассе теперь снова вернулся в кабинет, как раз к тому моменту, когда французы готовились к оккупации Рабата и к походу на Фец. Правда, он имел только портфель морского министра, и Монис, премьер-министр, заверил германского посла, что «он ввел Далькассе в свой кабинет ввиду его выдающейся деятельности во флоте и потому, что его обширные технические знания делают его незаменимым. Делькассе твердо—говорил Монис—обещал не вме-

[1] Нота Кидерлена от 28 апреля; G. P., XXIX, 97 и сл. «Affaires du Maroc», VI, 247 и сл. Англичане вначале отнеслись подобным же образом: «сэр Артур Николсон, — писал русский посол в Лондоне, — не скрыл от меня того факта, что марокканский вопрос беспокоит лондонский кабинет. Опыт всех европейских держав, начиная с Англии, показывает, что легче занять город, чем вновь освободить его» (Бенкендорф—Нератову, 9 мая 1911 г., Siebert-Schreiner, p. 581).

[2] Кайзер—Бетману, 22 апреля, G. P., XXIX, 89.

[3] G. P., XXIX, 169 и сл.

[4] Извольский—Нератову, 24 мая 1911 г.; L. N., 1. 107.

[5] Caillaux, Agadir, 29.

шиваться в иностранную политику; во всяком случае, его нынешние взгляды иные, чем несколько лет тому назад»[1].

Но естественно, что Делькассе с его неугомонной энергией и его прошлым был у германской прессы на подозрении в отношении его участия в марокканской политике, и последующие события доказывали, что он оставался больше чем когда-либо убежденным противником Германии[2]. Он сказал Извольскому, что: «его вхождение в кабинет означает, что особое внимание будет уделено военным силам Франции. Его первой задачей является создание сильного флота, а работа для армии должна быть удвоена. Хотя он не имеет намерения превышать свои полномочия и вызывать недоверие в Германии», но он хочет сделать более тесными отношения с Россией. «По общему мнению он неизбежно будет оказывать влияние на деятельность г. Крюппи, так как последний очень мало искушен в иностранных делах»[3].

Для французов в то время германские намерения были и долго оставались тайной; лишь теперь они раскрыты, благодаря опубликованию меморандума Кидерлена от 3 мая.

«Три года показали,—говорится в нем между прочим,—что независимость Марокко, как это было предусмотрено алжезирасским актом, не может быть сохранена вследствие восстания туземцев и империалистического давления со стороны Франции и Испании. Рано или поздно Марокко неизбежно будет поглощено этими двумя соседями. Невероятно, чтобы город, обнесенный стенами, вроде Феца, мог быть захвачен туземцами, и восстание, повидимому, идет на убыль. Но французы тревожатся за свою безопасность и подготовляют посылку экспедиции. Это они вправе сделать, и необходимо подготовиться к дальнейшему развитию событий. Но если они войдут в Фец, трудно представить себе, чтобы они ушли оттуда; даже если бы французское общественное мнение одобрило уход, это было бы принято туземцами как признак слабости. Это вызвало бы новые восстания и новые французские военные экспедиции. Ход событий показывает, что условия алжезирасского договора не могут быть выполнены. Султан, поддерживающий свою власть только с помощью французских штыков, не может сохранить независимость, которая являлась целью алжезирасского договора. Германия должна признать эти факты и приспособить к ним свою политику. После того как французы пробудут некоторое время в Феце, мы должны будем дружественно запросить, когда они предполагают его покинуть. Если они скажут, что они не могут уйти, мы должны будем сказать, что мы хорошо понимаем это, но мы не можем дальше считать султана суверенным независимым государем, как это предусматривалось алжезирасским договором; с этих пор последний становится мертвой буквой, а подписавшие его державы возвращают себе свободу действия. Не будет смысла протестовать против фран-

[1] Шен—Бетману, 4 марта 1911 г.; G. P., XXIX, 74, примечание.

[2] Некоторыми немецкими газетами Делькассе рассматривался как действительный руководитель французской политики в Марокко (Русский поверенный в делах в Берлине—Сазонову, 28 апреля 1911 г.; Siebert-Schreiner, p. 580).

[3] Извольский—Сазонову, 3 и 14 марта 1911 г., «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», стр. 41—43; L. N., I, 45, 48; Stieve, I, 38, 41.

цузского захвата Марокко. Однако мы должны обеспечить себе какой-нибудь объект, чтобы заставить французов быть готовыми дать нам компенсацию. Подобно тому как французы оказывают покровительство своим подданным в Феце, мы можем делать это по отношению к нашим в Могадоре и Агадире путем мирного пребывания там наших судов. Мы можем тогда ждать дальнейших событий и увидим, предложат ли нам французы соответствующие компенсации. Если мы их получим, это возместит нам прошлые потери и окажет благоприятное воздействие на предстоящие выборы в рейхстаг»[1].

Кайзер был склонен одобрить такую политику, хотя он должен был предвидеть, что этот образ действий был угрожающе похож на тактику Бюлова и Гольштейна в 1905 г. Он отправился в Англию, чтобы присутствовать на открытии памятника королеве Виктории. Там ему был оказан сердечный прием и он вынес впечатление, что англичане недовольны действиями французов в Марокко. Эрнест Кассель и принц Людвиг Баттенбергский намекали, что они надеются, что германская политика не будет расходиться с политикой Англии. Но кайзер и Бетман не видели оснований принять этот намек, потому что Англия не советовалась с Германией по поводу Марокко в 1904 г., как этого не сделала и Россия в Ревеле[2].

Вначале программа Кидерлена казалось сулила успех. Так как пангерманская пресса начала требовать компенсаций или раздела Марокко, а германское правительство хранило зловещее молчание относительно того, как оно использует свою свободу действия, то французы начали беспокоиться. Извольский доносил, что, насколько он может судить, «берлинский кабинет избрал очень выгодную и ловкую позицию: не протестуя до сих пор против французского способа действия, он сохраняет возможность заявить в любой момент, что алжезирасский акт нарушен; таким образом германская дипломатия становится хозяином положения и может не только соответственно развитию местных событий, но также общему направлению ее внутренней и внешней политики внезапно поставить марокканский вопрос более остро... Сэр Фрэнсис Берти лично убежден, что Германия только ждет подходящего момента, чтобы объявить алжезирасский акт несуществующим и таким образом занять один или два порта (включая Могадор) на Атлантическом побережье Марокко»[3].

Через две недели французская военная экспедиция заняла Фец, испанские войска высадились в Ларраше. В свою очередь французы объявили это выступление нарушением алжезирасского акта и угрозой международному положению[4].

В середине июня французы заявили, что они готовы разговаривать о компенсации для Германии; 11 июня Камбон весьма осторожно намекнул на это, говоря о Марокко как о спелом плоде, который неиз-

---

[1] G. P., XXIX, 101—108.

[2] Меморандум Бетмана 23 мая, ibid., 120 и сл. Грей напомнил, однако, германскому послу 22 мая, что в марокканских вопросах Англия обязалась соглашением 1904 г. поддерживать Францию (G. P., 119; Siebert-Schreiner, p. 583).

[3] Извольский Сазонову, 11 мая 1911 г. «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», стр. 88; L. N., I. 104; Stieve, I, 98.

[4] G. P., XXIX, 140 и сл., «Affaires du Maroc», VI, 332 и сл.

бежно должен достаться Франции[1]; а Крюппи в Париже упомянул об этом в связи с ж.-д. проектом Конго—Камерун, но Кидерлен отнесся к этому, как к пустяку. Он желал получить все Французское Конго![2] Но он не хотел говорить об этом до появления германского судна в Агадире, которое испугало бы французов и побудило бы их пойти на самые щедрые предложения за полное предоставление им Германией Марокко[3].

Поэтому когда Камбон прибыл в Киссинген 20 июня, чтобы выяснить с ним этот вопрос, Кидерлен занял выжидательную позицию. Когда Камбон заявил, что Франция была бы расположена сделать уступки в Конго, но что бесполезно продолжать разговор, если Германия пожелает часть Марокко, Кидерлен вполне согласился с этим. Когда Камбон покидал Киссинген, чтобы выяснить, как много может предложить его правительство, последними словами Кидерлена было: «Привезите же нам что-нибудь из Парижа»[4].

Так как прошло несколько дней без всякого предложения со стороны французов и так как кайзер готовился отправиться на свою северную морскую прогулку, то Кидерлен поехал в Киль, чтобы доложить о положении, и получил возобновление согласия кайзера на посылку военного судна в Марокко. Лаконическая телеграмма Кидерлена от 26 июня: «Суда разрешены» показывала, что он получил одобрение кайзера. Соответственно с этим канонерке «Пантера», возвращавшейся из Южной Африки, было приказано бросить 1 июля якорь в Агадире[5].

Когда «Пантера» уже прибыла в Агадир, в субботу, после полудня, 1 июля, Германия обратилась к Франции и к другим державам с нотой, гласившей, что германские торговые дома, обеспокоенные брожением среди туземцев, вызванным недавними событиями, попросили защиты их жизни и собственности в Южном Марокко; вследствие этого германское правительство послало в Агадир военное судно, которое будет отозвано как только в Марокко наступит успокоение[6]. Действительно, германские фирмы просили министерство иностранных дел защитить их интересы в Южном Марокко[7]; но ясно, что Кидерлен использовал это просто как предлог. Его действительным мотивом было побудить французов сделать щедрое предложение за счет территории Конго и подчеркнуть державам, что алжезирасский акт уничтожен.

9 июля Камбон снова виделся с Кидерленом. Он был глубоко расстроен и встревожен агадирским выступлением, о котором Германия не сделала предварительного сообщения, в то время как Франция дала заранее подробное сообщение о своем походе на Фец. Беседа была длительная и трудная и прерывалась молчанием. Каждый ожидал от другого предложений. Наконец слова «Конго» и «Того» были произнесены. Но

---

1 Ibid., 124, 177, примечание «Affaries du Maroc», VI, 332 и сл.
2 Ibid., 149 и сл.
3 Меморандум Циммермана 12 июня и комментарии Кидерлена; G. P., 142 и сл., 177 и сл., 184 и сл.; также Jöckh, II, 123 и сл.
4 «Affaires du Maroc», VI, 372 и сл.; G. P., XXIX, 142, примечание.
5 G. P., XXIX, 152 и сл.
6 Ibid., 153 и сл.
7 Ibid., 153, примечание.

ни один из собеседников не желал пойти дальше, заявляя, что он должен получить дальнейшую информацию и инструкции[1].

Это промедление и дипломатическое состязание вызвало у кайзера нетерпеливые комментарии:

«После четырех недель! Будь проклята эта комедия! Ничего не закончено! Что делать теперь, чорт возьми? Это чистый фарс—переговоры, переговоры и никакого достижения! Пока мы теряем драгоценное время, британцы и русские подбодрят напуганных французов и укажут им пределы допустимых уступок в нашу пользу»[2].

Кидерлен оказался теперь в весьма трудном положении. Когда 15 июля Камбон снова посетил его и стал говорить о незначительных компенсациях, он решил больше не мешкать. Он взял карту, указал на Французское Конго и сказал, что Германия должна иметь его целиком. Камбон чуть не свалился от изумления. Он заявил, что французское правительство никогда не сможет отдать колонию целиком, но что часть ее может быть уступлена, если Германия отдаст Того и часть Камеруна. Из этой беседы Кидерлен вынес впечатление, что «для достижения удовлетворительного результата нужно занять весьма твердую позицию»[3].

О всем деле было сообщено кайзеру, который еще совершал свою морскую прогулку. Он оказался больше чем когда-либо неудовлетворенным, а также встревожился позицией, занятой Кидерленом. Он решительно приказал, чтобы в его отсутствие не предпринималось шагов, сопряженных с угрозами по адресу Франции. Считая, что французскому правительству легче будет уступить Германии территорию Конго, если Германия в обмен отдаст в ее распоряжение некоторые небольшие африканские территории, он уполномочил Кидерлена продолжать переговоры с Камбоном на этой основе[4]. Одновременно Трейтлер, чиновник иностранных дел, который сопровождал кайзера, телеграфировал Кидерлену: «Как вы знаете, от его величества трудно было бы получить согласие на шаги, которые, по его мнению, должны привести к войне»[5]. Кидерлен был готов уйти в отставку, как ввиду позиции, занятой кайзером, так и потому, что он сам думал, что заставить Францию пойти на уступки можно лишь дав ей понять, что ее отказ может означать войну. Но Бетман убедил его остаться на посту и продолжать переговоры на основе, указанной кайзером[6].

В тот момент, когда переговоры Кидерлена с Камбоном как будто застопорились, вмешалась Англия. Еще задолго до того как «Пантера» прибыла в Агадир, Грей опасался, что Германия стремится получить компенсацию в западном Марокко и создать морскую базу на Атлантическом побережье. Англия издавна решительно противилась этому; это являлось одним из главных ее мотивов для поддержки Франции в Марокко. «Пантера», казалось, подтверждала опасения Грея. Ввиду

[1] «Affaires du Maroc», VI, 403 и сл.; Caillaux, 278 и сл.; G. P., XXIX, 173 и сл.; Jäckh, II, 123 и сл.
[2] G. P., XXIX, 177 и сл.
[3] Ibid., 184 и сл.
[4] Трейтлер—Бетману, 17 июля; G. P., XXIX, 187 и сл.
[5] G. P., XXIX, 188.
[6] Ibid., 189 и сл.; Jäckh, II, 128—134.

этого 4 июля он предупредил Германию, что «посылкой германского судна в Агадир создалось новое положение; что будущие события должны затронуть британские интересы более непосредственно, чем они затронуты до сих пор; а следовательно, мы не смогли бы признать какое-либо новое соглашение, заключенное без нашего участия»[1].

Грей был бы менее встревожен, если бы знал, что действительной целью Германии являлось Конго, а не морская база на атлантическом побережье Марокко. Кидерлен допустил ошибку, не убедив его в этом. Но Кидерлен, Бетман и кайзер решили вести дискуссию о компенсациях только непосредственно с одной Францией и вежливо намекали, что вмешательство других нежелательно[2]. Они надеялись добиться от Франции большего, если другие державы не примут участия в дискуссии. Больше двух недель Грей ожидал получения от Германии какого-либо ответа на его сообщение от 4 июля, что Англия желала, чтобы ее мнение было запрошено, когда речь идет о соглашении по марокканскому вопросу, но Германия хранила молчание. Грей был готов принять франко-германское соглашение, основанное на обмене территории Французского Конго на германские африканские владения, при условии, что соглашение будет приемлемо для Франции и что немцы оставят всякие намерения получить опорный пункт на марокканском побережье. Он приветствовал мысль найти решение в Французском Конго[3]. Но когда Кидерлен потребовалл все Конго, французы заявили Грею, что требования Германии неприемлемы, напомнили ему об английских обязательствах по марокканскому соглашению 1904 г. и предложили, чтобы он взял на себя инициативу по созыву новой конференции держав для рассмотрения вопроса[4].

Это указание на то, что непосредственные франко-германские переговоры, повидимому, шли к разрыву, возродило опасения Грея, что немцы останутся в Агадире. Тогда он попросил германского посла прийти к нему и заявил частным образом, что по его мнению «есть опасность, что переговоры закончатся безуспешно, и тогда возникает вопрос, что собирается делать Германия в Агадире и его хинтерланде». Этот вопрос, сказал он, затрагивает английские интересы. Пока была надежда, что Франция и Германия могут достичь соглашения путем обмена колониальной территории в Центральной Африке, он держался в стороне; но так как это представляется теперь маловероятным и так как затронуты серьезные британские интересы, то он желает частным образом указать, что наступило время, когда Англия должна быть также выслушана, время для обсуждения вопроса втроем—между Францией, Германией и Англией. Грей был прав, желая ознакомиться с действительными германскими намерениями и рассмотреть их путем обычных секретных дипломатических методов, без шумного и беспокоящего вмешательства прессы. Но Меттерних не располагал инструкциями для заявления о том, что Германия желает компенсаций в Конго, а не

[1] G. P., XXIX, 167; Grey, I, 214. Тогда же Грей говорил Полю Камбону, что марокканский вопрос должен быть обсужден вчетвером — Францией, Испанией, Германией и Англией («Affaires du Maroc», VI, 392 и сл.).

[2] Ibid., XXIX, 155 и сл.

[3] Grey, I, 223 и сл.

[4] Де Сельв—Полю Камбону, 20 июля, «Affaires du Maroc», VI, 418 и сл.

морской порт в Агадире. Поэтому Грей очевидно пришел к заключению, что наступило время дать Германии недвусмысленное публичное предупреждение, хотя бы ценою всяких опасностей, связанных с возбуждением прессы и вопросами «престижа». В тот же вечер, не давая Меттерниху времени получить новые инструкции из Берлина, Грей поручил Ллойд-Джорджу оповестить мир о желании Англии быть выслушанной в марокканском вопросе. В знаменитой своей речи от 21 июля Ллойд-Джордж сказал:

«Я обязан заявить о своей уверенности, что настоятельным для высших интересов не только этой страны, но и всего мира, является то, чтобы Британия во всех случаях сохраняла свой престиж среди великих держав. Ее могущественное влияние много раз являлось в прошлом и еще может быть явится в будущем неоценимым для дела свободы человечества. Неоднократно в прошлом оно спасало континентальные народы, иногда слишком склонные забывать эту услугу, от тяжких катастроф или даже от национальной гибели. Я готов на величайшие жертвы, чтобы сохранить мир. Я убежден, что ничто не может оправдывать нарушение международного добрососедства, исключая вопросов величайшего национального значения. Но если создается такая обстановка, что мир может быть сохранен только отказом Британии от великого и благодетельного положения, достигнутого ею веками героизма и подвигов, допущением третирования Британии там, где ее интересы жизненно затронуты, словно она не имеет значения в семье народов, тогда я торжественно говорю, что мир, купленный такой ценой, явился бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша».

Эта речь вызвала бурю негодования в Германии, где она была понята как угроза и где считали, что Англия вмешалась в не касавшиеся ее вовсе франко-германские переговоры. Эффект от речи был тем бо́льший, что произнесена была она не самим Греем, который считался несомненным германофобом, но канцлером казначейства, который пользовался репутацией сторонника мира и человека, вообще расположенного к Германии. И если именно он высказался подобным образом, то значит он был выбран правительством, чтобы придать этому заявлению как можно больше силы. И премьер-министр и Грей были предварительно запрошены и одобрили выступление Ллойд-Джорджа. Уинстон Черчиль был в восторге от него [1]. Но ему было ясно, что здесь шла опасная игра с огнем, способная чрезвычайно усилить уже существовавшую натянутость в отношениях между Англией и Германией, выросшую на почве морского соперничества. Это, конечно, легко могло привести к войне, если бы кайзер и Бетман не решили не делать из марокканского инцидента повода к европейскому конфликту. Тем не менее это выступление имело два результата, которые в конце концов помогли мирному разрешению марокканского вопроса. Германия, наконец, была вынуждена сообщить Англии, что она не имеет намерения обосноваться на Атлантическом побережье Марокко, что являлось основной причиной тревоги Грея. Выступление Ллойд-Джорджа

[1] Asquith, Genesis of the War, 148; Churchill, I, 46 и сл. Грей (I, 217) говорит, что он не побуждал к выступлению, но приветствовал его.

побудило также Германию несколько умерить свои притязания к Франции. После четырех месяцев затяжных и трудных переговоров Кидерлен и Камбон получили возможность подписать 4 ноября 1911 г. соглашение.

Этим соглашением Германия признавала, что французы могут установить свой протекторат над Марокко; Франция уступала взамен этого более 100 тыс. кв. миль Французского Конго, давая Германии два очень необходимых речных выхода к Конго для экспорта камерунских товаров. Чтобы придать сделке видимость обмена территориями и облегчить французскому правительству задачу оправдания соглашения перед французским общественным мнением, Германия уступила Франции «утиный клюв», небольшой клочек малюденной камерунской территории— восточнее озера Чад. Соглашение это представляло для обеих сторон в равной мере компромисс, как это видно из того факта, что оно встретило жестокую критику и оппозицию среди националистов и колониальных энтузиастов обеих стран[1].

Что касается Англии и Германии, агадирский кризис не только увеличил трения между двумя тогдашними правительствами, но, повидимому, углубил подозрения Грея относительно воинственных намерений Германии. Это явствует из замечаний по этому поводу в его мемуарах[2], где он указывает (в полном противоречии с фактами), что «агадирский кризис имелось в виду закончить или дипломатическим поражением Франции, или войной», и добавляет: «Германские милитаристы были жестоко разочарованы Агадиром, и когда наступил новый кризис, мы находим их в качестве застрельщиков»[3]. Его тогдашнее настроение характерно отразилось в его заявлении русскому послу в Лондоне:

«В случае войны между Германией и Францией, Англия должна была бы принять в ней участие. Если бы в эту войну была втянута Россия (посол только что заверил его, что это случилось бы), Австрия была бы также втянута, так как, хотя она не имеет ни малейшего желания вмешиваться в это дело, она была бы вынуждена к этому силой вещей. Нет сомнения, что при таких событиях положение в Албании стало бы тяжелым. Следовательно, это было бы не дуэлью между Францией и Германией, а европейской войной»[4]. Грей прибавил однако, что он не верит в то, что кайзер хочет войны. Двумя неделями раньше русский посол доносил:

«Здесь не скрывают того факта, что еще один шаг, и разразилась бы война между Англией и Германией в результате франко-германской распри».

Подобно марокканскому кризису 1905 г. агадирский кризис вызвал упрочение связей между Англией и Францией. Франция была благодарна за речь Ллойд-Джорджа, за указания, что Англия предоставила бы не только дипломатическую поддержку, обещанную соглашением 1904 г., но также военную поддержку, предусмотренную в военных и морских «собеседованиях», которые велись между двумя странами с

[1] По поводу этих переговоров и марокканской конвенции от 4 ноября 1911 г. см. G. P., XXIX, 293—454; «Affaires du Maroc», VI, 423—635.
[2] Grey, I, 210—239.
[3] Ibid., 231, 233.
[4] Бенкендорф—Нератову, 16 августа 1911 г.; Siebert-Schreiner.

1906 г. 20 июля, после требования Кидермена относительно всего Конго и за день до речи Ллойд-Джорджа, во французском военном министерстве состоялась конференция между генералом Вильсоном, главой департамента военных операций английского главного штаба, и генералом Дюбайлем, начальником французского штаба. Целью ее было «определить новые условия участия английской армии в операциях французских армий на северо-востоке в случае войны с Германией»[1].

В протоколе конференции по обыкновению указано, что эти «разговоры, лишенные всякого официального характера, не могут связывать каким-либо образом ни одно из правительств» и имеют целью только «предусмотреть необходимые подготовительные мероприятия». Но шесть недель спустя генерал Дюбайль сообщил русским, в выражениях, не допускающих никакого сомнения, что французская армия готова выступить против Германии «с помощью англичан на ее левом фланге»[2].

Россия, только что установившая более дружественные отношения с Германией в результате Потсдамского соглашения, не желала подвергать их опасности слишком активной поддержкой Франции в агадирском деле. Вначале, когда Франция попросила Россию предпринять дипломатическое выступление в Берлине, она формально выполнила это, но не оказала действительного давления[3]. Впоследствии, в течение долгих франко-германских переговоров относительно обмена конго-камерунскими территориями, Извольский, по его собственным словам, действовал «со всей твердостью», чтобы побудить французов быть умеренными, и настаивал на принятии ими многих германских требований[4]. Это подтверждается Кайо[5] и французским послом в России, Жоржем Луи, который доносил, что Россия не отказывается от своей подписи на союзном договоре, но что русское общественное мнение с трудом поняло бы германо-русскую войну, вызванную колониальным вопросом, подобным марокканскому. А когда Ж. Луи указал царю, что Марокко представляет столь же жизненный интерес для Франции, как Кавказ и контроль над Черным морем для России, Николай II ответил: «Старайтесь избежать конфликта. Вы знаете, что наши приготовления не закончены»[6]. Россия в это время не желала быть втянутой в войну из-за Марокко еще больше, чем Франция не хотела до сих пор быть втянутой в нее из-за балканских вопросов. Россия нуждалась еще в дальнейшей реорганизации своей армии и флота, раньше чем рисковать европейской войной. Но сам этот факт вялой поддержки Россией французских колониальных интересов и Францией русских притязаний на Балканах побудил Извольского укрепить франко-русский союз после 1911 г. И в этом он вскоре встретил поддержку в лице Пуанкаре.

---

[1] История французского генерального штаба, «Les Armées Françaises dans la Grande Guerre» (Paris 1925), I, 49.

[2] Протокол франко-русской военной конференции от 31 августа 1911 г. «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 698, L. N., II, 421

[3] G. P., XXIX, 112, 117, 158 и сл., 168 и сл.

[4] Извольский—Нератову, 14 сентября 1911 г. «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 614; L. N., I, 132 и сл.; Stieve, I, 146.

[5] Caillaux, Agadir, 142 и сл.

[6] Луи—Де Сельву, 7 сентября 1911 г.; Judet, Georges Louis, 156 и сл. Ср., однако, Poincaré, I, 294 и сл.

который занял пост французского министра иностранных дел в начале 1912 г.

Другим результатом агадирского кризиса и последующего усиления французской власти над Марокко и западным побережьем Средиземного моря было решение Италии, что наступило время для захвата ею Триполи. Это настолько ослабило Турцию, что Сербия и Болгария поспешили предпринять шаги, с помощью России, к образованию балканской лиги, что вызвало балканские войны. В свою очередь они значительно ухудшили австро-сербские отношения и таким образом явились одной из главных причин мировой войны.

МИССИЯ ХОЛДЕНА в 1912 г.

Как было указано выше, в 1908 г. Тирпиц добился от рейхстага утверждения морской программы, предусматривающей постройку четырех крупных судов ежегодно в течение 1908—1911 гг. и по два ежегодно в течение 1912—1917 гг. Англичане весьма встревожились и за свою безопасность и за пагубное воздействие этой программы на англо-германские отношения.

Поэтому они пытались остановить Германию или притти к какому-нибудь соглашению, но все попытки в этом направлении потерпели неудачу вследствие решительной оппозиции со стороны кайзера, особенно ярко выраженной в его беседе с Гардингом в Кронберге в августе 1908 г.

В течение последующих месяцев тревога англичан продолжала усиливаться и испуганное воображение рисовало им картину германского вторжения в Англию. Еще больший антагонизм между двумя странами возник вследствие прискорбного инцидента, виновником которого была газета «Daily Telegraph». Кайзер позволил одному английскому другу изложить вкратце конфиденциальный разговор, в котором кайзер отвергал всякую мысль о том, что он враждебен Англии. Англичане, сказал он, просто спятили с ума («как зайцы в марте месяце») в своих подозрениях относительно германского флота, который предназначен для защиты германской торговли, а не для нападения на Англию. Кайзер—друг Англии. Он желает удержать германский народ, отношение которого к Англии в большинстве недружелюбное. Но английские подозрения и нападки прессы затрудняют его умиротворяющую работу. В качестве доказательства своей дружественной позиции в прошлом, он напоминал, что во время бурской войны он отказался присоединиться к Франции и России с тем, чтобы оказать давление на Англию в пользу буров; наоборот, он даже послал королеве Виктории план кампании против буров. Кайзер отправил текст этих заявлений Бюлову в его летнюю резиденцию на берегу Северного моря, а Бюлов, не просмотрев его внимательно, отправил рукопись в министерство иностранных дел для ознакомления и отзыва. Но там один из чиновников, предполагая, что рукопись одобрена Бюловым, отправил ее дальше, и она была опубликована 28 октября 1908 г. в «Daily Telegraph»[1].

[1] Перепечатана в G. P., XXIV, 170—174; о деталях этого невероятного недоразумения и буре, которую вызвала эта статья в Германии и Англии, см. там же, стр. 167—210.

Кайзер рассчитывал, что статья устранит подозрения англичан и улучшит отношения между обеими странами. Она имела совершенно обратное действие. Она вызвала бурю газетных нападок по обе стороны Северного моря, из которых многие были направлены лично против кайзера. Англичане сомневались в его искренности; они высмеивали и отвергали мысль о том, что его совет помог им победить в бурской войне; но они отмечали как зловещий признак его признание, что преобладающее настроение в Германии недружелюбно по отношению к Англии. В Германии либералы и социалисты яростно нападали на необдуманный поступок кайзера и указывали на опасности его личного режима. Бюлов подал в отставку, но взял ее обратно после обещания кайзера, что он впредь не будет вести политических бесед без совещания с канцлером. Но во время больших дебатов в рейхстаге, возникших в связи с этим делом, кайзер почувствовал, что Бюлов недостаточно твердо защищал поведение своего государя, и в дальнейшем он перестал относиться к канцлеру с прежним расположением и доверием.

Граф Меттерних, германский посол в Англии, был весьма расстроен, видя, что обе страны питают друг к другу чувства взаимного непонимания и озлобления, которые когда-нибудь могут привести к войне. Английское общественное мнение требовало, чтобы кабинетом было обеспечено «Two Power Standart» (чтобы силы английского флота равнялись объединенным флотам любых двух других держав) и чтобы, если Германия строит ежегодно четыре дредноута, Англия строила их восемь. Лорд Робертс предпринял поездку по стране, стремясь побудить Англию к созданию громадной армии и к введению континентальной системы всеобщей воинской повинности, указывая на Германию как на будущего врага. Год назад, доносил Меттерних, такие речи считались бы настолько преувеличенными, что не произвели бы никакого впечатления; ныне они воспринимаются более серьезно. Основной причиной всей этой тревоги и волнения, полагал Меттерних, является быстрый рост германского флота. Поэтому он указывал на желательность уменьшения германской программы строительства с четырех на три судна ежегодно и на необходимость попытаться притти к какому-нибудь соглашению с Англией[1].

Лично Бюлов являлся сторонником этого предложения. Чтобы облегчить сближение с Англией, он поспешил заключить соглашение 1909 г. о Марокко, которое, как он думал, могло устранить одну из политических причин недоверия Англии. Он послал донесение Меттерниха Тирпицу для отзыва.

Но адмирал категорически разошелся с мудрым диагнозом посла относительно положения в Англии. Тирпиц получал часть своей информации об Англии от германских морских атташе, донесения которых часто являлись отголосками воли и пожеланий их господина. Тирпиц настаивал на том, что основной причиной британской тревоги и волнения был не германский флот, а германская промышленная и торговая конкуренция. Британцы теперь привыкли к мысли о внушительном германском

---

1 Меттерних—Бюлову 22, 27 ноября; 11, 20, 29 декабря 1908 г., 1, 14, 20 января 1909 г.; G. P., XXVIII, '23—75.

флоте, а беспокоит их тот факт, что Германия, подобно Голландии в VII в., повсюду вытесняет их торговлю и отвоевывает рынки. Было бы бесцельно сокращать морскую программу, во всяком случае она утверждена законом и не может быть нарушена. Другим последствием исполнения английского требования явились бы невыносимое унижение Германии и усиление пропаганды постройки флота в Англии. Следовательно, Германия должна итти вперед в создании «флота риска» и попытаться благополучно пройти «опасную зону» без нападения со стороны Британии. Равным образом он отвергал указание Бюлова, что более целесообразно тратить больше денег на морскую оборону—береговые укрепления, миноносцы и подводные лодки, против чего Англия не возражала бы, чем на такое количество дредноутов, которое, по мнению Меттерниха, являлось главным источником раздражения и тревоги в Лондоне. Наконец он угрожал отставкой, если Бюлов будет настаивать [1].

Бюлов, утративший былое расположение кайзера в связи с инцидентом «Daily Telegraph», уступил Тирпицу и оставил без движения указание Меттерниха. Он упустил случай, представившийся в связи с визитом в Берлин короля Эдуарда VII в феврале 1909 г. и не проявил инициативы, когда лорд Крю коснулся вопроса о морском соперничестве.

Как предвидел Меттерних, британская агитация продолжалась, и под ее влиянием Мак-Кенна, первый лорд адмиралтейства, предложил, чтобы в течение трех лет Англия строила ежегодно шесть дредноутов против германских четырех.

Значительная часть кабинета и парламента полагала, что четырех британских судов еще было бы достаточно, чтобы сохранить на нужной высоте британское превосходство. Чтобы парировать эти возражения и провести свой билль, Мак-Кенна преувеличил темпы, с которыми строились германские суда. Он заявил, что Германия превзошла «нормальные темпы», благодаря тайному и заблаговременному сосредоточению материалов, так что она может построить 13 судов к 1911 г. вместо 1912 г., что предусматривалось в германском законе о сооружении флота и в чем Меттерних горячо уверял Грея, как о настоящем намерении Германии [2]. Таким образом Германия могла бы иметь в 1911 г. 13 дредноутов на 16 английских и еще более опасную пропорцию в последующие годы.

Эти заявления первого лорда адмиралтейства превратили общее ощущение беспокойства в настоящий «морской кошмар». Общественное мнение было уверено, что Германия пытается тайком обогнать Англию и требовало теперь 8 судов вместо 6, которые испрашивались г. Мак-Кенна. «Нам надо восемь и мы их просим» было распространенным лозунгом [3]. В конце концов было вотировано 8 судов: 4 немедленно и 4 условно, в случае, если Германия будет продолжать судостроение согласно своей программе.

Действие этого решения на англо-германские отношения было прискорбно. Кайзер кипел негодованием по поводу «лжи» Мак-Кенна и ругал Меттерниха за недальновидность и за то, что он не взял более твердого

---

[1] Тирпиц—Бюлову, 4 января 1909 г.; G. P., XXVIII, 51—55.
[2] Меттерних—Бюлову, 3, 10, 17 марта 1909 г.; G. P., XXVIII, 93—112.
[3] По-английски созвучно «We want eight and we wan't wait» (*Прим. ред.*).

тона по отношению к Грею[1]. В особенности он был недоволен тем, что Меттерних заверил Англию, будто Германия не намеревается больше увеличивать свою морскую программу в будущем—«колоссальная фактическая жертва, не дающая взамен ни малейшей компенсации со стороны Англии, исключая неслыханной лжи, клеветы, подозрений и бестактности»[2].

Хотя Мак-Кенна признал позже свои заявления неправильными[3], они принесли вред в смысле дальнейшего обострения англо-германского антагонизма. Ввиду предложения, заключавшегося в английском плане насчет 4 условных судов, Бюловым было созвано специальное заседание, на котором присутствовали Тирпиц, Бетман, Мольтке, Меттерних, прибывший из Лондона. Но условия, выдвинутые Тирпицем и кайзером, были таковы, что не было надежды на успех в случае начала переговоров[4]. Три недели спустя Бюлов потерпел поражение в рейхстаге в связи со своим финансовым законопроектом и вслед затем вышел в отставку. Вскоре затем британцы вотировали закладку 4 судов вне очереди.

В этом внутреннем конфликте между Меттернихом и Бюловым, с одной стороны, и Тирпицем и кайзером—с другой, несомненно, правильной была точка зрения первых.

Хотя мнение Тирпица, что промышленное и торговое соперничество является причиной англо-германского антагонизма, и было правильно, но еще правильнее было утверждение Меттерниха, что морское соперничество являлось основной причиной и что британцы решили любой ценой сохранять морское превосходство, которое было жизненно необходимо для их торговли и для самого существования империи.

Меттерних был совершенно прав, когда он заметил: «Заслуги Тирпица в развитии нашего флота бесспорны и громадны. Но столь же очевидно, что военная, техническая и организаторская способность не всегда соединяются с правильным политическим суждением. Его суждение относительно Англии находится в таком противоречии с действительными фактами, что кажется, будто он закрывает на них глаза[5].

Бетман-Гольвег, явившийся преемником Бюлова на посту канцлера, соглашался с Меттернихом относительно необходимости притти к морскому соглашению с Англией. Он думал, что для Германии невозможно изменить постановлением рейхстага ее программу 1908 г., но что она может замедлить темп постройки закладкой менее чем четырех одобренных дредноутов на каждый год; он надеялся, что взамен Англия может сделать уступки в колониальных вопросах и в вопросе о Багдадской железной дороге и может дать какое-нибудь обещание относительно нейтралитета. С этими планами он начал переговоры с британским послом, сэром Эдуардом Гошеном в августе 1909 г., но они ни к чему не привели[6]. В течение последующих двух лет он несколько раз возвращался к этой мысли, точно так же как к различным более мелким

[1] Ср. замечания кайзера; G. P., XXVIII, 99, 102, 105, 113, 126.
[2] Кайзер—Бюлову 3 апреля 1909 г.; G. P., XXVIII, 145.
[3] G. P., XXVIII, 391—395.
[4] Протокол заседания 3 июня 1909 г.; G. P., XXVIII, 166 и сл.; выше 255 и сл.
[5] Меттерних—Бюлову 27 ноября 1908 г.; G. P., XXVIII, 19.
[6] G. P., XXVIII, 201—278.

предложениям, чтобы смягчить морское соперничество и подозрения, как, например, к взаимному посещению морских арсеналов и к обмену информацией между морскими атташе.

Но он не имел успеха[1]. Наконец осенью 1911 г., после того как острота агадирского кризиса несколько ослабела, за эту мысль ухватились более решительно два деловых человека.

Альберт Баллин, глава «Американо-гамбургского пароходства», полагал, что быстрая постройка германского флота является главной причиной англо-германского антагонизма и может привести к войне. Он считал это морское соперничество значительно более серьезной угрозой европейскому миру, чем франко-русский союз. Он вместе с тем был в интимных и весьма дружественных отношениях как с Тирпицем и кайзером, так и с Бетманом. Он знал, что германское правительство намеревается представить новый морской законопроект на рассмотрение рейхстага весной 1912 г., и он хотел достигнуть некоторого соглашения с Англией, до того как из-за этого ухудшится положение вещей. Его друг сэр Эрнест Кассель был богатым и влиятельным лондонским банкиром. Родившись в Германии, Кассель мальчиком эмигрировал в Англию и сохранил в своем сердце расположение к стране, в которой он родился, не меньше, чем к своей приемной родине.

Подобно Баллину в Германии, он пользовался в Англии огромным общественным и политическим влиянием, не занимая официального государственного поста. Он сделался интимным другом Эдуарда VII и как банкир и как политический советник. Он пользовался большим весом среди деловых англичан в «Сити», точно так же, как в английских политических кругах. Уже с июля 1909 г. Баллин и Кассель вместе обдумывали, как достичь соглашения между Германией и Англией[2]. Зимою 1911—1912 гг. в то время, когда берлинское и лондонское министерства иностранных дел обсуждали возможные колониальные соглашения[3], а англичане были обеспокоены слухами о предстоящем новом германском законе о морском строительстве[4], Баллин имел свидание с Касселем, который затем сговорился с Греем. Это подготовило почву для миссии Холдена. 29 января 1912 г. Кассель отправился в Берлин с меморандумом[5], одобренном Греем, Уинстоном Черчиллем и Ллойд-

---

1 Ibid., 281—423; ср. Грей — Гошену 5 мая и 26 октября 1910 г. (Grey I, 244—247).

2 Ibid., 205 и сл.; Huldermann, Albert Balein, 216 и сл.

3 Ibid., XXXI. 71—94.

4 Ibid., XXVIII, 3—67.

5 Все подробности миссии Холдена могут быть теперь изучены по G. P., XXXI, 95—251 Tirpitz, Erinnerungen, 185; «Der Aufbau der deutschen Weltmacht», 197—338, включая многие документы, большая часть которых была позже опубликована в G. P., почему соглашение о флоте с Англией не было осуществлено в «Süddeutsche Monatshefte», 23 Jahrgang (Nov. 1925), 95—155, включая полемические статьи Франца Керна, Ганса Хольмана и др. за и против публикации документов Тирпица: Bethmann-Hollweg, Betrachtungen, I, 48 и сл.; Huldermann, Albert Ballin, 235—270; E. Jäckh, Kiderlen Wächter, II, 155 и сл; Siebert-Schreiner, 613—639; Haldane, Before the War, 55—72; Churchill, The World Crisis, 1911—1914, 94—115; Asquith, Genesis of the War, 153—160; Grey, I, 240—248; Poincaré, I, 163—183. Вопрос прекрасно изложен Б. С. Шмиттом в статье в «The Crusades and other Historical Essays, presented to Dana C. Munro» (N. Y. 1923), 245—288.

Джорджем. Этот меморандум должен был послужить основой для начала официальных переговоров и заключал следующее:

I. Основное. Морское превосходство признается необходимым для Великобритании. Теперешняя германская морская программа и затраты не должны возрастать, но по возможности должны быть отложены выполнением и сокращены.

II. Англия искренно желает не мешать германской колониальной экспансии. Для осуществления этого она готова сейчас же обсудить, каковы могут быть германские притязания в этом направлении; Англия с удовольствием примет к сведению указание на определенную область или специальные пункты, в которых она может оказать содействие Германии.

III. Она приветствует предложения относительно взаимного обязательства каждой державы воздерживаться от принятия участия в агрессивных планах или комбинациях против другой [1].

Сэр Эрнест Кассель показал этот меморандум германскому канцлеру, который письменно ответил, что он приветствует этот шаг, сделанный британским правительством, и вполне согласен с меморандумом, за исключением того, чтобы уже теперь были определены затраты на новое морское строительство 1912 г. Он добавил, что и он и кайзер были бы весьма рады посещению Эдуардом Греем Берлина, что явилось бы наиболее действительным средством для более быстрого продвижения переговоров. Он вручил также Касселю проект намеченного нового дополнения к закону о морском строительстве, которое предусматривало создание новой третьей морской эскадры из 5 существующих резервных судов и 3 новых; эти 3 новые судна должны были быть построены в течение ближайших шести лет и представляли увеличение программы 1908 г. на 3 крупных судна; т. е. в то время как по программе 1908 г. между 1912 и 1917 гг. предполагалась ежегодная закладка двух крупных судов, по новому проекту должны были быть заложены 3 судна в 1912, 1914 и 1916 гг. [2]. Кассель возвратился с этим и заявил от имени Грея, что если германский морской бюджет будет нормирован путем изменения темпа сооружения судов или другим способом так, чтобы сделать ненужным какое-либо серьезное увеличение британских морских кредитов, «британское правительство будет готово немедленно приступить к переговорам, считая, что пункт о морских кредитах остается открытым для обсуждения и что есть большая надежда на благоприятное разрешение вопроса» [3]. Если такое предложение приемлемо,—кто-нибудь из британских министров прибудет в Берлин. Бетман ответил, что все это приемлемо, при условии, что Англия даст соответствующие гарантии дружественной ориентации своей общей политики. «Соглашение должно заключать заявление, что обе державы договорились не принимать участия в планах, комбинациях или военных обязательствах, направленных против одной из них» [4].

Лично Грей не был склонен принять дружеское приглашение посетить Берлин. Основанием для этого были, как он рассказывает двенадцатью

[1] G. P., XXXI, 98.
[2] Ibid. 99, примечание.
[3] Кассель—Баллину 3 февраля 1912 г.; Churchill, 98; G. P., XXXI, 102.
[4] G. P., XXXI, 103 и сл.

годами позже в своих мемуарах, его опасения, что «визит мог бы вызвать подозрения и недоверия в Париже»; что весь план целиком мог бы оказаться «одним из тех мелких маневров, который мог бы быть затем признан или дезавуирован в Берлине, смотря по тому, что оказалось бы удобнее в германских интересах» и что он «не надеялся на то, чтобы из этого что-нибудь вышло»[1]. Возможно, что действительными и определяющими его поведение мотивами было его глубокое недоверие к Германии и его опасение встревожить Францию, и таким образом ослабить Антанту. Он решил не ехать лично в Берлин, а поручить это лорду Холдену, военному министру.

Он желал, чтобы визит Холдена «был бы частным и неофициальным с тем, чтобы, в случае его неудачи, не создалось неблагоприятного впечатления или разочарования в обществе[2]. В 1910 г., когда Бетман старался найти общий язык с Англией, Грей писал британскому послу в Берлине, что «обоюдный отказ от увеличения или же уменьшение морских бюджетов является критерием для определения того, стоит ли чего-нибудь это соглашение» и что в предложениях Бетмана «морской вопрос поставлен недостаточно выпукло»[3].

Очевидно он не думал, что в 1912 году имелось много шансов на уменьшение морских вооружений Германии. Повидимому он был убежден, что инициатива исходит от кайзера[4] и что если бы он отправился в Берлин и переговоры не привели ни к чему, то германское правительство попыталось бы свалить вину на него. Но главное, Грей твердо решился ни в малейшей мере не подвергать опасности англо-французскую Антанту.

Уинстон Черчилль сообщил ему, что адмиралтейство собирается вернуть средиземноморские суда в Северное море в ответ на новую третью эскадру, к созданию которой стремился Тирпиц; а это означало положиться в Средиземном море на Францию (как это в действительности и произошло впоследствии), ввиду чего, конечно, никакие изменения в Антанте не были возможны, даже если бы Грей и желал этого[5].

Чтобы умерить французские опасения, Грей тогда же сообщил французскому послу о предположенных переговорах и заверил его, что он не предпримет с Германией ничего такого, что связало бы ему руки[6]. Его заявление Поло Камбону показывает, сколь малая роль отводилась им миссии Холдена: Холдену надлежало «выяснить, являются ли последние предложения Германии серьезными или нет. Ему пред-

---

[1] Grey, I, 241 и сл.
[2] Ibid., 242 и сл.
[3] Грей—Гошену 5 мая 1910 г.; Grey, I, 245.
[4] Под влиянием Грея у Поля Камбона создалось впечатление, что инициатива исходит не от Англии, но от кайзера (Poincaré, I, 165, 168), и Черчилль сказал то же самое германскому морскому атташе (G. P., XXXI, 104). Но кайзер тогда же опроверг это в заметке, написанной на полях, указав, что он ничего не знал о предположением, пока сэр Эрнест Кассель не пришел к нему с предложением Грея (Ibid., 122). Действительные факты, повидимому, таковы, что инициатива исходила от Баллина и Касселя, и что только после разговора последнего с Греем кайзер указал, что лучшим способом для облегчения переговоров явился бы приезд Грея в Берлин.
[5] 31 января 1912 г.; Churchill, 97.
[6] Grey, I, 242.

стояло также попытаться собрать сведения по поводу Багдадской ж. д. Но не ставилось вопроса о вступлении в переговоры. Мы желаем только узнать о намерениях германского правительства и осведомиться об его планах относительно морской программы»[1]. Такая позиция Грея сама по себе предопределяла неудачу миссии Холдена.

Два другие обстоятельства вряд ли могли облегчить ее. 7 февраля, в день прибытия Холдена в Берлин, кайзер в своей речи на открытии рейхстага во всеуслышание заявил, что законопроекты об увеличении армии и флота будут внесены несколько позже в той же сессии. На это Уинстон Черчилль немедленно отозвался вызывающей речью в Глазго, характеризуя германский флот как «роскошь»: «Британский флот для нас является необходимостью, а с известной точки зрения германский флот является для немцев скорее роскошью... Мы должны дать понять, что другие морские державы не только не догонят нас путем новых усилий, но отстанут от нас еще больше в результате тех мероприятий, к которым мы должны будем прибегнуть». Речь рассердила Джона Морлея и некоторых других более пацифистски настроенных членов британского кабинета, которые искренне надеялись на соглашение с Бетманом, и вызвала немалое негодование в Германии[2].

Несмотря на такие неблагоприятные обстоятельства, прием лорда Холдена в Берлине носил весьма сердечный характер и вызвал значительный оптимизм как у него самого, так и у кайзера. Его первая встреча с Бетманом состоялась 8 февраля в британском посольстве. Он вынес из нее впечатление, которое он навсегда сохранил, что кайзер столь же искренне желал избегнуть войны, как и он сам. На следующий день Холден завтракал с Тирпицем и кайзером и имел продолжительную и дружественную беседу. Он высказался о необходимости для Англии иметь флот достаточно сильный, чтобы охранять ее торговлю и имеющую для нее жизненное значение доставку продовольствия и сырья. Он признавал, что Германия свободна строить все, что ей захочется, но что также свободна и Англия, которая, вероятно, должна будет закладывать два судна, против каждого из тех, которые Германия прибавит к своей программе.

После долгой дискуссии между ним и Тирпицем относительно принципа «Two Power Standart» и соотношения сил обоих флотов и безуспешных стараний столковаться по этому вопросу кайзер предложил, что было бы лучше пока избегать обсуждения судостроительных программ; вместо того чтобы пытаться определить пропорцию между двумя флотами, было бы лучше достигнуть соглашения по политическим вопросам общего характера и в колониальных делах; после того как это соглашение состоится и будет опубликовано, кайзер поручит Тирпицу заявить рейхстагу, что новое политическое соглашение с Англией совершенно изменило положение, и ассигнования на дополнительных 3 крупных судов, постройка которых определена законом на 1912, 1914 и 1916 гг., будут испрашиваться на 1913, 1916 и 1919 гг.

---

[1] Poincaré, I, 166. Когда Холден находился в Берлине, он также посетил французское посольство и заявил Жюлю Камбону о том, что даже если морское соглашение будет достигнуто, все останется попрежнему и соглашение не причинит ущерба Антанте (Poincarè, I, 167; G. P., XXXI, 126).

[2] Ср. Churchill, 99—101 и G. P., XXXI, 55, 62, 126.

Холден тактично согласился на это предложение, и было решено, что на следующий день он попытается выработать с Бетманом формулу политического соглашения [1].

В заключительной беседе 10 февраля 1912 г. Бетман предложил следующую формулу для политического соглашения:

I. Высокие договаривающиеся стороны заверяют друг друга в их стремлении к миру и дружбе.

II. Ни одна из них не будет создавать какой-либо комбинации, направленной против другой, и не присоединится к такой комбинации. Обе стороны торжественно заявляют, что они не связаны никакой подобной комбинацией.

III. Если одна из высоких договаривающихся сторон окажется втянутой в войну с одной или несколькими другими державами, другая высокая договаривающаяся сторона будет по крайней мере соблюдать по отношению к державе, подобным образом вовлеченной в конфликт, благожелательный нейтралитет и приложит все усилия для локализации конфликта.

IV. Обязательство нейтралитета, вытекающее из предшествующей статьи, не подлежит сомнению, поскольку это будет противоречить существующим соглашениям, уже заключенным высокими договаривающимися сторонами. Заключение новых соглашений, которые сделают невозможным для одной из договаривающихся сторон соблюдать нейтралитет по отношению к другой, кроме того случая, который предусмотрен предшествующим ограничением, исключается, в соответствии с указанием, содержащимся во II статье [2].

Холден заметил по отношению к статье III, что она допускает слишком широкое толкование. Она запрещала бы Англии притти на помощь Франции, если бы Германия напала на нее и стремилась получить в свое владение такие порты, как Дюнкирхен, Кале и Булонь. Этого Англия никогда не могла бы допустить, потому что для безопасности ее островов является существенным, чтобы эти порты оставались в руках дружественной Франции.

Предположите,—сказал он,—что Англия напала бы на Данию, чтобы захватить морскую станцию или с какой-нибудь другой целью, задевающей интересы Германии. Германия в этом случае должна иметь свободу действия. Точно так же, если бы Германия обрушилась на Францию «своими грозными армейскими корпусами», Англия не могла бы связать себя обязательством оставаться нейтральной. Помимо того подобная формула может также поставить Англию в противоречие с существующими договорными обязательствами по отношению к Бельгии, Португалии и Японии. Вследствие этого лорд Холден предлагал изменить ст. ст. II и III следующим образом:

II. Ни одна из них не сделает и не будет подготовлять какого-либо непровоцированного нападения против другой, не присоединится

---

[1] Кайзер—Бетману 9 февраля и меморандум Тирпица; G. P., XXXI, 112 и сл., 225 и сл.; Haldane, Before the War, 57 и сл.; Betmann, Betrachtungen, I, 50 и сл.; Tirpitz, Memoirs, I, 218 и сл.

[2] Haldane, 64; G. P., XXXI, 116 и сл. Кидерлен не присутствовал ни при одном из разговоров с Холденом, но он помогал Бетману в составлении этой формулы.

к какой-либо комбинации или плану против другой с агрессивными целями, не примет участие в плане морского или сухопутного нападения, самостоятельно или вместе с какой-либо другой державой, направленного к осуществлению подобной цели.

III. Если одна из высоких договаривающихся сторон окажется вовлеченной в войну с одной или несколькими другими державами, в которой она не может считаться нападающей стороной, другая высокая договаривающаяся сторона будет по крайней мере соблюдать по отношению к державе, подобным образом вовлеченной в конфликт, благожелательный нейтралитет и приложит все усилия для локализации конфликта[1].

В своем стремлении заключить соглашение Бетман попался на эту приманку, хотя и не связал себя принятием его. Позже, однако, Германия указывала — и с достаточным основанием,—что слова «невынужденный» и «нападающая сторона» являются слишком неопределенными. В сложных положениях, которые ведут к войне, всегда трудно сказать, какая сторона является действительно нападающей. Поставить нейтралитет в зависимости от такого неопределенного толкования значило бы лишить соглашение всякой цены. В предположении, что Германия окажется в войне с Россией и Францией, нейтралитет Англии зависел бы от того, сочтет ли она, что Германия «вызвала» войну.

По колониальным вопросам Холдену и Бетману было гораздо легче наметить соглашение, которое, однако, не должно было рассматриваться как связывающее их. При перераспределении португальских колоний Германия получила бы Анголу, а Англия—Тимор.

Германия могла купить бельгийское Конго взамен предоставления свободы постройки Каиро-Капштадской ж. д. Англия соглашалась уступить Занзибар и Пембу в обмен на удовлетворительное урегулирование вопроса о Багдадской ж. д., как, например, 51% контроля над участком от Багдада до Бассы, около Персидского залива[2].

Относительно морского соперничества Холден полагал, что так как новый закон уже публично возвещен кайзером, то он будет внесен в рейхстаг, и он очень сомневался, сочтет ли британский кабинет удовлетворительной незначительную отсрочку в сооружениях, о которой упоминал кайзер, Англия вынуждена будет принять контрмеры, и английское общественное мнение вряд ли склонно будет санкционировать какое-либо «политическое соглашение» между странами в момент, когда обе увеличивают кредит на постройку флота.

После того как эти предложения были зафиксированы для дальнейшего их обсуждения лондонским и берлинским правительствами, лорд Холден возвратился в Англию, привезя в своем кармане проект германского закона о постройке флота.

Он был конфиденциально вручен ему кайзером с разрешением показать его коллегам частным образом, хотя его содержание пока неизвестно ни рейхстагу, ни германскому общественному мнению. Так как это был обширный документ, требовавший технических знаний, Холден не пытался изучить его в Берлине. Когда он передал его

[1] G. P., XXXI, 118 и сл. Разрядка автора.
[2] Ibid., 119 и сл.

на рассмотрение Уистона Черчилля и адмиралтейства, они увидели, что выполнение его потребует весьма серьезных расходов на флот и для Англии и для Германии.

Поэтому англичане отправили в Берлин меморандум, обращая внимание не просто на предусмотренные три новые, крупные судна, но на громадное увеличение личного состава и затрат, посредством которых Германия предполагала обеспечить новую третью эскадру. Чтобы ответить на это, Англия должна была бы строить два судна на каждое крупное судно, добавленное к германскому флоту, сверх числа, определенного существующим законом; и должна была бы произвести дальнейшую концентрацию флота у своих берегов, что увеличило бы издержки на ближайшие шесть лет на 18 500 тыс. ф. ст. Общественное мнение вряд ли смогло бы рассматривать такие серьезные меры и контрмеры как соответствующие установлению сердечных отношений[1]. Другими словами, как резко доносил Меттерних, «политическому соглашению» грозила опасность потерпеть крушение на законе о постройке флота. Чтобы спасти первое, Германия должна отменить или существенно изменить последний. И действительно, Грей сказал ему спустя несколько дней, что было бы невозможно подписать какое-либо политическое соглашение в момент, когда обе страны увеличивают свои затраты на постройку флота, потому что общественное мнение считало бы это несообразностью[2].

В Берлине этот меморандум произвел неблагоприятное впечатление. Грей уничтожал как будто все надежды на сближение. Он отверг базис для дискуссии, принятый Холденом в Берлине, откинув соглашение о нейтралитете и отдав приоритет критике закона о постройке судов и деталей этого закона, из коих некоторые (как, например, вопрос об увеличении команды) совершенно не упоминались Холденом. Даже в колониальных вопросах Грей, повидимому, отошел от первоначальной точки зрения и создавал затруднения: он открыл, что голландцы обладают преимущественным правом на приобретение Тимора; что Англия едва ли могла уступить Занзибар и Пемба, не получив взамен какой-нибудь германской территории; и что намеченная уступка по Богдадской ж. д. незначительна и неудовлетворительна[3].

Кайзер особенно негодовал на перемену позиции Англии. Он был склонен продолжать переговоры на основе берлинских разговоров с Холденом, но не на новой основе, предложенной Греем в Лондоне. В этом смысле был приготовлен для Меттерниха меморандум, но был задержан на несколько дней Бетманом. Несмотря ни на что, он и Кидерлен мужественно продолжали вести борьбу, чтобы удовлетворить Грея. Они пытались убедить Тирпица и кайзера отказаться от трех сверхпрограммных линейных судов и отсрочить опубликование закона о постройке флота[4]. Но кайзер горел нетерпением представить этот закон на рассмотрение рейхстага, так как он уже заявил об этом в своей речи и так как этот закон уже больше двух недель находился в руках

[1] G. P., XXXI, 134 и сл.
[2] Меттерних—Бетману, 22, 24, 29 февраля; G. P., XXXI, 128—145.
[3] G. P., XXXI, 137—154.
[4] Ibid., 148—153; Tirpitz, Der Aufbau der deutschen Weltmacht, 290 и сл.; 305 и сл.

англичан. По настоянию Бетмана до сих пор воздерживались от публикования закона, чтобы не подвергать опасности переговоры с Англией. Наконец 5 марта кайзер телеграфировал Бетману, что меморандум, приготовленный для Меттерниха, должен быть передан Грею утром 6 марта, с тем, чтобы закон о постройке флота мог быть представлен рейхстагу вечером. Он пошел также на необычайный шаг, и сам телеграфировал Меттерниху, что Англия, очевидно, отказывается от основы соглашения, принятой Холденом; кайзер настаивал на ней и на проведении морского закона, за исключением частичной отсрочки постройки крупных судов, вопрос о личном составе не мог быть предметом обсуждения с Англией; если же Англия переведет свои суда из Средиземного моря в Северное, это будет рассматриваться как угроза войной и вызовет ответ в форме увеличения морского бюджета и возможной мобилизации[1].

Бетман подал в отставку: он не мог дольше нести ответственность за подобную политику и за такие непосредственные распоряжения кайзера германским послам без предварительного совета с канцлером. Кайзер поспешил обратно в Берлин, убедил Бетмана остаться на посту и согласился на дальнейшую отсрочку закона о постройке флота и на продолжение переговоров с Англией. Тогда Тирпиц в свою очередь пригрозил отставкой, если закон о флоте будет похоронен[2]. После жестокой стычки между обоими министрами адмирал, конечно, победил гражданского канцлера. Было решено, что в законе не будет произведено сокращения кроме небольшой детали—отсрочки даты постройки крупных судов, на что Тирпиц ворчливо согласился.

Тем не менее Бетман продолжал свои переговоры с Англией[3], но они не имели никакого шанса на успех ни по вопросу соглашения относительно нейтралитета, ни об ограничении морских вооружений. Они сами собою прекратились как безнадежные 29 марта, когда Грей известил Меттерниха, что английский кабинет, наконец, окончательно высказался против первоначальной формулы Бетмана о нейтралитете. Грей предложил взамен значительно более ограниченную формулу, которую Германия отвергла как не дающую достаточных гарантий против войны с Англией[4].

Уже 18 марта Уинстон Черчилль внес на рассмотрение парламента британские морские кредиты, предусматривающие постройку двух судов на одно германское и увеличение других статей морского бюджета, что рассматривалось им как английский ответ на ожидаемый германский морской бюджет. Атлантический флот должен был быть переведен из Гибралтара к берегам Великобритании и заменен в Гибралтаре средиземноморскими судами, которые до сих пор имели своей базой Мальту. Он указал, однако, что если Германия не будет увеличивать своего флота, то и Англия не будет этого делать; оба флота в этом случае противостояли бы друг другу в прежней пропорции, и обе страны избегли бы чудовищных затрат[5]. Однако он не сделал официально

[1] G. P., XXXI, 156.
[2] Ibid., примечание; Tirpitz, 317—325.
[3] Ibid., 159—210.
[4] Ibid., 210 и сл.
[5] Ibid., 193—201; Churchill, 107 и сл.

такого предложения Германии. 14 апреля германский закон о постройке флота был представлен рейхстагу и принят 14 мая без изменений [1].

Миссия Холдена потерпела неудачу главным образом по двум причинам: из-за нежелания Англии заключить какое-либо соглашение о нейтралитете, которое каким-либо образом ограничило бы ее свободу помогать Франции; из-за нежелания Германии сделать какие-либо серьезные сокращения в дополнительном законе о постройке судов, которые могли бы удовлетворить Англию; каждая сторона добивалась уступок, которые руководящие министры другой страны отказывались сделать.

Только в третьей группе вопросов, подлежавших рассмотрению (колониальные дела и Багдадская ж. д.), было возможно продолжать успешные переговоры; в этой менее трудной области экономического соперничества были постепенно выработаны взаимно удовлетворяющие соглашения, которые были готовы для подписания накануне мировой войны [2]. Таким образом миссия Холдена, подобно потсдамским переговорам с Россией в 1910 г., имела своим последствием устранение некоторых причин для трений, но потерпела неудачу в одном из главных пунктов — в достижении какого-либо письменного соглашения, которое уменьшило бы политическую изоляцию Германии и ослабило бы узы Тройственного согласия.

УКРЕПЛЕНИЕ ТРОЙСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ в 1912 г.

Вызванное Германией падение Делькассе в 1905 г. и внезапная посылка «Пантеры» в Агадир рассматривались французами как «грубые акты», как примеры германского обычая стучать по зеленому столу бронированным кулаком для обеспечения себе дипломатических побед. В обоих случаях французы потерпели поражение, так как испугались германских угроз войной, если они не уступят.

Следовательно, в обоих случаях они были вынуждены сделать то, что считали унизительными уступками, ибо они не были готовы принять германский вызов. Вот как Пуанкаре изображает это: «Политика Германии осталась проникнутой тем высокомерием, которое со времени войны 1870 г. привело к франко-германским инцидентам в 1875 и 1887 гг., а между 1905 и 1911 гг. постоянно давало о себе болезненно знать в морских делах. После танжерского оскорбления пришла агадирская угроза. Вместо того, чтобы реагировать на эти повторные провокации, Франция, в своем «стремлении к миру» [3], согласилась на Алжирасскую конференцию и на территориальные уступки в Конго, в обмен на свободу действий в Марокко. Эти выступления Германии, равно как и ультиматум по адресу России во время боснийского кризиса и воинственные жесты кайзера, постепенно пробудили в группе французских политиков новый национальный дух. Они возродили стремление к реваншу и к возврату Эльзас-Лотарингии. Они создали убеждение, что Франция слишком долго страдала от угрозы германского вторжения из-за Рейна. Выросла решимость в будущем, если Германия снова пригрозит войной, лучше итти на войну, чем подвергаться новому унижению.

---

[1] Tirpitz, 334 и сл.
[2] G. P., XXXI. 225—305; XXXII, 1—470.
[3] «Foreign Affairs» (N. Y.), Oct. 1925., 7.

Этот новый национальный дух, эта решимость и уверенность в себе значительно окрепли благодаря дружбе Англии и усилившемуся убеждению, что в случае конфликта с Германией Англия окажется на стороне Франции не только со своим флотом, но пошлет даже английские войска для укрепления левого фланга французской армии в северной Франции. Это подавало большие надежды на победу, и, как плоды ее,—на возвращение утраченных провинций и на окончание кошмара германской угрозы. Большинство этих руководящих французских деятелей, равно как и масса французского народа, не желали войны, но если стремление Германии к «гегемонии над Европой» и ее попытки вновь прибегнуть к действию бронированного кулака, чтобы добиться дипломатического триумфа, создадут новый международный кризис, лучше сражаться, чем отступать. Так как было мало сомнения в том, что Германия предпримет какую-нибудь новую агрессию, война становилась «неизбежной». Следовательно, Франция должна была готовиться к ней путем увеличения своей собственной армии и флота и путем укрепления своих отношений с союзником по другую сторону Германии и со своим другом по ту сторону Ламанша. Этот новый национальный дух персонифицировался Раймондом Пуанкаре и маленькой группой людей, с которыми он был тесно связан. Пуанкаре являлся не только воплощением идеи «национального пробуждения». Своей решительностью, твердостью и одаренностью он сделал больше, чем кто-либо другой, для укрепления и стимулирования этого национального духа.

Последнее нашло выражение в свержении министерства Кайо, которого обвиняли в слишком большой уступчивости по отношению к Германии в агадирском кризисе, и в образовании 13 января 1912 г. «Большого министерства», или «Национального министерства», в котором Пуанкаре был премьер-министром и министром иностранных дел, Мильеран—военным министром и Делькассе—морским министром. В своей программной речи Пуанкаре заявил, что его первым делом будет объединение всех республиканских группировок единым национальным духом, организация нового протектората в Марокко и соблюдение прямых и любезных отношений с Германией, и добавил:

> «Как всегда, мы намерены оставаться лойяльными по отношению к нашим союзам и нашим дружественным отношениям—мы поставим своим долгом объединить, как две объединенные силы, финансовую мощь, столь полезную для Франции, с ее военной и морской мощью. Как ни глубоко миролюбива наша страна, она не властна над всякими случайностями и она намерена выполнять свои обязанности. Армия и флот будут объектом нашей внимательной заботы»[1].

Уроженцу Бар-ле-Дюка в Лотарингии Р. Пуанкаре было 10 лет, когда германские армии заняли Францию в 1870 г. и оторвали его дом от его родины. Сын знаменитого метеоролога, брат знаменитого физика и родственник известного математика, сам Пуанкаре вскоре выдвинулся в качестве талантливого адвоката. Двадцати семи лет от роду он стал депутатом, а шестью годами позже, в 1893 г., министром народного просвещения, затем он был вицепрезидентом палаты и дважды министром финансов, раньше чем стать премьером и министром ино-

[1] Poincaré, I, 24; G. P., XXXI, 379.

странных дел в 1912 г. Со времени Бисмарка не было равного ему по одаренности политического деятеля. Его продолжительная общественная деятельность, его чрезвычайная энергия и работоспособность, его способность усваивать и помнить детали, ясность цели и решимость достичь ее, все это сочеталось в нем и делало его одним из наиболее замечательных современных государственных людей. Все эти природные качества, соединенные с его ораторским искусством и юридическим образованием, помогли ему легко побеждать своих противников в палате депутатов и властвовать над своими коллегами или подчиненными по кабинету. Можно не всегда одобрять ставившиеся им себе цели, но нельзя не изумляться искусству и таланту, с которыми он достигал их. Он точно знал, чего хотел, и шел к выполнению задуманного с исключительной прямотой и решительностью. Простота и краткость его депеш представляют освежающий контраст по сравнению с обычным дипломатическим многословием. Его природная застенчивость более чем компенсировалась его кипучей энергией. Таков был человек, явившийся главным руководителем французской внешней политики в период 1912—1914 г. В своих мемуарах он часто отрицает, что проводил личную политику в качестве министра иностранных дел или использовал свое положение, после того как стал президентом республики в феврале 1913 г., навязывая свои желания своему преемнику по министерству иностранных дел. Но при его одаренности, энергии и сильной индивидуальности естественно было, что он оказывался руководителем. Несмотря на его опровержения, мы думаем, что он оказывал сильное влияние в направлении агрессивной и опасной политики в период 1912—1914 гг., которая не отражала желаний подавляющего большинства французского народа, искренне преданного миру, и которую последний не одобрил бы, если бы отчетливо понимал ее и ту катастрофу, к которой она вела[1].

Человеком, наиболее тесно сотрудничавшим с Пуанкаре в его работе по укреплению Тройственного согласия, был русский посол в Париже. В настоящее время мы знаем, что Извольский был тщеславен, эгоистичен, склонен к интригам и не всегда добросовестен. Поэтому, его сообщения должны приниматься cum grano salis[2]. Тем не менее его характеристика Пуанкаре в приводимых ниже выдержках является в основном правильной. Он рисует нового министра иностранных дел, как «весьма сильную личность; как человека, чувствительное самолюбие которого должно быть «принято в расчет»; как человека, который

[1] После общей характеристики Пуанкаре и его целей, заключающейся в его «Мемуарах» (см. выше гл. I, примечание 6-е на стр. 17 и 2-е на стр. 18), наиболее осведомленную и правильную оценку Пуанкаре на английском языке дает биография, составленная Сислеем Хеддльстоном (Sisley Huddleston), «Poincaré».

[2] Пуанкаре много говорит по этому поводу (цит. соч., I, 294 и сл., 317 и сл.; II, 335 и сл.; III, 90 и сл.). Он говорит даже, что питал столь мало доверия к Извольскому, что в августе 1912 г. «сделал энергичное представление Коковцеву председателю русского совета министров, относительно отозвания Извольского» («Foreign Affairs» (N. Y.), Oct. 1925, 10). Если это правда и если он питал к Извольскому столь мало доверия, как он говорит об этом в своих послевоенных мемуарах, то достойно сожаления, что он не сделал энергичного представления царю и официальному начальнику Извольского, Сазонову, и не добился действительно его отозвания. Возможно, он опасался, что это возбудит протесты Сазонова и ослабит союз.

хотя «часто обнаруживает ненужную грубость и ломится в открытую дверь, но никогда не давал мне основания сомневаться в его правдивости»; «страстный характер, один из тех, которые действуют прямолинейно»; чью «энергию и решительность» необходимо иметь на стороне России и целиком использовать [1].

После избрания в президенты Пуанкаре говорил Извольскому, что он будет и впредь иметь «полную возможность непосредственно влиять на внешнюю политику Франции и что он не преминет использовать выгоду такого положения, чтобы обеспечить неизменность политики, основанной на тесном союзе с Россией. По его мнению для французского правительства весьма важно заранее подготовить французское общественное мнение к участию в войне, которая может разразиться из-за балканского вопроса. Ввиду этого французское правительство просит нас не предпринимать какого-нибудь единоличного выступления, способного вызвать подобную войну, без предварительного обмена взглядами с Францией» [2]. С тех пор вплоть до мировой войны русские находили в нем «горячего и убежденного сторонника тесного единения Франции и России и постоянного обмена взглядами между двумя союзниками по всем наиболее важным вопросам международной политики» [3] и, в связи с положением на Балканах, человека, который никогда не обманул бы Россию в случае войны с Германией [4].

Одним из первых вопросов, привлекших внимание Пуанкаре после образования «национального министерства», было создание более тесных отношений с Англией. Миссия Холдена и возможность англо-германского сближения причиняли ему некоторое беспокойство несмотря на заверения Грея. Поэтому он приветствовал странный шаг, предпринятый сэром Фрэнсисом Берти, английским послом в Париже. Хотя Грей не делал никаких уступок, которые могли бы удовлетворить Германию, Берти опасался, что в будущем он может изменить свой образ мыслей под влиянием таких людей, как лорд Лорберн, Харкарт и другие члены кабинета, склонявшиеся к сближению с Германией и способные наделать неприятностей, если бы они узнали об англо-французских военных и морских «собеседованиях», которые уже продолжались шесть лет, но о которых они ничего не знали.

Поэтому Берти совершенно частным образом и неофициально намекнул Пуанкаре, что было бы хорошо твердо указать Грею на опасности, заключающиеся во всяком соглашении с Германией о нейтралитете. Поняв намек, но не догадываясь, к чему он ведет, Пуанкаре послал энергичную депешу Полю Камбону по этому поводу. Камбон 29 марта сообщил содержание депеши Грею [5]. Это случилось в тот самый день, когда британский кабинет окончательно решил дать отрицательный ответ на формулу Бетмана о нейтралитете и похоронил надежды, связанные с миссией Холдена [6]. Неизвестно, состоялась ли

---

[1] L. №, I, 203, 216, 266, 281 и сл.
[2] Ibid., II, 14 и сл.
[3] Ibid., 360. У Коковцева было такое же впечатление.
[4] Ibid., I, 326, 346 и сл.; II, 10, 15, 345, 570.
[5] Poincarè, I, 170—178.
[6] G. P., XXXI, 210 и сл. Германия подозревала, что отрицательная позиция Грея отчасти обусловливалась французским давлением (Ibid., 144, 476 и сл., 489 и сл.).

беседа Камбона раньше или позже заседания кабинета и оказала ли она какое-нибудь действие на поведение Англии. Вполне возможно, что Пуанкаре позже мог хвастать перед Извольским, что он виновник неудачи миссии Холдена[1]. Но ввиду очевидной склонности Грея с самого начала не заключать какого-либо соглашения о нейтралитете, которое ограничивало бы его свободу встать на сторону Франции в случае франко-германской войны, и ввиду того факта, что еще перед 29 марта переговоры Холдена фактически были прерваны, представляется очень сомнительным, чтобы вмешательство Пуанкаре имело то решающее действие, о котором говорит Извольский. Конечно возможно, что Пуанкаре делал раньше другие представления Грею, чем те, о которых он упоминает в своих мемуарах. Грей в своих мемуарах ничего не рассказывает об этом вмешательстве со стороны Пуанкаре. По этому вопросу, как и по многим другим, мы, чтобы узнать истину, должны ждать полного опубликования материалов, хранящихся в английских архивах.

Однако миссия Холдена побудила Пуанкаре попытаться получить от Англии письменное связывающее стороны заявление. План Уинстона Черчилля перевести британские суда из Средиземного моря в Северное для усиления концентрации против Германии, намеченный в его речи 18 марта 1912 г.[2], вызвал оживленную дискуссию в британской и французской прессе. Указывалось, что наступило время для морского сотрудничества между обеими странами. Если Англия переведет свой флот из Средиземного моря и будет охранять северный берег Франции против возможности германского нападения, Франция может перевести свой флот из Бреста в Средиземное море и охранять британские интересы, как свои собственные.

В связи с этой дискуссией многие британские газеты указывали, что англо-французское согласие должно быть окончательно оформлено в постоянный оборонительный союз. «Единственным средством против постоянной угрозы войной является новая система оформленных союзов»[3]. Таково было также мнение Пуанкаре. Следуя его инструкциям, Поль Камбон указал сэру Артуру Никольсону на необходимость упрочения сердечного согласия письменным соглашением:

«Как видите, в этом заключается причина слабости положения

---

[1] Извольский—Сазонову 5 декабря 1912 г. («Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 609; L. N., 365 и сл.; Stieve, II, 377): «Из моего разговора с Пуанкаре и Палеологом я мог узнать весьма доверительным образом, что по поводу знаменитой поездки лорда Холдена в Берлин... Пуанкаре заявил британскому правительству, что пока Франция и Англия не имеют письменного соглашения общеполитического характера, подписание подобного соглашения между Германией и Англией сейчас же вызовет прекращение существующих англо-французских отношений. Его протест имел ожидаемый эффект, и лондонский кабинет отверг германское предложение». Пуанкаре сделал это конфиденциальное заявление Извольскому в декабре 1912 г., если правильно сообщение, как раз в то время, когда он стремился убедить Россию в прочности и солидарности Тройственного согласия и побудить вследствие этого Сазонова занять более твердую позицию в вопросе о поддержке Сербии.

[2] Churchill, 97, 111 и сл.; G. P., XXXI, 147 и сл., 156, 198, 218.

[3] «London Daily Express», 27 мая 1912; см. также резюме заявлений британской и французской прессы относительно желательности превращения сердечного согласия в постоянный союз; G. P., XXXI, 475—556; Siebert-Schreiner, 640—646.

Пуанкаре. Больше, чем кто-либо другой, он является сторонником согласия с Англией, но он не может уверить запрашивающих его влиятельных политических деятелей, своих коллег по кабинету, руководителей французского общественного мнения, что между нами существуют более прочные узы, а не одни лишь чувства симпатии. В отношениях между правительствами достаточно уверенности в их взаимных намерениях. Этого недостаточно для общественного мнения. Враги Англии во Франции (их немного, но они существуют) заявляют, что наши отношения с вами не дают гарантий. Поэтому я спрашиваю себя, неужели мы не можем совместно найти формулу, которая позволила бы нам успокоить беспокойных и подозрительных людей. Я знаю, что британское правительство не имеет права связывать себя без одобрения парламента, но нет нужды в формально-договорном соглашении; мы можем удовлетвориться обменом деклараций. Именно это мы должны были сделать в 1905 г. с лордом Ленсдоуном, если бы отставка Делькассе не оборвала наши переговоры»[1].

Никольсон лично был склонен заключить подобное соглашение, которое, как указывает Пуанкаре, явилось бы дальнейшим шагом на пути превращения согласия в союз[2]. Но Грей, которого уже сурово порицали в парламенте за подчинение интересам французского и русского империализма в Марокко и в Персии, не считал возможным предпринять такой решительный шаг без согласия всего кабинета. Большинство членов его все еще не были осведомлены о военных «собеседованиях», происходивших с 1906 г. Вследствие этого предложение Камбона не привело в данный момент ни к каким результатам. Между тем Пуанкаре упрочивал тройственное согласие и морское положение Франции в Средиземном море морской конвенцией с Россией[3].

В мае 1912 г. Черчилль, в сопровождении Асквита, посетил Мальту, чтобы посовещаться с генералом Китченером относительно обстановки в Египте и положения Великобритании в Средиземном море. По своем возвращении он заявил 22 июля в парламенте в более решительных тонах о плане адмиралтейства перевести суда из Средиземного моря для концентрации их в Северном море. Одновременно он предложил французскому военному атташе проект плана сотрудничества британского и французского флотов. Но французы не решались принять его, ибо в осторожном предисловии к нему указывалось, что он не должен влиять на свободу действий обеих сторон; в глазах французов это лишало его цены[4].

Однако Грей и Черчилль не желали связывать себе руки каким-нибудь определенным письменным обязательством. Даже в морском соглашении, по которому Англия переводила свой средиземноморский флот в Северное море, в то время как французы направляли свой брестский флот в Тулон, крылась опасность возникновения обязательства с английской

---

[1] Камбон—Пуанкаре 18 апреля 1912 г.; Poincaré, I, 173 и сл.

[2] Poincaré, I, 174. Франция и Англия держат это в секрете от России; опровержением этого занимались Никольсон перед Бенкендорфом в Лондоне и Пуанкаре перед Извольским в Париже: Siebert-Schreiner, стр. 641—644.

[3] См. ниже примечание 2-е на стр. 226 и 1-е на стр. 227.

[4] Poincaré, I, 215—219.

стороны охранять северные берега Франции, как указал Грей в разговорах с Камбоном в июле [1].

Черчилль также хорошо видел эту опасность. Подобно Кемпбелл-Баннерману в 1906 г. [2] и Асквиту в 1911 г. [3] он предвидел, что это побудит французов рассчитывать на британскую помощь; это само собою создавало обязательство и таким образом ограничивало бы свободу действия Англии. Он высказал это Грею следующим образом: «Наша свобода будет заметно нарушена, если французы могут сказать, что они обнажили свое атлантическое побережье и сосредоточили свой флот в Средиземном море, в силу морских обязательств, заключенных с нами. [Он не думал, что подобное заявление французов было бы справедливо, потому что такое распределение флотов являлось лучшей политикой для обоих правительств.] Учтите, каким страшным оружием могла бы обладать Франция, чтобы вызвать наше вмешательство, если бы она могла сказать: «По совету и по соглашению с вашими морскими властями мы оставили наши северные берега беззащитными». Всякий, кто знает факты, должен понять, что мы несем союзные обязательства без преимуществ союза и сверх всего без точного определения его» [4].

Пока шли эти англо-французские переговоры, но еще до принятия какого-нибудь решения, благодаря неосторожности одного из подчиненных Делькассе, стало преждевременно известно, что брестский флот Франции переводится в Средиземное море. Это известие, говорит Пуанкаре, вызвало громадное возбуждение и было истолковано прессой как показатель, что англо-французское морское соглашение окончательно заключено [5]. Этот инцидент дал новый толчок к переговорам. Пуанкаре снова инструктировал Камбона добиваться у Грея письменного соглашения. Грей под конец готов был дать его. Но прежде чем сделать столь важный шаг, он справедливо полагал, что оно должно быть известно всему кабинету и одобрено им, и что все его члены должны быть наконец осведомлены об англо-французских «собеседованиях», которые происходили с 1906 г. Он настаивал также на том, что требуется не формальный дипломатический документ, а простой обмен писем между ним и Камбоном [6]. В соответствии с этим он вручил 22 ноября Камбону письмо, одобренное кабинетом, и в обмен получил на следующий день от него письмо подобного же содержания. Письмо Грея, написанное в осторожных выражениях, гласило следующее:

Министерство иностранных дел.

22 ноября 1912 г.

Мой дорогой посол,

В последние годы французские и британские морские и военные эксперты устраивали время от времени совместные совещания.

[1] Ibid., 218.

[2] См. выше примечание 2-е на стр. 142.

[3] Ср Асквит—Грею 5 сентября 1911 г. (Grey, I, 92): «Подобные разговоры между ген. Жоффром и полк. Файрхольмом представляются мне довольно опасными, особенно в части, касающейся возможной британской помощи. Французов не следует поощрять при настоящих условиях исходить в своих планах из подобного рода предположений».

[4] Черчилль—Грею 23 августа 1912 г.; Churchill, 112.

[5] Poincaré, I, 217.

[6] Ibid., I, 219 и сл.: Grey, I, 93 и сл.

Всегда предполагалось, что подобные совещания не ограничивают свободы каждого правительства решать когда-либо в будущем, оказывать ли другому поддержку вооруженной силой или нет. Мы пришли к соглашению, что совещания между экспертами не рассматриваются и не должны рассматриваться как обязательство, вынуждающее каждое правительство к действию в подлежащем случае. Например расположение французского и британского флотов применительно к настоящему моменту не основано на обязательстве сотрудничать во время войны.

Однако вы указали, что если одно правительство будет иметь веское основание ожидать невызванного нападения со стороны третьей державы, то для него важно будет знать, имеет ли оно основание в этом случае рассчитывать на вооруженную помощь другого правительства.

Я считаю, что если одно правительство будет иметь веское основание ожидать невызванного нападения со стороны третьей державы или чего-либо, что угрожало бы всеобщему миру, то оно должно немедленно обсудить с другим правительством, выступят ли оба правительства совместно, чтобы помешать нападению и сохранить мир, если выступят, то какие должны быть приняты меры, чтобы действовать сообща. Если эти мероприятия связаны будут с активным выступлением, планы генеральных штабов должны быть сейчас же приняты во внимание и правительства должны решить, какой ход надлежит дать им.

Ваш и т. д. Э. Грей[1].

Отношения между французским и британским кабинетами вплоть до начала войны (речь идет о письменном соглашении) определялись этими письмами, которыми обменялись Грей и Камбон. Грей продолжал питать иллюзии, что у него еще «развязаны руки», и это было справедливо, если считаться с буквой писем. Но, как отмечали Кэмпбелл-Баннерман и Асквит, военные разговоры были опасны в смысле поощрения Франции; а как заявлял Черчилль, новое размещение британского и французского флотов, состоявшееся в конце 1912 г., связывало Англию с Францией еще более тесно. Оно создавало для Англии неустранимое моральное обязательство охранять берег Франции в случае войны между Францией и Германией, т. е. принять участие на стороне Франции в войне, независимо от того, почему она возникла. Конечно, Пуанкаре понимал, что Грей предусмотрительно выдвинул положение, что если имеется основание ожидать «невызванное нападение», то оба правительства должны «обсудить», будут ли они совместно действовать. Он знал, что Грей должен считаться с сильной пацифистской группой внутри британского кабинета и среди британского народа; для них будет иметь огромное значение вопрос о том, почему возникла война. Поэтому Пуанкаре был весьма озабочен,—как будет видно в связи с кризисом в июле 1914 г.,—тем, чтобы создать впечатление, что нападающей стороной были Австрия и Германия. Точно так же французские военные власти, составляя «План XVII»

[1] Grey, I, 94 и сл.

(который в изменённой форме был планом французской кампании в 1914 г.), знали, что они не могут с уверенностью рассчитывать на сотрудничество британской армии; но они не сомневались, что могут рассчитывать на британский флот.

«На море, однако, мы можем без риска рассчитывать на действительную поддержку британского флота. На суше соглашение, установленное между генеральными штабами обеих стран, предусматривало для обслуживания нашего крайнего левого фланга английскую армию, состоящую из... 120 тыс. чел. [Но эта поддержка остается под сомнением.] Поэтому мы должны действовать благоразумно, не включая в рассмотрение нашего плана операций эти английские силы»[1].

Это, однако, не значило, что генерал Жоффр не ожидал английской военной помощи, но значило просто, что французский мобилизационный план не должен был рассчитывать безусловно на британское военное сотрудничество. Дальнейшие детали «Плана XVII» показывают, что британские экспедиционные силы не только ожидались, но были сделаны приготовления для их транспортирования и концентрации на бельгийской границе[2].

С политической точки зрения является знаменательным убеждение французов, что они могут рассчитывать на британский флот. Это вовлекало британцев в войну со всеми вытекающими для Франции и России преимуществами от громадного морского превосходства Англии, благодаря возможности блокады Германии и лишения ее продовольствия и военных материалов, не говоря о большом моральном эффекте, который должно было произвести активное выступление британской империи на стороне франко-русского союза.

С этими англо-французскими морскими соглашениями была тесно связана франко-русская морская конвенция от 16 июля 1912 г. Россия стремилась к совершенно бесспорному морскому главенству на Черном море. Точно так же она издавна хотела контролировать проливы и Константинополь. Первым шагом в этом направлении было обеспечить свободный проход ее военных судов через Босфор и Дарданеллы. Извольский несколько раз пытался добиться этого, но безуспешно[3]. Морская активность Италии и закрытие Дарданелл во время Триполитанской войны снова сделали Россию особенно чувствительной к вопросу о проливах. Она считала, что ее французский союзник может и должен помочь русскому флоту удержать свое превосходство на Черном море путем воспрепятствования австрийским и итальянским военным силам прохода через проливы. В случае европейской войны это защищало бы левый фланг русской армии, что, с другой стороны, давало бы преимущество Тройственному согласию на других театрах войны. Кроме того Россия стремилась получить возможность перевести часть своего балтийского флота для усиления черноморского и иметь морскую базу на Средиземном море. Это было бы

---

[1] Основа «Плана XVII»; История французского генерального штаба «Les Armées Françaises dans la Grande Guerre», I, 19.

[2] «Les Armées Françaises dans la Grande Guerre», I, 47 и сл.

[3] См. ниже, гл. V, passim.

достигнуто, если бы Франция расширила Бизертский порт, в Северной Африке, и предоставила России право пользоваться им. Таковы были соображения, которые заставили русских желать тесного морского соглашения с Францией. Французы, со своей стороны, рады были выполнить, насколько возможно, все русские пожелания, чтобы упрочить согласованность действий между обеими странами[1].

Франко-русская военная конвенция 1894 г. не содержала ничего относящегося к сотрудничеству флотов обеих стран. Это обусловливалось относительно поздним учреждением морских штабов, отдельных от военных штабов. Французский морской штаб был образован только к 1902 г., а русский к 1908 г. Но в 1911 г. обе страны признали желательным дополнить свой союз морской конвенцией, аналогичной военной конвенции. Весною 1912 г. по инициативе русских состоялись в Париже переговоры между офицерами сухопутных войск и морскими офицерами обеих стран. Они имели своим результатом секретную морскую конвенцию, подписанную 16 июля адмиралами Обером и Ливеном, морскими министрами Делькассе и Григоровичем и закрепленную обменом нот между Сазоновым и Пуанкаре месяцем позже, во время визита последнего в Россию. В ней говорилось: «Морские силы Франции и России будут сотрудничать во всех обстоятельствах, в которых союз предусматривает и указывает объединенное действие сухопутных армий». Ею предусматривалась также подготовка к этому сотрудничеству в мирное время путем регулярных совещаний между морскими штабами обеих стран. Протоколы этих совещаний не были напечатаны во французской Желтой книге, но их содержание стало недавно известно из русских архивов. Они касаются расширения Бизерты как морской базы для французского и русского флотов, соединения ее с Севастополем беспроволочным телеграфом и установления секретного морского кода. В общем было договорено, что морское господство должно быть обеспечено для Франции в Средиземном море, для Англии в Северном и для России в Черном и Балтийском морях.

Когда Пуанкаре посетил Россию в августе 1912 г., одной из главных тем его разговоров с Сазоновым было более тесное сотрудничество морских сил Тройственного согласия. Он сообщил Сазонову, согласно доклада последнего царю, что «хотя между Францией и Англией не существует письменного договора, тем не менее военные и морские штабы обеих стран находятся в тесном контакте. Этот постоянный обмен взглядами имел своим последствием заключение между французскими и английскими правительствами словесного соглашения, в силу которого Англия заявила о своей готовности помочь Франции своими военными и морскими силами в случае нападения Германии»[2].

---

[1] Ср. «L'Alliance Franco-Russe», 133—139; Poincaré, II, 112—114; Egoriev et E. Schwede, La Convention Navale de 1912, «Les Alliés contre la Russie» (Paris 126) 54—64 (содержит новые материалы из русских архивов), переписка Извольского 18 июля, 2, 5, 6, 10, 14, 17, 18 августа и доклад Сазонова царю 17 августа 1912 г. («Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 229—256; L. N., I, 296—309, II, 338 и сл., 527—534; Stieve, II, 194—228); G. P., XXXI, 520—546.

[2] Доклад Сазонова царю 17 августа 1912 г.; «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», стр. 256; L. N., II, 339.

Он просил Сазонова «сохранить в полнейшем секрете это сообщение» и не давать англичанам основания подозревать, что он говорил об этом. Равным образом он посоветовал Сазонову воспользоваться предстоящим посещением Англии, чтобы обсудить вопрос о возможности англо-русского морского соглашения, которое таким образом завершило бы морское сотрудничество всех участниц Тройственного согласия в случае конфликта с Германией[1].

Сазонов последовал совету Пуанкаре. Во время своего визита в Бальморалль в сентябре, он осведомил Грея о содержании новой Франко-русской морской конвенции, сказав, что французы будут стараться оградить русские интересы на южном театре войны, воспрепятствовав австрийскому флоту проникнуть в Черное море; затем он спросил, склонна ли Англия оказать такую же услугу России на севере и оттянуть германский флот из Балтийского моря. Судя по докладу Сазонова царю, Грей заявил, что если возникнут указанные условия, Англия приложит все усилия, чтобы нанести самый сокрушительный удар германскому морскому могуществу.

«В подлежащих странах,—сказал он,—уже обсуждался вопрос о военных действиях в Балтийском море, но при этом выяснилось, что если английскому флоту и нетрудно было бы проникнуть в Балтийское море, то его пребывание там было бы сопряжено с значительной опасностью, ибо ввиду возможности для Германии наложить руку на Данию и преградить выход из Балтийского моря, он мог бы оказаться запертым, как в мышеловке. Поэтому Англии, вероятно, придется ограничиться операциями в Северном море.

Затем Грей, по собственному почину, подтвердил мне то, что я уже знал от Пуанкаре, а именно существование между Францией и Великобританией уговора, в силу которого, в случае войны с Германией, Англия обязалась оказать Франции помощь не только на море, но и на суше, путем высадки войск на материке.

Коснувшись того же вопроса в одном из разговоров со мною, король высказался еще более решительно, чем его министр. Когда я взволнованно указал на стремление Германии сравняться с Великобританией в отношении морских сил, то его величество воскликнул, что столкновение должно будет иметь роковые последствия не только для германского военного флота, но и для немецкой морской торговли, ибо «мы пустим ко дну всякое немецкое торговое судно, которое попадется нам в руки».

Последние слова, повидимому, отражают не только личные чувства его величества, но и господствующие в Англии настроения по отношению к Германии»[2].

Весьма сомнительно, правильно ли сообщал Сазонов, что сказали ему[3] Пуанкаре и Грей. Но тот факт, что он сделал такие сообщения царю, показывает, насколько французы и русские—и особенно русские—были ободрены существованием англо-французских военных и морских «собеседований» и склонны истолковывать их как обещание бри-

[1] Ibid.
[2] «Красный архив», III, 18; L. N. II, 347 и сл.; Stieve, II, 290 и сл.
[3] Ср. Grey, I, 286—289.

танской поддержки в случае всеобщей европейской войны. Эта морская конвенция вызвала также уклончивые заявления со стороны держав Тройственного согласия, что естественно усилило подозрения Германии относительно их агрессивных намерений. Благодаря «просачиванию» сведений из французского или русского министерства иностранных дел французская пресса вскоре указала на существование франко-русской морской конвенции. Это привело к запросам со стороны Германии. Коковцев в Петербурге отрицал, что подобная конвенция была подписана, но понятно отказался подтвердить свое отрицание публичным заявлением, «потому что всякое слово об этом будет превратно истолковано и шума будет еще больше»[1]. Другие русские и французские должностные лица давали уклончивые ответы в том смысле, что никакого соглашения не было подписано, но что, поскольку Франция и Россия являются союзниками, их военные и морские штабы должны время от времени иметь совместные совещания[2].

Подобным же образом после обмена письмами между Греем и Камбоном, Асквит и сэр Эдуард Грей продолжали торжественно отрицать в парламенте, что Англия заключила секретные соглашения, обязывающие ее принять участие в континентальной войне, хотя, как мы видели, французы и русские рассчитывали на это. Так как германское правительство весною 1914 г. получило каким-то секретным путем[3] сведения о переписке между Камбоном и Греем, то все эти опровержения вызвали беспокойство в Германии. И особенно это относится к переговорам об англо-русской морской конвенции как раз перед войной.

Письма, которыми обменялись Грей и Камбон, после существенной дипломатической поддержки, оказанной Англией Франции во время марокканских кризисов, создали весьма благоприятную основу для взаимного доверия между французским и британским правительствами.

Это доверие и согласованность укреплялись многими факторами: общностью недоверия к Германии; личными сердечными отношениями между Греем и Камбоном; тем фактом, что Англия не имела никаких агрессивных целей, которые сталкивались бы с французскими интересами, и той заботой, с которой Пуанкаре старался удовлетворять желания Грея и насколько возможно согласовывать с ними французскую политику. В действительности между Францией и Англией было больше согласованности и взаимного доверия, хотя они были только «друзьями», чем между Францией и Россией, которые были союзниками. И это поразительный пример того, что хорошо налаженная дружба лучше, чем союз. Однако многие писатели, особенно «ревизионисты» и критики Пуанкаре, утверждали, что было также полное единение между Парижем и Петербургом, что Пуанкаре и Извольский работали согласованно рука об руку, хотя эти писатели не пришли к соглашению относительно того, был ли француз орудием русского или наоборот. Их аргументы покоятся главным образом на переписке Извольского и на их убеждении, что Извольский и Пуанкаре оба стояли за войну, один—чтобы получить Константинополь и проливы, другой—чтобы

---

1 G. P., XXXI, 523 и сл., 528.

2 Ibid., 523 и сл. «L'Alliance Franco-Russe», 138; Poincaré, II, 114.

3 Ibid., 544. примечание; Grey, I, 286. Предположительно информация исходила от Зиберта, секретаря русского посольства в Лондоне.

вернуть Эльзас-Лотарингию. Но мы думаем, что более внимательное изучение переписки Извольского, характера и методов Сазонова и мемуаров Пуанкаре должно показать, что между обоими союзниками не было вовсе того полного единения, о котором так часто говорят.

Как указывалось во второй главе, франко-русский союз был вначале в основном оборонительным по своему содержанию и цели. Почти двадцать лет он оставался таким. К нему не обращались, чтобы поддержать русские притязания на Балканах и на Дальнем Востоке или французские притязания в Северной Африке и стремление Франции вернуть себе утраченные провинции на Рейне. Россия оказала Франции только слабую поддержку в 1905 г. в Алжезирасе и во время агадирского кризиса. Отрицательная позиция Франции явилась одной из причин неудачи Извольского в вопросе об открытии проливов после сделки в Бухлау; и снова в 1911 г. Франция уклонилась от принятия обязательства поддержать в связи с делом Чарыкова[1] новые усилия Извольского открыть проливы. Но в 1912 г., во время премьерства Пуанкаре, характер союза начал изменяться. Франция начала более активно поддерживать агрессивную политику России на Балканах и заверила ее, что окажет ей вооруженную поддержку, если эта политика вовлечет Россию в войну с Австрией и Германией. Одно из первых проявлений и одна из причин этой перемены вскрывается в связи с интригами против Жоржа Луи[2].

Жорж Луи, опытный дипломат, служил в качестве директора политического департамента во французском министерстве иностранных дел с 1904 по 1909 г. и затем в качестве посла в России до его отозвания в феврале 1913 г. Он использовал свое влияние, чтобы ограничить франко-русский союз его первоначальным оборонительным характером. Он поддерживал англо-французскую политику сохранения неприкосновенности Оттоманской империи, в противовес планам России. Он опасался, что притязания России на Балканах могут вовлечь Францию в войну, и относился подозрительно к целям и интригам Извольского. В конце 1911 г., временно замещая снова вакантный пост директора политического департамента в Париже, он противодействовал усилиям Извольского связать Францию письменным соглашением о поддержке плана открытия проливов для русских военных судов[3]. Благодаря этому он вызвал нерасположение к себе со стороны Извольского и Сазонова.

Они сетовали также, что в качестве посла он неправильно передает в Париже взгляды русского министерства иностранных дел. Если это была правда, то, конечно, не вполне по вине посла, но отчасти вследствие отсутствия откровенности со стороны Сазонова при

---

[1] Детали см. ниже, гл. V.

[2] Эта неприглядная история рассказана во всей полноте Ernest Judet, Georges Louis (Paris 1925) и Poincaré, I, 294 и сл., 333 и сл.; II, 22 и сл., Жюде, защищая дело и память своего друга, основывает свою работу в значительной степени на официальных депешах, имевшихся среди бумаг Луи, и на его «Carnets» (2 vols. Paris, 1926), которые содержат заметки Луи о разговорах с высокопоставленными лицами. Ответ Пуанкаре на ядовитую атаку Жюде основан главным образом на официальных депешах, которые он смог извлечь из своих собственных бумаг и из французских архивов. В последующем изложении могут быть указаны только важнейшие факты.

[3] См. ниже детали, гл. V, прим. 4-е на стр. 289 и прим. 4-е на стр. 292, также Judet, 131—167; Poincaré, I, 333—347.

изложении им своих взглядов, которые к тому же у него часто внезапно менялись. Например он составил и показал 14 февраля 1912 г. Жоржу Луи вопросник. Он содержал целый ряд основных вопросов, возникших относительно Балкан, в связи с итальянской войной в Триполи, и повидимому показывал, что Сазонов имеет в виду какое-то важное выступление, на которое он хотел бы получить согласие французов. «Это были самые серьезные вопросы, которые Россия может поставить своей союзнице», писал Луи Пуанкаре на следующий день [1]. Но затем Сазонов внезапно изменил свою точку зрения; на повторные старания Луи войти с ним в обсуждение вопросника и намерений, которые лежали в его основе, Сазонов отвечал уклончиво. Во многих других случаях, как, например, в случае с потсдамскими переговорами, Сазонов предпринимал важные шаги или совещался с Германией без предварительного осведомления Луи; это игнорирование франко-русской солидарности очень раздражало Пуанкаре. Его главной целью было, чтобы Тройственное согласие представляло прочный дипломатический фронт против Тройственного союза.

Кроме того Сазонов питал личную неприязнь к Жоржу Луи. Она объясняется любопытным фактом, который трудно было бы ожидать со стороны союзника, а именно: агенты Сазонова нашли способ расшифровать французский секретный дипломатический шифр и шпионили за телеграфной перепиской между Жоржем Луи и французским правительством. Луи подозревал это и неоднократно указывал Пуанкаре на необходимость более частой перемены шифра. В апреле 1912 г. Сазонов на основании одной из дешифрированных телеграмм Жоржа Луи узнал, что Луи обвиняет его в медлительности относительно одного китайского займа [2]. Поэтому он инструктировал Извольского попытаться добиться отозвания Луи и посылки вместо него кого-либо другого французским послом в Петербурге. Извольский с готовностью принялся за дело, хотя оно было весьма деликатным и трудным. Пуанкаре сейчас же согласился удовлетворить это пожелание. 8 мая 1912 г. он поручил Палеологу, новому директору политического департамента, телеграфировать Жоржу Луи:

«Весьма неожиданно и с сожалением председатель совета министров был официально извещен, что русское правительство желает видеть Францию, представленной послом, который проявил бы большую активность в своих политических функциях и в отношениях с обществом...

Дипломатические проблемы, которые в настоящее время поставлены на обсуждение между Парижем и Петербургом, слишком серьезны, чтобы наши усилия парализовались тем фактом, что, как заявляет Сазонов, он не чувствует контакта с вами.

Вследствие этого, г. Пуанкаре, обращаясь к вашему патриотизму, просит вас отказаться от вашего теперешнего посольского поста, с тем, чтобы найти для вас в возможно скором времени другой пост.

[1] Judet, 174; ср. Poincaré, II, 24 и сл.

[2] Judet, 85. В действительности Луи доносил о медлительности «министерства» прежде чем Сазонов сделался министром иностранных дел, но агенты Сазонова сделали ошибку в дешифровании, приняв слово «министерство» за слово «министр», и Сазонов принял это за личное выступление против него.

Я вынужден признать так же, как и он, повелительную необходимость произвести ваше перемещение»[1].

Получив эту телеграмму, Луи был сначала ошеломлен. Затем, подозревая, что Сазонов и Извольский интригуют против него, и получив заверения от Коковцева, председателя русского совета министров, что русское правительство ничего не знает о требовании отозвать его, он телеграфировал Пуанкаре, прося его отстрочить решение, и поспешил в Париж, чтобы изложить свои подозрения лично Пуанкаре.

Один из самых влиятельных членов кабинета, Леон Буржуа, протестовал против уступчивости требованию Извольского в вопросе об отзыве посла, другие друзья Луи присоединились к его протесту. Между тем кое-что из происшедшего выплыло наружу, и некоторые газеты подняли шум против ничем не оправдываемого вмешательства Извольского во французские дела. Инцидент грозил превратиться в скандал, который серьезно осложнил бы франко-русские отношения. Тогда Пуанкаре счел наиболее удобным выходом полное отрицание того, что подобное требование относительно отозвания Луи было ему предъявлено, и послу было предложено возвратиться обратно к своему посту до того времени, когда шум утихнет и представится более подходящий случай для его отозвания[2].

Этот инцидент с Луи важен тем, что он усилил нерасположение Пуанкаре к Извольскому и заставил его тщательнее искать возможности войти в тесные отношения с Сазоновым и таким образом сильнее влиять на политику союзника Франции. Завоевание доверия и лойяльного сотрудничества Сазонова для обеспечения согласованных действий обеих союзных держав стало с этой поры главной целью Пуанкаре. Он рассчитывал достигнуть этого многими путями: посещением России в августе 1912 г. и в июле 1914 г.; повторным заявлением, что Франция готова поддержать Россию в случае войны; более активной поддержкой балканской политики России, устройством французских займов для русских военных приготовлений против Германии; усилением собственных французских вооружений и окончательным отозванием Луи из Петербурга.

Своим визитом в Россию в августе 1912 г. Пуанкаре сильно способствовал упрочению связей между обеими союзными странами. Он стремился уничтожить эффект недавнего свидания царя с кайзером в Балтийском порту и добиться уверенности, что Россия не будет в дальнейшем заключать сепаратные соглашения, подобные потсдамскому[3]. Равным образом он желал выяснить и уладить инцидент с Жоржем Луи. Он обсуждал с Сазоновым, Коковцевым и царем все главные вопросы, в которых Франция и Россия имели общие интересы — малоазиатские вопросы, китайский заем, итало-турецкую войну, недавнюю морскую конвенцию, надежды на английское сотрудничество и приготовления французского и русского штабов к военным действиям в случае войны с Германией. Он особенно настаивал на развитии сети

[1] Judet, 28 и сл.

[2] Judet, 83—130; Poincaré, I, 333 и сл.

[3] О свидании царя с кайзером в Балтийском порту, см. Poincaré, I, 310 и сл., 379 и сл.; Sazonov, Fateful Years (1928) 43 и сл. и G. P., XXXI, 427 и сл., 454, 232.

русских стратегических железных дорог на Западе, чтобы облегчить быструю концентрацию русских сил против Германии. По всем этим вопросам была достигнута значительная согласованность. Только в одном вопросе, наиболее важном из всех, Пуанкаре опять был встревожен отсутствием откровенности у Сазонова: Сазонов не сообщил условий секретного балканского союза, который был образован с помощью России в течение предшествующей зимы. Соглашение было подписано 13 марта 1912 г., но Сазонов не сделал ни одного намека на его содержание и на то, что оно может явиться преддверием к войне на Балканах. Когда он прочитал его теперь своему французскому гостю, Пуанкаре вполне оценил его опасный характер и воскликнул: «C'est un instrument de guerre» («Это—орудие войны»)[1]. Он сейчас же заявил протест Сазонову на столь долгое молчание о деле, которое может вовлечь Россию и, следовательно, Францию в войну. Он настаивал на том, чтобы каждый держал другого в курсе своих намерений. Он ограничивал союз его первоначальной оборонительной формой, но тут же добавил слова, заставившие Сазонова думать, что в случае кризиса Россия может рассчитывать на Францию. Среди других вопросов Сазонов докладывал царю:

«Подтвердив обоюдное намерение зорко следить за происходящим на Балканах и постоянно делиться мыслями и сведениями по этому поводу, мы вновь согласились с г. Пуанкаре, в случае возникновения каких-либо осложнений, тотчас установить, сообразно с обстоятельствами, совместный образ действий для предотвращения дипломатическим путем дальнейшего обострения положения.

При этом г. Пуанкаре счел своим долгом отметить, что французское общественное мнение не позволит правительству республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину применения casus foederis, в каковом случае, мы, разумеется, могли бы рассчитывать на полное и точное выполнение Францией связывающих ее по отношению к нам обязательств.

Я, с своей стороны, сказал французскому министру, что всегда готовые решительно встать на сторону Франции в случае наступления предвиденных нашим союзом обстоятельств, мы также не могли бы оправдать перед русским общественным мнением нашего активного участия в военных действиях, вызванных какими-нибудь внеевропейскими, колониальными вопросами до тех пор, пока жизненные интересы Франции в Европе останутся незатронутыми. ...Я был чрезвычайно рад возможности познакомиться с г. Пуанкаре и войти с ним в личные отношения, тем более, что из моего обмена мыслей с ним я вынес впечатление, что в его лице Россия имеет верного и надежного друга, обладающего недюжинным государственным умом и непреклонной волей. В случае наступления критического момента в международных отношениях было бы весьма желательно, чтобы во главе правительства нашей союзницы стоял, если не сам г. Пуанкаре, то лицо, обладающее столь же решительным характером и

---

[1] Так он сказал Извольскому; «Мат. по ист. франко-русских отношений» стр. 273; L. N., I, 324; Stieve, II, 250; см. также ниже, гл. V.

чуждое боязни ответственности, как нынешний французский первый министр»[1].

Поставленный перед совершившимся фактом в вопросе о балканском союзе и перед возможными опасностями, вытекающими из этого, Пуанкаре предпринял шаги перед другими державами, чтобы попытаться помешать балканским государствам теперь же начать войну. Но было уже поздно, балканские войны 1912—1913 гг. усилили щекотливость и важность франко-русских отношений, а также отношений между Тройственным согласием и Тройственным союзом. В течение первых недель балканских войн политика Пуанкаре оставалась такой же, как и во время посещения им России: удерживание Сазонова от необдуманных шагов путем требования предварительного обмена взглядами, присоединяя к этому, однако, заверения в полной лойяльности по отношению к союзным обязательствам; подчинение балканских интересов России более важному вопросу о сохранении мира между великими державами; установление полной солидарности в целях и действиях со стороны держав Тройственного согласия в соединении, однако, с желанием сотрудничать с Тройственным союзом, пока последний не предъявит чрезмерных требований. Но так как война продолжалась и балканские союзники одерживали блестящие победы, то произошла некоторая перемена, точнее, перемещение ударения в его руководстве французской политикой. Эта перемена, однако, была едва ли столь большой, как утверждали многие его критики, и не столь значительной, как склонен был представлять это Извольский в своих депешах в Петербург.

Пуанкаре находил, что цели Сазонова не всегда ясны и нелегко поддаются учету. Сазонов не всегда обменивался взглядами и предварительно согласовал их с Францией. Он был уклончив и неаккуратен в ответах на французские предложения. В начале войны он восторгался вместе с славянофилами изумительными военными успехами балканских государств в борьбе с Турцией. Но блестящие победы при Кирк-Килиссе и Люле—Бургасе и быстрое продвижение войск Фердинанда к Константинополю сильно охладили его энтузиазм. Захват болгарами турецкой столицы грозил надолго отложить осуществление собственных исторических надежд России в этом направлении. Если бы даже державы, имевшие там политические и финансовые интересы, и не позволили болгарам овладеть городом, то они могли бы воспользоваться благоприятным случаем, чтобы осуществить мысль Грея об интернационализации проливов. Поэтому даже в то время, когда сражение при Люле—Бургасе еще продолжалось, Сазонов настаивал, чтобы болгары признали «необходимость быть благоразумными и остановились вовремя», стараясь внушить им благоразумие обещанием в будущем дипломатической поддержки. Одновременно с этим он сообщил Англии и Франции, что он весьма приветствовал бы выступление в Софии и Белграде в целях посредничества, чтобы остановить славян—победите-

[1] Доклад Сазонова царю 17 августа 1912 г. «Мат. по ист. франко-русских отношений», 255 и сл.; L. N., II, 338 и сл.; Stieve. II, 219 и сл.; а также (частично) Siebert-Schreiner, 652—655; ср. Poincaré, II, 99—169, особенно 114 и сл. и ниже главу V (Цитату приводим по тексту, напечатанному в «Мат. по ист. франко-русских отношений» — *Прим. ред.*).

лей в войне, возникновению которой Россия содействовала своим участием в образовании балканского союза [1]. Спустя три дня, несмотря на то, что Пуанкаре уже предпринял шаги в желаемом для России направлении, Сазонов без всякого предупреждения или предварительного извещения представил всем державам полную программу немедленного вмешательства: оставление султана в Константинополе с защитной зоной, включающей Фракию и Адрианополь; автономная Албания; компенсации Румынии за сохранение нейтралитета; доступ Сербии к Адриатике и свободный транзит австрийских товаров через новую сербскую территорию [2].

Помимо доступа Сербии к Адриатике эта программа была составлена в духе уступок Тройственному союзу. Сазонов значительно больше думал о Константинополе, чем о «младших славянских сестрах» или о солидарности Тройственного согласия. Не давая Пуанкаре времени оправиться от изумления по поводу предложенных уступок, Сазонов послал ему новое тревожное сообщение, что если болгары займут Константинополь, весь русский черноморский флот «появится перед турецкой столицей» [3]. Планы русского адмиралтейства шли дальше: «для охраны нашего посольства и вообще наших интересов, конечно, надо будет произвести десант, для того же, чтобы не ослаблять судовые команды, желательно иметь для этой цели на судах некоторые части с пулеметами... Оккупацию верхнего Босфора можно было бы затянуть на очень долго и тогда легче будет там остаться навсегда. Твердое же занятие верхнего Босфора уже наполовину решает наболевший вопрос о проливах. Если бы для такого выступления подходящего предлога не оказалось, то его надо создать искусственно, имея в виду громадное государственное значение для нас верхнего Босфора, если не будет возможности овладеть всеми проливами» [4].

Однако французское общественное мнение было успокоено балканскими победами и начинало чувствовать новый интерес к русской политике на Балканах. Публичное заявление Пуанкаре о французской лойяльности по отношению к России вызвало громадный энтузиазм. «Ничто так не удается, как успех», пользуясь французской поговоркой, телеграфировал Извольский. «Под влиянием последних событий здесь замечается поворот умов в пользу балканских государств и русской точки зрения», сообщал он и добавлял, что сделает все, что сможет, для упрочения этого нового настроения, особенно путем воздействия на прессу, для чего он должен получить в свое распоряжение побольше денег [5]. Пуанкаре без энтузиазма относился к программе Сазонова о вмешательстве, которая вызвала бы протесты Болгарии и Сербии. Он

---

[1] Сазонов—Бенкендорфу и Извольскому 31 октября 1912 г., «Красный архив», XVI, 19; Siebert-Schreiner, p. 381 f; Stieve, II, 326.

[2] Циркуляр Сазонова 2 ноября; «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 293; L. N., II, 565; Stieve, II, 328.

[3] Сазонов—Извольскому 4 ноября; L. N., 339; Stieve, II, 331.

[4] Доклад морского штаба 2 ноября 1912 г., «Красный архив», VI, 52. (Мы цитируем по «Красному архиву», в переводе у Фея имеется довольно существенная ошибка: «оккупацию Босфора, — сказано у него, — нежелательно затягивать на очень длинный срок» в противоположность действительному смыслу подлинника. (*Прим. ред.*)

[5] Извольский—Сазонову 28 октября. «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 292; L. N, II, 564; Stieve, II, 320.

был поражен новым значением и влиянием, которые балканские победы придали славянскому делу и Тройственному согласию в вопросе о равновесии европейских держав, он подозревал также, что Австрия, поддерживаемая Германией, может извлечь выгоды из положения и попытаться сделать территориальные приобретения, а этому он решил помешать не только в интересах России и Сербии, но и в интересах Франции и престижа Тройственного согласия. Он был заинтересован больше тем, что может сделать Австрия, чем беспокойством Сазонова о судьбе Константинополя. Извольский писал 7 ноября:

«Тогда как до сих пор Франция заявляла нам, что местные, так сказать, чисто балканские события могут вызвать с ее стороны лишь дипломатические, а отнюдь не активные действия, ныне она как бы признает, что территориальный захват со стороны Австрии затрагивает общеевропейское равновесие, и поэтому и собственные интересы Франции. Пуанкаре вполне отдает себе отчет в том, что Франция может быть вовлечена на этой почве в военные действия. Покуда он, конечно, лишь предлагает этот вопрос на обсуждение, но в разговоре со мной Палеолог вполне признал, что предлагаемое соглашение может повести к тем или иным активным действиям»[1].

Оккупация Сербией Северной Албании и ее желание получить порт в Адриатическом море вскоре превратились в опасный острый вопрос. Австрия угрожала в случае надобности прибегнуть к силе, чтобы воспрепятствовать этому, и получила поддержку со стороны своих союзников. Сазонов, естественно, относился благожелательно к сербскому притязанию, но не до такой степени, чтобы вызвать войну. Он втайне склонялся к мысли найти какое-нибудь компромиссное предложение, как, например, предоставление Сербии железнодорожного выхода к Адриатике, но не уступку ей части Северной Албании, против чего особенно возражали Австрия и Италия. Когда он запросил, какова будет позиция Франции, если нельзя избегнуть активного вмешательства Австрии, то Пуанкаре, согласно Извольскому, ответил:

«России должна принадлежать инициатива в вопросе, в котором она больше других заинтересована: задача Франции оказать ей наиболее действительную помощь; беря инициативу на себя, французское правительство рисковало бы занять позицию, не соответствующую намерениям своей союзницы... В сущности,—прибавил Пуанкаре,—все это сводится к тому, что если Россия будет воевать, Франция сделает то же самое, потому что мы знаем, что в этом вопросе за Австрией будет Германия»[2].

Это заявление, много раз цитировавшееся противниками Пуанкаре как свидетельство победоносного влияния, оказывавшегося на него интригами Извольского, резко опровергается Пуанкаре в его мемуарах как неточное. В действительности он вновь подчеркивал, что не желает

[1] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 296; L. N., I, 342 Stieve, II, 336.
(Цитировано по тексту, опубликованному в «Материалах по истории франко-русских отношений». — *Прим. ред.*)

[2] Извольский—Сазонову 17 ноября. «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 300; L. N. I, 346; Stieve, II, 346. Ср. Poincaré. II 336, и сл. (Цитировано по «Материалам по истории франко-русских отношений».,—*Прим. ред.*).

давать обещаний, пока Сазонов не скажет наконец ясно, чего он хочет; тогда Франция будет в состоянии высказать свои взгляды. Что касается войны, он вновь определил союзные обязательства в тех же самых выражениях, которые он употребил в разговоре с Сазоновым в августе: Франция вступит в войну, если будет налицо casus foederis, предусмотренный союзом, т. е. «если Россия подвергнется нападению со стороны Германии или со стороны Австрии, поддержанной Германией». До тех пор он считает себя свободным от обязательств. Через несколько дней он постарался предупредить Жоржа Луи о неправильных сообщениях Извольского и просил его исправить ложное впечатление, которое они могут вызвать. Таким образом донесение Извольского, несомненно, неправильно передает слова Пуанкаре, но оно в точности показывает, как излагал Сазонову взгляды Пуанкаре русский посол в Париже. И это указывает, что Пуанкаре был теперь готов серьезно рассмотреть вопрос о войне, могущей возникнуть из балканских проблем, в которых Россия была заинтересована. Однако в 1912 г. Россия не была готова к войне. Ни одна из великих держав не желала ее, и сербский вопрос был перенесен на разрешение лондонской конференции послов.

Принимая во внимание интриганский, честолюбивый и не вполне заслуживавший доверия характер русского посла в Париже, для французского правительства было особенно важно иметь в Петербурге человека с воззрениями Жоржа Луи, который был на стороже против опасностей, сопряженных с притязаниями России на проливы. Но 17 февраля 1913 г. Луи был внезапно извещен о своем окончательном отозвании и замене его Делькассе. Как раз в это время Пуанкаре сделался президентом республики, и ответственность за перемену во французском посольстве в Петербурге технически падала на кабинет Бриана, в котором Жоннар явился преемником Пуанкаре на посту министра иностранных дел [1]. После такого «политического убийства», как называли друзья Луи его отставку, его дипломатическая карьера была загублена. Никакого нового места для него не нашлось. Он умер в 1917 г., во время войны, предотвратить которую являлось его целью. Несомненно, есть доля правды в заявлении Пуанкаре, что слабое здоровье Луи и отсутствие у него интимных отношений с Сазоновым и влиятельными кругами Петербурга делало желательным с точки зрения союзной солидарности замену его кем-либо, кто более охотно сотрудничал бы с Сазоновым и с его балканской политикой. Тот факт, что преемниками его были Делькассе, а затем Палеолог—оба твердо настроенные в пользу укрепления союзных связей путем оказания России решительной поддержки,—создавал согласованность между парижским и петербургским кабинетами. Этим достигалось укрепление Тройственного согласия, но в то же время это поощряло Сазонова в его политике поддержки Сербии и в его неуступчивой позиции по отношению к Австрии и Германии, что явилось одной из главных причин войны 1914 г.

---

[1] Judet, 205—234; Poincaré, II, 70; «Foreign Affairs» (N. Y.), VI, 11, oct. 1925.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ И СЛАБОСТЬ ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА В 1912 г.

Бисмарк, рассматривавший Австро-германский союз 1879 г. как строго оборонительный, отказывался допустить военные соглашения между германскими и австрийскими штабами из опасения, что это может лишить гражданские власти политической свободы действия. Вследствие этого этот союз точно так же, как Тройственное согласие, долгое время оставался без добавления к нему какой-либо определенной военной конвенции, указывающей на количество войск, которое каждая союзница обязывалась доставить в случае войны, как то было обусловлено франко-русской военной конвенцией 1894 г. [1].

В течение многих лет не было никаких регулярных периодических совещаний между штабами держав Тройственного союза, с письменными протоколами, фиксирующими детально сотрудничество их армий, как то было на ежегодных совещаниях между французским и русским штабами, начиная с 1900 г. [2]. Но в январе 1909 г., когда боснийский кризис начал принимать угрожающий характер, Мольтке и Конрад, начальники штабов германской и австрийской армий вступили в переписку относительно возможного военного сотрудничества [3]. Она происходила с ведома и одобрения гражданских властей обеих стран и продолжалась без перерывов в течение последующих лет. Это дополнялось также личными встречами между обоими генералами во время военных маневров и в других случаях.

Один австрийский писатель усматривает в этой корреспонденции своего рода «военную конвенцию», преобразовавшую первоначально оборонительный Австро-германский союз в наступательное соглашение. Он считает это даже «ключом» ко всему вопросу об ответственности за войну [4]. Но нигде ни Мольтке, ни Конрад, ни кто-либо другой, стоявший у власти, никогда не придавал этому обмену взглядами характера «военной конвенции». Наоборот, это было скорее общим обсуждением политического положения и обменом информацией относительно плана кампании, который каждый намеревался применить, если гражданскими властями будет объявлена война. Конрад пытался убедить Мольтке построить план германской мобилизации применительно к посылке возможно большего количества войск против России, чтобы ослабить силы, которые царь оказался бы в состоянии направить против Австрии. В свою очередь Мольтке стремился, чтобы план Конрада предусматривал небольшое количество войск против Сербии и посылку возможно большего количества в Галицию против России, чтобы облегчить давление на германскую восточную границу, в то время как

[1] Небольшими исключениями из этого общего положения были: конвенция 1888 г., предусматривающая участие итальянских войск на рейнской границе в случае франко-германской войны (ср. G. P., VI, 247) и конвенция 1900 г., предусматривавшая морское сотрудничество Тройственного союза в случае войны с Францией и Россией (Pribram, I, 241). См. также W. Foerster, Die deutsch—italienische Militärkonvention, в KSF, V, 395—416, май 1927 г.

[2] Обзоры первых франко-русских военных совещаний см. «Les Alliés contre la Russie», 8—39, и их протоколы 1911, 1912 и 1913 гг., см. «Материалы по истории франко-русских отношений», 697—718; L. N., II, 419—437.

[3] Conrad, I, 379—406; II, 54—62.

[4] H. Kanner, Der Schlüssel zur Kriegsschuldfrage. München 1926.

главный удар германских войск будет направлен против Франции. Их соглашения были едва ли столь определенными и обязывающими, как соглашение между французским и русским штабами. Хотя некоторые письма, которыми обменялись Мольтке и Конрад, были показаны гражданским властям, но это не изменило законным порядком условий союза. Он остался зафиксированным в письменном виде, и его толкование и применение осталось в руках гражданских, а не военных властей.

С другой стороны, бесспорно, что эта переписка Мольтке с Конрадом создала убеждение в Вене, что если Австрия нападет на Сербию, она может рассчитывать на угрозу германской мобилизацией, чтобы удержать Россию от активного выступления, и на германскую поддержку, если бы Россия пошла на войну. В этом смысле это давало союзу скорее потенциально наступательный, чем оборонительный характер. Другим результатом этой переписки было то, что Мольтке и Конрад составляли мобилизационные планы, успех которых был взаимно обусловлен, и, как бывает в подобных случаях, это давало возможность военным властям во время кризиса оказать давление на гражданские власти в пользу войны. Насколько это действительно осуществилось в июле 1914 г., будет рассмотрено дальше, во втором томе. В годы, предшествовавшие окончательному кризису, личная дружба и взаимное доверие между Мольтке и Конрадом являлись одним из факторов укрепления связующих уз между обоими союзниками.

Источником слабости Тройственного союза была Италия. Уже со времени Алжезирасской конференции Германия с сомнением относилась к ее лойяльности. Конрад был настолько убежден не только в ее вероятной нелойяльности в выполнении своих договорных обязательств, но в ее явной враждебности, что он говорил о ней как о «главном противнике» Австрии.

Он вырабатывал против нее мобилизационные планы и даже желал «превентивной войны» против нее [1]. Война Италии с Турцией из-за Триполи была встречена отрицательно ее союзниками не только потому, что с ними предварительно не посоветовались достаточно откровенно, но потому, что их беспокоило нападение их номинального союзника на турок, чьей дружбы и расположения они пытались добиться. Правда, исход войны и превращение Италии в морскую державу в Средиземном море произвели решительное охлаждение в ее отношениях с Францией. Но они вновь улучшились летом 1912 г., так что Пуанкаре и Сазонов были согласны в том, что весьма выгодно участие Италии в качестве «мертвого груза» в Тройственном союзе, где она может быть полезна и Франции и России [2].

Хотя Тройственный союз был заключен сроком до 1914 г., вопрос о его возобновлении начал обсуждаться уже летом 1911 г. Италия сочувствовала этому заблаговременному возобновлению как средству умиротворения своих союзников накануне триполитанской авантюры. Германия приветствовала это, будучи всегда рада всему, что могло улучшить отношения между двумя ее союзниками, и таким образом помочь

---

[1] Для периода 1907—1912 гг. ср. Conrad, I, 110, 128, 141, 173, 224, 272.
[2] Доклад Сазонова царю 17 августа 1912 г.; L. N., II, 310.

созданию противовеса возрастающей силе и солидарности Тройственного согласия Вначале Эренталь не был противником этого [1]. Но Конрад и офицерство были настолько раздражены выходками и предательством Италии, что не видели смысла иметь ее даже в качестве номинального союзника. Генерал Ауфенберг с детским возмущением рассказывал германскому послу в Вене о проявлениях итальянской враждебности, которую он только что наблюдал в Южном Тироле: через каждые день-два приходилось направлять патруль, чтобы стирать оскорбительные надписи на одном военном памятнике, он видел коробки для папирос, на которых вся австрийская территория от Фиуме до Бреннерского перевала была отмечена как принадлежащая Италии; ирредентистская пропаганда прибегала даже к обозначению лошадей и мулов именами австрийских городов в роде Триеста и Триента. «В случае войны Италия упадет на нас как взорвавшаяся бомба!»—добавлял он, заявляя, что для Австрии было бы лучше всего раздавить ирредентистские надежды Италии путем войны, после чего Австрия могла бы свободнее и гораздо легче расправиться с Сербией или встретить нападение русских [2]. Однако Эренталь имел на своей стороне Франца-Иосифа и добился отставки Конрада, так как последний настаивал на войне с Италией и на дружбе с Россией. Триполитанская война отсрочила переговоры о возобновлении Тройственного союза. Он был, однако, в конечном счете возобновлен 5 декабря 1912 г. без изменений, сроком на шесть лет, начиная с 8 июля 1914 г. [3]. Через несколько недель Италия сообщила Германии, что ввиду создавшейся политической обстановки откровенность вынуждает ее сказать, что она не сможет выполнить соглашение 1888 г. относительно посылки войск для сотрудничества с германской армией на Рейне [4].

ПОСЛЕДСТВИЯ БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912—1914 гг.

Балканские войны и связанное с этим обострение противоречий между всеми державами, великими и малыми, повлияли на систему союзов различным образом.

Они усилили внутренние трения в Тройственном союзе и в Тройственном согласии. Изучение ежедневного и даже ежечасного обмена телеграммами между членами каждой группы в период развития кризиса и калейдоскопических перемен, имевших место на Балканах за 1912 и 1913 гг., показывает, например, что Германию все время раздражала эгоистическая политика и необдуманные шаги ее австрийского союзника. Она негодовала, потому что австрийская политика иногда противоречила ее собственным видам на Балканах, а иногда потому, что она могла подвергнуть опасности мир в Европе. Другой пример: Германия не имела большого желания создать автономную Албанию. Кайзер не думал, что эта страна способна к самоуправлению и считал весьма сомнительным, чтобы нашелся какой-нибудь европейский

[1] G. P., XXX, 495—510.
[2] Чиршки—Бетману 18 ноября 1911 г., ibid., 514 и сл.
[3] Чиршки—Бетману, 568; Pribram, I, 268—298.
[4] G. P., XXX, 574—579; Pribram, I, 299.

принц, способный успешно выполнить эту задачу [1]. Однако, несмотря на это, Германия согласилась поддержать австрийские (равно и итальянские) пожелания относительно автономной Албании, которая закрыла бы для Сербии доступ к Адриатике. Подобное же столкновение интересов существовало между Францией и ее союзником. Франция стремилась к сохранению нераздельности Оттоманской империи, в которой она имела крупные финансовые интересы и добивалась права постройки железных дорог на севере Малой Азии, что укрепило бы и способствовало бы развитию Турции. Россия была противником этих железных дорог, ибо они могли бы помочь Турции легче передвинуть войска, чтобы воспрепятствовать продвижению России на юг от Кавказа. Интересным примером такого внутреннего конфликта внутри каждой группы служат интриги по окончании балканских войн относительно судьбы Кавалы. Австрия и Россия по различным причинам, которые будут объяснены в следующей главе, стремились передать Кавалу болгарам; а союзники каждой из них, Германия и Франция, стояли, наоборот, за предоставление Кавалы грекам, которые и получили ее.

Но все же эти внутренние трения уравновешивались сознанием каждой группы, что она должна сделать все возможное, чтобы сохранить единство и солидарность среди своих членов. Союзники должны выступать совместно и поддерживать политику друг друга, соглашаясь даже на политическую линию, неприятную кому-либо из них, соглашаясь даже на шаги, могущие создать опасность для мира в Европе. В этом смысле Австрия часто бывала скорее дебитором, чем кредитором по отношению к Германии, так же как Россия по отношению к Франции. Иногда господствующий член союза успешно оказывал сдерживающее влияние на своего союзника в целях умиротворения и сохранения мира, как например, при наложении Германией «вето» на имевшееся в виду выступление Австрии против Сербии в июле 1913 г., или нежелание Франции одобрить предполагавшиеся Сазоновым мероприятия, чтобы оказать давление на Турцию в связи с делом Лимана фон Сандерса [2].

В недавно опубликованных германских документах и в мемуарах Конрада можно найти много примеров того, как Германия поощряла Австрию на шаги против Сербии, чтобы положить предел «великосербской» опасности, считая, что она угрожает существованию двуединой монархии, т. е. единственному надежному союзнику Германии [3]. Это делалось в официальных депешах германского министерства иностранных дел германскому послу в Вене, в переписке и собеседованиях между Мольтке и Конрадом и иногда на свиданиях между кайзером и Францем-Фердинандом. С другой стороны, однако, можно найти столько

---

[1] G. P., XXXVI, 127—745, passim.

[2] См. ниже, гл. V.

[3] G. P. XXVI, passim (боснийский кризис); XXX, 253; XXXIII, 274 и сл., 330, 373 и сл.; XXXIV, 34 и сл.; XXXVI, 386 и сл.; XXXIX, 325 и сл. (свидание в Конопиште). Conrad, I, 95 и сл., 106 и сл., 129 и сл., 202 и сл., 369 и сл.; II, 54 и сл.; III, 38 и сл., 143 и сл., 294, 328, 368 и сл., 424 и сл., 469 и сл., 474, 609 и сл., 667 и сл. Ср. также Schüsler, Oesterreich und das deutsche Schicksal, Leipzig 1925, стр. 8 и сл., 177 и сл., и H. Kanner, Der Schlüssel zür Kriegsschuldfrage, München 1926, passim.

же, если не больше случаев совершенно противоположного свойства, где германские государственные деятели, в особенности кайзер, настаивали перед Австрией на том, чтобы пойти на некоторое соглашение с Сербией, и увещевали ее не прибегать к силе[1]. В общем, думаем мы, можно сказать, что влияние Германии было скорее умеряющего и умиротворяющего характера, чем, наоборот,—до провокационного сараевского убийства.

Насколько Франция таким же путем поощряла или оказывала умеряющее влияние на Россию—трудно сказать. С одной стороны, данные об этом в переписке Сазонова с Извольским и Бенкендорфом, в его докладах царю и в других русских материалах часто противоречат данным мемуаров Пуанкаре и французской Желтой книги по балканским делам. Но нужно помнить, что эта Желтая книга очень далека от полноты, ее документы подобраны с целью доказать, что политика Пуанкаре всегда была в интересах европейского мира. Вполне исчерпывающий ответ по этому вопросу не может быть дан до тех пор, пока французы не опубликуют полностью свои предвоенные документы, подобно тому, как это уже сделано Германией и как это делается Англией. Наиболее серьезным и угрожающим результатом балканских войн для европейского мира и кристаллизации противоречий между Тройственным союзом и Тройственным согласием явилось усиление всеобщего движения в пользу увеличения вооружений со стороны всех континентальных держав. Мы уже выше отметили антагонизм между Англией и Германией, вызванный быстрым сооружением дредноутов и неудачей миссии Холдена. Одновременно с тем, как Германия провела закон о морских вооружениях 1912 г., она произвела значительное увеличение армии. Новый закон о военной службе 1913 г. предусматривал значительное увеличение армии в последующие годы. Еще до того как Франция узнала об этом германском законе 1913 г. Пуанкаре и небольшая близкая ему группа уже решили внести законопроект, значительно увеличивающий силы французской армии. Уверенные, что раньше или позже война «неизбежна», они убедили французскую палату депутатов провести закон, увеличивающий срок действительной военной службы с 2 до 3 лет и пребывание в запасе вместо 45-летнего до 48-летнего возраста. По мнению полковника Бюа, одного из способнейших французских экспертов и руководителя одной из секций французского генерального штаба, Франция должна была иметь в 1914 г. несколько большую армию, чем Германия в первые недели войны[2]. Что Германия располагала подавляющей численностью войск во время своего вторжения в Бельгию и во Францию в 1914 г.—это миф. В России также были предприняты энергичные усилия, чтобы организовать и обучить более значительную часть ее громадного населения. Увеличение армии в Австрии и в Италии

[1] G. P., XXXIII, 42, 80, 92 и сл., 116, 150, 295 и сл., 355 и сл., 371 и сл., 426 и сл., 478 и сл.; XXXIV, 444 и сл., 455 и сл., 538 и сл., 619 и сл., 674 и сл., 820 и сл.; XXXV, 52 и сл., 66 и сл., 188 и сл., 319 и сл., (Дело о Кавало и неподписании Бухарестского мира); XXXVI, 27 и сл.; XXXVIII, 335, 342 и сл., Conrad, I, 156, 165; III, 78 и сл., 143 и сл., 164 и сл., 318, 404, 410, 417, 429 и сл., 448, 597 и сл., 627 и сл., 632, 644 и сл., 729. Ср. также H. Friedjung, Das Zeitalter des Imperialismus, Berlin 1922, III, passim.

[2] E. Buat, L'armée allemande pendant la guerre de 1914—1918, Paris 1920; Mongelas, Leitfaden, 81—87.

было сравнительно невелико. Мы отказываемся, однако, дать здесь соответствующие цифровые данные о составе армий и военных бюджетах потому, что эти цифры легко могут ввести в заблуждение.

Сопоставление цифр расходов на флот в Англии и Германии не имеет никакого значения без учета более дешевой стоимости постройки судов в Германии и обязательной военной службы вместо добровольческой системы. Подобным же образом величина и сила армий определяется не только количественным составом войск, но в значительной степени и состоянием снаряжения, быстротой мобилизации и другими техническими данными, требующими комментариев для того, чтобы их можно было сравнивать. Весной 1914 г. все эти возрастающие вооружения вызвали и в Тройственном союзе и в Тройственном согласии увеличение взаимного недоверия и подозрения. Повсюду вдумчивые наблюдатели были встревожены положением, но было мало сделано для его смягчения. Полковник Хаус, прибывший в Европу в надежде сделать, что-нибудь для этого, писал президенту Вильсону за месяц до убийства австрийского эрцгерцога:

«Положение чрезвычайно напряженное. Это совершенно безумная милитаристская гонка. Только кто-либо, действующий от вашего имени, может добиться взаимного понимания, иначе наступит день, когда разразится ужасная катастрофа. Никто в Европе не может это сделать. Здесь слишком много вражды и слишком много взаимной подозрительности. Как только Англия даст на это свое согласие, Франция и Россия схватятся с Германией и Австрией. Англия не желает совершенно раздавить Германию, потому что тогда ей пришлось бы в одиночку посчитаться со своим старым врагом Россией; но если Германия будет настаивать на непрерывном увеличении своего флота, тогда у Англии не будет выбора. Лучшим шансом для мира явилось бы соглашение между Англией и Германией относительно морских вооружений, однако, для нас слишком большая близость этих двух держав представляет известные невыгоды» [1].

Положительным результатом балканского кризиса были новые искренние усилия для установления «европейского концерта», который противодействовал бы столкновению между Тройственным союзом и Тройственным согласием. Это было целью лондонской конференции послов, которая достигла успеха в этом деле, найдя мирное разрешение для наиболее трудных проблем. Возможно, что если бы подобная конференция была устроена в июле 1914 г., она бы предотвратила катастрофу. По отношению к «европейскому концерту» каждый государственный человек с самого начала оказывался перед двумя противоречивыми задачами. С одной стороны, он стремился сохранить и укрепить солидарность группы, представителем которой он являлся,— Тройственного союза или Тройственного согласия. Поэтому его целью было достичь предварительного соглашения внутри своей собственной группы, чтобы оградить престиж и интересы двух других членов группы и тем самым группы в целом; а затем попытаться добиться принятия этого предварительного соглашения членами противной группировки.

[1] Charles Seymour, The Intimate Papers of Colonel House (Boston and New York 1926), I, 249; ср. также G. P., XXXI, 107—117.

Конечно это обстоятельство способствовало кристаллизации противоречий между Тройственным союзом и Тройственным согласием и при углублении их, как это было в 1914 г., должно было ускорить войну. С другой стороны, большинство государственных деятелей Европы стремилось в то же самое время к совершенно иным целям. В интересах мира они искренно старались сохранить «европейский концерт», т. е. стремились добиться мирным образом и путем компромисса общности действий и взглядов всех шести великих держав. Это часто требовало некоторых жертв от собственной страны или по крайней мере от союзника. В балканских вопросах особенно заинтересованы были Австрия и Россия и поэтому от них чаще всего приходилось требовать жертв. Англия, обладавшая наименьшими интересами и не связанная каким-либо формальным союзом, легче всего могла бы служить посредником в улаживании трений между другими. Здесь невозможно рассмотреть подробнее, в какой мере каждый из руководящих государственных людей Европы добивался каждой из этих противоположных целей. Всякий, кто познакомится со сложными дипломатическими переговорами в годы, непосредственно предшествовавшие войне, вынесет, несомненно, впечатление, что именно сэр Эдуард Грей был тем человеком, который наиболее искренно и неутомимо защищал приоритет интересов «европейского концерта» над интересами какой-либо одной державы или группы. За ним в этом отношении стоят Бетман-Гольвег и германский статс-секретарь Кидерлен—Вехтер, но Кидерлен умер в декабре 1912 г., а после этого германскому канцлеру было труднее преодолевать влияние Тирпица и кайзера. Во Франции Пуанкаре был более заинтересован в солидарности Тройственного согласия, чем в «европейском концерте»; но в целях сохранения доверия и дружбы Англии, что являлось одной из его главных задач, он также часто брал на себя инициативу предложения или поддержки коллективного действия держав. Сазонов и Извольский меньше заботились о сохранении «европейского концерта», а граф Берхтольд—меньше всех других.

Европа была таким образом разделена на две противоположные группы, когда произошло убийство австрийского эрцгерцога и когда благодаря этому и связанному с этим новому обострению балканских проблем создалась новая угроза европейскому миру.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БАЛКАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ 1907—1914 гг.

Положение на Балканах было одним из наиболее важных факторов, вызвавших мировую войну. Оно увеличивало антагонизм между Тройственным союзом и Тройственным согласием, стимулировало общее усиление вооружений и привело к убийству австрийского эрцгерцога с его катастрофическими последствиями. Это был старый и сложный вопрос, тревоживший европейский мир в течение полутора веков. Нет возможности дать здесь его историю, которая к тому же прекрасно изложена многими авторами[1].

Постепенный распад оттоманской империи, вызванный как внешними, так и внутренними причинами, создавал постоянные волнения на Ближнем Востоке. Они усиливались благодаря настойчивому желанию России получить преобладающее влияние на балканском полуострове и осуществить свою стародавнюю мечту о контроле над водными путями в Средиземном море. Габсбурги, прочно утвердившись на Дунае, в течение веков стремились сохранить власть над подчиненными им народами, из которых многие проникнись национализмом и желанием отложиться и объединиться со своими братьями, живущими в независимых государствах, сопредельных с Австро-Венгрией. Стремления Сербии, Болгарии, Румынии и Греции расширить свои территории, чтобы включить в свои пределы народы своей национальности, создавали постоянные конфликты между ними, Турцией, Австро-Венгрией и другими государствами. Антагонизм между Австро-Венгрией и Сербией усилился вследствие аннексии Боснии и Герцеговины вследствие создания Албании и вследствие сербской пропаганды в пользу национального объединения за счет Австрии. Чтобы понять, как мировая война вышла из этого уголка Европы, следует рассмотреть некоторые балканские вопросы за период 1908—1914 гг.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АВСТРО-СЕРБСКОГО АНТАГОНИЗМА

Сербские национальные поэты и историки любят напоминать своему народу о героической эпохе Стефана Душана в XIV в., когда православная сербская империя простиралась от Дуная почти до Коринфского залива и от Эгейского моря до Адриатики[2].

---

[1] Весьма полезный перечень работ о Балканах см. R. J. Kerner, Slavic Europe («A Selected Bibliography in the Western European Languages» (Combridge,) Mass 1918), в особенности № 737—842, 3121—3144; 3592—4186; 4357—4411; 4490—4518.

[2] В дополнение к работам, цитируемым Кернером, как указано в предшествующем примечании, наиболее важными последними книгами, выражающими австрийскую точку

За время, прошедшее от тех давно минувших дней и до десятилетий, непосредственно предшествовавших мировой войне, когда сербские националисты начали мечтать снова расширить свои границы до пределов «старой Сербии» или даже еще дальше, сербский народ долгие годы страдал от притеснений и лишений. Сначала пришли турки. В Витов день 1389 г. армия сербов, албанцев и кроатов понесла страшное поражение на Коссовом поле и была сметена турецким ураганом. Но тут же, на поле сражения, сербский герой проник в палатку победоносного султана и поразил его как ненавистного притеснителя славянских народов. Таким образом коссовская годовщина стала великим днем в сербском календаре: Витов день был днем скорби о национальном поражении 1389 г. и днем радости как память об убийстве жестокого иноземного притеснителя[1]. Более чем четыре столетия после Коссова большинство сербского народа жило и страдало под турецким игом, некоторые сербы по понятным причинам отказались от православия и приняли мусульманство, особенно в Боснии, и остались мусульманами даже впоследствии.

Австрия была той европейской державой, которая первая оказала сербам некоторую помощь и заставила отступить турок. Принц Евгений с габсбургской армией занял в 1717 году Белград и содействовал появлению у сербов страстного стремления к освобождению от турецкого ига. Когда 20 лет спустя войска габсбургов должны были уйти, многие сербские крестьяне последовали за ними, чтобы избежать турецкого рабства. Они поселились на севере от Дуная на южной границе габсбургских владений. Там они жили и множились, и к ним присоединялись новые беженцы с юга, из-за Дуная. В первое время новые правители обращались хорошо с сербскими поселенцами, которые считались хорошими солдатами в войне против турок. Но в конце XVIII. в. католическая пропаганда и экономическое угнетение мадьярских землевладельцев-феодалов сделали для сербских поселенцев существование столь горьким, что многие предпочли вернуться к своим

зрения, являются следующие: H. Friedjung, Das Zeitalter des Imperialismus, 1884—1914 (3 Bd, Berlin 1919—1922); F. F. Kleinwächter, Der Untergang der oesterreichisch-ungarischen Monarchie (Leipzig 1920; L. Mandl, Die Habsburger und die serbische Frage (Wien 1918); Theodor von Sosnosky, Die Balkanpolitik Oesterreich-Ungarns seit 1866 (2 Bd., Stuttgart 1913—1919); J. Redlich, Oesterreichische Regierung und Verwaltung im Weltkrieg (New Haven) 1925; H. Delbrück, Serbien, Oesterreich und Russland in «Deutschland und die Schuldgrage», изд. W. Ziegler, Berlin 1923; (95—112) и работы Burian, Conrad, Hoyos, Musulin, Pribram; Szilassy.

Сербскую и хорватскую точку зрения выражают H. Wendel, Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit (Frankfurt 1925). Работа эта написана в несколько лирическом тоне, но содержит ценную библиографию (стр. 757—773), включающую многочисленные славянские труды; R. W. Seton-Watson Sarajewo; «A Study in the Origins of the Great War», (London 1926), дающий лучшее на англ. языке изложение югославского движения; S. von Südland (Pilar), Die Südslawische Frage und der Weltkrieg (Wien, 1918): Goricorand Stowe, The Inside Story of Austro-German Intrigue (N. J. 1920) и работы: Цвижича, Евтича, Маковича, Станоевича.

С более широкой точки зрения: «Die Grosse Politik», passim. H. Wickham Steed, Through Thirty Years. 1892—1922 (2 v., London 1924), и работы Bogitchevitch. Branderburg, Kanner, Valentin.

1 Витов день — день св. Вита 15/28 июня 1914 г., день убийства эрцгерцога был 525-й годовщиной Коссовского сражения.

братьям на юг, так как, если выбирать между мадьярской эксплоатацией и турецким игом, то последнее было меньшим злом. Таким образом начался антагонизм, который усилился впоследствии, когда в 1867 г. император Франц-Иосиф отнял специальные привилегии, которыми долго пользовались сербы «Военной границы» [1]. Тем не менее общая вражда к туркам побуждала правящие круги Вены и Белграда сохранять политическую дружбу.

В 1878 г., Австрия, правда, «оккупировала» провинции Боснию и Герцоговину, которые были населены крестьянами главным образом сербской национальности и на которые претендовало новое сербское королевство, но пилюля была позолочена тем, что на берлинском конгрессе Австрия обеспечила для Сербии ценные округа Пирот и Ниш, которые Россия предназначила для своего собственного протеже—Болгарии. Политическая дружба между австрийским и сербским правительствами, хотя и не между народами обеих стран, была вновь закреплена секретным австро-сербским договором 1881 г., заключенным на 10 лет, в котором оба государства обещали проводить взаимно дружественную политику и не допускать на своих территориях интриг друг против друга [2]. В следующем году тарифное соглашение разрешило ввоз в Сербию австрийских фабричных изделий по половинным таможенным ставкам против всякой другой страны, взамен чего сербам предоставлялись специальные выгоды по ввозу в Австро-Венгрию свинины и чернослива. В 1885 г. со стороны Австрии была оказана поддержка сербской армии, чем она была спасена от полного уничтожения после рокового поражения, нанесенного ей болгарами при Сливнице. Король Милан и на троне и будучи в изгнании большую часть своих денег тратил на эксцентрические удовольствия в Вене. Таким образом, несмотря на русские интриги, сербская политика в общем продолжала оставаться австрофильской до знаменитых убийств 1903 г.

Несчастьем для сербского народа было то, что в начале движения за национальную независимость, в дни Наполеона, у него оказались не один, а два национальных вождя. Вместо одного сильного человека, руководящего движением и образованием прочной династии, оказалось два соперника: Кара Георгий и Милош Обренович. Со времени убийства первого в интересах второго в 1817 г. несчастная страна страдала от вражды этих соперничающих семейств, сопровождавшейся рядом дворцовых переворотов и насильственных смен династий. Эта вражда достигла своего апогея в 1903 г. Ночью 11 июня группа заговорщиков, состоявшая главным образом из офицеров сербской армии, ворвалась в королевский дворец в Белграде, вытащила короля Александра Обреновича и его неподьзовавшуюся симпатиями народа жену из места, где они укрылись, и зверски убила их [3]. Белград

---

[1] Ср. Michael Pupin, From Immigrant to Inventor (New York 1923), ch. 1.

[2] Pribram, I, 18, а также его статьи: «Milan IV von Serbien und die Geheimverträge Oesterreich-Ungarns mit Serbien 1887—1889», в «Historische Blätter», I, 1922.

[3] Недавно написанный живой рассказ об этом деле см. в статье Драгича-Васича в «Книжевна Република», резюме в журнале «Living Age» за 3 янв. 1925; подробный, современный событию, рассказ Помянковского, австрийского военного атташе, в берлинском 8—Uhr-Abenblatt № 46—50, февраль 23—28, 1928 г. Относительно важных последствий этого события для внутренней сербской политики см. ниже, т. II, гл. II.

ликовал; колокола церквей звонили; город расцветился флагами, и законодательное собрание единодушно благодарило убийц за их дело. Петр Карагеоргиевич, внук человека, убитого почти век тому назад, не принимавший непосредственного участия в заговоре, извлек выгоду из этого события и занял престол под именем Петра I.

Это отвратительное преступление и милости, оказанные виновникам его, задели чувства благопристойности коронованных особ Европы, и большинство из них вскоре отозвало своих представителей из Белграда в знак своего неодобрения. Великобритания не возобновляла дипломатических сношений в течение 3 лет.

Новое царствование, к которому Европа вначале относилась отрицательно, было отмечено заметным оживлением сербской жизни. Взял верх более свободный, более демократический дух. Выросло национальное политическое движение, нашедшее свое выражение в новой экономической активности, в газетах и литературе и в распространении идеи «Великой Сербии». Петр I пользовался популярностью, отличался преданностью интересам своей страны и был по-солдатски честен и прост. Тот факт, что он сражался за сербское дело во время восстания в Герцеговине, придавало ему еще больше популярности далеко за пределами его собственного королевства; это делало его «своим королем» для сербов за Дунаем и Дриной. Рассказывают, что многие боснийские крестьяне совершали путешествия в Белград только для того, чтобы иметь возможность где-нибудь на улицах повидать вблизи нового короля—будущего «освободителя». Он должен был возглавить сербский «Пьемонт» в движении за воссоединение всех народностей сербской крови—сербов, боснийцев, словенцев, кроатов и далматийцев в «Великой Сербии», подобно тому, как савойский дом полвека назад привел к объединению Италию. Его женитьба на княжне Зорьке, дочери Николая Черногорского, должна была знаменовать тесные отношения между этими двумя славянскими государствами. Многие годы своего изгнания он провел в России. Его брат, князь Арсений, служил в качестве офицера в русской гвардии. Его две черногорские свояченицы были замужем за русскими великими князьями. Все эти факты казалось предвещали русскофильскую ориентацию сербской политики с восшествием на престол Петра I в 1903 г. Так оно на деле и оказалось. Этому содействовало также поощрение со стороны панславистских элементов в России и раздражающая позиция, занятая Австро-Венгрией.

Австрийские министры вскоре с испугом отметили этот рост сербского национализма и руссофильских настроений. При отсутствии противодействия он грозил бы целости габсбургских владений. Он указывал на то, что Сербия будет действовать, как опасный магнит, притягивающий к себе австрийских сербов для образования «Великой Сербии». Если дряхлеющая Турецкая империя когда-нибудь распадется, если разразятся в Австро-Венгрии национальные революции во время какого-нибудь кризиса, вроде смерти императора Франца-Иосифа, или, если будет объявлена война на Балканах или в Европе, Сербия вероятно попытается захватить территории, населенные в значительной мере сербами. Панславистские тенденции побудят вероятно Россию оказать поддержку сербам. Если Сербия приобретет Боснию, ее следующим

шагом будет постараться объединить хорватов, далматийцев, словенцев и сербов из Баната и южной Венгрии. Это побудит и другие национальности, подвластные Габсбургам,—румын, чехов и словаков—к отделению от Австро-Венгрии. Это будет означать гибель Австрии—«Finis Austriae»[1].

Ввиду такой опасности для двуединой монархии со стороны ее подданных различных национальностей, австрийские правящие круги начали принимать меры для подавления усиливавшегося в Сербии движения в пользу политической и экономической независимости от габсбургского влияния. Сербия, не имевшая непосредственного выхода к морю, неизбежно оказывалась в зависимости от Австро-Венгрии как от рынка для ее с.-х. продуктов. Чтобы укрепить свое положение, Сербия начала в 1905 г. переговоры с Болгарией относительно таможенного союза; но вмешалась Австрия. В 1906 г., когда истек срок австро-сербского таможенного договора, настроение обеих стран было таково, что он не мог быть возобновлен, тем более, что мадьярские помещики не желали конкуренции сербских продуктов со своими собственными. Следствием этого явилась жестокая таможенная война—так называемая «свинная война». Но вместо того, чтобы раздавить Сербию экономически, Австрия только побудила сербов искать другие рынки, особенно в Германии, а у себя дома сербы начали строить собственные бойни и колбасные фабрики. Германия легко приспособилась к снабжению сербских крестьян товарами, которые раньше приходили из Австрии. Это вытеснение австрийских товаров германскими создало немалое охлаждение между Веной и Берлином, которое продолжалось годами[2]. Австрийская политика экономического угнетения не только не заставила Сербию вернуться в русло австрофильской политики, но имела совершенно обратный эффект; она озлобила министров Петра I и бросила их, больше чем когда-либо, в объятия России. Благодаря ей для них выяснилась потребность Сербии в непосредственном экономическом выходе к морю в виде железнодорожной связи с каким-нибудь портом на Адриатическом море в Албании, или в Черногории, или на Эгейском море в Салониках[3].

Они приветствовали переговоры относительно железной дороги, прорезывающей Сербию от Дуная до Адриатики, которой требовала для сербов Россия весною 1908 г. в качестве контрмеры против австрийского проекта железной дороги из Боснии через Новобазарский сан-

[1] Ср. Conrad, I, 13—28.

[2] Stanojevitch, Die Ermordung des Erzherzogs Franz Ferdinand (Frankfurt, 1923), p. 38; Conrad (III, 407) в 1913 г. говорил о «Германии, которая из алчного эгоизма ставит своей целью вытеснить в торговом отношении Австрию из Сербии и вообще с Балкан». Цифры, свидетельствующие о вытеснении Австрии Германией из Сербии в 1905, 1906, 1907 гг., показательны: импорт из Германии в миллионах динаров: 6, 2; 9, 7; 20, 3; экспорт в Германию 21, 19, 32; импорт из Австро-Венгрии 33, 3; 22, 2; 25, 5; экспорт в Австро-Венгрию: 64, 7; 30; 12. («Statesman's Year Book»).

[3] Ср. Dr. Baernreiter, Unsere Handelsbeziehungen zu Serbien в «Oest. Rundschau», XXIX, 1 и сл., 1911 и «Aerenthal und Milovanovitsch» в «Deutsche Revue» янв. 1922. Д-р Бернрейтер пользовался доверием эрцгерцога Франца-Фердинанда, который с неодобрением относился к политике Эренталя и желал сделать разумные экономические уступки Сербии; см. отрывки из его дневника, опубликованные И. Редлихом в «Foreign Affairs» (N. J.), VI, 645—657, июль 1928.

джак в Салоники[1]. Младотурецкая революция ускорила переговоры, но самым неожиданным образом привела к неудаче их. Она создала перелом в вопросе об австрийской «аннексии» «оккупированных» провинций Босни и Герцоговины, часто обсуждавшемся с 1876 г. и несколько раз условно санкционированном Россией. В свою очередь это было тесно связано с столь горячо преследуемой Россией целью открытия Босфора и Дарданелл для прохода русских военных судов.

РОССИЯ И ПРОЛИВЫ

В течение XIX в., особенно после событий 1878 г., Россия была склонна рассматривать закрытие султаном Дарданелл для иностранных военных судов как ценную гарантию для России. Граф Каннист[2] заметил в мае 1897 г.: «России нужен привратник в турецкой одежде для Дарданелл, которые ни при каких условиях не должны быть открыты. Черное море есть русское mare clausum[3]. Эта мысль оставалась краеугольным камнем русской политики вплоть до мировой войны. Россия не желала никакого изменения в договорах, запрещавших доступ в Черное море военным судам других великих держав.

Но договоры, которые исключали возможность прохода русских военных судов через проливы Босфор и Дарданеллы, были совершенно иным делом. Это было унизительное ограничение; оно было несовместимо с престижем России как великой державы. Это противоречило ее притязаниям со времен Петра Великого на обладание свободным выходом в Средиземное море. Это являлось для нее весьма серьезным препятствием во время войны, как, например, во время русско-японской войны, потому что договоры эти мешали ей свободно использовать черноморский флот там, где она в нем более всего нуждалась. Кроме этого они мешали увеличению черноморского флота для войны против Турции всяким другим путем кроме постройки его на морских верфях юга России; он не мог быть увеличен путем постройки его на балтийских верфях или приобретением военных судов в Англии, как с грустью отмечал царь в январе 1914 г.[4].

---

[1] G. P., XXV, 281—382.

[2] Петр Алексеевич Каннист—российский посол в Вене в 1895—1904 гг.— *Прим. ред.*

[3] G. P., XII, 285. О более ранней истории закрытия проливов см. выше, гл. II примечание 1-е на стр. 43, относительно более поздней истории—Е. А. Адамов, Константинополь и проливы, 2 т., Москва 1925—1926; Раздел Азиатской Турции, Москва 1924; И. М. Захер, Константинополь и проливы в «Красном архиве». VI 48—76; VII, 32—54, 1924; А. Попов, Первая балканская война, ibid., XV, 1—29, XVI, 3—24 (1926); M N. Pokrovsky, Drei Konferenzen, Berlin 1920; (М. Н. Покровский. Три совещания—«Вестник НКИД» № 1, 1921 г.); B. Shatsky, La question de Constantinople et des Détroits в. «Revue d'Hist. de la Guerre Mondiale IV. 289—309, V, 19—43; (октябрь 1926 г.; январь 1927); G. P., X., 1—41, 70 и сл., 109—114, XI, 99—106, XII, 47—87; XIV, 531—563; XVII, 34, 84, 102; XVIII, 409—446; XIX, 229—244; and XXII, XXVI, XXVII, XXX—XXXIX, passim; «Livre Jaune», «L'Aliance Franco-Russe», стр 19 и сл.; Affaires Balkaniques, M. F. R., L. N.; Stive und Conrad, passim.; хороший краткий очерк—G. Frantz, Die Meerengenfrage in der Vorkriegspolitik Russland в «Deutsche Rundschau», LII, 142—160 (Feb., 1927); P. Mohr, Konstantinopel und die Meerengenfrage, in «Meereskunde», Heft 178 (1927); и работы, указанные ниже в настоящей главе.

[4] M. V. Rodzjanko, Erinnerungen, p. 90 (Berlin 1928). Относительно настойчивого противодействия Англии посылке Россией двух миноносцев в Черное море

Итак, открытие проливов для русских военных судов стало одной из первых целей русских министров в десятилетие, непосредственно предшествующее мировой войне. Она была совершенно отлична от двух других целей, которые часто смешивают с ней, но которые в действительности были иными и могли бы вызвать еще более серьезные осложнения в Европе; одной из них был насильственный захват турецкой территории вдоль Босфора, а второй—получение власти над самим Константинополем. Конечно если бы русские военные суда оказались в проливах, им было бы легко выполнить две другие задачи. Но, вообще говоря, русские министры обычно при всей своей смелости не доходили до мысли о захвате самого Константинополя. Они склонялись к мысли, что этот город может оставаться в руках султана, пока существует турецкая империя; попытка его захвата встретила бы сильное противодействие со стороны великих держав, не говоря о Болгарии и Греции. Однако Константинополь не должен был ни в каком случае попасть в руки какой-либо другой державы—ни Болгарии во время балканских войн, ни Германии, путем назначения генерала Лимана фон Сандерса командиром армейского корпуса в столице султана, как будет видно дальше.

Правда, честолюбивые русские министры при случае серьезно строили секретные планы внезапной высадки сухопутных сил для захвата в мирное время прибрежных высот Босфора вблизи Константинополя. Один из таких случаев представлялся зимой 1896/97 г. Нужно кое-что сказать об этом случае, так как он являлся предтечей нескольких подобных же проектов позднейшего времени и так как он характерен для неразберихи, царившей в высших кругах Петрограда.

Ужасная армянская резня, возбудившая общественное мнение Европы против султана и против анархии, господствующей в его столице, давала России, по мнению русского посла в Константинополе, Нелидова, удобный случай внезапным смелым ударом захватить высоты Босфора над Константинополем.

В конце 1896 г. Нелидов отправился в Петербург, чтобы представить свой план. Николай II сразу одобрил его, несмотря на то, что он угрожал, как указывал Витте, даже всеобщей европейской войной. Тем не менее план был серьезно обсужден в особом секретном заседании совета министров и был одобрен Ванновским и Тыртовым, военным и морскими министрами, и Дурново, председателем совета министров. План Нелидова состоял в том, чтобы внезапно отправить 30-тысячный отряд на военных судах и на транспортах из Одессы в Верхний Босфор и высадить их, и таким образом овладеть проливами раньше, чем Англия или какая-нибудь другая великая держава сможет воспрепятствовать этому пиратскому набегу.

Европа оказалась бы перед совершившимся фактом. Нелидов должен был вернуться к своему посту в Константинополе; когда он решит, что положение в столице султана достигло критического момента, он должен дать сигнал о немедленной посылке русского десанта в виде невинной телеграммы: «Давно без новостей». Но при дальнейшем изуче-

---

в 1902 г. даже под торговым флагом, а также посылке какого-либо судна из Черного моря во время русско-японской войны см. G. P., XVIII; 407—446, XIX, 229—244.

нии плана морскими и военными властями, оказалось, что даже при самых скрытых приготовлениях почти невозможно сосредоточить и отправить достаточное количество войск и транспортных судов, не возбуждая внимания и противодействия Англии. Кроме того граф Витте и Победоносцев возражали против этого необдуманного плана с экономической, политической и моральной точек зрения и пустили в ход свое личное влияние против него, так что он был под конец оставлен царем. Но то обстоятельство, что план Нелидова серьезно обсуждался и, по мнению Витте, был накануне приведения в исполнение, показательно для целей русских дипломатов и для той готовности, с которой слабовольный Николай II вначале склонялся к нему[1].

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС «ЗАМОРОЖЕН». 1897—1907 гг.

Вскоре после того как проект Нелидова был оставлен, император Франц-Иосиф посетил в С.-Петербурге Николая II. Имевшие место дружеские переговоры закончились важным австро-русским балканским соглашением. Именно в это время Россия вступила более активно на путь экономического и политического проникновения на Дальний Восток и она желала чувствовать себя в безопасности от возможных осложнений на Балканах.

Было важно, чтобы в случае если ее агрессивная политика в Манчжурии приведет к столкновению с Китаем или Японией, ее тыл на Балканах не подвергался опасности со стороны Австрии или какой-либо иной державы. Поэтому весною 1897 г., после визита Франца-Иосифа, австрийский и русский министры иностранных дел обменялись дружественными нотами, в которых они высказывались за status quo на Балканах и заверяли в своих намерениях следовать «политике полного согласия». Австрия сохраняла свои притязания на Боснию и Герцеговину и согласилась на независимость Албании. Положение Константинополя и проливов, как «имеющее большое значение для всей Европы», не должно было изменяться вследствие какого бы то ни было сепаратного австро-русского соглашения[2]. Благодаря этому со-

[1] Существование нелидовского плана 1893—1897 гг., о котором впервые упоминал Диллон и затем некоторые мемуаристы, в последнее время подтверждено документами, опубликованными большевиками. См E. J Dillon, The Eclipse of Russia (N. Y. 1918), p. 231—244; S. J. Witte, Memoirs (Garden City, 1921), p. 186—189; Baron Rosen, Forty Years of Diplomacy (N. Y. 1922), I ch., XIV; М. Покровский, Русско-германские отношения, «Красный архив», I, гл. I (1922), часть работы опубликована в немецком переводе «Lange ohne Nachricht». KSF, IV, 175—181 (Mar. 1926); G. N. Trubetzkoi, Russland als Grossmacht (Stuttgart 1913), стр. 161—162; Сазонов ссылался на него в своем докладе царю в дек. 1913 г., L. N., II, 367. Что Германия разузнала о нелидовском плане явствует из G. P., XII, 67—69. Вероятно одна из причин того, что Россия не решилась выполнить нелидовский план, было опасение рассердить своего французского союзника; в течение девятисот лет Франция имела большие интересы в восточной части Средиземного моря, которыми она не согласилась бы пожертвовать ради слишком активных действий даже своего союзника. Ганото, служивший секретарем французского посольства в Константинополе, часто говорил германскому послу в Париже: «Вопрос о проливах очень близко касается нас, и я всегда надеюсь, что Россия не поставит его потому, что это могло бы иметь слишком серьезные последствия для нас» (Мюнстер—Гольштейну 25 апреля 1896 г.; G. P., XII, 51).

[2] Ноты Голуховского и Муравьева от 8 и 17/V 1897 г.; Pribram, p. 78—82; G. P., XII, 278—305. О дальнейших попытках распространить австро-русское согласие

глашению балканский вопрос был, как выражались, «заморожен», и в течение десятилетия напряженное соперничество, существовавшее между Россией и Австрией, действительно несколько ослабело.

Но было бы неправильно думать, как это делает большинство писателей, что Россия отказалась даже на время от своих притязаний на Ближнем Востоке, когда она усилила свою империалистическую политику на Дальнем Востоке. Это неправильное представление возникло главным образом благодаря соответственно инспирированной русской прессе и благодаря плохо осведомленным людям, поверившим, что «русский медведь» решил ограничить свой аппетит исключительно Манчжурией. В действительности, хотя царь и его министры говорили о «Порт-Артуре», но в то же самое время они думали о «Константинополе». На это есть ряд указаний.

В 1899 г. Муравьев, русский министр иностранных дел, обеспокоенный быстрым ростом германской активности в Турции и целительным действием, которое она могла бы произвести на «больного человека», настойчиво твердил германскому послу относительно «исключительных русских прав на Константинополь» и добавлял: «царское правительство уже теперь должно тщательно наблюдать, чтобы никакая другая держава не заняла господствующего положения в Босфоре»[1]. Затем он пытался внушить Германии мысль о заключении письменного соглашения, гарантирующего Босфор России; он угрожал, что войдет в соглашение с Англией, если Германия откажет. Но Бюлов предпочел остаться верным традиционной политике Германии, заявляя, что Германия не возражает против русских притязаний на проливы, ибо он был убежден, что Англия будет противиться им; но он не был склонен оформить что-либо письменным образом из боязни, что Россия может довести это до сведения Англии и тем поставить под угрозу хорошие англо-германские отношения[2].

В 1900 г. Муравьев составил длинную секретную записку для обсуждения военными и морскими властями; в ней он требовал подготовки мер, посредством которых Россия могла бы в любой момент овладеть берегами Босфора; султану же следовало бы препятствовать делать что-либо для укрепления его положения в проливах[3].

1 марта 1903 г. военный министр Куропаткин отметил в дневнике:

> «Я говорил Витте, что царь носится с грандиозным планом: подчинить Манчжурию России и аннексировать Корею. Он мечтает также подчинить своему господству Тибет. Он стремится завоевать Персию и захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»[4].

на Балканах с помощью мюрцштегской программы, декларации о нейтралитете 1904 г. и плана реформ в Македонии в 1904—1907 гг., см. Pribram, p. 98; G. P., XVIII, 84—405; XXII, 3—8, 19—523 и «British Documents», I, 281 и сл., 291—305.

[1] G. P., XIV, 550.

[2] Ibid., XVI, 531—563; особенно № 4022.

[3] М. Н. Покровский, Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г., «Красный архив», XVIII (1926), стр. 3—29, особенно стр. 9—11 и 17.

[4] «Красный архив», II, 31 (1923). Шестью неделями ранее он писал в своем дневнике 5/18 января; ibid., стр. 20: «Я высказался (царю) о необходимости обратить наше главное внимание с Дальнего Востока на Запад. Царь формулировал это приблизительно следующим образом: «не закрывать глаза на Восток, но обращать больше внимания на Запад».

Весной 1904 г. Извольский, который только что был переведен из Токио в Копенгаген, уже задумывался над радикальной переменой дипломатической линии России, предполагавшей прекращение длительного азиатского конфликта с Англией ради соглашения, которое, как он надеялся, даст возможность России открыть проливы для своих военных судов.

В один из своих первых разговоров с королем Эдуардом VII в Копенгагене (который ввиду присутствия сэра Эдуарда Гошена не был совершенно частным и личным разговором) Извольский изложил свои взгляды на необходимость для России свободного прохода через проливы. Король Эдуард ответил, что закрытие проливов не является «абсолютным и вечным», но что в данный момент британское общественное мнение столь явно настроено против открытия проливов, что он не мог бы и не хотел бы в настоящий момент сделать что-либо наперекор ему [1].

Подобным же образом в более поздних переговорах по поводу англо-русского соглашения 1907 г., по крайней мере в части их, веденной русским послом в Лондоне Бенкендорфом, Извольский снова пытался осуществить свою основную цель—открытие проливов. Для этого он предложил уступку, необычайную для русской дипломатии, именно—чтобы Англия и другие державы могли посылать свои военные суда через Дарданеллы, но не в Черное море [2]. Таким образом Россия оставляла бы за собой mare clausum (закрытое море) и оказывалась бы в равном с Англией благоприятном положении относительно контроля над Константинополем и Дарданеллами. Но Грей, ввиду указанного отношения британского мнения и того факта, что другие державы имели право быть запрошенными относительно всякого изменения в договорах, касающихся проливов, не пожелал внести упоминание о Босфоре и Дарданеллах в англо-русскую конвенцию, которая прежде всего относилась к Среднему Востоку. Извольскому таким образом не удалась попытка отклонить Англию от ее традиционной политики. Тогда Извольский решил обратиться к барону Эренталю и найти разрешение вопроса о проливах в сотрудничестве с Австрией.

---

[1] P. Crosier, L'Autriche et L'Avant-guerre в «Revue de France», April, I, 1921, 276, ср. также Iswolsky, Memoirs, London (1920), 20, 81 и сл.; Lee, King Edward VII, II, 283 и сл.; G. P., XIV, 177 и сл., 188.

[2] «Предложение, которое граф Бенкендорф обсуждал со мной во время заключения Англо-русской конвенции, состояло в том, чтобы в то время как Россия могла бы выходить из Черного моря через проливы, другие державы имели бы право свободно посылать свои военные суда в проливы, не входя в Черное море» (Грей—Никольсону, 14 октября 1908 г.); Grey, I, 179. Извольский также говорит, что дважды велись переговоры с Англией относительно проливов: «Один раз через посредничество Бенкендорфа и другой раз через мое посредничество, во время моей поездки в Лондон осенью 1908 г.», L. N., I, 148; Stieve, I, 163; «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», стр. 122. Гинце, личный представитель императора Вильгельма в России, узнал от А. Никольсона, что вопрос о проливах обсуждался в связи с переговорами об Англо-русской конвенции (G. P., XXII, 80—81, примечание; XXVI, 127, 218—219, примечание). Мы можем поэтому отбросить как неправильное позднейшее утверждение Грея, что «вопрос о проливах не упоминался во время англо-русских переговоров относительно Персии» (Grey, I, 159), так и «особое заверение» Извольского Эренталю в сентябре 1907 г., «что он не говорил англичанам об этом вопросе» (G. P., XXII, 80—81); относительно столь же ложного отрицания Бенкендорфа см. G. P., XXV, 306.

СДЕЛКА В БУХЛАУ В СЕНТЯБРЕ 1908 г.

В 1906 г. управление внешней политикой в России и в Австрии попало в руки людей, которые вели более агрессивную и притязательную политику, чем их предшественники.

В Петербурге Александр Извольский,—хитрый, тонкий, самолюбивый, принадлежавший к русскому поместному дворянству, но считавшийся большим поклонником британского либерализма,—стремился возвратить России на Балканах престиж, который ею недавно был утрачен благодаря неудачной авантюре на Дальнем Востоке. В Вене барон Эренталь, энергичный, честолюбивый придворный аристократ, стремился освободить Австрию от чрезмерной зависимости от Германии, обличавшей политику его предшественника. Он хотел укрепить двуединую монархию на Балканах, положив конец сербской опасности, которая, как он думал, грозила существованию Габсбургской империи.

Это были два политических авантюриста, одинаково готовых ловить рыбу в мутной воде, чтобы удовлетворить свое честолюбие даже путем нарушения международных договоров и угрозы миру в Европе. На Эренталя обычно возлагали ответственность за боснийский «аннексионистский кризис» 1908—1909 гг., но недавно опубликованные русские и германские документы показывают, что Извольскому принадлежит такая же роль в изменении берлинского трактата, как и Эренталю.

Несколько дней после подписания конвенции 1907 г. с Англией, избавившей Россию от опасности осложнений на Среднем Востоке, Извольский посетил Вену. Он был пожалован большим крестом ордена св. Стефана, получил аудиенцию у Франца-Иосифа и имел продолжительную беседу с Эренталем. Он весьма конфиденциально намекнул, что намеревается разрешить вопрос о проливах в желательном для России смысле, что было правдой; и он особо заверил Австрию, что не говорил по этому вопросу с англичанами, что было неправдой[1]. Он сказал Эренталю:

> «Россия потеряла Манчжурию с Порт-Артуром и, следовательно, выход к морю на востоке. Отныне основой для расширения военного и морского могущества России является Черное море. Отсюда Россия должна получить выход в Средиземное море»[2].

Эренталь поблагодарил его за доверие, но, следуя прежнему совету Бисмарка держаться осторожной позиции, пока Россия не откроет карты и не заявит более определенно о своих намерениях, дал уклончивый и неопределенный ответ. Он просто отметил, что эта проблема трудная и что если вопрос о проливах действительно будет поднят, Австрия определит свою позицию, прибавив:

> «Я прошу вас сообщить мне заранее, когда придет момент привести в действие русский план, точно так же, как я чувствую себя обязанным известить русское правительство в случае, если Австро-Венгрия когда-либо вознамерится аннексировать Боснию и Герцеговину»[3].

Вскоре после этого Эренталь сказал Конраду, австрийскому началь-

---

[1] G. P., XXII, 76, 79 и сл. и предыдущее примечание.
[2] Ibid., 83 и сл.
[3] Ibid, 81, 84.

нику штаба, что Россия, ограничив задачи своей политики в Азии, «хочет теперь снова приняться за балканскую политику и требует свободы проливов для русских судов, но не для других»; оба они обсуждали вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины, как о возможной компенсации за предоставление России свободы проливов[1]. Так в Вене, в сентябре 1907 г., в конфиденциальном разговоре Извольского и Эренталя была намечена сделка, заключенная в Бухлау годом позже.

Повидимому Извольский не приступил немедленно к осуществлению своих планов, возможно из-за осторожной позиции Эренталя и из-за известной оппозиции к ним Англии. Но спустя несколько месяцев, после того как Эренталь «бросил бомбу ему под ноги»[2] своим заявлением в Делегациях о желании Австрии построить железную дорогу от Сараево до Митровицы для соединения с македонскими и греческими железными дорогами, Извольский обратился снова к мысли Нелидова о выполнении исторической миссии России путем силы, а не дипломатии. На секретном заседании министров 3 февраля 1908 г. он указал, что если Россия будет продолжать пассивную оборонительную политику 1897 г., оставляя балканский вопрос «замороженным», она «рискует потерять разом плоды вековых усилий, утратить роль великой державы и занять положение государства второстепенного значения, к голосу которого никто не прислушивается». Приглашая обратить внимание на положение на Кавказе, в Персии и на Балканах, а также на недавнее сближение с Англией, он утверждал, что совместное англо-русское военное выступление в Турции «представляло бы весьма заманчивую перспективу»... «способную привести к блестящим результатам и содействовать осуществлению исторической миссии России на Ближнем Востоке». Но это затрагивает турецкий и ближневосточный вопросы во всем их объеме. Поэтому он спрашивал совета других министров, насколько они могут поддержать активную аггрессивную политику.

В ответ на это генерал Палицын, начальник генерального штаба, заявил, что три месяца тому назад он требовал прибегнуть к силе на Кавказе, но что теперь положение больше не требует этого; он обращал внимание на военную неподготовленность России. Военный министр генерал Поливанов соглашался с ним, что «у России нехватает артиллерии, пулеметов, обмундирования. Приведение в порядок, в полный порядок армии и крепостей потребует громадных затрат и много времени». Морской министр указывал, что черноморский флот не готов к войне, терпит недостаток в команде, угле, амуниции, орудиях и минах. Министр финансов Коковцев выразил сожаление, что ни он, ни кабинет в целом не был осведомлен Извольским о его воинственных и дорого стоящих планах; он энергично протестовал против военного выступления

---

[1] Conrad, I, 513 и сл. 528, 530.

[2] «Это была бомба, которую он бросил мне под ноги», сказал Извольский германскому послу в Петербурге, говоря о заявлении Эренталя относительно проекта железной дороги в Санджаке, G. P., XXV, 313. Извольский противопоставил этому проект Дунайско-адриатической железной дороги, которая пересекла бы проектируемую австрийскую линию под прямым углом и была бы благоприятной Сербии, давая ей прямой выход к морю. Об этих конкурирующих ж.-д. проектах см. G. P., XXV, 281—382; Schwertfeger, Zur Europäischen Politik, III, 64—7; Conrad, I, 555, G. Giolitti, Memoirs of My Life (London 1923), 207, 211.

в Персии и служения интересам иностранных держав; подобная политика не будет понята в России, «а также неясно, кого собственно мы защищали бы в Персии». Балканский вопрос еще более серьезный; он предпочел бы, чтобы Россия ограничилась посильной помощью Болгарии в случае турецко-болгарской войны. Вместе с тем деньги должны быть добыты всеми способами, чтобы реорганизовать армию и флот и сделать надлежащие военные приготовления.

Извольский в своем ответе вновь настаивал на неблагоприятных последствиях строго оборонительной политики. Но премьер-министр Столыпин заключил дискуссию заявлением, что в настоящее время Извольский не может рассчитывать на поддержку агрессивной и рискованной политики. Иначе в России может разразиться новая революция, и династии будет угрожать опасность. «Но через несколько лет, когда мы достигнем полного успокоения, Россия может снова заговорить прежним языком». В настоящий момент она должна ограничиться тем, что может быть достигнуто дипломатическим искусством министра иностранных дел. Одобрив эту политику уклонения от войны в настоящий момент и подготовки к будущему, Николай II отметил карандашом: «Береженого и бог бережет» [1].

Не встретив поддержки кабинета в вопросе об активных военных мероприятиях, Извольский снова обратился к Эренталю и Австрии, чтобы достичь дипломатическим путем более скромной части русской исторической миссии—открытия проливов для прохода русских военных судов. За год до этого он пытался получить согласие на это Англии в качестве части англо-русского соглашения, но безуспешно.

Со своей стороны Эренталь в течение нескольких месяцев втайне обдумывал проблему превращения оккупации Боснии и Герцеговины в полное обладание ими и ввиду затруднений по управлению ими, и ввиду возраставшей опасности «великосербской» пропаганды.

Управление Боснией находилось в руках военного губернатора (Landeschef), но его власть была ограничена гражданским помощником (Ziviladlatus), который представлял на месте высшую власть австро-венгерского объединенного министерства финансов в Вене. На основании соглашения 1867 г. габсбургская монархия могла приобретать территории только с общего согласия обеих частей монархии. Это было одной из причин, почему в 1879 г. Босния и Герцеговина были просто «оккупированы» совместно Австро-Венгрией, вместо того, чтобы быть прямо аннексированными Австрией. Это было также причиной того,

---

[1] Протокол заседания совета министров от 21 января—3 февраля 1908 г., опубликованный М. Покровским в Drei Konferenzen (Berlin 1920), 17—31 и частью Адамовым, Константинополь и проливы, I, 8 и сл.; см. также дневник Поливанова (на русск. языке), цитируемый у G. Frantz, Russland auf dem Wege zur Katastrophe (Berlin 1926), 7—10.

[Ссылка Фея на М. Н. Покровского нуждается в уточнении; обращаясь к публикации его, переведенной на немецкий язык и получившей широчайшую известность—«Три совещания» в «Вестнике НКИД» № 1 (20 июня) 1919 г.,—мы находим под № 1 протокол совещания о положении дел в малоазиатской Турции и на Балканском полуострове от 21 января 1908 г., кратко изложенный выше Феем, и под № 2 сообщение в. к. Николая Николаевича Извольскому содержания журнала «Совета государственной обороны» от 28 января 1908 г., на каковом журнале и было «начертано» Николаем II: «Согласен. Береженого и бог бережет».—*Прим. ред.*]

что управление провинциями находилось в руках австро-венгерского объединенного министерства финансов. Однако это министерство, занятое другими делами далеко от места, в Вене, часто не представляло себе действительного положения вещей в Боснии и Герцоговине. Вследствие этого оно часто посылало туда своим представителям приказы, противоречившие взглядам военного губернатора на месте. В результате возникали постоянные трения между Landeschef и Ziviladlatus.

Хотя Габсбурги много сделали за время оккупации для улучшения материального положения Боснии и Герцоговины постройкой дорог, созданием школ и установлением порядка в стране, но в их управлении было немало заслуживающего критики, и им не удалось завоевать привязанности всех жителей края. Магометане и большинство католического населения были преданы династии, но подавляющая масса православных сербов была все время настроена враждебно. После начала турецкой революции административные неурядицы и революционная опасность стали представлять более серьезную угрозу. Младотурки, возвестившие о созыве демократического парламента для всей турецкой империи, могли потребовать, чтобы в нем заседали представители Боснии. Они могли даже попытаться аннулировать австрийскую оккупацию, существовавшую с 1878 г. Кроме того, если бы началась война между Австрией и Турцией, должны ли боснийцы сражаться на стороне своего государя, султана, или на стороне их нынешних австрийских правителей области? Положение давало прекрасный случай для антиавстрийской агитации, и «великосербская» пропаганда хорошо использовала это. Аннексией Боснии и Герцоговины Эренталь надеялся положить раз и навсегда конец всяким сомнениям, что провинции принадлежат Австро-Венгрии[1].

Внезапно разразившаяся младотурецкая революция 1908 г. и перспектива неопределенных возможностей, которую она открывала, предоставила, как казалось Извольскому и Эренталю, благоприятный случай для обоюдно выгодной сделки за счет Турции. Россия могла разрешить вопрос о проливах получением права посылать русские военные суда через Босфор и Дарданеллы, а Австрия могла укрепить свое положение в Боснии и Герцоговине путем превращения в прямую аннексию оккупации, которую она осуществляла в течение 30 лет. Это и являлось содержанием той памятной записки, которую Извольский отправил Эренталю 2 июля 1908 г.[2] в связи с переговорами, касающимися Санджакского и Дунайско-адриатического ж.-д. проектов. Эренталь был в восторге от предложения Извольского, которое столь удачно совпадало с его собственными планами. Чтобы установить детали сделки, он пригласил русского министра иностранных дел на свидание в замок графа Берхтольда в Бухлау, в Моравии.

Так как переговоры между Извольским и Эренталем в Бухлау 15 сентября 1908 г. велись без свидетелей и на месте не было заключено

[1] Conrad, I, 13—28, 87—109, 170—174, 518—524, 527—529, 540—543, 557; G. P., XXVI, 1—12; Freiherr von Musulin, Das Haus am Ballplatz (München 1924), 163 и сл.; Brandenburg, 261, 269; Stephan Count Burián, Austria in Dissolution (N. Y. 1925), 265—310.

[2] Conrad, I, 107 и сл., напечатана с ответом Эренталя от 27 августа в G. P., XXVI, 190—195.

никакого письменного соглашения, то через несколько недель, когда сделка превратилась не в то, что от нее ожидали, насчет нее возникли противоречивые версии. Извольский заявил, что он был обманут и неправильно понят. Но факты могут быть установлены с значительной степенью достоверности на основании того, что сообщалось каждым министром частным образом третьим лицам несколько дней спустя[1]. Извольский согласился на аннексию Австрией Боснии и Герцеговины, а Эренталь—на открытие проливов для русских военных судов. Эренталь обещал также отказаться от своего проекта Санджакской ж. д. и от всяких намерений распространить австрийское влияние к Салоникам, кроме того он обещал вывести австрийские военные гарнизоны из Новобазарского санджака. Так как эти мероприятия изменяли важные статьи берлинского трактата, то Извольский считал, что они должны быть утверждены конференцией держав, подписавших трактат. В тот момент Эренталь, повидимому, не возражал против этого. Менее важны были следующие вопросы, согласованные между Извольским и Эренталем: отказ Австрии от прав на Черногорском побережье, аннексия Крита Грецией и согласие на независимость Болгарии, если князь Фердинанд окончательно решит провозгласить себя самостоятельным государем. Один важный пункт не был окончательно установлен, что вызвало бесконечные и ожесточенные споры. Это вопрос о моменте, когда должны быть произведены и обнародованы эти перемены.

Эренталь настаивает, будто он ясно говорил Извольскому, что аннексия Боснии будет произведена до созыва австро-венгерских делегаций, который был назначен на 8 октября, и на котором он собирался сделать о ней публичное заявление[2]. Извольский, наоборот, вынес впечатление, что австрийский министр просто изложит план об аннексии для рассмотрения его делегациями, но не будет сообщать им о нем как о совершившемся факте. Он повидимому думал, что эта сделка встретит серьезные затруднения, и он, конечно, не ожидал, что Эренталь предпримет определенные шаги до тех пор, пока содержание переговоров в Бухлау не будет закреплено в письменном виде. Позже после аннексии он негодовал, что Эренталь—«не джентльмен» и «нарушил доверие», проведя столь поспешно аннексию[3].

---

[1] G. P., XXV, 25—64.

[2] Чиршки, германский посол в Вене, Бюлову, 2 ноября 1908 г.; G. P., XXVI, 31-е примечание, 234; см. также G. P., XXVI, 35 и сл., 186 и сл., 228 и сл., 307 и сл., 837 и примечание 3 на стр. 269; H. Friedjung, Zeitalter des Imperialismus, II, 226 и сл.; Th. von Sosnosky, Die Balkanpolitik Oesterreich-Ungarns seit 1866, II, 167 и сл.; L. Molden, Alois Graf Aehrenthal, 59 и сл.; Eduard Ritter von Steinitz, Iswolsky und die Besprechungen in Buchlau, KSF V, 1151—1179, декабрь 1927; также Count Berchtold, Russia, Austria und the World War в «Contemporary Review», CXXXIII, 422 и сл. (апрель 1928).

[3] О его первоначальных предположениях см. G. P., XXVI, 35 и сл., 55 и сл., — о его последующих сетованиях. — G. P., XXVI, 118 и сл., 135 и сл., 147 и сл., 180 и сл., 206 и сл., 235 и сл., 393 и сл. и ниже примечание 2-е на стр. 274. См. также Ph. Crezier, L'Autriche, et L'Avant-Guerre, «Revue de France» 15 апреля 1921, 566—574; и анонимные статьи в Fortnightly Review от сентября и ноября 1909, «Bar. Aerenthal and M. Iswolsky, Diplomatic Enigmas and Iswolsky» и «Count von Aehrenthal: A Rectification». Первая инспирирована Извольским, а вторая—Эренталем и написана Диллоном после посещения графа Берхтольда в Бухлау—факт, который

Возможно, что в Бухлау Эренталь не имел еще ясного представления о том, как он поступит. Но 26 сентября он очевидно решил действовать быстро, так как он послал Бюлову длинное частное письмо, сообщая ему о соглашении в Бухлау и оправдывая свое собственное участие в нем, но не указывая даты аннексии[1]. 29 сентября были посланы австрийским послом за границу личные письма императора Франца-Иосифа для передачи их 5 октября правителям руководящих государств. В письмах говорилось, что он провозгласит аннексию Боснии и Герцеговины 7 октября[2].

Между тем Извольский, не ожидавший, что Эренталь будет действовать столь быстро и поставит мир перед совершившимся фактом, отправился, не спеша, в путешествие, чтобы возвестить державам о сделке в Бухлау и получить их согласие. 26 сентября он встретился в Берхтесгадене с Шеном, германским министром иностранных дел, и сообщил о затруднениях, которые, повидимому, собирается чинить Сербия, добавив, что он считает необходимым созыв европейского конгресса для санкционирования новых соглашений. Шен выслушал и указал, что, может быть, Германия пожелает некоторых услуг за согласие на открытие проливов. 29 и 30 сентября в Дезио Извольский доверил тайну Титтони. Итальянский министр получил тут впервые определенную информацию о предстоящих переменах и она сильно поразила его. Он настойчиво и срочно просил Вену об отсрочке аннексии, но его просьбы были тщетны и были опрокинуты дальнейшим ходом событий.

Балканские планы Эренталя и его молчание относительно их возмущали Титтони и он был склонен удовлетворить притязания Извольского насчет проливов в обмен на благожелательную позицию России в вопросе об эвентуальном захвате Италией Триполи. В сообщении, переданном в прессу о свидании в Дезио, и в речи Титтони в парламенте 4 декабря 1908 г. указывалось, что достигнута полная согласованность русско-итальянских взглядов, которая была закреплена формальным соглашением в Раккониджи спустя 13 месяцев в октябре 1909 г.[3].

Из Дезио Извольский отправился во Францию. В Мо, как раз перед

вскоре вызвал неприятную сцену между Верхтольдом и Извольским (Ср. G. P., XXVII, 442—446; J. von Szilassy, Der Untergang, der Donau-Monarchie, 194 и сл.), Georges Louis, Carnets, I, 66—69, 115.

[1] G. P., XXVI, 35—39. Двумя днями позже Эренталь сказал германскому послу в Вене, что «обстоятельства могут вынудить его приступить даже в самом непродолжительном времени к выполнению» его плана аннексии; обстоятельства, на которые он ссылался, были—сербская агитация и вероятность того, что Фердинанд Болгарский собирался провозгласить свою независимость от Турции, ibid., 43 и сл.

[2] G. P., XXVI, 97—101. О письме Франца-Иосифа к Николаю II см. «Красный архив», X, 42—43 (1925) и KSF, IV, 238—240 (апрель 1926). После объявления Фердинандом Болгарским своей независимости 5 октября, Эренталь поспешил сообщить Турции об аннексии Боснии и Герцеговины 6 октября, днем раньше даты, объявленной в письмах императора, G. P., XXVI, 112.

[3] G. P., XXVI, 43, 55—64; XXVII, 319 и сл., 399 и сл. В письме от 4 ноября 1909 г. Извольский говорит о согласовании русско-итальянских взглядов по балканским вопросам между ним и Титтони, формулированном почти два года тому назад, ibid., 424; Siebert-Schreiner, 151. Это свидание в Дезио и прежние переговоры относительно Санджакского ж.-д. проекта могут служить объяснением любопытного заблуждения Джолитти («Memoirs of May Life», London 1923, p. 202—204), дающего 1907 вместо 1909 г. как дату сделки в Раккониджи.

тем как его поезд должен был прибыть в Париж, он купил газету и из нее узнал, что Эренталь и князь Фердинанд Болгарский приступают к выполнению части планов, которые обсуждались в Бухлау [1]. Известие было подтверждено письмом Эренталя, которое было вручено ему по прибытии в Париж.

БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС 1908—1909 г.г.

В Сербии известие это вызвало величайшее негодование и возбуждение. Экстренные выпуски газет сурово осуждали нарушение берлинского трактата и требовали подготовки борьбы с Австрией не на жизнь, а на смерть. Только этим можно заставить державы оказать поддержку Сербии [2]. Сербские министры считали, что война неизбежна. Экстренно была созвана Скупщина; на войну были отпущены кредиты; были сделаны приготовления к мобилизации; были образованы иррегулярные банды—знаменитые «комитаджи», и выдающимися политическими деятелями было создано общество «Народна Одбрана», чтобы помешать аннексии [3]. Князь Георгий Карагеоргиевич поспешил в Россию за помощью к царю, а за ним вскоре последовал Пашич, влиятельнейший лидер руссофильски настроенных радикалов. Милованович, сербский премьер и министр иностранных дел, предпринял поездку по европейским столицам, чтобы заручиться помощью, которая позволила бы помешать Эренталю захватить две провинции, рассматривавшиеся как самый центр будущего югославского королевства, о котором он мечтал.

Но в то время как сербские министры громко протестовали против преступного нарушения берлинского трактата, они тут же настаивали на «автономии» для Боснии и Герцоговины и на «территориальных компенсациях» для своего собственного королевства [4]. Они требовали раздела Санджака между Сербией и Черногорией, чтобы связать эти два славянских государства общей границей и образовать барьер против дальнейшего продвижения Австрии на юг. Это являлось частью той области, через которую должна была пройти проектируемая Дунайско-адриатическая ж. д., дающая Сербии непосредственный выход к морю и пересекающая перпендикулярно проектируемую Эренталем железную дорогу на Салоники. Что могли сделать для Сербии державы? И в особенности, что могла сделать покровительница славян Россия?

Извольский оказался теперь в большом затруднении. Он опасался, как бы Эренталь не получил часть выгод, причитавшихся Австрии от сделки в Бухлау, раньше, нем он получит согласие французов и

---

[1] Crozier, op. cit, 571. Австрийский посол в Париже, услышав, что президент Фальер будет отсутствовать 5 октября, решил передать ему письмо Франца-Иосифа 3 октября под строгим секретом, но Пишон сейчас же телеграфировал об этом французским послам за границу, и кое-что проникло во французскую прессу (Crozier, 567, G. P., XXVI, 101).

[2] Донесение австрийского поверенного в делах в Белграде 9 час. п.п. 5 октября 1908 г.; Conrad, I, 113; G. P., XXVI, 247 и сл.

[3] Стаиоевич, 47; о дальнейших подробностях см. т. II, гл. II, «Assasination Plot».

[4] Донесения Веснича из Парижа 5 октября, Милованович из Лондона 29 октября и Пашича из Петербурга 25 ноября 1908 г.; Богичевич, 147 и сл. (франц. изд. 1925, стр. 171 и сл.); G. P., XXVI, 252 и сл.

англичан на часть, причитавшуюся России. Поэтому он не хотел подстрекать сербов, пока не обеспечит себе проливы. И он советовал сербам сохранить на время спокойствие и ждать конференции держав.

«Конечно, вам, сербам, нечего и думать удалить Австро-Венгрию из Боснии и Герцеговины силою оружия. А с другой стороны, мы, русские, не можем начать войну с Австрией из-за этих провинций... Я предвидел этот шаг со стороны Австро-Венгрии, и он не застал меня врасплох. По этим соображениям я дал наше согласие на это, взамен ее отказа от прав на Новобазарский санджак; затем последует пересмотр или изменение берлинского трактата, которого мы будем требовать; пользуясь этим случаем, Сербия также сможет представить свои пожелания относительно исправления ее границ. Я не понимало вашего беспокойства. В действительности вы ничего не теряете, а кое-что приобретаете,—нашу поддержку. Я уверен, что сербское население в Боснии и Герцеговине будет продолжать, как до сих пор, свою культурную работу во имя своего возрождения, и раз национальный дух в них пробужден, их никогда нельзя будет лишить их национального облика»[1].

Но Извольский скоро понял, что он не сможет получить в Париже действительной поддержки своему проекту об открытии проливов. Пишон был настроен «благожелательно», но не активно, и прежде всего желал знать, какова будет позиция Англии[2]. Переплыв канал, Извольский, к своему великому огорчению, убедился, что Англия все еще настроена отрицательно, тогда как он ожидал после соглашения 1907 г. более благожелательного отношения. Грей тактично заявил ему, что требование об открытии проливов «справедливо и разумно», и бесспорно «в принципе», поскольку они будут открыты «на условиях, совершенно равных для всех», т. е. включая Англию. Но Грей был настроен абсолютно против проекта Извольского, который предусматривал открытие проливов для русских военных судов, оставляя их закрытыми для военных судов других держав.

Подобное одностороннее изменение существующих трактатов исключительно в пользу русских давало бы им во время войны «преимущество иметь все Черное море в качестве безопасной гавани, откуда могли бы выходить крейсера и суда, предназначенные для воспрепятствования коммерческому мореплаванию, или по желанию,—скрываться от преследования противника». Изменение существующих трактатов, закрывающих проливы для военных судов, должно содержать элемент взаимности, создавая в случае войны равные условия для воюющих сторон»[3]. Это, конечно, не было тем, чего желал Извольский. Подобно Сабурову 30 лет тому назад, он желал иметь дверь в Константинополь и в Черное море запертой изнутри так, чтобы только Россия могла бы по жела-

---

[1] Донесение Веснича, сербского посланника в Париже, о разговоре с Извольским 5 октября 1908 г.; Богичевич, 151—154; и по тому же поводу князь Урусов—Смитсу в Вене 10 октября; Ibid., 154—156.

[2] L. N., I, 145 и сл.; G. P., XXVI, 133—136.

[3] Меморандум Грея Извольскому 14 октября 1908 г.; «Материалы по ист. фр.-русск. отн.», 530; L. N., II, 458. [В «Мат. по ист. фр.-русск. отн.» русский перевод неудовлетворителен, английский текст неполон,—см. «Константинополь и проливы», т. II, предисловие.—*Прим. ред.*].

нию запереть или отпереть ее—и никто другой. Тщетно он пытался вынудить у Грея угрозой согласие на это предложение, намекая, что отказ может уничтожить англо-русское соглашение.

«Г. Извольский заявил, что настоящий момент является наиболее критическим. Он может укрепить и усилить добрые отношения между Англией и Россией или разорвать их совершенно. Его собственное положение поставлено на карту, так как он всецело связан с политикой установления доброго согласия с Англией, которую он защищал против всех противников»[1].

После всего этого Извольский начал терять всякую надежду на то, что ему удастся добиться открытия проливов для русских военных судов. Но, если он не мог получить своей части от сделки в Бухлау, то может быть еще можно было стать поперек дороги Эренталю и потребовать, чтобы вопрос об аннексии был поставлен на конференцию держав, подписавших берлинский трактат. Если бы он не достиг в этом успеха, то он должен был бы признаться в унизительном дипломатическом поражении и ожидать сильного урона личного престижа. Панслависты в России уже начинали жестоко и гневно критиковать его за то, что Эренталь обошел его, за то, что он позволил Фердинанду получить независимость без помощи России, вместо того, чтобы получить ее из рук царя, и особенно за то, что он принес православных славян Боснии в жертву католической династии Габсбургов. Даже один из его собственных послов не поколебался назвать безрассудством постановку им вопроса о проливах и легкомыслием его поездку по Европе после Бухлау вместо возвращения в Россию; все это вместе взятое могло вызвать падение Извольского.

«Извольский, несомненно, очень умный и высоко культурный человек, но, к несчастью, он находится во власти чрезмерной возбудимости и тщеславия. Недоброжелательная газетная статья стоит ему бессонной ночи. В своих комбинациях он слишком тонок и хитер, так что часто из-за деревьев не видит леса и не замечает самых простых вещей. Все его начинания имеют целью исключительно усиление его личного престижа. Вероятным преемником его является г. Чарыков»[2].

Ввиду своего пошатнувшегося положения в России и неудачи в Париже и в Лондоне Извольский начал уверять сербов, вопреки тому, что он только что сказал Весничу в Париже, будто он никогда не одобрял аннексии Боснии Австрией. Еще в Лондоне «он не скрывал своего раздражения против Австрии и весьма энергично протестовал против утверждения, что он одобрил аннексию». Он заявил, что сделает все, чтобы оказать поддержку сербским интересам и обеспечить им компенсацию[3]. Остановившись в Берлине по дороге в Россию из Парижа и Лондона, он говорил об Австрии Миловановичу в еще более резких выражениях: «Он осуждал Австро-Венгрию, которая совершенно утра-

---

[1] Грей—Никольсону 14 октября 1908 г.; Grey, I, 178; ср. также G. P., XXVI, 140, 144, 149 и сл., 157 и сл., 173 и сл., 195 и сл.

[2] Замечания Муравьева в Риме, переданные Монтсом Бюлову 25 октября 1908 г.; G. P., XXVI, 220. Относительно настроений в Петербурге, ibid., 124—129; 166—173, 199, 235—230, 265 и сл.

[3] Донесение Груича из Лондона 13 октября 1908 г.; Богичевич, 157—161.

тила доверие России и западных держав; он выразил уверенность и надежду, что за свое поведение в этом деле она расплатится своею кровью». Но в Берлине он узнал, что Германия твердо поддерживает отказ своего австрийского союзника подвергнуть вопрос об аннексии рассмотрению конференции, если ее требования, включая признание аннексии, не будут заранее приняты. Натолкнувшись на такое сопротивление, он стал теперь опасаться, что ему не удастся стать Австрии поперек дороги требованием созыва конференции, не подвергая в то же время опасности европейский мир. Он знал, что к такому конфликту Россия совершенно неподготовлена. Поэтому он советовал сербам избегать войны в настоящий момент, но сказал им, что если даже аннексия станет фактом, то не следует считать ее окончательным решением вопроса.

«Его [Извольского] политика была направлена к цели, которая после ликвидации всех русских вопросов вне Европы приведет Россию к ее европейским задачам; Сербия являлась важным фактором в этой политике как центр южных славян. По мнению России и западных держав, Босния теперь больше чем когда-либо обеспечена Сербии, даже если бы была признана аннексия; Сербия должна сделать первые шаги к осуществлению своих национальных притязаний на Санджак и Боснию. В настоящий момент нужно избежать конфликта, так как ни в дипломатическом, ни в военном отношении почва еще не подготовлена. Если Сербия вступит в войну, Россия не поддержит ее, и она будет побеждена, что будет тяжелым ударом не только для русского национального чувства, но также для русских интересов и будущих планов»[1].

В течение следующих четырех месяцев затруднения Извольского возросли. Но он продолжал ободрять сербов надеждой, что вопрос об аннексии будет подвергнут пересмотру конференцией держав и пытался всеми средствами достичь этого. Но становилось очевидным, что он не добьется этого[2].

Между тем возбуждение в Сербии, точно так же как среди славян в Сербии и Хорватии, продолжало усиливаться. Демонстрации, враждебные Габсбургам, учащались. Австрия с своей стороны усилила репрессии, производя массовые аресты агитаторов и лиц, заподозренных в государственной измене. В знаменитом загребском процессе об измене некоторые должностные лица пустили даже в ход документы, сфабрикованные, как говорят, в австрийском посольстве в Белграде, которые австрийский историк Фридъюнг, не к чести для его репутации, признал за подлинные[3].

Положение в Боснии и Сербии становилось столь угрожающим для Австрии, что в декабре 1908 г. Конраду, начальнику штаба, было

---

[1] Донесение Миловановича из Берлина 25 октября 1908 г.; ibid., 161—163. О свидании Извольского с Бюловым в Берлине см. G. P., XXVI. 201—212.

[2] G. P., XXVI, 247—361; Siebert-Schreiner, 229—272.

[3] J. Goricar and L. B. Srowe, The Inside story of Austro-German Intrigue (New York 1920), 28—48; H. Wickham Steed, Through Thirty Years (London 1924), I, 308—316; T. G. Masaryk, Der Agramer Hochverratsprozess und die Annexion von Bosnia und Herzegovina (Vienna 1909); R. W. Seton-Watson, The Southern Slav Question and the Hapsburg Monarchy (London 1911).

разрешено произвести «скрытую мобилизацию»; ее предполагалось произвести незаметным образом: австрийские войска были направлены к сербской границе, не нарушая нормального мирного движения на железных дорогах [1]. Это угрожало создать местный конфликт между Австрией и Сербией, который мог легко развернуться в общую европейскую войну. Однако Россия в это время предпочитала избегать вооруженного конфликта, так как она была совершенно неподготовлена для общей европейской войны и была не в состоянии оказать Сербии вооруженную поддержку. Она не могла также рассчитывать на своего союзника, так как Франция не была склонна втягиваться в войну с Германией из-за балканского спора. Поэтому Россия была вынуждена продолжать просить сербов вести себя сдержанно и довериться будущему. Гучков, влиятельный член Государственной думы, говорил сербскому посланнику в Петербурге:

«Когда наши вооружения будут совершенно закончены, тогда мы сведем наши счеты с Австро-Венгрией. Не начинайте теперь войны, так как это будет для вас самоубийством, скрывайте ваши цели и готовьтесь; дни вашей радости придут» [2].

Самому Извольскому приписывались слова:

«Сербия будет осуждена на жалкое существование до того момента, когда Австрия распадется. Аннексия приблизила этот момент, и когда он придет, Россия подымется и разрешит сербский вопрос. Извольский знает, что конфликт с германизмом неизбежен и что политика России может быть только славянофильской» [3].

Несколькими днями позже Кошутич отмечал, что таковы же взгляды и Николая II.

«Царь сказал, что сербское небо покрылось черными тучами вследствие этого удара. Положение ужасно, потому что Россия не готова к войне и русское поражение погубило бы славянство. Царь думает, что конфликт с германизмом неизбежен в будущем и что к нему нужно готовиться» [4].

Так как положение на сербской границе становилось все более угрожающим и так как державы, несмотря на непрерывный обмен телеграммами [5], не могли притти к какому-либо решению, то Германия, наконец, выдвинула предложение, обеспечивавшее мир в Европе, помогавшее Извольскому выйти из затруднительного положения и в то же время удовлетворявшее Австрию.

РАЗРЕШЕНИЕ КРИЗИСА ГЕРМАНИЕЙ

Часто утверждали, что Германия вдохновляла аннексионистскую программу Эренталя в интересах Багдадской ж. д. и германского империализма. Это неверно. В действительности Германия не была своевременно предупреждена своим союзником и, следовательно, не имела возможности вмешаться пока было не поздно [6].

---

[1] Conrad, I, 120.

[2] Донесение Кошутича 3 марта 1908 г. «Deutschland Schuldig?», 112.

[3] Донесение Кошутича 10 марта 1909 г., ibid., 114.

[4] Донесение Кошутича 19 марта 1909 г., ibid., 114; Богичевич, 150—151.

[5] G. P., XXVI, 385—770; Siebert-Schreiner, 229—272.

[6] Эренталь предпочитал даже своего союзника поставить перед fait accomplit. В конце августа он дважды заверял Германию, что не имеет намерения аннексиро-

Когда Эренталь написал Бюлову 26 сентября о сделке в Бухлау, германские высшие должностные лица находились в разъезде. Бюлов был на своей вилле в Нордернее на побережье Северного моря, Шен, министр иностранных дел, находился в Берхтесгадене в Баварском Тироле, а кайзер—в Роминтене в Восточной Пруссии. Письмо Эренталя от 26 сентября отправилось сначала в Нордерней, затем после задержки в Роминтен, так что кайзер не знал об австрийских намерениях до самого дня аннексии. Он был весьма разгневан не только за то, что он столь долго оставался в неведении, но также и за самое выступление Австрии. Он рассматривал его как ничем не оправдываемое нападение на Турцию, которое могло стать гибельным для германского влияния в Константинополе, угрожало Багдадской ж. д. и возбуждало подозрения Англии по отношению к центральным державам.

«Вену можно не без основания обвинять в двуличии. Она одурачила нас самым неслыханным образом». «Мое личное чувство, как союзника, самым серьезным образом оскорблено». Таковы некоторые заметки кайзера. Он опасался, что это послужит началом раздела Турции и может повлечь за собой европейскую войну. «Если бы султан объявил войну и выкинул в Константинополе зеленое знамя священной войны, я не осудил бы его». «Политикой подобного рода Австрия вовлечет нас в опасное столкновение с Россией». Он опасался, что если Германия не выступит против аннексии, все подумают, что это произошло с его одобрения [1]. Его посол в Константинополе барон Маршалль склонялся к дезавуированию аннексии, даже ценой риска лишиться союза с Австрией [2].

Однако Бюлов не был согласен со своим государем. Убежденный в том, что Германия должна поддержать Австрию на Балканах, из опасения, что иначе Тройственный союз будет ослаблен, он считал, что Германия должна помочь Австрии в том шаге, который она предприняла. Если бы Германия заняла отрицательную или колеблющуюся позицию в этом вопросе, Австрия никогда не простила бы ей этого. Хотя Германия имела право быть недовольной Австрией за то, что она не посоветовалась с ней раньше, было бы неразумно протестовать теперь. Во всяком случае Россия, повидимому, дала свое согласие. Кайзер в конце концов согласился с Бюловым, но выразил сожаление, что «страшная глупость Эренталя поставила нас перед этой дилеммой, так что мы не можем поддерживать наших друзей турок и помочь им, когда наш союзник нарушил их интересы». После этого Бюлов сообщил Вене, что «в случае возникновения затруднений и осложнений наш союзник сможет рассчитывать на нас» и что Австрия сама вправе решить, что нужно сделать в сербском вопросе [3].

вать Боснию и Герцоговину (G. P., XXVI, 20—22), 5 сентября он намекнул Шену о сделке, которую он проектировал с Извольским (ibid., 26); но первой определенной информацией было его письмо к Бюлову от 26 сентября (ibid., 35), которое дошло до кайзера в Роминтен к 6 октября (ibid., 53, примечание). Австрийский посол в Париже представил письмо Франца-Иосифа относительно аннексии 3 октября; таким образом французский президент был официально извещен на три дня раньше германского императора—факт, который весьма раздражил кайзера (ibid., 53—102).

[1] G. P., XXVI, 39, 43, 45, 53, 102, 112.

[2] Ibid., 99—103.

[3] Ibid., 106, 160 и сл.

Но чувство раздражения у кайзера осталось; он обладал, повидимому, достаточно тонким политическим чутьем для того, чтобы понять, что, давая таким образом Австрии carte blanche, он принимал на себя рискованную ответственность и создавал опасный прецедент.

После провозглашения аннексии Боснии и Герцоговины Эренталь вступил в переговоры с младотурками, чтобы удовлетворить их требования. Они подобно сербам вначале подняли шум по поводу нарушения статей берлинского трактата. Они собрали войска, пытались бойкотировать австрийские товары, но постепенно убедились, что ни одна европейская держава не решится оказать им вооруженную помощь. Видя, что Германия твердо стоит на стороне Австрии, младотурки, наконец, решили 26 февраля 1909 г. принять австрийское предложение—2 500 тыс. ф. ст. в качестве выкупа за отказ от своего номинального суверенитета над аннексированными провинциями [1].

Однако признание турками эренталевского fait accomplit не разрешило вопроса. Оно только усилило ожесточение сербов. До этих пор они утешали себя надеждой, что турецкие требования, поддержанные державами Согласия, могли бы послужить средством принудить Австрию подвергнуть вопрос об аннексии рассмотрению на конференции держав, на которой Сербия могла бы по крайней мере получить «автономию» для провинций и «компенсацию» для себя самой. Но надежды эти оказались тщетными, так как Австрия решительно отказалась от каких бы то ни было уступок.

За недели, последовавшие за соглашением Австрии с Турцией, великие державы обменялись срочными телеграммами, пытаясь примирить обещания Извольского сербам относительно созыва конференции с непоколебимым отказом Эренталя подвергать аннексию пересмотру.

Но все это ни к чему не привело, пока, наконец, Германия не сделала предложение, которое спасло положение. Чтобы предотвратить возможность враждебных столкновений на австро-сербской границе, которые казались неизбежными, и уничтожить пропасть между Извольским и Эренталем, Германия 14 марта конфиденциально предложила России свое посредничество: Германия потребует от Австрии, чтобы та попросила державы дать путем обмена нотами формальную санкцию австро-турецкому соглашению, означавшему уничтожение ст. 25 берлинского трактата, при условии, что Россия предварительно обещает дать эту санкцию со своей стороны, когда Австрия предложит ей это сделать [2].

Это предложение представляло троякую выгоду: оно давало Австрии признание державами изменившегося положения в Боснии и Герцоговине, оно лишало Сербию легальных оснований и надежд на уничтожение «совершившегося факта»; оно удовлетворяло требование согласия, чтобы никакое изменение трактата не считалось действительным без формального признания его всеми, кто подписал трактат; и, наконец, умалчивая совершенно о конференции, которая могла бы поставить на рассмотрение еще другие могущие возникнуть балканские вопросы, оно позволяло избегнуть унижение России прямым отказом

---

[1] G. P., XXVI, 415—488.
[2] Ibid., 669 и сл.

от конференции, которую Извольский упорно отстаивал в течение месяцев. Это позволяло Извольскому легко выбраться из того тупика, в который он попал. Извольский одобрил предложение и был согласен принять его [1]. Он «признавал примирительный дух... этой попытки Германии, имеющей целью достигнуть ослабления напряженного положения» [2]. Но он еще колебался дать окончательный ответ, так как продолжал питать надежду на созыв конференции и на устранение нового дипломатического поражения. Его намерение принять германское предложение было однако усилено тем, что русский совет министров решил 17 марта, что Россия совершенно не готова, чтобы поддержать Сербию силой оружия, а также намеком Эренталя, что Австрия может опубликовать документы относительно сделки в Бухлау и таким образом доказать неверность распространявшихся Извольским утверждений о происхождении боснийского дела. Извольский настойчиво просил Бюлова удержать Эренталя от этой публикации, и Германия сделала это, указав Австрии, что лучше держать такой козырь в руках как можно дольше [3].

Эренталь был склонен принять посредничество Германии при условии, если Сербия сделает формальное заявление, что аннексия Боснии не нарушает ее прав и что в будущем она оставит свою позицию протеста. Между тем в самой Австрии шла внутренняя борьба по вопросу о мире или войне с Сербией. Конрад, австрийский начальник штаба, вновь требовал, чтобы Габсбургская монархия использовала этот благоприятный момент для «неизбежной» войны с Сербией. «Превентивной войной» в настоящий момент можно раздавить «маленькую опасную змею» и сделать ее безвредной в будущем. Он указал, что Россия и Италия недостаточно готовы к войне. Румыния пока лояльна, а Турция удовлетворена. Франция и Англия могут быть недовольны, но они не станут вмешиваться. Другого такого благоприятного момента, чтобы свести счеты с Сербией и устранить «великосербскую» опасность, не представится в будущем, потому что Россия и Италия реорганизуют и увеличат свои армии. Австрия может тогда очутиться перед угрозой войны на три фронта. С другой стороны, Эренталь и Франц-Фердинанд склонялись к миру, но Бюлов опасался, что они могут уступить аргументации Конрада. Действительно, 15 марта Эренталь посоветовал Францу-Иосифу согласиться на призыв войск и их тайную отправку к сербской границе [4]. Вследствие этого положение стало критическим. Чтобы предупредить разрыв между Австрией и Сербией, Бюлов считал

---

[1] Пурталес—Бюлову 16, 18, 20 марта; G. P., XXVI, 673—692.

[2] Извольский русским послам в Лондоне и Париже 17 марта 1909 г.; Siebert-Schreiner, 254.

[3] G. P., XXVI, 668; ср. также 230—234; 246—308; 668—671, 825. Чтобы скрыть свои ошибки и промахи, Извольский, повидимому, не сказал царю откровенно правду относительно сделки в Бухлау; это подтверждается содержанием писем царя Вильгельму II и Францу-Иосифу (Semenoff, Correspondance entre Guillaume II et Nicolas II; За кончковский, Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины в «Красном архиве», X, 41—53 частично перевезено в Die Kriegsschuldfrage IV, 38—250. апрель 1926) и также тем фактом, что Извольский изъял бумаги, касающиеся сделки в Бухлау, из русских архивов (заявление Зиновьева, секретаря министерства иностранных дел французскому послу 26 авг. 1912; Georges Louis, Carnets, II, 30).

[4] Conrad, I, 138—157.

необходимым поспешить со своим посредническим предложением и с получением определенного ответа от Извольского. 21 марта он послал с этой целью инструкции германскому послу в Петербург:

«Скажите Извольскому, что мы с удовлетворением узнали, что он признает дружественный характер нашего предложения и, кажется, склонен принять его... и что мы ожидаем ответа—да или нет; мы будем рассматривать всякий уклончивый, условный или неясный ответ как отказ. Тогда мы устранимся и предоставим события их собственному течению. Ответственность за дальнейшие события падет тогда исключительно на г. Извольского, так как мы сделали последнее искреннее усилие, чтобы помочь ему улучшить положение приемлемым для него образом»[1].

Из этого Извольский понял, что он «поставлен перед следующей альтернативой: или немедленное урегулирование вопроса об аннексии путем обмена нотами, или вторжение в Сербию»[2]. Он сделал доклад царю и на следующий день дал формальный положительный ответ. Царь уже телеграфировал кайзеру, что он очень тронут германским предложением, создавшим возможность мирного компромисса[3].

Таковы были события, вскоре принявшие характер легенды о том, что Германия угрожала России силой и своим ультиматумом подвергла ее унижению. Легенда эта была использована русской прессой, распространена в Англии сэром Артуром Никольсоном и употреблена Извольским в качестве средства для защиты против своих критиков в России[4]. Но это не было ультиматумом. Это была попытка со стороны Германии уничтожить пропасть между Россией и Австрией. Грей выдвинул подобную же формулу посредничества и заявил Австрии языком, почти аналогичным тому, которым Бюлов говорил России, что «если это потерпит неудачу, он устранится и предоставит события собственному течению»[5].

После принятия германского предложения Россией за ней вскоре последовали Англия, Франция и Италия. По приглашению Эренталя державы обменялись нотами, давши запоздалую санкцию одностороннему акту, посредством которого Эренталь уничтожал торжественную статью европейского трактата.

Раньше, чем известие об уступчивости России достигло Вены или невзирая на это, военная партия взяла верх, совет министров решил,

---

[1] Бюлов—Пурталесу 21 марта 1909 г.: G. P., XXVI, 693 и сл. Хотя Бюлов подписал эту ноту, но составил ее Кидерлен-Вехтер, который придал ей дружественный, но решительный тон; см. E. Jäck, Kiderlen-Wächter, der Staatsmann und Mensch (Berlin 1925), II, 26—29.

[2] Извольский—русским послам в Лондоне и в Париже 23 марта 1909 г.; Siebert Schreiner, 259 и сл.

[3] Царь—кайзеру 22 марта 1909 г.; G. P., XXVI, 700.

[4] О продолжительных, спорах, которые возникли по поводу характера выступления Германии, см. G. P., XXVI, 693 примечание и 777—855, passim. Бюлов предлагал опубликовать документы, чтобы представить дело в истинном свете и противопоставить их легенде о германской угрозе силой. Предложение было одобрено Чарыковым, исп. об. министра во время отсутствия Извольского; но это было оставлено по возвращении Извольского ввиду его нежелания опубликовать документы, которые могли бы показать, как он и панславистская печать неправильно изображали события (ibid., 788—793, 796—801, 811, 814).

[5] Меттерних—Бюлову 22 марта 1909 г.; G. P., XXVI, 701.

наконец, 29 марта отдать приказ о «желтой мобилизации» или «мобилизации Б» (Балканы), что означало полную мобилизацию 5 из 15 армейских корпусов, из которых в это время состояла австро-венгерская армия. Таким образом это была «частичная мобилизация» на случай войны только с Сербией и Черногорией, но она была полной для указанных пяти корпусов. Конрад покинул совет, убежденный, что теперь, наконец, сведение счетов с Сербией, на котором он столь часто настаивал, накануне выполнения[1].

Однако Сербия послушалась, наконец, предостерегающих советов, исходивших от России,—избегать войны в настоящий момент и довериться будущему. На пороге катастрофы она решила уступить совету держав. 31 марта 1909 г. она сделала в Вене формальное заявление, которое было согласовано между Эренталем и сэром Фейрфаксом Картрайтом, английским послом в Вене, в следующих выражениях:

Сербия не считает нарушенными свои права посредством fait accompli, создавшегося в Боснии, и, следовательно, подчинится решениям, которые могут принять державы в отношении ст. 25 берлинского трактата. По совету великих держав Сербия обязуется отказаться от позиции протеста и противодействий, которую она заняла с последней осени по отношению к аннексии. Она обязуется кроме того изменить направление своей теперешней политики по отношению к Австро-Венгрии и жить в будущем в добрососедских отношениях с последней.

В соответствии с этими заявлениями и относясь с доверием к мирным намерениям Австро-Венгрии, Сербия приведет свою армию со стороны ее организации, а также размещения и численности войск к положению, которое существовало весною 1908 г. Она разоружит и распустит добровольцев и иррегулярные части и будет препятствовать образованию новых иррегулярных частей на своей территории[2].

В течение следующих нескольких недель сербская и австрийская армии были демобилизованы, и аннексионистский кризис был ликвидирован. Но как будет видно дальше, сербы, поощряемые Россией, не выполнили своих обещаний, которые они были вынуждены дать, и Конрад не раз сетовал впоследствии, что Германия помешала Австрии в 1909 г. покончить с сербской опасностью единственно прочным удовлетворительным путем, т. е. употреблением силы.

ПОСЛЕДСТВИЯ БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА

Мы рассмотрели несколько подробнее эти события, так как результаты аннексионистского кризиса продолжали давать себя чувствовать долго потом[3], и их можно считать одной из причин войны 1914 г. Правда, в 1909 г. считалось, что Эренталь достиг победы, столь же блестящей для Австрии, сколь унизительной для России и Сербии. Его со всех сторон поздравляли с успехом, и он был награжден

[1] Conrad, I, 162; о технических мобилизационных мероприятиях, I, 116 и сл. 160, 640 и сл.

[2] G. P., XXVI, 731; ср. австрийскую Красную книгу 1914 г. № 7.

[3] Интересные современные комментарии о непосредственных результатах боснийского кризиса см. G. P., XXVI, 773—871.

титулом графа. Однако это была одна из тех пирровых побед, которые на минуту кажутся блестящими, но которые приносят больше неудач, чем успехов, если взглянуть на них с более широкой точки зрения. Эренталь добился ясного, законного положения для Боснии. Он доказал, что габсбургская монархия еще способна проводить сильную и независимую политику своими собственными средствами и приобретать престиж, который создается успешным дипломатическим шагом. Но, с другой стороны, он создал у Европы недоверие к методам австрийской дипломатии и вызвал негодование неоправдываемым нарушением торжественного трактата. Этот факт был недостаточно завуалирован обменом нот, которыми державы впоследствии санкционировали незаконное уничтожение договорных постановлений. Равным образом он вынудил у Сербии унизительную декларацию, посредством которой он надеялся положить конец «великосербской пропаганде». Но подобное унижение одной нации другой вряд ли является государственно целесообразной мерой и вряд ли ведет к успешному достижению цели. Наоборот, оно обычно оставляет болезненный укол, который дает себя знать позже. Сербия в действительности не сдержала своего обещания жить в добрососедских отношениях с Австрией. Она сохранила на своей территории очаг мятежной агитации, поддерживавший непокорность и измену среди боснийцев и других славян, подданных габсбургской монархии. Эренталю скоро пришлось убедиться, что он потерпел неудачу в достижении главной цели, из-за которой он предпринял аннексию,—усиления австрийского влияния в Боснии и Герцеговине. Он достиг временного успеха ценой будущих огромных затруднений.

«Я надеюсь, наше выступление будет успешным,—сказал он германскому послу в начале кризиса;—если нет, я, конечно, подам в отставку, но в этом случае по крайней мере мы гордо встретим поражение; иначе мы жалким образом разлагались бы изо дня в день»[1].

Германия также отчасти испытывала на себе подозрительность и негодование, которое создалось против ее союзника. Это недоверие и враждебность чувствовались однако значительно больше среди держав Согласия, особенно у России и у Англии, чем, как это можно было ожидать, у Сербии[2]. Хотя Германия действительно не была предварительно точно осведомлена об аннексионистском шаге Эренталя и не толкала его на это, державы и многие историки не верили тогдашним и позднейшим заявлениям Германии на счет фактического положения вещей. Из того, что Берлин твердо поддерживал Вену в течение всего кризиса, они естественно делали вывод, что Германия была

[1] Brandenburg, 287.

[2] Станоевич (стр. 36—42) указывает, что сербское общественное мнение не было особенно раздражено против Германии в течение последующих лет. Это отчасти объясняется громадным ростом торговых отношений между двумя странами во время и после «свиной войны», а отчасти сербским представлением, что Германия часто употребляет свое влияние для того, чтобы удержать Австрию от агрессивной балканской политики. Хотя ожесточенная вражда Извольского была направлена главным образом против Австрии, ненависть русского общественного мнения, руководимого панславистской прессой, направлялась с этих пор главным образом против Германии; см. донесения Пурталеса март—сентябрь 1909 г. G. P., XXVI, 777—858. Позиция

сообщницей Австрии с самого начала и вполне одобряла ее выступление[1]. Попытка Германии найти выход, который явился бы санкцией австрийского fait accompli и в то же время давал бы Извольскому путь к отступлению с позиции, которую более здравомыслящие, чем он, русские считали безнадежной, была истолкована как «угроза силой», или «ультиматум», как грубая попытка унизить Россию и вбить клин в Тройственное согласие, принудив Россию отказаться от согласия с Англией в пользу какого-нибудь нового соглашения между тремя восточными императорами. Это рассматривалось как новое доказательство грубости дипломатических методов Германии. К несчастью для Германии такое отношение внешне подтверждалось тщеславной и бестактной речью Вильгельма, когда во время визита в Вену, в 1910 г., он возвестил миру, что он защищал своего союзника «со всем блеском своего оружия».

Эффект, произведенный всей этой историей на третьего участника Тройственного союза, был совершенно не в пользу центральных держав. Италия, с которой ее союзник предварительно совершенно не посоветовался, не могла принять серьезного участия в разрешении кризиса. Итальянская гордость была оскорблена, и итальянцам казалось, что их притязаниям угрожает опасность дальнейших захватов Австрии на Балканском полуострове. Скрытая ненависть итальянцев к Австрии снова ярко возгорелась благодаря сознанию Италией своей слабости на суше и на море перед австрийскими войсками на границах перед фактом укрепления Полы и намеченным сооружением австрийских дредноутов. Традиции венецианского господства на Адриатике угрожала, казалось, более агрессивная политика Эренталя. До сих пор итальянские надежды покоились на status quo, на принципе соблюдения существующего порядка вещей, но австрийское выступление внушало в этом отношении тревогу. К этим опасениям прибавлялись постоянные ирредентистские трения, то, что Австрия была единственной державой, не ответившей на приглашение на международную выставку 1911 г., и тяжелые воспоминания, ожившие в связи с чествованием пятидесятилетней годовщины войны 1859 г. Это горькое настроение нашло свое отражение в страстной и встреченной шумными аплодисментами речи экс-премьера Фортиса: «Только с одной страной Италия считает возможным конфликт, и, к сожалению, эта страна — наш союзник. Правительство обязано призвать нацию к новым жертвам, чтобы приспособить наши военные силы к тому, что от нас требует создавшееся положение».

Сомнения Италии в ценности для нее Тройственного союза возросли. Она была совершенно готова несколькими месяцами позже подписать тайное соглашение в Раккониджи, которое имело своей целью русско-итальянское дипломатическое сотрудничество против Австрии на

английского правительства определялась весьма руссофильским настроением сэра Артура Никольсона, британского посла в России, который вскоре сделался бессменным тов. министра иностр. дел Великобритании и оказывал сильное руссофильское влияние на Грея, ср. I, 182, 304 и сл.; G. P., XXVI, 732, 733, 866, примечание.

[1] «Мы имеем дело с акцией, которая не допускает противоречия и которая была согласована между Веной и Берлином», телеграфировал Извольский русским послам в Лондоне и Париже 23 марта 1909 г., сообщая о последней стадии кризиса.

Ближнем Востоке и знаменовало собой новый этап на пути Италии от Тройственного союза к Тройственному согласию[1].

Однако наиболее серьезные последствия боснийский кризис вызвал в России. В панславистской прессе началась длительная и ожесточенная кампания против Германии, смысл которой заключается в том, что война между славянством и германизмом «неизбежна» и что следовательно Россия должна поспешить с приготовлением к ней. И действительно, вскоре после этого Россия предприняла полную реорганизацию и увеличение своей армии и флота, которые еще не были закончены в 1914 г. Лично для Извольского это дипломатическое поражение, которым он в известной мере обязан самому себе, стало самым жестоким испытанием всей его жизни. Оно наложило отпечаток на его поведение во все последующее время. Он был всецело охвачен стремлением к реваншу и к восстановлению утраченного личного престижа. Горечь, которую он чувствовал, ясно сказывалась в его официальном сообщении, которым он осведомлял послов в Париже и в Лондоне, что он вынужден принять германское решение кризиса. Буря критики, обрушившаяся на него со стороны панславистских элементов в России, была одной из причин, вынудивших его покинуть в сентябре 1910 г. пост министра иностранных дел и занять вместо этого пост русского посла в Париже[2].

Здесь он мог отныне посвятить всю свою неутомимую энергию, все свое искусство интриги установлению более тесных связей между Россией, Францией и Англией. Теперь он убедился, что только с их поддержкой и путем увеличения вооружений можно избежать в будущем подобного дипломатического поражения, или в случае необходимости рисковать войной. Его усилия в достижении этих целей можно подробно проследить по недавно опубликованным документам[3], как вкратце было указано в предшествующей главе.

Преобладающее настроение среди русских дипломатов после аннексионистского кризиса было характерно изложено тогдашним русским послом в Париже:

> «Рассматривая будущее развитие европейских дел, многие газеты приходят к заключению, что теперь, после блестящей победы, одержанной Германией и Австрией, обеим западным державам вместе с Россией надлежит обратить свое внимание на систематическое развитие своих сил, чтобы достичь такого состояния, когда они уже не будут страшиться вызова со стороны Тройственного союза,— а тогда Италия отделится от Тройственного союза и выставит со своей стороны требования, которые должны восстановить политическое равновесие, нарушенное ныне в пользу Германии и Австрии...
>
> Все эти обстоятельства показывают, насколько необходимо для нас связаться еще более крепко с Францией и Англией, чтобы сообща

---

1 G. P., XXVI, 793, и сл., 819 и сл.; XXVII, 397—431.

2 G. P., 777—793, 796—817, 823—828, 834—840, 853—858, 791; см. также выше примечания на стр. 264, 273, 274

3 G. P., XXVI—XXVII; Siebert-Schreiner, «Мат. по ист. фр.-русск. отн.; Stieve и по работам Барнса, Богичевича, Бранденбурга, Черчилля, Юарта, Фабр-Люса, Гуча, Грея, Жюде, Монжля, Пуанкаре, Шмидта, Штиве и Валентина.

противодействовать будущему проникновению Германии и Австрии на Балканы.

Это противодействие не при всяких обстоятельствах приведет к вооруженному столкновению с Тройственным союзом. Подобно тому, как Австрия, поддержанная Германией, сконцентрировала свои силы и угрожала Сербии, не обращая внимания на требования Европы, так и мы сможем в согласии с Францией и Англией после восстановления нашей военной мощи в благоприятный момент заставить Австро-Венгрию отказаться от своих балканских планов и вернуть ныне порабощенным сербам их свободу действия. Опыт последнего кризиса доказывает, что если в мирное время уже подготовлены военные мероприятия, то все дипломатические вопросы могут быть легче разрешены путем угроз и сильного давления. Дипломатическое искусство заключается в выборе благоприятного момента и в использовании общей благоприятной ситуации так, чтобы, будучи уверенным в своей собственной силе, можно было бы итти до конца. Таким образом мы, несомненно, будем в состоянии ослабить неблагоприятное впечатление, которое теперь произвела неудача нашей политики, и таким путем мы постепенно добьемся успеха в освобождении родственных балканских государств от австро-германского влияния»[1].

Сербам Извольский продолжал оказывать тайное поощрение, советуя им готовиться к более счастливому будущему, когда они смогут с русской помощью рассчитывать осуществить свои югославские притязания. Он действительно никогда не рассматривал аннексию Боснии и Герцеговины как окончательное решение вопроса, но считал сам и побуждал сербов считать их сербской Эльзас-Лотарингией. Для освобождения этих провинций все сербы и в Сербии и в Австро-Венгрии должны продолжать свои тайные приготовления.

Этой политикой вдохновлялись его тайные переговоры с Италией и Болгарией в октябре и декабре 1909 г., и она под конец привела к образованию Балканской лиги 1912 г. Все балканские государства ожидали возможности перемен на Балканах, которые в конечном итоге могут привести к торжеству славянства над германизмом, в «неизбежности» чего царь и его министры убеждали сербов. Эти ободряющие заверения со стороны России относительно грядущего осуществления «великосербских» притязаний отчасти объясняют, почему сербы не сдержали обещаний, данных Австрии при ликвидации боснийского кризиса. Что Сербия с самого начала не имела серьезного намерения сдержать свои новые обещания, а просто хотела подготовить почву и средства для тайной подпольной кампании против Австрии, видно из следующего характерного документа, написанного только несколькими днями позже обещаний, торжественно заявленных 31 марта:

Инструкция сербского королевского правительства от 17 апреля 1909 г. сербскому посланнику в Вене относительно продолжения великосербской пропаганды в Австро-Венгрии.

---

[1] Челинов — Извольскому 19 марта — 1 апреля 1909 г.; Siebert-Schreiner, 263—265. Челидов, конечно, составил себе представление о боснийском кризисе по депешам Извольского.

«Сербское королевское правительство, иностранная политика которого преследует интересы всего славянства, твердо решило, рассчитывая на поддержку Англии, Франции и России, ожидать момента, когда Сербия сможет приступить с большими надеждами на успех к реализации ее законных притязаний на Балканах и на всем славянском юге. До того времени королевское правительство желает сохранять с Веной строго корректные отношения, не прибегая ни к какому политическому соглашению. На этом основании правительство не будет предпринимать шагов к возобновлению торгового договора с монархией; по этим же соображениям оно должно построить свою национальную деятельность на территории владений габсбургской короны на новых основаниях».

Затем инструкция указывает должностным лицам сербской миссии и консульств в Австро-Венгрии, что с этих пор, в отличие от прошлого, они должны воздерживаться от всякого активного и личного участия в национальной сербской пропаганде и должны уничтожить все следы подобной деятельности сербского министерства иностранных дел таким образом, чтобы вся переписка, которая велась до сих пор с политическими агентами в Австро-Венгрии, была окончательно прекращена. После 28 апреля сербская миссия и консулы в Австро-Венгрии не будут больше снабжаться средствами для этих целей, за исключением 250 тыс. динаров в связи с загребским процессом о государственной измене и 4 тыс. динаров для «воздействия» на австро-германскую прессу. Суммы для получения военной информации больше не потребуются сербской миссии в Вене, так как отныне необходимые суммы для этого будут переданы в распоряжение сербского военного министерства и его агентов. Затем инструкция объясняет сущность новых секретных путей, по которым отныне должна итти «великосербская пропаганда».

Чтобы иностранная политика королевского правительства, относящаяся ко всему сербскому славянству, могла остаться в неприкосновенности, несмотря на вышеуказанный отказ от всякой непосредственной активности в Австро-Венгрии, королевское правительство передало дело национальной пропаганды на славянском юге панславистской пропаганды; организации эти получат свое окончательное оформление в братской России 1 июля этого года. Благодаря этому относительно наших притязаний в решающих вопросах нам будет оказана поддержка могучего правительства российского. Эта организация будет располагать значительными средствами. Новая база (агитации) проектируется в братском Чешском королевстве, вокруг которого могут объединиться все те, кто желает искать или кто должен искать сохранения своей национальной индивидуальности в торжестве панславистской идеи.

Поскольку окажется необходимой революционная пропаганда, она будет впредь организовываться из Петербурга и из «Золотой Праги». Мы также будем развивать эту деятельность посредством связей, поддерживать которые в будущем явится делом генерального штаба [1].

---

[1] Цитировано Конрадом, I, 181. Изложение этого или аналогичного документа см. G. P., XXVI, 776 и сл

То, что Сербия доверчиво рассчитывала на русскую помощь в деле захвата силой Боснии и Герцоговины в будущем, доказывается секретным циркуляром, выпущенным исполнительным комитетом панславистской конференции в Петербурге несколькими неделями позже. Он был адресован славянским организациям на Балканах и по существу заключается в следующем: Россия проводит реорганизацию своей армии и реформирует внутреннее управление. Пока эта двойная работа не закончена, славянские народы должны сохранять терпение и веру в Россию. Сербские делегаты на славянском съезде в Петербурге и Москве имели возможность убедиться на месте, что все классы русского общества воодушевлены желанием сделать Россию способной энергично выполнить свою миссию в качестве покровительницы славянского мира. Сербия и Черногория должны быть готовы осуществить свое объединение занятием Нового Базара и вторжением в Боснию и Герцоговину. Болгария должна быть готова занять территории, обещанные ей по Сан-Стефанскому договору, и распространиться до ворот Константинополя. Младотурецкий режим не может долго держаться, и ликвидация Турции произойдет раньше, чем это можно предполагать. В этот момент Россия должна будет в союзе с другими славянскими народами осуществить славянские идеалы и помешать Австрии и Германии эксплоатировать Турцию в своих выгодах. Пока же все славянские народы должны объединиться и работать в особенности над укреплением своей экономической мощи. Они должны уничтожить германскую торговлю и промышленность на своих территориях мерами решительного бойкота. Что касается денег, необходимых балканским славянам для их военных приготовлений, то Россия предоставит их непосредственно или добудет с помощью Франции и Англии. Несомненно, что через 2—3 года, самое большее, придет время, когда славянский мир под руководством России сможет нанести сокрушительный удар[1].

Это поощрение Сербии, тайное со стороны русского правительства и более или менее открытое со стороны панславистской прессы, способствовало усилению ожесточенной националистической агитации среди

[1] Брокдорф-Ранцау, германский поверенный в делах в Вене, — Бетману 25 июля 1909 г.; G. P., XXVI, 844 и сл. О русских условиях предоставления финансовой помощи непосредственно и путем заключения займов во Франции, чтобы снабдить балканские государства военным снаряжением, см. L. N., I, 283 и сл.; II, 155 и сл., 233 и сл., 242 и сл., 262 и сл.; Stieve, № 280, 283, 317, 346, 1070, 1082, 1101, 1169, 1201, 1205, 1217—1218, 1223—1224, 1233—1235, 1245—1250, 1322—1328, 1330, 1335, 1346, 1348, 1356, 1363, 1365, 1374; Siebert-Schreiner, 312, 339 и сл., 451 и сл.; Poincaré, II, 33, 39 и сл.

Французские вложения, считая и правительственные займы, и вложения частных банков в балканские государства (не включая Турцию), возросли с 920 млн. фр. в 1902 г. до 3 130 млн. в 1914 г.—увеличение на 242%; вложения в Россию возросли с 6 900 млн. в 1902 до 11 300 млн. в 1914 г., т. е. на 63%, в то время как все иностранные французские вложения, даже включая ее собственные колонии, возросли с 20 860 млн. в 1902 г до 38 230 в 1914 г., увеличение только на 83%; данные для 1902 г. из «Bulletin de Statistique et de Législation Comparée» Oct. 1902; данные для 1914 г. из H. G. Moulton, The French Debt Problem (N. Y. 1925), p. 20.

Так как французские иностранные займы были весьма тесно связаны с французской внешней политикой, эти данные дают некоторое указание на быстрое увеличение французских политических интересов на Балканах: они помогают объяснить тот факт, что Пуанкаре был часто более сербофилом, чем сам Сазонов, и в 1914 г. твердо решил добиться того, чтобы Сербия получила поддержку Антанты против Австрии.

сербов как в Сербии и Боснии, так и среди хорватов. Оно подстрекало далее настроения неуравновешенных сербофильских юношей, которые произвели на австрийских должностных лиц ряд покушений, закончившихся трагическим убийством австрийского эрцгерцога в Сараеве и таким образом непосредственно приведших к мировой войне. Австрийские министры более или менее догадывались об этом поощрении и считали Россию скорее, чем Сербию, источником австро-сербского антагонизма.

Однако формально, с внешней стороны, австро-сербские отношения, казалось, улучшились после декларации Сербии от 31 марта 1909 г. о том, что она впредь будет поддерживать дружеские отношения с двуединой монархией. Австрийские и сербские войска были демобилизованы по обеим сторонам границы. Открытая и гласная сербская пропаганда против двуединой монархии прекратилась, но от этого она не стала менее опасной, так как тайно велась сербским офицерством и ушла в подполье. Австро-сербский антагонизм оставался почти таким же острым, как и раньше, по обе стороны границы.

В то время как «Народна Одбрана» и позже «Черная рука» вели тайную разрушительную работу сербской агитации, австрийские власти со своей стороны делали все от них зависящее, чтобы держать рану открытой и раздувать ненависть сербов массовыми арестами заподозренных агитаторов в Австро-Венгрии. Дальнейшая история этого антагонизма и убийство эрцгерцога будут изложены позже.

Три года, от 1909 до 1912, от окончания аннексионистского кризиса до образования балканского союза, были свободны от острых конфликтов в балканских вопросах (исключая последствий итальянской войны с Турцией из-за Триполи). В течение этих лет Австрия детально укрепляла свое положение во вновь аннексированных провинциях. Она отказалась от проекта расширить свою ж.-д. сеть от Боснии через Вардарскую долину к Салоникам и эвакуировала свои военные гарнизоны из Новобазарского санджака в качестве уступки сербским и черногорским (и русско-итальянским) пожеланиям.

В Германии Бюлов ушел с поста канцлера в июле 1909 г. по указанным уже выше причинам и его преемником сделался Бетман-Гольвег, давний личный друг Вильгельма II по Боннскому университету.

У нового канцлера не было дипломатического опыта и важнейших качеств государственного деятеля. Он не обладал ораторским дарованием, благодаря которому Бюлов мог так удачно скрашивать свои промахи и представлять положение Германии в более розовом свете, чем оно было в действительности[1]. Но Бетман обладал большой природной проницательностью, высоко развитым чувством чести и питал искреннее желание сохранить мир в Европе.

Во время визита царя в Потсдам в ноябре 1910 г. Бетман заверил Сазонова, нового русского министра иностранных дел, что если Австрия

---

[1] Эта литературная легкость и оптимизм, характерные для речей Бюлова в рейхстаге, нашли свое отражение в его *Deutsche Politik* (1913, перераб. изд. 1916), представляющей защиту им своей политики. Лучшим и суровейшим обвинительным актом против Бюлова является труд Die Aera Bülow (Берлин 1922). Бетмановская скромная честность и отсутствие блеска обнаруживаются и в его Betrachtungen zum Weltkrieg (2 Bde Berlin 1919—1921). Строгую критику его политики можно найти в книге Тирпица и Г. Либиха, 1919.

будет преследовать планы экспансии,—чего, он надеется, не будет,—Германия «не обязана и не склонна поддерживать ее». Со своей стороны Сазонов заявил, что он стремится к сохранению Турции, и старался создать впечатление, будто русские интересы снова направлены в сторону Азии и Дальнего Востока. На такой основе были затем заключены обоюдно выгодные соглашения относительно Персии и Багдадской ж. д. Осторожная позиция Бетмана по отношению к Австрии, соответствовавшая первоначальному оборонительному характеру Австро-германского договора 1879 г. и бисмарковской традиции, совпадала с точкой зрения германского посла в Вене, который спустя год после аннексионистского кризиса писал:

«Германия не является балканской державой. В течение прошлого года из соображений высшей политики мы бросили на чашу весов наше политическое влияние в пользу Австрии. По моему мнению мы поступим хорошо, помешав, насколько возможно, повторению подобной политики. В будущем мы должны оставить за собой свободу действий и стараться вмешиваться в балканские вопросы возможно меньше, чтобы оказаться способными в психологический момент выбрать линию нашего политического поведения свободно или использовать его возможно выгоднее»[1].

С этих пор до июля 1909 г. Германия хотя и заверяла Австрию в своей готовности выполнить свои обязательства союзника, однако неоднократно оказывала умеряющее влияние на Австрию в интересах европейского мира, особенно во время балканских войн. Это имело место так часто, что венские сановники, в особенности австрийский начальник штаба, не раз приходили в отчаяние от отсутствия поддержки Берлина в балканских делах. Несмотря на общее доброе согласие между главами германского и австрийского генеральных штабов, между Мольтке и Конрадом,—между обоими союзниками было больше трений, чем обыкновенно думают. По временам Бетман чувствовал необходимость повторять обещания поддерживать политику, которую Австрия считала существенной для своих жизненных интересов на Балканах, так как иначе он вызвал бы такое неудовольствие на Балльплаце[2], которое серьезно ослабило бы союз, оставшийся еще краеугольным камнем германской внешней политики. Но гораздо чаще его инструкции германскому послу в Вене имели целью удержать Австрию от выступления против Сербии, от конфликтов с Россией и от других необдуманных шагов. Иногда Австрия прислушивалась к совету, иногда нет. Но считать, что Германия осуществляла полный контроль над своим союзником, как делают это многие авторы, совершенно неправильно. Только после того, как началась мировая война и Австрия обнаружила полную военную беспомощность, Германия постепенно осуществила тот полный контроль над судьбами своего союзника, который общераспространенное мнение обычно приписывает ей[3].

[1] Чиршки — Циммерману 1 мая 1910 г.; G. P., XXVII, 537.

[2] Площадь в Вене, где помещалось австро-венгерское министерство иностранных дел.—*Прим. ред.*

[3] Относительно австро-венгерских отношений 1909—1914 гг. см. G. P., XXVII—XXXVII, passim; Pribram, 268—298; Brandenburg, 315, 337, 362, и сл. В качестве образчиков сдерживающего германского влияния на Австрию или неподдержания ее политики см. напр. рассуждения Конрада относительно Сербии (III, 77,

СДЕЛКА В РАККОНИДЖИ. ОКТЯБРЬ 1909 г.

В то время как Германия старалась таким образом сдерживать Австрию и уменьшить напряженное положение на Балканах, Россия активно готовилась к «неизбежному» столкновению между славянством и германизмом, которое должно было привести к окончательному осуществлению исторической миссии России относительно Константинополя и проливов и попутно к осуществлению притязаний Сербии относительно «Великой Сербии» за счет Австрии. С этой целью Извольский устроил визит царя к Виктору Эммануилу в замке в Раккониджи, к югу от Турина, в октябре 1909 г. Царь проявил свое недовольство аннексией, демонстративно сделавши большой крюк, чтобы избежать вступления на австрийскую почву, что широко комментировалось прессой во всех странах [1].

Важное секретное русско-итальянское соглашение, подписанное там Извольским и Титтони, начинается обычным благочестивым пожеланием сохранения status quo на Балканах, но затем следует указание, что в случае, если это сохранение окажется невозможным, как ожидалось обеими державами, то они соглашаются поддерживать национальный принцип в развитии балканских государств. Наиболее важными статьями были 4-я и 5-я.

4. Если Россия и Италия пожелают заключить с третьей державой соглашения, касающиеся европейского востока, помимо существующих в настоящее время, каждая из них должна делать это только с участием другой.

5. Италия и Россия обязуются относиться благожелательно, первая к русским интересам в вопросах о проливах, вторая к итальянским интересам в Триполи и Керенаике [2].

Эти статьи настолько противоречили торжественным публичным и частным заявлениям Извольского и Титтони, что они держались даже в большем секрете, чем самые секретные договоры. Вначале Извольский не был даже склонен осведомить русских послов в Париже и Лондоне об их точном содержании [3]. Он не посвятил в это дело Пуанкаре до начала балканской войны, и даже тогда он просто прочитал текст вслух, взяв обещание, что французский премьер не откроет его содержания членам кабинета и своим ближайшим сотрудникам. Тем не менее Пуанкаре сразу осведомил об этом своих коллег, хотя «он не прочитал им текста соглашения, так как он не был ему вручен» [4].

78, 164—169, 258—404, 595—598), Албании (III, 63—64, 77, 108, 136, 268—269, 323, 586), Румынии (429—432, 671), Черногории (II, 166—167, 318—319), Турции (III, 27, 644—645), сохранения мира (78—81, 102, 239) и вообще (III, 407, 410, 417, 421, 429, 627—628, 632—729). Относительно интересных, но противоположных взглядов Ягова и Лихновского в июле 1914 г. по поводу Австро-германского союза см. K. D., 62, 72.

[1] Ср. G. P., XXVII, 403 и сл., 425; Siebert-Schreiner, 148, 150.

[2] «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», стр. 298; L. N., I, 358; Stieve, II, 363; KSF, IV, 425—417 (июнь 1926 г.).

[3] Siebert-Schreiner (146—II77) приводит много телеграмм относительно свидания в Раккониджи, но они не открывают существа соглашения до захвата Италией Триполи в 1911 г.; тогда лондонскому послу было сообщено о содержании 5 ст., и Извольский внушал Титтони «не забывать обязательств Италии о наших требованиях относительно турецких проливов».

[4] Poincaré, II, 365.

Подобным же образом Титтони позаботился, чтобы ни одна строчка этого соглашения не стала бы известной Германии и Австрии, хотя они были союзниками Италии. С характерной двуличностью, Титтони обещал не заключать соглашений относительно Балкан без участия России и в то же время вел переговоры о соглашении с Австрией по этому самому вопросу. Он начал переговоры в июне предыдущего года и предлагал Австрии договориться о том, чтобы ни одно из двух государств без осведомления другого не заключало соглашения относительно Балкан с третьим государством [1]. За неделю до свидания в Раккониджи Титтони настаивал на более определенном добавлении, что Италия и Австрия «должны согласиться не заключать соглашений с Россией без участия обеих» [2]. Затем он подписал соглашение в Раккониджи. Тем не менее несколькими днями позже Италия подписала за спиной России соглашение с Австрией, которое совершенно игнорировало обещание, данное в Раккониджи, и по существу содержало те самые предложения, о которых Титтони вел переговоры с июня [3].

Так Титтони и итальянское правительство под влиянием итальянских притязаний на Балканах и в Африке обманули Россию и Австрию: Раккониджи характеризует добросовестность Италии в такой же мере, как и соглашения с Францией в 1902 г.

Несмотря на чрезвычайную тайну, которой Извольский и Титтони окружили свое соглашение, распространились слухи и подозрения о сделке Италией с державами Согласия. Свидание Николая II и Виктора Эммануила было встречено с энтузиазмом. Товарищ британского министра ин. дел сэр Чарльз Гардинг выразил русскому поверенному в делах свое «живейшее удовлетворение», заметивши, что свидание было весьма уместно и весьма важно не только для России, Англии и Франции, но даже еще больше для Италии.

> «...он [Гардинг] разделяет мнение части европейской прессы относительно странной позиции, которую заняла Италия по отношению к группировкам держав. Особенно в случае возникновения осложнений на Ближнем Востоке Италия должна будет или изменить своему союзнику, или действовать против своих собственных национальных интересов. Эти слова подтверждают глубокое впечатление, произведенное здесь [в Лондоне] свиданием в Раккониджи, на правительственные круги, которые склонны считать, что в будущем Италия будет стоять ближе к Антанте, чем к Тройственному союзу» [4].

Германия, Австрия и Турция были соответственно встревожены, каждая по-своему, но им было дано торжественное, хотя и лживое заверение, что обе стороны ни о чем не договорились, кроме как о похвальном желании Италии и России сохранять status quo на Балканах и предоставить балканские государства их нормальному и мирному развитию [5].

---

[1] G. P., XXVII, 319.
[2] Ibid., 334.
[3] Австро-итальянское соглашение 30 ноября 1909 г., разъясняющее ст. VII Тройственного союзного договора; Pribram, 99 и сл. G. P., XXVII, 336.
[4] Siebert-Schreiner, 148 и сл.
[5] Ibid., 149—152; G. P., XXVII, 409—431, passim.

Соглашение в Раккониджи, которое предусматривало возможность раздела Турции и удовлетворение притязаний России на проливы, столь же хорошо служило для другой цели Извольского — оторвать Италию от Тройственного союза и сблизить ее с Антантой или по крайней мере нейтрализовать Италию как «мертвый груз» в Тройственном союзе[1]. Отныне оно играло в балканской политике Извольского не меньшую роль, чем в африканской политике Титтони. В дальнейшем это было закреплено самыми интимными отношениями между обоими, когда позже они были вместе послами в Париже и находились в тесном общении с Пуанкаре[2].

Одновременно с шагами, предпринятыми в Раккониджи, Извольский стремился сплотить балканские государства в крепкий союз под руководством и покровительством России. До сих пор величайшим препятствием к согласованному действию взаимно соперничавших балканских государств являлся тот факт, что Сербия, Болгария и Греция претендовали на большую часть Македонии, которая еще находилась в постоянном брожении под управлением Турции.

Это препятствие могло бы быть устранено, если бы Сербия отказалась от некоторых своих требований в Македонии в пользу Болгарии и ей была бы обещана компенсация за счет территорий, принадлежащих габсбургской монархии, когда эта последняя окончательно распадется после смерти старого императора Франца-Иосифа или вследствие разлагающего влияния беспокойных национальностей, находящихся под управлением Габсбургов[3]. В соответствии с этим летом и осенью 1909 г. Извольский попытался создать сближение между Сербией и Болгарией во имя общих интересов славянства, но балканское соперничество и подозрения были слишком сильны, чтобы обеспечить успех этим первым усилиям, и переговоры скатихли[4].

В Константинополе вновь назначенный деятельный русский посол Чарыков работал над созданием соглашения или союза между Турцией и балканскими государствами, который мог бы чрезвычайно увеличить влияние России на Балканах и образовать барьер против «продвижения германизма»[5].

Но Чарыков не мог рассчитывать на большой успех у турок, подозрительно относившихся к Болгарии, Сербии и Греции, из которых каждая претендовала на турецкую территорию. Однако с Болгарией Россия начала переговоры о секретной военной конвенции в развитие секретного договора 1902 г., которым Россия обязалась защитить Болгарию против нападения Румынии. Новое предложение Извольского королю Фердинанду предусматривало на известных условиях взаимную помощь в случае войны против Турции и Австрии и обещало Болгарии всемерную русскую поддержку для получения больших территориаль-

---

[1] G. P., XXVII, 411, 421.

[2] Ср. «Мат. по ист. фр.-русских отношений», L. N. и Stieve, passim; Judet, Georges Louis, 150 и сл., 173; Poincaré, I, 32 и сл.; 336 и сл. II. 363 и сл.

[3] Как это учитывал уже Делькассе в своем письме от 1899, настаивая на неопределенном продолжении франко-русского союза, Livre Jaune, L'Alliance Franco Russe с. 131.

[4] Ср. Siebert-Schreiner, 272, 281; G. P., XXVII, 157—174; и телеграммы сербского министра Миловановича в «Deutschland Schuldig?» (Berlin 1919), 115—119.

[5] G. P., XXVII, 159 и сл., 170 и сл.

ных приобретений, намечаемых в свое время в Сан-Стефанском договоре 1878 г. Ст. V намеченной военной конвенции указывала:

«Осуществление высоких идеалов славянских народов на Балканском полуострове, столь близких сердцу России, возможно только после благоприятного исхода борьбы России с Германией и Австрией»[1].

Переговоры не дали окончательного результата в смысле подписания предположенной военной конвенции[2], но они показательны для характеристики имевших впоследствии успех русских попыток образовать балканский блок, который, как надеялись, должен был помочь Тройственному согласию восторжествовать над Тройственным союзом.

Соглашение России с Италией в Раккониджи и переговоры с Болгарией и Сербией не означали однако, что она имела в виду немедленное разрешение балканской проблемы путем войны. Это было только той «подготовкой к будущему», которая являлась содержанием русской политики до тех пор, пока Россия не закончит реорганизации своей армии и флота и не получит более определенных заверений со стороны Франции и Англии относительно поддержки своих балканских притязаний.

В течение 1910 г. было достигнуто, отчасти благодаря влиянию Германии, некоторое внешнее сближение между Россией и Австрией, которое на время сгладило трения между этими двумя великими державами по балканскому вопросу[3].

Но это сближение было лишь временным, по крайней мере со стороны России, лишь передышкой до той поры, когда реорганизация армии Сухомлиновым даст результаты, и будет создан новый черноморский флот. Русский посол в Париже писал Извольскому в феврале 1910 г.:

«Соглашение такого рода, заключенное на некоторое количество лет, даст балканским государствам полную свободу и в отношении их внутреннего развития, и в вопросе их взаимоотношений, которые они могут развивать всеми возможными путями. В то же время Россия получит возможность в полной безопасности развить свои военные силы и подготовиться к тем событиям, которых нельзя избежать. Тем временем дальнейшая эволюция Оттоманской империи сделается яснее, вопросы созреют, и мы будем в состоянии встретить события, которые можно предвидеть, более подготовленными, чем при иных условиях»[4].

Точно так же Неклюдов рассказывает, что в 1911 г., когда он был принят царем перед отправлением к своему посту в Софию, Ни-

---

[1] Предполагаемая русско-болгарская военная конвенция от декабря 1909 г.; Bogitchievitch, 115—121; Laloy, Les documents secrets publiés par les Bolcheviks (Paris 1919), 52—58.

[2] V. Radoslavow, Der russisch-bulgarische Vertragsentwurf von 1909, in KSF., IV, 272 и сл., май 1926. Переговоры были продолжены в 1910 г., во время визита Фердинанда Болгарского в Петербург (ср. G. P., XXVII, 176, 183, примечания). Повидимому, их имеет в виду Нератов в телеграмме в Софию от 23 ноября-6 декабря 1911 г. («Красный архив», IX, 11, 1925 г.), когда он говорит «о нашем конфиденциальном предложении Болгарии в 1910 г.».

[3] Ср. Siebert-Schreiner, 282—303; G. P., XXVII, 433—517.

[4] Нелидов — Извольскому 3 февраля 1910 г.; Siebert-Schreiner, 283.

колай II сказал ему «после намеренной паузы, отступив назад и смотря на меня пронизывающим взором»:

«Послушайте, Неклюдов, не теряйте пока из вида того факта, что мы не можем воевать. Я не желаю войны, как государь, я сделаю все, что в моей власти, чтобы сохранить для моего народа блага мира. В настоящий момент все, что может повести к войне, должно быть избегнуто. Война для нас исключена в течение пяти-шести лет—фактически до 1917 г... Если наиболее жизненные интересы и честь России окажутся под угрозой, мы будем обязаны, раз это будет совершенно необходимо, принять вызов в 1915 г., но ни на одну минуту раньше, ни при каких обстоятельствах, ни под каким бы то ни было предлогом...»[1].

Совершенно правильно отмечает Диккинсон: «Если бы эти слова принадлежали кайзеру, а не царю, все наши военные историки цитировали бы его как явное доказательство виновности Германии и единственно Германии. Я не цитирую это как доказательство виновности, еще меньше как виновности единственно России. Я цитирую его как еще одно свидетельство о состоянии умов всех министров и всех монархов—«Война придет Мы ее не хотим; но мы должны быть готовы. И когда она придет!..»[2].

ПОПЫТКА ИЗВОЛЬСКОГО ОТКРЫТЬ ПРОЛИВЫ в 1911 г.

Извольский дважды делал тщетные и безуспешные попытки осуществить свою мысль об открытии проливов для русских военных судов. Первая попытка была сделана во время переговоров о заключении англо-русской конвенции 1907 г. и вторая—во время сделки в Бухлау в 1908 г. Обе закончились неудачей вследствие противодействия со стороны Грея и отсутствия поддержки со стороны французов. Но в конце 1911 г. Извольский решил, что обстановка в Европе сулит ему теперь больше шансов на успех. Французы шли на Фец, и в результате агадирского кризиса установились более крепкие связи между державами Антанты, особенно между Францией и Англией. Германия, которая чуть было не довела Англию до войны в защиту Франции и марокканского соглашения, была вынуждена согласиться на компромисс, который должен был быть скоро подписан. По нему она отказывалась от всех своих притязаний в Марокко в обмен на части Французского Конго. Россия не оказала Франции такой активной и действенной дипломатической поддержки, как Грей и Ллойд-Джордж. Наоборот, Извольский действовал «изо всех сил», чтобы умерить Францию и побуждал ее удовлетворить многие из германских требований[3]. Нератов, который замещал Сазонова на посту во время его долгой болезни, неоднократно делал заявления, что «русское общественное мнение едва ли поймет войну (франко-германскую), вызванную колониальными вопросами». Царь

---

[1] Nekliudow, Diplomatic Reminiscences, 5.

[2] Dickinson, 303 и сл.

[3] Извольский — Нератову 1/14 сентября 1911 г.; «Материалы по истории франко-русских отношений», 114; L. N., I, 133; Stieve, I, 146; телеграмма Нератова Извольскому от 18/1 октября (Stieve, I, 170) показывает, что он также, хотя более осторожно, советовал Франции уступить германским требованиям.

занимал такую же позицию. Даже когда Жорж Луи (французский посол в Петербурге) указал ему, что Северная Африка представляет для Франции такой же «жизненный интерес», как Кавказ для России, Николай II возразил: «Старайтесь избегать конфликта. Вы знаете, что наши приготовления не закончены»[1]. Несмотря на такое равнодушие к весьма жизненным интересам Франции, Извольский льстил себя надеждой, что он сможет получить от нее поддержку в вопросе о проливах как компенсацию за принятие без возражений франко-германского соглашения о Марокко. Когда он узнал от Титтони в сентябре 1911 г., что Италия встревожена установлением французского протектората в Марокко и готова на основании секретных обещаний, данных ей различными державами, захватить Триполи, он решил, что пришел удобный момент получить свою часть от сделки в Раккониджи.

Постановка Россией вопроса о проливах в 1911 г. обычно объясняется как самовольное выступление Чарыкова, русского посла в Константинополе («Чарыковская махинация»—как называет это Гуч)[2], намеревавшегося лишь пощупать почву, чтобы узнать, как отнесутся к этому вопросу. Тот факт, что выступление Чарыкова было вскоре дезавуировано русским министерством иностранных дел, делает как будто правдоподобной эту точку зрения; но истина в том, что все дело целиком велось Извольским, а Чарыков был выбран козлом отпущения и был отозван, когда потерпел неудачу. Такое заключение можно вывести из опубликованных позднее материалов, проливающих свет на этот интересный инцидент[3].

Узнав, что Италия намерена выступить, Извольский немедленно написал 26 сентября Нератову, напоминая о секретном соглашении в Раккониджи, радуясь затруднению, которое Италия причинит Германии и Тройственному союзу, и указывая, что наступил момент «извлечь возможно большую пользу для наших собственных интересов из надвигающихся событий». Теперь, когда Турция ослабела вследствие войны с Италией, пришло время заставить младотурков урегулировать такие вопросы, как железные дороги в Малой Азии, турецко-персидские границы и прежде всего вопрос о проливах.

Извольский тогда же повидался с Титтони в Париже, «чтобы на-

---

[1] Жорж Луи — де Сельву 7 сентября 1911 г.; Judet, Georges Louis, 156 и сл.

[2] History of Moderne Europe, 1878—1919, 488. Гуч приписывает инициативу в деле Сазонову, но Сазонов отсутствовал в министерстве с первых чисел июля до середины декабря 1911 г. по болезни, оставив управление делами на Извольском в Париже и на Нератове в Петербурге. В сентябре он был в Давосе, отдыхая после операции. Ср. «Материалы по истории франко-русских отношений», 66,113 и сл.; Stieve, I, 72, 136, 147.

[3] «Материалы по истории франко-русских отношений», 114—145, 530—538; L. N., I, 134, 179; II, 458—470; Stieve, I, 150, 200; II, 20—27; Siebert-Schreiner, 161, 319—330; G. P., XXX, 201—255; Е. А. Адамов, Константинополь и проливы, 14 и сл.; Bogitchevitch, 167; E. Judet (Georges Louis, Paris 1925, 142—167, 245), преувеличивает расхождение во взглядах между Извольским и Жоржем Луи, в то время как Пуанкаре в «Au Service de la France», I, 328—354, делает ловкий маневр, чтобы ввести в заблуждение неосведомленного читателя, заставив его думать, что Извольский был вполне доволен Жоржем Луи и что собственная политика Пуанкаре не отличалась от политики прежних французских кабинетов в вопросе о проливах и о франко-русском союзе.

помнить ему условия, на которых «мы обещали со своей стороны признавать свободу действий Италии в Триполи» и просить его, чтобы «Италия в момент, когда она приступает к выполнению своей программы в Триполи, дала бы нам взамен заверения, что она не забудет в будущем выполнить свои обязательства, принятые ею на себя в отношении наших прав на турецкие проливы». Титтони ответил утвердительно и обещал Извольскому вручить письменные заверения [1].

Написав Нератову о необходимости возбудить вопрос о проливах, Извольский отправился на отдых к своей семье в Тегернзее, в Баварии.

Нератов сейчас же согласился с мыслью Извольского. Он отправил по телеграфу инструкцию Чарыкову в Константинополь о необходимости воспользоваться итало-турецкой войной, франко-германскими переговорами о Марокко и слабохарактерностью великого визиря, чтобы начать переговоры по поводу малоазиатских железных дорог и, если Чарыков считает благоразумным, по вопросу о проливах (и по некоторым другим вопросам) на следующей основе:

«Императорское правительство обязуется предоставить оттоманскому правительству действительную поддержку в сохранении существующего режима проливов Босфора и Дарданелл, распространяя его также на прилежащие территории. Чтобы облегчить выполнение вышеизложенного, имперское оттоманское правительство обязуется со своей стороны не противодействовать проходу русских военных судов через проливы, при условии, что эти суда будут останавливаться в водах проливов только по соглашению» [2].

Чарыков был также осведомлен, что план заключался прежде всего в том, чтобы добиться согласия Турции и сохранить за собой право дать объяснения державам относительно изменения международных договоров. Во исполнение этого Чарыков повидал великого визиря Саид-пашу, обсудил с ним все вопросы, указанные Нератовым, и вручил ему письмо, содержащее предложение об открытии проливов и об урегулировании других вопросов. Он просил ответа в течение недели.

Саид-паша совершенно не создавал себе иллюзий относительно предложения. Он, конечно, видел, что оно отдает Константинополь на милость русского флота. Статья, касающаяся русской поддержки в проливах, а «также на прилежащих территориях», носила зловещий характер. Это предложение угрожало свести Турцию к положению зависимого от царя вассала в тот момент, когда Турция вела безнадежную войну с Италией. Поэтому великий визирь прибег к обычной турецкой тактике оттяжек в разрешении неприятных требований.

В течение нескольких недель он избегал определенного ответа, говоря Чарыкову, что он откладывает, чтобы посоветоваться с другими министрами [3].

---

[1] Извольский — Нератову 13/26 и 14/27 сентября 1911 г., «Материалы по истории франко-русских отношений», 115; L. N., I, 134—138; Stieve, I, 150—152; Siebert-Schreiner, 161.

[2] Нератов—Чарыкову 19 сентября/2 октября 1911 г., «Материалы по истории франко-русских отношений», 530 и сл.; L. N., II, 458 и сл.

[3] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 531—535: L. N., II 460—464; ср. G. P., XXX, 203—213

Чарыков доверил также свое предложение французскому послу в Константинополе. Бомпару оно показалось своевременным, но он указал на необходимость получить согласие Англии и телеграфировал в Париж. Французское правительство очень обеспокоилось и сейчас же запросило Петербург, что означает заявление Чарыкова Бомпару [1].

Нератов и Извольский были теперь поставлены перед весьма деликатной задачей добиться согласия держав на изменение международных договоров относительно проливов. С Италией и Германией это было довольно просто. Италия нуждалась в дипломатической поддержке России, чтобы оказать давление на Турцию относительно уступки Триполи. Титтони быстро дал Извольскому определенное обещание, написав его под диктовку самого Извольского, и гарантировал одобрение итальянского правительства [2]. Германия также дала свое полное согласие; Бетман-Гольвег и министр иностранных дел Кидерлен тонко рассчитали, что во всяком случае Англия будет возражать и что, следовательно, нет основания для Германии раздражать Россию без нужды. Возражать значило бы для Германии просто работать на британцев [3].

Австрия под влиянием Германии тоже была готова дать свое согласие, обусловливая его только оговоркой, которая защищала бы Австрию от нападения русского флота [4]. Однако с Францией и Англией задача оказалась гораздо более хлопотливой.

Когда Извольский возвратился из Тегернзее к своему посту, он нашел «весьма секретное» письмо от Нератова, сообщающее о предложении Чарыкова Саид-паше и Бомпару и о французском запросе, и указывавшее Извольскому, что теперь наступило время заставить французское правительство дать свое обещание на согласие в письменной форме.

Он даже указал самые выражения, в которых оно должно быть дано:

«Франция обязуется благожелательно относиться к русским интересам в вопросе о проливах—Босфоре и Дарданеллах—и не противодействовать осуществлению проектов, которые Россия может иметь в виду относительно проливов и прилежащих территорий» [5].

---

[1] «Материалы по истории франко-русских отношений», 118 и сл., 535 и сл.; L. N. I, 143 и сл., 464 и сл.; Stieve I, 158 и сл.

[2] «Материалы по истории франко-русских отношений», 118—537; L. N., I, 142; II, 468; Stieve, I. 157.

[3] G. P., XXX, 206—214, 219, 233—240, 251—255; «Материалы по истории франко-русских отношений», 537 и сл.; L. N., II, 468 и сл.

[4] Ibid, 207—211, 232 и сл.; «Материалы по истории франко-русских отношений», 538; L. N., II, 469.

[5] Нератов — Извольскому 22 сентября/5 октября 1911 г, «Материалы по истории франко-русских отношений», 114, 535; L. N., I, 140; II, 464 и сл.; Stieve, I, 155. Немного позже, придя в нетерпение от французских и английских колебаний, он стал более настойчивым: «Желательно извлечь пользу из настоящего политического положения, чтобы побудить французское и британское правительства высказать их взгляды на вопрос о проливах, насколько это касается России, в конкретной и письменной форме независимо от какого-либо соглашения, которое эвентуально мы заключим с Турцией». Нератов — Бенкендорфу в Лондон 20 октября/2 ноября 1911 г.; Siebert-Schreiner, 326. Окт. 14/27 он написал в том же духе Извольскому в Париж, «Материалы по истории франко-русских отношений», 125; L. N., I, 153; Stieve, I, 169 и сл.

В соответствии с этим 11 октября Извольский сделал длинное и убедительное представление французскому министру иностранных дел де-Сельву с просьбой

«не отказаться формулировать французскую позицию по отношению к мерам, которые мы рано или поздно должны будем рассматривать как необходимые в отношении проливов и прилежащих территорий... Ввиду весьма малого знакомства де-Сельва с вопросами внешней политики, я ограничился вышеуказанным обсуждением вопроса в общих чертах. Я намерен возвратиться к теме немного позже и тогда указать наши конкретные желания»[1].

На следующий день Извольский снова жаловался на невежество де-Сельва. «Несчастье в том, что де-Сельв весьма мало осведомлен во всех этих вопросах и в то же время целиком поглощен вопросами Марокко и Конго».

Он также намекнул на желательность подкупа французских газет:

«Весьма важно позаботиться о том, чтобы иметь здесь «хорошо расположенную прессу». Однако в этом отношении я, увы, лишен главного орудия, ибо из моих настояний о снабжении меня фондами на печать ничего не вышло. Я сделаю, конечно, все, что от меня зависит, но это (вопрос о проливах) именно из тех вопросов, в которых общественное мнение в силу старинных традиций скорее настроено против нас. Примером того, насколько полезно тратить здесь деньги на печать, может служить триполитанское дело. Мне известно, что Титтони очень основательно и весьма щедрой рукой обработал главнейшие французские газеты. Результаты налицо»[2].

Хоть де-Сельв, вероятно, был действительно недостаточно осведомлен в балканском вопросе, однако его «энциклопедическое невежество» преувеличивалось. Он был осторожен, искренен и честен и не хотел спешить с необдуманным обещанием, которое могло побудить союзника Франции рискнуть на балканскую авантюру или причинить неприятность другу Франции и по ту сторону английского канала. Поэтому он быстро снесся с Даунинг стрит. Он узнал от Поля Камбона, что Лондоном получены известия из Италии, что Чарыков сделал официальный запрос в Константинополе и что Англия заняла такую же позицию, как в 1908 г. Англия ничего не имела против открытия проливов, подразумевая под этим открытие их для военных судов всех наций, но не только для России, что превратило бы Черное море в мощную русскую морскую крепость[3].

Сэр Артур Никольсон «сомневался, удачно ли выбран момент». Сэр Эдуард Грей не хотел итти дальше подтверждения декларации 1908 г. Русский посол в Лондоне, хотя и был лично убежден в том, как высоко сэр Эдуард Грей ценит Антанту и как определенно он стре-

---

[1] Извольский — Нератову 28 сентября/11 октября 1911 г.; «Материалы по истории франко-русских отношений», 119 и сл.; L. N., I, 144 и сл.; Stieve, I, 160 и сл.

[2] Извольский — Нератову 29 сентября/12 октября 1911 г.; «Материалы по истории франко-русских отношений», 121; L. N., I, 148 и сл.; Stieve, I, 163. Интересные, но преувеличенные данные о подкупе французской прессы см. «Hinter den Kulissen des französischen Journalismus», Von einem Pariser Chefredacteur (Berlin, 1925) и Poincaré III, 97—114.

[3] П. Камбон — де-Сельву (в начале октября); L. N., I, 149 и сл.; Stieve, I, 164 и сл.

мится избегать всего, что может угрожать ее существованию, однако вскоре с грустью признался, что «всегда трудно заставить британское правительство принять на себя обязательство на основе будущих возможностей»[1].

Дальнейшие беседы лишь яснее показали, что невозможно убедить сэра Эдуарда Грея изменить его позицию.

4 ноября Извольский окончательно решил принудить Францию дать письменное обещание, пока де-Сельв испытывает приятное чувство облегчения от окончания продолжительных переговоров с Германией, и раньше, чем неопытный министр успеет получить совет из Англии или из другого места по вопросу о проливах:

«Ввиду подписания франко-германского соглашения мне показалось необходимым тотчас же и до официального принятия его нами закрепить результаты моих разговоров с де-Сельвом относительно проливов и о Северном Китае. С этой целью я адресовал 4/XII н. ст. де-Сельву письмо, в котором высказал уверенность в согласии Франции на наши пожелания по указанным вопросам приблизительно в формулировке, проектированной в ваших последних письмах ко мне... Надеюсь получить от де-Сельва безусловное подтверждение содержания этого письма, текст коего вышлим вам в четверг с курьером.

Я предпочел такой быстрый образ действия более формальным переговорам, особенно, чтобы не подать де-Сельву повода обсуждать наши требования с Англией и, может быть, с другими державами»[2].

В своем письме к де-Сельву Извольский поздравил его по поводу соглашения о Марокко, «на которое Россия даст свое полное и безусловное согласие», и льстиво «выражал свою твердую надежду, что в тот момент, когда Франция, друг и союзник России, продолжает укреплять свое положение в Северной Африке на новом и прочном основании, французское правительство, которому императорский кабинет неизменно оказывал самую искреннюю дипломатическую поддержку, будет готово со своей стороны заверить нас, что оно признает нашу свободу действия в проливах и в Северном Китае и не откажется дать свое согласие на мероприятия, которые мы, может быть, будем вынуждены предпринять для ограждения наших интересов и укрепления там нашего положения».

Даже де-Сельву эти методические слова должна были показаться лицемерными, так как дипломатическая поддержка России в агадирском деле равнялась нулю и успех Франции в переговорах с Германией был достигнут главным образом благодаря поддержке англичан и усилиям Кайо. Извольский, появившийся после окончания переговоров, требовал награды, которой он ничем не заслужил и которая угрожала Франции опасностью разделить риск России в балканском предприятии и вызвать недовольство Англии. Однако де-Сельв не так легко сдавался. Его подозрительное отношение к русскому послу выразилось в том,

---

[1] Бекендорф — Нератову 10/23 октября и 26 октября/8 ноября 1911 г. Siebert-Schreiner, 321, 327.

[2] Извольский — Нератову 24 октября/6 ноября 1911 г., «Материалы по истории франко-русских отношений», 123; L. N., I, 154; Stieve, I, 171. 9 ноября он вновь высказался о предпочтительности «устроить совещания между Лондоном и Парижем»

что он запросил Петербург, писал ли Извольский письмо по своей собственной инициативе или следуя инструкциям Нератова[1].

Он был достаточно осторожен, чтобы снова посоветоваться с Греем, и узнал, что Англия не имела намерения одобрить русскую гарантию «status quo проливов и прилежащих территорий», что шло значительно дальше предложения Извольского в 1908 г. Грей дал России «уклончивый ответ». Он одобрил неопределенный ответ, который де-Сельв предполагал дать Извольскому «как весьма разумный и проникнутый тем же духом любезности и благоразумия, которыми был проникнут ответ, данный им (Греем) русскому послу»[2].

Де-Сельв поэтому уклонился от дачи обязательств Извольскому. Объясняя Нератову свою неудачу в «закреплении» Франции, Извольский несколько раз относит это на счет «несчастной неосведомленности» де-Сельва и его озабоченности в связи с защитой марокканского соглашения от нападок в палате депутатов[3]. Де-Сельв был, возможно, умнее, чем предполагал Извольский.

К счастью для Франции де-Сельв решил поручить Жоржу Луи деликатное дело—набросать ответ на письмо Извольского от 4 ноября. Луи был французским послом в Петербурге, но в этот момент временно находился во французском министерстве иностранных дел.

Хорошо знакомый с данным вопросом и с хитрыми приемами Извольского, Луи осторожно выдвинул возражения по поводу неопределенности фраз «о свободе действий России в проливах». Извольский дал объяснения и высказал готовность изменить эту фразу. После продолжительных обсуждений Луи набросал вежливую, но неопределенную формулу, которая явилась основой для ответа, врученного, наконец, де-Сельвом Извольскому 4 января 1912 г.:

> «В общем я счастлив снова подтвердить вашему превосходительству заявления французского правительства по случаю событий 1908 г. относительно удовлетворения, которое русское правительство могло бы преследовать в вопросе о Босфорском и Дарданельском проливах. Французское правительство попрежнему готово обмениваться взглядами по этому поводу с русским правительством, если новые обстоятельства вызвали бы необходимость поднять вопрос о проливах»[4].

Пока сэр Эдуард Грей и де-Сельв вежливыми, но уклончивыми ответами уклонялись от необходимости обещать определенную поддержку для неопределенной программы действий, в Константинополе произошли события, которые еще усилили огорчения Извольского. После того как Чарыков тщетно пытался в течение ряда недель добиться ответа от великого визиря Саид-паши, он обратился к турецкому министру иностранных дел. 27 ноября он официально вручил Гассим-бею ноту, содержавшую требование России относительно открытия проливов и

---

[1] Нератов — Извольскому 29 октября/11 ноября 1911 г. «Материалы по истории франко-русских отношений», 125; L. N., I, 162; Stieve, I, 177 и сл.

[2] Дэшнер, поверенный в делах в Лондоне,—де-Сельву 14 ноября 1911 г., Judet, 163. О собственных вежливых, но неопределенных ответах Грея Беккендорфу см. Siebert-Schreiner, 321—329.

[3] Извольский — Нератову 8, 23 ноября и 7 декабря.

[4] «Материалы по истории франко-русских отношений», 536; L. N., II, 466; Stieve, II, 22; ср. также Judet, 164—169 и Poincaré, I, 341—347.

урегулирования других вопросов. Гассим-бей пришел в ярость. Он считал, что появление русских судов в Босфоре будет означать русское господство в Константинополе, установление русского протектората над турецкой империей или даже начало ее окончательного расчленения. Россия уничтожила независимость Персии и готовила такую же судьбу Турции.

Ввиду этой опасности и затруднений Гассим-бей поспешил оповестить своего друга, германского посла. «Страшный удар обрушился на нас»,— было его первыми словами барону Маршаллю. Он рассказал затем о требованиях Чарыкова и высказал все свои опасения и негодование против России и Тройственного согласия, которое, как он (совершенно неправильно) подозревал, поддерживало Россию. Помимо опасности от русских военных судов, могущих оказаться перед стенами Константинополя, предложение Чарыкова относительно железных дорог на севере Малой Азии означало, что железные дороги, которые являлись стратегической защитой Турции против России, должны быть переданы в руки России и ее союзницы Франции. Барон Маршалль полностью солидаризировался с ним. Он считал, что удар направлен также против его двадцатилетних стараний укрепить германское влияние в Турции, спасти Оттоманскую империю от распада и построить Багдадскую ж. д. Он предвидел, что принятие требований России будет истолковано балканскими государствами как бесспорное доказательство превосходства Тройственного согласия над Тройственным союзом. Балканские государства поспешат встать на сторону первого, потому что превосходство в силе являлось веским аргументом, который определял их политические симпатии. Он настаивал перед германским министерством иностранных дел на оказании помощи Турции в ее сопротивлении России. Когда ему ответили, что Германия не будет возражать против открытия проливов, потому что мало сомнений в том, что Англия будет возражать против этого и что Германия сыграла бы только на руку Англии и бесполезно раздражила бы Россию, барон Маршалль подал в отставку. Однако позже он взял ее обратно, когда вскоре выяснилось, что германское министерство иностранных дел совершенно правильно определило позицию Англии [1].

Между тем слухи о переговорах Чарыкова проникли в публику и вызвали не меньшее негодование среди младотурок и в турецкой прессе, чем Гассим-бей высказал Маршаллю. 6 декабря «Jeni-Gazette», обычно расположенная в пользу Англии, опубликовала передовую статью в том духе, что... «русские стремятся превратить великую и славную турецкую империю в провинцию, находящуюся под русским протекторатом, но оттоманы никогда не потерпят этого». Гассим-бей еще более укрепился в своем решении сопротивляться требованиям Чарыкова, когда узнал, что сэр Эдуард Грей сказал турецкому послу в Лондоне: «шаг России представляется мне в настоящий момент неуместным» и для этого необходимо было бы согласие всех держав сигнатариев (участников международного соглашения о режиме проливов) [2].

Ввиду такой позиции Англии, Франции и Турции становилось ясно,

[1] Маршалль — Бетману, Dec. 9, 1911; G. P., XXX, 212—245.
[2] Маршалль — Бетману, Dec. 6, 1911; G. P., XXX, 218.

что в данный момент мысль Извольского не может быть осуществлена. Поэтому Сазонов, который только что прибыл в Париж после своего долгого пребывания в Давосе, дал интервью Стефану Лозанну:

«Дарданельский вопрос» не существует в том виде, как его изображают повсюду ежедневно. «Вопрос» в дипломатическом смысле слова предполагает требование, формулированное правительством, и дипломатические шаги [démarches] или переговоры. Но Россия ничего не требует, ни о чем не ведет переговоров, не предпринимает никаких дипломатических шагов»[1].

Читатель, знакомый с предшествующим изложением, знает, как мало правды было в этом отрицании Сазонова. 15 декабря Чарыков получил инструкцию сказать Гассим-бею, что так как предложения России были преждевременно разглашены—и не по вине России,—то невозможно продолжать переговоры. Сазонов послал телеграмму русским послам за границу, пытаясь создать впечатление, что Чарыков превысил свои полномочия, превратив частные собеседования в официальные переговоры. В марте 1912 г. Чарыков был отозван и заменен в Константинополе Гирсом. Так закончилась третья попытка Извольского открыть проливы.

Извольский еще питал некоторые слабые надежды, что он сможет использовать ответ де-Сельва от 4 января 1912 г., как основу для получения в будущем согласия французов на свой излюбленный проект. Пуанкаре хотел бы уверить нас[2], будто русский посол был «совершенно удовлетворен» позицией, занятой Францией, но для этой цели он цитирует лишь три выдержки из письма Извольского к Нератову; между тем весь тон остальной части письма показывает, что Извольский в действительности был весьма удручен, старался скрыть под маской любезности свое поражение и лишь советовал Нератову принять французский ответ, так как в настоящее время не было надежды получить более удовлетворительный.

В действительности Извольский был почти так же огорчен этим своим фиаско, как неудачей в 1908 г., и только не выражал громко своего неудовольствия против Франции и Англии, главных виновников крушения его плана, как он это делал в 1908 г. в отношении Австрии; Франция и Англия были членами Тройственного согласия, в то время как Австрия принадлежала к враждебной группе. Повидимому после этого он пришел к заключению, что есть только два способа открыть проливы: или захватив их в мирное время, или в результате всеобщей европейской войны. Между 1912 и 1914 гг. русский совет министров несколько раз серьезно рассматривал первую комбинацию и отказывался от нее только как от практически невыполнимой. Таким образом оставалась только вторая возможность—всеобщая европейская война. Подготовляя ее, Извольский работал настойчиво и непрерывно в течение двух последующих лет, и когда она, наконец, внезапно разразилась, он, как говорят, радостно воскликнул: «C'est ma guerre!» («Это—моя война!»)

---

[1] «Matin», Paris, Dec. 9, 1911; G. P., XXX, 233 и сл., 245 и сл. Проезжая через Берлин двумя днями позже, Сазонов сказал Бетману, что интервью передано точно; G. P., XXX, 234, 239.

[2] Poincaré, I, 344, и сл.

РОССИЯ И БАЛКАНСКИЙ СОЮЗ

Пять столетий турецкого гнета вместе с ростом национального движения в XIX в. вызвали у христианских народов Балкан стремление к национальному объединению и независимости. 1911 год, отмеченный прогрессирующим упадком Оттоманской империи, значительно приблизил уже их к осуществлению их пылких надежд. Греция, Сербия, Болгария и Румыния превратились в независимые королевства. Но имелись еще тысячи греков, сербов, болгар и румын, не считая македонцев и албанцев, которые продолжали находиться под чужеземным владычеством Турции и Австрии. Они также мечтали об освобождении и объединении со своими братьями в независимых королевствах.

Якобы демократическая революция в Турции и аннексия Австрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. одно время как будто указывали на то, что эти два государства проявляют признаки обновления и что день освобождения славян повидимому должен быть отсрочен. Но неосуществимость идеалов младотурок и их упрямое нежелание считаться с традиционными правами и предрассудками вызывали только еще больший антагонизм с нетурецкими элементами и дальнейшее ослабление распадающейся империи, которую поддерживали ловкие и жестокие методы управления Абдул Гамида.

Триполитанская война нанесла Турции новый удар и непосредственно привела к образованию балканского союза, который почти окончательно изгнал турок из Европы. Это естественное стремление балканских государств освободить и присоединить к себе своих братьев, находящихся под чужеземным владычеством, было главной причиной образования балканского союза, но сомнительно, осуществилось ли бы это без весьма активного участия Гартвига и Неклюдова, русских посланников в Белграде и в Софии.

В течение первых месяцев триполитанской войны различные русские представители проводили в балканской политике три совершенно различные линии—яркий пример отсутствия единства и дисциплины в среде русской дипломатии. Все они стремились извлечь выгоды из затруднений Турции, вызванных итало-турецкой войной, чтобы укрепить положение России на Балканах и в Европе, но они по-разному представляли себе, как это можно сделать. Извольский в сотрудничестве с Нератовым и Чарыковым пытался открыть проливы для русских военных судов и потерпел неудачу. В это время Чарыков по своей собственной инициативе возобновил попытки образования балканского союза, членом которого должна была стать и Турция (!).

Он предложил Санд-паше и Гассим-бею свои «дружеские услуги», чтобы создать тесные отношения между Константинополем, Софией и Белградом. Этот союз должен был быть использован для поддержания status quo на Балканах и для поддержки России в войне против Австрии. Это создавало бы для Турции известного рода вассальную зависимость от России, потому что Турция должна была бы рассчитывать на Россию в деле защиты ее от балканских государств [1]. Но фантастическая идея

---

[1] «Материалы по истории франко-русских отношений», 513—535; L. N., II, 460—465; G. P., XXVII, 159 и сл., 171 и сл.; XXX, 205, 218.

Чарыкова не имела ни малейшего шанса на осуществление. Она стояла в противоречии с традиционной политикой России, которая заключалась в том, чтобы направлять балканские государства против Турции. Она встречала подозрительное отношение к себе со стороны Турции и являлась неприемлемой для балканских славян[1].

Дело это закончилось отставкой Чарыкова в марте 1912 г., как раз в момент подписания договора о балканском союзе совсем иного рода.

В то время как политика Извольского и Чарыкова потерпела неудачу, политика, деятельно проводимая Гартвигом и Неклюдовым в Белграде и Софии, привела к успеху. Они стремились к образованию балканского славянского союза под покровительством России, формально предназначенного для поддержания status quo, но способного быть направленным против Турции или Австрии. Русские делали уже время от времени энергичные усилия создать подобный союз после младотурецкой революции и австрийской аннексии Боснии в 1908 г.[2]. Но все они потерпели неудачу в значительной степени благодаря наследственной вражде и соперничеству между Сербией и Болгарией и благодаря тому недоверию, которое возбуждал к себе коварный болгарский король со стороны всех, даже со стороны своих собственных министров. Идея славянского балканского союза была снова вызвана к жизни известием об итало-турецкой войне в сентябре 1911 г.

Гешов, в то время болгарский премьер и министр иностранных дел, дает драматическое изложение этого события[3]. Он описывает, как,

[1] Гартвиг — Нератову 23 октября/5 ноября 1911 г., «Красный архив», 1925, VIII, 45 и сл.

«Дело пресловутой балканской федерации под главенством Оттоманской империи снова поставлено на очередь. Достойно внимания, что политическая комбинация эта всплывает наружу всякий раз, как Турция испытывает какие-либо внешние затруднения... в среде тех немногочисленных дипломатов, политиков и публицистов Европы, которым все еще хочется верить в турецкое перерождение. Но интересно поставить себе вопрос: как же относятся к идее федерации сами-то балканские державы?

Страстная проповедь громадной важности для славян союза с Турцией представляется им мало убедительной, хотя при известных условиях они, особливо под давлением России, конечно, не противились бы вступлению на этот путь. Однако вовсе не потому, чтобы они ожидали для себя невесть каких благ от сближения с Турцией, а исключительно в расчете добиться некоторой передышки от хронически возникающих на Балканах тревог, выиграть время и, собравшись исподволь с силами, приступить в благоприятную минуту к окончательной расплате со своим исконным неприятелем. Другой точки зрения на конфедерацию у славян быть не может.

По-моему, Россия преследует две ясные, вполне определенные, конечные цели: 1) облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славянским народностям достижение их заветных идеалов, что сводится к полюбовному между ними разделу всего турецкого достояния на Балканском полуострове и 2) осуществить и свою собственную вековую историческую задачу: стать твердой ногой на берегах Босфора, у входных ворот «Русского озера».

Сербское правительство считало бы крайне опасным выступать ныне перед турками с какими-либо союзническими предложениями, как то советовал гофмейстер Чарыков сербскому посланнику в Турции. Всякий заискивающий шаг сербов в Царьграде неминуемо вызвал бы недоверие в Софии и повредил бы делу сербо-болгарского соглашения, которое по своей политической важности составит новую эпоху в истории славянства».

[2] Siebert-Schreiner, 273—281, 304—316; G. P., XXVII, 155—194; Богичевич, 28 и сл., 313 и сл.

[3] Y. E. Guéchoff, L'Alliance Balkanique, Paris 1915, 14—63. Эта книга своим содержанием во многом совпадает с книгой Y. E. Guéchoff, La Genèse de la guerre Mondiale: la Débâcle de l'Alliance Balkanique, Berne 1919.

получив в Вене известие о триполитанской войне, он бросился домой в Софию через Париж и Вену после свидания там с де-Сельвом и Эренталем, затем вернулся в Вену для секретных совещаний с королем Фердинандом и с сербским премьером Милованович и наконец, в трехчасовом разговоре с последним в вагоне железной дороги набросал с ним балканское соглашение.

Именно во время этого свидания, после того как разговор коснулся острого вопроса о будущем разделе Македонии, сербский премьер воскликнул:

«Да, если в одно время с ликвидацией Турции состоится распад Австрии, решение вопроса будет чрезвычайно упрощено: Сербия возьмет Боснию и Герцоговину, так же как Румыния возьмет Трансильванию, и нам не придется бояться вмешательства Румынии в нашу войну с Турцией»[1].

Но рассказ Гешова содержит относительно немного данных о роли, которую играла Россия в течение последующих длительных и трудных переговоров. Это можно теперь проследить в подробностях на основании переписки Гартвига и Неклюдова с Нератовым в Петербурге[2]. Эти два русских посланника в Белграде и в Софии неутомимо работали, чтобы устранить взаимное соперничество и подозрительное отношение сербских и болгарских министров друг к другу и помочь им в почти сверхчеловеческой задаче достигнуть соглашения относительно раздела того, что будет отвоевано у Турции.

В то же время они подробно осведомляли Нератова о каждом шаге этих переговоров. Наконец, 13 марта 1912 г. Сербия и Болгария пришли к соглашению о договоре и подписали его.

Этим договором Сербия и Болгария взаимно гарантировали территорию и независимость одна другой и соглашались поддерживать друг друга в случае, если какая-нибудь из великих держав попытается силой приобрести, даже временно, какую-нибудь территорию на Балканах. Это обеспечивало Сербию против покушений со стороны Австрии снова занять Новобазарский санджак или захватить части Македонии и Албании, на которые претендовала Сербия. Сербия надеялась в первый период переговоров, что союз прежде всего будет направлен против Австрии. Но Болгария не была заинтересована в том, чтобы Сербия захватила Боснию и Герцоговину или какую-нибудь другую габсбургскую провинцию. Король Фердинанд прежде всего стремился получить Македонию, Фракию и даже, может быть, Константинополь; поэтому он стремился направить новый союз против Турции. В соответствии с этим к основному договору была приложена секретная статья, в которой говорилось, что если беспорядки в Турции нарушат status quo на Балканах, Сербия и Болгария приступят к переговорам относительно объединенного военного выступления. Если Россия не будет иметь возражений против этого плана действий, балканские союзники приступят к военным действиям, как условлено; всякие разногласия, которые могли бы возникнуть в связи с этим, должны быть представлены царю

[1] Gu6choff, L'Alliance Balkanique, стр. 27 и сл.

[2] «Красный архив», VIII, 1—18; IX, 1—22 (1925); A. Nekludoff (Diplomatic Réminiscences, London 1920, 39 и сл., 51 и сл.) дает только очень краткий очерк.

на рассмотрение, и его решение должно быть окончательным. В подробном перечне намечалось распределение добычи, которую предстояло отнять у турок в Македонии; между прочим там указывалось, что Сербия не предъявит требований на территорию в направлении к Салоникам южнее линии от Големской горы к Охридскому озеру [1].

Вернувшись к исполнению обязанностей в начале 1912 г., Сазонов нашел переговоры о сербо-болгарском договоре значительно продвинувшимися вперед. Он не знал, должен ли он переговоры, происходившие в его отсутствие и содержавшие совершенно секретную статью, довести до сведения членов Тройственного согласия. Хотя договор говорил о сохранении status quo и предоставлял России своего рода право вето в вопросе о войне, Сазонов повидимому понимал, что договор этот легко может поощрить балканские государства вступить в войну, способную втянуть Россию и ее французского союзника. В феврале 1912 г. он повидимому думал одно время привлечь Францию к обсуждению этой новой балканской стороны балканской проблемы. Он набросал вопросник в качестве базы для обсуждения: что должны делать Франция и Россия в случае турецкой революции, австрийского наступления на Албанию или на Санджак или в случае войны между Турцией и одним из балканских государств. Он показал вопросник Жоржу Луи. Но французский посол чрезвычайно осторожно отнесся к этому, предвидя большие опасности в будущем.

«Это—величайшие вопросы,—писал он Пуанкаре,—которые Россия ставит перед своим союзником». «Было бы лучше для нас согласиться обсуждать их в академических переговорах, чем рисковать оказаться на буксире России вследствие быстроты событий и не быть в состоянии ни обсуждать ее действия, ни выставить свои условия... При Сазонове, так же как и при Извольском, Россия будет направлять свою политическую энергию главным образом не на Китай и не на Персию, а на Балканы» [2].

Заметив чрезвычайную осторожность Жоржа Луи и зная о неудаче попыток Извольского добиться поддержки Франции в вопросе об открытии проливов, Сазонов отступил и удовлетворился простым извещением Франции и Англии о существовании сербо-болгарского договора, но не о подробностях его и его потенциально агрессивном характере [3]. Он убрал свой вопросник и уклонился от всех попыток французов выяснить его тайные замыслы [4].

Только при посещении Петербурга в августе 1912 г. Пуанкаре впервые узнал полный текст сербо-болгарского договора и в тревоге воскликнул: «Mais c'est là une convention de guerre!»—(Но ведь это же военная конвенция.)

---

[1] Тексты балканских договоров и военных соглашений опубликованы см. Guéchoff, L'Alliance Balkanique, 191—234; [George Young]. Nationalism and War in the Near East (London 1915), 387—428; [S. Radev] La Question Bulgare et les Etats Balkaniques (Sofia 1919), 171 и сл., включая карты и документы относительно более поздних разговоров о Македонии. О последней оценке этих договоров см. Dickinson, 308 и сл.

[2] Луи—Пуанкаре 15 и 21 февраля 1912 г.; Judet, Georges Louis, 174 и сл.

[3] Сазонов — русским послам в Париже и Лондоне 30 марта 1912 г.; Siebert-Schreiner, 339.

[4] Poincaré, II, 24—60.

Это—в точности то самое выражение, которым пользовался Неклюдов, препровождая этот документ в Петербург. Пуанкаре возмущался тем, что подробности договора, способного привести к войне на Балканах и заключенного под покровительством России, так долго скрывались от Франции-ее союзницей. Он отмечал в это время:

«Я не скрыл от него (Сазонова), что я не мог объяснить себе, почему эти документы не были сообщены Франции Россией... Договор заключает зародыш не только войны против Турции, но и войны против Австрии. Он далее устанавливает гегемонию России над славянскими государствами, потому что Россия становится арбитром во всех вопросах. Я указал Сазонову, что эта конвенция никоим образом не соответствует данной мне характеристике ее; что, строго говоря, она является договором о войне и что она не только свидетельствует о тайных замыслах сербов и болгар, но заставляет опасаться, как бы им не казалось, что их планы поддерживаются Россией; предполагаемый дележ окажется непобедимым искушением для их вожделений»[1].

Ничто так метко не характеризует сербо-болгарский договор, как эти слова французского премьера, разве только заявление, сделанное им через неделю после начала балканской войны:

«Конечно, она [Россия] знала все об этом [сербо-болгарском договоре] и, вместо того чтобы протестовать против него, она видела в этом дипломатическом документе средство обеспечить свою гегемонию на Балканах. Теперь она убеждается, что слишком поздно остановить движение, вызванное ею к жизни, и, как я сказал Сазонову и Извольскому, она пытается затормозить машину, но она же сама пустила ее в ход»[2].

БАЛКАНСКАЯ ОПАСНОСТЬ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ в 1913 г.

Хотя Пуанкаре с характерной для него быстротой и точностью суждений был совершенно прав в оценке опасности сербо-болгарского договора, но ни он, ни Сазонов не предприняли непосредственных шагов, чтобы посовещаться с державами о том, как предупредить возникновение войны на Балканах. Он только сказал Сазонову, что общественное мнение Франции не поддержит французского правительства в вопросе о вооруженном выступлении на стороне России по чисто балканскому вопросу, поскольку в дело не вмешается Германия. В этом последнем случае Россия «сможет, конечно, рассчитывать, что Франция выполнит в точности и полностью свои союзные обязательства». Он доверительно сообщил Сазонову о секретном англо-французском «вербальном соглашении, в котором Англия заявляла о своей готовности помочь Франции всеми своими морскими и сухопутными силами в слу-

[1] Заметки Пуанкаре по поводу его разговора с Сазоновым в августе 1912 г., «Affaires Balkaniques», I, 38, 111; Poincaré, II, 114 и сл.

О докладе Сазонова царю по поводу того же разговора см. «Материалы по истории франко-русских отношений», 255 и сл.; L. N., II, 378 и сл. См. также Judet, 178—203 и недавно появившийся в печати рассказ Сазонова в его мемуарах «Fateful Years», 52 и сл.

[2] Пуанкаре — П. Камбону 15 октября 1912 г., «Affaires Balkaniques», I, 112.

чае нападения Германии». Он обсуждал новую франко-русскую морскую конвенцию и побуждал Сазонова заключить подобную же конвенцию с Греем о сотрудничестве русского и английского флотов. Фактически, помимо его короткого предостерегающего замечания относительно сербо-болгарского договора и некоторого обсуждения австрийского мирного предложения, все его разговоры в течение его пребывания в России от 9 до 16 августа были посвящены укреплению уз Тройственного согласия и обеспечению солидарности в действиях Франции, России и Англии[1].

Вернувшись во Францию, Пуанкаре, хотя он был совершенно уверен в неминуемой опасности войны на Балканах, не сделал до 22 сентября никаких предложений, чтобы предотвратить ее. Даже тогда он только посоветовался с двумя другими членами Тройственного согласия, будучи озабочен, как всегда, мыслью сохранить солидарность Антанты и достичь общей согласованности предложений, которые можно было бы довести до сведения Тройственного союза в окончательной форме для их принятия или отклонения[2].

Это вело к углублению разделения великих держав на два враждебных лагеря, тогда как Германия, а также сэр Эдуард Грей и Сазонов стремились в общем осуществить коллективное выступление держав, чтобы помешать возможному конфликту между Тройственным согласием и Тройственным союзом.

Конечно, иногда и Пуанкаре помышлял о коллективном европейском вмешательстве. Так, 20 августа он сказал германскому поверенному в делах, что «его политика преследует цель, чтобы Тройственное согласие и Тройственный союз не оказывались на противоположных позициях, но стремились к установлению европейского концерта»[3].

Это звучало хорошо, но соответствовали ли его поступки его словам? Всего через несколько дней, 28 августа, он телеграфировал в Лон-

---

[1] Доклад Сазонова царю 17 августа 1912 г., «Материалы по истории франко-русских отношений», 255—262.

[2] Настойчивость Пуанкаре в том, что может быть названо «солидарностью согласия», видна на каждой странице его мемуаров, в его бесчисленных публичных речах и в документах. Мы приведем несколько примеров, взятых лишь из его мемуаров и относящихся к восьми неделям, прошедшим между его визитом в Россию и первой балканской войной. При отъезде из России «последние слова, сказанные Сазонову, были просьбой действовать вместе с Англией и с нами» (II, 164). Сообщение, переданное для печати, указывало, что он и Сазонов «подтвердили еще раз согласие двух дружественных и союзных стран» (II, 164). Его ответ 22 августа на предложение Берхтольда о сохранении мира заключает оговорку: «Само собой разумеется, что мы должны притти к соглашению, сговорившись предварительно с Россией и Англией...» (II, 176). 1 сентября в связи с дальнейшими сообщениями от Берхтольда: «Я должен изучить их вместе с Россией и Англией». И он инструктировал французского посла в Вене: «Вы можете изложить как ваше личное мнение, что французское правительство, твердо придерживаясь Тройственного согласия, не преследует цели каких-либо исключительных интересов на Востоке и что сотрудничество всех держав необходимо для разрешения балканской проблемы» (II, 184). Странным образом Пуанкаре заключает в одну формулу две столь существенно противоречивые фразы, как «твердо придерживаясь Тройственного согласия», и слова, которые он печатает теперь курсивом в своей «апологии», но которых он не подчеркивал в 1912 г. Затем Пуанкаре ставит риторический вопрос, на который читатель может сам ответить: «Можно ли было занять с начала кризиса более ясную и более миролюбивую позицию?» (II, 184).

[3] «G. P.», XXXII, 79; ср. Poincaré, II, 181.

дон: «Мне представляется желательным установление такого единодушия между Францией, Англией и Россией, чтобы Высокой Порте мог быть дан вполне согласованный совет»[1]. Двумя днями позже он сообщил в Лондон и Петербург: «Само собой разумеется, что согласие трех держав (Антанты) необходимо для всякого коллективного выступления»[2].

В противовес политике Пуанкаре, имевшей в виду «солидарность согласия», граф Берхтольд предложил 13 августа, чтобы все великие державы коллективно обсудили способы обеспечить реформы со стороны Турции и удержать балканские государства от нарушения status quo[3]. Граф Берхтольд был таким образом первым из европейских дипломатов, предложившим коллективное европейское выступление ввиду усилившихся трений между Турцией и балканскими государствами, хотя он не имел такого полного представления, какое имели Сазонов и Пуанкаре, о взрывчатом материале, которым были начинены балканские договоры. Он выступил, не посоветовавшись предварительно со своим союзником, и на первый взгляд как будто можно воздать ему хвалу за занятую им позицию в пользу сохранения мира силами европейского концерта[4]. По повидимому его предложение обусловливалось главным образом желанием поважничать и отвести газетные нападки на его беззаботное ничегонеделание, стремлением казаться инициатором в разрешении балканской проблемы раньше, чем Сазонов и Пуанкаре возвестят о чем-нибудь из Петербурга[5]. Кроме того предложение Берхтольда было столь неопределенным, как по своей формулировке, так и по своему внутреннему содержанию, что оно не было принято ни одной из держав и позже было совершенно оставлено, когда Пуанкаре вырвал инициативу из рук графа Берхтольда.

В средине лета Сазонов был настроен очень оптимистически, слишком, может быть, доверчиво относясь к праву вето, которое предоставлял ему балканский договор: он думал удержать своих протеже от войны, которой, вероятно, он желал в то время избежать. Но 17 сентября известия о турецких зверствах и воинственном возбуждении болгар стали настолько тревожными, что он внезапно почувствовал опасность. Ввиду этого им было сделано всем державам предложение «не в качестве соперничающего акта, но в качестве дополнения» к предложению Берхтольда, чтобы державы посоветовали Турции немедленно приступить к реформам в Македонии[6]. Так как быстрое действие казалось необходимым, чтобы помешать болгарам взять дело Македонии в свои руки, то Сазонов немедленно подал свой совет Турции, не ожидая ответа от своих друзей по Тройственному согласию. Но его предложе-

---

[1] «Affaires Balkaniques», I, 45.

[2] Ibid., 50 и сл. В этом случае сэр Эдуард Грей и Сазонов согласились с ним в вопросе о предпочтении «солидарности согласия» европейскому концерту.

[3] «Affaires Balkaniques», I, 34 и сл.; G. P., XXXIII, 47 и сл.

[4] Fabre-Luce, La Victoire, Paris 1924, 165, строго осуждает Пуанкаре за отклонение «первой части предложений Берхтольда». Ответ Пуанкаре (II, 160 и сл.) Фабр-Люсу неправилен; он говорит о другой стадии предложений Берхтольда.

[5] G. P., XXXIII, 50 и сл., 61 и сл., 89 и сл., 99. Кидерлен презрительно говорит о «Wichtigtuerei» Берхтольда, которая только пускает пыль в глаза, но не имеет практического значения.

[6] «Материалы по истории франко-русских отношений», 276; L. N., II, 547; Stieve, II, 253; G. P., XXXIII, 106 и сл.; «Affaires Balkaniques», I, 58.

ние не имело успеха по многим причинам: сэр Эдуард Грей не желал оказывать давления на турок, Пуанкаре желал действовать только в сотрудничестве с Англией, а Германия на основании прошлого опыта питала мало доверия к успеху каких бы то ни было реформ со стороны турок в Македонии [1].

Наконец, 22 сентября Пуанкаре проявил инициативу—предложил Англии и России формулу для удержания балканских государств от военного выступления. Эта формула должна была быть принята державами Тройственного согласия и затем передана на рассмотрение Германии и Австрии. Извольский говорил Пуанкаре, что он опасается, что такого рода действие не встретит одобрения ни со стороны Сазонова, ни со стороны Англии, «ибо оно подчеркнуло бы разделение Европы на две группы». Пуанкаре возражал, что это может остаться втайне [2], и после некоторых изменений по указанию Англии и России достиг соглашения с ними в том смысле, что державы Антанты предложат Германии и Австрии договориться сообща посоветовать балканским государствам не нарушать мира и указать им, что, даже если они нарушат его, им не будут дозволены никакие территориальные приобретения. 28 сентября Жюль Камбон сообщил об этом Кидерлен-Вехтеру в Берлине и встретил с его стороны сочувственный отклик. Единственный вопрос, остававшийся без разрешения, был: кто примет на себя неблагодарную миссию извещения балканских государств? Кидерлен предложил, чтобы от имени великих держав действовали Россия и Австрия, и его предложение было принято. Но произошли новые задержки в проведении в жизнь этого решения вследствие возражений со стороны России и Англии. 7 октября было достигнуто, наконец, согласие между всеми великими державами, а на следующий день Россия и Австрия выступили с условленным предупреждением по адресу пришедших уже в крайнюю степень возбуждения балканских государств [3]. Но было уже слишком поздно. В этот самый день, 8 октября, Черногория объявила войну Турции, а вскоре к ней присоединились другие балканские союзники.

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912—1913 гг.

Давая краткий очерк балканских проблем 1907—1914 гг., очевидно невозможно входить во все сложные и разнообразные вопросы, которые возникали между великими державами и между самими балканскими государствами. Подобное рассмотрение потребовало бы целой книги. Вследствие этого балканские войны могут быть рассмотрены здесь лишь весьма кратко.

Когда Болгария, Сербия и Греция присоединились к Черногории в войне против Турции в октябре 1912 г., они к изумлению всего мира и собственному удивлению быстро одержали ряд блестящих побед. Греки заняли Салоники, болгары победоносно шли на внешние форты

---

[1] Poincaré, II, 208 и сл.; «Affaires Balkaniques», I, 58 и сл.; G. P., XXXII, 106 и сл.

[2] Пуанкаре — Камбону 22 сентября 1912; «Affaires Balkaniques», I, 61. В своих мемуарах (II, 214) Пуанкаре забывает упомянуть, что он сам защищал идею о тайном договоре, но отмечает, что Сазонов настаивал на том, чтобы державы Тройственного согласия тайно договорились об общих мероприятиях.

[3] «Affaires Balkaniqus», I, 63—104; G. P., XXXIII, 133—181; Poincaré, II, 219—249.

Константинополя, а сербы захватили всю верхнюю долину Вардара, Новобазарский санджак и северную часть Албании. Это последнее давало им, наконец, выход к Адриатике. Только турецкие крепости—Адрианополь, Янина и Скутари—еще держались против победоносных союзников.

Сербы страшно возгордились своими победами, которые удвоили их территорию и повидимому предвещали возможность близкого осуществления «Великой Сербии» за счет Австрии. Их подстрекал Гартвиг, русский посланник в Белграде. Говорят, он заявил своему румынскому коллеге, что Сербии невозможно отказаться от выхода к Адриатике: Сербия должна стать славянским аванпостом на Балканах и должна аннексировать Боснию и Герцоговину и югославские округа Венгрии; он намекал, что Румыния должна была таким же путем позаботиться о своих интересах и аннексировать Трансильванию. Когда на это указали Сазонову, он горячо отвергал возможность такого рода заявления со стороны Гартвига, но позже признал, что «Гартвиг весьма симпатизирует славянскому делу, обладает пылким характером и, может быть, не сдержался ввиду своих славянофильских симпатий»[1]. Но нельзя сомневаться в том, что Россия энергично поддерживала сербские притязания на северную Албанию и на порты в Адриатике. Из Петербурга доходили известия, что панславистская и милитаристская партия, возглавляемые великими князьями, оказывали давление на царя в том смысле, чтобы прибегнуть к войне, если это будет необходимо для помощи Сербии[2].

Для Австрии и Италии точно так же, как для самих албанцев, необычайные и неожиданные победы сербов были весьма нежелательны. Хотя албанцы насчитывали менее 2 миллионов населения, находились еще на относительно низкой ступени развития и были разделены на враждующие группы различного религиозного исповедания (католики, православные и магометане), но они были против владычества над ними сербов. Они не хотели менять турецкого ига на сербское[3]. Хотя Албания не имела великого исторического прошлого, подобного Греции времен Перикла или Сербии и Болгарии эпохи раннего средневековья, но наиболее просвещенные албанские вожди стремились теперь к независимости или по крайней мере к автономии Албанского государства.

---

[1] G. P., XXXIII, 319, 388, 439. Весьма возможно, что Гартвиг в своем панславистском рвении и сделал те заявления, которые приписываются ему. Имеются указания, что он часто превышал данные ему инструкции и был страшно нескромен. Ср. Nekliudov, Diplomatic Reminiscences, 47 и сл. Даже Извольский теперь жаловался, что «здесь [в Париже] и в Лондоне убеждены в том, что Гартвиг действует в Белграде в противоречии с инструкциями, которые он получает. Я не могу скрыть от вас, что Пуанкаре твердо убежден в том, что Гартвиг, известный как человек, пользующийся громадным влиянием в Белграде, употребляет его не для того, чтобы заставить сербов быть благоразумными и спокойными»; Извольский—Сазонову 21 ноября 1912 г.; L. N., I, 351—352. Жорж Луи не сомневался в том, что Гартвиг подстрекал Сербию против Австрии; 18 ноября он сообщал о другом замечании Гартвига по поводу балканских побед: «Дело с Турцией устроено. Теперь очередь за Австрией», Judet, 200—201.

[2] G. P., XXXIII, 335 и сл., 383 и сл.

[3] Conrad, II, 157 и сл., III, 56 и сл., 101 и сл.; Edith Durham, High Albania (1909), The Struggle for Scutari (1914) и «Twenty Years of Balkan Tangle» (1920).

Когда сербские и греческие армии заняли их территорию и стали угрожать их независимости, Исмаил Кемаль спас положение, поспешно созвав собрание главных вождей от всех частей Албании. 28 ноября 1912 г. национальный флаг, двуглавый черный орел Скандербега на кроваво-красном поле, был водружен над Валоной, и независимость и нейтралитет Албании были провозглашены. Это было сделано с одобрения Австрии и Италии.

И Австрия и Италия настаивали на создании Албанского государства хотя в разном виде и по различным основаниям. Союзники и в то же время соперники, обе были настроены в пользу создания Албании, как средства не допустить Сербию к Адриатическому морю, к господству над которым они обе стремились. Но они были чрезвычайно ревниво и подозрительно настроены друг к другу. Каждая искала тайной поддержки со стороны России в целях устранения своего соперника от влияния в албанских делах—Австрия путем обмена нотами между Голуховским и Муравьевым в 1897 г., а Италия секретным соглашением в Раккониджи в октябре 1909 г., на что указывалось выше. Однако эти две соперничающие державы расходились в частностях вопроса организации албанского государства. Австрия желала полной независимости Албании или под властью туземного вождя, или под властью какого-либо другого правителя, который находился бы под контролем и влиянием Австрии. Она надеялась найти во вновь созданной Албании союзника против Сербии на востоке и преграду для Италии на западе. Австрия поэтому желала, чтобы новое государство было насколько возможно сильнее и чтобы оно включало в свои пределы Ипек, Дьяково, Дибру и Призрень, точно так же, как Скутари и Янину: «Албания без Скутари, Янины и Призреня являлась бы телом без сердца и желудка» [1].

Албания, имеющая такие размеры и силу, которых желала Австрия, лишила бы Сербию части плодов ее неожиданных побед и кроме того могла бы стать оплотом против опасного великосербского движения в будущем.

Наоборот, Италия не желала слишком сильной Албании там, где она имела политические, торговые и военные интересы. Италия стремилась к осуществлению контроля над Валонской гаванью, к постройке железной дороги через горы в Салоники и хотела воспрепятствовать распространению греческого влияния в северном направлении.

Владея Бриндизи на одном берегу Адриатики и осуществляя контроль над Албанским побережьем—на другом, Италия могла бы превратить Адриатику в «итальянское озеро». Для Италии было достаточно удалить сербов с побережья. Вместо того чтобы давать Албании обширные границы и князя, который мог бы оказаться под австрийским влиянием, Италия предпочла бы видеть ее под номинальным турецким сюзеренитетом, с губернатором, назначенным великими державами и имеющим в своем распоряжении жандармерию, находящуюся под руководством шведских, испанских, швейцарских или бельгийских офицеров. Италия правильно предвидела, что слабая Албания, находящаяся под объединенным управлением великих держав, гораздо более

[1] Донесение австрийского агента в Албании в январе 1913 г.; Conrad, III, 59.

выгодна для итальянских интересов, чем сильная, независимая Албания под австрийским влиянием, ибо в балканских вопросах группировка великих держав выражалась в отношении 4 : 2 или даже 5 : 1 против Австрии—вслед за соглашением в Раккониджи Италия все более и более склонялась к державам Тройственного согласия, а Германия часто принимала сторону Антанты, когда она считала австрийскую политику на Балканах опасно агрессивной.

К концу ноября этот албанский вопрос со всеми другими трениями и подозрениями, увеличившимися в связи с балканской войной, начал серьезно угрожать миру в Европе. Россия, несмотря на некоторые колебания Сазонова, была склонна поддержать сербов и помочь им фактически завладеть северной Албанией, а Австрия и Италия решили поддержать албанских вождей в их сопротивлении Сербии. Россия начала мобилизовать часть своих сил против Австрии. Австрия уже сделала приготовления к войне против Сербии и, как думали, мобилизовала три армейских корпуса в Галиции против России. 7 декабря Конрад, глава австрийских милитаристов, был вновь назначен на свой прежний пост начальника штаба. Однако Россия отступила, когда риск войны надвинулся вплотную. Пуанкаре, который во время своего визита в Россию до блестящих побед балканских союзников предостерегал Россию от слишком рискованной поддержки Сербии, теперь подстрекал ее занять твердую позицию. Он видел, что новый балканский союз в действительности равнялся по силе новой великой державе. Поскольку союз этот стоял на стороне России, создавалась весьма благоприятная обстановка для идеи французского реванша, если Австрия нападет на Россию и таким образом вовлечет Францию и Германию во всеобщую войну. Он рассчитывал на сомнительную лояльность Италии в отношении к Тройственному союзу и надеялся на вооруженную поддержку Тройственного согласия со стороны Англии ввиду обмена нот, который только что имел место между П. Камбоном и Греем в Лондоне.

Однако мир между великими державами был сохранен главным образом благодаря усилиям английского и германского правительств. С обеих сторон были сделаны уступки. 16 декабря лондонская конференция послов приняла компромиссное предложение сера Эдуарда Грея относительно независимой Албании, границы которой должны были быть определены позже.

Подобно всем компромиссам и этот не удовлетворил ни одно из двух государств, наиболее непосредственно заинтересованных в судьбе несчастной маленькой страны. Сербия чувствовала себя весьма обиженной, потеряв плоды побед и не получив столь долгожданного экономического выхода к Адриатике. Лишенная великими державами территории, которую она ожидала получить здесь, Сербия совершенно естественно сознавала свое право просить Болгарию пересмотреть условие сербо-болгарского договора и отдать ей некоторую часть Южной Македонии от линии южнее Големской горы к Охридскому озеру. Болгария отказала. Это привело ко второй балканской войне, когда Болгария совершила свое внезапное предательское нападение на Сербию в конце июня 1913 г.

Австрия тоже горько сетовала на то, что почти все, что происхо-

дило в отношении Албании в течение последующих (после принятия предложения Грея) месяцев, стояло в противоречии с ее собственными желаниями и интересами. Причиной этого было либо то, что большинство на конференции высказывалось в пользу Сербии, России и Италии, против Австрии, либо то, что сербы и черногорцы, действуя вопреки решениям держав, ставили конференцию перед совершившимися фактами, с которыми она не желала или не могла бороться. Особенно курьезным фактом подобного рода было то, как Николай Черногорский, точно издеваясь над державами и их соединенным флотом, продолжал осаду Скутари, который конференция предназначила Албании. С другой стороны, Ипек, Дьяково, Дибра и Призрень не были включены в границы нового государства. Это означало, по мнению Австрии, что некоторая часть (около полумиллиона) албанцев, образующая компактную группу в пределах водораздела, являющегося естественной географической границей Албании, была оставлена на милость сербских и черногорских войск. На юге Греция требовала проведения границы таким образом, чтобы православные албанцы были бы предоставлены ей. Конрад, австрийский начальник штаба, хотел принудить Грецию отказаться от ее притязаний на Южную Албанию или путем дипломатического воздействия или посредством демонстрации соединенных австро-итальянских войск. Но здесь Австрия встретила сопротивление со стороны своего собственного союзника.

Хотя албанский компромисс предотвратил опасность немедленной войны между великими державами, он оставался весьма тревожным фактором балканской политики и утратил свое значение лишь накануне возникновения мировой войны. Он явился косвенной причиной братоубийственного сербо-болгарского конфликта в июне 1913 г. и привел к новому австро-сербскому кризису в ноябре того же года.

Внезапное нападение Болгарии на Сербию в связи со спором относительно Македонии, приведшее ко второй балканской войне (30 июня—10 августа 1913 г.), закончилось быстрым разгромом Болгарии. Румыния и Греция воспользовались благоприятным случаем свести с ней счеты, соединив свои силы с Сербией.

Даже Турция присоединилась к нападению, чтобы возвратить себе Фракию, которую она только что потеряла. Атакованная с четырех сторон и уже обессиленная в течение первой балканской войны, Болгария была скоро вынуждена просить мира и подписать Бухарестский договор. Он лишал Болгарию значительной части ее прежних приобретений в Турции и некоторой части ее собственной территории, которая была уступлена Румынии. Это увеличило могущество ее балканских соперников и оставило ее изолированной и ожесточенной. С этих пор она горячо стремилась приобрести поддержку Австрии или России в зависимости от того, кто из них сулил ей более верную помощь для уничтожения Бухарестского договора. Но она утратила доверие их обеих. Россия колебалась соединиться с ней, не желая восстановить против себя Сербию, а Австрия равным образом колебалась из опасения раздражить Румынию.

Сербия вышла из балканских войн с весьма возросшей мощью и престижем, одушевленная новой верой в свои силы и решимостью осуществить свое стремление создать «Великую Сербию». Она увели-

чила свою территорию почти вдвое, а население от трех почти до четырех с половиной миллионов. Правда, вновь приобретенные округа в Македонии были преимущественно населены болгарами и возлагали поэтому на Сербию трудную задачу ассимиляции и управления ими, сделавшуюся основной заботой ее на ближайшее будущее. Но приобретение ею части Нового Базара и долины Верхнего Вардара, а также непосредственная граница с Черногорией давали ей возможность положить решительный предел продвижению Австрии к Салоникам.

Взятые вместе эти два славянские государства частично граничили с австрийскими провинциями—Боснией и Герцеговиной. Вскоре возникли слухи, что Сербия и Черногория должны объединиться, т. е. сделать таким образом первый шаг на пути к образованию «Великой Сербии». Следующим шагом явился бы захват Боснии, Герцеговины, Далмации и других югославянских округов, принадлежавших Австро-Венгрии.

Эти опасные и смелые территориальные притязания, которые все сильнее и сильнее проявлялись у всех сербов и даже у их крупнейшего вождя и премьер-министра Пашича, нашли свое отражение в замечании, сделанном им своему греческому коллеге Политису, когда они закончили дележ добычи после второй балканской войны на Бухарестской мирной конференции: «Первая партия выиграна, мы должны подготовиться ко второй—против Австрии» [1]. Еще более показательным для его мегаломании является заявление, сделанное им сербскому поверенному в делах в Берлине [2], которого он встретил несколькими днями позже в Мариенбаде:

> «Уже первую балканскую войну я мог бы превратить в европейскую войну, чтобы приобрести Боснию и Герцеговину, но так как я опасался, что мы будем вынуждены сделать большие уступки Болгарии в Македонии, я стремился прежде всего обеспечить для Сербии обладание Македонией и только затем приступить к приобретению Боснии» [3].

Однако было бы неправильно думать, что Пашич намеревался разыграть «вторую партию» против Австрии немедленно. Холодный расчет подсказал ему, что раньше, чем приступить к этому, необходимо упрочить приобретение Македонии и заручиться более надежной поддержкой со стороны России. Отсюда его визит в Россию в январе 1914 г., чтобы устроить свадьбу сербского наследного принца с царской дочерью, а также добиться «120 тыс. пулеметов, аммуниции и некоторого количества пушек, в особенности горных орудий» [4].

Хотя Пашич склонен был ожидать более благоприятного момента, но таково было настроение многочисленной националистской сербской молодежи, и особенно сербских офицеров из тайного общества «Черная рука». Чрезвычайно гордясь своими новыми победами, они с возрастающей горячностью и нетерпением ожидали столь часто обещанного Россией дня, когда великая славная северная империя будет готова помочь им в «неизбежной» борьбе между славянством и германиз-

---

[1] Bogitchevitch, 65.
[2] [Богичевич, на свидетельство которого автор здесь и ссылается.—*Прим. ред.*]
[3] Bogitchevitch, 65
[4] Ibid., 175.

мом для создания «Великой Сербии» за счет Габсбургской империи» [1].

Вместе с ростом и укреплением Сербии в результате балканских войн Австрия чувствовала себя все более униженной и ослабленной. Хотя она не принимала участия в этих войнах и не утратила территории, но ее положение было серьезно поколеблено. Среди ее подданных различных национальностей все больший и больший успех имела разрушительная пропаганда. Румыния превратилась в менее надежного союзника, а Сербия в более определенного и деятельного врага. Всегдашние трения и недоверие между Италией и Австрией увеличились, и опасность того, что Австрия может однажды оказаться вынужденной вести войну на четырех фронтах—итальянском, сербском, румынском и русском,—становилась все более угрожающей. Сознавая эти возрастающие опасности, милитаристская партия в Вене снова серьезно ставила вопрос, не должна ли Австрия не медля покончить с великосербской опасностью [2].

ГЕРМАНСКОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ АВСТРИИ В ИЮЛЕ 1913 г.

Когда Болгария вероломно напала на Сербию в конце июня 1913 г. и началась короткая, но катастрофическая вторая балканская война [3],

---

[1] 6 мая 1913 г. Сазонов писал Гартвигу в Белград: «Обетованная земля Сербии лежит на территории теперешней Австро-Венгрии, а не там, где она теперь делает свои усилия и где болгары стоят на ее пути. Ввиду этих обстоятельств жизненным интересом для Сербии является сохранение ее союза с Болгарией, с одной стороны, а с другой—терпеливая, настойчивая подготовка к неизбежной борьбе в будущем. Время работает на Сербию и для уничтожения ее врагов, которые уже теперь показывают ясные признаки упадка. Объясните все это сербам! Я со всех сторон слышу о том, что если к кому-либо прислушиваются в Белграде, то это именно к вам» («Deutschland Schuldig?», стр. 99).

Относительно продолжительного и милостивого приема, оказанного царем Пашичу 20 января/2 февраля 1914 г., см. ibid., 130—135, и Bogitchevitch, 170—180. Относительно позиции Гартвига см. примечание [1] на стр. 303.

[2] Conrad, III, 11 и сл., 74 и сл., 98 и сл., 288 и сл. и в особенности 303 и сл. и 329 и сл.

[3] Для неоднократно повторяемого утверждения, что Австрия толкнула Болгарию на войну с Сербией, мы не находим ясного и определенного подтверждения во всех теперь опубликованных многочисленных документах. 6 мая по донесениям из Болгарии и из разговоров с болгарскими офицерами Конрад вынес убеждение, что между Сербией и Болгарией неизбежна близкая война и убеждал Берхтольда сделать из этого выводы, но Берхтольд колебался (Conrad, III, 302—316). 26 мая Конрад, по его словам, слышал от австрийского военного атташе в Софии, что Берхтольд предложил помочь Болгарии оградить ее от потери территорий и дать взаймы ей денег, если Болгария перестанет следовать указаниям России (Conrad, 1902—1916), но собственная переписка Конрада и его частые беседы с Берхтольдом в это время и в течение последующих недель не содержат ничего, что подтверждало бы это сомнительное сообщение. Не дает ничего и «Die Grosse Politik», если не говорить о туманной фразе Чирски от 2 июля, что Берхтольд «начинает повидимому опасаться болгарских духов, которых он вызвал» (G. P., XXXV, прим. 147). Редакторы этого издания говорят (G. P., XXXV, прим. 52): «Русское утверждение, что Австро-Венгрия толкнула болгарское правительство на это роковое предприятие, не находит подтверждений ни в германских документах, ни в австрийских источниках». Конечно, argumentum ex silentio («доказательство от молчания») имеет отрицательный характер, но не является доказательным. Нет сомнений в том, что Берхтольд радовался перспективе крушения балканского союза, образованного под покровительством России, хотя он все еще боялся, что интриги Тройственного согласия и румынские требования к Болгарии относительно территориальных компенсаций могут вызвать его возрож-

Берхтольд вначале занял осторожную выжидательную позицию, которая согласовалась с его собственной колеблющейся натурой и с желанием Германии и Италии [1].

Но он не намеревался терпеть дальнейшее значительное увеличение сербской территории, несмотря на умеряющие советы германского посла в Вене. Согласно депеше последнего от 1 июля 1913 г.:

«Если Россия в случае решительных болгарских побед вмешается в пользу Сербии, они будут здесь противодействовать этому [пометка кайзера: «Невероятно»]. На мой вопрос, как это будет сделано, граф Берхтольд ответил, что или путем непосредственных шагов в Петербурге или, может быть, путем оккупации Белграда [кайзер: «Совершенное сумасшествие; ведь это—война»]. Вмешательство Австро-Венгрии без вызова со стороны России оказалось бы необходимым только в случае, если бы Сербия одержала решительную победу, и угрожало бы возникновение «Великой Сербии». Я обратил внимание министра на тот факт, что как вмешательство России на стороне Сербии вызовет противодействие со стороны Австро-Венгрии, так и вмешательство Австрии против Сербии вызовет противодействие со стороны России. Берхтольд заметил: «Может быть» [2]. Двумя днями позже Берхтольд снова высказал свои опасения германскому послу, который доносил в Берлин:

«Граф Берхтольд просил меня сегодня посетить его. Министр сказал, что он считает своим долгом не оставлять германское правительство в неизвестности относительно тяжелого положения, которое создалось для монархии. Южнославянский вопрос, т. е. прочное обладание провинциями, населенными югославянами, является жизненным вопросом для монархии, как и для Тройственного союза. Южнославянские провинции монархии не могут быть удержаны, если Сербия станет слишком могущественной.

На этот счет нет спора между авторитетными лицами. Поэтому монархия может оказаться вынужденной вмешаться в случае, если Сербия в союзе с Румынией и Грецией нанесет решительное поражение Болгарии и захватит части страны сверх территории старой

дение (G. P., XXXV, 7, 40, 68 и сл.). Точно так же нет сомнений в том, что Берхтольд отказался поддержать русское предложение от начала июня 1913 г. относительно того, чтобы державы пригласили балканские государства одновременно демобилизоваться (G. P., XXXV, 26, 41, 240; «Affaires Balkaniques», II, 209 и сл.), что он признал «параллелизм австрийских и болгарских интересов», поскольку и те и другие противоречили идее «Великой Сербии» (G. P., XXXIV, 822, XXXV, 117 и сл., 320, 329 и сл., 346 и сл.) и равным образом, что он был «болгарофилом» в стремлении попытаться достичь мирного соглашения между Румынией и Болгарией без слишком больших территориальных уступок со стороны последней (G. P., XXXIV, 577 и сл., 843, 873 и сл., XXXV, 17, 56, 61 и сл., 66 и сл., 77, 115 и сл.). Но утверждение, будто он действительно толкнул Болгарию на ее самоубийственное нападение на Сербию, представляется недоказанным. Если бы он сделал это, Германия, вероятно, была бы об этом осведомлена, и известные указания на это можно было бы найти в германских документах, особенно в частых нелестных замечаниях, которые кайзер и германские сановники высказывали относительно дипломатии Берхтольда (ср. G. P., XXXV, 40, 54, 116, 147 прим., 148 прим., 365, 378; XXXVI, 28—30, 32).

[1] G. P., XXXV, 7 и сл., 16 и сл., 52 и сл., 115.

[2] Чиршки — министру иностранных дел 1 июля 1913 г.; G. P., XXXV, 115 и сл.

Сербии или что-нибудь в этом роде. Во всяком случае Монастырь нельзя оставить в обладании Сербии.

На мой вопрос, когда и как он рассчитывает вмешаться, министр ответил, что несомненно можно будет найти удобный психологический момент. Конечно он не может ничего сказать теперь относительно метода вмешательства,—все будет зависеть от обстоятельств. Он считает, что они могут возникнуть в связи с дипломатическим разговором в Белграде, который придется поддержать военным нажимом, если разговор не приведет к желанным результатам. Затем, если Россия выступит на сцену, местом действия сделается Петербург.

Министр снова выразил надежду, что затруднительное положение монархии будет понято в Берлине. Далекая от желания вести политику авантюр или стремиться к завоеваниям, монархия единственно желает оградить свои южнославянские владения, которые включают и Триест. Конечно наиболее приемлемым решением вопроса была бы маленькая Сербия, разбитая врагом, и это было бы гораздо более предпочтительно, чем возможная оккупация Сербии. Но при неудаче первой комбинации монархия окажется вынужденной предпринять действия, ограждающие ее владения. Не следует заблуждаться относительно опасностей великосербского «Пьемонта» как военного фактора на границах монархии [1].

Эта телеграмма прибыла в Берлин в то время, когда Бетман-Гольвег и Ягов, германский государственный секретарь, уехали в Киль на ежегодные императорские гонки яхт, на которых также присутствовали итальянский король и королева, сопровождаемые их министром иностранных дел Сан-Джулиано. Циммерман, помощник статс-секретаря в Берлине, отправил телеграмму в Киль со следующим смягчающим комментарием германского министерства:

«В настоящее время нет никаких оснований для особой нервности со стороны Вены, потому что вряд ли можно говорить об опасности «Великой Сербии». Мы должны оказать успокаивающее действие на Вену и наблюдать, чтобы она регулярно информировала нас относительно своих намерений и не предпринимала решений, не посоветовавшись с нами» [2].

Между тем Бертхольд становился все более и более нервным. Он опасался, что Румыния готовится напасть на Болгарию и тем ослабить ее, что Сербия одержит полную победу и тогда великосербская опасность станет значительней чем когда-либо. Поэтому он телеграфировал 4 июля австрийским послам в Берлин и Рим, выражая те же самые опасения, что и в приведенных выше разговорах с германским послом, и особенно настаивал на том, чтобы оба союзника «сделали представления в Бухаресте с целью удержать Румынию от дальнейших шагов против Болгарии» [3]. Бетман отказался сделать это,

---

[1] Чиршки — Бетману 3 июля 1913 г., G. P., XXXV, 122 и сл., первоначально опубликовано графом Монжела (Montgelas) в «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 5 марта 1920 г. № 123, и в его «Leitfaden zur Kriegsschuldfrage», Berlin 1923, 61 и сл.

[2] G. P., XXXV, 121; Montgelas, l. c., 62. Кайзер одобрил замечание Циммермана, и Чиршки был извещен в этом духе.

[3] G. P., XXXV, 128 и сл.; Pribram, 301, прим. 424.

объяснив, как он это делал неоднократно раньше, что помешать Румынии напасть на Болгарию Австрия может лишь энергичным давлением в Софии, чтобы побудить короля Фердинанда удовлетворить справедливые требования короля Карла на территориальные компенсации. Для вразумления Берхтольда Бетман прибавил следующие мудрые замечания и спасительные предостережения:

«С самого начала Австро-Венгрия заявила, что в настоящем балканском кризисе она не стремится ни к каким территориальным приобретениям. Свои интересы по отношению к результатам балканской войны она определила в том смысле, что Сербия не должна получить доступа к Адриатическому морю и что должна быть создана жизнеспособная Албания. Первого пункта она легко добилась. Что касается албанских границ, то она одержала победу в скутарийском вопросе и вместе с Италией в вопросе о южной границе Албанского побережья. Оставшиеся еще открытыми вопросы—южная сухопутная граница, конституция и выбор правителя и т. д.—будут, нужно надеяться, удовлетворительно разрешены. Во всяком случае военные действия, начавшиеся между Болгарией и Сербией—Грецией, ни в какой мере не колеблют основных линий австро-венгерской политики. Напротив, эти враждебные действия не нежелательны с точки зрения специальных австро-венгерских интересов, если оставить в стороне дальнейшее расстройство, которое они причиняют торговле и транспорту. Для двуединой монархии может быть только выгодно, если в результате войны Болгария и Сербия ослабеют и будут враждебно настроены друг к другу. Тогда Австрия выиграет время, чтобы восстановить свой modus vivendi с Сербией, что при всяких обстоятельствах необходимо.

Как кончатся теперешние враждебные действия между Болгарией и Сербией, никто не знает. Но одно достоверно: кто бы ни победил, обе ослабеют и будут ненавидеть друг друга! Австрия не должна мешать такому исходу дела. Даже если победит Сербия, еще долог путь до «Великой Сербии». Даже при этом условии Сербия не достигнет Адриатики, а небольшие кусочки территории делу не помогут. Если бы Австрия теперь попыталась дипломатическим путем отнять у Сербии вновь приобретенные ею территории, то это ей не удалось бы, но зато она навлекла бы на себя смертельную ненависть Сербии. Если она попытается сделать это силою оружия, это будет означать европейскую войну. При этом были бы затронуты наиболее серьезным образом жизненные интересы Германии, и поэтому я убежден, что раньше [1], чем граф Берхтольд предпримет подобное решение, он поставит нас в известность. Вследствие этого я могу только выразить надежду, что в Вене не позволят запугать себя кошмаром «Великой Сербии», будут ждать дальнейшего развития событий на сербо-болгарском театре войны. Против идеи поглощения Сербии я могу лишь самым энергичным образом предостеречь, так как это повело бы к ослаблению Австрии» [2].

---

[1] [В G. P., это слово («before»—раньше) напечатано разрядкой.— Прим. ред.]

[2] Бетман Сегени и Циммерман — посду в Вене Чиршки 6 июля 1913 г., G. P, XXXV, 129 и сл.

Это быстрое и решительное предупреждение со стороны Германии от 6 июля удержало Берхтольда и Конрада от легкомысленной и беспочвенной авантюры, которая могла бы угрожать миру в Европе. Мы изложили этот эпизод с некоторыми подробностями частью для того, чтобы указать, что Германия могла сделать то же самое в июле 1914 г., частью для того, чтобы иллюстрировать различие во взглядах между Берлином и Веной и исправить ложное впечатление, которое создает об этом инциденте Джолитти и которым широко пользуются писатели из лагеря Антанты.

Выступая в итальянском парламенте 5 декабря 1914 г. с попыткой оправдать нейтралитет Италии в мировой войне историческим прецедентом 1913 г., Джолитти сказал:

«Во время балканской войны, 9 августа, почти за год до того, как началась настоящая война, в мое отсутствие из Рима я получил от моего уважаемого коллеги Сан-Джулиано следующую телеграмму: «Австрия сообщила нам и Германии о своем намерении выступить против Сербии, расценивал это выступление как оборонительное и считая вступившим в силу casus foederis для Тройственного союза, каковой, по моему мнению, напротив, к данному случаю неприменим. (Сенсация.) Я стараюсь подготовить почву для совместной с Германией попытки предотвратить подобное выступление со стороны Австрии, но может оказаться необходимым ясно определить, что мы не считаем подобное выступление, если оно будет предпринято, оборонительным и что, следовательно, мы не считаем, что возникает casus foederis. Прошу телеграфировать мне в Рим ваше согласие». Я ответил: «Если Австрия выступит против Сербии, ясно, что casus foederis отсутствует. Это шаг, который она предпринимает по собственному своему почину, поскольку здесь нет вопроса о защите, так как никто не нападает на нее. Необходимо, чтобы Австрии было сделано заявление в этом духе самым формальным образом, и мы должны надеяться на выступление со стороны Германии с целью удержать Австрию от столь опасной авантюры». (Слушайте, слушайте.)

Такой курс был взят, и наше толкование было поддержано и расценено как правильное, поскольку наше выступление ни в коей мере не омрачило наших отношений с двумя союзными державами. Декларация о нейтралитете, сделанная теперешним правительством, согласуется, следовательно, во всех отношениях с прецедентами итальянской политики и равным образом отвечает толкованию Тройственного союза, которое уже было принято союзниками.

Я хочу напомнить об этом, так как думаю, было бы правильно, чтобы для всей Европы было ясно, что Италия остается вполне верной своим обязательствам»[1]. (Громкие аплодисменты.) Джолитти повторяет это заявление в своих мемуарах, и оно обычно слепо повторяется антантовскими писателями,—даже таким хорошо осведомленным и осторожным автором, как Пуанкаре[2]. Но заявление это является неправильным во многих отношениях.

---

1 «Collected Diplomatic Correspondence», London 1915, 401.

2 G. Giolitti, Memoirs of My Life, London 1923, 372; Poincaré, III, 231. См. однако G. P., XXXV, 122 прим.; Pribram, 301; Jagow, Ursachen, 71, и статью

Во-первых, Джолитти относит инцидент к 9 августа вместо 9 июля, т. е. к концу второй балканской войны вместо начала ее. Относя его к тому времени, когда Сербия уже добилась больших приобретений от Болгарии, когда Австрия в связи с этим была недовольна создавшимся положением, он придает своему заявлению более добропорядочный характер.

В действительности вот что повидимому случилось:

Телеграмма Берхтольда от 4 июля с просьбой об оказании давления на Румынию и с указанием на то, что Австрия не может допустить Сербию значительно расширить свои границы[1], была получена в Риме, когда и Джолитти и Сан-Джулиано отсутствовали из города, причем последний находился в Киле.

В отсутствие премьер-министра и министра иностранных дел чиновники министерства иностранных дел, которые получили сообщение Берхтольда, «испытали страх, подобного которому они не испытывали никогда в своей жизни»[2]; но они воспрянули духом, когда вскоре узнали от германского посла в Риме о суровом предупреждении, сделанном Берлином Вене. Когда Сан-Джулиано вернулся из Киля в Рим, он нашел австрийское сообщение, столь напугавшее его подчиненных, посоветовался с Джолитти по телеграфу 9 июля и затем ответил австрийскому послу 12 июля (почти через неделю после того, как Бетман послал уже свое предупреждение Берхтольду), протестуя против австрийского военного выступления против Сербии и добавляя: «Мы удержим вас силой, если это окажется необходимым»[3]. Равным образом Джолитти неправ так же, утверждая, будто Италия, а не Германия, заставила Берхтольда отказаться от необдуманного поступка[4]; решительное воздействие на Вену оказал не ответ Сан-Джулиано от 12 июля, а быстрое и энергичное предупреждение со стороны Бетмана 6 июля. В опубликованных в Германии и Австрии документах нет ничего, что подтверждало бы заявление Джолитти о том, будто Тройственный союз обсуждал в связи с этим вопрос casus foederis. Наконец позиция итальянских государственных деятелей в декабре 1914 г. далеко не прекрасна и не неуязвима, если верно (как оно вероятно и есть на самом деле), что Сан-Джулиано после своего возвращения из Киля в 1913 г. доверительно сообщил германскому послу в Риме, что он на месте Берхтольда сам пошел бы по пути, на который, как он опасался, Берхтольд готов был вступить, т. е. решился бы на выступление против Сербии, что возможно вызвало бы европейскую войну[5].

в «Deutsche Allgemeine Zeitung», 21 февраля 1923; Montgelas, Leitfaden, 60 и сл. и A. von Wegerer, Kritische Bemerkungen zu Kapitel, XIII, aus Vivianis, Réponse au Kaiser, Berlin 1923, 28 и сл.

[1] G. P., XXXV, 128 и сл., 164; Pribram, 301, прим. 424. Ср. выше стр. 312.

[2] Флотов, германский посол в Риме, — Бетману 15 июля 1913 г.; G. P., XXXV, 165.

[3] Мерей, австрийский посол в Риме, — Берхтольду 12 июля 1913 г.; Pribram, 301 и сл. и прим. 425.

[4] Приведенное выше заявление Джолитти от 5 декабря 1914 г., что Сан-Джулиано старался подготовить почву для совместной с Германией попытки предотвратить аналогичное выступление со стороны Австрии. См. аналогичное изложение у Пуанкаре.

[5] Флотов — Бетману 19 июля 1913 г. G. P., XXXV, 192 и сл.

ИНТРИГИ ВОКРУГ КАВАЛЫ 1913 г.

Вторая балканская война, имевшая следствием отторжение от Болгарии Кавалы греками и Адрианополя турками, вызвала весьма интересные дипломатические интриги, которые недурно рисуют методы предвоенных дипломатов. Они бросают любопытный свет на поддержку, которую союзники оказывали друг другу, или скорее на отсутствие такой поддержки, когда их собственные интересы были замешаны в дело. Действительно вопрос о Кавале вызвал такую внутреннюю борьбу в пределах каждой группировки, что в результате взаимных франко-русских газетных обвинений «Новое время» требовало пересмотра франко-русского союза[1]; подобным же образом в Вене «Neue Freie Presse» с грустью констатировала «невероятный распад и серьезное ослабление» австро-германского союза, «который больше 30 лет врастал в наше сознание, как дуб уходит корнями в свою почву»[2].

В то время как союзники таким образом ссорились между собой, французские и германские министры обменивались поздравлениями с успешным сотрудничеством и надеждами на неудачу своих собственных союзников, а сэр Эдуард Грей радостно отмечал в этой забавной перестановке обычных дипломатических ролей счастливое для европейского мира предзнаменование[3].

Кавала—македонский укрепленный город и морской порт, расположенный почти на полпути между Салониками и Дарданеллами. Его относительно хорошая гавань являлась лучшим и наиболее удобным для болгар портом на Эгейском море. Она была близко расположена к центру богатого земледельческого района, где возделывался лучший турецкий табак на миллионы долларов ежегодно. Помимо турок и испанских евреев его население состояло преимущественно из греков, хотя хинтерланд был населен главным образом болгарами[4]. И греки и болгары претендовали на Кавалу. В первую балканскую войну болгарские армии достигли ее раньше других и заняли ее. Но в следующую войну между балканскими государствами Болгария подверглась нападению со всех сторон и уступила ее грекам. В обоих случаях были совершены обычные неописуемые зверства.

Относительно окончательной судьбы Кавалы скоро выяснилось, что великие державы держатся весьма различных точек зрения. Австрия и Россия, обычно стоявшие на диаметрально противоположных точках зрения по балканским делам, обе старались передать ее Болгарии. Ввиду этого Берхтольд и Сазонов повели интриги, методы которых были весьма сходны по своей направленности и характеру, но цели которых были совершенно различны. С другой стороны, Германия и Франция одинаково настаивали, чтобы Кавала отошла к Греции. Англия и Ита-

---

[1] «Материалы по истории франко-русских отношений», 407; L. N., II, 132; Stieve, III, 241; «Affaires Balkaniques», II, 294 и сл., III, 3—7.

[2] 11 августа 1913 г; об этих раздорах прессы см. G. P., XXXV, 369—381.

[3] «Affaires Balkaniques», II, 294; G. P., XXXV, 368 и сл.

[4] Ср. этнографическую карту в «Peterman's Mitteilungen», 1915, карта 44, изд. болгарского министерства иностранных дел — «La Question Bulgare et les Etats Balkaniques», (Sofia 1919), 78—87, 200—205, 275; «Carnegie Endowment Report on the Balkan Wars», Washington 1914, 78—106, 186—207, 285—290; G. P., XXXV, 319—383, passim

лия, менее непосредственно заинтересованные в этом вопросе, вначале склонялись к тому, чтобы отдать ее Болгарии, но вскоре согласились на предоставление порта грекам, потому что, по замечанию сэра Эдуарда Грея, «было бы трудно выгнать оттуда греков»[1].

Берхтольд, пытаясь получить Кавалу для Болгарии, надеялся создать сильный противовес Сербии, столь увеличившейся от захватов и гордой своими приобретениями, сделанными в двух балканских войнах. Он рассчитывал также привлечь правительство короля Фердинанда на сторону Тройственного союза, парализовать таким образом франко-русские интриги в Софии и добиться примирения между Болгарией и Румынией. Его укреплял в этих надеждах тот факт, что болгарское правительство, находясь в самом критическом положении, в конце июля сделало положительное предложение присоединиться к Тройственному союзу и Румынии[2]. Если бы это было достигнуто, и Болгария и Румыния оказались бы примиренными,—Румыния приобрела бы большую свободу действия в случае европейской войны и могла бы направить свои главные силы против России, вместо того чтобы быть вынужденной оставлять их на своей южной границе для защиты против Болгарии. Поэтому Берхтольд в начале бухарестских переговоров тайно обещал Кавалу болгарам, не осведомляя об этом Германию, как должен был бы поступить откровенный и лойяльный союзник. За эту скрытность его впоследствии заслуженно и сурово порицали в Германии, когда все это стало известно[3].

Соображения и методы Сазонова были совершенно аналогичны соображениям и методам Берхтольда. Он рассчитывал передачею Кавалы Болгарии окончательно привлечь ее на сторону Тройственного согласия, уничтожит предполагаемые австрийские интриги в Софии и добиться примирения между Болгарией и Сербией; таким образом в случае европейской войны Сербия могла бы не тревожиться из-за Македонии и болгарской границы, а направить свои главные силы против Австрии—перспектива, очень страшившая Берхтольда и начальника австрийского штаба. Кроме того Сазонов рассчитывал, что Кавала в руках болгар явилась бы оплотом против греческих морских планов, которые сталкивались с притязаниями России на Дарданеллы и с которыми приходилось считаться в особенности потому, что греческий король доводился шурином германскому кайзеру. Поэтому Сазонов употребил все свои усилия на бухарестской мирной конференции, чтобы вернуть Кавалу болгарам. Но он ни разу не осведомил своего французского союзника о значении, которое он придавал этому вопросу. Между тем по настоянию Извольского и французского министра внутренних дел он добился вторичной ассигновки из русского казначейства суммы в 100 тыс. фр. для подкупа французской прессы, под условием, что деньги пойдут на пропаганду в пользу балканских интересов России и в пользу нового закона об увеличении французской армии. Но турки, по донесениям русского финансового агента в Париже, предназначили еще более крупную сумму для подкупа в обратном направлении—5 млн. фр., из ко-

[1] Лихновский — Бетману 8 августа 1913 г., G. P., XXXV, 368 и сл.; относительно английской и итальянской позиции см. также ibid., 328—332. 339—346. 357. 366
[2] G. P., XXXV, 329 и сл., 348.
[3] Ibid., 320—331. 338 и сл., 346 и сл., 378

торых 100 тыс. одной только «Libre Parole». Франция не поддержала кавальской политики Сазонова, и франко-русская газетная вражда, упомянутая выше, разгорелась еще сильнее. Конечно Извольский сетовал: «Этот инцидент лично для меня чрезвычайно прискорбен». Он резко критиковал Сазонова за то, что он с самого начала не осведомил откровенно французское правительство о всем значении этого вопроса для России вместо того, чтобы предоставить Франции узнать об этом от держав Тройственного союза, а не от своего собственного союзника [1].

Почему Германия и Франция уклонились от поддержки своих союзников в этом вопросе о Кавале?

Грекофильство кайзера питалось его ежегодными весенними поездками на Корфу и сооружением Ахиллейона. От него также было естественно ожидать политической поддержки своего шурина. Король Константин не поколебался по возможности использовать свое родство с императором. 31 июля, по указанию «Тино» [2], «Софи» [3] телеграфировала «Вилли», прося его замолвить доброе словечко перед королем Карлом румынским в пользу греческих притязаний на Кавалу.

В ответ на это кайзер телеграфировал королю Карлу в сдержанных и обдуманных выражениях: «Можете ли вы сделать что-нибудь относительно Кавалы? Я с вниманием слежу за этим вопросом. Сердечные поздравления и добрые пожелания по поводу ваших успехов. Вильгельм» [4].

Значительно более важным, однако, чем эти личные мотивы, была надежда германского правительства, что германская поддержка греческих притязаний на Кавалу сможет парализовать франкофильские влияния в Афинах и более определенно направит Грецию в русло политики Тройственного союза, обеспечив ему таким образом стратегическую и дипломатическую поддержку Греции в восточной части Средиземного моря и в Малой Азии. Это в тот момент казалось совершенно возможным. Обеспокоенный смертельной борьбой с Болгарией во вторую балканскую войну, Венизелос рассчитывал приобрести расположение Германии, заверяя ее, что «Греция никогда не присоединится к Тройственному согласию, пока Константин—король, а я—министр. Греция стремится держаться в стороне от всяких осложнений с великими державами, но надеется путем более тесного сотрудничества с Румынией и Турцией быть полезной Тройственному союзу в качестве противовеса против славян» [5]. Несколькими днями позже Теотокис, греческий посланник в Берлине, определенно заявил, что «Греция готова в любое время

---

[1] Переписка Сазонова—Извольского с 12 июля до 14 августа 1913 г. «Материалы по истории франко-русских отношений», 392—411; L. N. II, 120—135; Stieve, III, 202—244. Ср. также «Affaires Balkaniques», II, 279—294, III, 3—13. Слова, взятые в кавычки в последней фразе, принадлежат последнему письму Извольского от 14 августа.

[2] «Тино» — уменьшительное имя Константина.

[3] «Софи» — жена Константина, сестра Вильгельма II.

[4] 1 авг. 1913 г.; G. P., XXXV, 323.

[5] Кварт, германский посланник в Афинах, — Бетману 7 июня 1917 г.; G. P., XXXV, 19; ср. также стр. 105 и сл. Греческий посол в Вене, Займис, заявлял то же самое Бэрхтольду: «Греция рада установить дружеские отношения с державами Тройственного союза, но не должна быть втянута в их дела; мы только, не хотим быть использованы ни одной из двух группировок» (24 июня, ibid., стр. 97).

присоединиться к Тройственному союзу», взамен поддержки ее притязаний на Кавалу, на некоторые округа, на югоалбанской границе и на Эгейские острова [1]. Но германское министерство иностранных дел, правильно подозревая, что Теотокис превысил свои полномочия, дало ему уклончивый ответ. Вместе с тем берлинское правительство тотчас же лойяльно осведомило своих союзников в Вене и в Риме о предложении Теотокиса и своих сомнениях относительно этого, запросив в Афинах подтверждения.

Венизелос ответил, что Теотокис действительно превысил свои инструкции, будучи уполномочен только предложить союз с Румынией, но не с Тройственным союзом. Венизелос добавил, что на последнем приеме король Константин выразил желание присоединиться к Тройственному союзу, но что он сам высказался против союза с какой-либо группировкой и в этом духе информировал Тройственное согласие. Поэтому он не может теперь сразу менять свою позицию, чтобы не быть обвиненным в вероломстве. Однако, по словам Венизелоса, он сказал Константину, что если король пожелает осуществить свое желание присоединиться к Тройственному союзу, то он (Венизелос) с полной готовностью подаст в отставку; он великодушно добавил, что затем сделает в парламенте все, что может, чтобы поддержать новую ориентацию короля в греческой политике в пользу Тройственного союза. Бетман и кайзер вместо того, чтобы побудить Константина воспользоваться благородным жестом его премьера, дали ему совет в том смысле, что отставка Венизелоса в такое критическое время может быть гибельной для Греции, но что он должен вступить в переговоры с Румынией. Германия не может подвергать опасности свою политику сохранения мира в Европе, но это неминуемо произошло бы, если бы она пожелала гарантировать греческие границы и была вовлечена в разрешение трудных балканских проблем. Но она будет с радостью приветствовать греческую ориентацию на Тройственный союз, и вопрос этот может быть успешно разрешен после окончания настоящего кризиса [2].

Тем не менее, чтобы побудить Грецию держаться ее новой позиции, Германия сочла себя обязанной поддержать греческие требования на Кавалу, несмотря даже на то, что Австрия настаивала на принятии противоположной линии поведения, выступая за болгарские притязания. В последовавшем затем бурном объяснении между Вильгельмштрассе и Бальплацем Берлин указывал, что он не может отказаться от поддержки греческих притязаний и подвергать риску возможность присоединения Греции к Тройственному союзу. Берлин опасался, что в противном случае Греция снова попадет в русло политики Тройственного согласия. Берхтольд со своей стороны возражал, что он также обещал Кавалу Болгарии и не желает оказаться в глупом положении, переменив вдруг фронт, и рисковать потерей возможности болгарского присоединения к Тройственному союзу. Он опасался, что, если он так поступит, франко-русские интриги восторжествуют в Софии.

Берлин на это отвечал, что греческие предложения, были сделаны раньше, что они более надежны и сразу были лойяльно сообщены Гер-

[1] Меморандум Ягова 18 июня; G. P., XXXV, 89.
[2] G. P., XXXV, 89—97.

манией обоим своим союзникам, в то время как болгарские предложения, сделанные позже, были весьма ненадежны ввиду вероломного характера короля Фердинанда, и кроме того были нелойяльно скрыты от Германии Берхтольдом[1].

Что касается французской политики, то согласно Пуанкаре, который цитирует весьма отрывочную и сравнительно тощую французскую «Желтую книгу» по балканским войнам, «заботой Франции было всегда одно и то же—положить предел войне, которая может стать всеобщей; она держала сторону Греции против Болгарии, т. е. в данном случае против России единственно в надежде предотвратить возобновление военных действий»[2].

Но в действительности французская политика в кавальском вопросе диктовалась также традиционною дружественною политикой Франции по отношению к Греции, наличием французских инструкторов, приглашенных для обучения греческих армий, которые были снабжены французскими орудиями, и значительными вложениями Франции в греческие займы и в табачную монополию в кавальском округе (которую болгары угрожали конфисковать, если она перейдет в их руки),— словом, рядом обстоятельств, побуждавших французское общественное мнение быть грекофильским. А главным образом, по словам Извольского, эта политика диктовалась боязнью, чтобы Германия не взяла верх в Афинах, чтобы не пострадали французские интересы на Ближнем Востоке и чтобы Франция могла получить стратегическую поддержку греческого флота против соперничающего итальянского флота в Средиземном море[3].

Что касается самих балканских государств, то Греция, Сербия и Румыния решительно возражали против болгарских притязаний на Кавалу.

Казалось, что бухарестская мирная конференция может закончиться ничем, если Болгария откажется принять условия, поставленные победителями. Когда Австрия и Россия поняли это и убедились, что они не получат поддержки со стороны своих союзников, каждая из них попыталась косвенным путем спасти положение для Болгарии. Они предложили, каждая в отдельности и в совершенно различной форме, чтобы статьи, касающиеся Кавалы, или даже весь бухарестский

---

1 G. P., XXXV, 344—355.

2 Poincaré, III, 230. «Но кто читает «Желтые книги»? — спрашивает он (III, 233). А автор настоящего труда прочел их и нашел, что депеша Пишона к Делькассе от 9 августа («Affaire Balkanique», II, 294 и сл.), на которую ссылается Пуанкаре, не приводя ее в подлинном виде, указывает на совершенно другие мотивы, чем тот похвальный мотив, о котором он упоминает. Пишон называет французскую позицию «оправданной нашей традиционной политикой, заботой о равновесии в Средиземном море, условиями войны между Болгарией и Грецией, победами и жертвами последней, позицией Германии и, наконец в особенности, уверенностью в возобновлении враждебных действий в случае попытки иным способом урегулировать вопрос».

3 См. цитату в предшествующем примечании. Извольский — Сазонову, 2, 5, 12 и 14 августа 1913 г., «Материалы по истории франко-русских отношений», 399—409; L. N., II, 122—135; Stieve, III, 220—224. Жюль Камбон — Пишону 2 августа («Affaires Balkaniques», II, 281): «какова бы ни была позиция России, мы не сможем без риска для нашего влияния в Афинах и без предоставления там свободного поля действия для Германии отказаться от поддержки, которую мы до сих пор предоставляли греческим притязаниям».

договор были подвергнуты рассмотрению великих держав. Но эти предложения, крайне оскорбительные для трех балканских победителей, встретили, конечно, такое же отрицательное отношение со стороны Германии и Франции, какое они встретили при непосредственном обсуждении ими кавальского вопроса, и по тем же самым мотивам. Идее пересмотра был нанесен смертельный удар опубликованием телеграммы короля Карла к кайзеру, сообщающей об уверенности в мире, «который, благодаря вам, обеспечен»[1]. Кайзер телеграфировал в ответ свои сердечные поздравления. Осторожный и рассудительный Бетман сомневался в целесообразности опубликования этих телеграмм из опасения задеть австрийское самолюбие. Но кайзер настаивал на этом, а его помощник секретаря по иностранным делам Циммерман считал, что эта публикация, хотя и «мало приятная» для Вены, желательна для противодействия «страсти Берхтольда к пересмотру». Поэтому телеграммы были опубликованы телеграфным агентством Вольфа в Бухаресте 10 августа 1913 г., в тот день, когда Бухарестский мир был окончательно подписан, и вызвали немалое раздражение у Австрии»[2].

АВСТРИЙСКИЙ УЛЬТИМАТУМ СЕРБИИ 18 ОКТЯБРЯ 1913 г.

Летом 1913 г., после первой балканской войны и решения образовать независимую Албанию, лондонская конференция послов согласилась создать три комиссии, которые, как надеялись, должны были помочь образованию жизнеспособного Албанского государства. Одна комиссия предназначалась для проведения южной границы между Албанией и Грецией, другая—для северной—с Сербией и Черногорией и третья—международная контрольная комиссия—имела задачей осуществить управление Албанией до тех пор, пока великие державы смогут сговориться относительно приемлемой кандидатуры в правители страны[3].

Но прошло немало времени, пока пограничные комиссии могли приступить к работе на месте. И даже когда они отправились, наконец, в суровую горную страну на автомобилях, которые постоянно ломались и заменялись лошадьми, или даже странствованием пешком, то оказалось еще немало проволочек и затруднений. На юге местные греческие власти использовали все способы, чтобы обманывать комиссию, убеждая ее, будто большинство жителей говорит по-гречески и настроено восторженно в пользу включения их в королевство Константина. С подозрительной правильностью процессии крестьян выходили из деревень, одетые в национальные греческие костюмы, и выкрикивали во всю силу своих легких лозунг «Объединение или смерть». Но комиссия была настолько убеждена, что они были ввезены для этой надобности и что были употреблены суровые меры, чтобы заставить албанцев и магометан сидеть дома и молчать, что в Афинах был заявлен официальный протест.

---

[1] 7 августа 1913 г., G. P., XXXV, 359.

[2] G. P., XXXV, 359—379. Один из секретарей кайзера позже пытался смягчить негодование Конрада, уверяя его, что телеграммы были опубликованы по инициативе короля Карла, а не кайзера, но «это не вполне соответствовало историческим фактам» (G. P., XXXIX, 442). Текст бухарестского договора напечатан в «Affaires Balkaniques», II, 296 и сл.

[3] G. P., XXXV, 235—315; «Affaires Balkaniques», II, 209—222.

На севере сербы были менее наивны и более предусмотрительны, но сербские отряды часто останавливали и арестовывали членов комиссии. В обеих пограничных комиссиях у представителей шести великих держав скоро обнаружились тенденции поделиться на группы, соответствующие политической позиции их руководителей в Лондоне.

Французские и русские делегаты пользовались всяким случаем, чтобы оказать содействие грекам, сербам и черногорцам, в то время как австрийцы и итальянцы были склонны предоставить Албании возможно более обширные границы. Между этими двумя крайними группами, раздоры которых иной раз угрожали совершенно сорвать работу комиссий, английские и немецкие участники комиссий пытались находить удовлетворительные компромиссы и в то же время добросовестно проводить решения, которые соответствовали бы фактам на месте и инструкциям, полученным ими из Лондона[1].

Вследствие проволочек в определении комиссиями албанских границ и взаимной враждебности сербов и албанцев произошел пограничный конфликт. Сербские войска вновь заняли албанскую территорию. В ответ на это албанцы предприняли встречное наступление и разбили сербский отряд. Тогда Сербия мобилизовала часть своей армии. Сербская пресса потребовала карательной экспедиции и оккупации значительной части Албании. Указывалось на то, что в скутарийском и адрианопольском инцидентах обнаружилось бессилие великих держав, которые, повидимому, предпочитали склоняться перед совершившимся фактом, а не пытались изгнать тех, которые являлись beati possidentes. Некоторые из держав индивидуально предупреждали Сербию о необходимости уважать решения лондонской конференции, но конференция в целом не вынесла коллективного предупреждения, которое единственно было бы действительным. Терпению сэра Эдуарда Грея приходил конец.

---

1 Довольно забавный по временам рассказ об этих проволочках и ссорах, часто ничем не оправдываемых, содержится в донесениях германского участника комиссии в G. P., XXXVI, 129—260. В этих пограничных делах Германия стремилась сохранить солидарность Тройственного союза путем поддержки всех разумных пожеланий своих союзников, но она не желала слишком настойчиво противоречить тому, что было дорого Константину из опасения толкнуть его в объятия Антанты. Поэтому Германия старалась убедить обе стороны быть умеренными и рассудительными. Королю Константину во время его визита в Берлин в сентябре 1913 г. кайзер убедительно указывал, как велики были приобретения, уже сделанные им: Янина, Салоники, Кавала, Крит. «В сравнении с этим ничтожное исправление границы в Эпире не играет абсолютно никакой роли и не заслуживает внимания». Кайзер указал также на самоограничение Германии в Никольсбурге в 1886 г. как на пример мудрости и умеренности после победы и намекнул, что если Константин уступит соперничающей Италии в вопросе о южной албанской границе, то Рим, возможно, уступит ему Эгейские острова, что значительно более важно (ibid., 144—146). Точно так же относительно Австрии и Италии кайзер замечал: «Если Австрия и Италия неблагоразумны в отношении к Греции, то мы за это не отвечаем. Мы не можем участвовать ни в какой глупости, которую они совершают. Уже и так мы многое проиграли из-за любви к нашим союзникам. Если они сейчас идут на ухудшение их положения перед Тройственным согласием, мы можем предостеречь их, хотя помешать им не можем. Однако мы не должны присоединяться к ним (G. P., XXXV, 251). Инструкции в этом духе в более дипломатической, но достаточно ясной форме были посланы Берлином в Вену и в Рим. Относительно личного совета Ягова германскому делегату об южноалбанской пограничной комиссии см. G. P., XXXVI, 160 и сл. По вопросу об Эпире см. Edith. P. Stickney, South Albania in European Affairs, 1912—1923, Stanford 1926. Там же указана исчерпывающая библиография.

С точки зрения английских интересов ему было безразлично, будет ли та или иная балканская деревня турецкой, греческой, сербской, болгарской или албанской. Он представлял себе свою роль как роль честного маклера, чьи усилия на Балканах должны быть направлены к служению единственному британскому интересу—сохранить европейский мир. Но он настолько был утомлен почти ежедневными жалобами и контрпретензиями, что, наконец, «он не мог слышать слово «Албания», и никто не был бы удивлен, если бы он, уступая своему чувству раздражения, бросил «албанскую флейту» на стол и отозвал адмирала Бернея и английскую эскадру»[1].

Под влиянием этих событий и считаясь с фактом, что сербские войска упорно продолжали захват албанской территории, Берхтольд и австрийский начальник штаба барон Конрад снова решили, что нужно предпринять более энергичные меры.

Конрад опять настаивал на том, что теперь Австрия должна свести окончательные счеты с Сербией. Он узнал от князя Гогенлоэ, незадолго до того вернувшегося из Петербурга, что Россия вряд ли вмешается, если Австрия будет действовать быстро и энергично против Сербии; действовать теперь лучше, чем потом, так как Россия пыталась привлечь Румынию на сторону Тройственного согласия. Такова же была и точка зрения барона Попска, который незадолго перед этим объездил Румынию, переодетый пастухом. Он сообщил Конраду, что там общественное мнение настроено против Австро-Венгрии и что Румыния совершенно подпадает под французское и русское влияние.

Но робкий и колеблющийся Берхтольд был склонен ограничиться жестами и полумерами[2].

В длительных заседаниях совета министров 3 и 13 октября австрийцы горячо обсуждали, что следует сделать. Были представлены три точки зрения: барона Конрада, графа Тиссы и графа Берхтольда. Конрад по обыкновению настаивал на том, что с Сербией нужно покончить раз и навсегда, пока не поздно, особенно ввиду того, что Румыния отходит от Австрии и подпадает под русское и французское влияние. Сербию нужно заставить согласиться на мирное присоединение к Австро-Венгрии, в которой она займет положение, подобное Баварии или Саксонии в Германской империи, с этим должно быть связано осуществление «триализма»—превращения двуединой монархии в «тройственное государство». Если же это невозможно, то Конрад считал необходимым предъявить Сербии ультиматум, настаивая в случае неполучения удовлетворительного ответа на немедленной и решительной войне. В результате ее—он не сомневался в том, что Австрия победит—Австрия аннексирует некоторые части Сербии и сможет удовлетворить Румынию, Болгарию и Грецию, отдав им другие части Сербии,—Тимокский округ—Румынии, а Македонию—Болгарии и Греции. Это явилось бы действительным пересмотром Бухарестского договора, весьма выгодным для

[1] Кюльман, германский поверенный в делах в Лондоне,—Бетману 24 сентября 1913 г. G. P., XXXVI, 164; относительно Грея см. там же, стр. 377, 394. Относительно первой части этого абзаца см. там же, 131—174, 361—382; «Affaires Balkaniques», III, 46—54; Oesterreich — Ungarisches Rotbuch: Diplomatische Aktenstücke betreffend die Ereignisse im Balkan, 13 Aug. bis 6 Nov. 1913, Wien 1914. passim

[2] Conrad, III, 442—447, 453—458

Австрии. Но главное не следует предпринимать никаких полумер, как, например, простую оккупацию некоторых сербских городов, в качестве залога. Австрийская армия, раз мобилизованная, не должна слагать оружия до тех пор, пока не будет завоевана сербская территория; для духа армии опасна мобилизация без войны в третий раз (т. е. по примеру 1909—1912 гг.). Короче—«или полное присоединение Сербии мирными путями, или применение силы»[1].

Граф Тисса, всемогущий мадьярский вождь, сделавшийся венгерским премьер-министром в июне 1913 г., признавая сербскую опасность, склонялся к дипломатическому пути. Он соглашался с тем, что лондонская конференция не принесет ничего кроме разочарования, и поэтому сочувствовал мнению, чтобы Австро-Венгрия выступила независимо, за свой страх и риск. Нельзя дозволить сербам, черногорцам, грекам и итальянцам рассматривать Албанию как res nullius. Но он неизменно возражал против включения в пределы двуединой монархии еще нового сербского населения, будь то путем мирного соглашения, будь то путем войны; это было бы непрактично, невыгодно для самой монархии и, конечно, встретило бы противодействие со стороны Европы. От Сербии следует настойчиво требовать отозвания ее войск с албанской территории, если это не подействует, можно послать ультиматум, можно действовать дипломатическим путем и даже, в случае необходимости, военным. Но ни в коем случае сербская территория не должна быть аннексирована. Тисса надеялся, что антиавстрийская балканская группа—Сербия, Черногория, Румыния и Греция—может быть парализована привлечением Турции и Болгарии, которые были накануне заключения между собой соглашения.

Такая дипломатическая перегруппировка восстановит благоприятное равновесие держав на Балканах, параллельное европейскому равновесию держав между Тройственным союзом и Тройственным согласием. Таким путем будет избегнуто финансовое напряжение, вызываемое значительным увеличением австро-венгерской армии, против чего он в качестве венгерского премьер-министра возражал. Короче говоря, программа Тиссы заключалась в следующем: восстановить утерянный австрийский престиж путем дипломатического поражения, но не территориального раздела Сербии, и избежать, если возможно, войны. В случае, если Австрии придется прибегнуть к мобилизации, она должна стараться избежать войны, если только Сербия уступит в последнюю минуту и согласится уплатить издержки по мобилизации[2].

В отличие от прямолинейной программы Конрада о военном воздействии и программы графа Тиссы о дипломатическом выступлении граф Берхтольд, министр иностранных дел, не имел определенного мнения о том, что нужно делать.

Никогда еще столь беспомощный и некомпетентный человек не был призван занимать столь ответственный пост в минуту опасности.

Он взвешивал за и против, колеблясь боязливо и неуверенно между двумя противоборствующими влияниями. Он не решался на военное

[1] Conrad, III, 442 и сл., 461, 465 и сл., 724—746.

[2] Ibid., 461, 464—466, 727—730, 735—741. Это предвосхищало меморандум Тиссы 1914 г., требовавший дипломатических маневров на Балканах, равно как его начальную позицию в июле 1914 г.

выступление против Сербии из опасения, что Германия и Италия не поддержат его. Он боялся также опасности русского вмешательства. Он понимал, как трудно убедить Франца-Иосифа одобрить войну, и знал, что Франц-Фердинанд будет возражать против этого. Наконец, он склонился к мысли, что в данный момент можно сделать некоторые уступки Сербии в вопросе об албанской границе, а что военные приготовления могут быть отложены на будущее в надежде, что тем временем улучшится общая дипломатическая ситуация[1].

В результате дискуссии никакого определенного решения принято не было, исключая принятия предложения относительно финансовой стороны вопроса и незначительного увеличения армии, с представлением его на утверждение делегациям в ноябре того же года. Несмотря на тот факт, что сербы сожгли несколько деревень и убивали албанцев по соседству с Диброй, так что население бежало на побережье[2], Берхтольд удовлетворился 12 октября «дружескими требованиями», обращенными к Сербии, вывести ее войска из Албании и проявить уважение к решениям лондонской конференции, назначив для этого срок, который Сербия может определить сама. Сазонов и Пишон также советовали Пашичу теперь же увести свои войска, о чем мы читаем в докладе Сазонова царю двумя неделями позже.

> «Мое пребывание в Париже совпало с новым обострением австро-сербских отношений вследствие занятия сербскими отрядами некоторых стратегических пунктов на албанской территории. Из-за опасения, что Австрия обнаружит желание одержать легкую дипломатическую победу в этом деле, Пишон и я посоветовали сербскому посланнику [в Париже] довести до сведения его правительства, что было бы более желательно уступить дружескому совету России и Франции, чем ожидать угроз со стороны Австрии. Веснич вполне согласился с этим и сейчас же телеграфировал в этом духе в Белград... Пишон обещал мне употребить все свое влияние, чтобы сербский заем был размещен на парижской бирже»[3].

Но сербский премьер-министр не последовал этому доброму совету, возможно, потому, что он во-время не получил его, или еще вероятнее потому, что на него было оказано воздействие со стороны горячего панслависта Гартвига, русского посланника, и закулисное давление со стороны тайного общества сербских офицеров, известного под именем

---

[1] Conrad, III, 463, 466, 724 — 729, 735.

[2] Донесение французского консула в Скутари от 9 октября, «Affaires Balkaniques», III, 65. Несколькими неделями позже пограничная комиссия отмечала между Диброй и Призреном, что «почти все деревни целиком или частично сожжены сербами... Сербские пограничные посты выдвинуты на несколько километров за временную пограничную черту», G. P., XXXVI, 241.

[3] Доклад Сазонова царю от 24 октября 1913 г., L. N., II, 360; Stieve, III, 328. См. также Извольский – Нератову от 18 октября, «Материалы по истории франко-русских отношений», 430; L. N., II, 161; Stieve, II, 313, где Извольский говорит о решении французского правительства не задерживать далее заем «с целью облегчить Сербии сделать этот шаг» — удалить свои войска из Албании. Можно усомниться, однако, сделали ли французские деньги Сербию более уступчивой и миролюбивой. Пуанкаре (III, 306 и сл.) ничего не говорит о займе, по его словам, Веснич не послал свою телеграмму в Белград до 16 октября

«Черная рука»[1]. Наоборот, Пашич ответил Австрии, что уход сербских войск будет зависеть от обстановки, которая сложится в Албании, где состояние анархии угрожает безопасности ее собственных миролюбивых подданных. Он даже просил лондонскую конференцию пересмотреть ее прежнее решение и предоставить Сербии новые стратегические позиции. В то же время Черногория, которой как раз был представлен французским правительством новый заем[2], заняла албанскую территорию и собиралась издать приказ о мобилизации, направленной против народа, которому великие державы, повидимому, покровительствовали. Опять появились слухи, что Черногория находится накануне присоединения к Сербии в целях образования «Великой Сербии». Это расценивалось Веной как серьезное намерение Сербии, Черногории и Греции вновь занять несчастную страну и поставить бессильные державы перед новым fait accompli[3].

Между тем Берхтольд, информируя Германию о положении, настойчиво указывал, что существование Албании необходимо в качестве барьера против славянского продвижения к Адриатике, и заявлял, что дальнейшая уступчивость явится признанием своего бессилия со стороны Австрии. Вследствие этого он выражал «надежду, что Германия, которая сама заинтересована в задержании славянского потока, окажет энергичное моральное содействие Австрии в этом вопросе, потому что, насколько можно предвидеть, дело идет только о моральной поддержке, так как Россия и Франция не желают войны. Ввиду этого можно также надеяться, что и Сербия только блефирует»[4].

Берлинское министерство иностранных дел обещало просимую моральную поддержку и послало инструкции германским дипломатическим представителям поддержать усилия Австрии, направленные в сторону сохранения жизни Албании. Оно побуждало сэра Эдуарда Грея использовать его влияние в Белграде и на лондонской конференции, чтобы показать, что решения держав должны уважаться, причем оно добавляло, что «если предупреждения венского кабинета в Белграде будут оставлены без внимания, то следует опасаться, судя по форме и по содержанию представлений графа Берхтольда в Берлине, что Австрия

---

[1] «...Наконец, несомненно, что со времени прибытия Гартвига противодействие [требованиям Австрии] возросло». Griesinger, германский посланник в Белграде,—Бетману 17 октября; G. P., XXXVI, 396.

Из германских донесений (ibid., 397, 399, 415, 417) явствует, что Нератов, управлявший министерством иностранных дел в Петербурге во время отсутствия Сазонова, был запрошен Гартвигом и одобрил отрицательный ответ Пашича Австрии. Это находится в резком противоречии с указанной позицией Сазонова в Париже. Трудно сказать, говорил ли он действительно правду в своем докладе царю, или мы имеем здесь пример того, как русские министры проводили различную политику.

«Из разговоров с здешним [в Белграде] английским поверенным в делах, который обычно хорошо осведомлен и может также получить информацию из русской миссии, я узнал, что сербское правительство... было вынуждено попытаться настоять на пересмотре вопроса о границе под влиянием военной партии — под влиянием подпольного воздействия со стороны группы офицеров, известной здесь под названием «Црна рука» [«Черная рука»]. Донесение австрийского военного атташе в Белграде от 18 октября, Conrad, III, 475).

[2] 8 октября. «Affaires Balkaniques», III, 65.

[3] «Affaires Balkaniques», III, 66; Conrad, III, 462, 472 и сл.

[4] 15 октября, G. P., XXXVI, 384 и сл.

пойдет вперед самостоятельно»[1]. Но Грей находился в отсутствии до конца недели. Помощник его сэр Эдуард Кроу не решился что-либо предпринять. Его ответ был малоутешительным: он полагал, что вопрос касается лишь небольших стратегических позиций, которые заняты только временно; каждая пядь албанских территорий, разумеется, должна быть освобождена от войск, и Англия будет сотрудничать в этом деле; но он не думал, чтобы Грей стоял за немедленное требование от сербов эвакуации или указание срока этой эвакуации[2].

Внезапно, в ночь с 17 на 18 октября, Берхтольд, ободренный моральной поддержкой Германии и находясь под влиянием последних донесений относительно Албании, послал ультиматум Белграду, но ничего не сообщил об этом в Берлин. Он требовал, чтобы Сербия сохраняла неприкосновенность албанской территории и вывела свои войска в течение восьми дней, «иначе Австрия, к сожалению, будет вынуждена прибегнуть к собственным мерам, чтобы добиться осуществления своих требований»[3].

Неожиданное проявление Берхтольдом решительности и энергии повергло в изумление всю Европу. Сазонову оно причинило много огорчения, ибо, по его словам, он предвидел, что Австрия одерживала здесь легкую победу. Но он не без оснований сетовал на «политику сюрпризов» Берхтольда, которой не могли помешать ее союзники. «Поскольку Австрия предварительно запрашивает вас (т. е. Германию.—Ред.) раньше, чем предпринимать важное решение, я совершенно спокоен,—говорил он.—Но, к несчастью, в этом нет уверенности, как показывает последний инцидент. Австрия всегда ставит своих союзников перед совершившимся фактом, а затем последние вынуждены выполнять союзный долг»[4]. В Белграде Пашич и Гартвиг узнали об этом

---

[1] Цоммерман — Лихновскому 16 октября; G. P., XXXVI, 389; ср. также стр. 384—389. Кайзер, находившийся вне Берлина, был осведомлен о планах, предпринятых мин. ин. дел, и горячо их одобрил. Но не его одобрение и не замечание Конраду (III, 470) на празднования столетия Лейпцигской битвы, что терпение имеет пределы и что Австрия должна скоро взяться за оружие, побудили Берхтольда послать ультиматум Сербии, т. к. он еще об этом не знал при посылке ультиматума. Относительно ошибок Г. Каппера в том вопросе см. наши разъяснения в Amer. Hist. Rev., XXXII, 317 и сл., 944 и сл. (янв. и июль 1927 г.). Несколькими неделями раньше кайзер одобрил мысль Конрада о мирной инкорпорации Сербии в состав двуединой монархии, подобно Баварии в Германской империи, предпочтительно перед военным выступлением Австрии выгоднее, чтобы Австро-Венгрия соединялась с Сербией в одно целое, вместо того, чтобы иметь на своей южной границе славянские государства, всегда готовые напасть на нее с тыла (Конрад, III, 431). Но после последних событий, на докладе немецкого представителя в Вене, «что твердая позиция Германии, в которой Берхтольд никогда не сомневался, укрепляет его уверенность, что Сербия подчинится в указанный срок и не доведет дело до крайности». Кайзер сделал пометку: «об этом следует пожалеть. Теперь или никогда! Надо, наконец, установить порядок и спокойствие в этом конце» (G. P., XXXXVI, 399).

[2] Кюльман — Бетману 18 октября; G. P., XXXVI, 394.

[3] Нота сербскому правительству 12 ч. пополуночи 18 октября 1913 г., Conrad, III, 473, 747; G. P., XXXVI, 394—402. На условном дипломатическом языке этот ультиматум был назван «нотой с указанием срока» [befristete Note], так же, как роковая нота от 23 июля 1914 г. (как будет указано ниже, т. II, гл. V), но фактически, по существу, это был ультиматум.

[4] Лудиус, германский поверенный в делах в Петербурге,—Бетману 28 октября 191 г. G. P., XXXVI, 420. Относительно «полного изумления» и раздражения Петрова см. ibid., 399, 409; ср. также доклад Сазонова царю от 6 ноября 1913 г.

ультиматуме с негодованием и испугом, в особенности потому, что вскоре со стороны всех великих держав, внезапно вспомнивших о возможности серьезных осложнений, последовало строгое предупреждение, что Сербия должна уважать решения лондонской конференции. Даже Румыния присоединила свое предостережение. Тогда Сербия решила пока уступить и отдала приказ об эвакуации занятой албанской территории.

«Я делаю это,—сказал сербский премьер Пашич,—не под давлением Австрии, но ввиду дружеского совета России»[1].

Эти происшедшие в 1913 г. в связи с албанскими делами события помогают понять образ действий Австрии в июле 1914 г., когда она стала жертвой еще большей провокации. Решения лондонской конференции, с австрийской точки зрения, дали немного или ничего, не считая разочарований и иллюзий. Ее проволочки и неспособность оградить албанские интересы, нарушенные черногорцами в Скутари и сербами в Дибре, объясняют до некоторой степени, почему Австрия совершенно не желала после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево представить свои претензии к Сербии на рассмотрение новой конференции держав. «Лондонская конференция оставила по себе столь ужасную память, что общественное мнение всех стран не допустит повторения подобного зрелища»[2].

С другой стороны, когда Австрия действовала быстро и энергично на свой собственный риск, посылая свой решительный ультиматум, Сербия выполняла ее требования немедленно. Россия не вмешалась, и венское министерство иностранных дел достигло своей ближайшей цели. Другим фактором в балканской ситуации, который был чреват опасностью для Австро-Венгрии и все более и более вырисовывался после балканских войн, была та перемена, которая происходила в Румынии.

РУМЫНСКАЯ ЗАГАДКА

Весьма секретный договор 1883 г., по которому Румыния присоединилась к Тройственному союзу держав, все время возобновлялся, в последний раз 5 февраля 1913 г.[3].

В самые первые годы существования договора Австрия и Германия не имели серьезных опасений насчет того, что Румыния когда-либо уклонится от выполнения своих союзных обязательств. Король Карл,

---

[1] Дюмэн — Пишону 21 октября 1913 г., «Affaires Balkaniques III, 70; ср. также ibid. III, 67 — 72; G. P., XXXVI, 401 — 422; Conrad, III, 474,, и доклад Сазонова царю 24 октября/16 ноября 1913 г., L. N., II,360 и сл., и Stieve, III, 328 и сл.

[2] Замечание Белинского в заседании совета министров 31 июля 1914 г., A. R. B. III, 79.

[3] См выше, гл. II, стр. 88 и сл.; Pribram, I, 29 — 34, 69 — 77, 85 — 90, 107. 200, 245 и сл.; G. P., III, 261 — 282, VII, 149 — 187, XI, 301 — 307, XXXVIII, 649 — 680, XXVII, 195 — 235, XXX, 581 — 593. Хотя возобновление австро-румынского договора состоялось 5 февраля 1913 г. (Германия присоединилась к нему 26 февраля, а Италия 5 марта), король Карл медлил целую неделю с его ратификацией, ссылаясь на опасения министерского кризиса и «на нежелание дать подписать его различным министрам». Его действительным мотивом было путем отсрочки ратификации и угрозой «новой ориентации румынской политики», т. е. отхода от Тройственного союза, побудить Австрию к более энергичной поддержке румынских притязаний на Силистрию против Болгарии, G. P. XXXIV, 337, 37 и сл., 364.

Гогенцоллерн, воспитанный в Германии и всем своим существом симпатизировавший германской ориентации, всеми считался честным, прямым человеком, чья личная лойяльность не подвергалась сомнению до самой его смерти в октябре 1914 г. Казалось также, что и собственные интересы Румынии обеспечивают ее привязанность к Тройственному союзу: это гарантировало маленькое балканское государство от опасности захватов со стороны России при продвижении ее к Константинополю и от нападения со стороны Болгарии или Турции в целях отвоевания Добруджи.

Однако в 1914 г. положение радикально изменилось. Король Карл попрежнему оставался лойяльным. Но настроение румынского народа изменилось настолько, что Австрия и в некоторой мере Германия начинали серьезно опасаться, достаточно ли велик личный престиж короля Карла, чтобы вести за собой свою страну. В конце концов он был только конституционным монархом. В стране с парламентским, демократическим режимом австрофобское настроение среди народных масс могло взять верх над личными симпатиями монарха.

Три фактора вызывали среди румын враждебное отношение к Австрии, грозившее существованию союза: 1) политика мадьяр по отношению к Трансильвании; 2) австрийская политика по отношению к Болгарии и 3) русско-сербские усилия оторвать Румынию от Тройственного союза и привлечь ее на сторону Тройственного согласия.

За первый из этих двух факторов было главным образом ответственно венгерское дворянство. Чтобы удержать господствующее положение, которое оно занимало со времени средних веков, оно упорно отказывалось даже в начале XX века дать действительно демократическое избирательное право венгерским подданным, румынам и славянам. Румынам в Трансильвании было отказано в соответствующем их численности количестве мест в венгерской палате депутатов, а их национальные требования в вопросе о языке и в школьном вопросе безрассудно отвергались. Эта вызывающая политика лишения политических прав, естественно, вызывала озлобление и порождала ирредентистские стремления у румын по обе стороны Карпатских гор.

Другим фактором, озлобившим румынский народ и угрожавшим переходом Румынии из лагеря Тройственного союза в лагерь Тройственного согласия, являлась позиция Австрии в болгаро-румынском конфликте, возникшем в результате первой балканской войны.

Благодаря своим поразительным победам над Турцией в первые недели войны, Болгария, Сербия и Греция захватили обширные территории, которые широко раздвинули их границы и весьма увеличили их престиж, могущество и население. Румыния в это время сохраняла благородный нейтралитет, оставаясь в мирных отношениях с Турцией, между тем как ее соперники чрезвычайно выросли. Она одна не расширила своих границ во время первой балканской войны. Она одна не освободила и не аннексировала подъяремных народов, взывавших об освобождении. Поэтому весной 1913 г. ее население охватил новый прилив ирредентистского национализма и негодования. Народ требовал от румынского кабинета сделать что-нибудь для восстановления равновесия держав на Балканах, которое существовало со времени берлинского трактата 1878 г., но ныне было совершенно нарушено к невыгоде Румынии.

Румынские газеты горячо жаловались на ошибочную «политику скрещенных рук»; по их мнению, король Карл должен был вмешаться, когда болгарские армии были связаны под Адрианополем и Константинополем, и настаивать, чтобы Болгария уступила ему Силистро-балчикский округ к югу от Добруджи в качестве «компенсации» за румынский благожелательный нейтралитет. Вместо проведения активной, выгодной для себя политики подобного рода, Румыния оставалась в выжидательной позиции, рассчитывая на благородство Болгарии и на благожелательное давление со стороны великих держав, чтобы получить такие «компенсации». Но обе ее надежды были обмануты. В первые месяцы балканской войны Болгария упрямо оставалась глухой к заявлениям Таке Ионеску относительно «справедливых компенсаций». И когда вопрос в конце концов был передан на решение великих держав на петербургской конференции в марте 1913 г., Румыния не получила того, что она имела право ожидать, по мнению своих националистов [1].

Именно в связи с этими переговорами относительно «компенсации» у румынских министров и в общественном мнении происходил все более определенный поворот против Австро-Венгрии. Австрию подозревали (и справедливо) в том, что она недостаточно поддерживает союзную Румынию в ее притязаниях к Болгарии на Силистрию и на территорию к югу от Добруджи. Министры короля Карла не только требовали эту территорию, но настаивали на том, что престиж Румынии обязывает Австрию проявить столько же энергии для получения Силистрии Румынией, как для противодействия сербскому продвижению к Адриатике. Позицией Германии румыны были довольны. Хотя Германия дала им полезный совет оставить в стороне вопрос о престиже, удовольствоваться скромными компенсациями и не слушать уговоров России, которая не ударит для них палец о палец, как только достигнет своей цели — отрыва ее от союзников,—Германия твердо поддерживала требования Румынии [2]. Но не такова была, по их предположениям, политика Австрии. «Здесь особенно негодуют против Австро-Венгрии, потому что ее поддержка (Румынии) в сравнении с той, какую оказала Россия Болгарии, слишком слаба, чтобы привести к какому-нибудь благоприятному результату. Возбуждение было уже настолько сильно, что король Карл в очень скором времени вынужден будет принять серьезное решение. Это может быть: или война с Болгарией, или мир, но мир с призывом к власти руссофильского министерства, что означало бы изменение политического курса Румынии, до сих пор дружественного Тройственному союзу, и вступление ее на путь зависимости от Тройственного согласия» [3].

Австрию подозревали в том, что «она более болгарская, чем сами болгары». Когда, наконец, Румыния пригрозила мобилизацией против

---

[1] «Affaires Balkaniques», II, 30—35, 40—42, 56, 60 и сл., 67, 70 и сл., 74—81, 83—90, 93—109, 130 и сл., 137, 154 и сл., 229 и сл., 236—248, 253, 256, 263, 280; Conrad, III, 26, 33 и сл., 39—56, 74 и сл., 103, и сл., 129—131, 140 и сл., 204 и сл., 305 и сл., 335—339, 365 и сл., 381 и сл.; G. P., XXXIV, 245 и сл., 301 и сл., 337 и сл., 357 и сл., 418 и сл., 575 и сл., XXXV, 115 и сл., XXXIX, 483 и сл.

[2] См. ниже примечания на страницах 342—343.

[3] Поминковский—Конраду, цитируя румынского военного атташе в Константинополе, 28 января 1913 г.; Conrad, III, 39 и сл.

Болгарии, чтобы получить желаемую территорию, Австрия попыталась удержать ее. Князь Фюрстенберг, австрийский посланник в Бухаресте, предостерег короля Карла, что румынское нападение на Болгарию совершенно противоречит австрийской политике и что, если Румыния будет настаивать на своем, Австрия может эвентуально вмешаться; король Карл должен сохранять добрые отношения с Болгарией, потому что иначе он будет играть в руку русским панславистам [1].

Эти попытки Австрии воздействовать на короля Карла еще более ослабили влияние короля и отдалили его от народа. «Король Карл следует австрийскому совету о мире в болгарских интересах»,—говорилось повсюду. Всеобщее возбуждение настолько усилилось, что король в конце концов уступил общественному мнению. Он присоединился к Сербии и Греции во вторую балканскую войну против Болгарии и получил желанные «компенсации»—значительный кусок болгарской территории к югу от Добруджи, простирающийся от Силистрии на Дунае до Констанцы на Черном море. Националистические притязания и ирредентистские вожделения румын только разгорелись от этой короткой и удачной войны. Но, как говорит французская пословица, аппетит приходит во время еды. В результате Австро-Венгрия очутилась перед серьезной угрозой «великорумынского» движения, которое ставило себе целью окончательный отрыв от нее румын в Трансильвании, подобно тому, как «великосербская» пропаганда ставила себе целью отрыв сербов Боснии и других частей двуединой монархии.

В ноябре 1913 г. румынский министр дал понять Франции, что старая дружба с Австрией представляет теперь «только тень» в глазах общественного мнения, которое открыто желает сближения с Россией; вопрос о румынах в Трансильвании стал единственно важным» [2]. И в декабре сам король Карл признался австрийскому посланнику в Бухаресте, что общественное мнение таково, что «к его великому сожалению, он не чувствует себя в состоянии гарантировать выполнение существующего секретного договора между Румынией и двуединой монархией» [3].

В результате своей двойственной и легкомысленной политики, претендовавшей оказывать поддержку двум государствам, со столь противоположными интересами, как Румыния и Болгария, Берхтольд оказался между двух стульев. Он утратил доверие и доброе отношение одной раньше, чем приобрел расположение другой. Это «дезертирство» Румынии явилось одним из наиболее важных событий во внешней политике Австрии весною 1914 г. Сербский вопрос привлекал значительно большее внимание со стороны писателей потому, что он в конце концов послужил поводом к мировой войне; но после него ничто не заставляло так серьезно задумываться людей на Бальплаце в месяцы, предшествовавшие войне, как румынский вопрос. Этот короткий обзор румынского вопроса поможет также уяснить некоторые другие темные пункты,

---

[1] Conrad, III, 335—338; Jonescu, Origins of the War, 25; G. P., XXXIV, 843, 873 и сл., XXXIX, 434 и сл., 504 и сл., 512.

[2] «Affaires Balkaniques», III, 74.

[3] Австрийский военный атташе в Бухаресте—Конраду от 12 декабря 1913 г. Conrad, III, 496; см. также G. P., XXXIX. 464 и сл. и Alexander Hoyos, Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Oesterreich Ungarns, Berlin 1922, 36 и сл.

как например противоречия в политике Вены, колебания и ошибки Берхтольда, австро-германские трения и свидание в Конопиште императора Вильгельма с Францем-Фердинандом, вокруг которого возникло столько таинственных легенд.

Между тем Россия старалась воспользоваться положением, чтобы привлечь Румынию на сторону Тройственного согласия и образовать новую балканскую группировку под русским покровительством, вместо той, которая была уничтожена во вторую балканскую войну; несмотря на то, что под властью царя находилось румынское население в Бессарабии, русские посланники в Бухаресте рассчитывали отвести румынские ирредентистские притязания от Бессарабии на Трансильванию. Россия искусно использовала свое влияние в пользу Румынии, обеспечив для нее «компенсации» в Бухарестском договоре [1]. Румыны с благодарностью отметили, что вместо «вероломного» усилия Австрии добиться пересмотра договора Россия в конце концов присоединилась к Германии, чтобы помешать этому пересмотру.

Стремление России привлечь Румынию являлось одной из составных частей ее подготовки к общей европейской войне. Это хорошо видно из секретного доклада Сазонова царю в декабре 1913 г.:

«...Повторяя высказанное пожелание о возможно более длительном поддержании status quo, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений. Последние, если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможном, но далеко необеспеченном союзе с Англией, или же при доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае общеевропейских осложнений, могли бы рассчитывать на Сербию, а, может быть, и на Румынию. Отсюда выясняется задача нашей дипломатии—создавать условия для возможно большего сближения с Румынией. Работа в этом направлении должна быть столь же постоянной, сколь и осторожной и чуждой излишних увлечений. Положение Румынии на Балканах во многом схоже с положением Италии в Европе. Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточно сил, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне.

В неустойчивости нынешнего положения на Балканах два фактора играют главную роль: первый из них—это Австро-Венгрия, в которой усилилось национальное движение, вследствие успехов сербов и румын и благодаря влиянию этих успехов на их единоплеменников в пределах габсбургской монархии; второй фактор—это невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями Бухарестского договора» [2].

---

[1] G. P., XXXIX, 433 и сл., 445 и сл., 464 и сл. Ср. также Извольский—Сазонову от 1/14 августа 1913 г.; поздравляя его с успехом его политики в Бухаресте, Извольский заявил: «Вашим дипломатическим chef d'oeuvre было отделение Румынии от Австрии, о котором я всегда мечтал, на которое я не был способен или не знал, как его достичь». «Материалы франко-русских отношений», 408; L. N., II, 133; III, 243.

[2] Секретный доклад Сазонова Николаю II 23/XI, 6/XII 1913 г.; Адамов, Константинополь и проливы, 74 и сл.; L. N., II, 371 и сл.; Stieve. III, 382.

Отчасти такой политикой Сазонова объясняется то, что когда новый русский посланник прибыл в Бухарест в январе 1914 г., он был встречен чрезвычайно тепло в правительственных кругах:

«Мне без конца выражались чувства искренней дружбы к России. Я встретил такой же прием и в здешнем обществе. Я говорил с прежними министрами, сенаторами, депутатами и с различными руководителями румынской армии. По моему мнению, все это согласуется с тем фактом, который уже был отмечен моим предшественником и также отмечается моими французскими и английскими коллегами, что здесь произошла важная и, может быть, решительная перемена в общественном мнении в пользу России. События последнего года, которые внушают Румынии и прежде всего ее военным руководителям доверие к своим собственным силам, равным образом увеличивают притязания ирредентистов. Последние направлены не столько против России, сколько против Трансильвании с ее трехмиллионным румынским населением. Это обстоятельство также, естественно, ведет к увеличению симпатии Румынии по отношению к России»[1].

В начале 1914 г. Россия предприняла новые шаги, чтобы привлечь Румынию. Она выдвинула идею сербо-греко-румынского союза, который, преследуя внешне мирные цели и сохранение status quo на Балканах, мог бы быть использован Россией для разрешения вопроса о проливах во время «европейских осложнений». Это совпадало также с политикой России оказывать поддержку Сербии против Австрии. Чтобы добиться осуществления этой комбинации, Сазонов имел длительные собеседования с сербским и греческим премьерами, Пашичем в Венизелосом, в феврале 1914 г.[2]. Пашич имел также ободривший его многозначительный разговор с царем, о котором он оставил интересный рассказ:

«Аудиенция длилась целый час. Царь принял меня в своем кабинете. Когда я вошел, царь находился уже там и при моем приходе пошел навстречу ко мне к двери, пожал мне руку, не ожидая моего приветствия, и пригласил меня сесть... Я изложил содержание сербской политики, которая заключается в том, что Сербия стремится к сохранению мира на Балканах и что новые осложнения должны быть избегнуты, поскольку Сербия нуждается в мире для своего укрепления и для того, чтобы она могла заново вооружиться для борьбы за сербские национальные интересы. Я указал также на те трудности, которые встречает Сербия на пути к проведению своей миролюбивой политики. Болгария, Турция и Австрия чувствуют себя неудовлетворенными: Турция—потому, что она проиграла войну с балканскими государствами; Болгария—потому, что она ничего не удержала и не приобрела из того, что она желала,

---

[1] Поклевский-Козелл, русский посланник в Бухаресте, Сазонову 11/24 января 1914 г. Siebert-Schreiner, 436.

[2] Дульсе, поверенный в делах в Петербурге, Думергу 5 февраля 1914 г.: «Венизелос произвел прекрасное впечатление... [Сазонов] вынес впечатление, что между Грецией и Сербией существует самое тесное соглашение против любого нападения со стороны турок; с Румынией связи менее тесны, но визит Венизелоса в Бухарест имеет целью укрепить их», «Affaires Balkaniques», III, 112

(а Австрия—потому, что она потеряла надежду на продвижение к Салоникам.

На это царь ответил:

«Мы питаем доверие к новому румынскому правительству [Братиану] и думаем, что оно будет связано с Россией теснейшим образом». Он не думает, что дело зайдет так далеко, что возникнет угроза Бухарестскому миру... Я воспользовался случаем заметить, что во время моего пребывания в Бухаресте я имел беседу с Братиану и что Братиану весьма восторженно относился к мысли о союзе с Грецией и Сербией. Я отметил также, что намереваюсь возвратиться домой через Бухарест, чтобы посмотреть, сохранил ли Братиану прежнее расположение и те взгляды, которые он высказал мне, когда я был в Бухаресте. Царь сказал, что это было бы очень хорошо и что Румыния имеет 3½ млн. соотечественников в Австро-Венгрии, которые стремятся воссоединиться с Румынией. На это я ответил ему, что трансильванские румыны лучшие националисты, чем румыны в Румынии...

Я навел разговор на то, что Австрия отпускает оружие Болгарии, что она снабдила ее оружием и снаряжением из своих складов и что Болгария получила также пушки. И снова царь добавил, что и Германия поддерживает Болгарию. Я просил, чтобы Россия подобным же образом помогала нам и выдала нам из своих складов 120 тыс. винтовок и снаряжение, а также некоторое количество пушек, в особенности гаубиц, если их возможно уступить, потому что турки задержали партию наших тяжелых орудий, когда они были в дороге, непосредственно перед войной. Царь спросил меня, говорил ли я по этому поводу с кем-нибудь из русских министров. Я ответил, что говорил с военным министром Сухомлиновым и с Сазоновым и что военный министр сказал, что это можно устроить, если русская политика позволит это. И здесь я воспользовался случаем, чтобы сказать царю, как рады мы, что Россия вооружается столь совершенным образом; это внушает нам чувство безопасности и надежду на лучшее будущее. Царь ответил, что многое сделано и будет сделано еще больше. По этой причине русские заводы не могут принять на себя приготовления оружия для нас [1]. Это дало мне случай сказать царю, что немедленно по возвращении из Царского села я передам Сазонову список того, в чем мы нуждаемся. Он ответил, что это будет хорошо, потому что он примет Сазонова завтра и посмотрит, в чем мы нуждаемся. Он сделает все возможное, чтобы облегчить наше положение. Он спросил меня, в чем мы нуждаемся. Я сказал: мы нуждаемся в том, что я отметил на листке, который я приготовил для Сазонова [2]...

Царь спросил, сколько сербо-кроатов живет в Австро-Венгрии и каковы теперь их надежды и стремления. Я ответил, что около 6 млн., и сказал ему, где они живут. Я также рассказал ему о словенцах, которые также тяготеют к сербо-кроатам и воспримут

[1] [Так в переводе Фея, а также в немецком переводе, опубликованном Богичевичем — «Die Auswärtige Politik Serbiens», 1903—1904, I, 417.—*Прим. ред.*]

[2] [Фей перередактировал эту последнюю фразу; мы даем ее по первоначальному тексту, ibid., 418. — *Прим. ред.*]

сербо-кроатский язык ввиду того, что их наречие несовершенно и что они издавна потеряли свою национальную независимость. Затем я сказал ему, что как раз в это время в Петербург прибыл один словенец, который работает над созданием Югославского банка и стремится привлечь к осуществлению своего проекта русские банки. Это было очень приятно царю, и он сказал, что весьма необходимо, чтобы русские банки относились с большим интересом к славянским странам, и что будет очень хорошо, если Грибарь успешно выполнит свою миссию.

Затем я сказал царю, какая большая перемена произошла в настроении славян, населяющих Австро-Венгрию,—как много имеется там последователей Старцевича, которые раньше ожидали избавления от Австрии, но теперь поняли, что это избавление может притти к ним только от России или Сербии и что они с нетерпением ждут случая, чтобы видеть свои желания исполненными. Я сказал ему, что за каждую винтовку, которую мы получим, мы будем иметь от этих стран по солдату, чтобы выполнить это... Он спросил, сколько солдат Сербия может выставить в поле. Сербия,—сказал царь,—удивила весь мир, когда она поставила под ружье 400 тыс. человек. Я ответил: мы думаем, что мы можем послать в поле полмиллиона хорошо одетых и вооруженных солдат. «Это достаточно; это не безделица; с этим можно пойти далеко» [сказал царь].

Затем мы говорили о необходимости укреплять союз с Грецией, так как помимо других соображений мы сможем этим путем обеспечить наш ввоз и вывоз. В дальнейшем мы должны стремиться достичь союза с Румынией на более широкой основе, а не только на основе сохранения Бухарестского договора...

[Пашич затем просил царя разрешить брак между сербским наследным принцем и русской великой княжной. Царь, улыбаясь, ответил, что не имеет возражений, но что он следует принципу предоставлять своим детям свободу выбора.]

Прощаясь со мной, царь проводил меня до двери и особенно настойчиво просил меня передать его приветствие королю не только от него самого, но также и от царицы и от его семьи, и пожелать ему доброго здоровия: «Для Сербии мы сделаем все; приветствуйте короля от меня и скажите ему [по-русски]: для Сербии мы сделаем все»[1].

Таким образом следует отметить, что, высказывая царю свое желание сохранить мир, Пашич просил «сто двадцать тысяч винтовок, снаряжения и некоторое количество пушек»; он говорил о славянах в Австро-Венгрии, «которые теперь понимают, что их избавление может притти только от России и Сербии и у которых недостает терпения ждать»; и он указывал на необходимость союза с Румынией «не на одной только основе сохранения Бухарестского договора», но и с видами на «три с половиной миллиона трансильванских румын, которые являются лучшими националистами, чем румыны в Румынии».

---

[1] Донесение Пашича об его аудиенции у царя 2 февраля 1914 г.: Boghitchevitch, I, 70—75; «Deutschland Schuldig?», 130—136.

[Boghitchevitch, Die Auswärtige Politik Serbiens, 1903—1914, I, 414—421.—*Прим. ред.*]

Изложив свои действительные пожелания царю, он отправился затем с Венизелосом в румынскую столицу. Об их визите тогда же доносил Конраду в Вену австрийский военный атташе в Бухаресте:

«Премьеры Пашич и Венизелос провели вместе в Бухаресте два дня, весьма довольные своим визитом, как они оба говорят, и сегодня вместе отправились в обратное путешествие в Белград и Афины. Как говорят, их визит касался мероприятий на случай, если какое-нибудь другое государство будет угрожать нарушить силой условия Бухарестского мира. Пашич исходит из определенного предположения, что Турция и Болгария заключили конвенцию, направленную против Сербии и Греции, и что несомненно наличие этой конвенции требует, чтобы эти два государства и Румыния объединились. Результатом здешнего совещания, согласно моей информации, явилась полная согласованность во взглядах относительно будущей позиции трех государств, хотя Румыния не приняла на себя связывающих ее обязательств... Несомненно Россия стремится к созданию нового балканского союза и работает в этом направлении с большой энергией»[1].

В качестве нового звена, связывающего Россию и Румынию, явилось приглашение царем наследного принца с его женой и сыном, принцем Карлом, посетить Россию. Они отправились 27 марта 1914 г. и пробыли три недели. Как думали, одной из целей этого путешествия было устройство брака между принцем Карлом и одной из царских дочерей. Подобный брак, очевидно, значительно упрочил бы тесные отношения между Бухарестом и Петербургом и помог бы оторвать Румынию от Тройственного союза и направить ее в русло активной балканской политики Сазонова. Принц Карл, который должен был впоследствии стать правителем Румынии, не имел симпатий короля Карла к Германии и к Гогенцоллернам. Он воспитывался под влиянием г. Иорга, одного из наиболее горячих румынских националистов и враждебно настроенного по отношению к Австрии[2]. Визит имел такой успех, что в мае Сазонов сказал французскому и английскому послам, что хотя окончательно брак не устроен, но вторая царская дочь готова выйти замуж[3].

14 июня 1914 г. царь и царица в сопровождении Сазонова отдали визит румынскому двору. Когда они сошли на берег с императорской яхты в Констанце, солнце выглянуло из облаков после ряда дней непрерывного дождя и присоединило свое тепло и свет к приветствиям ликующей румынской толпы. Король Карл, одетый в форму русского

---

[1] Хранилович — Конраду 11 февраля 1914 г.; Conrad, III, 555. Что Хранилович был в основном прав, видно из донесений русского и французского посланников в Белграде; Гартвиг — Сазонову 11/24 февраля 1914 г.; Siebert-Schreiner, 140; Деско (Descos) — Думергу 11 февраля («Affaires Balkaniques», III, 113): «Пачу [управляющий министерством иностранных дел в Сербии] сказал мне, что, по сведениям из Бухареста, кабинет Братиану будет более решительным и более враждебным по отношению к Австрии, чем предшествовавшее министерство, и что Сербия совершенно уверена в Румынии».

[2] Conrad, III, 481 и сл., 494 и сл., 549 и сл., 633 и сл.; G. P., XXXIX, 456—474 и сл., 496. 501, 566.

[3] Адамов, Константинополь и проливы, I, 357, примечание 1. Мировая война помешала осуществлению этого брака

фельдмаршала, был сфотографирован со своими царственными гостями, и предприимчивая румынская пресса позаботилась о том, чтобы в наиболее отдаленных деревушках Трансильвании распространились сведения о царском визите, со всеми вытекающими отсюда преувеличенными надеждами на сотрудничество России с Румынией. Сазонов и Братиану отправились вместе совершить путешествие по Трансильвании. «Я услышал об этой бесталанной поездке лишь после того, как она была уже совершена,—пишет австрийский посланник граф Чернин,—но я разделяю изумление Берхтольда перед таким поступком»[1]. В частных политических беседах, которые Сазонов имел с Братиану, русский министр дал понять, что в европейской политической ситуации произошли чрезвычайно важные изменения и что Румыния поступит неплохо, «если поймет веления времени и прислушается к мудрым советам»[2].

В ответ на это Братиану заверил Сазонова, что «Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне, если только дело не коснется непосредственно ее собственных интересов». Не находя это дельфийское изречение достаточно ясным и желая добиться от него более определенного заявления, Сазонов откровенно задал Братиану многозначительный вопрос: «Какова будет позиция Румынии в случае вооруженного конфликта между Россией и Австро-Венгрией, если первая будет вынуждена обстоятельствами прибегнуть к вооруженному выступлению?» Братиану ответил, что «позиция Румынии в этом случае будет зависеть от обстоятельств, которые принудят Россию к вооруженному выступлению против Австро-Венгрии, а также от того, чего потребуют в данный момент интересы Румынии». Из этого разговора Сазонов вывел утешительное заключение, что «Румыния не связана каким-либо обязательством, которое вынуждало бы ее действовать с Австрией и против нас при всяких обстоятельствах, но действительно в случае войны между нами и Австро-Венгрией Румыния примет сторону того, кто будет наиболее сильным и сумеет обещать ей бо́льшие выгоды»[3].

Вена с возрастающим страхом и подозрениями взирала на признаки растущей близости между Бухарестом и Петербургом, точно так же как на образование сербо-греко-румынской комбинации, которая первоначально возникла на почве общей ненависти к Болгарии, но могла быть легко направлена против двуединой монархии. Как должна была Австрия отнестись к опасности, что Румыния может перейти на сторону Тройственного согласия?

Хотя барон Конрад и склонен был согласиться на мероприятия, направленные к тому, чтобы снова привлечь Румынию или заставить ее более определенно заявить о своей позиции за или против Австрии,

[1] Czernin, In the World War, 112.

[2] Lindenberg, König Karl von Rumänien, II, 240 и сл., 238 и сл. Линденберг пишет с теплым чувством о короле Карле и с некоторым раздражением против России. Он не цитирует документов, но повидимому имел доступ к переписке Карла и пользовался помощью самого Карла в работе, которая была почти завершена, когда разразилась война. Относительно свидания в Констанце по донесениям в Берлин см. G. P., XXXIX, 520 — 529.

[3] Диаманди рассказал свою версию о констанцском свидании в «Revue de deux Mondes». Janv. 1. 1928, 129 — 143.

тем не менее он включил в работу своего штаба планы кампании против Румынии. Он советовал построить оборонительные укрепления на румынской границе или, еще лучше, прибегнуть к превентивной войне против Сербии, которая устранила бы для Австрии раз навсегда великосербскую опасность и сделала бы ясным общее политическое положение[1]. Но его совету не последовали, так как император Франц-Иосиф, эрцгерцог Франц-Фердинанд, граф Тисса и германский император единогласно возражали против шагов, которые могли бы еще больше оттолкнуть Румынию[2].

Граф Берхтольд, как свойственно слабым и нерешительным людям, предпочитал «подождать и посмотреть»; он надеялся привлечь Румынию на свою сторону путем уступок. С этой целью Тисса предпринял переговоры, чтобы успокоить румын в Трансильвании; но благодаря эгоистическому упрямству мадьяр, с одной стороны, и чрезвычайной требовательности и озлоблению румын,—с другой, эти переговоры не привели ни к чему и были оставлены в конце марта 1914 г.[3]. В надежде вернуть расположение Румынии к Австрии Берхтольд послал графа Чернина в качестве посланника в Бухарест в октябре 1913 г. на место князя Фюрстенберга, который лично вызвал неудовольствие некоторых членов румынского кабинета. На Чернина смотрели как на persona gratissima в Бухаресте. Он являлся протеже Франца-Фердинанда и за несколько лет до этого написал брошюру, защищающую права угнетенных мадьярами национальностей. Он постарался ознакомиться с желаниями трансильванских румын. Прибыв в Бухарест, он счел нужным публично выразить надежду, что венгерское правительство пойдет на уступки в переговорах, которые вел тогда Тисса. Он усердно стремился выполнить инструкции Берхтольда и улучшить отношения между обеими странами, которые были формально союзниками, но фактически становились врагами. Но через несколько месяцев Чернин понял, что его миссия безнадежна. Он убедился, что король Карл совершенно одинок в своей симпатии к Тройственному союзу. Договоры, которые связывали его страну с Германией и Австрией, были настолько секретными, что они были известны только самому королю, премьеру Братиану и одному или двум другим лицам. Ни один из остальных министров не знал о них и не чувствовал себя связанным ими, так что часто случалось, что румынские дипломаты за границей работали в пользу Тройственного согласия. Король Карл чувствовал себя настолько слабым перед лицом общего румынского настроения, что признавался графу Чернину в декабре 1913 г., что «при существующих условиях он был бы не в состоянии выступить в войне на стороне Австрии»[4].

Таким образом граф Чернин пришел к убеждению, что оптимистическая политика ничегонеделания, которую практиковал Берхтольд, являлась безумием. Подобно Конраду, он также пришел к заключению, что надо предпринять нечто определенное.

---

1 Conrad, III, 404, 554, 626, 640—648.
2 G. P., XXXIX, 333 и сл., 358 и сл., 511, 515 и сл.
3 Conrad, III, 553, 556, 636. Относительно взглядов, высказанных Вильгельмом II и Францем-Фердинандом в Конопиште по румынскому вопросу, см. ниже том II, гл. I и G. P., XXXIX, 364—370.
4 Conrad, III, 634.

В марте 1914 г. он закончил одну из своих пессимистических депеш пророческим предостережением:

«Я считаю своим долгом привлечь ваше внимание к тому факту, что мы катимся здесь по наклонной плоскости с ужасающей быстротой и что нельзя терять времени. Закрывать глаза и предоставлять событиям итти так, как они идут здесь, было бы политикой страуса. Поэтому я должен самым энергичным образом заявить, и если нужно, готов повторить хоть сто раз, что австро-румынский (союзный) договор является не имеющим цены клочком бумаги. В случае войны Румыния не станет на сторону двуединой монархии. Настоящее положение весьма неблагоприятно для нас, поскольку оно нас связывает без всякой для нас выгоды. Пассивная политика колебания, желание плыть по течению, политика «laissez faire, laissez aller» не улучшит этого положения. Только ясное, положительное воздействие со стороны Австрии, только железная непоколебимая решимость принудить Румынию показать свое истинное лицо может отвратить в последний, двенадцатый час невообразимую катастрофу»[1].

Чернин предлагал несколько возможных планов действий, которые могли быть предприняты двуединой монархией. Одним из них была уступка Трансильвании Румынии при условии, что румынское королевство, увеличенное таким образом, будет включено в состав Габсбургской империи и займет положение, подобное положению Баварии в Германской империи. Чернин считал этот план желательным, но мало осуществимым. Что касается превентивной войны против Сербии, на которой настаивал Конрад, Чернин не принадлежал к числу тех, кто, подобно Тиссе, считал, что война с Сербией будет бесполезна и нежелательна потому, что Австро-Венгрия уже чересчур насыщена славянами. Конечно никто не желает, чтобы в двуединой монархии оказалось еще больше сербов, говорил он. Но после успешной войны против Сербии будет возможно использовать сербскую территорию для приобретения расположения других балканских государств; Греция и Болгария получили бы то, на что они рассчитывают в Македонии; Албания могла бы распространиться на Восток; а Румынии был бы отдан Тимокский округ—уголок северо-восточной Сербии, населенный отчасти румынами. Однако Чернин особенно настаивал на том, чтобы было выяснено, как обстоит дело с союзным договором. В настоящих условиях он не имеет никакой цены для Австрии, потому что король Карл больше не хозяин положения и может быть вынужден общественным мнением отказаться от союза или отречься от престола в случае, если русское нападение на Австрию поставит вопрос о casus foederis. Между тем у Австрии связаны руки договором, и она не может входить в дипломатические переговоры, которые задели бы интересы Румынии. Чтобы заставить Румынию высказаться открыто за или против Австрии, Чернин предлагал воспользоваться «нескромностью» газет, благодаря которой обнаружилось бы существование союза; тогда по тому, как румынское правительство опровергло бы справедливость газетного со-

[1] Заключительный абзац длинного замечательного донесения Берхтольду о положении в Румынии 11 марта 1914 г.; Konrad, III, 781 — 789; ср. также телеграмму Чернина от 2 апреля, ibid., 633 — 638.

общения, и по откликам на это общественного мнения можно было бы судить, на что может рассчитывать Австрия. Но Берхтольд отверг все эти предложения. Он лишь, скрепя сердце, дал полномочия Чернину тактично узнать у короля Карла, желает ли он, чтобы договор был опубликован. Но, как предвидел Чернин, король Карл деликатно избег разговора на эту тему. Берхтольд и его союзники так и остались в неизвестности, будет ли иметь силу договор во время кризиса или нет.

Другое предложение, по которому Австрия могла бы возместить возможную потерю Румынии, заключалось в том, чтобы Австрия последовала примеру России и образовала под своим покровительством Балканский союз, противопоставив его сербо-греко-румынскому союзу под покровительством России. Болгария и Турция, испытывая горечь недавних поражений и ища поддержки, могли бы быть привлечены Австрией и эвентуально включены в Тройственный союз, чтобы заменить собой «дезертировавшую Румынию». Другими словами, Австрия могла бы переместить ось своей балканской политики из Бухареста в Софию. Такая болгарофильская дипломатическая программа уже практиковалась Берхтольдом во время балканских войн, но она не имела успеха и вызвала серьезные разногласия между Веной и Берлином. Весной 1914 г. к ней снова возвратились в Вене, был подготовлен длинный меморандум для ее осуществления в тот момент, когда Франц-Фердинанд был убит в Сараево. Было еще одно серьезное затруднение: согласится ли Германия на такую программу своего австрийского союзника? В последнее время император Вильгельм становился большим грекофилом, поддерживая греческие притязания на Эгейские острова в ущерб турецким интересам [1]. Согласится ли он когда-либо покинуть такого Гогенцоллерна, как король Карл, которого он весьма уважал и которому доверял, и заменить его Фердинандом болгарским, к которому он чувствовал личную неприязнь и которому нигде не доверяли? Этот вопрос о перемещении оси балканской политики из Бухареста в Софию долго, но безрезультатно обсуждался между Берлином и Веной во время балканских войн и после них. Точно так же изложение его занимало большую часть рокового меморандума и личного письма Франца-Иосифа, которые были вручены австрийским послом Вильгельму II в Потсдаме 5 июля 1914 г., как об этом будет рассказано во II томе настоящей работы.

Эта румынская проблема являлась одним из тех многочисленных пунктов, по которым между германской и австрийской политикой существовали серьезные разногласия. Хотя отношения между Бухарестом и Веной становились все более натянутыми, отношения между Бухарестом и Берлином продолжали носить сердечный характер, и Германия много сделала для того, чтобы добиться от короля Карла и его народа лойяльности по отношению к Тройственному союзу. Эти узы были первоначально скреплены родством обоих Гогенцоллернов. Они были укреплены длительным пребыванием в Бухаресте Кидерлен-Вехтера, одного из способнейших германских дипломатов со времени Бисмарка.

---

1 Conrad, III, 644, 655 и сл. Относительно грекофильства кайзера см. выше, примечания на стр. 318—320 в связи с интригами по вопросу о Кавале 633—638.

Даже когда Кидерлен был призван в Берлин, чтобы руководить министерством иностранных дел в последние месяцы пребывания у власти Бюлова и в первые годы канцлерства Бетмана, он продолжал поддерживать тесные дружеские отношения, которые установились у него с королем Карлом и влиятельными румынскими политиками [1]. Братиану младший — вождь так называемой либеральной партии — в глубине сердца все больше и больше стремился перейти на сторону Тройственного согласия. Он воспитывался во Франции, посещал ежегодно Париж и, понятно, являлся франкофилом. Его франкофильские симпатии укреплялись политическим расчетом, относящимся еще к 1909 г., что Антанта должна представить в общеевропейской войне более прочную комбинацию, чем Тройственный союз и, следовательно, должна быть более желанной группой для присоединения Румынии [2]. Однако, несмотря на это, он заверял Кидерлена, что «он унаследовал от своего отца тот основной принцип, что дорога Румынии к Вене лежит через Берлин и что он твердо убежден, что все советы Берлина вполне отвечают румынским интересам» [3]. Он верен этому принципу, и Германия никогда не делала ничего такого, что могло бы поколебать его доверие.

Во время первой балканской войны, когда Румыния потребовала территориальных «компенсаций» от Болгарии, Германия признала ее требования законными. Берлин частным образом настаивал на разумной умеренности в Бухаресте и в Софии с целью предотвратить болгаро-румынскую войну, которая создала бы новые балканские осложнения и в дальнейшем угрожала бы миру Европы. Вместе с тем Германия усиленно использовала перед Петербургской конференцией и во время нее свое влияние для поддержки требований Румынии. Она отвергла все болгарофильские проекты Берхтольда относительно предоставления Болгарии Салоник, Самофракии или денег в качестве компенсации за уступку Силистрии Румынии; она опасалась, что подобная компенсация могла бы встретить недовольство со стороны Румынии и увеличить ее недоверие к Тройственному союзу, не говоря об иных возражениях [4].

Когда разразилась вторая балканская война и Румыния негодовала по адресу Берхтольда, подозревая его в болгарофильстве, Германия отказалась поддержать его в вопросе о давлении на Румынию, чтобы заставить ее остаться спокойной. Берлин сожалел об его плохо рассчитанном шаге, полагая, что он не будет иметь успеха и только усилит раздражение Румынии. Напротив, Германия признавала, что нападение Болгарии на Сербию являлось психологическим моментом для короля Карла, чтобы предъявить требования, которые отвергались Болгарией; Германия не могла принять на себя ответственности за совет Румынии пренебречь ее жизненными интересами для того, чтобы осуществить желание Австрии видеть сильную Болгарию в тылу у Сербии. Разочарование в Бухаресте было бы настолько сильным, что Румыния, конечно, перешла бы из лагеря Тройственного союза в лагерь Тройственного согласия. Рисковать потерять преданного союзника в лице короля

---

[1] Ср. Jäckh. Kiderlen-Wächter, I, 179—219; II, 161—237, passim.
[2] G. P., XXVII, 200.
[3] Ibid., 223.
[4] Ibid., XXXIV, 444 и сл., 456, 459 и сл., 520 и сл., 660 и сл., 674 и сл., 687 и сл., 820 и сл., 873 и сл.

Карла, из-за надежды приобрести вероломного друга в лице короля Фердинанда болгарского, было со стороны Австрии недальновидной политикой. Австрия делала ошибки, думая только о страхе перед Великой Сербией и забывая, что под ее властью живут не только славяне, но и румыны. Германия разделяла румынскую точку зрения: Австрия говорит, что она не может допустить возникновения Великой Сербии, но Румыния также не может допустить образования Великой Болгарии[1].

Берхтольд был настолько раздражен заботливостью, проявленной Германией по отношению к Румынии, что он трижды делал формальные представления в Берлин, протестуя против этого[2]. Но германский статс-секретарь Ягов, хотя разделял некоторые из его аргументов, замечал: «Да, но нам отнюдь не следует присоединяться ко всяким венским глупостям»[3]. В соответствии с этим, после того как король Карл мобилизовал свою армию и захватил у Болгарии силой Новую Добруджу, Германия помогла закрепить за ним новые территории, препятствуя австрийским и русским попыткам подвергнуть бухарестский договор пересмотру великими державами.

Это противоречие во взглядах между Берлином и Веной продолжалось в течение месяцев, последовавших за балканской войной. Бетман и кайзер возлагали еще свои надежды на румынскую лойяльность, в то время как Берхтольд и его советники склонялись к более тесным отношениям с Болгарией, поскольку Румыния казалась потерянной. Весной 1914 г. «дезертирство» Румынии казалось все более и более вероятным. Это было вызвано отчасти деятельными происками России и кампанией французских журналистов и профессоров, которые посещали Бухарест и читали там лекции, отчасти же мадьярскими насилиями над румынским населением в Трансильвании и подозрениями Австрии в болгарофильстве. Антиавстрийские демонстративные выступления шовинистической румынской «Лиги цивилизации» становились более шумными, а нападки румынской прессы—ожесточеннее. Антигабсбургская пьеса «Господин Нотари», написанная трансильванцем, была поставлена в национальном театре в Бухаресте. Она привела в исступление публику, которая отправилась к королевскому дворцу, распевая военные песни и крича: «Долой Австрию! Да здравствует Россия!» Король Карл искренне сожалел о происшедшем, но боялся снять пьесу с постановки, так как это не только не улучшило бы, но ухудшило бы дело[4]. Зимою он признался, что если антиавстрийские настроения будут продолжаться, то Румыния не сможет выступить вместе с Австрией в случае европейской войны; союзного договора для этого недоста-

[1] G. P., XXXV, 46 и сл., 61 и сл., 66 и сл.
[2] Ibid., XXXIV, 820 и сл., XXXV, 66 и сл., 115 и сл.
[3] Ibid., 824.
[4] Телеграммы Вальдгаузена, германского посланника в Бухаресте, январь — апрель 1914 г.; G. P., XXXIX, 471, 297. Эти телеграммы плохо согласуются с донесениями Черинна Берхтольду (2 апреля 1914 г., Conrad, III, 634), что Вальдгаузен не имел правильного представления о положении и является просто «человеком-фонографом», доверчиво передающим в Берлин все, что ему говорится румынскими министрами, которые во сто раз более искусны, чем он. Черинн, считавший себя необычайно хитрым, говорит о самом себе: «Братиану сообщил мне сегодня, что я являюсь его искренним другом, что он никогда не был в состоянии говорить с дипломатическим представителем так свободно, как со мной, и так далее. Я не так глуп, как он думает, и я не доверяю ему ни на йоту» (там же, 786).

точно; для этого нужна народная поддержка. Весною он сознавался, что его страна находится «в полном параксизме» и он не в силах противиться народной ненависти к Австрии [1].

Такое положение вещей очень беспокоило Берлин. Оно побудило кайзера сделать вопрос о румынской опасности главным предметом своих разговоров с Францем-Фердинандом и с австрийцами во время его визитов в Вену, Мирамар и Конопишт незадолго до сараевского убийства. Он надеялся, что граф Тисса, венгерский премьер, сделает уступки румынам в Трансильвании. Германия настаивала, чтобы не было предпринято ничего похожего на планы Конрада относительно укрепления карпатской границы, что, конечно, было бы с неудовольствием встречено в Бухаресте, или на план Чирина—сделать румынский договор достоянием гласности [2]. Но в общем Германия склонна была смотреть менее трагически на положение в Румынии, чем Австрия, и пыталась рассеять страхи последней. Она надеялась, что пароксизм пройдет и что Румыния вернется опять к своей традиционной лойяльности, если державы Тройственного союза не проявят слишком много беспокойства и нервозности. Возможно, что в случае европейской войны королю Карлу будет трудно выполнить свои договорные обязательства. Но даже если это так, то это еще далеко от активного участия на стороне врага, «не говоря уже о том, что трудно ожидать в близком будущем осложнений между великими державами» [3]. Будущее Румынии осталось трудной загадкой, увеличивавшей только балканскую неустойчивость, путаницу и интриги.

МИССИЯ ГЕНЕРАЛА ФОН САНДЕРСА

До настоящего момента мы рассматривали балканский вопрос главным образом с точки зрения противоположности интересов Австрии и России и национальных стремлений самих балканских государств. В конце 1913 г. назначение германского генерала Лимана фон Сандерса в Константинополь вызвало трения между Россией и Германией, которые, по многим причинам, заслуживают большего внимания, чем им отводилось до настоящего времени. Это был последний серьезный дипломатический кризис перед июльским кризисом 1914 г., так же как и тот, касавшийся престижа и влияния этих двух великих держав на Ближнем Востоке.

История с фон Сандерсом представляет яркий пример того, каким образом, при добром желании обеих сторон, может быть найден выход даже из критического положения; его удовлетворительное разрешение есть доказательство того, что войны не «неизбежны». В нашем распоряжении имеются все основные документы, относящиеся к этому вопросу [4], поэтому мы можем проследить действительный ход мыслей

[1] Вальдгаузен—Бетману 6 декабря 1913 г. и 30 марта 1914 г., G. P., XXXIX, 463, 481.

[2] G. P., XXXIX, 506, 511, 515 и сл.

[3] Ягов — Вальдгаузену 24 апреля 1914 г.; G. P., XXXIX, 505 и сл. Ср. также еще более пессимистические взгляды Вены относительно Румынии, ibid., 434—515, passim; Conrad, III, 549 — 563, 633 — 648, 781—789.

[4] «Материалы по истории франко-русских отношений» в части, касающейся России, дают достаточно полную переписку между Сазоновым и его дипломатическими пред-

Сазонова, со свойственной ему резкостью в выражениях, неустойчивостью и колебанием от оптимизма к пессимизму, страхом перед «общественным мнением» России и его опасной склонностью прибегать к военным угрозам как к средству добиться с помощью «блефа» дипломатической победы. Мы располагаем также материалами относительно борьбы мнений в кругу петербургского общества, а также тайной работы Тройственного союза и исключительно умеренной и компромиссной позиции Германии.

Сазонов был до крайности возмущен, когда в ноябре 1913 г. до него дошло сообщение, что германский генерал Лиман фон Сандерс должен занять пост командующего турецкими войсками в Константинополе.

С его точки зрения это был ловкий, не находящий себе оправдания и недопустимый шаг со стороны Германии, предпринятый ею для того, чтобы захватить в свои руки влияние и власть над Оттоманской империей и этим помешать выполнению «исторической миссии» России, заключающейся в господстве над Константинополем и проливами—областью, которую Сазонов курьезно, но многозначительно называет «примыкающей к нашей границе»[1]. Он внезапно телеграфировал из Ялты русскому послу в Берлине:

«Узнав о соглашении Германии и Турции касательно военных инструкторов, я крайне удивлен, что этот важный вопрос не был ни словом затронут канцлером во время недавних моих откровенных и дружественных объяснений с ним. Сама по себе немецкая военная миссия в пограничной с нами стране не может не вызвать в русском общественном мнении сильного раздражения и будет, конечно, истолкована как акт явно недружелюбный по отношению к нам. В особенности же подчинение турецких войск в Константинополе германскому генералу должно возбудить в нас серьезные опасения и подозрения.

ставителями: Гирсом — в Константинополе, Извольским — в Париже, Бенкендорфом — в Лондоне. Только часть из них включена в Livre Noir, II, 173 — 279; Stieve, III, 352 — 439; IV, 1 — 28; Sibert-Schreiner, 678— 708. Интересный доклад царю о разговоре по этому поводу русского премьер-министра Коковцева с императором Вильгельмом и Бетман-Гольвегом напечатан в «Материалах по истории франко-русских отношений», 624; Livre Noir II, 414; Stieve, III, 415. Протоколы секретных заседаний совета министров, касающихся контрмер, направленных к тому, чтобы принудить Германию и Турцию отказаться от германской военной миссии, см. Адамов, Константинополь и проливы, I, 61 — 77 (с докладом Сазонова царю); Захер, Константинополь и проливы, «Красный архив», VI, 48—76; VI, 32—54, 1924 г. (с существенными и важными докладами русского адмиралтейства); Pokrovski, Drei Konferenzen, 32 — 45; Stieve, Iswolsky und der Weltkrieg (Berlin 1924), 234—266; Штиве однако смешивает старый и новый стиль при рассмотрении этих совещаний. См. также «Affaires Balkaniques», III, 81—107, где очевидно выпущен целый ряд очень важных телеграмм со стороны Германии: «Deutschland Schuldig?» (Berlin 1919), 159—181, и самое главное G. P., XXXVIII, 193—318.

Краткое, но ясное изложение дела Лимана фон Сандерса можно найти в его «Fünf Jahre in Türkei» (Berlin 1920), 9—30; Montgelas, The Case for the Central Powers, 93—95; Brandenburg, 393—395; Dickinson, 348—349; более полно у R. J. Kerner в «Slavonic Review», VI, 12 — 27, 344 — 363, 543 — 560 (июнь и декабрь 1927 г., март 1928 г.).

[1] [У Фея — «bordering at our frontier», но это результат неправильного понимания русского текста сазоновской телеграммы, в которой говорится «о пограничной с нами стране», о Турции, а не о районе проливов и Константинополя.—*Прим. ред.*].

Благоволите высказаться в этом смысле перед германским правительством»[1].

Негодование Сазонова, хотя и по несколько иным причинам, разделял и поддерживал Делькассе. Он опасался, что здесь скрывается «германская попытка захвата Турции державами Тройственного союза, к чему, конечно, Тройственное соглашение не могло в ущерб своим собственным интересам относиться безразлично»[2].

Германия, рассуждал Делькассе, уже достигла громадных политических успехов в Малой Азии, благодаря Багдадской железной дороге, теперь же она будет иметь флот в восточной части Средиземного моря и получит там для него морскую базу и угольную станцию. Италия тоже получит соответствующие выгоды в предоставлении ей права на постройку гавани и железной дороги в Адалии и в установлении сферы итальянского влияния на юге Малой Азии. Австрия точно так же не останется обойденной. Насчет претензий Италии и Австрии в Малой Азии Делькассе не ошибся. Но Германия не была склонна удовлетворить их, несмотря на то, что Италия была ее союзницей, так как она опасалась, что другие державы тоже потребуют себе подобных «компенсаций», а это приведет к окончательному разделу Турции. Германия в это время была горячей противницей этой хирургической операции, так как боялась, что это вызовет конфликт между великими державами. Хорошо устроившись в Азиатской Турции и пользуясь большим влиянием в Константинополе, она хотела сохранить status quo как можно дольше или по крайней мере до тех пор, пока державы не придут к соглашению по поводу раздела Турции на дружеских и взаимно удовлетворяющих началах[3].

Несколько дней спустя Делькассе послал французскому правительству мрачное предупреждение: «развал Турции на куски уже начался, или вот-вот начнется и Германия займет положение, гарантирующее ей все выгоды от раздела»[4].

Миссия Лимана фон Сандерса возникла благодаря желанию младотурок модернизировать и переделать по западноевропейскому образцу управление Турции. Получив власть в свои руки, они пригласили на помощь несколько видных иностранцев: двух французов, Лорана — в качестве финансового советника, и Бомана — для организации турец-

---

[1] Сазонов — Свербееву 28 октября/10 ноября 1913 г., копия Гирсу в Константинополь, «Материалы по истории франко-русских отношений», 633; G. P., XXXVIII, 206—219.

[2] См. телеграммы Делькассе, 700, 701, опущенные во французской «Желтой книге», но частично цитируемые Адамовым, стр. 59. Первым донесением о миссии Лимана фон Сандерса, помещенным во французском «Affaires Balkaniques» (III, 81), является довольно мягкая и лаконическая телеграмма Делькассе от 17 ноября 1913 г. «Посылка новой германской военной миссии, глава которой будет командовать армейским корпусом в Константинополе, озабочивает Сазонова». Относительно других указаний на то, что Делькассе и Пишон вначале поддерживали Сазонова в его протесте, см. там же, стр. 84, 88, 92, 96; G. P., XXXVIII, 211—224; Siebert-Schreiner, 678.

[3] Относительно того, что Германия была горячей противницей раздела Азиатской Турции, хотя, конечно, желала иметь в нем свою долю, в том случае, если бы державы согласия силой вынудили раздел, см. G. P., XXXIV, 207, 219, 229, 255; XXXVII; 474, XXXVIII, 41—48, 54—66, 93, 129, 196—202; Conrad., III, 563; Brandenburg, 389.

[4] Адамов, I, 59.

кой жандармерии; опытного французского юриста Леона Осторога — для проведения судебных реформ; Ричарда Крауфорда — для реорганизации таможенного дела; Вильяма Вилькокса — для руководства ирригационными работами в Месопотамии; двух других англичан — адмирала Дугласа Гэмбля и адмирала Лимпуса — для реорганизации флота; немецкий генерал фон дер Гольц, находившийся уже на турецкой службе, должен был заняться приведением в надлежащее состояние турецкой армии.

Фон дер Гольц нашел свою задачу слишком трудной при отсутствии единства среди младотурецких офицеров, их стремлении примешивать политику в военные вопросы и их неразумной системой продвижения по службе. Он жаловался также на отсутствие у него достаточной самостоятельности действий и в конце концов отказался от работы [1]. Старые турецкие офицеры и солдаты, которым он старался привить прусскую дисциплину и порядок, оказались весьма ненадежным материалом и проявили себя плачевным образом, когда Турция подверглась нападению со стороны союза балканских государств в 1912 г.

2 января 1913 г. во время перемирия, в дни первой балканской войны и переговоров в Лондоне младотурок, Норадунгиан конфиденциально просил Вангенгейма, германского посла в Константинополе, выяснить по возможности скорее, на каких условиях французский генерал Эйду был приглашен реорганизовать и обучить греческую армию [2]. Очевидно он имел в виду нечто подобное для Турции, особенно после тех удручающих поражений, которые она потерпела за последние 3 месяца. Убийство Назим-паши и дворцовый переворот в Константинополе, последовавшие за уступками, сделанными турецкими делегатами в Лондоне, отсрочили планы, которые мог иметь в виду Норадунгиан, но они же привели к власти Махмуда Шевкет-пашу. Он стоял во главе группы энергичных младотурецких патриотов, готовых на самые решительные реформы в Турции при содействии европейских специалистов, в чем они видели единственную надежду спасти Турцию от надвигающегося окончательного разложения. Так как фон дер Гольц-паша и его помощники уже начали проводить в турецкой армии германские военные методы, то ясно было, что Махмуд-паша обратится к Германии скорее, чем к какой-либо другой стране, за военными инструкторами. И действительно, он просил германского императора через германского военного атташе в Константинополе о назначении нескольких прусских офицеров для работы по укреплению Константинополя. Кайзер одобрил эту идею и 2 апреля запросил свое министерство иностранных дел, имеет ли оно против этого какие-либо возражения политического характера, добавляя, что вопрос неспешный, так как желательно, чтобы офицеры направлялись в Турцию лишь после того, как будет закончена балканская война. Министерство иностранных дел не возражало против этого [3].

После этого начались длительные переговоры между турецкими и германскими военными властями, которые окончились подписанием в

[1] G. P., V, 182, 186; IX, 3, 36, 41, 226; XII, 134, 562, 566; XXIV, 150; XXV, 490, 527, 541, 612—622; XXVII, 243, 275—284; XXXVIII, 214 и сл.
[2] Ibid., XXXVIII, 193.
[3] Ibid., 195.

ноябре договора о посылке германской военной миссии в составе 42 германских офицеров во главе с ген. Лиманом фон Сандерсом.

Антантофильские авторы обычно утверждают, что посылку миссии ген. Лимана фон Сандерса инспирировала Германия, но в германских документах об этом никаких данных не имеется и более правильным представляется, что инициатива в этом вопросе принадлежала туркам в целях их собственного спасения[1].

Но гораздо более существенным для нас является не история возникновения военной миссии, а ее задачи и последствия ее существования с точки зрения интересов Турции, Германии и России.

Махмуд Шевкет и младотурки, из страха перед интригами России на Южном Кавказе и в ответ на давление по вопросу о реформах в Армении, решили весной 1913 г. пригласить семнадцать английских инспекторов для жандармерии и гражданского управления в Анатолии. Грей сначала согласился, но потом сократил их число до пяти, учитывая щепетильное отношение к этому делу России и Германии[2]. В то же самое время Махмуд Шевкет просил Германию прислать новых военных инструкторов в Турцию. Он думал, что только путем совместного сотрудничества Англии и Германии возможно достигнуть возрождения Турции. Как он заявил 26 апреля 1913 г. германскому послу:

«Турция может рассчитывать на свое возрождение только в том случае, если получит поддержку Германии и Англии. То обстоятельство, что эти два государства до настоящего времени находились в антагонизме друг с другом, является главным источником всех наших несчастий. Я поэтому должен озаботиться, чтобы турецкий вопрос и был как раз той платформой, на которой могло бы иметь место англо-германское соглашение.—После рассуждения

---

[1] 28 января 1913 г. австрийский военный атташе в Константинополе, выслушав сообщения Вангенгейма, «сделанные со свойственной яркостью» о необходимости полной реорганизации Турции, доносил Конраду (III, 40): «Как я только что узнал из достоверного турецкого источника, план этой реорганизации не связан с бароном Вангенгеймом, а исходит от прежнего турецкого посла в Париже, Мунир-паши. Последний изложил свои взгляды в записке, которую он предложил на рассмотрение своим друзьям, а также Махмуду Шевкет-паше». Хильми-паша, турецкий посол в Вене, в противоположность утверждению Дюмэна, уверял Чиршки, что «инициатива принадлежала исключительно Турции» (G. P., XXXVIII, 228). Джемаль-паша, состоявший в январе в 1913 г. министром общественных работ, а затем военным губернатором Константинополя и командующим находящимся в нем армейским корпусом, который позднее он передал ген. Лиману (Memories of a Turkish Statesman 1913—1919, London, 65—70), цитируя Махмуд-пашу, детально разъясняет, каким образом по инициативе последнего возникла германская военная миссия, имевшая целью усилить турецкую армию путем ее реорганизации, на основах, которые в течение 30 лет уже пытались ввести германские инструктора. Его утверждение по этому вопросу заслуживает тем большего доверия, что оно совпадает с соображениями Махмуда Шевкета, которые он высказывал в то время Вангенгейму, как это видно из немецких источников (в особенности G. P., XXXVIII, 198). Против этих единодушных турецких утверждений свидетельствует только случайная записка самого ген. Лимана («Fünf Jahre Türkei», 12—25) о том, что миссия обязана своим существованием инициативе Вангенгейма; но ген. Лиман был осведомлен обо всем этом вопросе только несколько месяцев спустя после его возникновения; он мог сделать неправильный вывод из того рвения, которое Вангенгейм проявил при организации миссии, а также из стремления немецкого посла поднять при ее посредстве свое собственное значение.

[2] G. P., XXXVIII, 32—41. 49—54, 58, 98.

о необходимых внутренних реформах он продолжал: Мы имеем мало надежных и образованных чиновников. В этом отношении нам должны помочь другие государства. Я вынужден поэтому обратиться к разным кабинетам с просьбой о содействии. Для реорганизации армии я определенно рассчитываю на Германию. Это самый важный пункт моей программы. Армия должна быть реорганизована до самого основания, политика должна быть устранена из турецких офицерских кругов. Для этой цели недостаточно деятельности военных инструкторов, работавших до сих пор лишь в качестве советников в отдельных частях нашей армии. Точно так же по отношению к реформе народного образования я рассчитываю на германское правительство. Италию я буду просить о посылке жандармских офицеров в Сирию, а Францию о реорганизаторах в области финансов и почтово-телеграфного ведомства. От помощи Австрии я предпочитаю отказаться. Со стороны Англии я рассчитываю на помощь для различных правительственных учреждений в Северной и Восточной Анатолии... Флот также должен быть реорганизован англичанами. На основе предложения адмирала Лимпуса, корабли получают командный состав из английских офицеров, вышедших в отставку»[1].

Германский посол с увлечением выслушал все эти планы великого визиря. Он настаивал на согласии Германии по вопросу о посылке военных инструкторов. Он горячо приветствовал идею Махмуд Шевкета об англо-германском сотрудничестве для укрепления Турции. В его воображении уже возникли мечты о счастливых политических перспективах на будущее: «Это открывает для нас возможность сближения с Англией или по крайней мере возможность совместного сотрудничества по вопросу о возрождении Турции. С другой стороны, если Англия откажется от этого сотрудничества с нами, она все же будет поставлена в известность о том влиянии, которое мы сможем получить в Турции, заняв контролирующее положение в военных делах и по вопросу о воспитании юношества. Мы всегда будем в состоянии путем разумного использования германских военных инструкторов контролировать или парализовать возможные сепаратные усилия Англии»[2].

Но Вангенгейм был таким оптимистом и энтузиастом по вопросу о будущем Турции, что его друзья называли его «отуречившимся», и он был настолько склонен превышать свои права и обязанности и вмешиваться в турецкую политику, что кайзер был вынужден иногда призывать его к порядку[3]. Поэтому необходимо с осторожностью подходить к его донесениям и не считать, что его мнение отражает точку зрения германского правительства.

Кайзер был настроен более скептически и не разделял целиком энтузиазма Вангенгейма. Обсуждая планы Мехмуда Шевкета, изло-

---

[1] Вангенгейм — Бетману 26 апреля 1913 г.; G. P., XXXVIII, стр. 198. Эти соображения Махмуда Шевкета заключают в себе набросок первоначального проекта организации военной миссии и нашли свое отражение месяц спустя в донесениях Вангенгейма от 21 и 29 мая (см. след. параграф), которые подробно цитирует проф. Корнер (l. c., 15–18).

[2] Вангенгейм — Бетману 29 мая 1913 г., там же, стр. 59, см. также его донесения от 22 мая, повторяющие и комментирующие просьбу Махмуда Шевкета о германской военной миссии, ibid., 201.

[3] G. P., XXXIII, 323, 340.

женные выше, он писал: «Много добрых намерений, но многое нужно отнести к области фантазии! Участие стольких разнообразных европейских наций во внутренних делах Турции в действительности даст только повод к бесконечным интригам и к разделу Турции! Не так-то легко сдержать державы и ввести их работу в определенные рамки! В особенности же это касается Британии». Он опасался, что реорганизованная турецкая армия «может быть использована против нас и против Багдадской ж. д.»[1]. Но несмотря на все эти соображения, кайзер все же одобрил идею о посылке германских военных инструкторов и позднее потребовал, чтобы медленные приготовления к ее исполнению были ускорены. Вообще же, как он сообщал по этому случаю русским, он расценивал эту миссию скорее как дело чисто военное, чем политическое.

Порта поспешила известить британское правительство о своем проекте[2]. Проект этот в общих чертах обсуждался царем и королем Георгом во время их посещения Берлина 24 мая для присутствия на свадьбе дочери германского императора. Кайзер поставил их в известность о просьбе Турции прислать ей германских офицеров. Царь и король вполне согласились с этим. Король Георг заявил: «Вполне естественно, что они обращаются к вам с просьбой о ваших офицерах для реорганизации армии, у нас они просят людей для реорганизации полиции и жандармерии, что мы и выполним». Царь с своей стороны добавил, что необходимо основательно укрепить линию Чаталджи так, чтобы болгары не могли захватить Константинополя[3].

Позднее Сазонов упорно повторял, что Германия действовала некорректно, скрывая свои планы от России, пока о них не стало известно в ноябре 1913 г. Он даже жаловался на это румынскому королю во время свидания в Констанце в 1914 г.

---

[1] Ibid., XXXVIII, 201.

[2] Вангенгейм—берлинскому министерству иностранных дел, 26 мая 1913 г. (ibid., 49). «В здешних некультурных условиях администрация и жандармерия безусловно нуждаются в содействии армии. Поэтому в вопросе о реформах в основу должно лечь соглашение между Германией и Англией. Порта поставила Лондон в известность, что реорганизация и инструктирование турецкой армии она хочет поручить Германии. Советник английского посольства сказал мне третьего дня по этому поводу: «хотят или нет Германия и Англия поддержать Турцию, но они будут вынуждены сделать это». Грей говорил Лихновскому, что он согласен с желанием Германии в ее стремлении сохранить и усилить Турцию, но полагает, что в ее реорганизации должны принимать участие все державы» (ibid., 55).

[3] Заметка кайзера на полях 3 декабря 1913 г., ibid., 232; см. также по этому вопросу его заявление Коковцеву, русскому премьер-министру, в ноябре 1913 г.; там же, стр. 216, 219, примечание 2. «Материалы по истории франко-русских отношений», 638; Siebert-Schreiner, 676. Проф. Корнер тоже упоминает об этой заметке на полях от 3 декабря (l. c., 18), но позднее видимо усомнился в ее достоверности, ибо он говорит о «неясных сообщениях от мая 1913 г.», которые, как кайзер «уверяет» (стр. 25) и «настаивает» (стр. 26), он будто бы сделал царю и Георгу V. Можно было бы сомневаться в точности памяти кайзера или искренности его заметок и сообщений, составленных через шесть месяцев после описываемых фактов, если бы этот происходивший в мае разговор между Вилли, Ники и Джорджи не подтверждался сделанным в это же время сообщением Ягова Лихновскому (27 мая G. P., XXXVIII, 52), и тем фактом, что сам царь впоследствии «допускал, что план относительно посылки германской военной миссии в Турцию был сообщен ему кайзером во время свадебных торжеств в Берлине». (Пурталес—Бетману 31 января 1914 г., ibid., 307). Нам неизвестно, что ответил король Георг, когда Грей спрашивал его об этом майском разговоре, Siebert-Schreiner, 705).

Это вызвало у кайзера вполне заслуженное, хотя и не вполне парламентарное восклицание: «Старый лгун! Я об этом лично говорил весной царю; если он не информировал Сазонова, это уж не мое дело... Если царь не сообщил ему ничего об этом, значит он не считал этот вопрос заслуживающим упоминания и находил его вполне естественным»[1].

Во всяком случае, несмотря на обсуждение, которому вне всякого сомнения подвергся во время майских свадебных торжеств план посылки германских офицеров в Турцию, он содержался в секрете, пока продолжались балканские войны и пока разрабатывались детали контракта с ген. Лиманом фон Сандерсом. Эта секретность была вполне естественной, так как сообщения об этом могли вызвать по отношению к Германии упрек, «что она становится на чью-то сторону и вызывает политические затруднения»[2]. Но сохранение этой тайны имело неблагоприятные последствия, отразившиеся на личных настроениях Сазонова и на дружественных взаимоотношениях между Россией и Германией. Особенно неблагоприятное впечатление произвело то обстоятельство, что об этом контракте Сазонову ничего не было сообщено, когда он проездом посетил Берлин и имел там искренний и дружеский разговор с германским канцлером об общем политическом положении в Европе. Сазонов не без основания считал себя оскорбленным в лучших своих чувствах, так как это показалось ему отсутствием со стороны Бетмана взаимной искренности и дружественности. Бетман со своей стороны был абсолютно невиновен в каком-либо сознательном сокрытии истины. Повидимому, он не коснулся этого вопроса, потому что он просто не пришел ему в голову. Это объяснение вполне соответствует его характеру и подтверждается позднейшими разговорами его с Коковцевым, а также тем, что он сравнительно мало был осведомлен о деле Лимана фон Сандерса, так как оно проходило военными, а не дипломатическими путями[3].

Сам ген. Лиман ничего не знал о проекте, пока он не был ему предложен 15 июня[4]. Его справедливо считали более подходящим для этого дела, чем фон дер Гольца. Никогда не быв в Турции, он немедленно начал знакомиться с донесениями своего предшественника, чтобы составить себе представление, с какого рода трудностями ему предстоит иметь дело. У него было для этого достаточно времени, так как прошло много месяцев, прежде чем был окончательно подписан с Турцией контракт, определяющий его права и обязанности, а также права и обязанности сорока одного подчиненного ему офицера, которые должны были сопровождать его в Турцию. Детали этой миссии должны были быть разработаны германскими и турецкими военными властями. По этому поводу ген. Лиман справедливо замечает:

---

[1] G. P., XXXVIII, 318. Сазонов освещает свой разговор в Константце совершенно иначе. См. его доклад царю, Адамов, I, 357; L. N., II, 378.

[2] Ягов — Вавгенгейму 24 августа 1913 г.; G. P., XXXVIII, 204.

[3] G. P., XXXVIII, 212. Бетман и министерство иностранных дел узнали об окончательных условиях контракта с Лиманом фон Сандерсом только из копии его, полученной ими 8 января 1914 г. от прусского военного министерства (ibid., 213, примечание).

[4] Liman, 9. Бетман не был осведомлен о назначении Лимана до 30 июня. G P., XXXVIII, 202.

«Работа членов миссии должна была носить строго военный характер. Текст контракта ясно показывает это. Утверждения с разных сторон в книгах и газетах, что она должна была выполнять также задачи политического характера, совершенно не соответствуют истине»[1].

В конце ноября, когда контракт был окончательно готов и подписан, ген. Лиман имел аудиенцию у императора Вильгельма. Кайзер дал ему в основном следующие указания:

«Вас не должно ни в какой степени касаться, кто будет находиться у власти—младотурки или старотурки. Вы должны иметь дело только с армией. Изгоните политику из турецкого офицерского корпуса. Вмешательство в политику—это их величайшая ошибка. В Константинополе вы встретитесь с адмиралом Лимпусом, который стоит во главе английской морской миссии. Сохраняйте с ним хорошие отношения. Он работает во флоте, а вы в армии. Каждый из вас имеет свой отдельный круг деятельности»[2].

14 декабря 1913 г. ген. Лиман, наконец, прибыл в столицу Турции и был встречен военной музыкой и почетным эскортом от константинопольского пожарного управления. Но уже за месяц до своего приезда ген. Лиман стал предметом дипломатического конфликта, в связи с которым мог стать вопрос о престиже России и Германии и даже о престиже Тройственного союза и Тройственного согласия.

2 ноября 1913 г. Гирс, русский посол в Константинополе, телеграфировал в Петербург, сообщая о слухах относительно прибытия германской военной миссии. Согласно дружественным разъяснениям его германского коллеги барона Вангенгейма, она должна была походить на французскую военную миссию в Греции. Но спустя три дня Гирсу стало известно, что ген. Лиман вступит также в командование турецким армейским корпусом, расположенным в Константинополе. Это было новое назначение, против которого выступили Россия и Франция, а под конец и Англия. Это создавало для ген. Лимана совсем иное положение, чем то, которое занимал до него фон дер Гольц и какое имел французский военный инструктор в Греции[3].

В тот день, когда весть о германской военной миссии достигла Петербурга, Сазонов находился в Крыму для доклада царю. Коковцев, русский премьер-министр и министр финансов, был в это время во Франции по поводу проведения займа в 500 млн. франков для постройки в России стратегических железных дорог. Он предполагал на обратном пути остановиться в Берлине, чтобы принести благодарность кайзеру

[1] Ibid., 11.

[2] Ibid.

[3] Гирс—Сазонову, телеграммы 928—936, 20 октября, 2 ноября, 23 октября, 15 ноября 1913 г. «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 631. Нератов—Свербееву, русскому посланнику в Берлине, телеграмма 3032, 25 октября/7 ноября: «Считали бы весьма желательным, чтобы вы переговорили дружески с германским правительством, не ссылаясь на источник ваших сведений относительно крайне нежелательного впечатления, которое произвело бы у нас подчинение дивизии и корпуса, находящихся в Константинополе, германским офицерам. Подобного рода факты, вызывая без надобности подозрительность, помешали бы тем дружественным отношениям с берлинским кабинетом, которым мы со своей стороны придаем серьезную цену. Против командования, не в столице, а в других, несоседних с нами частях Турции, мы бы не возражали».

за награждение его орденом Черного орла. Поэтому было решено, что Коковцев использует свое посещение Берлина, чтобы представить возражения России по вопросу о новой германской военной миссии. Его всеподданнейший доклад царю о беседе с Бетманом-Гольвегом и кайзером дает нам ценный материал по делу Лимана фон Сандерса, ставшему серьезным дипломатическим вопросом. Упомянув об оскорбленных чувствах Сазонова, которого не поставили своевременно в известность о предполагавшейся военной миссии, Коковцев продолжает (мы несколько сокращаем его многословные рассуждения):

«Объяснения мои по этому поводу как с имперским канцлером, так и с германским императором оставили во мне впечатление, что дело это возникло еще весной текущего года, причем имперский канцлер, как это он и подтвердил мне в совершенно откровенной беседе, едва ли был даже вполне в курсе задуманного предприятия. Ему было лишь известно, что турецкое правительство обратилось к Германии с предложением принять на себя инструктирование турецкой армии, что вопроса этого германский император коснулся в личной беседе с вашим императорским величеством в бытность вашу в Берлине в мае месяце текущего года, что по существу этого предположения со стороны вашего величества не было заявлено сомнений, так как инструктаж германских офицеров в турецкой армии продолжался беспрерывно в течение более двадцати лет, но что затем все дальнейшее направление вопроса в смысле организации образцового корпуса под немецким командованием и с местом нахождения этого корпуса в столице Турции вовсе не было известно г. фон Бетман-Гольвегу и проходило исключительно по линии военных установлений Германской империи. Имперский канцлер не скрыл от меня в неоднократных и вполне откровенных беседах со мною, что ему особенно прискорбно возникновение мысли о том, что он участвовал в разработке проекта, неприятного для России, и притом не осведомил своевременно об этом вашего министра иностранных дел.

«Занимая четвертый год должность имперского канцлера,—сказал мне г. фон Бетман-Гольвег,—я прилагаю все свои силы к тому, чтобы в отношении двух соседних империй, соединенных традиционными узами дружбы и доверия, устранить всякие поводы к малейшим недоразумениям, и моя честность служит порукою тому, что я никогда не приложу руки к действию, неискреннему по отношению к России». Весь ход объяснений со мною имперского канцлера оставил во мне впечатление его полной откровенности, и я полагаю, что не впаду в неправильное заключение, если позволю себе доложить, что самая идея передачи командования корпусом в Константинополе германским офицерам действительно стала известна г. фон Бетман-Гольвегу или в самые последние дни перед моим приездом, или даже отчасти из моих объяснений».

Допустив целесообразность посылки германских военных инструкторов в Турцию, но изложив русские возражения против того, чтобы немцы командовали над войсковыми частями в Константинополе, Коковцев закончил свою беседу просьбой, скорее напоминавшей ультиматум: «или отказаться вовсе от командования турецкими войсковыми частями, заменив это командование организацией инспекции

примерно на ранее существовавших основаниях, или, если бы это оказалось невозможным по ходу принятых Германией обязательств перед Турцией, сосредоточить образцовый корпус не в Константинополе, а в каком-либо другом пункте, например в Адрианополе или в одном из пунктов Малой Азии, но, конечно, не на нашей границе и не в сфере особых интересов Франции»[1].

Предложение, чтобы ген. Лиман осуществил свое командование не в Константинополе, где его присутствие может вызвать у послов великих держав серьезное опасение, но в каком-нибудь провинциальном городе, на первый взгляд показалось удачным выходом из положения, созданного возражениями со стороны России. Гирс, Свербеев и Нератов, так же как и Коковцев, склонялись в пользу этого решения. Но внезапно возникли затруднения, вследствие эгоистических интересов Франции и России. Франция решительно протестовала против пребывания ген. Лимана в Смирне, «где германское командование может быть крайне опасным для интересов Франции»[2]. Пишон полагал, что «в худшем случае можно согласиться на Адрианополь»[3]. Но выбор Адрианополя, как предусмотрительно указывал русский посол в Берлине, «вызовет, вероятно большое возбуждение в Болгарии и тем еще более отдалит ее от нас [России]»[4]. Бетман, в соответствии с занятой им в этом вопросе примирительной позицией и его искренним желанием найти удовлетворительное для России решение, был готов принять во внимание и это обстоятельство. Был сделан запрос генералу Лиману, возможны ли какие-либо изменения ввиду уже предпринятых приготовлений[5]. Но одновременно с этим Свербеев получил информацию, что у военных властей Германии сложилось убеждение, будто активность германских инструкторов сведется к нулю, если образцовый корпус будет находиться вне Константинополя, так как им придется постоянно сноситься с находящимися там военной академией и генеральным штабом. Так думал и сам генерал Лиман, когда по прибытии в Константинополь ознакомился с обстановкой. Но узнав о возражениях со стороны России, он «пришел к выводу, что для него нет никакой необходимости стоять во главе командования армейским корпусом в Константинополе, поскольку имеется налицо достаточное количество войск, чтобы предоставить военным школам возможность изучать военное дело практически. Германский генерал может командовать армейским корпусом и в Андрианополе»[6].

---

[1] Доклад Коковцева царю от 19 ноября/2 декабря 1913 г. «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», стр. 524; L. N., II, 411. Точность доклада Коковцева подтверждена G. P., XXXVIII, 212—217.

[2] Извольский—Сазонову, телеграмма 550, 12/25 ноября, «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», 641, но выпущено из L. N. и Stieve. См. также Извольский, телеграмма, 555 («Мат. по ист. фр.-русск. отн.», 642; L. N., II, 189; Siebert-Schreiner, 678). «Пишон снова настаивал на том обстоятельстве, что Франция не может согласиться на германское командование в Смирне и Бейруте; он предложил Порте Адрианополь».

[3] Телеграмма Извольского 550.

[4] Конфиденциальное письмо Свербеева Сазонову от 8/21 ноября, «Материалы по истории франко-русских отношений», 639; Siebert-Schreiner, 677.

[5] Свербеев—Сазонову, телеграмма 277, 13/26 ноября, «Материалы по истории франко-русских отношений», 643.

[6] Гирс—Сазонову, телеграмма 1069, 7/20 декабря; Siebert-Schreiner, 694.

Это предложение было одобрено русским послом в Константинополе, но с негодованием отвергнуто турками, которые видели в нем непозволительную попытку России вмешаться во внутренние дела Турции[1].

Не дождавшись ответа ген. Лимана, Сазонов спешил побудить Францию и Англию присоединиться к нему в требованиях «компенсаций». Подобные требования «о некотором эквиваленте» обычно являлись довольно распространенной формой дипломатического воздействия, когда первые попытки, непосредственно направленные к определенной цели, оказывались безуспешными. Так и в данном случае Сазонов, выразив протест по поводу того, «что будет трудно мириться с положением, при коем наше посольство будет пребывать в столице, где будет нечто вроде немецкого гарнизона», немедленно начинает вести переговоры с Францией и Англией в том направлении, чтобы, если «переговоры с Берлином окажутся бесполезными, были предприняты совместные шаги в Константинополе с указанием, что уступки, сделанные Германии, выдвигают вопрос о равноценных компенсациях по отношению к другим державам»[2].

Франция сначала вполне с этим согласилась. Пишон «вполне разделяет вашу точку зрения... Если Порта не откажется от осуществления своего плана, Франция потребует чрезвычайных компенсаций морального и политического характера»[3].

Но сэр Эдуард Грей вначале не был склонен принять предложение Сазонова. Со свойственной ему дипломатичностью он «в принципе допускал» возможность компенсаций, но опасался, что «будет трудно на практике подыскать подходящую для них форму. Первые предложения Пишона о предоставлении офицерам других держав соответствующих командований представляются ему неосуществимыми и не отвечающими нашим интересам, так как главная цель—удаление германцев из Константинополя—попрежнему остается недостигнутой. К тому же это будет только первым шагом к разделу Турции... Грей видимо считает пока более целесообразным продолжение дружественных переговоров с Германией, чтобы таким путем склонить ее к изменению первоначального плана... и Грей лично думает, что как император, так и канцлер желали бы найти благовидный выход из создавшегося положения»[4]. Будучи не вполне осведомлен в балканском вопросе, он питает также некоторое недоверие к русской политике в Персии и опасается, что непостоянный склад ума Сазонова легко может привести к какой-нибудь беде[5].

Оказавшись не в состоянии принудить Германию к уступкам и не считая возможным отказаться от своей идеи о «компенсациях», Сазонов

---

[1] Гирс—Сазонову, телеграммы 1072, 1073, 1078, 1086, с 7/20 декабря и по 11/24 декабря. «Материалы по истории франко-русских отношений», 670—672 и частью у Siebert-Schreiner, 695. Донесение Вангенгейма от 16, 17, 18, 19 декабря, G. P., XXXVIII, 259—268; Liman, 14.

[2] Сазонов—Бенкендорфу и Извольскому, телеграмма 3220, 12/25 ноября. «Материалы по истории франко-русских отношений», 642; Siebert-Schreiner, 678. Ср. G. P., XXXVIII, 235, 241.

[3] Извольский—Сазонову 13/26 ноября, «Материалы по истории франко-русских отношений», 642; L. N., II, 189; Stieve, III, 354.

[4] Бенкендорф—Сазонову 15/28 декабря, «Материалы по истории франко-русских отношений», 644; Siedert-Schreiner, 679, примечание 82.

[5] Сазонов—Бенкендорфу 29 ноября/12 декабря 1913 г., Ibid., 687.

решил путем чего-то вроде ультиматума со стороны Тройственного согласия заставить Турцию аннулировать или изменить контракт с фон Сандерсом. Чтобы добиться содействия в этом со стороны Грея, Полю Камбону было поручено убедить Грея присоединиться к попытке «заставить Порту понять все серьезные последствия, которые будут иметь место, если константинопольский армейский корпус будет находиться под командованием германского генерала. Это ставит дипломатический корпус, пребывающий в Константинополе, под опеку германцев. Это фактически дает Германии ключ к проливам. Это дает полную возможность интервенции со стороны германского генерала, который может нанести удар непосредственно суверенитету султана. Это нарушает равновесие между державами, являющееся гарантией самого существования Турции. Это может привести державы к антагонизму и даже к конфликту в отношении германской военной миссии, в случае если она позволит себе какое-нибудь выступление или демонстрацию в Константинополе». Если сэр Эдуард Грей согласится с этими взглядами, то следует польстить ему, предложив ему сформулировать ноту, которую Тройственное согласие представит Порте [1].

Убедительный довод Камбона, что контракт с ген. Лиманом отдает в руки Германии «ключи от проливов», в то время когда предполагалось, что адмирал Лимпус утверждает там влияние Англии, произвел рассчитанный эффект на Грея. Он вывел Грея из дебрей ирландского вопроса и заставил перейти к энергичным действиям (о чем он немного спустя сожалел и даже бил отбой). Он принял предложение Франции, и быстро сформулировал весьма решительную «декларацию», включавшую все указанные доводы и носившую почти ультимативный характер. Он предупредил Турцию, что если командование останется за ген. Лиманом, «другие державы потребуют для себя аналогичных уступок». Декларация эта была одобрена премьер-министром Асквитом и была разослана другим державам Тройственного согласия, как базис для аналогичных выступлений, которые должны быть сделаны через их послов в Константинополе. Пересылая ее французскому послу в Турции, Пишон добавил: «Необходимо, чтобы оттоманское правительство не имело сомнений в полном единодушии, которое установилось по этому вопросу между Англией, Францией и Россией» [2].

Сазонов предполагал, что теперь он может быть уверен «в полном единодушии со стороны Франции и Англии». Он вдруг решил использовать это для нажима на Берлин с тем, чтобы принудить Германию пойти на уступки, прежде чем послы союзных держав предпримут выступление в Константинополе. Успех в Берлине будет означать более крупную дипломатическую победу, чем разрешение вопроса, достигнутое в Константинополе. По этим соображениям он телеграфировал Извольскому в Париж, чтобы тот добился у Бомпара отсрочки в предъявлении ноты Турции [3].

В то же самое время он поручил Свербееву в Берлине обратить вни-

[1] Пишон—Камбону 29 ноября, «Affaires Balkaniques», III, 91.
[2] Пишон—Бомпару в Константинополь 3 декабря 1913 г., там же, III, 96.
[3] Телеграммы 3281 и 3282, упомянутые в ответной телеграмме Извольского, 565; 21 ноября/4 декабря, «Материалы по истории франко-русских отношений», 648. Эта телеграмма не включена в L. N., Stieve и Siebert-Schreiner'ом.

мание германского правительства на предполагаемое выступление держав Антанты в Константинополе, если Германия не даст удовлетворительного ответа. Ягов, германский статс-секретарь по иностранным делам, сообщил, что в настоящее время он не может дать определенного ответа. Он написал ген. Лиману в Константинополь, чтобы тот ориентировался в положении вещей на месте; если он придет к соглашению с турецкими властями об отсутствии технических препятствий к переброске образцового корпуса в какой-либо другой центр, то германское правительство охотно согласится на пересмотр контракта ген. Лимана. На следующий день, 5 декабря, германский посол заявил Сазонову, что «несмотря на всю затруднительность положений, германское правительство ищет путей к устранению возникших осложнений, но что для выполнения этого понадобится некоторый период времени, дабы не создалось впечатления, что правительство идет на уступки под влиянием давления со стороны». Сазонов ответил, что он «готов принять предложение германского правительства, если только оно не будет отсрочено на слишком отдаленное время». Одновременно он поручил Свербееву указать в Берлине на нападки, которым он подвергался в панславистской прессе, и на «необходимость для нас иметь возможность устранить вероятные упреки печати в вероломстве германской политики и желательность скорейшего завершения всего этого инцидента. Если же германский министр указал бы на невозможность для его правительства не считаться с актом Порты, скажите ему, что мы охотно станем на ту точку зрения, что вопрос должен обсуждаться не в Берлине, а в Константинополе, и немедленно предпримем соответствующие шаги»[1].

В действительности Сазонов не склонен был ждать. Он понял, что невозможно принудить германское правительство дать немедленный ответ и что поэтому его нажим не удался. К тому же он узнал, что султан издал 4 декабря «ирада», по которому ген. Лиман был назначен членом военного совета и командующим константинопольским корпусом. Поэтому Сазонов телеграфировал 7 декабря в Париж: «Признаем желательным безотлагательное обращение к Порте трех послов с одинаковой нотой, составленной на основании английского предложения»[2].

Но Сазонову пришлось теперь пережить разочарование, так как выяснилось, что сэр Эдуард Грей изменил свою точку зрения за время, на которое Сазонов сам пожелал отсрочить выступление союзных держав согласия в Константинополе. Сазонов понял, что согласие не было «настолько абсолютным», насколько он предполагал. Предлагаемая им нота была резче по тону, чем «декларация Грея».

Возникло также недоразумение и по вопросу о форме, в какой декларация союзных держав будет предложена великому визирю. Сазонов и Пишон стремились к очень внушительной дипломатической процедуре — к одновременному вручению послами союзных держав совершенно идентично составленных нот. Сэр Эдуард Грей, что для него весьма характерно, желал более мягкой формы обращения к великому визирю.

[1] Сазонов—Свербееву 22 ноября/5 декабря 1913 г., «Материалы по истории франко-русских отношений», 648.

[2] Телеграмма 3309, «Материалы по истории франко-русских отношений», 650; Siebert-Schreiner, 681.

«По мнению Грея, ноты должны быть идентичны, но вручены не одновременно»[1].

Тем временем Грей выяснил со слов германского поверенного по делам в Лондоне, что дело с германской военной миссией обстояло совсем иначе, чем его изображал Поль Камбон. Он узнал от Кюльмана, что командование армейским корпусом в Константинополе было предоставлено ген. Лиману просто для того, чтобы придать ему больше авторитета, чем было у его предшественника. Усилия ген. фон дер Гольца парализовались отсутствием у него авторитета и турецкой инертностью, которая препятствовала всем его попыткам провести реформу. Новый план заключался в том, чтобы предоставить ген. Лиману образцовый корпус, над которым он будет иметь командование и в котором он будет достаточно самостоятелен, чтобы провести реальные реформы. Корпус в Константинополе был выбран в качестве образцового корпуса, потому что в Константинополе находились военная школа и генеральный штаб, с которым германские инструктора должны были находиться в постоянном контакте. Генерал Лиман должен был просто занять в армии положение, аналогичное тому, которое уже занимал адмирал Лимпус во флоте и против которого державы не высказывали никакого протеста. Указание на адмирала Лимпуса произвело на Грея глубокое впечатление. Он начал понимать, что с его стороны будет крайне непоследовательно требовать, чтобы ген. Лиман оставил командование единственным корпусом в Константинополе, в то время как адмирал Лимпус сохранит командование над всем турецким флотом. Как сообщил русский посол несколько дней спустя, «Грей до последнего времени не был в точности осведомлен об условиях договора, на основе которого работает британский адмирал... Положение британского адмирала на самом деле дает в руки Германии доводы, которые вызывают здесь затруднение. Никольсон беседовал со мной несколько раз по этому поводу»[2].

Но и независимо от доводов Кюльмана Грей стал осторожнее относиться к маневрам Сазонова, благодаря правильной информации, которую он начал получать от сэра Луи Маллета из Константинополя и в которой указывалось на необходимость продолжения англо-германского сотрудничества для постройки морских доков для Турции в Исмиде и на заявление адмирала Лимпуса, что его права даже шире прав ген. Лимана. Наконец сэр Луи Маллет предостерегал, что требования России об устранении Лимана могут создать опасное положение, подобное

---

[1] Эттор—Сазонову, телеграмма 799, 19 ноября/2 декабря, «Материалы по истории франко-русских отношений», 646; Siebert-Schreiner, 681. См. Камбон-Пишону 2 декабря («Affaires Balkaniques», III, 93): «Премьер-министр (Асквит) одобрил предложение Грея о выступлении в Константинополе. Он считает, что оно не должно быть коллективным, но идентичным, и что послы могут его сделать почти в одинаковых выражениях».

[2] Бенкендорф—Сазонову, телеграмма 29 ноября/12 декабря 1913 г., «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», 657; Siebert-Schreiner, 688. См. также телеграмму 813 1/14 декабря: «Я спросил Никольсона, по какой причине Грей изменил свою первоначальную точку зрения. Он ответил, что он получил от британского посла в Константинополе такие сведения, касающиеся положения британского адмирала в Константинополе, которые лишили Грея возможности принять какое-либо участие в предложенном вами плане».

тому, какое вызвала в 1870 г. Франция своими требованиями об устранении кандидатуры Гогенцоллернов[1].

Ознакомившись подробнее со всеми обстоятельствами дела, в особенности с положением адмирала Лимпуса, Грей нашел нужным изменить линию своего поведения. Он пришел к убеждению, что проектируемая Сазоновым «нота» Турции (хотя и основанная целиком на его собственных предложениях и предложениях Камбона) «преждевременна»; нет никаких оснований «к угрозам в ее заключительной части»; и вместо предупреждения султану об опасных последствиях пребывания ген. Лимана в Константинополе, он теперь предлагал только «устный запрос», т. е. вежливый вопрос турецкому правительству о контракте, заключенном им с германским генералом, и о круге обязанностей, которые на него возложены.

Сазонов был очень удручен этими обстоятельствами, что видно из его телеграммы русскому послу в Лондоне от 12 декабря 1913 г.

«Я слышал из весьма секретного источника[2], будто Грей высказал французскому послу, что он не хочет заходить слишком далеко в конфликте с Константинополем, так как опасается перемены в моей позиции, что может привести к дипломатической неудаче. Я должен по этому поводу заметить, что по вопросу об инструкторах произошла перемена не в моей позиции, но весьма печальная перемена в позиции Англии. Грей не желает больше иметь ничего общего с нотой, в основу которой положена его собственная телеграмма британскому послу [в Петербурге].

Если в конце концов мы будем вынуждены изменить наше отношение к данному вопросу, как это было уже во многих других случаях, то это нужно будет отнести за счет отсутствия достаточной уверенности в реальности английской поддержки. Уверенность эта колеблется еще более подобным поведением Англии. Отсутствие единства и солидарности между тремя державами Согласия вызывает у нас весьма серьезные опасения, так как оно составляет органический недостаток Тройственного согласия, который всегда нас ставит в невыгодное положение перед лицом крепкого блока Тройственного союза.

Подобное положение дел может, при некоторых обстоятельствах, повлечь весьма важные последствия и весьма серьезно затронуть жизненные интересы каждой из держав Тройственного согласия»[3].

---

[1] G. P., XXXVIII, 232, 240, 245, 249, 270, 282, а также предыдущее примечание.

[2] Этот «весьма секретный источник», повидимому, является одним из случаев расшифровки Сазоновым телеграмм, посланных французским правительством французскому послу в Петербурге, подобный тому случаю, который повлек за собой известную попытку добиться увольнения Жоржа Луи в мае 1912 г. См. Judet, Georges Louis, 85—88; Poincaré, I, 377 и сл.

[3] Сазонов—Бенкендорфу 29 ноября/12 декабря 1913 г.; Siebert-Schreiner, 687; см. «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», стр. 657, с ответом Бенкендорфа; см также Buchanan, My mission to Russia и довольно точное изложение ситуации, сделанное Кюльманом в Лондоне, с комментариями кайзера (12 декабря; G. P., XXXVIII, 250): «Повидимому необыкновенно сильное давление оказывается со стороны России [Кайзер: «Негодяи!»]. Как говорят, русское правительство зашло настолько далеко, что заявило сэру Эдуарду Грею, что оно рассматривает занятую им

Несмотря на свое раздражение и огорчение по поводу печальной перемены в поведении Грея, Сазонов понял, что ему не остается ничего другого, как примириться с нею. 13 декабря три посла союзных держав в Константинополе сделали один за другим осторожный «устный запрос» о характере контракта, заключенного с ген. Лиманом, а также о том, не угрожает ли он суверенной независимости Турции и власти в Константинополе и проливах. Они получили желательную им информацию относительно контракта, по второму же вопросу великий визирь ответил, что это—внутреннее дело Турции. При этом он сравнил положение ген. Лимана с положением адмирала Лимпуса и не нашел никаких причин для аннулирования или пересмотра германского контракта [1]. Ввиду занятой сэром Эдуардом Греем позиции Сазонов не мог рассчитывать добиться чего-либо большего путем переговоров в Константинополе. Хотя и шли разговоры об изменении статуса как ген. Лимана, так и адмирала Лимпуса, но из этого ничего не вышло.

Бомпар, французский посол в Константинополе, полагал, что Россия не сможет достигнуть своей цели мирным путем. Он частным образом дал совет России: послать «военный корабль к Босфору и заявить, что она не отзовет его до тех пор, пока не будет изменен контракт с ген. Лиманом и его офицерами». Палеолог, директор политического отдела французского министерства иностранных дел, полагал, что «турецкие батареи, конечно, не решат открыть по нему огонь». Извольский добавлял с своей стороны, что «если бы мы решились на подобное энергичное действие, общественное мнение Франции несомненно высказалось бы в нашу пользу, так как оно весьма чутко относится ко всему, что касается национального достоинства, и живо ощущает нетерпимость германского влияния в Турции» [2]. Сазонов, как мы это увидим дальше, действительно разрабатывал план военных мероприятий для устрашения Турции. Но Франция и Англия указали, что лучше выждать, каковы будут результаты попыток германского правительства найти выход, который дал бы удовлетворение России, не нанося одновременно удара престижу Турции или какой-либо великой державе. Нападки панславистской прессы нервировали Сазонова, но тем не менее он нашел в себе достаточно благоразумия послушаться совета союзных держав.

Тем временем германский посол в Константинополе в свою очередь прилагал все усилия, чтобы найти разумное и мирное разрешение этого вопроса. Он настаивал, чтобы Турция пересмотрела и изменила контракт с ген. Лиманом. Он пытался привлечь к выработке соглашения

позицию по этому вопросу как пробный камень в оценке его чувств по отношению к России вообще [Кайзер: «Ага!»]. Так как сэр Эдуард Грей желает в своей политике избежать разрыва с Россией [Кайзер: «Осел, он предает интересы своей собственной страны!], то говорят, он решил принять формальное участие в запросе по этому делу, не проявляя, однако, со своей стороны слишком сильной заинтересованности [Кайзер: «Ну, теперь великий визирь может держать себя без стеснения.»]

[1] «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», стр. 658—662; Siebert-Schreiner, стр. 688—692; G. P., XXXVIII, 250—268.

[2] Извольский— Сазонову 19 декабря/1 января, «Материалы по истории франко-русских отношений», 602; L. N., II, 222; Stieve, IV, 10; Siebert-Schreiner, 701. О мирных заверениях Франции по отношению к Германии и о впечатлениях от них Германии см. G. P., XXXVIII, 241, 247, 255, 272, 274, 286, 307.

германского и русского военных атташе в Константинополе. В конце концов он поспешил в Берлин и здесь добился благополучного разрешения вопроса. Ген. Лиман получил в прусской армии производство в следующий чин; по условиям контракта это автоматически вызвало его повышение в турецкой армии до ранга фельдмаршала, что освобождало его от командования первым армейским корпусом в Константинополе. Он оставался инспектором турецких войск и начальником военной школы, но командование войсками в Константинополе отпадало; это был как раз тот пункт, против которого так настойчиво возражал Сазонов. Такое разрешение вопроса, удовлетворяющее и Россию, было опубликовано 15 января 1914 г.[1]. Оно мирно ликвидировало конфликт устранив опасность поединка между державами Тройственного союза и Тройственного согласия. Русский посол в Берлине писал по этому поводу Сазонову: «Берлинский кабинет поистине сделал все от него зависящее, чтобы удовлетворить наши справедливые пожелания, что было не легко ввиду газетной кампании, направленной против правительства[2].

Вся эта история показывает, каким образом даже такой серьезный русско-германский дипломатический кризис мог быть разрешен разумным и мирным порядком благодаря тому, что Германия согласилась пойти на некоторые уступки, а Россия была удержана Францией и Англией от слишком крайних и поспешных шагов. Конечно тут сыграло роль и то обстоятельство, что ни одна из сторон не придавала серьезного значения шумихе, поднятой шовинистическими газетами и военными алармистами. Германия вовсе не была склонна преподнести Сазонову неожиданный для него сюрприз, но несчастная ошибка царя в мае месяце и Бетмана в октябре, не сообщивших русскому министру иностранных дел о германской военной миссии, вызвали у последнего вполне естественное чувство недовольства. Оно усиливалось и его опасениями, что миссия Лимана может в конце концов нанести удар притязаниям России относительно проливов—факт, подтверждающий нам, какое громадное значение Сазонов придавал русской «исторической миссии», что видно и из его подготовительных планов, которых мы коснемся ниже. Впечатление от дела Лимана фон Сандерса в Берлине было таково, что если Сазонов и склонен впадать в состояние раздражения и предпринимать даже попытки блефа, то весьма сомнительно, поддержит ли его блеф Англия. Это и было одной из причин, благодаря которой Германия надеялась без всякого для себя риска оказать поддержку Австрии в июле 1914 г.

ПЛАНЫ САЗОНОВА ПО ПОДГОТОВКЕ ВОЙНЫ

Многие критики считают, будто Сазонов «был вовлечен» осенью 1913 г. во «франко-русский военный заговор», который Пуанкаре и Извольский подготовляли с 1912 г., «балканизируя франко-русский союз»[3]. Но это мнение, с одной стороны, не доучитывает независимости

[1] G. P., XXXVIII, 265—302.

[2] Свербеев—Сазонову 3/16 января 1914 г., «Материалы по истории франко-русских отношений», 689; Siebert-Schreiner, 707.

[3] См. Stieve, Isvolski and the World War, 186; H. E. Barnes, The Genesis of the World War, 110, 138 и примечание 1 на стр. 363

поведения Сазонова, а с другой—переоценивает влияние, оказывавшееся Пуанкаре и Извольским на русскую иностранную политику. Балканская политика Сазонова часто не вполне совпадала с политикой Извольского и еще меньше с политикой Пуанкаре. Направление русской политики в период зимы и весны 1914 г. находит более верное отражение во всеподданнейших докладах Сазонова царю и в протоколах совещаний русских министров, чем в самодовольных донесениях русского посла в Париже. Влияние Извольского на ход русской политики преувеличивалось как самим Извольским, так и писателями, которые расценивали его на основании его собственных слов. Что же касается Пуанкаре, то в своих недавно выпущенных апологетических мемуарах он впадает в другую крайность, стараясь совершенно дискредитировать Извольского. Но одно несомненно, что в первые месяцы 1914 г. влияние Извольского несколько упало как в Париже, так и в Петербурге. Он был страшно встревожен слухами, что он может быть заменен Коковцевым.

Истинная позиция Сазонова ясно обрисовывается из его обширного доклада царю в начале декабря 1913 г.[1]. В нем он подводит итоги общего положения вещей после балканских войн, подчеркивая особенно угрозу миру вследствие долгих и безуспешных попыток Турции и Греции притти к соглашению. В связи с ослаблением Турции, Сазонов приходит к заключению, что падение Турецкой империи не за горами, что все государства уже подсчитывают долю, которая достанется им, когда наступит момент окончательного ее раздела, и что поэтому России пора уяснить себе, какую позицию она должна будет занять в данном вопросе.

Беспристрастная оценка этого доклада, слишком длинного, чтобы его цитировать целиком, приводит нас к выводу, что Сазонов не стремился вызвать европейскую войну, наоборот, он упорно повторяет, что желает сохранить как можно дольше status quo. Но положение на Балканах было крайне неустойчивым. Россия не может допустить, чтобы проливы перешли в руки какого-либо иного государства, как это могло случиться, когда болгары подошли к аванпостам Константинополя в 1912 г. Поэтому кабинету министров необходимо подготовить план захвата проливов на случай осложнений в Европе, которые, как он опасался, могут произойти в любой момент. С этой целью он и просит у царя разрешения обсудить вместе с другими министрами необходимые подготовительные мероприятия.

«Совершенно не входит в наши прямые интересы стремиться к какому-либо росту нашей территории. Задачи внутреннего развития России возлагают на нас в первую очередь обязанность сохранить мир. Однако, не отказываясь от этой нашей первой и основной задачи, мы не должны закрывать глаза на опасности международного положения, предотвратить которые мы не в состоянии. Поэтому мы не можем пренебрегать больше, чем другие государства, вопросом обеспечения наших прав и интересов, если события потребуют их защиты вооруженной силой.

[1] Доклад Сазонова от 23 ноября/6 декабря 1913 г. (L. N., II, 363—372; Stieve, III, 374—383), датированный 25 ноября/8 декабря, одобренный царем в Ливадии 27 ноября/10 декабря. Изложен у Адамова, I, 70, 75.

Сомнение в прочности и долговечности Турции связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и с оценкой всего значения их для нас с политической и экономической точки зрения... Едва ли в России найдется ответственный политический деятель, который не признал бы, что в случае изменения существующего положения вещей Россия не может допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам, иными словами, при известных условиях не может оставаться безучастной зрительницей событий...

Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается, в сущности, довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов. Турция представляется государством не слишком сильным, но и не слишком слабым, неспособным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией...

Но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаться вопросом о том, можем ли мы не готовиться к наступлению событий, которые в корне изменят положение Константинополя и проливов. Оставляя открытым вопрос о положительной ценности завладения и тем и другим и также о потребных для сего жертвах, допустим ли для нас переход проливов в полное обладание другого государства? Поставить этот вопрос—все равно, что ответить на него отрицательно. Проливы в руках сильного государства—это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. В самом деле, тот, кто владеет проливами, получит в свои руки не только ключи от Черного и Средиземного моря,—он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах; естественно, что государство, которое заменит Турцию у проливов, попробует использовать исторические пути, проложенные ранее турками.

[Отклонив за неудовлетворительностью все предложения о демилитаризации и нейтрализации проливов, Сазонов продолжает настаивать на необходимости детальной программы подготовительных мероприятий]. Нам необходимо озаботиться разработкой мер, которые должны быть предприняты для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море.

Какие мероприятия потребуются со стороны военного и морского ведомств для ускорения мобилизации в связи с оборудованием новых путей сообщения и доведением наших транспортных средств до должных размеров? Какие задачи могут, в соответствии с этими средствами, быть намечены и в какое приблизительно время? Возможно или нет поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства?

Возвращаясь к упомянутой политической стороне подготовки, приходится вновь повторить, что скорое распадение Турции не может быть для нас желательным и что в пределах дипломатического воздействия надлежит сделать все возможное для отсрочки такой развязки. Сазонов далее указывал на главные, требующие обсуждения вопросы: 1) ускорение мобилизации достаточно сильного экспедиционного корпуса; 2) подготовка необходимых для мобилизации путей

сообщения; 3) усиление черноморского флота, так чтобы он был сильнее турецкого флота и мог, в случае необходимости, форсировать проливы и занять их на время или навсегда; 4) увеличение морских транспортных средств и 5) постройка стратегических ж.-д. путей на Кавказе.]

Возвращаясь к вопросу о целесообразности сохранения возможно дольше существующего status quo[1], необходимо иметь в виду, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений.

Последние, если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией, при возможном, но далеко не обеспеченном союзе с Англией или по крайней мере при доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае общеевропейских осложнений, могли бы рассчитывать на Сербию, а может быть и на Румынию...»[2].

Царь одобрил доклад Сазонова, и 13 января 1914 г. состоялось, согласно предложения последнего, его обсуждение совместно с некоторыми министрами. Сазонов послал копию своего доклада морскому министру Григоровичу, который передал его на рассмотрение в морской штаб. Последний, конечно, очень горячо поддержал предложение Сазонова об усилении Черноморского флота. По мнению морского штаба только этим путем Россия сможет заставить европейские государства считаться с ее голосом в турецком вопросе, в котором влияние России, к сожалению, еще недостаточно.

Морской штаб предложил ряд мероприятий для немедленного усиления Черноморского флота: ускорение постройки судов, уже намеченных, покупку за-границей дредноутов и предотвращение покупки их Турцией, а также разработку планов комбинированных действий Балтийского и Черноморского флотов против Турции[3].

На основании этих предложений морским министром был сделан обширный доклад царю, поддерживавший идеи Сазонова:

«Систематическая и успешная подготовка операций нашего флота за преобладание на Черном море и в константинопольских проливах,

---

[1] Штиве («Isvolsky and the World War», 189), цитируя этот пункт, выкидывает существенный абзац от слова «Возвращаясь» до слов «Status quo», так же как и все аналогичные фразы, в которых Сазонов высказывает желание сохранить «status quo. Устранив все слова, которые не подходят к его собственным теориям, он говорит: «Это место имеет громадное значение», и далее приходит к ложным и необоснованным выводам: «Основная мысль Сазонова заключается главным образом в первой фразе с заявлением, что вопрос о проливах вряд ли может выдвинуться иначе как в обстановке о б щ е е в р о п е й с к и х о с л о ж н е н и й» (подчеркнуто Штиве). «Данное место указывает, что Сазонов принял идею мировой войны. Итак, в конце 1913 г. русский министр иностранных дел, в вопросе о достижении специальных русских задач, проделал ту же самую роковую эволюцию, какую Пуанкаре решительно проделал относительно Франции еще в конце 1912 г., когда готовился напасть на Австрию и Германию... Вот это и оказало решающее влияние на судьбы Европы...» и т. д. Б а р и с, стр. 139, вслед за Штиве отбрасывает фразы, в которых Сазонов высказывает свое желание сохранить мир и status quo.

[2] Продолжение доклада Сазонова в части, касающейся Сербии и Австрии, см. выше стр. 332, прим. 1-е.

[3] Доклад морского штаба от 9/22 декабря 1913 г. З а х е р, Константинополь и проливы, «Красный архив», VII, 33 и сл.

а также в прилегающих к ним водах Средиземного и Эгейского морей, требует от нас настойчивой и постоянной работы не только по линии морского министерства, но и по линии военного министерства и других, в особенности министерства иностранных дел, министерства торговли и промышленности и министерства финансов. Вся эта подготовительная работа может быть выполнена только в течение целого ряда лет. Поэтому морское министерство вполне согласно с предложениями министра иностранных дел о необходимости создания некоторых подготовительных работ Особого совещания для разработки руководящих принципов, вытекающих из основной идеи, одобренной вашим императорским величеством, относительно того, что Россия не может позволить какому-либо другому государству захватить в свои руки проливы и что она должна быть готова взять их в свои руки в случае, если какие-либо крупные европейские осложнения приведут восточный вопрос к его окончательному разрешению»[1].

5 января 1914 г. Сазоновым был разослан министрам меморандум, который должен был служить базисом для работ будущего Особого совещания. В нем он подводит итоги переговорам по делу фон Сандерса и приходит к следующим выводам:

«3. Ввиду того, что последние известия указывают на двусмысленный образ действий германского правительства в этом вопросе, надлежит в настоящее время принять решение на случай, если бы представилось необходимым подкрепить наши требования мерами понуждения.

4. Означенные меры понуждения могли бы выразиться с нашей стороны в занятии одного из пунктов Малой Азии, например Трапезунда или Баязета, с заявлением, что мы останемся там до исполнения наших требований.

5. Выяснив определенно, какие точно меры понуждения могут быть нами применены, надлежит войти по сему предмету в доверительный обмен мнений с английским и французским правительствами ввиду необходимости решиться на меры принуждения, только выяснив заранее, можем ли мы рассчитывать на соответствующее выступление обеих держав.

6. В переговорах с указанными правительствами следует установить со стороны всех трех держав необходимость крайне осторожного и дружного образа действий, дабы по возможности предотвратить обострение конфликта, могущего иметь последствием европейскую войну. Вместе с тем с нашей стороны должны быть приложены усилия, дабы склонить Францию и Англию к необходимости довести раз начатое дело отстаивания общих требований до конца.

7. Если эта точка зрения будет принята всеми тремя державами и переговоры в Берлине не приведут к желательному результату, надлежит условиться относительно известной градации в мерах принуждения. Таковыми могут быть: а) последовательно проводимый финансовый бойкот Турции; б) если бы этот метод не дал желательных

1 Доклад Григоровича, одобренный царем 30 декабря 1913 г., «Красный архив», VII, 113.

результатов и не произвел должного воздействия, как это имело место в Адрианопольском вопросе, то три державы могли бы отозвать своих представителей из Константинополя; в) одновременно правительства России, Франции и Англии оповестили бы Порту о сроке выполнения их требований, после чего было бы приступлено к осуществлению мер принуждения с предупреждением, что они прекратятся лишь по выполнении предъявленных требований.

8. В случае, если бы для своевременного принятия мер принуждения с нашей стороны потребовались известные подготовительные меры военного характера, как-то усиление частей на Кавказе, то меры эти желательно обставить возможно меньшей оглаской. С политической точки зрения представляется, однако, необходимым, чтобы вслед за угрозой, если к таковой придется прибегнуть, можно было без задержки приступить к ее осуществлению»[1].

Этот меморандум выражает стремление Сазонова избежать, «если окажется возможным, обострения конфликта, могущего иметь последствием европейскую войну», и в то же самое время намерение его прибегнуть к мерам принуждения и угрозам вооруженного вмешательства как к средству одержать дипломатическую победу, а также его полную готовность «без задержки приступить к ее (угрозы) осуществлению», конечно, при условии поддержки со стороны Англии и Франции. Сазонов 9 января докладывал царю о своей уверенности в том, что только твердая позиция со стороны России произведет желательный эффект на Германию и Турцию, «но вне всякого сомнения, нам приходится считаться с риском серьезных осложнений». Он придерживался того мнения, что Россия не должна принимать миссию Лимана фон Сандерса как уже совершившийся факт, так как «уступчивость будет равносильна политическому поражению и может иметь самые гибельные последствия». Она сделает Германию и ее союзников более дерзкими, тогда как «во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия, ради сохранения мира, согласна пойти на какие угодно уступки. Раз такое убеждение укрепится у наших друзей и союзников, и без того не очень сплоченное единство держав Тройственного согласия может быть окончательно расшатано, и каждая из них будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря».

Сазонов опасался в особенности того, что Англия и Германия могут притти к какому-нибудь сепаратному соглашению по вопросу о Лимане фон Сандерсе, нарушив существующий статус адмирала Лимпуса, и тогда Россия окажется одна лицом к лицу с Германией.

«Россия в конце концов осталась бы в полном политическом одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать и на Францию, которая и без этого (возможного англо-германского соглашения) склонна принести в жертву широкие политические интересы своим финансовым выгодам. Но если ответ Франции и Англии относительно применения мер принуждения будет удовлетворительным, то, располагая необходимыми силами и проводя подготовитель-

[1] Pokrovsky, Drei Konferenzen, 32; Stieve, Isvolsky and the World War. 219.

ные мероприятия, потребные для данных обстоятельств, мы должны твердо отстаивать наши интересы до конца»[1].

Нет ничего удивительного в том, что Сазонов относился недоверчиво к лойяльности Англии по отношению к русским интересам на Балканах. Но то обстоятельство, что подобные подозрения он высказывает и относительно Франции, доказывает нам, в какой мере подозрительность была свойственна его характеру, в особенности, принимая во внимание тот факт, что Извольский только за несколько дней перед этим сообщал ему, что «Пуанкаре самым положительным образом подтвердил мне заявление Думерга... что Франция твердо решила действовать по этому вопросу вместе с нами... Из слов Пуанкаре я мог заключить, что все выражения данного ответа были тщательно взвешены им самим и его министрами, и что, несмотря на искреннее миролюбие Франции, в них вполне сознательно выражена спокойная решимость не уклониться при настоящих обстоятельствах от обязательств, налагаемых на нее союзом»[2].

Подозрительность Сазонова заставляла его время от времени перехватывать и расшифровывать телеграммы между французским правительством и французским послом в Петербурге. Возможно, что его подозрительность была причиной того, что Пуанкаре считал нужным неоднократно подтверждать России, что Франция окажет ей поддержку. Эти уверения, по всей вероятности, должны быть поняты скорее как стремление усилить франко-русский союз и укрепить Тройственное согласие, чем как намерение вызвать европейскую войну, посредством которой Франция рассчитывала вернуть себе Эльзас-Лотарингию.

13 января 1914 г., как раз в тот момент, когда вопрос относительно Лимана фон Сандерса пришел к удовлетворительному разрешению, Особое совещание, которое Сазонов предлагал созвать за несколько дней перед этим, наконец состоялось под председательством премьер-министра и министра финансов Коковцева. В нем принимали участие только самые ответственные лица: военный министр (Сухомлинов), морской (Григорович), министр иностранных дел (Сазонов), начальник штаба (Жилинский) и два протоколиста-секретаря от ближневосточного отдела министерства иностранных дел[3].

Сазонов доложил, что, согласно последним сведениям, ген. Лиман назначается на высшую командную должность в турецкой армии и поэтому должен будет сложить с себя командование армейским корпусом в Константинополе, что казалось Сазонову благоприятным симптомом; но это

---

[1] Доклад Сазонова царю от 27 января/9 февраля, Адамов, 62—64. Весьма вероятно, что Сазонов пускал в ход этот аргумент, что Россия стоит перед опасностью остаться в полном политическом одиночестве для того, чтобы убедить миролюбивого царя одобрить обсуждение подготовительных мер.

[2] Извольский—Сазонову 23 декабря/5 января, «Материалы по истории франко-русских отношений», 686; Siebert-Schreiner, 704; Stieve, IV, 17. Ср. также Извольский—Сазонову 13/30 декабря 1913 г., 2/15 января 1914; «Материалы по истории франко-русских отношений», 470—481, 674; L. N., II, 218, 220; Stieve, III, 473; Siebert-Schreiner, 697.

[3] Протоколы этого совещания от 31 декабря/13 января были опубликованы М. Н. Покровским по-русски в 1919 г. (как указано выше в «Вестнике НКИД» № 1), по-немецки, 1920 («Drei Konferenzen»), а по-английски Штиве, Isvolski and the World War, 219—229.

назначение еще не было совершившимся фактом, и поэтому не следовало относиться к нему слишком оптимистически.

Ген. Сухомлинов энергично настаивал на том, что нужно попытаться убедить Турцию отказаться совсем от услуг германской военной миссии и что все рассуждения об изменении форм ее деятельности имеют только второстепенное значение. Сазонов возразил, что указания, данные в Константинополе по этому вопросу, не будут иметь успеха без мер принудительного воздействия, упомянутых им ранее.

Однако Коковцев—благоразумный, миролюбивый и склонный к компромиссам—считал необходимым воздерживаться от каких-либо поспешных, агрессивных действий. Прежде чем говорить о мерах принуждения, он просил обсудить два вопроса первостепенной важности:

1. Германское правительство ищет выхода из положения, созданного требованиями России. При этом берлинский кабинет указывает на необходимость для России в целях благоприятного разрешения вопроса не обращаться к Германии с категорическими заявлениями ультимативного характера, которые могли бы заставить Германию еще более упорствовать в отстаивании своей точки зрения, так как нельзя не принять во внимание трудность положения германского правительства перед общественным мнением страны.

2. Переговоры с берлинским кабинетом, ведущиеся ныне уже около 2 месяцев, следовало бы продолжать до того момента, когда императорское правительство получит убеждение в невозможности добиться этим путем намеченной цели.

Далее Коковцев указал, что даже меры принуждения могут быть предприняты только «в случае тесной солидарности с другими державами Тройственного согласия. Прежде чем притти к какому-либо решению, русское правительство должно точно знать, в какой мере оно получит поддержку Франции и можно ли рассчитывать на активное участие Великобритании в давлении на Порту».

Сазонов ответил, что он это уже имел в виду и добавил:

«До настоящего времени неясно, насколько готова Великобритания к энергичным действиям. По отношению же к Франции русское правительство может рассчитывать на реальную поддержку до конца. Делькассе заверил министра от имени французского министерства иностранных дел, что Франция пойдет в этом вопросе так далеко, как этого только пожелает Россия».

Коковцев продолжал стоять на той точке зрения, что всякие меры принуждения вроде оккупации территории Малой Азии «с неизбежностью повлекут за собой войну с Германией». Поэтому-то он и поставил вопрос: «желательна ли для нас война с Германией, пойдет ли на нее Россия?» В своем ответе Сазонов согласился с Коковцевым, что «в принципе война с Германией нежелательна»; что касается того, решится ли на нее Россия, Сазонов «не считает себя уполномоченным отвечать на этот вопрос». Но «военный министр и начальник штаба категорически заверили о полной готовности России к войне с Германией, не говоря уж о войне с Австрией. Подобная война едва ли вероятна, так как этим государствам придется иметь дело со всем Тройственным согласием» Эти категорические утверждения русских военных властей совершенно

разбивают существующее мнение, что Россия не хотела войны в 1914 г., так как ее приготовления к ней не были еще закончены.

Коковцев, находясь в оппозиции ко всем остальным министрам, снова настаивал на том, что занятие Трапезунда и Баязета неминуемо вызовет выступление Германии. Но Сазонов считал, что оно «будет весьма энергичной мерой воздействия и может удержать Германию от вмешательства». Его взгляды разделяли морской и военный министры и начальник штаба.

«Коковцев, считавший, что война в настоящий момент составит величайшее несчастье для России, настаивал на своем мнении, что было бы крайне нежелательно вовлекать Россию в европейский конфликт, с чем согласились и другие участники совещания».

Коковцев подвел итоги совещанию в том смысле, что переговоры с Берлином должны продолжаться с целью достигнуть отказа ген. Лимана от командования войсками в Константинополе. Если бы стала вполне очевидной безрезультатность этих переговоров, можно было бы пустить в ход меры принуждения, при условии единодушия со стороны держав Тройственного согласия. «Но в том случае, если Россия не будет уверена в готовности Франции и Англии принять активное участие в намеченных ею шагах, нам придется вообще отказаться от мер принуждения, которые могут привести нас к войне с Германией». Необходимость добиться поддержки Англии в вопросе о притязаниях России на Ближнем Востоке заставила Сазонова весной 1914 г. удвоить свои усилия, чтобы добиться у сэра Эдуарда Грея более определенных и связывающих обязательств в форме англо-русской морской конвенции. Переговоры об этой конвенции начались вскоре, но прекратились, как только сведения о ней проникли в публику.

Из протоколов Особого совещания видно, что Сазонов разделял полностью готовность военных кругов к применению мер принуждения в связи с вопросом об отозвании ген. Лимана с поста командующего турецкой армией в Константинополе. Не стремясь к войне с Германией и предпочитая дипломатическую победу, он не останавливался, однако, перед решениями, которые могли в итоге привести Россию к войне с Германией при условии, конечно, поддержки со стороны союзников. Сазонов был готов пустить в ход угрозу силой и незамедлительно перейти к ее (угрозы) осуществлению, если эта угроза не даст положительных результатов.

Такова же была позиция Сазонова в июле 1914 г.; она и привела Россию к войне. В январе 1914 г. война не вспыхнула благодаря тому, что Германия пошла своевременно на уступки по вопросу о Лимане фон Сандерсе, а также благодаря усилиям Коковцева, который пустил в ход все свое влияние, чтобы удержать Россию от слишком поспешных провокационных действий вроде оккупации Трапезунда или Баязета.

Совещание обнаруживает резкий контраст между умеренным, сдерживающим и примирительным влиянием Коковцева, с одной стороны, и опасной политикой военного воздействия—с другой, на которой настаивал Сазонов вместе с руководителями военного и морского ведомств. Коковцев, как министр финансов, смотрел на этот вопрос скорее с деловой, нежели с политической точки зрения. Подобно графу Витте он учитывал не только политическую, но и экономическую сторону

дела. Он не был ослеплен лозунгами дипломатов о панславистских интересах, «престиже» России и ее «исторической миссии». Коковцев учитывал то катастрофическое воздействие, которое окажет война на русские финансы, промышленность и внутреннее политическое положение страны. Когда он поставил ребром вопрос: «желательна ли война с Германией?»—другие члены совещания вынуждены были согласиться с ним, что она нежелательна. Нужно считать непоправимым несчастьем для России и всего мира, что через несколько дней после этого совещания Коковцев последовал примеру графа Витте и ушел в отставку, предоставив поле деятельности Сазонову и русским панславистам и милитаристам [1].

Уход Коковцева с поста премьер-министра подал основание к слухам, что он будет назначен русским послом в Париже, а Извольский будет перемещен в Рим или на какой-нибудь другой пост. Это обеспокоило Извольского, и он стал униженно просить Сазонова предотвратить подобное перемещение.

«Перемещение в Рим было бы для меня крайне тяжелым в финансовом отношении, ибо всякий переезд сопряжен с большими затратами, а в Риме содержание на 40 тыс. франков меньше, чем здесь. Увольнение же в Государственной совет было бы для меня прямо катастрофой... Вы знаете, что личные мои средства очень скудны, покуда я не поставил на ноги сына и не пристроил дочери. Я принужден очень дорожить моим постом (в случае его потери, говорит Извольский, он должен будет занять какую-либо должность в банке). После почти сорокалетней дипломатической службы мне это было бы очень тяжело и горько».

Просьба Извольского имела успех. Несколько дней спустя он приносит Сазонову свою глубокую благодарность за то, что последний «парализовал попытку Коковцева занять мое место» [2].

Несмотря на то, что вопрос о Лимане фон Сандерсе был счастливо разрешен в январе 1914 г., Сазонов, освободившись от миролюбивого влияния Коковцева, продолжал разработку мер принудительного воздействия и даже поставил на обсуждение агрессивный проект внезапного захвата проливов вооруженной силой. Этот проект выдвигался еще в 1896 и 1912 гг., но оба раза был отложен из-за недостаточной подготовленности [3]. Особое совещание было созвано 21 февраля 1914 г.

---

[1] Об активном национализме влиятельных людей, как, например, председатель государственной думы Родзянко, см. его «Erinnerungen» (Berlin 1926, перев. на англ. «The Reign of Rasputin», Лондон 1927). Какое огромное влияние оказывали на русскую политику во время дела Лимана фон Сандерса весною 1914 г. великий князь Николай Николаевич, милитаристы и панслависты (которых Сазонов часто поддерживал, но всегда боялся), видно из тонких и умных замечаний Пурталеса, германского посла в Петербурге (G. P., XXXVIII, 253, 269, 293; XXXIX, 540—581, passim). Между тем Пурталес не был алармистом и после июля 1914 г. его упрекали за отсутствие ого качества. По этому поводу см. A. Fischel, Der Panslavismus bis Weltkrieg (Stuttgart 1919; V. H. Wilcox, Russia's Ruin (New York 1919); G. Frantz, Russlands Eintritt in den Weltkrieg (Berlin 1924) und Russland auf dem Wege zur Katastrophe Berlin 1926).

[2] Извольский—Сазонову 30 января/12 февраля 1914 г., «Мат. по ист. фр.-русск. отн.», 488; L. N., II, 238; Stieve, IV, 52, 56.

[3] О проекте 1896 г. см. примечание стр. 252, а о проекте 1912 г.—Захер. «Красный архив», VI, 50—61, с донесениями морского штаба.

под председательством Сазонова; на нем присутствовали военный и морской эксперты, а также активный и агрессивно настроенный русский посол в Константинополе Гирс. Сазонов предложил на рассмотрение свой всеподданнейший доклад от 5 декабря 1913 г., одобренный царем, о том, что:

Необходимо действовать без замедления по вопросу о всесторонней разработке программы, направленной к тому, чтобы благополучно разрешить в нашу пользу исторический вопрос о проливах.

Признавая, что в настоящий момент политические осложнения на Балканах маловероятны, Сазонов выражает далее твердое убеждение в том, что, если события все же сложатся так, что проливы уйдут из-под контроля Турции, Россия не должна позволить никакой другой державе утвердиться на их берегах. Россия должна быть готова захватить их в свое владение для того, чтобы так или иначе обеспечить то положение вещей на Босфоре и в Дарданеллах, которое соответствует ее собственным интересам. Успех этой операции в значительной мере может зависеть от быстроты, с которой она будет выполнена...

(Сазонов настаивает на необходимости срочного обсуждения технических мер, касающихся мобилизации и перевозки достаточного количества сухопутных войск, усиления Черноморского флота, с тем чтобы он мог вместе с сухопутными войсками форсировать проливы, и постройки железнодорожных путей на Кавказе.)

[Учитывая возможность того, что захват Россией проливов вызовет протест со стороны Греции и Болгарии, Сазонов отмечал, что] в силу их исторической вражды и взаимного противоречия интересов есть много шансов, что если одно из этих государств окажется нашим противником, то другое с нет на нашу сторону, и что они таким образом парализуют друг друга... Сазонов не допускает, чтобы наши операции, направленные к захвату проливов, могли иметь место без всеобщей европейской войны... Само собой разумеется, что в таком случае Сербия направит свои силы против Австро-Венгрии... Благоприятный поворот в политике Румынии и в ее общественном мнении по отношению к нам, наблюдающийся в последнее время, позволяет сомневаться, выступит ли Румыния активно против нас...

В случае если произойдет коллизия со всем Тройственным союзом, Германия и Австрия не смогут послать войска к проливам, и в худшем случае возможна только посылка туда экспедиционного корпуса Италией. Но ей опасно обнажать свои границы ввиду возможности нападения Франции[1].

Таким образом, по мнению Сазонова, дипломатическая ситуация рисуется благоприятной для посылки экспедиционного корпуса к проливам, даже если она и приведет к столкновению с Тройственным союзом. Но ген. Жилинский, начальник штаба, «высказал убеждение, что борьба за Константинополь вряд ли возможна без всеобщей европейской войны», а в этом случае войска, которые предполагается послать для захвата проливов, понадобятся на западном фронте против Германии. Успех на

[1] Протокол Особого совещания от 8/21 февраля 1914 г; Pokrovsky, Drei Konferenzen, 46; Stieve, Isvolsky and the World War, 232.

главном театре военных действий будет означать успех и в вопросе о проливах. Гирс высказал предположение, что войска для сухопутной экспедиции могут быть сняты с кавказского фронта. Но ген. Жилинский и ген. Данилов заявили, что это практически невозможно, так как в случае войны с Турцией они понадобятся на Кавказе, а также по соображениям технического свойства, так как их невозможно было бы быстро мобилизовать.

Оба эти военные авторитета сошлись на том, что в случае возможной или уже возникшей войны на западном фронте диверсия значительных войск к проливам нецелесообразна и практически неосуществима.

«Единственная хорошая стратегия—это сильная стратегия. Война на западном фронте потребует от нас крайнего напряжения сил всего государства, и мы не сможем выделить ни одного армейского корпуса, чтобы использовать его для каких-либо специальных целей. Мы должны сконцентрировать всю нашу энергию, чтобы добиться успеха на самом важном театре военных действий. Если мы одержим победу на нем, то этим самым достигнем благоприятного разрешения всех остальных вопросов»[1].

Несмотря на более оптимистическую точку зрения морских экспертов относительно экспедиции для захвата проливов, начальник штаба высказал, повидимому, общее мнение совещания, что подобная экспедиция могла бы иметь место только во время кризиса, который привел бы ко всеобщей европейской войне, а в этом случае потребуются все войска на западном фронте против Германии и Австрии. Поэтому не следует предпринимать никакой сепаратной десантной экспедиции. Но для нее должны быть сделаны заранее все приготовления.

После долгого обсуждения необходимых технических деталей совещание решило предложить на рассмотрение царя целый ряд подготовительных мер. Они включали увеличение и ускорение мобилизации экспедиционного десантного отряда, подготовку и отпуск средств на достаточное количество транспортных судов, снабженных приспособлениями для перевозки кавалерии и небольшими катерами для быстрой погрузки и выгрузки войск; усиление Черноморского флота второй эскадрой, состоящей из мощных броненосных крейсеров новейшей конструкции, приобретенных, по возможности, за границей; постройку необходимых стратегических железнодорожных путей сообщения на Кавказе в целях ускорения там мобилизации как «одного из мероприятий, необходимых для подготовки наших операций на Босфоре»[2].

Протоколы Особого совещания были представлены царю 5 апреля и получили его полное одобрение.

Государственная дума вотировала 112 млн. руб. на выполнение морской программы по усилению Черноморского флота на период 1914—

[1] Протоколы Особого совещания от 8/21 февраля 1914 г.; Pokrovsky, Drei Konferenzen. Stieve, Isvolsky and the World War c. 232 и сл. Эта стратегическая концепция всегда внушалась Россию Францией (см. A. Zaiontchkovski, Les Aliés contre la Russie, Paris 1926) и была выражена в подробном плане кампании, разработанном ген. Даниловым и предложенном им русскому генеральному штабу в марте 1914 г., напечатанном Frantz'ем в «Russlands Eintritt in den Weltkrieg», 112—162. Этот план был именно тем, который был применен на деле несколько месяцев спустя.

[2] Покровский, 65, 67 (нем. изд.).

1917 гг.[1]; из них на 1914 г. было ассигновано только 25 млн. руб., из чего можно сделать вывод, что не предполагалось никакой немедленной экспедиции против Константинополя, если, конечно, ничто не нарушит неожиданно status quo и не вызовет европейской войны.

Из протоколов Особого совещания видно, что Сазонов имел в виду насильственный захват проливов, но военные специалисты считали этот план нецелесообразным; они хотели сохранить войска неприкосновенными для применения их на главном театре военных действий против Германии и Австрии. Но все единодушно согласились на том положении, что Россия не может отдать проливов в руки какой-нибудь другой державы. Поэтому должны быть предприняты полностью подготовительные меры для десантной экспедиции к проливам в случае, если европейские осложнения подадут к этому повод. Возможность таких осложнений допускалась в будущем, но не ожидалась в данный момент.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы должны теперь вкратце подвести итоги главным балканским проблемам.

Причина неустойчивого равновесия на Балканах коренилась в прогрессировавшем упадке Турецкой империи и в ее неспособности поддержать свою власть над подчиненными ей христианскими народностями. Последние стремились к политической свободе и национальному единству. Но благодаря причинам исторического характера значительная часть этих народов продолжала жить под властью Турции и Габсбургов и могла осуществить свои национальные стремления только в результате дальнейшего разложения Турецкой империи и частичного расчленения Австрии. Отсюда и проистекают балканские войны 1876—1878 и 1912—1913 гг. В этом причина и все увеличивавшегося антагонизма между Австрией и Сербией, так как для обеих дело шло о жизненных интересах: Австрия стремилась сохранить самое свое существование как государства, а Сербия—осуществить идеал XX века о политической свободе и национальном объединении.

Когда значение Турции стало падать, между Австрией и Россией возникло соперничество из-за влияния на Балканах. Россия стремилась осуществить там свою «историческую миссию», а Австрия—предотвратить на своей южной границе опасность со стороны слишком крупной славянской державы. Бисмарк и союз трех императоров, а затем авантюра России на Дальнем Востоке мешали в течение ряда лет, не давая этому соперничеству взорвать европейский мир. Но честолюбивое соперничество Извольского и графа Эренталя придало ему еще более острые формы благодаря исходу переговоров в Бухлау. Эренталю удалось аннексировать Боснию и Герцеговину, а Извольскому не удалось открыть проливы, так как Австрия пользовалась поддержкой Германии, а Англия не пошла на предложение Извольского открыть проливы только для русских военных судов, а не для военных судов всех великих держав вообще.

Кризис, вызванный аннексией Боснии и Герцеговины, благодаря

[1] Думские протоколы от 17/30 марта 1914 г., Захер. «Красный архив», VII, 51.

Германии был изжит без войны, но в результате его усилился антагонизм, с одной стороны, между Австрией и Сербией, а с другой—между Австрией и Россией. С этих пор Россия стала поддерживать Сербию в подготовке к будущей войне, в которой Сербия надеялась, при содействии России, осуществить свой идеал «Великой Сербии» за счет аннексии австрийских территорий. Но до того момента, когда Россия будет готова, Сербии приходилось держаться выжидательной позиции.

Заключив договор в Раккониджи с Италией и будучи уверен, что он может рассчитывать на поддержку Тройственного согласия, Извольский воспользовался триполитанской войной, для того чтобы сделать третью дипломатическую попытку открыть проливы путем переговоров Чарыкова с Турцией. Попытка эта снова потерпела полную неудачу благодаря отсутствию поддержки Франции и прямой оппозиции Англии. Извольский пришел к окончательному заключению, что его цель может быть достигнута только путем всеобщей европейской войны. Ввиду этого он направил все свои старания на то, чтобы закрепить и усилить Тройственное согласие для будущего «неизбежного» столкновения.

Между тем Нератов, Гартвиг и Неклюдов использовали тревогу, вызванную на Балканах триполитанской войной, для того чтобы создать Балканский союз, номинальной целью которого было сохранение status quo на Балканах, практическая же задача сводилась к побуждению балканских государств к войне с Турцией. Хотя великие державы, в особенности Англия и Германия, сумели предотвратить всеобщую войну в Европе, но балканские войны вызвали рост ненависти, подозрительности и интриг не только между великими державами, которые усилили свои вооружения, но и между самими балканскими государствами и в особенности между Австрией и Сербией.

Сербия, до крайности озлобленная тем обстоятельством, что державы не дали ей политического и экономического выхода к Адриатическому морю, компенсировала себя до известной степени в Македонии. Но этим она вызвала смертельную ненависть в Болгарии. Тогда Сербия при покровительстве России укрепила свои взаимоотношения с Грецией и Румынией, отчасти в целях предохранения себя от мести Болгарии, а отчасти имея в виду будущую войну, в которой ей предстоит роль балканского «Пьемонта» против ненавистных Габсбургов. Хотя Пашич и гражданские власти в Сербии не хотели и не замышляли войны в 1914 г., но они смотрели сквозь пальцы на антиавстрийскую агитацию внутри страны, которая привела к целому ряду убийств и завершилась сараевской трагедией.

Что касается Австрии, то ее все более и более тревожила опасность, угрожающая самому ее существованию вследствие агитации в пользу «Великой Сербии», «дезертирства» Румынии и все бо́льшего сближения с Россией этих двух государств, национальные притязания которых могли быть удовлетворены только путем расчленения Австро-Венгрии.

Остается под вопросом, могла ли Австрия предотвратить опасность со стороны ирредентистских тенденций «Великой Сербии» и «Великой Румынии», предоставив своим славянским и румынским подданным широкий демократический и либеральный образ правления или осуществив идею «триализма». Этого вопроса мы коснемся позже. Во всяком случае она этого не сделала. Наоборот, свое спасение она видела только в

войне, которая ослабила бы Сербию, вынужденную уступить часть своих территорий Румынии, Албании и Болгарии. Австрия много раз собиралась объявить войну Сербии, но ее удерживали или Германия, как это было в июле 1913 г., или уступчивость самой Сербии, как это было в марте 1909 г. и в октябре 1913 г. Но в июле 1914 г., как будет показано дальше, Австрия решила использовать происшедшее в Сараево убийство наследника австрийского престола в качестве предлога для локализованной войны с Сербией.

Сазонов, по существу, мало интересовавшийся судьбами Сербии и неоднократно в критические моменты оставлявший ее в беде, тем не менее оказывал ей поддержку как аванпосту славянства на Балканах и как союзнице в предстоящей борьбе против Австрии. Желая мира, но находясь под давлением русских панславистов и милитаристов, Сазонов стремился к выполнению «исторической миссии России». Неуспех попыток Извольского открыть проливы мирными дипломатическими переговорами, а также его собственная неудача добиться от Германии изменения характера мысли ген. Лимана в Константинополе, неуспех и неудача в обоих случаях зависевшие главным образом от позиции, занятой в этом вопросе сэром Эдуардом Греем, привели русского министра иностранных дел к выводу, что он сможет осуществить свои планы на Балканах только в результате «европейских осложнений».

Извольский ставил перед собой скромную задачу—открыть проливы для русских военных кораблей, Сазонов же стремился выполнить более широкую панславистскую «историческую миссию», заключавшуюся в том, чтобы получить в полное владение проливы и контроль над Константинополем.

Миссия Лимана фон Сандерса, казалось, мешала осуществлению этого плана. Вот отчего Сазонов и был так обеспокоен ею. Поэтому он и настаивал на «мерах принуждения», которые были ему необходимы, чтобы заставить Турцию отослать фон Сандерса. Они не были проведены в жизнь благодаря своевременным уступкам со стороны Германии и сдерживающему влиянию Коковцева. Поэтому Сазонов стремился создать экспедиционный корпус для захвата проливов, что военные эксперты признали нецелесообразным в настоящий момент, но нелишним в случае европейских осложнений в будущем.

В течение весны 1914 г. Сазонов вместе с Извольским и Пуанкаре старался закрепить отношения с Англией путем переговоров об англо-русской морской конвенции, что должно было усилить солидарность Тройственного согласия к моменту «неизбежной» войны. Таким образом в случае возникновения нового кризиса Германия и Австрия должны были либо уступить, либо вступить в войну с Тройственным согласием, превосходящим их силами. В июле 1914 г., когда уже не было Коковцева с его сдерживающим влиянием, Сазонов решил, что эта солидарность Антанты вполне обеспечена, когда убийство эрцгерцога и ультиматум Австрии создали те самые «европейские осложнения», благодаря которым Россия надеялась осуществить свою «историческую миссию».

Турция и балканские государства находились в состоянии неустойчивого равновесия. Неустранимая противоположность интересов была источником постоянной вражды между Грецией и Турцией, Турцией и Россией, Австрией и Сербией. Болгария и Румыния вели оппортуни-

стическую политику и были готовы стать на сторону той группы великих держав, которая окажется более сильной и сможет им предоставить большие выгоды. Ни одно из государств никогда не соглашается добровольно уступить в вопросах, касающихся его престижа. Но положение на Балканах создавало лишний повод, в силу которого ни Франция, ни Россия, ни Германия, ни Австрия не пожелали сначала пойти на уступки во время австро-сербского конфликта в июле 1914 г., ибо это могло оказать решающее влияние на политику Болгарии и Румынии. В течение нескольких лет считалось общепризнанным положение, что сильный союз балканских государств сможет сыграть во всеобщей европейской войне роль великой державы. Поэтому весной 1914 г. Россия стремилась завербовать Румынию и организовать такой союз с участием Сербии и Греции, тогда как Австрия подготовляла в свою очередь контрсоюз с Болгарией и Турцией. Таково было положение вещей, когда выстрел в Сараево ускорил австро-сербский конфликт и вызвал кризис, затронувший престиж и мощь Тройственного союза и Тройственного согласия.

Автор этих строк не разделяет мнения, что война была «неизбежна», но он готов признать, что из всех крупных столкновений интересов, которыми обосновывается ее «неизбежность», балканские проблемы менее всего поддавались разрешению мирным путем.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ ФЕЯ КО II ИЗДАНИЮ

К стр. 20, прим. 3

Работа Гуча Recent Revelations of European Diplomacy (London, 1927) доведена теперь благодаря дополнительным томам (London, 1928, 1929) до самого последнего времени.

К стр. 34

Необычайные способности экс-президента Пуанкаре к историческим работам, помимо работы политической, и его готовность отвечать своим критикам иллюстрируются небольшой книжкой: Les Responsabilités de la Guerre: Quatorze questions par René Gérin; Quatorze Réponses par Raymond Poincaré, Paris, 1930. Жерэн предложил Пуанкаре четырнадцать коварных вопросов и обещал воздержаться от контрответов, если Пуанкаре ответит на эти вопросы. Пуанкаре принял вызов и опубликовал свои четырнадцать ответов на ста пятидесяти страницах. Однако он дал в них мало новых сведений: большая часть материала взята из его уже опубликованных мемуаров. Слабые места его ответов были подробно разобраны Г. фон-Яговым, Г. Францем, А. фон-Вегерером и М. Монжела в KSF, VIII, 661—665, 705—730, июль, август 1930. Ср. также критику Пуанкаре А. Бахом, Poincaré und der Kriegsausbruch 1914 (Berlin, 1929) и в цитированной на стр. 6 работе Демарсиаля.

К стр. 64 прим. 2

См. также Jtalicus, Jtaliens Dreibundpolitik 1870—1896 (München, 1928); первые страницы труда Ленджера (W. L. Langer) The Franco — Russian Alliance (Cambridge, 1929), содержащего блестящий анализ общеевропейской ситуации после 1873 г. с весьма обширной библиографией; исчерпывающее исследование Б. Мольдена «Das deutsch-oesterreichische Bündnis und der grossdeutsche Gedanke» в KSF, VIII, 312—323, апр. 1930; и обзор новейшей литературы о Бисмарке, данный Л. Штифелем в «Journal of Modern History», 11, 74—95, март 1930.

К стр. 93 прим. 2

Впоследствии, когда Англия сблизилась с Францией, английское министерство иностранных дел стало склоняться к французской версии, что инициатива в вопросе о вмешательстве в бурскую войну принадлежала Германии, а не России; B. D., III, 411—412, 425—426, 432—433, 436—437; и в особенности VI, 204—206.

К стр. 97—106

По поводу переговоров об англо-германском союзе в начале нынешнего века см. Lord Newton, Lord Lansdowne, A. biography (N. Y. and London, 1929), который в своей книге (гл. VI) пишет: «Неудачу переговоров в 1901 г. можно рассматривать как поворотный пункт в мировой истории, и несомненно она будет служить поводом для бесконечных догадок о том, что произошло бы, если бы переговоры закончились благоприятно. Но ясно одно, что Вильгельм II был бы почти совершенно невыносимым союзником» (стр. 208); W. Becker, Fürst Bülow und England (Greiswald, 1929), который возлагает ответственность за эту неудачу на Бюлова и Гольштейна (ср. обзор W. Frauendienst в KSF, VIII, 532—539, июнь 1930); G. Ritter, Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft (Freiburg, 1929); сделанный О. Беккером обзор работ Мейнеке и Риттлера в Deutsche Literaturzeitung, 1929, Heft 19, стр. 903 и сл., и статью Г. Ролофа (Roloff) «Die Bündnisverhandlungen zwischen Deutschland und England, 1898—1901», в KSF, VII, 1167—1222, дек. 1929.

К стр. 113—141

Полная документация, относящаяся к англо-французскому согласию 1904 г. и первому марокканскому кризису 1905—1906 гг., дана британской стороной в B. D. — II и III тт. «The Anglo-Japanese Alliance and the Franco-British Entente» и «The Testing of the Entente, 1904—1906» (London, 1927—1928). Прекрасные обзоры можно найти в книге лорда Ньютона «Lord Lansdowne» (N. Y. and London, 1929), главы X и XIV и стр. 488; в составленной Гарольдом Никольсоном биографии его отца, «Lord Carnock» (London, 1930), главы VI и VII; и в особенности в обширном научном труде Ю. Андерсона (Anderson), The First Moroccan Crisis, 1904—1906 (Chicago, 1930)

К стр. 133

Интересное сообщение о Доггер-Банкском инциденте одного из лиц, близко наблюдавших усилие Делькассе использовать этот инцидент для создания англо-франко-русского согласия см. в книге барона Таубе (Taube) — La Politique Russe d'avant-Guerre (Paris, 1928), стр. 1—43, а документацию британской стороны по поводу этого инцидента — B. D. IV, 5—41.

К стр. 153 и сл.

То, что здесь сказано о соображениях, побудивших сэра Эдуарда Грея уклониться от сообщения кабинету и от обсуждения с ним фактов, касающихся англо-французских военных «разговоров», и о его стремлении предпочесть эти «разговоры» какому-нибудь другому более определенному и изложенному в письменной форме соглашению, — повидимому, подтверждается интересным меморандумом товарища министра, сэра Т. Г. Сандерсона. Согласно меморандуму от 2 февраля 1906 г., содержащему резюме беседы, которую Сандерсон непосредственно перед этим имел с Полем Камбоном, относительно «разговоров» между Греем и Комбоном, он неофициально и в частном порядке заявил Камбону.

«Во-первых, за все время моей довольно продолжительной практики я не знаю ни одного соглашения, заключенного британским правительством, которое обязывало бы к чему-нибудь большему, чем обсуждение мер, которые должны быть приняты в случае, если бы известной политической линии, согласованной с другой державой, угрожала какая-нибудь опасность. Я полагаю, что это — предел того, чем правительство может связать себя, не доводя каким-либо путем до сведения парламента о тех обязательствах, которые оно берет на себя.

Во-вторых, от некоторых выдающихся государственных деятелей я усвоил тот взгляд, что неблагоразумно представлять на рассмотрение кабинета вопрос о мерах, которые должны быть приняты при наступлении обстоятельств, еще не имевших места. Дискуссия по вопросу, лишенному определенного содержания, привела бы к принципиальным разногласиям, в то время как в конкретном случае вероятнее всего было бы достигнуто единодушное согласие. (Грей сделал на этой странице замечание: «Я рад, что этот пункт был так удачно изложен Камбону».) Камбон заметил, что это совершенно правильная точка зрения.

В-третьих, я сказал ему, что, по моему мнению, если бы кабинетом было дано обязательство, которое морально заставляло бы страну вступить в войну при известных обстоятельствах; если бы парламент не был поставлен в известность об этом обстоятельстве и если бы по истечении нескольких месяцев страна внезапно оказалась вынужденной вступить в войну в силу такого заверения, — то в этом случае могли бы встретиться препятствия для выполнения принятого на себя правительством обязательства, пока настроение страны не склонилось бы с полной определенностью в пользу его выполнения (B. D., III, 184 и сл.)

К стр. 155

Англо-бельгийские военные переговоры начались 18 января 1906 г., согласно инструкции генерала Грирсона, — между английским военным атташе, полк. Барнардистоном, и бельгийским начальником штаба, ген. Дюкарном. Они были санкционированы министрами иностранных дел и военными властями обеих стран. Они быстро привели к соглашению относительно высадки на материке 100 000 британских солдат для защиты Бельгии (ср. B. D. 186—203 и Carl Hosse, Die englisch-belgischen Aufmarschpläne gegen Deutschland vor dem Weltkrieg, Wien, 1930; у Хоссе впервые приведены интересные подробности планов технического использования железных дорог, выработанные применительно к перевозке британских войск; он пользуется сфотографированными бельгийскими документами, которые были захвачены немцами

во время войны, но возвращены после версальского мира). Генерал Вильсон, ставший в августе 1910 преемником генерала Гирсона, условился с Бельгией и Францией относительно быстрой перевозки 160 000 англ. солдат, которые должны были занять позиции на французском левом фланге. В 1912 г. возникли некоторые опасения относительно готовности Бельгии сотрудничать с французами и британцами (ср. D. D. F., серия 3, 1, № 522), и британское министерство иностранных дел, несмотря на свое обязательство соблюдать бельгийский нейтралитет, повидимому, рассматривало вопрос относительно посылки, без согласия и даже вопреки желанию Бельгии, британских войск на территорию маленькой страны, «с целью встретить приближение германских войск на другой стороне» (Harold Nicolson, Lord Carnock, London, 1930, стр. 399). В 1913 г. Бельгия увеличила свою армию и вновь выразила готовность войти в тесный военный контакт с французами и англичанами, если начнется война. Хорошее резюме по вопросу об англо-бельгийских военных переговорах можно найти в работе А. Баха — «Die «conventions anglo-belges» im Lichte neuer Dokumente», в KSF, VIII, 547—560, июнь 1930.

К стр. 156—162

Ход переговоров относительно англо-русского соглашения 1907 г. можно теперь подробно проследить по четвертому тому «Британских документов» The Anglo-Russian Rapprochment, 1903—1907 г. (London, 1929). Из этой публикации видно, что уже в ноябре 1903 г. король Эдуард «говорил весьма настойчиво» с графом Бенкендорфом, российским послом, во время визита последнего в Виндзор, причем «его величество выразил желание, чтобы была сделана попытка установить более полное взаимное понимание между обоими правительствами» (B. D. IV, 186). О разговоре короля Эдуарда с Извольским по этому же поводу в Копенгагене в апреле 1904 г. см. там же стр. 134 и сл. Предположение автора настоящей работы, что улучшение отношений между Россией и Англией было обязано, повидимому, скорее настойчивости и давлению британского, чем русского министерства иностранных дел, нашло себе полное подтверждение в недавно опубликованных британских документах (ср. B. D. IV, 183, 188, 195 и сл., 232, 237, 400, 410 и сл.). Прекрасное и авторитетное изложение длительных переговоров, которые привели к политической комбинации, известной под названием «Тройственного согласия», можно найти в работе Г. Никольсона, Lord Carnock (London, 1930), гл. VIII, IX); Никольсон отмечает, что его отец, сэр Артур Никольсон, ведший переговоры в Петербурге, получил от сэра Эдуарда Грея предложение пользоваться в «официальных телеграммах и депешах выражением «Тройственное согласие», когда вопрос касался объединенного действия Англии, Франции и России. Выражение это несомненно удачно, но если бы оно появилось в парламентской Синей Книге, то ему могло быть придано некоторое специфическое официальное значение, что могло бы вызвать неудобные комментарии и запросы» (стр. 308).

К стр. 167

Внезапное изменение позиции британского правительства в апреле 1903 г., выразившееся в отказе принять участие в постройке Багдадской железной дороги, приписывается В. Беккером (Fürst Bülow und England, Greiswald, 1929) новому политическому курсу Лендсдоуна, направленному к соглашению с Францией. Но материалы, опубликованные в британских документах, частная информация, находящаяся в моем распоряжении, и работа лорда Ньютона, Lord Lansdowne (N. Y. and London, 1929) стр. 253 и сл., повидимому, подтверждают мое мнение, что именно требования британской прессы и парламента побудили британское правительство вопреки личному взгляду Лендсдоуна переменить фронт и отказаться от участия в деле. Возможно также, что здесь играло роль закулисное влияние России против британского участия, так как Россия настойчиво добивалась прекращения или отсрочки сооружения Багдадской железной дороги.

К стр. 168—169

О подробностях препятствий, чинившихся Англией сооружению Багдадской железной дороги, в течение 1905—1910 гг., пока Германия не согласилась на поставленные Греем условия, чтобы переговоры велись à quatre (вчетвером), т. е. включая также друзей Англии — Россию и Францию, и чтобы от Турции не требовали дальнейших километрических гарантий, см. документы в B. D. VI, 91—105, 325—433. Настойчивость Англии, чтобы переговоры велись вчетвером, отчасти обусловливались ее желанием

сторговаться с Германией на более выгодных условиях, а отчасти политическими соображениями в отношении Ро сии; но Россия выказала мало благодарности за это, заключив без участия Англии Потсдамское соглашение. С целью помешать немцам получить турецкие средства на сооружение Багдадской ж. д. Англия отказалась дать согласие на увеличение турецких таможенных пошлин (ср. B. D. V 168 и сл., 199, 208 и сл., 502 и VI, 325—433; passim); другим мероприятием Англии для создания препятствий немцам была конкуренция в области железнодорожного строительства, а именно: постройка англо-русской линии от Персидского залива через Персию к России, которая «должна совершенно уничтожить перевозки по Багдадской ж. д.» и «превратить ее в дорогу чисто местного значения». (B. D., VI, 359); затем постройка британской линии от Багдада и побережья Персидского залива, через Ефратскую долину к Дамаску и Средиземному морю. Соответствующая концессия испрашивалась у Турции (ibid, 371 и сл.).

К стр. 173, прим. 1

По вопросу о британских опасениях и подозрениях относительно германского флота в 1907 и 1908 гг., а также о статьях и пространных донесениях британского морского атташе в Берлине о состоянии германского флота см. подробные сведения, ныне опубликованные в B. D., VI—236. Краткий обзор этих документов, поскольку это касается пагубного влияния германской и британской прессы, можно найти в статье автора настоящей кни и в «Courrent History» за октябрь 1930 г.

Многие английские должностные лица думали даже, что Германия тайно разрабатывает планы вторжения в Англию. Одним из наиболее подозрительно настроенных лиц был сэр Э. Кроу (Growe). Как старшему чиновнику министерства иностранных дел ему приходилось писать обстоятельные замечания к депешам, поступавшим от дипломатических представителей за границей. Его враждебное толкование донесений из Германии неизбежно оказывало очень сильное влияние на сэра Эдуарда Грея и на других сановни ов, которые потом читали их и обычно сопровождали краткими замечаниями пространную критику Кроу. Кроу, мать и жена которого были немки, считался, повидимому, непогрешимым авторитетом в немецких делах. Но, к несчастью, он был склонен принимать всякую беспочвенную болтовню за святую истину. Например, в 1908 г. он указывал на три следующие обстоятельства, как на доказательство того, что Германия разрабатывала планы вторжения в Англию: 1) «Такой крупный авторитет, как Мольтке, считал вторжение в Англию осуществимым. Можно быть уверенным что генеральный штаб в Берлине придерживается того же мнения». 2) «Всего два или три года назад (в действительности семь лет назад, в 1901 г.) барон фон-Эдельсгейм, занимавший в то время должность капитана ген. штаба, опубликовал, с одобр ния своего начальства, брошюру, подробно рассматривающую мероприятия, которые должны быть предприняты для этой цели». 3) «Кажется, два или три года тому назад император собственной рукой сделал ряд исправлений и изменений синим карандашом на чертежах двух новых пароходов (гамбургско-американской линии), предназначавшихся тогда к постройке, ибо его величество считал, что, судя по представленным ему чертежам, пароходы не могли бы принять участие в перевозке двух дивизий в Англию» (B. D. VI, 117). Указания относительно Мольтке, генерального штаба и императора неверны; Эдельсгейм же был уволен генеральным штабом за то, что он опубликовал свою брошюру без разрешения своего начальника, генерала фон-Шлиффена, и за то, что выраженные в ней взгляды противоречили взглядам генерального штаба. В тексте уже было сказано о пагубном влиянии фон-Гольштейна на Вильгельмштрассе. Таково же было и влияние сэра Э. Кроу на Даунинг Стрит.

К стр. 186—192

По вопросу о впечатлении, произведенном на сэра Эдуарда Гошена, британского посла в Берлине, отставкой Бюлова и назначениями его преемника, Бетманн-Гольвега и Кидерлен-Вехтера, см. B. D. VI, 276 и сл.

К стр. 209

Насколько тесны были отношения между английскими и французскими военными властями во время агадирского кризиса, видно из конфиденциального донесения британского военного атташе в Париже, полковника Фейргольма, от 24 августа 1911 г. о его разговоре с генералом Жоффром:

«Генерал Жоффр сказал, что он и его штаб были заняты и занимаются до сих

пор напряженной работой по разработке частностей плана кампании, который, как он заявил, будет готов во всех подробностях в течение ближайших дней.

Генерал начал обсуждать стратегическую проблему.

Одним из неизвестных факторов является вопрос о том, предполагают ли немцы пойти через Бельгию или нет. «Я хотел бы знать это, — заметил он, — я хотел бы знать, что они намериваются сделать это; для нас это было бы лучше»...

Новый начальник штаба придает громадное значение участию британского экспедиционного корпуса, который, будучи сконцентрирован где-нибудь между Дуэ и Камбрэ и обрушившись на правый фланг немцев, может привести к крупным и даже решительным результатам. Но этот корпус должен быть послан быстро; его вмешательство, например, на восемнадцатый день французской мобилизации может оказаться безрезультатным...

«Во всяком случае, — сказал он, — Германия должна ввести большие силы на территорию Эльзас-Лотарингии, так как, если они позволят нам занять там позиции, население обеих провинций восстанет. Это мы знаем наверняка. И тогда создадутся всевозможные затруднения для их транспорта и т. д...

Я сделал отсюда вывод, что если немцы будут продвигаться силой через Бельгию, то французский план рассчитан на то, чтобы, сдерживая их на этом фланге, произвести нападение со стороны Эльзаса и Лотарингии»...

На мое упоминание об Италии генерал заявил весьма определенно: «Италия не двинется. Ее интересы на нашей стороне, а не на стороне Германии и Австрии».

Гарольд Никольсон в биографии своего отца (Lord Carnock, стр. 346 и сл.) указывает, что британские военные приготовления к концу лета 1911 г. подвинулись значительно дальше, чем это представляло себе британское общественное мнение, и что «подготовка к войне» не ослабевала вплоть до 22 сентября, до момента получения известий из Берлина о том, что положение Кидерлен-Вехтера пошатнулось.

К стр. 211—215

Относительно английских комментариев по делу Daily Telegraph см. B. D. VI, 201—226; а относительно длительных, но бесплодных переговоров (с английской стороны) насчет достижения соглашения в целях уменьшения растущей напряженности в англо-германском морском соперничестве в 1909—1912 гг. см. ib. 227—324, 434—665. Официальная позиция должностных лиц британского министерства иностранных дел в этих вопросах хорошо изложена в их «Заметках» по поводу телеграммы сэра Эдуарда Гошэна, британского посла в Берлине, сэру Эдуарду Грею от 9 мая 1911 г. (ibid, 622 и сл.).

Заметки

«Теперь, наконец, германское правительство признало то, что мы подозревали с самого начала: оно окончательно отказалось от своего обещания представить предложения по вопросу о сокращении вооружений на том основании, что оно считает подобного рода планы невозможными. Если обратить внимание на повторные публичные заявления высших германских должностных лиц (включая последовательно сменявшихся канцлеров) и самого императора, то ясно, что они никогда не придавали серьезного значения подобным предложениям. Их заявления, наоборот, имели целью, как это здесь в свое время отмечалось, побудить правительство его величества заключить англо-германское соглашение общего характера, которое, как они знали, Великобритания не склонна была даже обсуждать. В этом направлении они достигли значительных результатов. Прежде всего они побудили правительство его величества сойти с его первоначальной позиции, заключавшейся в том, чтобы не приступать к обсуждению вопроса о сокращении вооружений, пока существующая германская морская программа подлежит выполнению в полной своей неприкосновенности. Канцлер определенно заявил, что переговоры должны быть начаты на основе совершающегося выполнения этой программы. Мы отказались от своей позиции и продолжали обсуждение.

Германия настаивала на том, чтобы до обсуждения вопроса о морском соглашении достигнуть общего англо-германского соглашения политического характера, которое могло бы при всяких обстоятельствах предотвратить возможность войны между обеими странами. Основной чертой подобного соглашения должно быть не только воздержание обеих сторон от нападения когда-либо друг на друга, но и обязательства каждой из них оставаться нейтральной в любой войне, в которую будет втянута другая сторона. Целью такого соглашения, очевидно, является стремление предоставить Германии возможность действовать против других держав, как Франция и Россия, не опасаясь британского вмешательства...

Для того, чтобы обеспечить успех этих переговоров, германское правительство, всегда предусмотрительное в подобных делах, в течение долгого времени тщательно соста ляло планы того, как побудить правительство его величества итти дальше по намеченному пути. Средствами для достижения этого были: организация особого прессбюро, непосредственное и косвенное воздействие на британскую прессу и личная связь через берлинское министерство иностранных дел и через германского посла в Лондоне с лидерами т. н. «пацифистской» пропаганды в нашей стране. Этими путями германское правительство инспирировало — если не создало — в нашей стране движение, — не имеющее ничего соответствующего в Германии, — в пользу такого англо-германского сближения, об истинной цели которого его инициаторы и сторонники не имеют ни малейшего представления.

Наконец, в целях оказания дальнейшего давления на правительство его величества представители германского правительства ведут дело таким образом, что в случае, если переговоры ни к чему не приведут, они смогут сказать — и они скажут это и найдут отклик во всей Европе, — что все это случилось по вине правительства его величества..

Мы почти возвращаемся к тому положению, которое вкратце обрисовано в меморандуме от 1 января 1907 г. (ср. B. D., III, 397—420, прил. А.). Теперь вновь, как в предыдущих случаях, германское правительство, после периода большого недружелюбия с его стороны, начинает ухаживать за нами, заверяя, что если мы только станем делать то, что оно хочет, то это поведет к миру, к устранению всяких трений и к окончательному установлению англо-германской дружбы. На этот раз, если мы попадем в ту же ловушку, последствия будут более серьезными, чем раньше. Мы не только должны иметь в виду возобновление германского недружелюбия и дальнейшие германские требования, обусловленные усилением Германии, но мы рискуем фактическим разрывом «согласия» с Францией и Россией...»

Э. А. Кроу, старший чиновник министерства иностранных дел.

«Предложение о «темпе сооружения» (военных судов) оказалось эфемерным, как мы того и ожидали.

Как бы отрицательно ни высказывались по нашему адресу в связи с неудачей в вопросе о заключении соглашения, но никакое соглашение, оставляющее неурегулированным морской вопрос, не заслуживает, по моему мнению, поддержки».

В. Маллей, помощник статс-секретаря.

Замечания сэра Э. Кроу являются прекрасным резюме того, что произошло, и заслуживают самого тщательного внимания. Я вполне разделяю его взгляды и придерживаюсь также его мнения, что целью германского правительства является отложить морское соглашение и побудить нас к «общему соглашению». До сих пор оказывали сопротивление — и законное сопротивление — тому, чтобы итти с Германией в отношении сближения дальше, чем мы сделали это с Францией и Россией. Я уверен, что мы будем твердо придерживаться этой позиции...

А. Николсон, постоянный помощник статс-секретаря.

Было бы хорошо объединить документы, которые содержат историю вопроса и извлечь оттуда основные положения замечаний сэра Э. Кроу. Я вспоминаю один случай, когда граф Меттерних упрекал нас за то, что премьер-министр заявил в парламенте, будто не может быть речи о том, чтобы Германия изменила свой морской закон, и что таким образом он умолчал о предложении насчет уменьшения «темпов». Я уверен, что я записал этот разговор, и он должен быть включен в коллекцию документов (ср. B. D. VI, 496—497).

Правительство в своем последнем решении постановило, что соглашение, по которому Германия обязалась бы не увеличивать своей морской программы, могло бы служить предметом рассмотрения. С точки зрения расходов на морскую программу германский ответ является совершенно неудовлетворительным. С другой стороны, последний параграф, повидимому, облегчает нам возможность уклониться от сепаратных политических переговоров с Германией, в которых другие державы не приняли бы участия.

Мы должны ожидать полного текста, который я представлю кабинету, когда он будет получен.

(Э. Г-рей, статс-секретарь).

К стр. 215—222

Относительно миссии Холдена см. B. *D.* VI, 667—761. Вышеприведенные заметки помогают понять, почему она была осуждена на неудачу.

К стр. 226—227

Том VII Британских документов, который должен касаться англо-французских отношений во время агадирского кризиса и миссии Холдена, еще не опубликован (июнь 1930 г.). Но т. VI, содержащий материал об англо-германских морских и политических переговорах с 1907 по 1912 г., подтверждает мои сомнения в правильности утверждения Извольского, что вмешательство Пуанкаре помешало успеху миссии Холдена. Из многочисленных писем и «Заметок» совершенно ясно, что задолго до того, как Пуанкаре сделался премьер-министром, Грей, Никольсон и Кроу решили не итти ни на какое «политическое сближение», или соглашение о нейтралитете с Германией, которые ограничивали бы в какой-нибудь мере свободу Англии в вопросе о помощи Франции. Вот что писал Артур Никольсон лорду Гардингу 19 апреля 1911 г.:

«Я искренно надеюсь, что мы определенно воздержимся от всякого соглашения, которое каким-нибудь путем связало бы нам руки или в малейшей степени оказало бы воздействие на наше соглашение с Францией и Россией. Наше правительство я надеюсь, теперь вполне поняло, что целью Германии в этих переговорах является расстроить, насколько она может сделать это, Тройственное согласие и, что ее главной задачей является изолировать, насколько возможно, Францию» (B. D. VI, 621).

После неудачи миссии Холдена, Никольсон писал Гошену:

«Я очень хотел бы сказать вам, что я чувствую большое облегчение при мысли о том, что собираются похоронить вопрос о «формуле»; моей мечтой всегда было находиться в сердечных отношениях с Германией без какого-либо определенного политического соглашения и если, как я надеюсь, последние переговоры будут иметь такой результат, никто не будет более доволен, чем я». (B. D. VI, 750).

И Грей четко формулировал Никольсону точку зрения министерства иностранных дел:

«Хотя мы не можем связывать себя обязательством вести войну на стороне Франции против Германии при всяких обстоятельствах, но, конечно, мы не будем по отношению к Германии связывать себя обязательством не помогать Франции» (B. D. VI, 751).

Хотя Грей старался исчерпывающим образом информировать французов обо всех переговорах, тем не менее, французы несколько нервничали) ср. B. D. VI, 664, 669 и сл.; 675, 687 и сл., 726 и сл). Это беспокойство французов, понятно, укрепило Грея в его решении не заключать какого-либо соглашения с Германией, которое могло бы усилить французскую нервозность.

К стр. 227—228

Гарольд Никольсон в своей недавно появившейся работе о жизни своего отца отмечает весьма интересный контраст между позицией сэра Артура Никольсона и сэра Эдуарда Грея в вопросе о соглашении с Францией (Lord Carnock, стр. 330 и сл.; ср. также B. D. VI, 739, 734—751). Он пишет:

«Он (сэр Артур Никольсон) желал прежде всего, чтобы солидарность Тройственного согласия была официально признана и прокламирована. Он считал, что существующие соглашения с Францией и Россией обладают всеми невыгодами и ни одной из выгод союза. Он опасался, что соглашения достаточно определенны, чтобы заслужить одобрение общественного мнения в Петербурге и в Париже, и недостаточно определенны, чтобы обуздать общественное мнение в Берлине. Он считал, что в этом жизненном вопросе беспечная британская снисходительность и полумеры не только опасны, но и недобросовестны по отношению к Германии, недобросовестны по отношению к Франции и к России; недобросовестны прежде всего по отношению к британскому общественному мнению. Он всегда настаивал перед сэром Эдуардом Греем на том, чтобы сделать нашу позицию совершенно ясной для всех.

Эта настойчивость, разумеется, была неприятна статс-секретарю. На всякого, находящегося в ложном положении, всегда раздражающе действует то, что кто-либо другой указывает на его ложное положение. Действительно, с 1906 г. и дальше позиция сэра Эдуарда Грея была весьма нелогична. Его незнание континентальной психологии заставляло его с самых первых дней его деятельности в качестве министра иностранных дел недооценивать значение, которое придавалось за границей «собеседованиям» между генеральными штабами. С другой стороны, его прекрасное знание министерской и парламентской психологии убеждало его в том, что раз эти «собесе-

дования» принимаются иностранцами всерьез, то кабинет будет весьма недоволен тем, что его своевременно не информировали о них... Желая итти в открытую в вопросе о солидарности Антанты, Никольсон стремился только избежать европейской войны. Колебания же Грея обусловливались его постоянным желанием избежать парламентского кризиса.

К стр. 243 прим. 1

См. также граф Вальдерзее (Waldersee) «Von Deutschlands militärpolitischen Beziehungen zu Italien в KSF, VII, 636—664, июль 1929.

К стр. 248

Указание на миф о подавляющем численном превосходстве Германии относится, конечно, к общей численности боевых сил Германии, Франции и Бельгии в начале войны, а не к количеству сил, действительно бывших в наличности на северо-востоке Франции и Бельгии в момент германского вторжения. Германия обладала громадным военным преимуществом в течение первых недель войны, благодаря тому обстоятельству, что французы направили свои главные силы на восток между Мезьером и Бельфором, а не на северо-восток, чтобы остановить германское продвижение через Бельгию. Это было сделано либо потому, что они не были уверены в быстром продвижении немцев через Бельгию, либо по дипломатическим соображениям — из опасения, что развертывание французских сил по направлению к Бельгии могло бы расцениваться, как угроза бельгийскому нейтралитету, либо из политических и стратегических соображений, чтобы быстро занять Эльзас и Лотарингию и таким образом оказаться beati possidentes к моменту мирных переговоров после окончания кратковременной войны.

К стр. 252 прим. 3

Относительно убийства короля Александра в 1903 г. см. также Д. А. Лонхаревич (Lonchar evitch), Jugoslaviens Entstehung (Wien, 1929) стр. 318—323; а по вопросу о колебаниях великих держав, должны ли они продемонстрировать свое отвращение к убийству путем отозвания своих посланников из Белграда, см. B. D. V, 124—148.

К стр. 254 прим. 3

Относительно подробностей экономического устрашения Сербии Австрией (см. B. D. V, 148—167 и Joseph N. Baernreiter, Fragments of a Political Diary, (издание и введение Иосифа Редлиха, Лондон 1930) гл. I—V, passim.

К стр. 259 прим. 2, стр. 260 прим. 1

В связи с переговорами об англо-русском соглашении 1907 г. несколько раз поднимался вопрос о проливах (B. D. IV, 254—255, 272, 279—284, 286—287, 289—291 293—296 414). Кажущееся противоречие между заявлениями сэра Эдуарда Грея и Извольского, с одной стороны, и современным свидетельством, приведенным в примечании 3, стр. 254, с другой, — объясняется тем фактом, что хотя вопрос о проливах серьезно обсуждался, но он не был предметом формальных переговоров для включения его в соглашение 1907 г.—15 марта 1907 г. Грей сказал Бенкендорфу, российскому послу в Лондоне:

«В течение всех этих переговоров я понял, что добрые отношения с Россией означают, что наша старая политика закрытия проливов для нее и выступления против нее со всей нашей мощью на всяких конференциях держав должна быть оставлена. Именно эта старая политика была, по моему мнению, камнем преткновения в отношениях между обеми странами на протяжении двух поколений. И для нас и для России устранить наши трения в Азии, а затем вновь столкнуться по каким-нибудь другим важным вопросам, означало бы уничтожить то положительное, что было достигнуто в результате теперешних переговоров относительно азиатских границ. Однако я сознаю, что для нас было бы трудно принять что-нибудь в виде обязательства относительно проливов, и мне пришлось бы поговорить с премьер-министром, прежде чем я мог бы сказать что-либо определенное по этому вопросу» (B. D. IV, 280).

Четыре дня спустя в письме к сэру Артуру Никольсону в Петербург Грей указывал на некоторые трудности в связи с русскими планами насчет проливов. Но Извольский, повидимому, не обратил внимания на эти трудности и страшно обрадовался заявлению Грея, что старая политика закрытых проливов для России должна быть оставлена. Несколькими днями позже Никольсон доносил:

«Извольский сказал, что разговор (сообщенный из Лондона) представляет, по его

мнению, громадный сдвиг в отношениях между обеими странами, что хотя этот вопрос должен быть очень тщательно рассмотрен со всех точек зрения — в особенности в отношении способа и времени для дальнейшего его продвижения, — он очень доволен тоном и характером ваших замечаний». Я редко видел Извольского столь довольным и удовлетворенным (B. D. IV, 281—282).

И спустя два дня, в частном письме к Грею Никольсон повторил: «Извольский сияет от удовольствия, получив донесение Поклевского о вашем сообщении графу Бенкендорфу относительно Босфора и Дарданелл. Он вполне усвоил смысл ваших замечаний и собирается тщательно изучить вопрос, раньше чем сделать какое-либо предложение; но тот факт, что британское правительство склонно рассматривать вопрос, является, по его словам, историческим событием и громадной переменой в наших отношениях» (B. D. IV, 283—284).

Все значение этих разговоров обнаруживается в том оптимизме, с которым Извольский приступил к переговорам в Бухлау (без предварительного осведомления Англии) и в том пессимизме и отчаянии, которые охватили его, когда, посетив Англию после Бухлау, он узнал, что Грей в конце концов отказывается уступить в вопросе об открытии проливов для одних русских военных судов, согласно плану Извольского, как я указывал выше.

К стр. 260—266

Свидание в Бухлау и предварительные переговоры, приведшие к нему, могут быть теперь подробно изучены в австрийском освещении по Oe-U. A. т. I, 1—92. Барон Таубе, стр. 173 и сл., дает русскую оценку этого свидания. Но, что именно говорилось на свидании, не может быть точно установлено и, вероятно, никогда не будет установлено.

Между Извольским и Эренталем в Бухлау было установлено, что Извольский должен составить меморандум об их переговорах в Бухлау и представить его Эренталю. К несчастью, Извольский не сделал этого сразу. Он не сделал этого даже после своего возвращения в Петербург через шесть недель, в конце октября (Oe-U. A., 1, 90, 144, 252). Тем временем, к величайшему своему огорчению, он уяснил себе, что он не может — вследствие занятой сэром Эдуардом Греем позиции и критики, встреченной им в России, — получить своей доли от сделки в Бухлау; это огорчение повлияло очевидно на его воспоминания о том, что было сказано в Бухлау, в результате чего его рассказ об этом не лишен искажений. Эренталь набросал меморандум о разговорах в Бухлау (Oe-U. A. 1, 86—92), но неясно, сделал ли он это в то время, или позже, на память.

К стр. 266—283

По поводу длительного боснийского кризиса 1908—1909 гг. и его непосредственных последствий см. Oe-U. A. I, 92—895; II, 1—285; B. D. V, 366—815; и гл. X, XI; по его мнению (стр. 311 и сл.) было бы неправильно сказать, что позиция сэра Артура Никольсона служила основанием для сопротивления Извольского. И действительно, мы знаем, что в конце кризиса Извольский внезапно капитулировал, не выслушав даже совета Никольсона, — к большому сожалению последнего (ср. B. D. V, 736—737), Никольсон был также скептически настроен по отношению к сообщению Извольского о переговорах в Бухлау; например, 2 января 1909 г. он конфиденциально писал Грею: «Предварительные объяснения, которые дал мне Извольский, не казались мне вполне убедительными... и, может быть, Извольский скомпрометировал себя несколько больше, чем он желает это признать. Его позиция в этом вопросе была несколько стеснена и затруднена различными секретными соглашениями, заключенными между Россией и Австро-Венгрией и становящимися мало-помалу достоянием гласности. Однако здесь произвело бы прискорбное впечатление, если бы стали думать что во время пребывания Извольского на посту министра и после инцидента с Санджакской железной дорогой, могли иметь место переговоры относительно аннексии Боснии и Герцеговины» (B. D. V, 547—548).

К стр. 288—297

По поводу усилий Извольского добиться открытия проливов в 1911 г. см. документы за период между 4 ноября и 30 декабря 1911 г., помещенные в D·D·F 3 серия, 1 стр. XXI и сл.

К стр. 305 прим. 1

Относительно английских сетований по поводу прежней ненадежности и агрессивной позиции Гартвига в Персии см. B. D. IV, 199 и сл., 403 и сл. 420, 425 и сл. 588 и сл. 598; а по поводу многочисленных ссылок на австрийские подозрения относительно его позднейших русских интриг в Белграде см. указатель к тому Oe-U. A., IX, 33, под словом «Гартвиг».

Балканские войны и другие вопросы, затронутые в главе моей книги, относящейся к балканским проблемам, изложены теперь с большой подробностью в австрийском освещении в Oe-U. A. IV—VII, passim и в сербском освещении в «Die Auswärtige Politi kSerbiens» (изд. Богичевича, Берлин, 1929), II, passim.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ ОТ РЕДАКЦИИ

К стр. 138 прим. 2

Красный архив т. 41—42—1930 г. стр. 7—61.—Россия и Альхезирасская конференция (*Ред.*).

Красный Архив т. 44, стр. 161—165—Новые документы об Альхезирасской конференции (прим. *Ред.*).

К стр. 170 прим. 1

Комиссия рейхстага выпустила в 1930 г. труд о влиянии Германии на вторую Гаагскую конференцию: Das Werk des Untersuchungsausschusses 1919—1930, herausg. im Auftrage des D. Reichstages, Berlin, 1930. (*Ред.*).

К стр. 254—256

О русском проекте захвата проливов см. Красный Архив т. 47—48; стр. 55—70. (*Ред.*).

К стр. 343—360

Миссия фон-Сандерса — см. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1878—1917 гг. Серия III и I, Госиздат. 1931 г. стр. 3, 4, 5, 8, 12, 18, 20, 23, 27, 30, 32, 37, 40, 70, 88; 109—122; 139—145, 146 и 296 (*Ред.*).

СОКРАЩЕНИЕ НАЗВАНИЙ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Для цитат, взятых из собраний документов, относящихся к периоду до июля 1914 (вроде «Affaires Balkaniques» «G. P.», «Siebert — Schreiner» и «Stieve»), указываются том и страница, ибо документы эти представляют часто длинные депеши, занимающие много страниц, и поэтому ссылка на стр. более точна. Но документы, относящиеся к июлю 1914 (вроде документов в «A. R. B.», «B. D.» и т. д.), представляют большей частью коротенькие телеграммы, и ссылки на них даются числом, указывающим номер их в соответствующей публикации.

Affaires Balkaniques: Ministère des Affaires Etrangères, les Affaires Balkaniques, 1914, 3 vols., Paris 1922.

A. R. B. (Austrian Red Book of 1919 — Австрийская красная книга 1919). Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges, 3 B-de, Wien, 1919.

B.D.: British Documents on the Origins of the War, 1898 — 1914, Edited by G. P. Gooch and Harold Temperley Vols. I — VI, XI. London, 1926 — 1930. (T. XI, содержащий документы министерства иностранных дел за период от 28 июня до 4 авг. 1914 г., цитируется просто, как «B. D.» и под числом, указывающим номер документа в этом собрании).

Boghitchevitch (Богичевич): M. Boghitschewitsch, Kriegsursachen. Zürich, 1919.

Bourgeois et Pagès: E. Bourgeois et G. Pagès, Les Origines et les Responsabilités de la Grande Guerre. Paris, 1921.

Brandenburg: E. Brandenburg, Von Bismarck zum Weltkriege, Berlin, 1924.

Conrad: Feldmarschall Conrad von Hötzendorf, Aus meiner Dienstzeit, 5 B-de, Wien, 1922—1925.

D. D. F.: Ministère des Affaires Etrangères, Documents Diplomatiques Français, 1871—1914, Paris, 1929 и сл.

Deutschland Schuldig. Das Deutsche Weissbuch über die Verantwortlichkeit der Urheber des Krieges, Berlin, 1919.

Dirr: Dr. P. Dirr, Bayerishe Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch. Dritte erweiterte Auflage. München — Berlin, 1925.

Dobropolski: S. Dobropolski, Die Mobilmachung der russischen Armee, 1914, Berlin, 1921.

Frantz: Günter Frantz, Russlands Eintritt in den Weltkrieg. Berlin. 1924.

F. Y. B. (French Yellow Book — (Ministère des Affaires Etrangères, La guerre Européenne 1914. Paris 1914.

Gooss: Dr. Roderich Gooss, Das Wiener Kabinett und die Entstehung des Weltkrieges, Wien, 1919.

G. P.: Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871 — 1914, Sammlung der Akten des Deutschen Auswärtigen Amts, 40 B-de, Berlin, 1922 — 1927.

Grey: Viscount Grey of Fallodon, Twenty-five Years, 1892 — 1916, 2 vols. New York, 1925.

Investigating Commission: Die Deutsche Nationalversammlung: Beilagen... über die Öffentliche Verhandlungen des (ersten) Untersuchungausschusses; Heft I, Zur Vorgeschichte des Weltkrieges; Heft II, Militärische Rüstungen und Mobilmachungen, Berlin, 1920—1921.

Jevtitch: B. Jevtitch, Sarajevski Atentat. Sarajevo, 1922.

K. A.: (Красный Архив), 34, Москва 1923—1930.

K. D.: (Kautsky Documents). Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, hrsg. von K. Kautsky, Graf M. Montgelas und Prof. W. Schücking, 4 B-de, Berlin, 1919 Новое дополненное издание 1927.

K. S. F.: Die Kriegsschuldfrage: Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung. hrsg. von der Zentralstelle für Erforschung der Kriegsursachen, 8 B-de, Berlin, 1923 и сл.

L. N.: Un livre noir: Diplomatie d'avant-Guerre d'après les Documents des Archives Russes, 1910—1914, ed. R. Marschand, 2 vols. Paris 1922—1923.

Montgelas, Leitfaden: Graf Max Montgelas, Leitfaden zur Kriegsschuldfrage, Berlin — Leipzig 1923.

M. F. R. (Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.). Москва, 1922 г.

Nicolson: Harold Nicolson, Sir Arthur Nicolson, Bart. First Lord Carnock, London, 1930.

Oe-U. A.: Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Hrsg. von L. Bittner, A. F. Pribram, H. Srbik und H. Uebersberger, 9 B-de, Wien und Leipzig, 1930.

Paléologue: M. Paléologue, La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, 3 vols., Paris, 1922.

Pharos: Professor Pharos (псевдоним). Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajevo Berlin, 1918.

Poincaré: R. Poincaré, Au Service de la France, 5 vols. Paris, 1926—1928.

Pribram: A. F. Pribram, Die Politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns 1879—1914, Wien, 1920.

Renouvin: P. Renouvin, Les Origines immédiates de la guerre, 2 ed. Paris, 1927.

R. O. B.: (Russian Orange Book — Русская оранжевая книга).

Romberg: G. von Romberg, Falsifications of the Russian Orange Book, New-York, 1923.

Schwertfeger: Zur europäischen Politik: Unveröffentlichte (Belgische) Dokumente, herausgegeben unter Leitung von Bernhard Schwertfeger, 6 B-de, Berlin, 1919; 2-е изд., 6 vols., 1925.

Seton-Watson: R. W. Seton-Watson, Sarajewo: A Study in the Origins of the Great War, London, 1925.

Siebert-Schreiner — G. A. Schreiner-Entente Diplomacy and the World. New-York, 1921. Англ. пер., переделанный и снабженный примечаниями, собрания документов, Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre, hrsg. B. von Siebert. Berlin — Leipzig 1921. Новое доп. изд. 3 тт. — Berlin und Leipzig, 1928.

S. B. B. (Serbian Blue Book — Сербская Синяя книга) Les Pourparlers Diplomatiques 16/29 Juin — 3/16 Août, Paris, 1914.

Stieve: F. Stieve, Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911, 1914, 4 B-de, Berlin, 1924.

Taube: Baron M. de Taube, La Politique Russe d'avant-Guerre et la fin de l'Empire des Tsars, 1904 — 1917. Paris, 1928.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства 3
А. Попов. Предисловие 4

Глава I

Введение 19

Споры об «ответственности» в 1914—1919 гг. 20
Споры об «ответственности» после 1919 г. 24

Глава II

Система тайных союзов 1871—1890 гг.
Преобладание восточных империй 44

Последствия франко-прусской войны . . . . . —
Соглашение трех императоров 1872—1878 гг. 46
Ближне-восточный кризис 1875—1878 гг. 50
Австро-германский союз 1879 г. 56
Союз трех императоров 1881—1887 гг. 58
Русско-германский договор о перестраховке 1887—1890 гг. 62
Тройственный союз 1882 г. 64
Союзный договор с Румынией 1883 г. 69
Разрыв связи с Россией в 1890 г. 71
Франко-германские отношения 1871—1890 гг. 75

Глава III

Система тайных союзов 1890—1907 гг.
Образование тройственного согласия 81

Франко-русское сближение 1887—1891 гг. . . . . —
Франко-русский союз 1894 г. 84
Англия на распутьи 1890—1898 гг. 94
Предложения Чемберлена Германии о заключении союза. 1898—1901 гг. 97
Сомнительная лояльность Италии в отношении ее союзников 106
Англо-французское согласие 1904 г. 113
Марокканский кризис 1905 г. 124
А) Политика кайзера в Бьорке 126
Б) Марокканская политика Бюлова 131
В) Посещение кайзером Танжера 135
Г) Падение Дельказсе и последствия этого события 137
Англо-французские военные и морские «разговоры» 1905—1912 гг. 141
Англо-русское согласие 1907 г. 156

Глава IV

Система тайных союзов 1907—1914 гг.
Тройственный союз и тройственное согласие как противники 163

Германские опасения «окружения» после 1907 г. 165
Англо-германское морское соперничество 1904—1908 гг. 170
Отношение между Германией и Францией 1908—1911 гг. 179

Взаимоотношения между Германией и Россией 1908—1911 гг. 182
Агадирский кризис 1911 г. 200
Миссия Холдена в 1912 г. 211
Укрепление Тройственного согласия в 1912 г. 223
Возобновление и ослабление Тройственного союза в 1912 г. 243
Последствия балканских войн 1912—1914 гг. 245

Глава V

Балканские проблемы 1907—1914 гг. 250
Возникновение австро-сербского антагонизма . . . . . —
Россия и Проливы 255
Балканский вопрос «заморожен» 1897—1907 гг. 257
Сделка в Бухлау в сентябре 1908 г. 260
Боснийский кризис 1908—1909 гг. 266
Разрешение кризиса Германией 270
Последствия боснийского кризиса 275
Сделка в Раккониджи, октябрь 1909 г. 284
Попытка Извольского открыть проливы в 1911 г. 288
Россия и Балканская лига 297
Балканская опасность и державы в 1913 г. 301
Балканские войны 1912—1913 гг 304
Германское предостережение Австрии в июле 1913 г. 310
Интриги вокруг Кавалы, 1913 г. 316
Австрийский ультиматум Сербии 18 октября 1913 г. 321
Румынская загадка 328
Миссия генерала фон-Сандерса 343
Планы Сазонова по подготовке войны 360
Заключение 372
Дополнительные примечания Фея ко II изданию 376
Дополнительные примечания от редакции 385
Сокращения названий печ. источников . . . . . —

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

ЦЕНА 4 руб. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Магазины и отделения книготоргового объединения государственных издательств. Почтовые заказы направлять: «Книга-почтой», Москва, 64, Покровка, 28 или Ленинград, пр. 25 Октября, 28. Книги высылаются только наложенным платежом без задатка.